РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

■ Главный редактор

Комлева Евгения Владиславовна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Заместитель главного редактора

Туманик Екатерина Николаевна
кандидат исторических наук
Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Ответственный секретарь

Введенский Владимир Викторович
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

■ Редакторы и ответственные секретари выпусков

Аблажей Наталья Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Ананьев Денис Анатольевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Дашинамжилов Одон Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Журавлёв Вадим Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Кириллов Алексей Константинович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Лапердин Вячеслав Борисович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Петров Станислав Геннадьевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Потапова Наталья Анатольевна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Резникова Мария Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Савин Андрей Иванович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
выпускающий редактор

Семёнов Михаил Александрович
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

Чернова Ирина Сергеевна
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия
ответственный секретарь

■ Члены редакционной коллегии

Блаховска Катажина
профессор
Институт истории Варшавского университета, Варшава, Польша

Гагкуев Руслан Григорьевич
доктор исторических наук
Институт истории РАН, Москва, Россия

Дай Цзяньбин
доктор исторических наук, профессор
Хэбэйский педагогический университет, Шицзячжуан, Китай

Данилович Вячеслав Викторович
кандидат исторических наук
Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Дацышен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский Федеральный университет, Красноярск, Россия

Ильиных Владимир Андреевич
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Исупов Владимир Анатольевич
доктор исторических наук
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия

Кабульдинов Зиябек Ернуханович
доктор исторических наук, профессор
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Казахстан

■ Члены редакционной коллегии

Катионов Олег Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории, гуманитарного и социального образования, Новосибирский педагогический университет, Новосибирск, Россия

Коцонис Янни
профессор
Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США

Куперштох Наталья Александровна
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Манчестер Лори
профессор
Университет штата Аризона, США

Плеханова Анна Максимовна
доктор исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Побережников Игорь Васильевич
доктор исторических наук
Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Разгон Виктор Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

Рольф Мальте
доктор исторических наук, профессор
Ольденбургский университет имени Карла фон Осецкого, Германия

Сабурова Татьяна Анатольевна
доктор исторических наук
Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия

Урбански Сёрен
кандидат исторических наук
Германский исторический институт, Вашингтон, США

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Шиловский Михаил Викторович
доктор исторических наук
Институт истории СО РАН, Новосибирск, Россия

Щеглова Татьяна Кирилловна
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия

Выпускающий редактор **Е.В. Комлева**
Ответственный секретарь **В.В. Введенский**
Корректор **Т.В. Соболева**
Верстальщик **В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик **К.А. Васильев**

ИСТОРИЧЕСКИЙ КУРЬЕР
ISSN 2618-9100

2026. № 1 (45)
Издается с октября 2018 г.
Выходит 6 раз в год.
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Номер свидетельства Роскомнадзора ЭЛ № ФС77-73758

Сибирское отделение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Адрес редакции:
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.
Институт истории СО РАН.

Тел.: +7 (383) 363-03-24
Факс: +7 (383) 333-24-37
E-mail: mail@istkurier.ru
Веб-сайт: istkurier.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 8–9

From the Editor 10–11

■ **Д.Я. Резун: биография и научное наследие**

И.П. Каменецкий. Путь в науку Дмитрия Яковлевича Резуна (неизвестные страницы жизни историка) 12–27

С.Г. Петров. Вспоминая Дмитрия Яковлевича Резуна 28–37

Н.П. Матханова. Письма Д.Я. Резуна Е.В. Чистяковой как историографический источник 38–46

Е.В. Комлева. Архив Д.Я. Резуна в Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук 47–60

■ **Социальная структура сибирского города**

Е.В. Леонтьев. О демографии и социальной структуре служилых людей города Красноярска по данным подушной переписи 1719–1722 годов 61–68

Н.П. Гуляева. Сопоставление структуры семей городских и сельских жителей по материалам исповедной росписи Красноярского заказа 1785 года 69–82

Т.А. Кискидосова. Конфессионально-этническая структура населения губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века 83–100

А.И. Архипова. Чиновничество в городах Северо-Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX века): материальное положение и служебная повседневность 101–115

Л.Н. Воробцова, Т.Ю. Тайченачева. Новониколаевский предприниматель Иван Филиппович Стойлов: история семьи и судьба потомков (XIX–XXI века) 116–125

■ **Государственная власть и региональные сообщества**

Ю.А. Пустовойт. Структуры местной власти в контексте теории ассамбляжей М. Деланды: возникновение, стабилизация и особенности развития 126–137

И.Д. Долгушин. Инженер-полковник X округа путей сообщения Ф.Ф. Риддер и дело о реконструкции Подчувашской пристани в Тобольске (1810-е годы) 138–150

Л.М. Дамешек. В.И. Вагин и исторические традиции изучения реформ М.М. Сперанского в Сибири 1822 года в отечественном историописании конца XIX века 151–157

Е.А. Дегальцева. Битва за устав: государственный контроль за художественными обществами в конце XIX − начале XX века в городах Западной Сибири 158−166

Н.И. Гаврилова. «Сведения о личном составе дум и собраний уполномоченных» как источник по истории городского общественного управления Забайкальской области рубежа XIX−XX веков 167−184

■ **Образ жизни и социокультурные практики горожан**

А.А. Бродников. Из быта сибирских горожан в первой половине XVII века («женский вопрос» на примере Енисейска) 185−194

А.Ю. Майничева. Цветовая среда городов Сибири в XVII − начале XVIII века 195−208

Д.К. Попов. Церемониал приема халхаских и джунгарских посланников в Иркутске в конце XVII века 209−220

А.А. Кононов. Цепочки сделок с недвижимостью в Новониколаевске в первой половине 1910-х годов 221−232

А.К. Кириллов. Квартирный налог и малообеспеченные сибирские горожанки в условиях Первой мировой войны (по материалам г. Томска) 233−241

■ **Изучение и сохранение историко-культурного наследия**

М.В. Шиловский. «Где эта улица…»: формирование и развитие уличной сети в городах Сибири в XVII − первой четверти XXI века на примере Новониколаевска-Новосибирска 242−256

А.Е. Сорокин. Изучение исторической топографии Кузнецка начала XX века краеведом В.П. Девятияровым 257−269

И.Р. Соколовский. Сибирская городоведческая школа глазами польского историка 270–286

С.П. Худышкина. Особенности музеефикации объектов культурного наследия в Енисейском историко-архитектурном музее-заповеднике им. А.И. Кытманова 287–301

■ **Научная жизнь**

Ю.Н. Ефремова, Д.И. Петин. Первая международная родоведческая научно-практическая конференция в Омске 302−312

А.И. Раздорский. Круглый стол «Исчезнувшие города России: проблемы сохранения исторической памяти» 313−326

CONTENTS

From the Editor *(in Rus)* 8–9

From the Editor 10–11

■ **D.Ya. Rezun: Biography and Scientific Heritage**

I.P. Kamenetsky. The Path to Science of Dmitry Yakovlevich Rezun (Unknown Pages in the Life of a Historian) 12–27

S.G. Petrov. Remembering Dmitry Yakovlevich Rezun 28–37

N.P. Matkhanova. D.Ya. Rezun's Letters to E.V. Chistyakova as a Historiographical Source 38–46

E.V. Komleva. D.Ya. Rezun's Archive at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences 47–60

■ **Social Structure of the a Siberian City**

E.V. Leontyev. On the Demographics and Social Structure of the City of Krasnoyarsk's Service People Based on the 1719–1722 Census Data 61–68

N.P. Gulyaeva. Comparison of the Structure of Families of Urban and Rural Residents Based on the Materials of the Confessional Records of the Krasnoyarsk Deanery of 1785 69–82

T.A. Kiskidosova. Confessional and Ethnic Structure of the Population in the Regional Centers of Eastern Siberia in the Second Half of the 19th Century 83–100

A.I. Arkhipova. The Bureaucracy in the Cities of Northeastern Siberia (Second Half of the 19th – Early 20th Century): Material Conditions and Everyday Official Duties 101–115

L.N. Vorobtsova, T.Yu. Taychenacheva. The Novonikolaevsk Entrepreneur Ivan Filippovich Stoilov: Family History and the Fate of His Descendants (19th – 20th Centuries) 116–125

■ **State Power and Regional Communities**

Yu.A. Pustovoyt. Local Government Structures in the Context of M. DeLanda's Theory of Assemblage: Emergence, Stabilization and Development Features 126–137

I.D. Dolgushin. Engineer-Colonel of the 10th District of Railways F.F. Ridder and the Case of the Reconstruction of the Podchuvashskaya Pier in Tobolsk (1810s) 138–150

l.M. Dameshek. V.I. Vagin and the Historical Traditions of Studying the Reforms of M.M. Speransky in Siberia in 1822 in Russian Historiography of the Late 19th Century 151–157

E.A. Degaltseva. The Battle for the Charter: State Control of Art Societies in the Late 19th − Early 20th Centuries in the Cities of Western Siberia 158−166

N.I. Gavrilova. "Information on the Personnel of the Dumas and Meetings of Authorized Representatives" as a Source on the History of Urban Public Administration in the Transbaikal Oblast at the Turn of the 19th and 20th Centuries 167−184

■ **Lifestyles and Sociocultural Practices of Urban Residents**

A.A. Brodnikov. From the Everyday Life of Siberian Townspeople in the First Half of the 17th Century (The "Women Issue" on the Example of Yeniseysk) 185−194

A.Yu. Mainicheva. Color Environment of Siberian Cities in the 17th − Early 18th Centuries 195−208

D.K. Popov. The Ceremonial Reception of Khalkha and Dzungarian Envoys in Irkutsk at the End of the 17th Century 209−220

A.A. Kononov. Chains of Real Estate Transactions in Novonikolaevsk in the First Half of the 1910s 221−232

A.K. Kirillov. Housing Tax and Low-Income Urban Women in Siberia During the First World War (Based on Materials from the City of Tomsk) 233−241

■ **Study and Preservation of Historical and Cultural Heritage**

M.V. Shilovskiy. "Where is this Street…": Formation and Development of Street Networks in Siberian Cities in the 17th − First Quarter of the 21st Century on the Example of Novonikolaevsk-Novosibirsk 242−256

A.E. Sorokin. Study of the Historical Topography of the City of Kuznetsk at the Beginning of the 20th Century by Local Historian V.P. Devyatiyarov 257−269

I.R. Sokolovskiy. The Siberian School of Urban Studies Through the Eyes of a Polish Historian 270–286

S.P. Khudyshkina. Features of the Museumification of Cultural Heritage Objects in the Yenisei Historical and Architectural Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov 287–301

■ **Scientific Life**

Yu.N. Efremova, D.I. Petin. First International Genealogical Scientific and Practical Conference in Omsk 302−312

A.I. Razdorskiy. Round Table "Disappeared Cities of Russia: Problems of Preserving Historical Memory" 313−326

Дмитрий Яковлевич Резун
(6 февраля 1945 – 8 июня 2012)

2026 · № 1 (45)

Тема номера:

ГОРОДА СИБИРИ В НОВОЕ ВРЕМЯ: ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

ОТ РЕДАКТОРА

В марте прошлого года на базе Института истории Сибирского отделения Российской академии наук состоялась Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция по истории городов Сибири в Новое время, приуроченная к 80-летию со дня рождения известного ученого, доктора исторических наук, профессора, знатока сибирской урбанистики Дмитрия Яковлевича Резуна (1945−2012)[1]. Данный тематический номер журнала сформирован преимущественно из статей, подготовленных на основе прозвучавших тогда докладов. Актуальность изучения истории сибирских городов определяется их ведущей ролью в социально-экономическом и культурном развитии Азиатской России, однако, к сожалению, в последние годы все очевиднее становится тенденция на сужение хронологических рамок исследований в этой области − все меньше можно встретить публикаций по XVII−XVIII вв. При подготовке номера ставилась, в том числе, задача по возможности преодолеть этот перекос. Насколько этого удалось достигнуть − судить читателям.

Авторы вошедших в номер материалов рассматривают разнообразные проблемы урбанизационных процессов в Сибири в течение XVII − начала XX в., их источниковедческие и историографические аспекты, вопросы, связанные с сохранением и популяризацией историко-культурного наследия сибирского градостроительства. Широкая проблематика обусловила привлечение специалистов по разным направлениям: историков, этнографов, философов, музееведов.

Первый блок статей носит мемориальный характер и посвящен биографии и научному наследию Д.Я. Резуна. Включенные в него материалы позволяют познакомиться не только с вкладом Дмитрия Яковлевича в научные исследования, но и раскрывают его личностные качества, освещают начало его трудовой деятельности, взаимодействие с коллегами, методы работы.

Под рубрикой «Социальная структура сибирского города» представлен анализ состава городского населения, комплектования штатов и материального обеспечения служилых людей и чиновничества. В центре внимания по преимуществу города Восточной Сибири: Красноярск, Якутск, Иркутск, Чита. На основе массовой статистики выделяются и характеризуются половозрастные и этноконфессиональные категории горожан. Прослеживается судьба одной из сибирских предпринимательских династий на протяжении нескольких поколений.

Следующий блок называется «Государственная власть и региональные сообщества» и состоит как из теоретических материалов, так и статей, написанных в русле кейс-стади и через детальный анализ частных случаев выводящих на обсуждение общих вопросов. Здесь хотелось бы отметить присутствие фундированной статьи теоретического характера, написанной профессиональным философом и посвященной теории ассамбляжей. Живой отклик на прозвучавший в рамках вышеупомянутой конференции соответствующий доклад показывает, что историкам, работающим с конкретными фактическими данными, весьма полезно иногда взглянуть на предмет своего изучения с других, подчас непривычных ракурсов.

[1] О конференции см. подробнее: *Комлева Е.В.* Города Сибири в Новое время в дискурсе современных исторических исследований (по итогам конференции «Города Сибири в Новое время: экономическое и социокультурное измерения», Новосибирск, 18−19 марта 2025 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 202−206.

Шесть статей объединены под рубрикой «Образ жизни и социокультурные практики горожан». Вполне естественно, что часть из них перекликается с блоком о социальной структуре сибирского города. В широком хронологическом диапазоне рассматриваются такие сюжеты, как положение женщин в Сибири, внешний облик сибирского города, прием посольств, эволюция городской застройки и инфраструктуры, городская топонимия.

Отдельно выделены статьи, посвященные изучению и сохранению историко-культурного наследия − крайне важному направлению, особенно актуальному в связи с общегосударственной линией на развитие внутреннего туризма. Здесь представлены материалы по краеведению, историографии, музеефикации.

Завершает номер раздел «Научная жизнь», в который вошли обзоры двух весьма интересных мероприятий, демонстрирующих как динамично развивающееся поле современных исторических отечественных исследований, так и взаимодействие профессиональных историков, архивистов, краеведов с набирающим силу родоведческим движением, объединяющим людей, увлеченных поисками своих корней.

Даже краткий обзор вошедших в номер материалов свидетельствует об их разнообразии, и мы надеемся, что знакомство с ними будет интересным, полезным, возможно, ставящим новые вопросы, и послужит дальнейшему изучению истории сибирских городов не только начиная со второй половины XIX в., но и более ранних периодов.

Главный редактор журнала,
выпускающий редактор номера,
доктор исторических наук
Евгения Владиславовна Комлева

Выпускающий редактор	**д-р. ист. наук Е.В. Комлева**
Ответственный секретарь	**В.В. Введенский**
Корректор	**Т.В. Соболева**
Верстальщик	**В.В. Введенский**
Интернет-верстальщик	**К.А. Васильев**

2026 · No. 1 (45)
The Theme of the Issue:
CITIES OF SIBERIA IN MODERN TIMES:
ECONOMIC AND SOCIOCULTURAL DIMENSIONS

FROM THE EDITOR

In March 2025, the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences hosted an All-Russian Scientific and Practical Conference on the History of Siberian Cities in Modern Times, with international participation, dedicated to the 80th anniversary of the birth of Dmitry Yakovlevich Rezun (1945−2012), a renowned scholar, Doctor of Historical Sciences, Professor, and expert in Siberian urban studies)[1]. This thematic issue of the journal is primarily composed of articles based on the presentations that were made at the time. The relevance of studying the history of Siberian cities is determined by their leading role in the socio-economic and cultural development of Asian Russia, but unfortunately, in recent years, there has been a noticeable trend towards narrowing the chronological scope of research in this area, with fewer publications focusing on the 17th and 18th centuries. When preparing the issue, the goal was to overcome this imbalance as much as possible. Readers can judge the extent to which this was achieved.

The authors of the articles in this issue examine a wide range of matters related to the urbanization processes in Siberia from the 17th to the early 20th century, including the sources and historiographical aspects of the topic, as well as the preservation and promotion of the historical and cultural heritage of Siberian urban planning. The broad scope of the problems required the involvement of specialists in various fields: historians, ethnographers, philosophers, and museum experts.

The first block of articles is memorial and devoted to the biography and scientific legacy of D.Ya. Rezun. The materials included in it not only allow the readers to get acquainted with Dmitry Yakovlevich's contribution to scientific research, but reveal his personal qualities, highlight the beginning of his work activity, interaction with colleagues, his methods of work.

The section "Social Structure of a Siberian City" provides an analysis of the composition of the urban population, as well as the problems associated with staffing and material support for employees and officials. The focus is primarily on the cities of Eastern Siberia: Krasnoyarsk, Yakutsk, Irkutsk, and Chita. Based on mass statistics, the article highlights and characterizes the gender, age, and ethno-religious categories of the urban population. It traces the fate of one of the Siberian entrepreneurial dynasties over several generations as well.

The next block is titled "State Power and Regional Communities" and consists of both theoretical materials and articles written in the form of case studies, which use detailed analysis of specific cases to discuss general issues. We would like to highlight the presence of a well-founded theoretical article written by a professional philosopher on the theory of assemblies. The lively response to the relevant report presented at the aforementioned conference shows that it is very useful for historians working with specific factual data to occasionally look at their subject from different, sometimes unusual, angles.

Six articles are grouped under the heading "Lifestyles and Sociocultural Practices of Urban Residents". Naturally, some of them overlap with the section on the social structure of the Siberian city. The articles cover a wide range of topics, including the status of women in Siberia, the appear-

[1] For more information about the conference, see: Komleva, E.V. (2025). Goroda Sibiri v Novoe vremya v diskurse sovremennykh istoricheskikh issledovaniy (po itogam konferentsii «Goroda Sibiri v Novoe vremya: ekonomicheskoe i sotsiokul'turnoe izmereniya», Novosibirsk, 18−19 marta 2025 g.) [Cities of Siberia in Modern Times in the Discourse of Contemporary Historical Research (Based on the Results of the Conference "Cities of Siberia in Modern Times: Economic and Sociocultural Dimensions", Novosibirsk, March 18−19, 2025)]. In V*estnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. History.* No. 96. P. 202−206.

ance of the Siberian city, the reception of embassies, the evolution of urban planning and infrastructure, and urban toponymy.

Separately highlighted are articles devoted to the study and preservation of historical and cultural heritage − an extremely important area, especially relevant in connection with the national line on the development of domestic tourism. Materials on local history, historiography, museumification are presented here.

The issue concludes with the “Scientific Life” section, which contains reviews of two very interesting events that demonstrate both the dynamically developing research field of modern Russian historiography and the interaction between professional historians, archivists, and local historians with the growing genealogical movement, which brings together people passionate about finding their roots.

Even a brief overview of the materials included in the issue demonstrates their diversity, and we hope that reading them will be interesting, useful, and perhaps raise new questions, contributing to further research on the history of Siberian cities not only since the second half of the 19th century, but during earlier periods as well.

Editor-in-Chief of the magazine,
Executive Editor of the issue,
Doctor of Historical Sciences
Evgeniya Vladislavovna Komleva

Executive Editors	**Doctor of Historical Sciences E.V. Komleva**
Executive Secretary	**V.V. Vvedenskiy**
Corrector	**T.V. Soboleva**
Layout designer	**V.V. Vvedenskiy**
Web designer	**K.A. Vasil’ev**

И.П. Каменецкий*

ПУТЬ В НАУКУ ДМИТРИЯ ЯКОВЛЕВИЧА РЕЗУНА (НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ИСТОРИКА)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-1
УДК 94:929 Резун Д.Я.

Выходные данные для цитирования:
Каменецкий И.П. Путь в науку Дмитрия Яковлевича Резуна (неизвестные страницы жизни историка) // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 12−27. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-01.pdf

I.P. Kamenetsky*

THE PATH TO SCIENCE OF DMITRY YAKOVLEVICH REZUN (UNKNOWN PAGES IN THE LIFE OF A HISTORIAN)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-1

How to cite:
Kamenetsky I.P. The Path to Science of Dmitry Yakovlevich Rezun (Unknown Pages in the Life of a Historian) // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 12−27. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-01.pdf]

Abstract. The article is dedicated to the memory of Dmitry Yakovlevich Rezun (1945−2012), a leading researcher at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, a Doctor of Historical Sciences, and a Professor. Based on the scientist's handwritten memoirs, introduced into scientific circulation for the first time, as well as his reports on historical and architectural expeditions, the article highlights lesser-known aspects of his biography, including his school and university years, his teaching experience in secondary schools, his fieldwork, and his interactions with prominent scholars. It is shown that the future scientist's fascination with history began in his early childhood. Despite the difficult financial situation of his family during the post-war years, the teenager was determined to receive a good education. V.O. Klyuchevskiy's articles about prominent figures in Russian history, such as Sergius of Radonezh, Ivan the Terrible, and Peter the Great, had a significant impact on shaping his interest in Russian history. As a student at the History Department of the Omsk Pedagogical Institute, he chose the topic of his diploma thesis on the influence of S.M. Solovyov's historical views on the scientific work of V.O. Klyuchevskiy. His academic advisor was the renowned historian A.A. Zimin. In 1972−1975, on his recommendation, D.Ya. Rezun studied at the postgraduate program of the United Institute of History, Philology, and Philosophy of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, and was the head of expeditions to save the monuments of Russian wooden architecture in the flooded area during the construction of the Ust-Ilimsk Hydroelectric Power Station. It is concluded that D.Ya. Rezun's entry into "big" science was not a random choice in his biography, but rather the result of his persistent and determined efforts to achieve his dreams.

Keywords: History of Siberian urbanism, Memoirs and Biography of D.Ya. Rezun, Omsk State Pedagogical Institute, United Institute of Philosophy and Philology of the USSR Academy of Sciences.

The article has been received by the editor on 16.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Иван Павлович Каменецкий,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: kameneckiiiwan@mail.ru
Ivan Pavlovich Kamenetsky, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: kameneckiiiwan@mail.ru
** Статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI − начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).
The article was made on the topic of the state assignment "Siberian Society as a Factor in the Territorial Growth and Unity of Russia (Late 16th − Early 20th Centuries)" (FWZM-2024-0007).

Аннотация. Статья посвящена памяти главного научного сотрудника Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, доктора исторических наук, профессора Дмитрия Яковлевича Резуна (1945−2012). На основе впервые вводимых в научный оборот машинописных мемуаров ученого, а также составленных им отчетов о проведении историко-архитектурных экспедиций освещены малоизвестные страницы его биографии: школьные и студенческие годы, преподавание в средней школе, полевая работа, круг общения с видными учеными. Показано, что увлечение историей будущего ученого началось с раннего детства. Несмотря на трудное материальное положение в семье в послевоенные годы, подросток стремился получить хорошее образование. Большое влияние на формирование его интереса к отечественной истории оказали статьи В.О. Ключевского о выдающихся деятелях русской истории: Сергии Радонежском, Иване Грозном, Петре I. Будучи студентом исторического факультета Омского педагогического института, он избрал тему диплома о влиянии исторических взглядов С.М. Соловьева на научное творчество В.О. Ключевского, его научным руководителем стал известный историк А.А. Зимин. В 1972−1975 гг. по его рекомендации Д.Я. Резун обучался в аспирантуре Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, был руководителем экспедиций по спасению памятников русского деревянного зодчества в зоне затопления при строительстве Усть-Илимской ГЭС. Сделан вывод, что вхождение в «большую» науку Д.Я. Резуна − не случайный выбор в его биографии, а результат упорной целеустремленной работы в достижении своей мечты.

Ключевые слова: история сибирской урбанистики, мемуары и биография Д.Я. Резуна, Омский государственный педагогический институт, Объединенный институт истории философии и филологии СО АН СССР.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025 г.

Жизненный путь и научное творчество Дмитрия Яковлевича Резуна уже нашли отражение в исторической литературе[1]. Однако в научной биографии ученого практически отсутствуют сведения о его детстве, начале трудовой деятельности, учебе в педагогическом институте, участии в общественно-культурной жизни вуза, работе в средней школе, полевых экспедициях, знакомстве и общении с видными историками. Между тем эти важные жизненные вехи во многом повлияли на формирование личности Дмитрия Яковлевича и в значительной мере определили его будущий профессиональный выбор, направленность его научного творчества и судьбу в целом.

Источниками послужили воспоминания Д.Я. Резуна, его полевые дневники и отчеты о работе в двух Ангарских и Приобской историко-архитектурных экспедициях, публикации в омских периодических изданиях, а также устные воспоминания очевидцев. Эти свидетельства дают глубокое представление о начальном этапе его жизни и деятельности до вхождения в «большую» науку. Особое значение для раскрытия темы принадлежит неопубликованным мемуарам Дмитрия Яковлевича под названием «Мысли вслух или записки очевидца», в которых освещаются наиболее важные и памятные события в его жизни. Первая сделанная в них запись датируется 1994 г., последняя − 2004 г. Неоконченный машинописный текст (завершить его помещала болезнь) Дмитрий Яковлевич в 2005 г. передал автору данной статьи с наказом распорядиться им по своему усмотрению. Важное значение таких мемуарно-автобиографических произведений профессиональных историков как «особого феномена» в современной отечественной историографии уже отмечалось исследователями[2].

[1] Д.Я. Резун. Библиографический указатель. Новосибирск, 2025. С. 92−93.

[2] *Матханова Н.П.* Новый историографический источник: мемуары сибирских историков послевоенного поколения. Рецензия: Зиновьев В.П. Не подводя итогов. Томск, 2019. 164 с.; *Бойко В.П.* Воспоминания о селе Бого-

Дмитрий Яковлевич родился в Ленинграде в победоносном 1945 г. Подобно многим послевоенным сверстникам он рос без отца. Его мать Надежда Семеновна Резун[3], с большим трудом пережив тяжелейшую блокаду, на всю оставшуюся жизнь сохранила бледный цвет лица и трепетное отношение к продуктам питания. Заботясь о здоровье своего единственного ребенка, она вскоре переехала в Сибирь, в более благополучный «хлебный» Омск. Их приютила дальняя родственница, жившая со своей взрослой дочерью в старом деревянном доме с усадебным участком недалеко от устья р. Оми. Несмотря на мизерную зарплату уборщицы и билетера-контролера в цирке, затем в драматическом театре, Надежда Семеновна старалась всеми силами дать хорошее образование своему сыну и во многом поощряла его детские стремления, которые впоследствии переросли в серьезные увлечения и сопровождали его на протяжении всех последующих лет.

Обладая в детстве слабым здоровьем и зрением, из-за которого не был призван на срочную службу в советскую армию, подросток не пристрастился к традиционным подвижным мальчишеским играм − футболу и хоккею, а выбрал занятия, требующие немалого терпения и умственного напряжения: техническое моделирование и конструирование, театр и шахматы. В школьные годы он регулярно посещал клуб детского технического творчества, где приобщился к сложному и кропотливому искусству моделирования старинных кораблей, копирующих знаменитые парусники, любовь к которому сохранил до конца своей жизни.

Пользуясь, благодаря работе матери, бесплатным посещением театра, Дмитрий любил смотреть спектакли в Омском драматическом театре, где начинали свой творческий путь Михаил Ульянов, Владислав Дворжецкий, а позднее играли на сцене Юрий Кузнецов, Юрий Ицков и другие выдающиеся актеры театра и кино. Театральные постановки западали в детскую душу больше, чем яркие эффектные представления в местном цирке. Шахматные баталии заменяли подростку все спортивные состязания − с автором данного очерка он мог просиживать за ними до глубокой ночи.

Другим его ранним детским увлечением стало чтение приключенческих и исторических книг, из которых самыми любимыми были «Два капитана» Вениамина Каверина и «Одиссея капитана Блада» Рафаэля Сабатини. Это занятие, как и другие, несомненно, пробуждало в подростке глубокую восприимчивость, любознательность и стойкий интерес к прошлому.

Трудовой путь будущий ученый начал в 16 лет после окончания девятого класса. Причиной тому послужило нелегкое материальное положение в семье и переэкзаменовка его в школе по всем «точным» предметам. Несмотря на хорошие успехи по истории, географии и литературе, он фактически был оставлен на второй год по алгебре, геометрии, физике и химии. В связи с возникшими обстоятельствами будущий ученый вынужден был перейти в вечернюю школу и устроиться на работу коллектором-пикетажистом в Омское отделение Новосибирского треста инженерно-изыскательских работ. Выбор этой профессии во многом был обусловлен восторженной романтикой тех лет, когда молодые люди, вдохновленные кинофильмами и книгами, воспевающими труд геологов, монтажников-высотников и строителей, возводили ударными темпами крупные предприятия послевоенных советских пятилеток.

Работа в экспедиции в тайге на севере Омской и Томской областей, где проводились большие изыскательные работы для прокладки будущей ЛЭП, оказала на него большое влияние. В своих мемуарах он писал: «Мороз, палатка, тяжелая работа, суровый экспедиционный быт, свои человеческие отношения со своим этикетом − все это оказало на меня потрясающее воздействие. Чтобы быть полностью своим, я даже начал отращивать бороду.

родское и моей жизни. Томск: Изд-во Том. гос. арх.-строит. ун-та, 2021. 212 с., ил. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 204−207.

[3] С ношением этой фамилии в 1978 г. у Дмитрия Яковлевича произошел неприятный казус: сотрудники Новосибирского КГБ пытались выяснить его родственную причастность к бежавшему в Англию завербованному британской разведкой бывшему резиденту ГРУ, автору ревизионистских книг В.Б. Резуну (Суворову), на что получили отрицательный ответ.

Но самое главное − эта работа дала мне ощущение своей значимости, веру в себя и в свои руки…». Несмотря на тяжелый физический труд, его, самого молодого рабочего в изыскательном отряде, по его словам, «переполняла гордость, что после ухода из этого дремучего леса здесь пройдет просека и ЛЭП, будут построены города и поселки. Каждый раз грязный и обросший, с тяжелым теодолитом возвращался из командировки домой, поглядывая немного свысока на тех, кто ходил по городскому асфальту. Для меня, жившего в доме, где были одни женщины, такое утверждение мужчины было крайне необходимым»[4].

Но, несмотря на хорошую зарплату и таежную романтику, мысль о поступлении в институт и профессии историка не покидала его. В августе 1963, а затем и 1964 г. Дмитрий сделал две смелые, но неудачные попытки поступить на исторический факультет МГУ. В первый раз он «срезался» при сдаче экзамена по немецкому языку, а второй раз недобрал одного балла, необходимого для зачисления. Подавленный этим поражением, с тяжелым настроением он вернулся домой. Не надеясь на удачу, Дмитрий пришел в приемную комиссию Омского педагогического института с экзаменационным листом и неожиданно для себя был принят без экзаменов на исторический факультет. Началась бурная, наполненная разными событиями, необычайно насыщенная студенческая жизнь, проходившая в условиях брежневской «стабильности», ставшая самым беспечным «романтическим» периодом жизни Дмитрия Яковлевича.

Общественную атмосферу того времени во многом определяли триумфальное покорение космоса Юрием Гагариным и его последователями, победа кубинской революции во главе с легендарным Фиделем Кастро, начало освоения богатых месторождений тюменской нефти и строительства в Омске крупнейшего в Сибири нефтезаводского комплекса с Городком Нефтяников, начальный успех косыгинских реформ. Все это вселяло веру и уверенность молодежи и всех советских людей в правильности избранного партией курса и ничто не предвещало возможности его крушения. Эта атмосфера нашла отражение в воспоминаниях многих современников, включая бывших студентов-сибиряков. В частности, вышла книга Л.И. Антонова с описанием студенческих лет, пришедшихся на рубеж 1950−1960-х гг., в Красноярском педагогическом институте[5].

После окончания первого курса Дмитрию довелось участвовать с московскими археологами в экспедиции под руководством выдающегося ученого-востоковеда Сергея Павловича Толстого. Последний был известным исследователем истории и культуры народов Средней Азии, открывателем древней цивилизации Хорезма и других забытых восточных культур. Почти два месяца молодой студент провел в археологических раскопках в горячих песках пустыни Кара-Кумы. Тяжелая работа с лопатой в условиях нещадно палящего «белого солнца пустыни» и ощущение постоянной жажды стали для него новым испытанием на прочность и верность своему нелегкому научному выбору[6]. Невзирая на трудности, общение с выдающимся археологом, открытие новых артефактов, свидетельствующих о высокой древней культуре и глубокой истории среднеазиатских народов, окончательно подтвердили правильность избранного им пути.

Однако археологические открытия не стали постоянной сферой его научных интересов. Уже на первом курсе студента увлекли исторические портреты русских людей XIV−XVIII вв.: Сергия Радонежского, Ивана Грозного, Петра I и других исторических личностей, живописно представленные Василием Осиповичем Ключевским. «Курс лекций по русской истории» В.О. Ключевского, ставший настольной книгой юноши, окончательно определил его интерес к научному наследию выдающегося ученого и к изучению истории России Нового времени.

[4] *Резун Д.Я.* Мысли вслух или записки очевидца: в 2 ч. Машинопись // Личный архив И.П. Каменецкого. С. 39.
[5] *Антонов Л.И.* Красноярские столбы. Красноярск, 2008.
[6] *Резун Д.Я.* Мысли вслух… С. 42.

Рис. 1. Д.Я. Резун с начальником Хорезмской экспедиции С.П. Толстым. 1964 г.

На третьем курсе он выбрал для себя тему курсовой работы «Влияние трудов С.М. Соловьева на научное творчество В.О. Ключевского». Руководство деканата и кафедры, ссылаясь на отсутствие на факультете специалистов по данной тематике, не сразу утвердило такую формулировку. Чтобы отстоять свой выбор, настойчивый студент обратился с письмом к видному московскому историку-медиевисту Александру Александровичу Зимину, ученику академиков С.В. Бахрушина и М.Н. Тихомирова, с просьбой выступить его научным руководителем. К большой радости и гордости омского студента Зимин вскоре дал письменное согласие и стал его первым научным наставником. Между ними завязалась переписка, переросшая вскоре в многолетнюю дружбу, длившуюся до самой смерти Александра Александровича. Зимин делал замечания по тексту курсовой, давал ценные советы и напутствия, которые в немалой мере послужили для Д.Я. Резуна путевкой в будущую научную жизнь.

Летом 1966 г. при встрече с А.А. Зиминым в Москве жена последнего Валентина Григорьевна, заведующая Отделом рукописей Российской государственной библиотеки, бывшей «Ленинки», разрешила омскому студенту пользоваться архивным фондом В.О. Ключевского, где он познакомился с неопубликованными письмами выдающегося историка и его лекциями по русской истории и даже получил необходимые ему микрофильмы[7]. Вдохновленный столь нужной и важной поддержкой известного ученого, увлеченный студент проделал большую работу по изучению научного наследия В.О. Ключевского. Его курсовая работа, оцененная на «отлично», стала солидной основой для подготовки рукописи задуманной им будущей кандидатской диссертации[8].

Уже в студенческие годы Дмитрием Яковлевичем были выработаны собственные методы и приемы работы с исторической литературой и источниками. При разработке какой-либо темы или вопроса он всегда придавал большое значение составлению полного библиографического списка и тщательному изучению совокупности всей имеющейся литературы, опубликованных и архивных источников. При этом, изучая исторические труды, он не только конспектировал основные положения, но и всегда сопровождал их комментариями и оценками[9].

Студенческая пора будущего ученого была отмечена не только успешной учебой (первые курсы он окончил с отличием), но и начальными шагами на научном поприще. Со второго курса Дмитрий с большим интересом занимался в кружке по изучению истории

[7] *Резун Д.Я.* Мысли вслух… С. 75.
[8] *Лебедев В.* Мои впечатления // Молодость. 1965. № 13 (53). 20 апр.
[9] Об этом подробнее см.: *Комлева Е.В.* Архив Д.Я. Резуна в Институте истории СО РАН [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2026. № 1. С. 47–60. URl: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-04.pdf

Сибири, руководимым доцентом, кандидатом исторических наук Н.А. Сергеевой, и увлеченно работал в Государственном архиве Омской области[10]. Результатом этих занятий стала первая научная работа «Омск сто лет назад», посвященная празднованию 250-летия Омска, опубликованная в институтском периодическом издании «Молодость»[11].

В своих мемуарах будущий ученый с большой теплотой отзывался о профессорско-преподавательском составе исторического факультета: профессоре В.М. Самосудове, ставшем позднее ректором пединститута, авторе книг о политических репрессиях М.Е. Бударине, впоследствии первым доктором исторических наук в Омске, Н.А. Сергеевой, читавшей курс истории СССР до октября 1917 г., историке-краеведе А.К. Касьяне, философе М.В. Федяеве и других преподавателях и научных наставниках. Все они так или иначе немало способствовали формированию его взглядов на историю России и прививали любовь к научным поискам.

Жизнь молодого студента была наполнена активным участием в общественно-культурной жизни института, где наглядно проявились такие его личностные качества, как актерские способности и организаторский талант.

Горячим увлечением Дмитрия стал студенческий театр, где он приобрел первичные актерские и ораторские навыки. Под руководством начинающего, известного в будущем режиссера Бориса Фельдмана, выпускника ОГПИ и театрального училища имени Щукина, он успешно играл главные роли в постановках «104-е страницы про любовь» Э. Радзинского, «Страх и отчаяние в Третьей империи» Б. Брехта, «Дума про Опанаса» Э. Багрицкого[12].

По инициативе и под руководством студента Д.Я. Резуна в одной из омских школ был организован исторический клуб «Сфинкс», где учащиеся старших классов изучали занимательные «белые пятна» истории. Один из обсуждаемых вопросов на заседаниях клуба вылился в конференцию на тему «Была ли Атлантида, а если была, то где?»[13]. Своим опытом работы по организации и деятельности клуба «Сфинкс» Дмитрий поделился на XXVIII научной студенческой конференции, прошедшей в апреле 1968 г., а его выступление было опубликовано в институтской газете «Молодость»[14].

Он также принимал участие в популярном тогда молодежном КВН, причем команда ОГПИ с его участием занимала первенство среди других вузов города. На одном из таких мероприятий Дмитрий познакомился с девушкой с биофака, которая вскоре стала его женой.

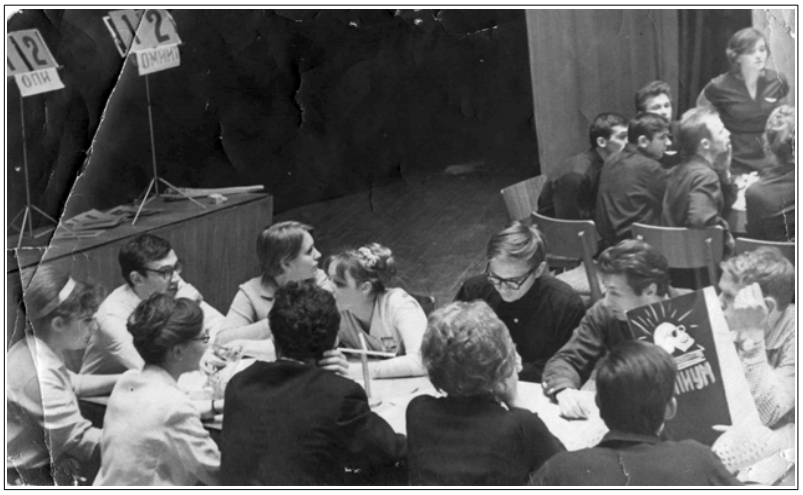


Рис. 2. Д.Я. Резун в команде КВН Омского педагогического института (второй слева, в очках). 1967 г.

[10] *Сергеева Н.* Изучаем историю родного края // Молодость. 1965. № 11 (51). 8 апр. С. 3.
[11] *Резун Д.* Омск 100 лет назад // Молодость. 1965. № 12 (52). 13 апр. С. 3.
[12] *Резун Д.Я.* Мысли вслух… С. 76−77.
[13] *Калинина Е.* Тайны сфинкса // Молодой сибиряк. 1965. № 2 (4035). 4 янв. С. 2; *Булатова-Ярошевская Н.С.* Воспоминания одноклассницы // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII−XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 293.
[14] *Ярошевская Н.С., Резун Д.Я.* «Сфинкс» − исторический клуб // Молодость. 1968. № 20 (112). 31 мая. С. 2.

Помимо этих увлечений Дмитрий был редактором и идейным вдохновителем весьма известной студенческой факультетской стенгазеты «Историк». В ней не только публиковались хроники жизни истфака и отклики на значимые события в стране, но и печатались статьи-миниатюры, стихи поэтов-графоманов и даже романы с продолжением[15]. Это занятие тоже в немалой мере способствовало становлению юноши не только как профессионального историка, но и как яркого журналиста и публициста.

Занятия в театре, «Сфинксе», КВНе не были каким-то сиюминутным преходящим влечением омского студента. Они в немалой степени способствовали формированию у него столь важных в будущей педагогической и научной деятельности способностей и качеств: увлекательности и живости в изображении людей прошлого, умения видеть в них самое колоритное, выявления комических и трагических черт и на этом фоне умения отражать подлинную эпоху со всеми ее противоречиями и своеобразием.

Об интересных творческих инициативах и неформальных формах работы студентов-историков педвуза со школьниками, где упоминалось имя Д. Резуна, неоднократно писали омские периодические издания: институтская газета «Молодость», областные − «Молодой сибиряк» и «Омская правда». Его успехи в учебе и общественной деятельности были отмечены Почетной грамотой Омского обкома ВЛКСМ, Похвальным листом руководства института и другими поощрениями.

Следует также отметить, что, несмотря на большую занятость, нередко испытывая материальные затруднения, студент Д. Резун успевал «подрабатывать» инструктором лечебной физкультуры в Омском психоневрологическом диспансере и гидом Омского экскурсионного бюро. Примечательно, что даже работа в «психушке» способствовала формированию и развитию у него исторического познания и самосознания. Здесь он познакомился с большим интеллектуалом, старшим врачом − психиатром Ростиславом Лепорским, ставшим его другом и наставником. Последний имел богатую историческую библиотеку, в том числе запретную самиздатовскую литературу, доставшуюся ему от родителей: отца, профессора, бывшего политзаключенного, и матери, выпускницы Бестужевских курсов. Р. Лепорский был интересным собеседником и хорошим шахматистом. Он всячески поощрял интересы и увлечения Дмитрия, предоставлял ему нужные книги и при прощании подарил ему томик Ключевского редкого дореволюционного издания.

Благодаря Лепорскому, будучи еще студентом Резун познакомился с ходившими в списках и перепечатках стихами А. Ахматовой, Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Цветаевой, а также увлекся иностранной переводной литературой: Э. Хемингуэем, Э.М. Ремарком, Д. Сэлинджером, Р. Кентом, Д. Олдриджем, чьи герои были близки взглядам и настроениям читающей и мыслящей молодежи 1960-х гг. Увлечение Хемингуэем было настолько сильным, что на старшем курсе Дмитрий отрастил и стал носить короткую бородку «под Хэма»[16].

После окончания института Дмитрий Яковлевич с его супруга Татьяна Алексеевна были направлены по распределению учителями в районный городок Называевск Омской области. Примечательной чертой Называевска было окружение его непроходимыми болотами, поэтому в городе, особенно в дождливую погоду, стояла непролазная жирная грязь. Из-за болотистой местности асфальт в городе не держался, вдоль грунтовых дорог и канав росли камыш и осока. Своему городскому статусу Называевск был обязан лишь благодаря размещению здесь крупной железнодорожной станции Транссиба. Культурными очагами в городе были Дом культуры, кинотеатр «Мир» и две скромные библиотеки, которые не могли удовлетворить умственные запросы начинающего ученого.

В течение трех лет молодой учитель преподавал историю и обществоведение в средней школе № 1, где в старших классах учился и автор этого очерка. Меня, как и многих других ровесников, сразу покорила и заворожила широкая эрудиция Дмитрия Яковлевича, эмоциональная живость, особая внутренняя убежденность и собственный взгляд при изложении и оценке исторических событий. Обладая педагогическим, артистическим даром и колорит-

[15] *Резун Д.Я.* Мысли вслух… С. 67.
[16] Там же. С. 78.

ной внешностью (невзирая на постоянные замечания директора, носил бороду), он не оставлял на уроках равнодушными даже самых отъявленных двоечников и хулиганов. Поэтому неслучайно с его супругой Татьяной Алексеевной они сохранились в памяти выпускников школы как самые яркие незаурядные личности в сложившейся достаточно консервативной и формализованной учительской среде[17].

Наряду с преподаванием в школе, как и в студенческие годы, Дмитрий Яковлевич по-прежнему увлекался театром и играл различные роли в народном драматическом театре Называевска. Он с большим успехом исполнил роль капитана Тимофеева в спектакле «Соловьиная ночь», премьера которого состоялась в Омске 6 апреля 1970 г., и роль Германа Ковалева в спектакле «Твой дядя Миша» − их исполнение было отмечено дипломами первой и второй степени областным отделом культуры[18].

Не довольствуясь скромным, идеологически выдержанным репертуаром местного театра и игрой самодеятельных артистов, молодой историк предложил режиссеру С. Курышеву подготовить свое авторское представление. По написанному им сценарию и режиссуре был поставлен «авангардный» спектакль «Слушай, молодая Америка!», воспринятый с большим воодушевлением и эмоциями зрителями. Поскольку в нем присутствовало много записанных на магнитофонную пленку песен под гитару Ю. Визбора, Ю. Кима, В. Высоцкого и других чрезвычайно популярных в 1960−1970-е гг. отечественных бардов, спектакль прошел при полном аншлаге. В своих воспоминаниях Дмитрий Яковлевич писал: «Работа над спектаклем дала мне не только эстетическую и духовную радость, но и в определенной мере, − как я сейчас понимаю, − позволила мне развиваться и по профессиональной линии как ученому. Дело в том, что именно здесь я стал учиться, как из отдельных фрагментов фактов, событий создавать единую целостную картину бытия, и не важно, что это картина театра, а не науки: главное, что она едина и целостна»[19].

Дмитрий Яковлевич не менее охотно занимался с учащимися школы внеклассной работой. Под его началом был подготовлен и проведен музыкально-поэтический вечер, посвященный антифашистской тематике. На нем старшеклассники читали стихи не только малоизвестных им советских поэтов-фронтовиков − Павла Когана, Дмитрия Кедрина, Николая Кульчицкого, Юлии Друниной, но и переводы незнакомых им до этого испанца Федерико Гарсия Лорки, чилийца Пабло Неруды, чеха Витезсвала Незвала, турка Назыма Хикмета и других значительных поэтов и деятелей европейской и восточной гуманистической культуры.

Во время работы в школе молодой учитель, как и прежде, много внимания уделял изучению научного наследия Ключевского. Им были подготовлены статья «В.О. Ключевский как преподаватель» и рецензия на монографию Э.Г. Чумаченко «В.О. Ключевский − источниковед», опубликованные в ведущих исторических журналах[20]. В 1971 г. он принял участие в Первой межвузовской научной конференции по историографии Сибири, проходившей в Кемерово, где выступил с докладом «В.О. Ключевский о Сибири», опубликованным в сборнике научных трудов[21]. В том же году он участвовал в студенческой научной конференции Новосибирского государственного университета «Бахрушинские чтения», где выступил с докладом «К вопросу об освещении В.О. Ключевским социальной борьбы в Древней Руси», также напечатанным в сборнике научных статей[22].

[17] *Каменецкий И.П.* Корабли, книги и окружение Д.Я. Резуна (субъективные заметки об учителе) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII−XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 294−298.

[18] *Чепурко А.* 10 лет народного театра // Омская правда. 1970. № 107 (15587). 12 апр. С. 3.

[19] *Резун Д.Я.* Мысли вслух… С. 94−95.

[20] *Резун Д.Я.* Рецензия на книгу: Чумаченко Э.Г. В.О. Ключевский − источниковед // История СССР. 1971. № 5. С. 157−159; *Резун Д.Я.* В.О. Ключевский как преподаватель // Преподавание истории в школе. 1972. № 4. С. 15−18.

[21] *Резун Д.Я.* В.О. Ключевский о Сибири // Доклады I межвуз. науч. конф. по историографии Сибири (10−11 декабря 1968 г.). Кемерово, 1969. С. 224−233.

[22] *Резун Д.Я.* К вопросу об освещении В.О. Ключевским социальной борьбы в Древней Руси // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1973). Новосибирск, 1973. С. 29−44.

В период жизни в Называевске с Дмитрием Яковлевичем произошел курьезный случай, который оставил для него не совсем приятные воспоминания. На уроках новейшей истории, объясняя причины образования НАТО и ОВД, молодой учитель заявил, что НАТО изначально была создана для предотвращения зарождения нового фашизма, и что СССР также подал заявление о членстве в этой организации, но как тоталитарное государство, не отвечающее западным стандартам, не был принят. Это сообщение было воспринято учащимися как большое откровение, о чем они поделились с другими людьми. Для учителя истории, участника Великой Отечественной войны Е.В. Самбурской, это высказывание прозвучало как «антисоветская вражеская пропаганда». Она незамедлительно сообщила о нем в райком партии (Дмитрий был тогда кандидатом в члены КПСС). Вскоре учитель-«антисоветчик» был вызван на бюро райкома. Чтобы опровергнуть серьезное для того времени обвинение, ему пришлось в срочном порядке съездить в Омск, найти в библиотеке педагогического института учебник по истории СССР, изданный Высшей партийной школой при ЦК КПСС, где содержались сведения об этом факте. На заседании бюро «ответчик» зачитал отрывок из учебника, подтверждающий его правоту, и тем самым снял с себя надуманные подозрения и обвинения его в антисоветизме[23].

Несмотря на достигнутое большое признание в школе и народном театре, жизнь в маленьком провинциальном сибирском городке не устраивала «заряженную» историей кипучую и деятельную натуру Дмитрия Яковлевича. Вскоре в связи с семейными обстоятельствами он вынужден был с женой переехать в Махачкалу, где жили в то время родители жены, воспитывавшие их сына Игоря.

В учебных заведениях столицы Дагестана, где преобладали местные национальные кадры, ему не нашлось вакантного места для работы по специальности. С немалым трудом удалось устроиться методистом-библиотекарем в главную республиканскую библиотеку имени А.С. Пушкина. Работая в ней, Дмитрий Яковлевич быстро постиг основы библиотечного дела и приобрел новых друзей. Инспектируя местные библиотеки, он с удовольствием ездил в командировки по отдаленным горным районам. В этих поездках он открывал для себя неведомый ему своеобразный быт и жизнь коренных многочисленных народов Северного Кавказа с сохранившимся архаичным укладом, национальным менталитетом и своеобразной культурой[24]. В его личном архиве сохранились небольшие статьи и заметки об успехах и недостатках работы районных и поселковых библиотек, опубликованные в республиканской газете, а также географическая карта Дагестана. На ней были отмечены маршруты его служебных поездок по республике и даже сохранилась шутливая надпись его начальника Казима Омарова, сделанная при прощании со своим успешным сотрудником: «Вернись ко мне, мой друг Резун, поверь, что в этом есть резон!».

Жизнь в Махачкале, несмотря на особую привлекательную экзотику Востока, не отвечала его заветным планам и мечтам стать ученым. Осенью 1972 г. по совету Зимина Дмитрий Яковлевич решил поступить в аспирантуру к известному ученому И.Д. Ковальченко, заведующему кафедрой источниковедения истории СССР исторического факультета МГУ, автору новаторских учебных курсов «Количественные методы в исторических исследованиях». Вступительные экзамены в аспирантуру он сдал в Омске, но в МГУ, где были свои правила, ему пришлось их сдавать заново. На последнем экзамене по немецкому языку он получил неудовлетворительную оценку. Эта неудача стала для него, имевшего уже серьезный научный задел, тяжелым ударом, но не сломила его решимость достичь поставленной цели. Не желая вновь возвращаться неудачником в семью, он отправился к матери в Омск, где устроился на работу учителем истории в вечернюю школу[25].

Вскоре судьба ему улыбнулась. Неожиданно накануне нового 1973 г. он получил телеграмму из новосибирского Академгородка от неизвестного ему О.Н. Вилкова с предложением поступать в аспирантуру Объединенного института истории философии и фило-

[23] *Резун Д.Я.* Мысли вслух… С. 94.
[24] Там же. С. 119.
[25] Там же. С. 136–137.

логии СО АН СССР. Позже Дмитрий Яковлевич узнал, что этой удачей он был обязан своему доброму наставнику и покровителю А.А. Зимину. Последний связался с Институтом истории и порекомендовал его как способного аспиранта историку Олегу Никандровичу Вилкову, заведующему одним из научных подразделений.

После успешной сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру вместе с будущим доктором наук Тамарой Семеновной Мамсик, работавшей в то время старшим лаборантом, он был принят на должность художника-оформителя в Историко-архитектурный музей под открытым небом. По воспоминаниям Дмитрия Яковлевича, он был чрезвычайно рад новому повороту в его судьбе. «Вместо неизвестности, зыбкости моего существования наконец появилось нечто определенное, твердое, стабильное. Это была не просто удача, это было начало настоящей жизни, вхождения в большую науку», − писал он в своих воспоминаниях[26].

Художника-аспиранта не пугали возникшие трудности: отсутствие прописки и жилья, неустроенность быта, отрыв от семьи, низкая зарплата. Первые два месяца Дмитрию Яковлевичу пришлось ночевать даже в кабинете сектора, сдвинув столы и подложив под голову толстые книги, укрывшись пальто. Затем он сумел прописаться в Бердске за 25 руб. в месяц, а в поселке Кирова снять комнату в старом деревянном частном доме. Спать приходилось на старом матрасе, предоставленном пожилыми хозяевами, подушку и простыни прислала мать из Омска. Электрической плиткой во избежание пожаров пользоваться категорически запрещалось. Из-за платы за прописку и жилье денег на питание оставалось совсем мало. По его словам, в отдельные дни приходилось обедать один раз в день, в остальное время довольствоваться только хлебом и чаем. Невзирая на эти спартанские условия, он был горд и счастлив, что его мечте удалось, наконец, сбыться.

Большую часть своего времени Дмитрий Яковлевич проводил в отведенном ему чулане, где рисовал всевозможные агитационные плакаты и транспаранты, используемые институтом накануне и в дни проведения больших государственных праздников. Здесь ему пригодились умения, полученные еще школьником при посещении дома детского творчества в послевоенном Омске. Все свободное от выполнения прямых служебных обязанностей время он посвящал изучению литературы по истории феодальной Сибири, делал необходимые выписки и работал над диссертацией о любимом им Ключевском. В этом ему также пригодились выработанные им еще в институте методы работы с исторической информацией. В его объемном домашнем архиве сохранилось более десятка толстых общих тетрадей с изложением и комментированием основных положений трудов по истории Сибири и России Нового времени, аккуратно разложенные в папки многочисленные копии архивных документов, различные выписки из научных трудов, отдельные карточки с библиографией и персоналиями, микрофильмы с архивными материалами[27].

Летом 1973 г. закончилась его одинокая жизнь на съемной квартире, ему выделили комнату в коммунальном доме на улице Шлюзовой, что позволило частично решить жилищную проблему, а главное − воссоединиться с семьей. Тем же летом он был назначен директором института академиком А.П. Окладниковым руководителем экспедиционного отряда, состоявшего из трех сотрудников института и семи студентов архитектурного факультета Новосибирского инженерно-строительного института во главе с известным профессором, глубоким знатоком русского деревянного зодчества Евгением Андреевичем Ащепковым.

Цель и задачи экспедиции были поставлены масштабные и непростые. Предстояло не только выявить ряд объектов народного зодчества, находившихся в районе будущего Усть-Илимского водохранилища, но и обмерить, промаркировать, сделать фотографии и зарисовки ценных памятников русской деревянной архитектуры, разобрать их, вывезти и погрузить на железную дорогу для отправки в Новосибирск, где по инициативе Окладникова создавался первый в Сибири историко-архитектурный музей под открытым небом. Наряду с этим поручалось собрать этнографический материал о старожилах Приангарья,

[26] *Резун Д.Я.* Мысли вслух… С. 140.
[27] *Каменецкий И.П.* Корабли, книги и окружение Д.Я. Резуна… С. 296.

посетить в Бурятии Гусиноозерский дацан и выяснить возможность вывоза в Новосибирск одного из деревянных буддийских храмов, а также приобрести бурятскую юрту в Агинском национальном округе в Читинской области[28].

За короткий срок Дмитрию Яковлевичу пришлось решить ряд непростых научных, организационных и интендантских задач: изучить историю и географию Илимского края, составить смету, сделать заявку на продовольствие, заготовить снаряжение, оформить необходимые документы и письма в местные властные структуры и краеведческие музеи. Согласно сохранившемуся в архиве Д.Я. Резуна его авансовому отчету, расходы на экспедицию составили 2 600 руб., допущенный перерасход, вызванный непредвиденными обстоятельствами, − 236 руб. 26 коп.

4 июля 1973 г. на институтском «вездеходе» ГАЗ-66 с водителем Л.Д. Ерошенко отряд тронулся в путь, 8 июля он был уже в Братске, где к нему присоединились прилетевшие самолетом профессор Ащепков со студентами и сотрудниками института[29]. Впереди начальника отряда ждали различные трудности, связанные с плохими дорогами на север Иркутской области, проблемами переправы через неширокий, но бурный Илим, поиском ценных для музея строений и транспорта для их вывоза к железной дороге, обеспечением отряда продовольствием и решением других неотложных вопросов. Несмотря на то, что Дмитрий Яковлевич не имел до этого опыта руководящей работы и практики хозяйствования, он успешно справился с поставленной задачей, полностью выполнив запланированный объем работ.

Рис. 3. Д.Я. Резун в Илимской экспедиции. 1974 г.

Базой командир отряда избрал старожильческое село с символичным названием Коробейниково, основанное еще в конце XVII в. Его характерное название, очевидно, указывало на род занятий первых русских поселенцев. К большому сожалению новосибирцев, до их приезда в селе, как и в Илимском крае в целом, уже хорошо поработали сотрудники Иркутского, Братского и Усть-Илимского краеведческих музеев. Они успели разобрать и вывезти дом и часть построек большой комплексной усадьбы знаменитой династии Погадаевых, а также мельницу, церковь, баню и другие наиболее ценные памятники. Новосибирскому отряду достался лишь большой двухэтажный амбар с галереей, сложенный из толстых лиственничных бревен. В связи с этим пришлось искать объекты деревянного зодчества в других деревнях и селах Усть-Илимского и Нижнеилимского районов Иркутской области[30].

В дер. Старое Ершово поисковый отряд обнаружил дом из усадьбы бывшего купца Зайцева, который был тщательно замаркирован, сфотографирован, зарисован. Дом был разобран, погружен на лесовоз и перевезен на железнодорожную станцию Братска. Затем удалось

[28] *Резун Д.Я.* Мысли вслух… С. 152−153.
[29] Там же. С. 153.
[30] Там же. С. 155.

обнаружить и другие строения, представляющие немалую историческую ценность. Также были приобретены и получены в дар от местных жителей предметы традиционного домашнего быта: прялки, детали ткацкого станка, весы-коромысла, туеса, сельницы, челноки и другие вещи.

19 августа, когда работа отряда близилась к концу, произошло непредвиденное событие. Уставшие от летнего зноя, таежного гнуса и нелегкого труда студенты НИСИ забастовали и, несмотря на то, что срок их работы был определен приказом института до 30 августа, потребовали расчета и немедленной отправки домой. Начальник отряда вынужден был пойти им навстречу и тем самым оказался в трудном положении. Ему пришлось искать рабочих из числа так называемых безработных-«бичей» для погрузки и вывоза деревянных памятников на лесовозы, а затем погрузки их в вагоны грузового поезда. В своем полевом дневнике командир отряда запечатлел курьезный случай, произошедший с ним в это время. После выполнения проделанной работы и денежного расчета с работниками-«бичами» подрядчик обнаружил пропажу нескольких бутылок водки, припасенных на случай особых ситуаций (с помощью них, в частности, нередко приходилось решать и срочные хозяйственные вопросы). Но, к счастью, экспедиционные деньги и имущество оказались нетронутыми, за что Дмитрий Яковлевич был признателен ворам[31].

После погрузки и отправки деревянного груза на железнодорожной станции Хребтовой Дмитрий Яковлевич с водителем отправились выполнять последнее экспедиционное задание. Преодолев почти две тысячи километров, они достигли Бурятии, где посетили знаменитый буддийский храмовый комплекс − Гусиноозерский дацан. Затем они добрались до поселка Агинского в Читинской области, где встретились с директором местного музея и купили по его рекомендации бурятскую юрту. Выполнив, таким образом, все поставленные задачи, преодолев за 6 дней более 4,5 тыс. километров, 12 сентября они прибыли в Новосибирск[32].

Итоги работы экспедиции были изложены командиром отряда в подробном отчете с приложением всех финансовых документов. Окладников остался доволен результатами работы его отряда. С учетом успешного опыта летом следующего года Дмитрий Яковлевич вновь был отправлен на Илим с экспедицией уже в новом составе. Ее участниками, помимо начальника и водителя Василия Рябова, стали два сотрудника Института истории и двенадцать студентов-первокурсников гуманитарного факультета НГУ.

Вторая Илимская экспедиция, в отличие от первой, располагала бо́льшим бюджетом. Она была организована на средства, выделенные Министерством культуры РСФСР, − 6 054 руб., что по тем временам было немалой суммой, и состоялась с 4 июля по 4 сентября 1974 г. Район обследования был определен прежний − зона затопления Усть-Илимской ГЭС. Экспедиция продолжила выполнять прежние задачи. Ее участниками были выявлены новые памятники деревянного народного творчества, которые, как и прежде, были разобраны и отправлены по железной дороге в Новосибирск[33].

Вторая Илимская экспедиция не обошлась без происшествий, которые могли иметь для Дмитрия Яковлевича тяжелые и даже трагические последствия. По воспоминаниям водителя В. Рябова, при переправе через Илим по указанному местными жителями броду их ГАЗ-66 провалился в глубокую яму. В кабину хлынул быстрый поток воды, и ему с командиром пришлось спешно ее покинуть через открытые дверные окна. Водитель, согласно инструкции, остался при своем транспортном средстве, а точнее оказался наверху кабины грузовика, а его начальнику, не умеющему плавать, пришлось с трудом пробираться к берегу. При этом его дважды сносило с брода и он с головой уходил под воду. С большим трудом Дмитрий Яковлевич добрался до берега, а затем стремглав бросился бежать до ближайшего леспромхоза в поисках трактора, чтобы отбуксировать на берег завязший в глубоком иле грузовик.

[31] Полевой дневник Д.Я. Резуна. Рукопись // Личный архив И.П. Каменецкого. С. 5; Отчет о работе Илимской экспедиции 1974 г. Машинопись // Личный архив И.П. Каменецкого. С. 6.
[32] Отчет о работе Илимской экспедиции… С. 7.
[33] Отчет о работе Второй Илимской экспедиции. 1975 г. Машинопись // Личный архив И.П. Каменецкого. С. 2.

После его спасения водителю и его помощникам понадобился не один день, чтобы привести автомашину в должный порядок[34].

Другой случай был также связан со своенравным и быстрым Илимом. Отправляясь в деревню за хлебом, в целях экономии транспортных расходов Дмитрий Яковлевич оставил В. Рябова с грузовиком на берегу, а сам переправился на другой берег паромной платной переправой. При его возвращении началась большая гроза с сильным штормовым ветром. По Илиму поднялись огромные свинцовые волны, из-за которых паром надолго стал у причала. Но, невзирая на бушующую природную стихию и немалую опасность, Дмитрий Яковлевич рискнул переправиться через реку в одиночку на утлой лодчонке, найденной на берегу. Сидя в лодке и управляя шестом, он испытал самый большой страх в своей жизни. С большим трудом и невероятными усилиями ему удалось удержаться на плаву и прибиться к берегу далеко от места нахождения их «газика». По словам того же В. Рябова, когда его «шеф мокрый и грязный темной ночью добрался до него и плюхнулся на сиденье грузовика, то имел вид “живого” мертвеца». Но хлеб для отряда был все же своевременно доставлен в их лагерь[35].

Из второй илимской поездки Дмитрий Яковлевич вернулся домой не с пустыми руками. Он привез купленные им на лесном кордоне сухие сосновые доски, из которых соорудил большой, во всю стену «коммуналки», стеллаж для книг и домашних вещей. В условиях тотального дефицита бытовой мебели эта эксклюзивная секционная «стенка», покрытая морилкой и лаком, долго служила хозяевам, а после получения полноценной квартиры перекочевала на дачу, построенную тоже руками Дмитрия Яковлевича.

Итогом его нового илимского похода стал не только содержательный отчет о проделанной работе, одобренный сектором, но и публикация нескольких статей об особенностях русского деревянного зодчества Приангарья и обзор начального этапа изучения сибирского города XVII в. Указанные работы были опубликованы в академическом издании − «Известиях СО АН СССР», что было для автора немалым успехом[36].

В том же году он и его коллега по работе В.Н. Курилов были успешно избраны по конкурсу младшими научными сотрудниками. Но это радостное ожидаемое событие было омрачено другим непредвиденным обстоятельством. В 1974 г. вышел в свет фундаментальный труд академика М.В. Нечкиной о жизни и творчестве В.О. Ключевского[37]. В связи с этим руководство института сочло подготовленную к защите кандидатскую диссертацию Дмитрия Яковлевича о влиянии работ С.М. Соловьева на научное творчество Ключевского нецелесообразной и не отвечающей тематике исследований сектора. Начинающему ученому было предложено полностью сосредоточиться на сибирской теме − истории изучения сибирских городов в Новое время.

Летом 1975 г. Дмитрий Яковлевич вновь был назначен начальником отряда − на этот раз Приобской историко-архитектурной экспедиции по Новосибирской области. В ее задачу по-прежнему входило выявление и изучение памятников деревянного зодчества бассейна Оби, расположенных в старожильческих поселениях северо-восточных районов региона.

Экспедиция состояла из пяти человек и проводилась с 4 по 14 июля. В ходе работы были обследованы более десяти старожильческих населенных пунктов Колыванского, Мошковского и Болотнинского районов. Участники выявили, сфотографировали, сделали

[34] *Резун Д.Я.* Мысли вслух… С. 159−160.
[35] Полевой дневник Д.Я. Резуна… С. 12.
[36] *Резун Д.Я.* У истоков историографии сибирского города XVII в. // Известия СО АН. Серия общественных наук. 1975. № 1, вып. 1. С. 92−98; *Резун Д.Я.* Историко-архитектурные особенности Илимского края в XVII в. // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1978. № 1, вып. 1. С. 92−97;*Резун Д.Я.* Крестьянское зодчество Нижнего Илима (на материале д. Коробейниково) // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1979. № 3, вып. 11. С. 169−171; *Резун Д.Я.* К истории изучения Илимского края XVII в. // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Принципы и методика организации. Новосибирск, 1980. С. 87−99; *Резун Д.Я., Вилков О.Н.* Историко-архитектурное обследование Сибири экспедициями Института истории, филологии и философии СО АН СССР в 1971−1975 гг. // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Принципы и методика организации. Новосибирск, 1980. С. 186−193.
[37] *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974.

рисунки и замеры зданий и хозяйственных построек, возведенных еще до революции. Среди них были усадьбы бывших купцов Белова, Жернакова во Вьюнах, строения старожилов: баня «по-черному» А. Ковалева в дер. Успенка, амбар с повалами в с. Дубровино, хозяйственный двор В. Рыбуль в дер. Шумиха и другие[38].

Рис. 4. Д.Я. Резун в Приобской экспедиции. 1975 г.

Полученные отрядом данные были позднее использованы Дмитрием Яковлевичем при создании им в 1990-е гг. уникального издания «Краткая энциклопедия по истории коммерции и купечества Сибири»[39], а также многочисленных научно-популярных работ по истории Новосибирской области и Сибири в целом[40].

Таким образом, становление и формирование личностных и профессиональных качеств Д.Я. Резуна, будущего крупного ученого-сибиреведа, проходило не в «тепличной» благоприятной среде, а в обстановке трудного послевоенного времени и нелегкого детства. Раннее взросление и суровые условия жизни выработали в нем огромное трудолюбие и стойкость в преодолении многих невзгод и испытаний, выпавших на его долю. Но, несмотря на все трудности и препятствия, Дмитрий Яковлевич неуклонно шел к своей заветной цели. Его осознанному самоопределению и профессиональному выбору во многом способствовали раннее увлечение историей, учеба в педагогическом вузе, знакомство и общение с видными учеными, успешная работа в школе и экспедициях. Вхождение в «большую» науку Д.Я. Резуна стало результатом упорной целенаправленной работы над собой, отмеченной впоследствии большими успехами и достижениями в его плодотворной и во многом подвижнической научной, преподавательской, публицистической и других сферах деятельности.

Литература

Антонов Л.И. Красноярские столбы: эссе. Красноярск: Гротеск, 2008. 790 с.

Булатова-Ярошевская Н.С. Воспоминания одноклассницы // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 293–294.

Д.Я. Резун. Библиографический указатель / сост. И.Р. Соколовский; отв. ред. И.П. Каменецкий. Новосибирск: Апостроф, 2025. 96 с.

Каменецкий И.П. Корабли, книги и окружение Д.Я. Резуна (субъективные заметки об учителе) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 294–298.

[38] Отчет о работе Приобской экспедиции. 1975 г. Машинопись // Личный архив И.П. Каменецкого. С. 1–3.
[39] Краткая энциклопедия по истории коммерции и купечества Сибири: в 4 т. Новосибирск, 1994–1999.
[40] См.: Д.Я. Резун. Библиографический указатель… С. 78–87.

Комлева Е.В. Архив Д.Я. Резуна в Институте истории СО РАН [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2026. № 1. С. 47−60. URl: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-04.pdf

Краткая энциклопедия по истории коммерции и купечества Сибири: в 4 т. / гл. ред. Д.Я. Резун, Д.М. Терешков. Новосибирск, 1994−1999.

Матханова Н.П. Новый историографический источник: мемуары сибирских историков послевоенного поколения. Рецензия: Зиновьев В.П. Не подводя итогов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 164 с., ил.; Бойко В.П. Воспоминания о селе Богородское и моей жизни. Томск: Изд-во Том. гос. арх.-строит. ун-та, 2021. 212 с., ил. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 204−207.

Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 452 с.

Резун Д.Я. В.О. Ключевский о Сибири // Доклады I межвузовской научной конференции по историографии Сибири. Кемерово, 1969. С. 224−233.

Резун Д.Я. Рецензия на книгу: Чумаченко Э.Г. В.О. Ключевский −источниковед // История СССР. 1971. № 5. С. 157−159.

Резун Д.Я. В.О. Ключевский как преподаватель // Преподавание истории в школе. М., 1972. № 4. С. 15−18.

Резун Д.Я. К вопросу об освещении В.О. Ключевским социальной борьбы в Древней Руси // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1973). Новосибирск: Наука, 1973. С. 29−44.

Резун Д.Я. Историко-архитектурные особенности Илимского края в XVII в. // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1978. № 1, вып. 1. С. 92−97.

Резун Д.Я. Крестьянское зодчество Нижнего Илима (на материале деревни Коробейниково) // Известия СО АН СССР. Серия общественных наук. 1979. № 3, вып. 11. С. 169−171.

Резун Д.Я. Историко-архитектурное обследование Сибири экспедициями Института истории, филологии и философии СО АН СССР в 1971−1975 гг. // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Принципы и методика организации. Новосибирск, 1980. С. 186−193.

Резун Д.Я., Вилков О.Н. К истории изучения Илимского края XVII в. // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Принципы и методика организации. Новосибирск, 1980. С. 87−99.

References

Antonov, L.I. (2008). *Krasnoyarskie stolby: esse* [Krasnoyarsk Pillars: An Essay]. Krasnoyarsk, Grotesk. 790 p.

Bulatova-Yaroshevskaya, N.S. (2004). Vospominaniya odnoklassnitsy [Memories of a Classmate]. In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Sibiri XVII−XX vv. Sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk, pp. 293−294.

Kamenetsky, I.P. (2004). Korabli, knigi i okruzhenie D.Ya. Rezuna (sub'ektivnye zametki ob uchitele) [Ships, Books and Friend of D.Ya. Rezun (Subjective Notes on the Teacher)]. In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Sibiri XVII−XX vv. Sbornik nauchnykh trudov*. Novosibirsk, pp. 294-298.

Komleva,E.V. (2026). Arkhiv D.Ya. Rezuna v Institute istorii SO RAN [D.Ya. Rezun's Archive at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences]. In *Istoricheskiy kuririer*. No. 1 (45), pp. ??−??. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-04.pdf

Matkhanova, N.P. (2022). Novyy istoriograficheskiy istochnik: memuary sibirskikh istorikov poslevoennogo pokoleniya. Retsenziya: Zinov'ev V.P. Ne podvodya itogov. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2019. 164 s., il.; Boyko V.P. Vospominaniya o sele Bogorodskoe i moey zhizni. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. arkh.-stroit. un-ta, 2021. 212 s., il. [New Historiographical Source: Memoirs of Siberian Historians of the Post-war Generation. Review: Zinoviev V.P. Without Summing

Up. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2019. 164 p., ill.; Boiko V.P. Memories of the Village of Bogorodskoye and My Life. Tomsk: Tomsk State University Publishing House, 2021. 212 p., ill.]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 78, pp. 204−207.

Nechkina, M.V. (1974). *Vasiliy Osipovich Klyuchevskiy. Istoriya zhizni i tvorchestva* [Vasily Osipovich Klyuchevsky. History of Life and Work]. Moscow, Nauka. 452 p.

Rezun, D.Ya, Tereshkov, D.M. (Eds.). *Kratkaya entsiklopediya po istorii kommertsii i kupechestva Sibiri: v 4 tomakh* [Brief Encyclopedia on the History of Commerce and Merchants of Siberia: in 4 Volumes]. Novosibirsk, 1994−1999.

Rezun, D.Ya. (1969). V.O. Klyuchevskiy o Sibiri [V.O. Klyuchevsky on Siberia]. In *Doklady I mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii po istoriografii Sibiri (10−11 dekabrya 1968 g.).* Kemerovo, pp. 224−233.

Rezun, D.Ya. (1971). Retsenziya na knigu: Chumachenko E.G. V.O. Klyuchevskiy − istochnikoved [Review of the Book: Chumachenko E.G. V.O. Klyuchevsky − Source Scholar]. In *Istoriya SSSR.* No. 5, pp. 157−159.

Rezun, D.Ya. (1972). V.O. Klyuchevskiy kak prepodavatel' [V.O. Klyuchevsky as a Teacher]. In *Prepodavanie istorii v shkole.* No. 4, pp. 15−18.

Rezun, D.Ya. (1973). K voprosu ob osveshchenii V.O. Klyuchevskim sotsial'noy bor'by v Drevney Rusi [On the Issue of V.O. Klyuchevsky's Coverage of Social Struggle in Ancient Rus]. In *Voprosy istorii Sibiri dosovetskogo perioda (Bakhrushinskiye chteniya)*. Novosibirsk, pp. 29−44.

Rezun, D.Ya. (1978). Istoriko-arkhitekturnye osobennosti Ilimskogo kraya v XVII veke [Historical and Architectural Features of the Ilimsk Region in the 17th Century]. In *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. Vol. 1, No. 1, pp. 92−97.

Rezun, D.Ya. (1979). Krest'yanskoe zodchestvo Nizhnego Ilima (na materiale derevni Korobeynikovo) [Peasant Architecture of Nizhny Ilim (Based on the Village of Korobeynikovo)]. In *Izvestiya SO AN SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk.* Vol. 11, No. 3, pp. 169−171.

Rezun, D.Ya. (1980). Istoriko-arkhitekturnoe obsledovanie Sibiri ekspeditsiyami Instituta istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR v 1971−1975 gg. [Historical and Architectural Survey of Siberia by Expeditions of the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences in 1971−1975]. In *Istoriko-arkhitekturnyy muzey pod otkrytym nebom. Printsipy i metodika organizatsii*. Novosibirsk, pp. 186−193.

Rezun, D.Ya., Vilkov, O.N. (1980). K istorii izucheniya Ilimskogo kraya XVII v. [On the History of the Study of the Ilimsk Region in the 17th Century]. In *Istoriko-arkhitekturnyy muzey pod otkrytym nebom. Printsipy i metodika organizatsii*. Novosibirsk, pp. 87−99.

Sokolovskiy,I.R. (Comp.)., Kamenetsky, I.P. (Ed.). (2025). *Dmitriy Yakovlevich Rezun. Bibliograficheskiy ukazatel'* [Dmitry Yakovlevich Rezun. Bibliographic Index]. Novosibirsk, Apostrof. 96 p.

С.Г. Петров*

ВСПОМИНАЯ ДМИТРИЯ ЯКОВЛЕВИЧА РЕЗУНА**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-2
УДК 930.1+930.22

Выходные данные для цитирования:
Петров С.Г. Вспоминая Дмитрия Яковлевича Резуна // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 28−37. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-02.pdf

S.G. Petrov*

REMEMBERING DMITRY YAKOVLEVICH REZUN**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-2

How to cite:
Petrov S.G. Remembering Dmitry Yakovlevich Rezun // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 28−37. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-02.pdf]

Abstract. The article examines individual aspects of the educational and pedagogical activities of the famous Siberian historian D.Ya. Rezun (1945−2012). Different periods in his biography are shown, such as teaching in high school, professional development and entry into academic science. The main attention is paid to the diverse scientific activity of D.Ya. Rezun at the Institute of History, Philology and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, and then at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, the history of his relationships with colleagues, young scientists and his students. His personal qualities as a person and a scientist are characterized. The books on Siberian history prepared by him and published for the general reader are presented, and their role in introducing schoolchildren to the past of our country is shown. A special type of ego-sources of the current interdisciplinary branch of humanitarian research has been studied, such as dedicatory inscriptions on books, which significantly expand the understanding of the everyday life in the history of science and culture. The corpus of dedicatory inscriptions by D.Ya. Rezun on books presented to the author of the article has been introduced into scientific circulation and analyzed. Numerous oral stories of D.Ya. Rezun are presented, which supplement the history of the personal and professional life of the remarkable historian with new factual material and are a source for the history of academic historical science in Siberia.

Keywords: historian D.Ya. Rezun, history of Siberia, historiography, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, biography, dedication inscriptions, oral stories.

The article has been received by the editor on 07.04.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Рассмотрены отдельные аспекты просветительской и педагогической деятельности известного сибирского историка Д.Я. Резуна (1945−2012). Показаны разные периоды в его биографии: преподавание в средней школе, профессиональное становление и вхождение в академическую науку. Главное внимание уделено разносторонней научной деятельности Д.Я. Резуна в Институте истории, филологии

* **Станислав Геннадьевич Петров,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: petrov_istochnik@mail.ru
Stanislav Gennadievich Petrov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: petrov_istochnik@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI−XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).
The article was made on the topic of the state assignment “The Past in the Manuscript Sources of the 16th−20th Centuries: Preservation and Development of Traditions” (FWZM-2024-0006).

и философии СО АН СССР, а затем в Институте истории СО РАН, истории его взаимоотношений с коллегами, молодыми учеными и своими учениками. Охарактеризованы его личные качества как человека и ученого. Представлены подготовленные им и изданные для массового читателя книги по сибирской истории, показана их роль в приобщении школьников к познанию прошлого нашей страны. Изучена особая разновидность эго-источников актуальной междисциплинарной отрасли гуманитарных исследований − дарственные надписи на книгах, которые существенно расширяют наши представления о повседневности истории науки и культуры. Введен в научный оборот и проанализирован корпус дарственных надписей Д.Я. Резуна на книгах, подаренных автору настоящей статьи. Приведены многочисленные устные рассказы Д.Я. Резуна, которые дополняют новым фактическим материалом историю личной и профессиональной жизни замечательного историка, являются источником по истории академической исторической науки в Сибири.

Ключевые слова: историк Д.Я. Резун, история Сибири, историография, Институт истории СО РАН, биография, дарственные надписи, устные рассказы.

Статья поступила в редакцию 07.04.2025 г.

Первое знакомство мое с Д.Я. Резуном было заочное − по его замечательным, написанным в соавторстве с Р.С. Васильевским научно-популярным книгам, адресованным массовому читателю. Изданы они были достаточно большими тиражами в Новосибирском книжном издательстве. Вышли из печати как раз в то время, вторая половина 1980-х гг., когда именно такие книги были особенно привлекательны в тогдашнем чтении вчерашнего ученика старших классов, раздумывавшего о выборе профессии. В домашней, небольшой еще совсем библиотеке вскоре появились две его книги − «Воспитание историей» и «Летопись сибирских городов»[1]. Книги эти оказали сильнейшее влияние, чтение их было весьма познавательным, существенно раздвигавшим горизонты представлений об истории и, что особенно привлекательно, в ее сибирском измерении (рис. 1).

Спустя совсем небольшой срок состоялось и очное знакомство с автором этих книг. Летом 1989 г. в конце работы подготовительных курсов, готовивших школьников к поступлению в Новосибирский госуниверситет, к абитуриентам-историкам были приглашены профессиональные исследователи прошлого из Института истории, филологии и философии СО АН СССР, среди которых был и Д.Я. Резун. Лекция его навсегда запомнилась нестандартностью мысли, эмоциональным накалом и необычайно яркой образностью, а главное доступностью излагаемого для аудитории материала. Чего стоило только одно его определение «истории», профессии историка, ее общественной востребованности. Высокий и подтянутый лектор заявил своим потенциальным будущим коллегам, что строить иллюзий не нужно, что

Рис. 1. Васильевский Р.С., Резун Д.Я. Воспитание историей. Новосибирск, 1987; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989

[1] *Васильевский Р.С., Резун Д.Я.* Воспитание историей. Новосибирск, 1987; *Резун Д.Я., Васильевский Р.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.

профессия эта нужна обществу равно настолько, насколько нужна вилка во время обеда. Что вполне можно есть и руками, но когда с вилкой, то удобней, а главное − приятно другим сидящим за столом, вроде все приобщены к высокой культуре, цивилизации, знают правила этикета. Напомню, что это было время пикового «перестроечного» интереса к истории.

Конечно, тогда еще не было понятно, что за этой легкостью и демократичностью лекторского устного нарратива стоит напряженный труд в течение нескольких лет в самой обычной школе, которую делала необычной как раз работа таких учителей-энтузиастов, как Д.Я. Резун. Он был нестандартен и активен не только на уроках истории, но и во внеурочной деятельности − в организованных им школьных исторических кружках и конференциях, обсуждавших самые загадочные исторические проблемы, например вопрос о существовании Атлантиды, и приобщавших школьников не просто к исторической любознательности, а к зачаткам историко-исследовательского мышления[2].

Не исключаю, что именно данная составляющая профессиональной жизни сделала его расположенным к общению не только с абитуриентами и студентами исторического отделения гуманитарного факультета Новосибирского госуниверситета, которые потом шли к нему в аспирантуру, но и с молодыми исследователями-историками в стенах Института истории СО РАН. В общении с нами он был демократичен, открыт и искренен. Щедро делился своим профессиональным и житейским опытом, подсказывал решения в непростых ситуациях, давал советы, как лучше поступить и минимизировать негативные последствия.

Видимо, сказывалось здесь его собственное непростое приобщение к профессии историка, полученные на этом пути удары судьбы. Нередко в разговорах он озвучивал свои перипетии при вхождении в историческую науку: неудачные попытки стать студентом Московского госуниверситета, а после окончания Омского пединститута − поступить в аспирантуру к известному московскому историку-медиевисту А.А. Зимину, о котором Дмитрий Яковлевич говорил всегда с благодарностью. Места в аспирантуре для сибирского начинающего историка не было, но А.А. Зимин позвонил в Новосибирск О.Н. Вилкову и попросил обратить внимание на молодое дарование и пригласить его в аспирантуру в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР. Говорил Дмитрий Яковлевич и о своем желании защитить диссертационное исследование, посвященное биографии и творчеству В.О. Ключевского, которое осталось неосуществленным из-за появившейся фундаментальной монографии академика М.В. Нечкиной. В качестве некоего утешения он отмечал, что от проделанной к тому времени исследовательской работы остался хоть какой-то след. В монографии в историографическом обзоре М.В. Нечкина упомянула изданную в сборнике «Бахрушинские чтения» за 1969 г. его статью о выдающемся представителе российской исторической науки[3].

Могу подтвердить предельно ответственное отношение Д.Я. Резуна и желание помочь к обращавшимся к нему абсолютно незнакомым школьникам из глухих удаленных мест с просьбой прислать им одну из его научно-популярных книжек по сибирской истории. Он сетовал, что нужно обязательно откликнуться и послать книжку «Воспитание историей», но у него уже не осталось ни одного экземпляра. Пришлось отдать свой экземпляр этой книги под эмоциональное одобрение ее автора. В ответ он сказал, что компенсирует эту потерю двумя книгами о городских ярмарках Сибири[4]. Непропорциональный обмен состоялся, книги о сибирских ярмарках были вручены с дарственными надписями: «Стасу

[2] Об этом см.: *Булатова-Ярошевская Н.С.* Воспоминания однокурсницы // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII−XX вв. Новосибирск, 2005. С. 293. (Фронтир в истории Сибири и Северной Америки; вып. 5); *Каменецкий И.П.* Корабли, книги и окружение Д.Я. Резуна (субъективные заметки об Учителе) // Проблемы социально-экономического… С. 294.

[3] *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 27 (имелась в виду статья: *Резун Д.Я.* К вопросу об изображении В.О. Ключевским социальной борьбы в Древней Руси // Вопросы истории Сибири досоветского периода: Бахрушинские чтения, 1969. Новосибирск, 1973. С. 29−44).

[4] *Резун Д.Я., Беседина О.Н.* Городские ярмарки Сибири XVIII − первой половины XIX в.: Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск, 1992; *Резун Д.Я., Беседина О.Н.* Городские ярмарки Сибири XVIII − первой половины XIX в.: Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск, 1993.

с благодарностью и пожеланием успехов и удачи. Резун» и «Догоняй и перегоняй! Буду рад твоим успехам. Резун» (рис. 2, 3).

Рис. 2. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в.: Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск, 1992; Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в.: Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск, 1993

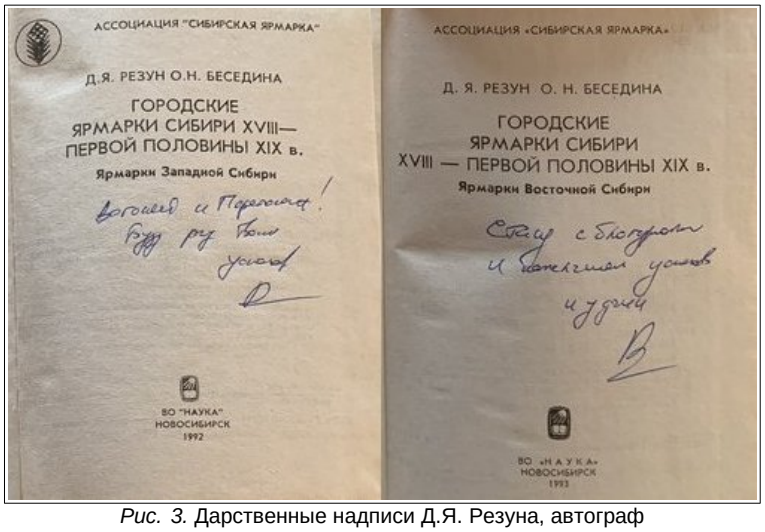


Рис. 3. Дарственные надписи Д.Я. Резуна, автограф

В переданных мне шести выпусках издания таможенных книг сибирских городов XVII в., увидевших свет с 1997 по 2004 г.[5], он оставил следующие надписи: выпуск 2 – «Жду суровой критики с робостью и дрожью. Удачи тебе. Резун»; выпуск 3 – «Это, правда, не Архивы Кремля, но с любовью и дружбой. Резун»; выпуск 4 – «Любимому Стасику! Резун»; выпуск 5 – «Мы тебя назвали, стань им! Резун»; выпуск 6 – «От скромных сибирских историков. Резун, Раев» (рис. 4–7). На выпуске 3 сборника научных статей «Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное»[6] проставлено следующее: «Замечательному Петрову!!! Резун» (рис. 8). Последней книжкой, полученной от Дмитрия Яковлевича с дарственной надписью, стал сборник научных статей, посвященный его 60-летию[7]. Он счел необходимым отметить следующее: «Моему “подзащитному”, надеюсь, что к? [к] твоему юбилею выдана будет лучшая твоя книга о тебе. Успехов тебе Стас. Резун» (рис. 9).

Приведенные надписи раскрывают участие Резуна в моем профессиональном становлении, за что сердечно и неизменно благодарен ему до сих пор – он был моим оппонентом при защите кандидатской диссертации[8], отсюда и обращение «моему “подзащитному”»,

[5] Таможенные книги сибирских городов XVII в. Новосибирск, 1997. Вып. 1: Сургут и Тара; 1999. Вып. 2: Туринск, Кузнецк и Томск; 2000. Вып. 3: Верхотурье, Красноярск; 2001. Вып. 4: Тюмень, Пелым; 2003. Вып. 5: Тобольск, Кетск; 2004. Вып. 6: Томск, Нарым, Березов.

[6] Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3.

[7] Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв. Новосибирск, 2005. (Фронтир в истории Сибири и Северной Америки; вып. 5).

[8] *Петров С.Г.* Документы делопроизводства высших партийных органов как источник по истории Русской церкви (1922–1925 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 2.

и одним из первых коллег в Институте, пригласивших быть официальным рецензентом своих работ, поэтому на выпуске 5 таможенных книг, где моя фамилия указана в качестве рецензента[9], появился призыв: «Мы тебя назвали, стань им!» (рис. 10). В том же году Д.Я. Резун пригласил рецензировать и другой сборник документов − «Русское население Сибири эпохи феодализма», в котором он являлся ответственным редактором и составителем[10]. После выхода сборника из печати он был передан мне без всяких надписей − видимо, со своей миссией, по мнению Дмитрия Яковлевича, я справился.

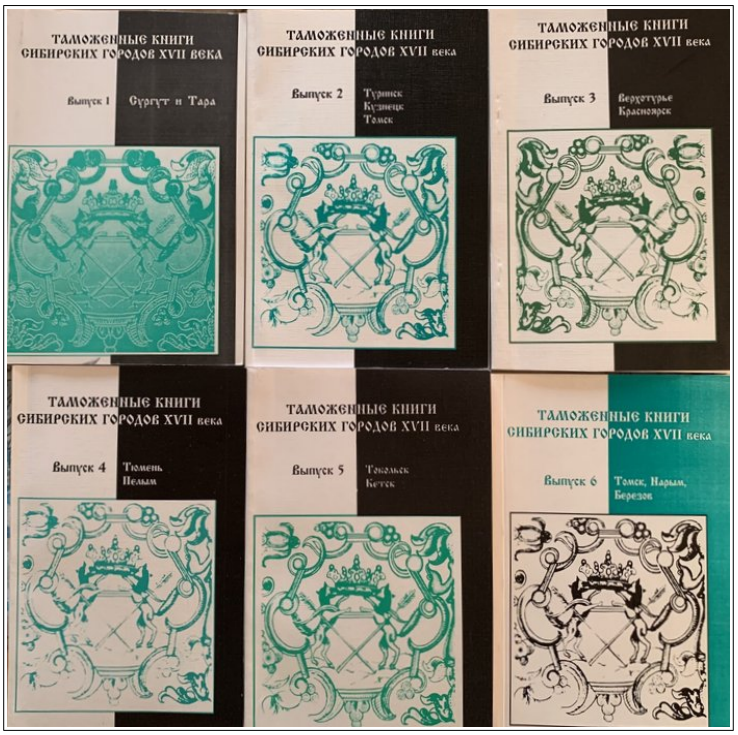
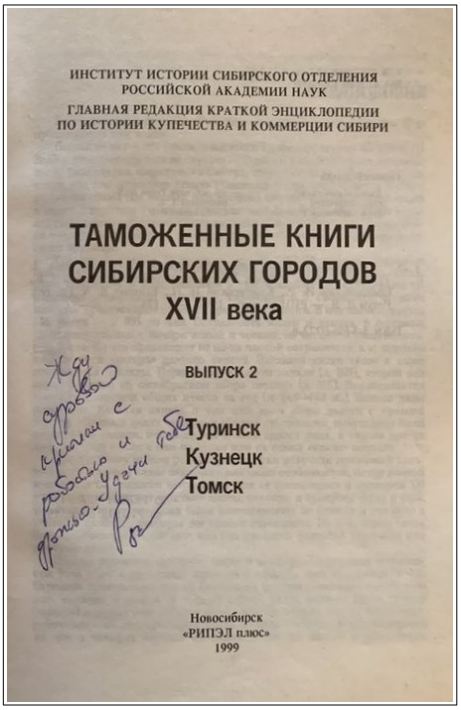


Рис. 4. Таможенные книги сибирских городов XVII в. Новосибирск, 1997. Вып. 1: Сургут и Тара; 1999. Вып. 2: Туринск, Кузнецк и Томск; 2000. Вып. 3: Верхотурье, Красноярск; 2001. Вып. 4: Тюмень, Пелым; 2003. Вып. 5: Тобольск, Кетск; 2004. Вып. 6: Томск, Нарым, Березов

Полученные от Дмитрия Яковлевича выпуски издания таможенных книг сибирских городов и проведенные сотрудниками сектора, руководимого Д.Я. Резуном, аналитические исследования вместе с работами московских и петербургских коллег были востребованы и использовались мной при проведении семинарских занятий по источниковедению у студентов-историков гуманитарного факультета Новосибирского госуниверситета[11]. После ухода из жизни Д.Я. Резуна ежегодный семинар «Делопроизводственные материалы Московского государства. Таможенные книги как исторический источник» посвящался его памяти.


ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ КРАТКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ ПО ИСТОРИИ КУПЕЧЕСТВА И КОММЕРЦИИ СИБИРИ

ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ XVII века

ВЫПУСК 2

Туринск
Кузнецк
Томск

Новосибирск
«РИПЭЛ плюс»
1999

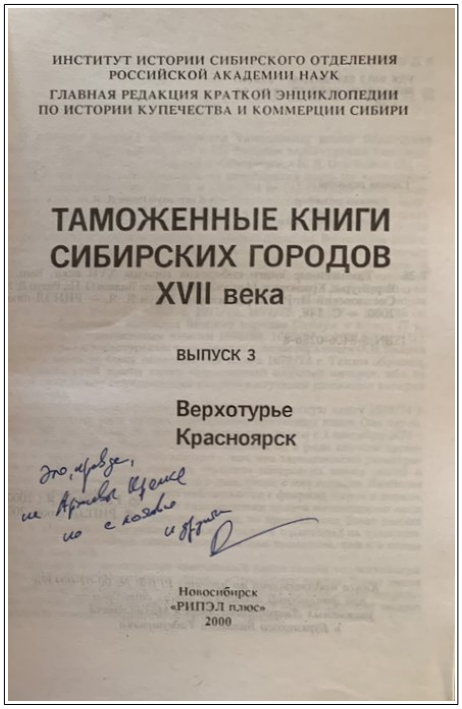
Рис. 5. Дарственная надпись Д.Я. Резуна, автограф

Для полноценного проведения исследовательской работы в секторе Д.Я. Резуна и подготовки и издания книг необходимы были источники, хранившиеся в РГАДА в Москве. Дмитрий Яковлевич сумел наладить тесные контакты с сотрудниками этого федерального архива, позволившие ему заказывать для работы ролики с микропленкой, на которую были отсняты необходимые архивные материалы. В доинтернетовский период нашей жизни острейшей проблемой было их получение и доставка в Новосибирск и в предписанный срок возвращение обратно в столицу. По просьбе Дмитрия Яковлевича во время командировок в Москву я становился своеобразным курьером, отвозя огромные железные коробы, заполненные роликами с микропленками, сдавал их от его имени и брал новые, которые привозил в Новосибирск. Радость, которую испытывал Дмитрий Яковлевич от привезенных из Москвы новых роликов с микропленкой, вряд ли

[9] Таможенные книги сибирских городов XVII в. Новосибирск, 2003. Вып. 5: Тобольск, Кетск. С. 2.
[10] Русское население Сибири эпохи феодализма. Сборник документов XVII − первой половины XIX в. Новосибирск, 2003. С. 2.
[11] Источниковедение отечественной истории: Рабочая программа к курсу лекций и семинарским занятиям. Новосибирск, 2007. С. 25−27.

можно сравнить с чем-то даже сегодня. Отказать ему в этом было невозможно, это было бы сродни нанесению обиды невинному ребенку.

Дмитрий Яковлевич был человеком, не тяготевшим к повторяющимся шаблонам, скорее склонным к импровизационным действиям в самых разных жизненных ситуациях. Осталось в памяти, как в ходе защиты моей диссертации он не стал озвучивать текст своего отзыва, а дал, по сути, новый отзыв, чем придал некоторую остроту происходившему действу, изменив его, казалось бы, предрешенный ход. Нельзя забыть и сдачу кандидатского минимума по специальности, когда накануне Дмитрий Яковлевич решил предупредить меня, что он член экзаменационной комиссии и нужно готовить ответ на вопрос, посвященный реформам Петра I. Каково же было мое удивление, когда вместо Д.Я. Резуна экзамен пришел принимать А.Х. Элерт и вместо обещанных реформ Петра I предложил ответить на вопрос о реформах Екатерины II. После окончания экзамена при встрече с Дмитрием Яковлевичем он сказал, что «и такое бывает, реформы Екатерины ничуть не хуже реформ Петра, оба − Великие. Просто не мог прийти вовремя, обстоятельства». И это тоже были уроки жизни в профессии, полученные от Дмитрия Яковлевича, которые я вспоминаю с благодарностью и теперь уже с улыбкой.


ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ КРАТКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ
ПО ИСТОРИИ КУПЕЧЕСТВА И КОММЕРЦИИ СИБИРИ

ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ
СИБИРСКИХ ГОРОДОВ
XVII века

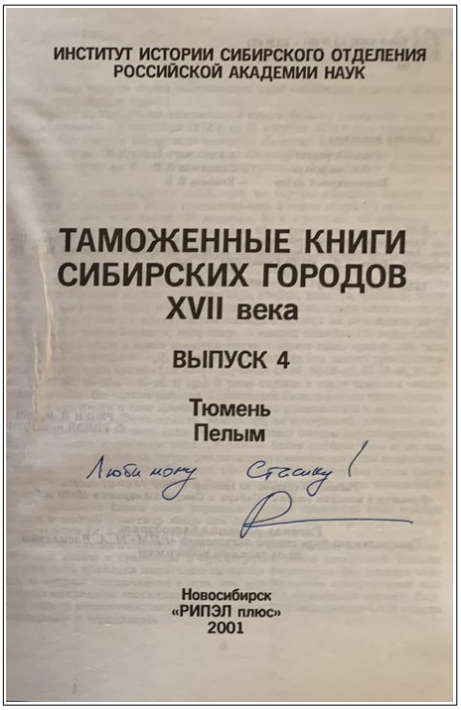
ВЫПУСК 3

Верхотурье
Красноярск

Новосибирск
«РИПЭЛ плюс»
2000

Рис. 6. Дарственная надпись Д.Я. Резуна, автограф

Д.Я. Резун не только в стенах Института мог поделиться взволновавшими его событиями из повседневной жизни коллег, но и позвонить по телефону и выплеснуть эмоции, переполнявшие его, рассказать о своих переживаниях. Нередко героями его устных рассказов были коллеги по сектору − В.М. Леонтьев, О.Н. Вилков, Т.С. Мамсик, М.П. Малышева. Он мог поделиться подробностями своих взаимоотношений и с учениками − особенно часто он говорил о И.Р. Соколовском и Д.В. Раеве. Искренне радовался их успехам, возмущался по поводу того, что казалось ему проступками.


ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ
СИБИРСКИХ ГОРОДОВ
XVII века

ВЫПУСК 4

Тюмень
Пелым

Новосибирск
«РИПЭЛ плюс»
2001

Рис. 7. Дарственная надпись Д.Я. Резуна, автограф

Когда в трудные «перестроечные» годы научных сотрудников академических институтов наделили небольшими дачными участками, то Д.Я. Резун оказался незаурядным садоводом. Избыток урожая он бескорыстно раздавал своим друзьям, знакомым и ученикам. Как-то он привез с дачного участка, что называется, на себе самом два десятилитровых ведра с садовой клубникой для того, чтобы порадовать одного из своих учеников и коллег по сектору. Дозвонившись до него, он сообщил о том, что ждет его у себя дома для передачи взращенного, собранного и привезенного с таким трудом дачного подарка. В ответ от своего визави Д.Я. Резун услышал предложение доставить эти два ведра ему домой, вот тогда, может быть, он их и заберет. Не знаю, чем завершилась эта дачная история, но по телефону Дмитрий Яковлевич высказал мне все, что он думал по поводу предложенного его учеником решения проблемы доставки клубники ему на дом. Эмоциональный накал был такой, что казалось еще чуть-чуть и телефонная трубка взорвется у меня в руках.

Как известно, Дмитрий Яковлевич обладал уникальными коммуникационными способностями, умел взаимодействовать с предпринимателями и бизнес-структурами, тесно контактировал с региональным коммерческим центром «Сибирская ярмарка». Как-то В.А. Ламин сказал, что Д.Я. Резун может договориться даже с дьяволом, вызвав бурную протестную реакцию самого Дмитрия Яковлевича. Во многом данная деятельность диктовалась сферой его профессиональных интересов, связанных с историей предпринимательства, коммерции и купечества. Упомянутые выше совместные с О.Н. Бесединой две его книги, посвященные городским ярмаркам Сибири XVIII − первой половины XIX в., вышли из печати под грифом ассоциации «Сибирская ярмарка» и в конце данных изданий с соответствующей рекламой на русском и английском самой «Сибирской ярмарки», «Красноярской ярмарки», «Иркутской ярмарки» и др.[12]

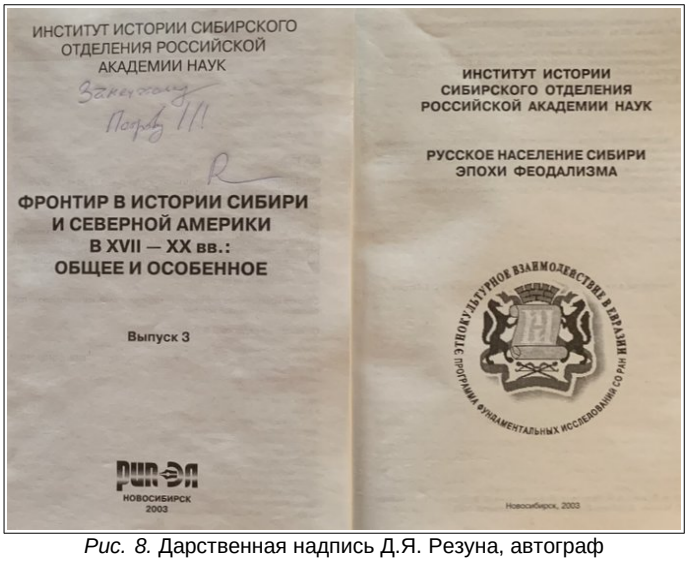


Рис. 8. Дарственная надпись Д.Я. Резуна, автограф

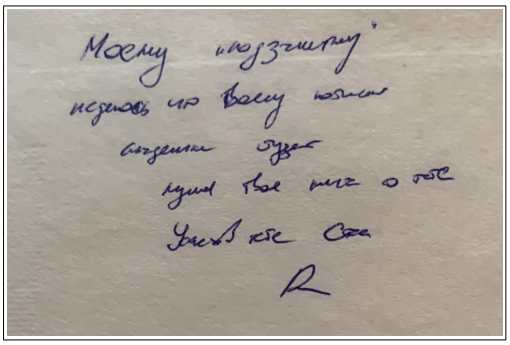


Рис. 9. Дарственная надпись Д.Я. Резуна, автограф (Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII−XX вв. Новосибирск, 2005. (Фронтир в истории Сибири и Северной Америки; вып. 5))

Живописные картины о ярмарочной торговле в Сибири в ее прошлом и настоящем в изложении такого знатока, как Д.Я. Резун, нередко вызывали у коллег по Институту желание узнать подробности повседневной жизни находившихся достаточно долгое время вне дома мужчин и женщин. Нередко разговор шел о ярмарочных развлечениях XVIII−XIX вв., способах проведения досуга и возможностях для отдыха. Многим хотелось узнать, а были ли там заведения с женщинами с низкой социальной ответственностью, ведь значительную часть приехавших на ярмарки составляли мужчины фертильного возраста, и как эти заведения тогда назывались. Дмитрий Яковлевич подтвердил, что такие женщины и заведения, в которых они находились, там были. И после некоторого раздумья расширил словарный запас в этой сфере любопытствовавших коллег, сказав, что название заведений было простым и понятным всем − «бл…ни». Интерес был удовлетворен и вопросов на эту тему больше не задавалось.

Вспоминается также один из ярких его рассказов об истории купечества в Каинске: как заштатный, не примечательный ничем городок расцвел в самый короткий срок после того, как в нем поселились еврейские коммерсанты, катализаторы дореволюционной российской торговли[13]. Как установил Д.Я. Резун, в преобразованиях Каинска не последнюю роль сыграли торговцы Толоконские. Вооружившись источниками о столь известной тогда в Новосибирске, а позже и в Красноярске, да и в Сибирском федеральном округе фамилии, он отправился на прием к В.А. Толоконскому, тогдашнему главе новосибирской областной администрации, с надеждой установить контакты и заинтересовать последнего в исследованиях по истории купечества в Новосибирской области. Однако план приобщения местной власти через родословные изыскания к изучению прошлого успехом не увенчался. Толо-

[12] *Резун Д.Я., Беседина О.Н.* Городские ярмарки Сибири XVIII − первой половины XIX в.: Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск, 1992; *Резун Д.Я., Беседина О.Н.* Городские ярмарки Сибири XVIII − первой половины XIX в.: Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск, 1993.

[13] Также см.: *Гончаров Ю.М.* «Сибирский Иерусалим»: еврейская община города Каинска в XIX − начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, Политология. 2010. № 4/3 (68/3). С. 54−57.

конский наотрез оказался признавать хоть какое-либо родство с однофамильцами из Каинска.

Рассказ этот настолько увлек меня, что, занимаясь в тот период времени совместно с сотрудниками Новосибирского госархива подготовкой сборника документов о крупном деятеле советской культуры в Сибири 1920−1930-х гг. В.Д. Вегмане и обнаружив адресованное ему письмо от сотрудницы Московской генеральной конторы «Сибторга», «интеллигента, <…> выходца из буржуазной среды» Белы Толоконской с просьбой дать рекомендацию для перехода из кандидатов в члены РКП(б), включил его в сборник документов[14]. Знаю, что книгу эту архивисты широко презентовали на разных форумах с участием представителей властных и управленческих структур, но родословной Белы Толоконской так никто и не заинтересовался.

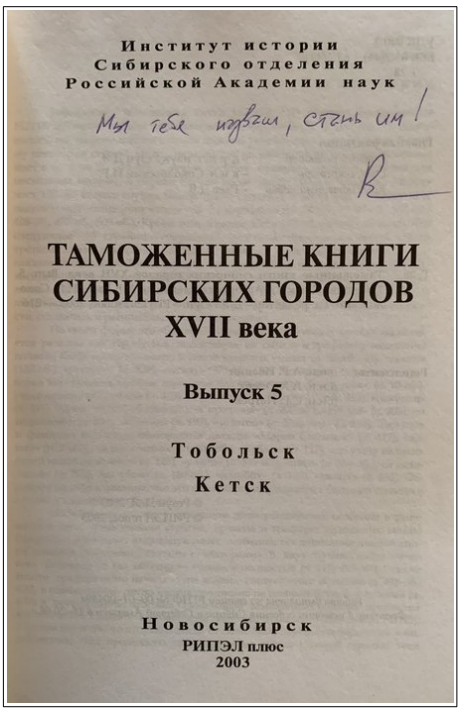


Рис. 10. Дарственная надпись Д.Я. Резуна, автограф

Говоря о Д.Я. Резуне, нельзя не упомянуть и о том, как он стал моделью для скульптора Г.Л. Парамонова, создававшего бюст академика М.А. Лаврентьева для новосибирского Академгородка. Со слов Дмитрия Яковлевича, скульптор искал сходный типаж для позирования, пока не увидел его. После чего уговорил Резуна в качестве натурщика дать ему несколько сеансов, так как антропологически форма его головы и лица схожа с головой и лицом первого председателя СО АН СССР. По этому поводу Дмитрий Яковлевич любил говаривать, удивляя не знавших всех подробностей коллег, что установленный в 1988 г. бюст Лаврентьева слеплен с него, и ничего тут не поделаешь.

Находясь рядом с этим бюстом в начале Морского проспекта новосибирского Академгородка, проезжая или проходя, думаешь, и вправду похож на Дмитрия Яковлевича. «Одно и то же лицо», − как сказал скульптор Парамонов.

Литература

Булатова-Ярошевская Н.С. Воспоминания однокурсницы // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII−XX вв. Новосибирск, 2005. С. 292−293. (Фронтир в истории Сибири и Северной Америки; вып. 5).

Васильевский Р.С., Резун Д.Я. Воспитание историей. Новосибирск: Кн. изд-во, 1987. 224 с.

Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность: сборник документов к 90-летию Сибархива / сост. Л.С. Пащенко, Е.А. Мамонтова, С.Г. Петров, Л.И. Пыстина. Новосибирск: Альфа-Порте, 2010. 450 с.

Гончаров Ю.М. «Сибирский Иерусалим»: еврейская община города Каинска в XIX − начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, Политология. 2010. № 4/3 (68/3). С. 54−57.

Источниковедение отечественной истории: Рабочая программа к курсу лекций и семинарским занятиям / сост. С.Г. Петров. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2007. 52 с.

Каменецкий И.П. Корабли, книги и окружение Д.Я. Резуна (субъективные заметки об Учителе) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII−XX вв. Новосибирск, 2005. С. 294−298. (Фронтир в истории Сибири и Северной Америки; вып. 5).

Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 640 с.

[14] Вениамин Вегман. Государственная, научная и общественная деятельность: сборник документов к 90-летию Сибархива. Новосибирск, 2010. С. 292.

Петров С.Г. Документы делопроизводства высших партийных органов как источник по истории Русской церкви (1922−1925 гг.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. 26 с.

Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII−XX вв. / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск: РИПЭЛ, 2005. 304 с. (Фронтир в истории Сибири и Северной Америки; вып. 5).

Резун Д.Я. К вопросу об изображении В.О. Ключевским социальной борьбы в Древней Руси // Вопросы истории Сибири досоветского периода: Бахрушинские чтения, 1969. Новосибирск, 1973. С. 29−44.

Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII − первой половины XIX в.: Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1992. 157 с.

Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII − первой половины XIX в.: Ярмарки Восточной Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1993. 140 с.

Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Кн. изд-во, 1989. 304 с.

Русское население Сибири эпохи феодализма. Сборник документов XVII − первой половины XIX в. / отв. ред. Д.Я. Резун; сост. В.А. Волчек, А.Р. Ивонин, И.П. Каменецкий и др. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2003. 128 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII в. / гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1997. Вып. 1: Сургут и Тара / сост. З.В. Башкатова, О.Н. Вилков, Д.Я. Резун и др. 128 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII в. / гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 1999. Вып. 2: Туринск, Кузнецк и Томск / сост. З.В. Башкатова, И.Р. Соколовский, И.П. Каменецкий и др. 124 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII в. / гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2000. Вып. 3: Верхотурье, Красноярск / сост. О.Н. Вилков, Д.Я. Резун, И.Р. Соколовский. 148 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII в. / гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2001. Вып. 4: Тюмень, Пелым / сост. З.В. Башкатова, В.Н. Курилов, И.Р. Соколовский. 148 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII в. / гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2003. Вып. 5: Тобольск, Кетск / сост. Д.В. Раев, И.Р. Соколовский. 216 с.

Таможенные книги сибирских городов XVII в. / гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ плюс, 2004. Вып. 6: Томск, Нарым, Березов / сост. А.А. Люцидарская, Д.В. Раев, И.Р. Соколовский. 96 с.

Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII−XX вв.: общее и особенное / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: РИПЭЛ, 2003. Вып. 3. 128 с.

References

Bulatova-Yaroshevskaya, N.S. (2005). Vospominaniya odnokursnitsy [Memories of a Classmate]. In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Sibiri XVII−XX vv.* Novosibirsk, pp. 292−293.

Goncharov, Yu.M. (2010). "Sibirskiy Ierusalim": evreyskaya obshchina goroda Kainska v XIX − nachale XX v. ["Siberian Jerusalem": The Jewish Community of the City of Kainsk in the 19th − Early 20th Century]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Politologiya.* No. 4/3 (68/3), pp. 54−57.

Kamenetsky, I.P. (2005). Korabli, knigi i okruzhenie D.Ya. Rezuna (sub"ektivnye zametki ob Uchitele) [Ships, Books and Environment of D.Ya. Rezun (Subjective Notes about the Teacher)]. In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Sibiri XVII−XX vv.* Novosibirsk, pp. 294−298.

Nechkina, M.V. (1974). *Vasiliy Osipovich Klyuchevskiy. Istoriya zhizni i tvorchestva* [Vasily Osipovich Klyuchevsky. History of Life and Creations]. Moscow. 640 p.

Pashchenko, L.S., Mamontova, E.A., Petrov, S.G. et al. (Comps.). (2010). *Veniamin Vegman. Gosudarstvennaya, nauchnaya i obshchestvennaya deyatel'nost': Sbornik dokumentov k 90-letiyu Sibarkhiva* [Veniamin Wegman. State, Scientific and Public Activities: Collection of Documents for the 90th Anniversary of the Sibarkhiv]. Novosibirsk, Al'fa-Porte. 450 p.

Petrov, S.G. (2000). *Dokumenty deloproizvodstva vysshikh partiynykh organov kak istochnik po istorii Russkoy tserkvi (1922−1925 gg.)* [Documents of Office Work of the Highest Party Bodies as a Source on the History of the Russian Church (1922−1925)], Cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk. 26 p.

Petrov, S.G. (Comp.). (2007). *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii: Rabochaya programma k kursu lektsiy i seminarskim zanyatiyam* [Source Study of National History: Work Program for the Course of Lectures and Seminars]. Novosibirsk. 52 p.

Rezun, D.Ya. (1973). K voprosu ob izobrazhenii V.O. Klyuchevskim sotsial'noy bor'by v Drevney Rusi [On the Question of V.O. Klyuchevsky's Portrayal of the Social Struggle in Ancient Rus]. In *Voprosy istorii Sibiri dosovetskogo perioda: Bakhrushinskie chteniya, 1969*. Novosibirsk, pp. 29−44.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (1997). *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII v.* [Customs Books of Siberian Cities of the 17th Century]. Novosibirsk, RIPEL plyus. Iss. 1: Surgut i Tara. 128 p.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (1999). *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII v.* [Customs Books of Siberian Cities of the 17th Century]. Novosibirsk, RIPEL plyus. Iss. 2: Turinsk, Kuznetsk i Tomsk]. 124 p.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (2000). *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII v.* [Customs Books of Siberian Cities of the 17th Century]. Novosibirsk, RIPEL plyus. Iss. 3: Verkhotur'e, Krasnoyarsk. 148 p.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (2001). *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII v.* [Customs Books of Siberian Cities of the 17th Century]. Novosibirsk, RIPEL plyus. Iss. 4: Tyumen', Pelym [Tyumen, Pelym]. 148 p.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (2003). *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII−XX vv.: obshchee i osobennoe* [Frontier in the History of Siberia and North America in the 17th − 20th Centuries: Common and Special]. Novosibirsk, RIPEL. Iss. 3. 128 p.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (2003). *Russkoe naselenie Sibiri epokhi feodalizma. Sbornik dokumentov XVII − pervoy poloviny XIX v.* [Russian Population of Siberia During the Feudalism Era. Collection of Documents of the 17th − First Half of the 19th Century]. Novosibirsk, RIPEL plyus. 128 p.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (2003). *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII v.* [Customs Books of Siberian Cities of the 17th Century]. Novosibirsk, RIPEL plyus. Iss. 5: Tobol'sk, Ketsk. 216 p.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (2004). *Tamozhennye knigi sibirskikh gorodov XVII v.* [Customs Books of Siberian Cities of the 17th Century]. Novosibirsk, RIPEL plyus. Iss. 6: Tomsk, Narym, Berezov. 96 p.

Rezun, D.Ya., Besedina, O.N. (1992). *Gorodskie yarmarki Sibiri XVIII − pervoy poloviny XIX v.: Yarmarki Zapadnoy Sibiri* [City Fairs of Siberia of the 18th − First Half of 19th Century: Fairs of Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaya izdatelskaya firma. 157 p.

Rezun, D.Ya., Besedina, O.N. (1993). *Gorodskie yarmarki Sibiri XVIII − pervoy poloviny XIX v.: Yarmarki Vostochnoy Sibiri* [City Fairs of Siberia of the 18th − First Half of 19th Century: Fairs of Eastern Siberia]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaya izdatelskaya firma. 140 p.

Rezun, D.Ya., Vasilievsky, R.S. (1989). *Letopis' sibirskikh gorodov* [Chronicle of Siberian Cities]. Novosibirsk, Knizhnoe izdatelstvo. 304 p.

Shilovsky, M.V. (Ed.). (2005). *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Sibiri XVII−XX vv.* [Problems of Socio-Economic and Cultural Development of Siberia of the 17th − 20th Centuries]. Novosibirsk, RIPEL. 304 p.

Vasilievsky, R.S., Rezun, D.Ya. (1987). *Vospitanie istoriey* [Upbringing by History]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatelstvo. 224 p.

Н.П. Матханова*

ПИСЬМА Д.Я. РЕЗУНА Е.В. ЧИСТЯКОВОЙ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-3
УДК 930.2+94(47)

Выходные данные для цитирования:
Матханова Н.П. Письма Д.Я. Резуна Е.В. Чистяковой как историографический источник // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 38–46.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-03.pdf

N.P. Matkhanova*

D.YA. REZUN'S LETTERS TO E.V. CHISTYAKOVA AS A HISTORIOGRAPHICAL SOURCE**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-3

How to cite:
Matkhanova N.P. D.Ya. Rezun's Letters to E.V. Chistyakova as a Historiographical Source // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 38–46.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-03.pdf]

Abstract. This article analyzes the informational significance of letters written by D.Ya. Rezun, the prominent Siberian historian and specialist in historical urban studies and historiography, to E.V. Chistyakova, one of the leading Russian medievalists and a representative of Academician M.N. Tikhomirov's school. The study draws upon not only these letters but academic books and papers written by both D.Ya. Rezun and E.V. Chistyakova as well. It highlights key aspects of Rezun's academic biography and explains why his name is not listed on the editorial board of several volumes in the "Cities of Siberia" series. It delves into the distinctive features of his creative methodology and his perspectives on certain concepts introduced by Chistyakova. The article emphasizes Rezun's elevated self-assessment of contributions to studying G.F. Miller's legacy. Additionally, the research uncovers the underlying causes of Rezun's conflict with his academic supervisor, O.N. Vilkov, and examines how this strife affected his scholarly and organizational endeavors, as well as the environment at the Institute of History, Philology, and Philosophy of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. By analyzing the letters in conjunction with D.Ya. Rezun's academic works, the article reveals a unique combination of the historian's viewpoint as a text-reader and that of a historical culturologist or historical anthropologist. In conclusion, the study affirms the letters' significance for exploring research practices, interpersonal relationships, and the historiographical landscape of the period.

Keywords: historiographical sources, epistolary, history of historical urban studies, D.Ya. Rezun, E.V. Chistyakova, O.N. Vilkov.

The article has been received by the editor on 30.08.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье прослеживается информационный потенциал писем известного сибирского историка, признанного специалиста по исторической урбанистике и историографии Д.Я. Резуна к крупнейшей отечественной исследовательнице в области медиевистики, представительнице школы академика М.Н. Тихомирова Е.В. Чистяковой. В качестве источников использованы не только письма, но книги и статьи

* **Наталья Петровна Матханова,** доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: nmatkhanova@mail.ru
Natalia Petrovna Matkhanova, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: nmatkhanova@mail.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006).
The article was made on the topic of the state assignment "The Past in the Manuscript Sources of the 16th–20th Centuries: Preservation and Development of Traditions" (FWZM-2024-0006).

как Д.Я. Резуна, так и Е.В. Чистяковой. Установлены важные факты научной биографии автора, в том числе причины отсутствия его имени среди членов редколлегии нескольких сборников из серии «Города Сибири». Выявлены некоторые черты его творческого метода, его отношение к конкретным концептуальным положениям, выдвинутым Чистяковой. Показана высокая оценка Резуном значения его собственных работ, посвященных изучению творческого наследия Г.Ф. Миллера. Определены причины конфликта Д.Я. Резуна с его руководителем О.Н. Вилковым, влияние этого конфликта на научно-организационную деятельность Резуна, на ситуацию в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР. Анализ высказываний, содержащихся в письмах, в сочетании с изучением работ Д.Я. Резуна позволил отметить характерное для него сочетание взгляда историка, читающего тексты, и историка-культуролога, историка-антрополога. Делается вывод о значении рассмотренных писем для изучения исследовательских практик, межличностных отношений, историографического быта.

Ключевые слова: историографические источники, эпистолярий, история исторической урбанистики, Д.Я. Резун, Е.В. Чистякова, О.Н. Вилков.

Статья поступила в редакцию 30.08.2025 г.

Дмитрий Яковлевич Резун был ярким неординарным самобытным человеком. В XIX в. таких называли «сибирскими самородками». О нем можно сказать, что он сделал себя сам. Его эрудиция, умение выявлять, изучать, анализировать источники, в том числе историографические, в значительной мере были результатом самообразования. К сожалению, его творчество недостаточно изучено, хотя уже опубликованы статьи И.П. Каменецкого, Е.В. Комлевой, Ю.М. Гончарова и других историков[1]. В 2025 г. издана его библиография[2].

Для продолжения этой работы нужны, как мне кажется, новые историографические источники. Я придерживаюсь классических определений, данных С.О. Шмидтом («историографическим источником можно признать всякий источник познания историографических явлений»[3]) и Л.Н. Пушкаревым («…под историографическим источником следует подразумевать любой исторический источник, содержащий данные по истории исторической науки. И если мы обратимся к практике непосредственно исследовательской работы, то мы увидим, что историография широко пользуется источниками всех типов, видов, родов, разновидностей»[4]).

Ценным историографическим источником являются письма историков. Вплоть до конца XX столетия письма оставались одним из главных способов общения, как делового, так и личного. Ученые, в том числе историки, не являлись исключением. О значении и источниковых возможностях эпистолярия и вообще эго-документов как историографиче-

[1] *Каменецкий И.П.* Д.Я. Резун − ученый, педагог, человек: К 60-летию со дня рождения историка // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2005. № 1 (15). С. 5−10; *Ивонин А.Р.* − Д.Я. Резун (к 60-летию со дня рождения) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII−XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 3−11; *Комлева Е.В.* Вклад Дмитрия Яковлевича Резуна в сибирскую урбанистику // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 462−464; *Каменецкий И.П., Комлева Е.В., Туманик Е.Н.* Последний проект историка: к биографии Дмитрия Яковлевича Резуна [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2018. № 2. Ст. 14. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-14.pdf (дата обращения: 01.07.2025); *Гончаров Ю.М., Климова О.Г.* Д.Я. Резун как организатор изучения истории предпринимательства в дореволюционной Сибири. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 3. С. 5−9; и др.

[2] Дмитрий Яковлевич Резун. Библиографический указатель. Новосибирск, 2025.

[3] *Шмидт С.О.* О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 112.

[4] *Пушкарев Л.Н.* Определение, систематизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 102−103.

ского источника писали известные историографы В.П. Корзун, Л.А. Сидорова и др. Они подчеркивали особую ценность писем при изучении научных биографий авторов и адресатов[5].

В этой статье рассматриваются источниковые возможности двух небольших писем Д.Я. Резуна к яркой представительнице школы академика М.Н. Тихомирова − Е.В. Чистяковой[6]. Тихомиров был крупнейшим исследователем истории русского феодального города, а Елена Викторовна продолжила именно это направление его научной деятельности.

В письмах ученые часто сообщают о событиях в своей научной биографии. Такие сведения есть и в письмах Резуна. В первом письме можно выделить два фрагмента. Первое − обращение с просьбой об отзыве на автореферат кандидатской диссертации. Второе − благодарность за «критические замечания к моей статье по истории Ирбита. Я внимательно просмотрел и проработал их и считаю их справедливыми»[7]. Эти слова остались загадочными − неизвестно никакой статьи Резуна по истории Ирбита, вышедшей к 1979 г. Одна, написанная в соавторстве с О.Н. Вилковым, появилась в 1981 г.[8] Не исключено, что она была направлена Чистяковой на рецензирование, хотя такая практика не была распространена в то время. Вторая статья об Ирбите была напечатана еще позже, в 2000 г. Это не учтенная в библиографии статья «Город Ирбит в XVIII − первой половине XIX века» в книге «Ирбитский край в истории России»[9].

Богаче по содержанию второе письмо, что и понятно, − за три года, вероятно, контакты стали более прочными. Резун и Чистякова должны были встречаться на конференциях, во всяком случае оба участвовали в конференции в Новосибирске в октябре 1981 г.[10] В письме Дмитрий Яковлевич благодарит Елену Викторовну за «открытку с добрыми словами о моей статье, посвященной Миллеру». Изменилось обращение − теперь это не «уважаемая Елена Викторовна», а «дорогая Елена Викторовна». Иной стала степень откровенности − теперь рассказывается о конфликте с О.Н. Вилковым. Главное же − в письме есть несколько содержательно важных фрагментов.

Во-первых, говорится о собственных работах, посвященных Миллеру. Чистякова одобрила статью Резуна «О работе Г.Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в.», опубликованную в сборнике из серии «Археография и источниковедение Сибири» под редакцией Н.Н. Покровского и Е.К. Ромодановской[11]. Статья, уточнял Дмитрий Яковлевич в письме, представляла собой один из параграфов его кандидатской диссертации − очевидно, первый раздел третьей главы, посвященный анализу источников, которые использовались Миллером при работе над историей сибирских городов. Вместе с письмом послана монография, в основе которой лежала кандидатская диссертация, «правда, − как отмечал автор, − урезанная на одну треть − глава о Миллере осталась за бортом»[12]. Действительно, в книге «Очерки истории изучения сибирского города конца XVI − первой

[5] *Корзун В.П., Мамонтова М.А., Свешников А.В.* Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX−XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков). Омск, 2003. С. 3−36; *Сидорова Л.А.* Б.А. Романов и Е.Н. Кушева в 1951 году: незавершенный спор историков // Российская история. 2013. № 2. С. 155−170; *Матханова Н.П.* Письма историков второй половины XX века как канал научной коммуникации (на примере писем из Сибири в столицу) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2024. Т. 23, № 8. С. 130−140.

[6] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 934. Оп. 1. Карт. 20. Д. 31. 18 июня 1979 и 25 авг. 1982 г.

[7] ОР РГБ. Ф. 934. Оп. 1. Карт. 20. Д. 31. Л. 1.

[8] *Вилков О.Н., Резун Д.Я.* К истории изучения Ирбита // Сибирские города XVII − начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 11−34.

[9] *Резун Д.Я.* Город Ирбит в XVIII − первой половине XIX века // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 67−75.

[10] Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: тезисы докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1981.

[11] *Резун Д.Я.* О работе Г.Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 142−158.

[12] ОР РГБ. Ф. 934. Оп. 1. Карт. 20. Д. 31. Л. 2.

половины XVIII вв.»[13], изданной в 1982 г., текста о Миллере нет. Но эта глава вошла в книгу 1991 г. «Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век»[14] и, как мы выяснили вместе с И.Р. Соколовским, это была та самая глава из кандидатской диссертации. В докторской диссертации, под которую была написана вторая монография, этой главы нет.

Вообще изучение наследия Миллера было одним из важных направлений творчества Резуна. Сам он среди важнейших моментов своей кандидатской диссертации отметил вклад в миллероведение: «…впервые в нашей литературе полно и широко показаны роль и значение трудов Г.Ф. Миллера для складывания первой научной концепции по истории сибирских городов; раскрыты основные методы и методология Миллера как историка-городоведа»[15]. Замечу, что А.Х. Элерт неоднократно ссылался на работы Резуна по миллероведению[16]. Позже А.Х. Элерт, Д.Я. Резун и Н.С. Гурьянова, а затем Н.Д. Зольникова, А.И. Мальцев и Д.Я. Резун издали ценнейшие источники из творческого наследия Г.Ф. Миллера[17].

В этом же письме к Чистяковой Дмитрий Яковлевич описывает методику своей работы: «У меня в одной большой тетради собраны все конспекты моих замечаний к вашим работам и каждую вашу работу ждал с большим интересом. Конспектировал, наводил справки, рылся в другой литературе, спорил, делал свои замечания, соглашался с Вами, добавлял новые аргументы к вашей позиции и т.д. Для меня это великолепная школа!»[18]. Мы видим характерное и интересное описание работы именно историографа. Кроме того, это нечасто встречающийся сюжет из эпистолярия историков вообще.

Помимо описания методики работы, Резун писал о своем отношении к некоторым концептуальным положениям, выдвинутым Чистяковой. Уже в первом письме подчеркивается особое значение ее статьи «о формировании новых принципов исторического повествования», которая послужила для Дмитрия Яковлевича «одной из отправных точек при анализе городового летописания»[19]. Речь идет о статье Резуна «Городовые летописи как источник по истории социальной борьбы и культуры городов Сибири XVII − начала XVIII вв.», в которой он ссылается на статью Чистяковой «Формирование новых принципов исторического повествования»[20]. Отмечая новые явления в городском летописании, он цитирует Е.В. Чистякову: «Значительно совершенствуются методы исторического повествования, происходит “процесс трансформации самого мировоззрения историков”, когда “их труды становятся целеустремленней и социально злободневней”»[21]. Во втором письме эта мысль изложена более подробно: «Особенно мне близки два ваших тезиса − о классовой борьбе городов как новой ступени в этом процессе, и “обмирщении” исторической мысли XVII в., когда в историю начинает проникать человеческая личность со всеми своими житейскими интересами и заботами»[22].

---

[13] *Резун Д.Я.* Очерки истории изучения сибирского города конца XVI − первой половины XVIII вв. Новосибирск, 1982.

[14] *Резун Д.Я.* Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век. Новосибирск, 1991. С. 70−98.

[15] *Резун Д.Я.* Сибирский город в русской историографии XVII − первой половины XVIII вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1979. С. 12.

[16] *Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. С. 4, 12, 72, 80, 133, 135, 138 и др.

[17] Актовые источники по истории России и Сибири XVI−XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг / изд. подгот. Н.С. Гурьянова, А.Х. Элерт, Д.Я. Резун. Новосибирск, 1993. Т. 1 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 1); Новосибирск, 1995. Т. 2 (История Сибири: Первоисточники. Вып. 5); Первое столетие сибирских городов: XVII век / изд. подгот. Н.Д. Зольникова, А.И. Мальцев, Д.Я. Резун, при участии А.А. Бродникова, И.Ю. Просекова. Новосибирск, 1996. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).

[18] ОР РГБ. Ф. 934. Оп. 1. Карт. 20. Д. 31. Л. 2.

[19] Там же. См.: *Резун Д.Я.* Городовые летописи как источник по истории социальной борьбы и культуры городов Сибири XVII − начала XVIII вв. // Источники по истории культуры и классовой борьбы феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 40.

[20] *Чистякова Е.В.* Формирование новых принципов исторического повествования // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII − начало XVIII в.). М., 1971. С. 171−184.

[21] Там же. С. 183−184.

[22] ОР РГБ. Ф. 934. Оп. 1. Карт. 20. Д. 31. Л. 2.

Еще в 1963 г. Е.В. Чистякова замечала, что «поздние летописцы были первыми историографами народных движений середины XVII в.»[23]. В статье 1971 г. она подробно прослеживает, как в трудах, описывавших народные восстания, «проявлялось борение традиционного провиденциального мировоззрения с новым, порой еще наивным, но в какой-то мере рационалистическим подходом к освещению истории», и делает важное наблюдение, что «в зависимости от этого менялся метод работы историка и иной становилась сама форма произведения на историческую тему»[24]. Елена Викторовна доказывает, что подобные произведения были основаны «на использовании конкретных источников» и отличались «попытками выяснить реальные связи происходящих событий»[25]. В той же статье 1971 г. Чистякова, характеризуя переходный период в области литературы XVII−XVIII вв., отмечала: «Новые веяния проявлялись в тенденции к обмирщению культуры. <…> Россия не осталась в стороне от того “обширного научно-публицистического и литературного течения своего времени”, которое <…> изменило самый тип исторического мышления»[26].

Резун не только цитирует статью Чистяковой, но и развивает высказанные ею мысли. Анализируя городовые летописи, он отмечает: «…сюжеты городовых летописей брались обычно из хроники самой городской жизни того времени. Впервые на страницы сибирских летописей <…> ворвалась обычная непосредственная жизнь рядового горожанина. Соответственно этому в сибирских городовых летописях “при объяснении причин исторических явлений место воли провидения, потусторонней силы, все более заменяется[27] реальным описанием действий людей, поведением исторических лиц, жизненных обстоятельств”» (сноска на: Чистякова, 1971. С. 183−184). «На страницах этих летописей <…> мы на каждом шагу встречаемся с именами простых сибиряков, которые жили одновременно с летописцем»[28]. Анализ летописных сведений о городском быте и культуре привел Дмитрия Яковлевича к выводу, что «наши летописцы были довольно самостоятельны в критическом отношении к своим источникам. Авторы этих летописей, имея дело с приказными актами, которые писались их же коллегами по перу, а возможно и ими самими, рассказывая о знакомых и понятных для них событиях, вовсе не склонны были абсолютизировать свои источники»[29]. Рассматривая материалы приказного делопроизводства как «первые формы накопления и развития знания о сибирском городе XVII в.», он отмечал, что «в практической своей работе дьяки обращались к документам прошлых лет».

И в статьях, и в монографии Резуна 1982 г., в основу которой легла кандидатская диссертация, мы видим сочетание взгляда историка, читающего тексты, и историка-культуролога, историка-антрополога.

Уже упоминалось, что во втором письме к Чистяковой Дмитрий Яковлевич рассказывает о конфликте с О.Н. Вилковым. Этот сюжет появился не по собственной инициативе автора, он отвечал на упрек или вопрос Елены Викторовны, касавшийся причин отказа в публикации статьи одного из ее знакомых в сборнике из серии «Сибирские города». Резун жалуется на О.Н. Вилкова, который пригласил в очередной сборник по истории сибирских городов авторов, которые с «профессиональной точки зрения совсем не годятся для науки <…> их присутствие будет только позорить эту серию». В результате «я, Курилов, Люцидарская, потребовали, чтобы нам дали возможность ознакомиться с этими тремя-четырьмя работами. Тогда-то и поднялся крик о том, что мы не ценим своих учителей, а он как редактор сам решает, кого брать, а кого выкидывать из сборника. Тогда, естественно, мы все трое отказались от участия в этом сборнике по историографии и источниковедению, хотя, сами понимаете, мне эта тематика интересна и даже осмелюсь сказать, что именно в этой

[23] *Чистякова Е.В.* Летописные записи о народных движениях середины XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. ст. к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 252.
[24] *Чистякова Е.В.* Формирование новых принципов исторического повествования… С. 173.
[25] Там же. С. 177.
[26] Там же. С. 171−172.
[27] В тексте ошибочно «занимается».
[28] *Резун Д.Я.* Очерки истории изучения сибирского города конца XVI − первой половины XVIII века… С. 63.
[29] *Резун Д.Я.* Городовые летописи как источник… С. 40.

проблематике я все же специалист <…> Мне горько говорить об этом <…> Горько и обидно, обидно за него, за себя и за дело»[30]. Я привела этот отрывок из письма, так как для реконструкции научной биографии Резуна важно понимание, почему он не входил в состав редколлегии двух выпусков серии и даже не был одним из публиковавшихся в них авторов. Речь идет о сборниках «Источниковедение городов Сибири конца XVI − начала XX в.» и «Историография городов Сибири конца XVI − начала XX в.», вышедших в 1983 и 1984 гг. При этом он входил в редколлегию сборников «История городов Сибири досоветского периода (XVII − начала XX в.)», «Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма)», «Сибирские города XVII − начала XX века», «Торговля городов Сибири конца XVI − начала XX в.», вышедших в 1977, 1978, 1981 и 1987 гг. К сожалению, это обстоятельство не отражено в библиографии.

И последний фрагмент из второго письма, который заслуживает внимания. В нем речь идет о ближайших и более отдаленных планах. «Написал монографию по истории Ачинска XVII−XIX вв., сейчас воюю, чтобы ее не урезали. Нынче совершенно жутко урезают объем рукописей − такого давно уже не было! Написал две рецензии на Н.Ф. Емельянова и “Мангазею” Белова − сейчас буду думать, куда их пристроить. Да есть еще ряд текущих дел − статьи, гранки и т.д., в общем, обычная нормальная жизнь. Но все же решил делать главное − написал уже на первый вариант две главы и введение докторской; сейчас начал перепечатывать первую главу для варианта, который можно уже давать на обсуждение. Думаю, что если позволят обстоятельства, то может к 1985 г. и смогу завершить ее. Тема та же, только далее: историография городов Сибири в литературе второй половины XVIII − 1917 г.»[31].

Что касается рецензий, то их, к сожалению, обнаружить не удалось. В первом случае имеются в виду, наверное, книги Н.Ф. Емельянова «Население Среднего Приобья в феодальную эпоху» или «Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху», вышедшие в 1980−1981 гг. Во втором случае, скорее всего, речь идет о втором издании книги М.И. Белова «Мангазея», вышедшем в 1979 г., или о вышедшей в 1980 г. книге «Мангазея. Мангазейский морской ход», написанной Беловым в соавторстве с О.В. Овсянниковым и В.Ф. Старковым.

Упомянутая «монография по истории Ачинска» − это, разумеется, книга Д.Я. Резуна «Русские в Среднем Причулымье в XVII−XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири)», изданная в 1984 г. В докторской диссертации «История городов Сибири в отечественной русской историографии XVIII−XIX вв.», защищенной Дмитрием Яковлевичем в 1991 г., оказались несколько иными по сравнению с названными в письме хронологические рамки: середина XVIII − конец XIX в. Письмо позволяет уточнить не только первоначальные намерения автора, но и время его работы над диссертацией − оно датировано 25 августа 1982 г., т.е. уже через три года после защиты кандидатской были готовы две главы докторской.

Думаю, что рассмотрение небольших писем Д.Я. Резуна к Е.В. Чистяковой подтверждает высказанную ранее мысль: «Эпистолярное наследие историков дает возможность прояснить <…> традиции и новации, существовавшие и появлявшиеся в профессии, показать исследовательские практики ученых, проникнуть в мир их межличностных отношений»[32]. Они могут стать важным источником для изучения историографического быта.

[30] ОР РГБ. Ф. 934. Оп. 1. Карт. 20. Д. 31. Л. 2 об. Редколлегия названных сборников состояла из О.Н. Вилкова (отв. редактор), З.В. Башкатовой, М.П. Малышевой.
[31] ОР РГБ. Ф. 934. Оп. 1. Карт. 20. Д. 31. Л. 2 об.
[32] *Сидорова Л.А.* Б.А. Романов и Е.Н. Кушева… С. 156.

Литература

Первое столетие сибирских городов: XVII век / изд. подгот. Н.Д. Зольникова, А.И. Мальцев, Д.Я. Резун, при участии А.А. Бродникова, И.Ю. Просекова. Новосибирск, 1996. (История Сибири: Первоисточники, вып. 7).

Вилков О.Н., Резун Д.Я. К истории изучения Ирбита // Сибирские города XVII − начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 11−34.

Гончаров Ю.М., Климова О.Г. Д.Я. Резун как организатор изучения истории предпринимательства в дореволюционной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 3. С. 5−9.

Дмитрий Яковлевич Резун. Библиографический указатель / сост. И.Р. Соколовский, отв. ред. И.П. Каменецкий. Новосибирск: Апостроф, 2025. 96 с.

Ивонин А.Р. Д.Я. Резун (к 60-летию со дня рождения) // Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII−XX вв.: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005. С. 3−11.

Каменецкий И.П. Д.Я. Резун − ученый, педагог, человек: К 60-летию со дня рождения историка // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2005. № 1 (15). С. 5−10.

Каменецкий И.П., Комлева Е.В., Туманик Е.Н. Последний проект историка: к биографии Дмитрия Яковлевича Резуна // Исторический курьер. 2018. № 2. Ст. 14. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-14.pdf (дата обращения: 01.08.2025).

Комлева Е.В. Вклад Дмитрия Яковлевича Резуна в сибирскую урбанистику // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 462−464.

Корзун В.П., Мамонтова М.А., Свешников А.В. Историк в собственных письмах: зеркало или мир зазеркалья? (Несколько замечаний о специфике писем русских историков XIX−XX веков в качестве историографического источника) // Письма русских историков (С.Ф. Платонов, П.Н. Милюков). Омск: Омский гос. ун-т, 2003. С. 3−36.

Матханова Н.П. Письма историков второй половины XX века как канал научной коммуникации (на примере писем из Сибири в столицу) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2024. Т. 23, № 8. С. 130−140.

Пушкарев Л.Н. Определение, систематизация и использование историографических источников // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 102−108.

Резун Д.Я. Сибирский город в русской историографии XVII − первой половины XVIII вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1979. 22 с.

Резун Д.Я. Городовые летописи как источник по истории социальной борьбы и культуры городов Сибири XVII − начала XVIII вв. // Источники по истории культуры и классовой борьбы феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 17−47.

Резун Д.Я. О работе Г.Ф. Миллера над источниками по истории городов Сибири XVII в. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 142−158.

Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI − первой половины XVIII вв. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1982. 220 с.

Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. 208 с.

Резун Д.Я. Город Ирбит в XVIII − первой половине XIX века // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 67−75.

Сидорова Л.А. Б.А. Романов и Е.Н. Кушева в 1951 году: незавершенный спор историков // Российская история. 2013. № 2. С. 155−170.

Чистякова Е.В. Летописные записи о народных движениях середины XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. ст. к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М., 1963. С. 242−252.

Чистякова Е.В. Формирование новых принципов исторического повествования // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII − начало XVIII в.). М., 1971. С. 171−184.

Шмидт С.О. О некоторых общих проблемах истории исторической науки // Методологические и теоретические проблемы истории исторической науки. Калинин, 1980. С. 109−117.

Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 245 с.

References

Chistyakova, E.V. (1963). Letopisnye zapisi o narodnykh dvizheniyakh serediny XVII v. [Chronicle Records of Popular Movements of the Mid-17th Century]. In *Problemy obshchestvenno-politicheskoy istorii Rossii i slavyanskikh stran: sbornik statey k 70-letiyu akademika M.N. Tihomirova*. Moscow, pp. 242−252.

Chistyakova, E.V. (1971). Formirovanie novykh printsipov istoricheskogo povestvovaniya [Formation of New Principles of Historical Storytelling]. In *Russkaya literatura na rubezhe dvukh epokh (XVII − nachalo XVIII v.)*. Moscow, pp. 171−184.

Elert, A.Kh. (1990). *Ekspeditsionnye materialy G.F. Millera kak istochnik po istorii Sibiri* [Expedition Materials of G.F. Müller as Sources on the History of Siberia]. Novosibirsk, Nauka. 247 p.

Goncharov, Yu.M., Klimova, O.G. (2018). D.Ya. Rezun kak organizator izucheniya istorii predprinimatel'stva v dorevolyutsionnoy Sibiri [D.Ya. Rezun as the organizer of studying the history of entrepreneurship in prerevolutionary Siberia]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 25, No. 3, pp. 5−9.

Ivonin, R.A. (2005). Sibirskiy istorik D.Ya. Rezun (k 60-letiyu so dnya rozhdeniya). Sbornik nauchnykh trudov [Dmitry Yakovlevich Rezun, a Siberian Historian (to the 60th anniversary)]. In *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya Sibiri XVII−XX vv.* Novosibirsk, pp. 3−11.

Kamenetsky, I.P. (2005). D.Ya. Rezun − uchenyy, pedagog, chelovek: K 60-letiyu so dnya rozhdeniya istorika [D.Ya. Rezun − a Scholar, a Lecturer, a Man: On the 60th Anniversary of the Historian's Birthday]. In *Cultural Studies in Siberia*. No. 1 (15), pp. 5−10.

Kamenetsky, I.P. (Ed.). (2025). Dmitriy Yakovlevich Rezun. Bibliograficheskiy ukazatel' [Dmitry Yakovlevich Rezun. Bibliographic Index]. Novosibirsk, Apostrof. 96 p.

Kamenetsky, I.P., Komleva, E.V., Tumanik, E.N. (2018). Posledniy proekt istorika: k biografii Dmitriya Yakovlevicha Rezuna [The Last Project of the Historian: to the Biography of Dmitriy Yakovlevich Rezun]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 2. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-14.pdf (date of access 01.08.2025).

Komleva, E.V. (2013). Vklad Dmitriya Yakovlevicha Rezuna v sibirskuyu urbanistiku [Dmitry Rezun's Contribution to Siberian Urban Studies]. In *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri*. Novosibirsk. Vol. 2, pp. 462−464.

Korzun, V.P., Mamontova, M.A., Sveshnikov, A.V. (2003). Istorik v sobstvennykh pis'makh: zerkalo ili mir zazerkal'ya? (Neskol'ko zamechaniy o spetsifike pisem russkikh istorikov XIX−XX vekov v kachestve istoriograficheskogo istochnika) [A Historian in His Own Letters: A Mirror or a World through the Looking Glass? (A Few Comments about the Specifics of Letters of Russian Historians of the 19th − 20th Centuries as a Historiographic Source)]. In *Pis'ma russkikh istorikov (S.F. Platonov, P.N. Milyukov)*. Omsk, pp. 3−36.

Matkhanova, N.P. (2024). Pis'ma istorikov vtoroy poloviny XX veka kak kanal nauchnoy kommunikatsii (na primere pisem iz Sibiri v stolitsu) [Letters of Historians of the 2nd Half of the 20th Century as a Channel of Scholarly Communication (Based on Letters from Siberia to the Capital)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 23, No. 8, pp. 130−140.

Pushkarev, L.N. (1980). Opredelenie, sistematizatsiya i ispol’zovanie istoriograficheskikh istochnikov [Identification, Systematization and Use of Historiographical Sources]. In *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki*. Kalinin, pp. 102−108.

Rezun D.Ya. (1991). *Ocherki istorii izucheniya sibirskogo goroda. XVIII vek* [Essays on the History of the Study of the Siberian City. 18th Century]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 208 p.

Rezun, D.Ya. (1979). *Sibirskiy gorod v russkoy istoriografii XVII − pervoy poloviny XVIII vv.* [Siberian City in Russian Historiography of the 17th − the First Half of the 18th Centuries], Cand. hist. sci. diss. abstract. Tomsk. 22 p.

Rezun, D.Ya. (1982). Gorodovye letopisi kak istochnik po istorii sotsial’noy bor’by i kul’tury gorodov Sibiri XVII − nachala XVIII vv. [City Chronicles as a Source on the History of Social Struggle and Culture of Siberian Cities of the 17th − Early 18th Centuries]. In *Istochniki po istorii kul’tury i klassovoy bor’by feodal’nogo perioda.* Novosibirsk, pp. 17−47.

Rezun, D.Ya. (1982). O rabote G.F. Millera nad istochnikami po istorii gorodov Sibiri XVII v. [About the Work of G.F. Miller on Sources on the History of Siberian Cities of the 17th Century]. In *Drevnerusskaya rukopisnaya kniga i ee bytovanie v Sibiri.* Novosibirsk, pp. 142−158.

Rezun, D.Ya. (1982). *Ocherki istorii izucheniya sibirskogo goroda kontsa XVI − pervoy poloviny XVIII vv.* [Essays on the History of the Study of the Siberian City of the Late 16th − First Half of the 18th Centuries]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 220 p.

Rezun, D.Ya. Gorod Irbit v XVIII − pervoy polovine XIX veka [The City of Irbit in the 18th − the First Half of the 19th Century]. In *Irbitskiy kray v istorii Rossii.* Ekaterinburg, pp. 67−75.

Shmidt, S.O. (1980). O nekotorykh obshchikh problemakh istorii istoricheskoy nauki [On Some General Problems of the History of Historical Science]. In *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy istorii istoricheskoy nauki*. Kalinin, pp. 109−117.

Sidorova, L.A. (2013). B.A. Romanov i E.N. Kusheva v 1951 godu: nezavershennyy spor istorikov [B.A. Romanov and E.N. Kusheva in 1951: An Unfinished Dispute among Historians]. In *Rossiyskaya istoriya*. No. 2, pp. 155−170.

Vilkov, O.N., Rezun, D.Ya. (1981). K istorii izucheniya Irbita [To the History of the Study of Irbit]. In *Sibirskie goroda XVII − nachala XX veka.* Novosibirsk, pp. 11−34.

Е.В. Комлева*

АРХИВ Д.Я. РЕЗУНА В ИНСТИТУТЕ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-4
УДК 930.253:929 Резун Д.Я.

Выходные данные для цитирования:
Комлева Е.В. Архив Д.Я. Резуна в Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 47–60. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-04.pdf

E.V. Komleva*

D.YA. REZUN'S ARCHIVE AT THE INSTITUTE OF HISTORY OF THE SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-4

How to cite:
Komleva E.V. D.Ya. Rezun's Archive at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 47–60. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-04.pdf]

Abstract. The article presents an overview of the materials deposited at the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, which a well-known scientist, a specialist in the history and historiography of the Siberian city of the 17th–18th centuries Dmitry Yakovlevich Rezun (1945–2012) collected throughout his scientific career. The archive of D.Ya. Rezun is stored in the Department of History of the Second Half of the 16th – Early 20th Century. It includes notebooks with extracts from books, photocopies of archival documents, card indexes of Siberian studies literature, Siberian service people and settlements. Lastly, it includes documentation of three research departments of the Institute of History, Philology, and Philosophy of the USSR Academy of Sciences from the 1970s and 1980s: the open-air historical and architectural museum, the department of Pre-October history, and the general department of Pre-Soviet History. Along with the preserved letters, autographs, memoirs, and personal photographs, which are currently located either in specialized archival collections or in the possession of Dmitry Yakovlevich's relatives, colleagues, and friends, the materials of the Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences form part of his extensive and diverse legacy. These materials provide insights into his work methods, his broad perspective, and his interests, covering a wide range of topics that fall under the category of "historiographical everyday life", which is currently being actively studied and developed. Of particular interest are the general notebooks with notes on scientific literature. In addition to quotations, they contain numerous comments by D.Ya. Rezun, which are concise, accurate, and profound, developed directly during his work with the literature and often used in his scientific concepts. This style of work contributed to a deep understanding of what was read, the formation of a wide scientific horizons, the development of original judgments and innovative scientific concepts. Familiarizing oneself with the contents of D.Ya. Rezun's personal archive is useful for further research on the history of the Siberian city and the development of Siberian urban studies.

Keywords: History of Siberian Urban Studies, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, D.Ya. Rezun; personal archive, historiographical everyday life.

* **Евгения Владиславовна Комлева,** доктор исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: feodal@history.nsc.ru
Evgeniya Vladislavovna Komleva, Doctor of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: feodal@history.nsc.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).
The article was made on the topic of the state assignment "Siberian Society as a Factor in the Territorial Growth and Unity of Russia (Late 16th – Early 20th Centuries)" (FWZM-2024-0007).

The article has been received by the editor on 11.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Представлен обзор отложившихся в Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук материалов, которые известный ученый, специалист по истории и историографии сибирского города XVII−XVIII вв. Дмитрий Яковлевич Резун (1945−2012) собирал на протяжении всей своей научной деятельности. Хранящийся в секторе истории второй половины XVI − начала XX в. архив Д.Я. Резуна включает тетради с выписками из книг, фотокопии архивных документов, картотеки сибиреведческой литературы, служилых людей и населенных пунктов Сибири, документацию трех научных подразделений Института истории, филологии и философии СО АН СССР за 1970−1980-е гг.: историко-архитектурного музея под открытым небом, сектора истории дооктябрьского периода и объединяющего их отдела истории досоветского периода. Наряду с сохранившимися письмами, автографами, мемуарами и личными фотографиями, которые в настоящее время находятся либо в специализированных архивных фондах, либо у родственников, коллег и друзей Дмитрия Яковлевича, материалы Института истории СО РАН формируют оставленное им обширное и разностороннее наследие, свидетельствуют о методах его работы, кругозоре и интересах, охватывая широкий спектр вопросов, входящих в активно используемую и разрабатываемую в настоящее время категорию «историографический быт». Особый интерес представляют общие тетради с конспектами научной литературы − помимо цитат, в них содержатся многочисленные комментарии самого Д.Я. Резуна, емкие, точные и глубокие, возникавшие у него непосредственно в ходе работы с литературой и нередко затем используемые в его научных публикациях. Такой стиль работы способствовал глубокому осмыслению прочитанного, формированию широкого научного кругозора, выработке оригинальных авторских суждений и новаторских научных концепций. Ознакомление с составом личного архива Д.Я. Резуна будет полезно для дальнейшего изучения истории сибирского города и развития сибирской урбанистики.

Ключевые слова: история сибирской урбанистики, Институт истории СО РАН, Д.Я. Резун, личный архив, историографический быт.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025 г.

Рубеж XX−XXI вв. ознаменован целым рядом существенных изменений в отечественной исторической науке, в том числе и в такой ее важнейшей составляющей, как историография[1]. Современные исследователи обоснованно говорят об историографической революции, определяя ее как превращение историографии «из науки об изучении результатов исторических исследований <…> в науку о механизмах получения, бытования и транслирования исторического знания» с повышенным интересом «к ремеслу историка и его личности»[2]. С этой точки зрения собрания разнородных материалов, оставшихся от профессиональных историков, подчас не менее интересны, чем их опубликованные труды. Отложившиеся в них разноплановые источники позволяют проследить формирование

[1] См., например: *Корзун В.П., Рыженко В.Г.* Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве (размышления над учебным пособием Л.П. Репиной, В.В. Зверевой, М.Ю. Парамоновой «История исторического знания») // Мир Клио: сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной. М., 2007. Т. 2. С. 266−278; *Корзун В.П., Мамонтова М.А.* В поисках новой исторической науки: гипотезы и опыты омских историографов // Вестник Омского университета. 2010. № 4 (58). С. 304−308.

[2] *Сидоров А.В.* Рец. на: Мир историка: историографический сборник / редкол. В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2019. 512 с. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2019. Т. 18, № 3. С. 721, 724.

ученого, направление и развитие его творческой мысли, полнее очертить круг его интересов и научной коммуникации, познакомиться с окружавшими его реалиями и особенностями повседневной жизни − иными словами, охватить широкий спектр вопросов, входящих в активно используемую и разрабатываемую в настоящее время категорию «историографический быт»[3]. При этом личные архивы ученых, с одной стороны, можно трактовать как своеобразные лаборатории[4], с другой − их информационный потенциал зачастую выходит далеко за рамки реконструкции биографии и методов работы отдельного человека[5].

В последние годы проявился заметный рост интереса к анализу состава личных собраний историков и краеведов, часть из которых поступает на хранение в государственные учреждения[6], что ставит на повестку дня обсуждение вопросов не только по их консервации, но и дальнейшему эффективному использованию[7]. Внимание к частным собраниям, включая архивы ученых, присуще и современной зарубежной историографии[8]. Во многом именно благодаря личным архивам формировалась ныне существующая за рубежом источниковая база по истории Сибири[9]. Особо отметим дискуссию о сущности частных архивных собраний, их соотношении с официальными архивохранилищами[10].

Данная статья посвящена наследию Дмитрия Яковлевича Резуна (1945−2025) − известного сибереведа, специалиста по истории сибирских острогов и городов конца XVI − XVIII в. Ученый, которого по праву можно назвать летописцем Азиатской России, оставил после себя не только внушительное число печатных трудов[11], объемный эпистолярный

[3] *Корзун В.П.* Образы исторической науки на рубеже XIX−XX вв. (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск, 2000; *Алеврас Н.Н.* Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22 (276). С. 79−85; *Матханова Н.П.* Историографический быт в воспоминаниях сибирских историков второй половины XX века // Историческая наука и образование в XXI веке: сб. мат-лов II Междунар. науч.-практ. конф. с элементами науч. шк. (Новосибирск, 22−25 марта 2023 г.). Новосибирск, 2023. С. 264−280; и др.

[4] *Демирова Н.И., Миленко А.А., Наумова Г.Р.* Архив историка как лаборатория исследователя // Клио. 2020. № 1 (157). С. 39−43; *Миленко А.А.* История одного проекта // Клио. 2021. № 1 (169). С. 39−41.

[5] См., например: *Гентшке В.Л., Бабаходжаева Х.А.* Личный фонд историка-востоковеда А.Х. Бабаходжаева в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 261−262; *Петрова И.С.* Личный фонд ученого-историка В.И. Томарева в государственном архиве волгоградской области // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 317.

[6] *Мироненко М.П.* Архивы краеведов в «Каталоге личных архивных фондов отечественных историков» // Археографический ежегодник. 2005. Т. 1. С. 269−270; *Ястржембский Д.А.* Л.А. Ястржембский как участник Великой Отечественной войны и историк Москвы (по материалам личного архива) // Археографический ежегодник. 2007. Т. 1. С. 137−145; *Иванова О.С.* Личные архивы как исторический источник (на примере архивов ученых-историков В.И. Пичеты и Н.Н. Улащика) // Академический архив в прошлом и настоящем: сб. науч. ст. к 280-летию Архива Российской академии наук. СПб., 2008. С. 414−420; *Изотов А.Б.* Собирательская и исследовательская деятельность М.Я. Диева (по материалам архива историка) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 1. С. 142−148; *Ростова Н.Н.* Архив историка и архивиста Р.В. Овчинникова // Археографический ежегодник за 2007−2008 годы. М., 2012. С. 415−423; *Сергеенко Е.А.* Личные фонды историков и краеведов в национальном архиве РС(Я) // Якутский архив. 2012. № 1 (42). С. 88−98; *Буслаева Г.Б., Новиков П.А.* Личный архив историка архитектуры В.И. Кочедамова в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея // Баландинские чтения. 2015. Т. 10, № 1. С. 47−50; *Самарин И.В.* Документы нового семейного фонда в Государственном архиве Новосибирской области − дар историка-архивиста В.А. Черных // Отечественные архивы. 2021. № 6. С. 122−124.

[7] *Осташова Е.А., Рожнева Ж.А., Алишина Г.Н.* Цифровизация личных архивов ученых: к чему готовиться историкам и архивистам? // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 473. С. 33−40.

[8] См., например: The Private Archives and Archival Materials in the Central and East European Countries. Materials of the International Conference, Mądralin, October 8−11, 1998. 1999; *Andrea De Pasquale.* Private archives in the library. Types, acquisition, treatment and description. 2019; и др.

[9] См.: *Ананьев Д.А.* Англо- и немецкоязычная историография истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX − начала XX в.: дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2023. С. 129−144.

[10] *Fisher R.* In Search of a Theory of Private Archives: The Foundational Writings of Jenkinson and Schellenberg Revisited // Archivaria, The Journal of the Association of Canadian Archivists. 2009. No. 67. P. 1−24.

[11] См.: Д.Я. Резун. Библиографический указатель. Новосибирск, 2025.

комплекс[12], воспоминания и полевые дневники[13], но и обширное собрание разнородных материалов, многие из которых остаются еще неизученными и не введенными в научный оборот. Наибольшая часть этого наследия, свидетельствующего о широком диапазоне научных интересов Д.Я. Резуна, его энергии при сборе источников, подходах к изучению историографии, хранится в секторе истории второй половины XVI − начала XX в. Института истории Сибирского отделения Российской академии наук. Среди них тетради с выписками из научной литературы, картотеки сибиреведческой литературы, сибирских служилых людей и населенных пунктов, фотоматериалы и машинописные копии дел по истории Сибири XVII−XIX вв., документация двух научных подразделений Института истории, филологии и философии СО АН СССР за 1970−1980-е гг.: историко-архитектурного музея под открытым небом и сектора истории дооктябрьского периода. И хотя все это далеко не эго-тексты и отражает в первую очередь именно рабочий процесс историка-профессионала, многое из перечисленного в какой-то мере свидетельствует и о его внутреннем мире, носит отпечаток его мировоззрения, жизненной и научной позиции.

Наиболее ярко это демонстрируют **тетради с выписками из литературы** (рис. 1). Дмитрий Яковлевич и кандидатскую, и докторскую диссертации защищал по историографии, благодаря чему стал знатоком в области сибирской урбанистики, прекрасно знал все исследования по той или иной проблеме. Чтобы охватить объемный массив публикаций и тщательно его освоить, уже в начале творческого пути он выработал особую методику, которой впоследствии неуклонно придерживался. Об этом он кратко упоминал в письмах к доктору исторических наук Е.В. Чистяковой: «У меня в одной большой тетради собраны все конспекты моих замечаний к вашим работам и каждую вашу работу ждал с большим интересом. Конспектировал, наводил справки, рылся в другой литературе, спорил, делал свои замечания, соглашался с Вами, добавлял новые аргументы к вашей позиции и т.д. Для меня это великолепная школа!»[14]. Заключительные слова можно отнести не только к штудированию трудов Е.В. Чистяковой, но и в целом к подходу Д.Я. Резуна к работе с научной литературой, который позволял тщательно ее прорабатывать, анализировать, подвергать критике, ставить вопросы и вырабатывать свой собственный взгляд на то или иное историческое явление. Ознакомление с этой методикой, помимо прочего, представляет большой интерес с позиций современности, когда поголовная компьютеризация практически полностью вытеснила культуру ведения рукописных записей.

Всего сохранилось 12 общих тетрадей, в которых представлены иногда подробные конспекты, иногда краткие выписки из 312 исторических сочинений, преимущественно опубликованных, но есть и несколько архивных дел (топографические описания некоторых сибирских городов из фондов Государственного архива Костромской области). На сгибе каждой тетради кратко обозначена представленная в ней тематика или период истории: «ЛИГС − 6» («Литература по истории городов Сибири»), «XIX − 3» и т.д. На первом листе аккуратно перечислено, какие именно труды в ней законспектированы, иногда указан и библиотечный шифр. Встречаются редкие издания из фондов региональных библиотек[15]. Все листы в тетрадях пронумерованы, для записей использованы цветные шариковые ручки: основной текст написан синим, авторы, заголовки − либо красным, либо подчеркнуты

[12] В частности, переписка Д.Я. Резуна с Е.В. Чистяковой анализируется в работах Н.П. Матхановой: *Матханова Н.П.* Письма историков второй половины XX века как канал научной коммуникации (на примере писем из Сибири в столицу) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2024. Т. 23, № 8. С. 130−140; *Матханова Н.П.* Письма Д.Я. Резуна Е.В. Чистяковой как историографический источник [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 38−46. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-03.pdf

[13] О них см.: *Каменецкий И.П.* Путь в науку Дмитрия Яковлевича Резуна (неизвестные страницы жизни историка) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 12−27. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-01.pdf

[14] Цит. по: *Матханова Н.П.* Письма историков… С. 134.

[15] Например: *Сукачев В.П.* Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. М., 1891.

красной линией, либо заключены в нарисованный красный прямоугольник. Красным цветом подчеркнуты также номера страниц, откуда делались выписки, иногда комментарии к выпискам, зеленым − подзаголовки. В ряде случаев тетрадь заполнялась одновременно с двух сторон. Записи велись так, что их впоследствии было очень удобно использовать, причем не только автору, но и другим исследователям, что расширяет их значение по сравнению с персональными тетрадями для конспектов, рассчитанными на одного пользователя.

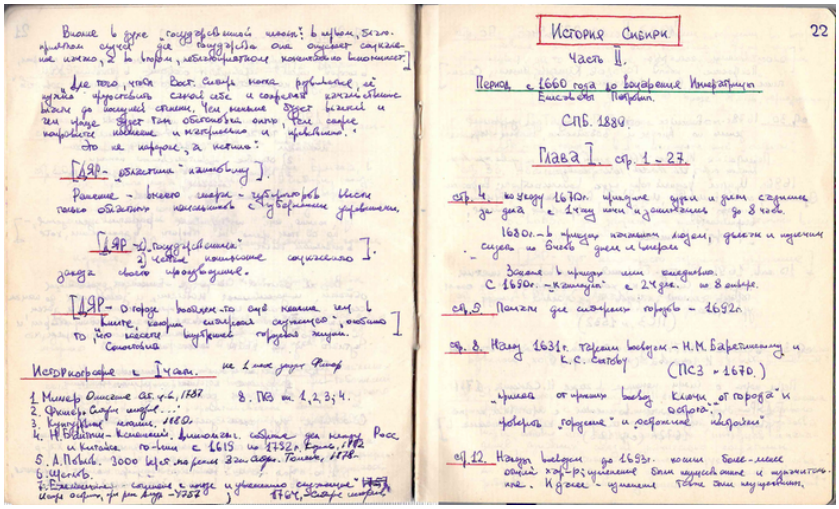


Рис. 1. Тетрадь с выписками из литературы Д.Я. Резуна

Самое интересное в тетрадях Дмитрия Яковлевича − его комментарии к выпискам из книг. Эти комментарии хорошо видны, поскольку заключены в квадратные скобки и помечены аббревиатурой «ДЯР». Приведем несколько пометок, сопровождающих конспект первой части известного труда В.К. Андриевича «История Сибири»[16]: к фразе «Господь помог, и храбрецы <…> спустились вплоть до устья Тавды» − «ДЯР − провиденционализм XIX в.», к с. 21 − «ДЯР − таким образом, функции русских городов в Сибири − 1) военные, 2) ясачные»; к с. 25 − «ДЯР − “городок”? и “острог”?»; к с. 34 − «различаются “города” и “остроги”, но как?»; «“служило-промышленная” колонизация»; к с. 36 − к фразе про Нарым «теперь берег подмыт под самые дома» − «неточная информация: или сам видел, был там, или другие очевидцы и рассказ»; к с. 37 − «опять приводит мнение Миллера и объясняет почему, но свою точку зрения не объясняет, а просто ссылается на Щеглова»; к фразе про Кетский острог − «где он стоит и теперь» − «опять “свои глаза”»; к с. 45 − «1) отличие “острога” от “города”, 2) “острог” и “город” как две стадии развития населенного пункта»; к с. 81 − «странно: внутри “острога” еще “крепости”, причем одна из них “палисад”» и т.д.

Видно, что, читая, Дмитрий Яковлевич обращал внимание на детали, дискуссионные проблемы, опирался на свой научный багаж, попутно и задавая вопросы, и полемизируя. Такой подход позволял систематизировать информацию, осмысливать ее и сразу же намечать пути для ее дальнейшего продуктивного использования. Это придавало собственным работам Дмитрия Яковлевича глубину, вводя в них различные ракурсы на одну и ту же проблему, позволяло заострить спорные моменты и обоснованно выдвинуть собственную точку зрения. К сожалению, пока не найдена вышеупомянутая тетрадь Д.Я. Резуна с конспектами работ Е.В. Чистяковой, но каждая из сохранившихся отражает его упорный систематический труд, широкий кругозор, способность проникнуть в самую суть и зачастую чувство юмора.

Вот, например, комментарий к фразе К.Б. Газенвинкеля о том, что «…материалы разбросаны повсюду, не систематизированы, не обработаны, представляют из себя безжизненную, неодухотворенную массу». Выписав эти слова, Дмитрий Яковлевич далее замечает:

[16] *Андриевич В.К.* История Сибири. СПб., 1889. Ч. I. Период с древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога.

«ДЯР − хорошо − “неодухотворенную массу”; это уже дает представление и об отношении автора к источникам».

Глубокий анализ, который Д.Я. Резун старался применить к каждой прочитанной им работе, можно хорошо проиллюстрировать и его комментарием к «Очерку» В.П. Сукачева:

«1) конечно, терминология путаная, что и говорить;

2) если можно выразиться, то автор сам того не подозревая говорит о конфликте буржуазного города с феодальным управлением, о конфликте элементов нового общественного строя в Сибири;

3) теория сибирской колонизации;

4) игнорирование народной колонизации;

5) противопоставление в хозяйственной жизни служилых и торгово-промышленных людей, что не совсем верно;

6) выводит “буржуазию” только из торгово-промышленных людей, “купцов”, даже не из посада, и не видит хозяйственного значения служилых;

7) придерживается точки зрения о слабости сибирского посада, оценивая его с точки зрения формальной организации и т.д.;

8) о боярстве − отзвуки госуд[арственного] направления в теории колонизации великорусской (Соловьев);

9) “чиновничество” выводится без “предков” и вне соц[иально]-экономич[еского] и полит[ического] смысла Рос[сийского] гос[ударст]ва».

Изданию в целом Дмитрий Яковлевич дал следующую оценку:

«1. Весь сборник слабоват, господствует формально-сравнительный метод, голая описательность, отсутствует широкая панорама.

2. Написана с бурж[уазно]-либеральных, если не охранит[ельных] позиций, местами от областничества, государственного направления, и даже “легального марксизма”.

3. Да и сам состав сборника не равноценен.

4. Уже к его выходу − это прошлый день науки, одинаковый по сути с “Иркутской летописью”».

В целом комментарии Д.Я. Резуна к выпискам из литературы раскрывают его как внимательного въедливого читателя, демонстрируют ход его мысли при чтении, рождаемые ассоциации, которые появлялись в значительной мере благодаря его широкому кругозору. Фиксация собственных идей во время конспектирования играла большую роль и при их осмыслении и выработке общего взгляда на ту или иную работу, ее сильные и слабые стороны, помогала при написании собственных текстов, могла быть востребована и при переписке с другими специалистами. Наличие этих тетрадей можно считать редкой удачей для историков науки, да и для тех, кто занимается сибирской урбанистикой. В историографии упоминаются входящие в состав личных фондов историков «книги, диссертации и авторефераты, статьи, лекции, рецензии, отзывы, тексты выступлений, выписки и черновые материалы к статьям и лекциям», «записные книжки»[17], однако далеко не все из этого раскрывает первую реакцию ученого на то или иное высказывание, позволяет воссоздать ход его мыслей и процесс научного поиска.

Как тщательно проработанные, так и другие издания Д.Я. Резун отмечал в **специальной картотеке научной литературы**, под которую использовал настоящие каталожные ящики и специальные карточки. На последние в печатном виде заносились выходные данные всех публикаций по интересующей его проблематике − не только монографии, но и рецензии на них, многочисленные статьи в различных сборниках, включая тезисы на одну-две страницы начинающих авторов[18]. Систематическое отслеживание и фиксация многочисленной

[17] *Петрова И.С.* Личный фонд ученого-историка В.И. Томарева… С. 314−315.

[18] Например: *Гузок К.Г.* Численность населения и его размещения на юге восточной Сибири во 2-й половине XVIII − первой половине XIX в. // Вторая научная конференция молодых ученых (тезисы докладов). Иркутск, 1972. С. 226−227.

литературы позволяли не только быть в курсе новейших исследований, но и при необходимости быстро находить печатные работы по самым различным сюжетам.

Особой ценностью обладает собранная Д.Я. Резуном **картотека служилых людей Сибири конца XVI − начала XVIII в.** Она содержит сведения о более 10 тысячах персоналий, которые Дмитрий Яковлевич скрупулезно выписывал из литературы и источников в течение нескольких десятилетий. Благодаря этому удалось выявить и собрать воедино данные о происхождении, статусе, служебной деятельности, семейном положении, хозяйственных занятиях, участии в социальной жизни, повседневном быте многих служилых людей − причем не только о тех из них, кто занимал руководящие посты, но и о прежде находившихся «в тени» рядовых казаках и стрельцах. Учитывая все это, ученики и коллеги Д.Я. Резуна при поддержке РФФИ подготовили и издали на основе его картотеки энциклопедический словарь служилых людей, участвовавших в освоении Северной Азии[19].

Картотека населенных пунктов Новосибирской области включает 974 карточки с информацией о старейших поселениях региона, основанных в XVIII − начале XX в.: их названия, месторасположение, даты упоминаний в источниках и литературе, число дворов и жителей в разные годы (рис. 2).

Рис. 2. Картотека населенных пунктов Новосибирской области

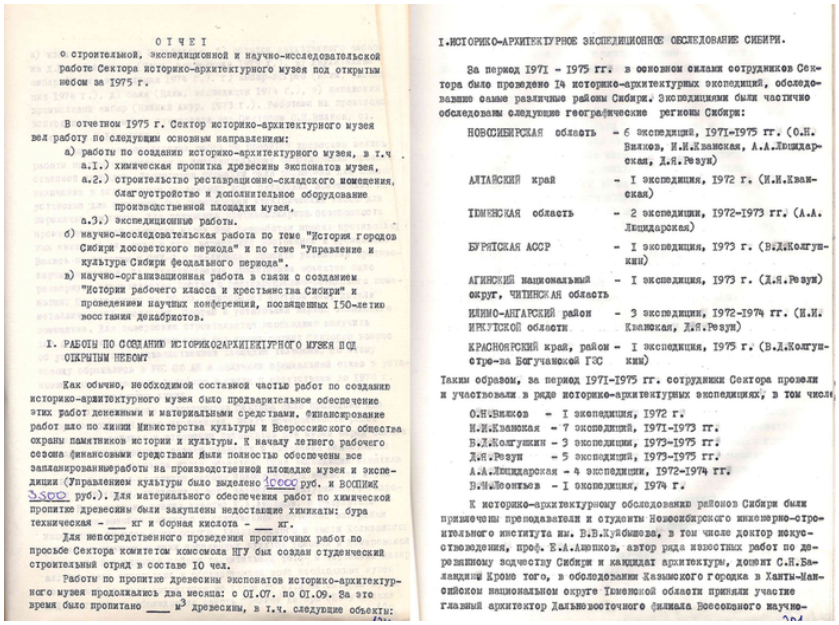
В собрании Д.Я. Резуна также находится объемный **корпус фотоматериалов и машинописных копий дел по истории Сибири XVII−XIX вв.** из нескольких центральных и региональных архивохранилищ: Российского государственного архива древних актов, Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, Государственного архива Костромской области, Государственного архива Иркутской области, Государственного исторического архива Омской области. Тематика дел отражает круг научных интересов Дмитрия Яковлевича на разных этапах его творческого пути − это история сибирских служилых людей и купечества, сибирских городов XVIII − начала XIX в. Значительная часть собрания − фотокопии делопроизводственных документов из фонда И.О. Селифонтова, отложившегося в ГАКО.

Часть сохранившихся материалов не имеет непосредственного отношения к процессу творческого поиска Д.Я. Резуна, однако представляет интерес с точки зрения изучения организации научных исследований в поздний советский период. Речь идет **о делопроизводственных документах трех научных подразделений Института истории, филологии и философии СО АН СССР за 1970−1980-е гг.:** историко-архитектурного музея под открытым небом, сектора истории дооктябрьского периода и общего отдела истории досоветского периода. Сектор, который назывался историко-архитектурным музеем под открытым небом, существовал с 1970 по 1993 г. (в 1993 г. он был реорганизован в сектор истории конца XVI − начала XIX в.); до 1980 г. им руководил О.Н. Вилков, затем Д.Я. Резун. Сектор истории

[19] Служилые люди Сибири конца XVI − начала XVIII века: биобиблиографический словарь. М.; СПб., 2020.

дооктябрьского периода, образованный в 1967 г., в 1968−1969 гг. возглавляла М.М. Громыко, затем до 1997 г. − Л.М. Горюшкин. Оба подразделения вместе с сектором археографии и источниковедения (руководитель Н.Н. Покровский) входили в состав большого отдела, специализирующегося на изучении досоветского периода[20].

Среди сохранившихся бумаг ежегодные планы и отчеты, заявки на микрофильмирование, фотокопирование и другие виды работ, протоколы заседаний (рис. 3). Многие из этих документов содержат не просто сухую констатацию фактов (число сотрудников, сведения о публикациях, командировках и пр.), но и напоминают о таких ныне безвозвратно исчезнувших реалиях повседневной жизни советской научной интеллигенции, как, например, социалистические обязательства. Так, в рамках последних сотрудники сектора в течение 1978 г. обязались: «1. К сентябрю предоставить первые варианты закрепленных за сотрудниками Сектора параграфов по истории рабочего класса и крестьянства Сибири», а также «2. Оказывать постоянную научно-методическую помощь в создании Историко-архитектурного музея под открытым небом».



О Т Ч Е Т

о строительной, экспедиционной и научно-исследовательской работе Сектора историко-архитектурного музея под открытым небом за 1975 г.

В отчетном 1975 г. Сектор историко-архитектурного музея вел работу по следующим основным направлениям:

а) работы по созданию историко-архитектурного музея, в т.ч
а.1.) химическая пропитка древесины экспонатов музея,
а.2.) строительство реставрационно-складского помещения, благоустройство и дополнительное оборудование производственной площадки музея,
а.3.) экспедиционные работы.
б) научно-исследовательская работа по теме "История городов Сибири досоветского периода" и по теме "Управление и культура Сибири феодального периода".
в) научно-организационная работа в связи с созданием "Истории рабочего класса и крестьянства Сибири" и проведением научных конференций, посвященных 150-летию восстания декабристов.

I. РАБОТЫ ПО СОЗДАНИЮ ИСТОРИКОАРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Как обычно, необходимой составной частью работ по созданию историко-архитектурного музея было предварительное обеспечение этих работ денежными и материальными средствами. Финансирование работ шло по линии Министерства культуры и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. К началу летнего рабочего сезона финансовыми средствами были полностью обеспечены все запланированные работы на производственной площадке музея и экспедиции (Управлением культуры было выделено 10000 руб. и ВООПИК 5.500 руб.). Для материального обеспечения работ по химической пропитке древесины были закуплены недостающие химикаты: бура техническая - __ кг и борная кислота - __ кг.

Для непосредственного проведения пропиточных работ по просьбе Сектора комитетом комсомола НГУ был создан студенческий строительный отряд в составе 10 чел.

Работы по пропитке древесины экспонатов историко-архитектурного музея продолжались два месяца: с 01.07. по 01.09. За это время было пропитано ___ м³ древесины, в т.ч. следующие объекты:

I.ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОЕ ЭКСПЕДИЦИОННОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ СИБИРИ.

За период 1971 - 1975 гг. в основном силами сотрудников Сектора было проведено 14 историко-архитектурных экспедиций, обследовавших самые различные районы Сибири. Экспедициями были частично обследованы следующие географические регионы Сибири:

НОВОСИБИРСКАЯ область - 6 экспедиций, 1971-1975 гг. (О.Н. Вилков, И.Н.Кламская, А.А.Лекидарская, Д.Я.Резун)

АЛТАЙСКИЙ край - 1 экспедиция, 1972 г. (И.Н.Кламская)

ТЮМЕНСКАЯ область - 2 экспедиции, 1972-1973 гг. (А.А. Лекидарская)

БУРЯТСКАЯ АССР - 1 экспедиция, 1973 г. (В.Д.Колгушкин)

АГИНСКИЙ национальный округ, ЧИТИНСКАЯ область - 1 экспедиция, 1973 г. (Д.Я.Резун)

КИРИНО-АНГАРСКИЙ район ИРКУТСКОЙ области - 3 экспедиции, 1972-1974 гг. (И.Н. Кламская, Д.Я.Резун)

КРАСНОЯРСКИЙ край, район стр-ва Богучанской ГЭС - 1 экспедиция, 1975 г. (В.Д.Колгушкин)

Таким образом, за период 1971-1975 гг. сотрудники Сектора провели и участвовали в ряде историко-архитектурных экспедициях, в том числе:

О.Н.Вилков - 1 экспедиция, 1972 г.
И.Н.Кламская - 7 экспедиций, 1971-1973 гг.
В.Д.Колгушкин - 3 экспедиции, 1973-1975 гг.
Д.Я.Резун - 5 экспедиций, 1973-1975 гг.
А.А.Лекидарская - 4 экспедиции, 1972-1974 гг.
В.И.Леонтьев - 1 экспедиция, 1974 г.

К историко-архитектурному обследованию районов Сибири были привлечены преподаватели и студенты Новосибирского инженерно-строительного института им. В.В.Куйбышева, в том числе доктор искусствоведения, проф. Е.А.Авдеков, автор ряда известных работ по деревянному зодчеству Сибири и кандидат архитектуры, доцент С.Н.Баландин. Кроме того, в обследовании Казымского городка в Ханты-Мансийском национальном округе Тюменской области принял участие главный архитектор Дальневосточного филиала Всесоюзного научно-

Рис. 3. Отчет Историко-архитектурного музея под открытым небом за 1975 г.

Выше уже говорилось о входящих в архив Д.Я. Резуна нескольких десятках папок с фотокопиями документов из различных центральных и региональных архивохранилищ. Этот объемный корпус был собран во многом благодаря тому, что на копирование регулярно выделялись средства из бюджета института. Например, в соответствующей заявке от 19 декабря 1981 г., подписанной «зав. Сектором истории феодализма историко-архитектурного комплекса к.и.н.» О.Н. Вилковым, указаны материалы из пяти московских и ленинградских учреждений (архивов и библиотек), которые предполагалось скопировать, − всего на сумму 296 руб. (копия одного листа в ЦГАДА стоила тогда 6 коп.).

Помимо прочего, материалы сектора − источник для изучения проблематики, связанной с такой значимой движущей силой развития научной коммуникации и научной мысли, как межличностные конфликты. О них зачастую трудно найти информацию где бы то ни было, между тем, по словам В.П. Корзун, «эта борьба − важный фактор, который и структурирует, и дезорганизует научное сообщество»[21]. Протоколы заседаний ученых советов, отдельных научных подразделений могут отчасти свидетельствовать об этой составляющей научной жизни. Так, подробное изложение хода заседаний сектора истории дооктябрьского

[20] Институт истории: научно-информационное издание. Новосибирск, 2014. С. 58.
[21] *Корзун В.П.* Научные сообщества историков России: практика антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. 2012. Вып. 51, № 16 (270). С. 106.

периода за 1983−1987 гг. раскрывает не только включенные в повестку вопросы, но и обсуждение докладов, диссертаций, рукописей научных работ, личных отчетов, знакомит с репликами присутствовавших.

Обращает на себя внимание единственный протокол заседания общего отдела истории досоветского периода от 11 декабря 1984 г., в котором принимали участие сотрудники трех секторов − Л.М. Горюшкина, Н.Н. Покровского и Д.Я. Резуна. Заседание было созвано для того, чтобы ознакомить находившихся в Новосибирске иностранных ученых Кэрола Л. и Джона К. (именно так они названы в протоколе) с работой входивших в состав отдела научных подразделений. Выступая, Д.Я. Резун охарактеризовал деятельность своего сектора следующим образом: «Основная задача нашего сектора созд[ать] ед[иный] свод памятников ист[ории] культуры Сибири. Создание свода − уникальное явление <…> Этой про[бле]мой заняты разл[ичные] академич[еские] институты <…> Сектор исслед[ует] пр[обле]му формир[ования] насел[енных] пунктов, историю сиб[ирского] города. История Сибири дает м[атериа]лы для сравнения с ист[орией] других колонизируемых территорий и стран. Колонизация Сибири протекала в одно время с кол[онизац]ией Сев[ерной] Америки». Впоследствии тема фронтира в истории Сибири и Северной Америки будет развита в целой серии работ Дмитрия Яковлевича[22].

Наконец, нельзя не упомянуть и о **личном деле** Д.Я. Резуна, хранящемся в отделе кадров Института истории СО РАН. Конечно, материалы, входящие в его состав, отличаются краткостью и носят лишь справочный характер, однако они фиксируют все этапы работы Дмитрия Яковлевича в стенах учреждения: от должности художника-оформителя до заведующего сектором. Отзывы-характеристики за 1993 и 1998 г., составленные при непосредственном участии самого Д.Я. Резуна, отмечают то, что он сам считал самым важным в своей научной и научно-организационной деятельности[23].

Таким образом, оставленное Д.Я. Резуном наследие не только свидетельствует о широком диапазоне его научных интересов но и о методах его работы, что, на наш взгляд, представляет не меньшую ценность. В основе научных исследований Дмитрия Яковлевича лежала скрупулезная методичная проработка научной литературы и письменная систематизация выявленных сведений, к которым он впоследствии обращался. Именно это обусловило глубину его знаний и широту кругозора, сформировало понимание, где и какие документы следует искать. С присущей ему энергией он в течение десятков лет из года в год собирал копии документов, создавая тем самым основу для исследования целого ряда аспектов из истории сибирских городов Нового времени. В последние двадцать лет произошло коренное изменение стиля работы профессиональных историков. Поголовная компьютеризация, конечно, в чем-то существенно облегчила задачи исследователей, однако навсегда утраченной оказалась культура ведения собственноручных записей, пометок, что, думается, повлияло на восприятие и усвоение информации. В целом, отражая некоторые стороны историографического быта, свидетельствуя и о личности ученого, и об окружавшей его обстановке, архив Д.Я. Резуна в Институте истории СО РАН содержит также богатейшую источниковую базу для будущих поколений исследователей − дело лишь в том, чтобы нашлись желающие разобрать и проанализировать собранные им материалы по истории Сибири.

Литература

Алеврас Н.Н. Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 22 (276). С. 79−85.

[22] *Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII−XX вв. Новосибирск, 2001; *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII−XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005; и др.

[23] Подробнее о личном деле Д.Я. Резуна см.: *Каменецкий И.П., Комлева Е.В., Туманик Е.Н.* Последний проект историка: к биографии Дмитрия Яковлевича Резуна [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2018. № 2. Ст. 14. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-14.pdf (дата обращения: 09.12.2025).

Ананьев Д.А. Англо- и немецкоязычная историография истории Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки второй половины XIX − начала XX в.: дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2023. 602 с.

Андриевич В.К. История Сибири. СПб.: Типография и литография В.В. Комарова, 1889. Ч. I. Период с древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. XIV, 220 с.

Буслаева Г.Б., Новиков П.А. Личный архив историка архитектуры В.И. Кочедамова в фондах Омского государственного историко-краеведческого музея // Баландинские чтения. 2015. Т. 10, № 1. С. 47−50.

Гентшке В.Л., Бабаходжаева Х.А. Личный фонд историка-востоковеда А.Х. Бабаходжаева в Центральном государственном архиве Республики Узбекистан // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 261−270.

Гузок К.Г. Численность населения и его размещения на юге Восточной Сибири во 2-й половине XVIII − первой половине XIX в. // Вторая научная конференция молодых ученых (тезисы докладов). Иркутск, 1972. С. 226−227.

Д.Я. Резун. Библиографический указатель / сост. И.Р. Соколовский; отв. ред. И.П. Каменецкий. Новосибирск: Апостроф, 2025. 96 с.

Демирова Н.И., Миленко А.А., Наумова Г.Р. Архив историка как лаборатория исследователя // Клио. 2020. № 1 (157). С. 39−43.

Иванова О.С. Личные архивы как исторический источник (на примере архивов ученых-историков В.И. Пичеты и Н.Н. Улащика) // Академический архив в прошлом и настоящем: сб. науч. ст. к 280-летию Архива Российской академии наук. СПб., 2008. С. 414−420.

Изотов А.Б. Собирательская и исследовательская деятельность М.Я. Диева (по материалам архива историка) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 1. С. 142−148.

Институт истории: научно-информационное издание / отв. ред. В.А. Ламин, авт.-сост. Е.В. Комлева, Я.А. Кузнецова. Новосибирск: Офсет, 2014. 234 с.

Каменецкий И.П. Путь в науку Дмитрия Яковлевича Резуна (неизвестные страницы жизни историка) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 12−27. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-03.pdf

Каменецкий И.П., Комлева Е.В., Туманик Е.Н. Последний проект историка: к биографии Дмитрия Яковлевича Резуна [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2018. № 2. Ст. 14. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-14.pdf (дата обращения: 09.12.2025).

Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практика антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: История. 2012. Вып. 51, № 16 (270). С. 99−109.

Корзун В.П. Образы исторической науки на рубеже XIX−XX вв.: (анализ отечественных историографических концепций). Екатеринбург; Омск: Изд-во Ур. ун-та, ОмГУ, 2000. 226 с.

Корзун В.П., Мамонтова М.А. В поисках новой исторической науки: гипотезы и опыты омских историографов // Вестник Омского университета. 2010. № 4 (58). С. 304−308.

Корзун В.П., Рыженко В.Г. Поиск нового образа историографии в современном интеллектуальном пространстве (размышления над учебным пособием Л.П. Репиной, В.В. Зверевой, М.Ю. Парамоновой «История исторического знания») // Мир Клио: сб. ст. в честь Лорины Петровны Репиной. М., 2007. Т. 2. С. 266−278.

Матханова Н.П. Историографический быт в воспоминаниях сибирских историков второй половины XX века // Историческая наука и образование в XXI веке: сб. мат-лов II Междунар. науч.-практ. конф. с элементами науч. шк. (Новосибирск, 22−25 марта 2023 г.). Новосибирск, 2023. С. 264−280.

Матханова Н.П. Письма историков второй половины XX века как канал научной коммуникации (на примере писем из Сибири в столицу) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2024. Т. 23, № 8. С. 130−140.

Матханова Н.П. Письма Д.Я. Резуна Е.В. Чистяковой как историографический источник [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 38−46. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-03.pdf

Миленко А.А. История одного проекта // Клио. 2021. № 1 (169). С. 39−41.

Мироненко М.П. Архивы краеведов в «Каталоге личных архивных фондов отечественных историков» // Археографический ежегодник. 2005. Т. 1. С. 269−270.

Осташова Е.А., Рожнева Ж.А., Алишина Г.Н. Цифровизация личных архивов ученых: к чему готовиться историкам и архивистам? // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 473. С. 33−40.

Петрова И.С. Личный фонд ученого-историка В.И. Томарева в государственном архиве волгоградской области // Вестник архивиста. 2015. № 1. С. 311−318.

Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII−XX вв. Новосибирск: ИДМИ, 2001. 113 с.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII−XX вв.: общее и особенное. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2005. 128 с.

Ростова Н.Н. Архив историка и архивиста Р.В. Овчинникова // Археографический ежегодник за 2007−2008 годы. М., 2012. С. 415−423.

Самарин И.В. Документы нового семейного фонда в Государственном архиве Новосибирской области − дар историка-архивиста В.А. Черных // Отечественные архивы. 2021. № 6. С. 122−124.

Сергеенко Е.А. Личные фонды историков и краеведов в национальном архиве РС(Я) // Якутский архив. 2012. № 1 (42). С. 88−98.

Сидоров А.В. Рец. на: Мир историка: историографический сборник / редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. Ун-та, 2019. 512 с. // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2019. Т. 18, № 3. С. 720−725.

Служилые люди Сибири конца XVI − начала XVIII века: биобиблиографический словарь / отв. ред. И.П. Каменецкий; сост. И.П. Каменецкий, Д.А. Ананьев, Е.В. Комлева, Е.Н. Туманик. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 992 с.

Сукачев В.П. Иркутск. Его место и значение в истории и культурном развитии Восточной Сибири. Очерк, редактированный и изданный иркутским городским головой В.П. Сукачевым. 1891 г. М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1891. 269 с.

Ястржембский Д.А. Л.А. Ястржембский как участник Великой Отечественной войны и историк Москвы (по материалам личного архива) // Археографический ежегодник. 2007. Т. 1. С. 137−145.

Fisher R. In Search of a Theory of Private Archives: The Foundational Writings of Jenkinson and Schellenberg Revisited // Archivaria. The Journal of the Association of Canadian Archivists. 2009. No. 67. P. 1−24.

The Private Archives and Archival Materials in the Central and East European Countries. Materials of the International Conference, Madralin, October 8−11, 1998 / ed. W. Stepniak. Warszawa, 1999. 230 p.

Andrea De Pasquale. Private archives in the library. Types, acquisition, treatment and description // JLIS.it: Italian Jornal of Library, Archives and Information Science 2019. Vol. 10, № 3. P. 34−46.

References

Alevras, N.N. (2012). Istoriograficheskoe znanie i problema istoriograficheskogo byta: smysl i proiskhozhdenie nauchnoy kategorii [Historiographical Knowledge and the Problem of Historiographical Everyday Life: The Meaning and Origin of a Scientific Category]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 22 (276), pp. 79−85.

Anan'ev, D.A. (2023). *Anglo- i nemetskoyazychnaya istoriografiya istorii Sibiri, Dal'nego Vostoka i Russkoy Ameriki vtoroy poloviny XIX − nachala XX v.* [English- and German-Language Historiography of the History of Siberia, the Far East, and Russian America in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries], Dr. hist. sci. diss. Novosibirsk. 602 p.

Andrievich, V.K. (1889). *Istoriya Sibiri. Ch. I. Period s drevneyshikh vremen do ustanovleniya glavenstva goroda Tobol'ska i osnovaniya Irkutskogo ostroga* [History of Siberia. Part I. The Period from Ancient Times to the Establishment of the Supremacy of the City of Tobolsk and the Foundation of the Irkutsk Prison]. St. Petersburg, Tipografiya i litografiya V.V. Komarova. XIV, 220 p.

Buslaeva, G.B., Novikov, P.A. (2015). Lichnyy arkhiv istorika arkhitektury V.I. Kochedamova v fondakh Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [The Personal Archive of the Architectural Historian V.I. Kochedamov in the Collections of the Omsk State Museum of History and Local Lore]. In *Balandinskie chteniya*. Vol. 10, No. 1, pp. 47−50.

Demirova, N.I., Milenko, A.A., Naumova, G.R. (2020). Arkhiv istorika kak laboratoriya issledovatelya [The Historian's Archive as a Researcher's Laboratory]. In *Klio*. No. 1 (157), pp. 39−43.

Fisher, R. (2009). In Search of a Theory of Private Archives: The Foundational Writings of Jenkinson and Schellenberg Revisited. In *Archivaria. The Journal of the Association of Canadian Archivists.* No. 67, pp. 1−24.

Gentshke, V.L., Babakhodzhaeva, Kh.A. (2012). Lichnyy fond istorika-vostokoveda A.Kh. Babakhodzhaeva v Tsentral'nom gosudarstvennom arkhive Respubliki Uzbekistan [Personal Fond of the Orientalist Historian A.Kh. Babakhodzhaev in the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan]. In *Vestnik arkhivista*. No. 2, pp. 261−270.

Guzok, K.G. (1972). Chislennost' naseleniya i ego razmeshchenie na yuge Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XVIII − pervoy polovine XIX v. [Population Number and Distribution in the South of Eastern Siberia in the Second Half of the 18th and the First Half of the 19th Centuries]. In *Vtoraya nauchnaya konferentsiya molodykh uchenykh (tezisy dokladov).* Irkutsk, pp. 226−227.

Ivanova, O.S. (2008). Lichnye arkhivy kak istoricheskiy istochnik (na primere arkhivov uchenykh-istorikov V.I. Pichety i N.N. Ulashchika) [Personal Archives as a Historical Source (on the Example of the Archives of the Historians V.I. Picheta and N.N. Ulashchik)]. In *Akademicheskiy arkhiv v proshlom i nastoyashchem*. St. Petersburg, pp. 414−420.

Izotov, A.B. (2012). Sobiratel'skaya i issledovatel'skaya deyatel'nost' M.Ya. Dieva (po materialam arkhiva istorika) [Collecting and Research Activities of M.Ya. Diev (Based on the Materials of the Historian's Archive)]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya.* No. 1, pp. 142−148.

Kamenetsky, I.P. (Ed.) (2020). *Sluzhilye lyudi Sibiri kontsa XVI − nachala XVIII veka: biobibliograficheskiy slovar'* [The Service People of Siberia in the Late 16th and Early 18th Centuries: A Biobibliographical Dictionary]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 992 p.

Kamenetsky, I.P. (Ed.). (2025). *D.Ya. Rezun. Bibliograficheskiy ukazatel'* [D.Ya. Rezun. Bibliographic Index]. Novosibirsk, Apostrof. 96 p.

Kamenetsky, I.P. (2026). Put' v nauku Dmitriya Yakovlevicha Rezuna (neizvestnye stranitsy zhizni istorika) [The Path to Science of Dmitry Yakovlevich Rezun (Unknown Pages of the Historian's Life)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 1 (45), pp. 12−27. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-01.pdf

Kamenetsky, I.P., Komleva, E.V., Tumanik, E.N. (2018). Posledniy proekt istorika: k biografii Dmitriya Yakovlevicha Rezuna [The Historian's Last Project: A Biography of Dmitry Yakovlevich Rezun]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 2. Article 14. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-14.pdf (date of access 09.12.2025).

Korzun, V.P. (2000). *Obrazy istoricheskoy nauki na rubezhe XIX−XX vv. (analiz otechestvennykh istoriograficheskikh kontseptsiy)* [Images of Historical Science at the Turn of the 19th and 20th Centuries (Analysis of Russian Historiographical Concepts)]. Yekaterinburg, Omsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, OmGU. 226 p.

Korzun, V.P. (2012). Nauchnye soobshchestva istorikov Rossii: praktika antropologicheskogo opisaniya (iz lektsionnogo opyta) [Scientific Communities of Russian Historians: The Practice of Anthropological Description (From the Lectures Experience)]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya.* Iss. 51, No. 16 (270), pp. 99−109.

Korzun, V.P., Mamontova, M.A. (2010). V poiskakh novoy istoricheskoy nauki: gipotezy i opyty omskikh istoriografov [In Search of a New Historical Science: Hypotheses and Experiments by Omsk Historiographers]. In *Vestnik Omskogo universiteta.* No. 4 (58), pp. 304−308.

Korzun, V.P., Ryzhenko, V.G. (2007). Poisk novogo obraza istoriografii v sovremennom intellektual'nom prostranstve (razmyshleniya nad uchebnym posobiem L.P. Repinoy, V.V. Zverevoy, M.Yu. Paramonovoy "Istoriya istoricheskogo znaniya") [The Search for a New Image of Historiography in the Modern Intellectual Space (Reflections on the Textbook by L.P. Repina, V.V. Zvereva, M.Y. Paramonova "The History of historical knowledge")]. In *Mir Klio*. Moscow. Vol. 2, pp. 266−278.

Lamin, V.A. (Ed.). (2014). *Institut istorii: nauchno-informatsionnoe izdanie* [Institute of History: Scientific and Informational Publication]. Novosibirsk, Ofset. 234 p.

Matkhanova, N.P. (2023). Istoriograficheskiy byt v vospominaniyakh sibirskikh istorikov vtoroy poloviny XX veka [Historiographical Life in the Memoirs of Siberian Historians of the Second Half of the 20th Century]. In *Istoricheskaya nauka i obrazovanie v XXI veke: sbornik materialov II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s elementami nauchnoy shkoly (Novosibirsk, 22−25 marta 2023 g.).* Novosibirsk, pp. 264−280.

Matkhanova, N.P. (2024). Pis'ma istorikov vtoroy poloviny XX veka kak kanal nauchnoy kommunikatsii (na primere pisem iz Sibiri v stolitsu) [Letters of Historians of the Second Half of the 20th Century as a Channel of Scientific Communication (On the Example of Letters from Siberia to the Capital)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya.* Vol. 23, No. 8, pp. 130−140.

Matkhanova, N.P. (2026). Pis'ma D.Ya. Rezuna E.V. Chistyakovoy kak istoriograficheskiy istochnik [The Rezun's Letters to E.V. Chistyakova as a Historiographical Source]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 1 (45), pp. 38−46. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-03.pdf

Milenko, A.A. (2021). Istoriya odnogo proekta [The Story of a Project]. In *Klio*. No. 1 (169), pp. 39−41.

Mironenko, M.P. (2005). Arkhivy kraevedov v "Kataloge lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov" [Local Historians' Archives in the Catalogue of Personal Archive Fonds of Russian Historians]. In *Arkheograficheskiy ezhegodnik*. Vol. 1, pp. 269−270.

Ostashova, E.A., Rozhneva, Zh.A., Alishina, G.N. (2021). Tsifrovizatsiya lichnykh arkhivov uchenykh: k chemu gotovitsya istorikam i arkhivistam? [Digitalization of Personal Archives of Scientists: What Should Historians and Archivists Prepare for?]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 473, pp. 33−40.

Pasquale, A. de. (2019). Private archives in the library. Types, acquisition, treatment and description. In *JLIS.it: Italian Jornal of Library, Archives and Information Science*. Vol. 10, No. 3, pp. 34−46.

Petrova, I.S. (2015). Lichnyy fond uchenogo-istorika V.I. Tomareva v gosudarstvennom arkhive Volgogradskoy oblasti [Personal Fond of the Historian V.I. Tomarev in the State Archive of the Volgograd Region]. In *Vestnik arkhivista*. No. 1, pp. 311−318.

Rezun, D.Ya., Lamin, V.A., Mamsik, T.S., Shilovsky, M.V. (2001). *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII−XX vv*. [Frontier in the History of Siberia and North America in the 17th−20th Centuries]. Novosibirsk, IDMI. 113 p.

Rezun, D.Ya., Shilovskiy, M.V. (2005). *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII−XX vv.: obshchee i osobennoe* [Frontier in the History of Siberia and North America in the 17th−20th Centuries: Common and Peculiar]. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN. 128 p.

Rostova, N.N. (2012). Arkhiv istorika i arkhivista R.V. Ovchinnikova [The Archive of the Historian and Archivist R.V. Ovchinnikov]. In *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2007−2008 gody*. Moscow, pp. 415−423.

Samarin, I.V. (2021). Dokumenty novogo semeynogo fonda v Gosudarstvennom arkhive Novosibirskoy oblasti − dar istorika-arkhivista V.A. Chernykh [Documents of the New Family Fond in the State Archive of the Novosibirsk Region − a Gift from the Historian-Archivist V.A. Chernykh]. In *Otechestvennye arkhivy*. No. 6, pp. 122−124.

Sergeenko, E.A. (2012). Lichnye fondy istorikov i kraevedov v Natsional'nom arkhive RS(Ya) [Personal Fonds of Historians and Local Historians in the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia)]. In *Yakutskiy arkhiv*. No. 1 (42), pp. 88−98.

Sidorov, A.V. (2019). Rets. na: Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik / redkol. V.P. Korzun (otv. red.), S.P. Bychkov (otv. red.), N.N. Alevras i dr. Vyp. 12. Omsk: Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. 512 s. [Review on: The World of A Historian: a Historiographical Collection / Editors: V.P. Korzun (Editor-in-Chief), S.P. Bychkov (Editor-in-Chief), N.N. Alevras and Others. Issue. 12. Omsk: Publishing House of the Omsk State University, 2019. 512 p.]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*. Vol. 18, No. 3, pp. 720−725.

Stepniak, W. (Ed.). (1999). *The Private Archives and Archival Materials in the Central and East European Countries. Materials of the International Conference, Madralin, October 8−11, 1998*. Warszawa. 230 p.

Sukachev, V.P. (Ed.). (1891). *Irkutsk. Ego mesto i znachenie v istorii i kul'turnom razvitii Vostochnoy Sibiri. Ocherk, redaktirovannyy i izdannyy irkutskim gorodskim golovoy V.P. Sukachevym. 1891 g.* [Irkutsk. Its Place and Significance in the History and Cultural Development of Eastern Siberia. An Essay Edited and Published by Irkutsk Mayor V.P. Sukachev. 1891]. Moscow, Tipo-litografiya tovarischsestva I.N. Kushnerev i K°. 269 p.

Yastrzhembskiy, D.A. (2007). L.A. Yastrzhembskiy kak uchastnik Velikoy Otechestvennoy voyny i istorik Moskvy (po materialam lichnogo arkhiva) [Yastrzhembskiy as a Participant of the Great Patriotic War and a Historian of Moscow (Based on Materials from the Personal Archive)]. In *Arkheograficheskiy ezhegodnik*. Vol. 1, pp. 137−145.

Е.В. Леонтьев*

О ДЕМОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СЛУЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА ПО ДАННЫМ ПОДУШНОЙ ПЕРЕПИСИ 1719−1722 ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-5
УДК 314.145(571.51)"1722"

Выходные данные для цитирования:
Леонтьев Е.В. О демографии и социальной структуре служилых людей города Красноярска по данным подушной переписи 1719−1722 годов // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 61–68. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-05.pdf

E.V. Leontyev*

ON THE DEMOGRAPHICS AND SOCIAL STRUCTURE OF THE CITY OF KRASNOYARSK'S SERVICE PEOPLE BASED ON THE 1719−1722 CENSUS DATA

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-5

How to cite:
Leontyev E.V. On the Demographics and Social Structure of the City of Krasnoyarsk's Service People Based on the 1719−1722 Census Data // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 61–68. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-05.pdf]

Abstract. The article examines how the increase in the number of the city of Krasnoyarsk's service people in the late 17th and early 18th centuries affected its social structure and the recruitment of the city's garrison. Calculations revealed that during this period, the families of the city's service people provided more recruits than there were salaries allocated by the treasury. There was a shortage of vacancies in the garrison, which forced the Cossacks to wait for many years to be enlisted. Most often, this happened when they reached the age of 30−39. Many Cossack sons left their parents and started their own households without ever being enlisted. In the census materials, they were registered as Cossack children. As the number of unmarried sons and brothers of Cossacks grew among the city's military population, their background and family ties became increasingly important criteria for selecting candidates for service. Conversely, the chances of other social groups were reduced. The examined sources indicate that approximately one-third of the Krasnoyarsk garrison's staff in 1722 consisted of older men over the age of 50. Most of them had young sons and brothers in their households, waiting to be drafted.

Keywords: Krasnoyarsk, population census, socio-demographic structure, service people, Cossack children, household, salary, garrison.

The article has been received by the editor on 04.04.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье путем обработки данных подушной переписи 1719−1722 гг. рассматривается, как увеличение численности служилого населения города Красноярска в конце XVII − первые десятилетия XVIII в. влияло на социальную структуру и комплектование городового гарнизона. Результаты подсчетов показали, что в рассматриваемый период семьи служилых красноярцев давали пополнение, превышавшее количество выделяемых казной окладов. В гарнизоне складывался дефицит вакансий, вынуждавший казаков в течение многих лет ожидать зачисления в штат. Чаще всего

* **Евгений Викторович Леонтьев,** Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, Минусинск, Россия, e-mail: martianov-muzey@mail.ru
Evgeniy Viktorovich Leontyev, Minusinsk Regional Museum of Local Lore, Minusinsk, Russia, e-mail: martianov-muzey@mail.ru

это событие наступало, когда они достигали возраста 30−39 лет. Многие казачьи сыновья покидали родителей и заводили собственное домохозяйство, так и не дождавшись поверстания в службу. В материалах переписи они регистрировались под именем казачьих детей. По мере того как среди служилого населения города росло количество неверстанных сыновей и братьев казаков, происхождение и родственные связи их становились все более значимыми критериями при отборе кандидатов в службу. Шансы представителей других социальных групп в этой ситуации, напротив, уменьшались. Рассмотренные источники показывают, что около 1/3 штатного состава красноярского гарнизона в 1722 г. приходилось на пожилых мужчин в возрасте старше 50 лет. При этом у большинства из них во дворах были молодые сыновья и братья, дожидавшиеся зачисления в штат.

Ключевые слова: Красноярск, подушная перепись, социально-демографическая структура, служилые люди, казачьи дети, дворохозяйство, оклад, гарнизон.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025 г.

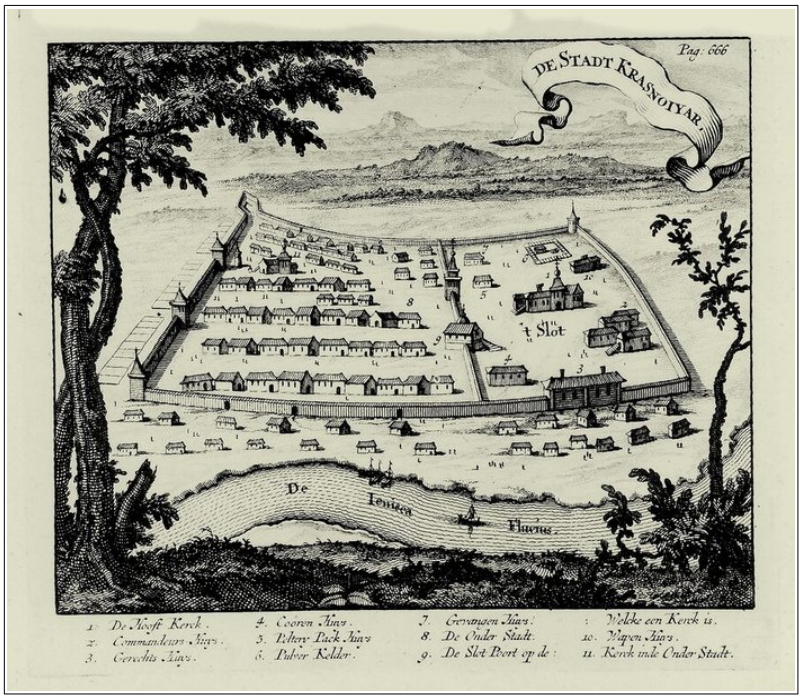
Чтобы сформулировать задачу исследования, начнем с констатации ряда общеизвестных фактов. Русское колонизационное движение за Уралом в XVII в. являлось в основе своей городским. Оно опиралось на сравнительно крупные укрепленные поселения − города, жители которых контролировали при помощи острогов лежащую вокруг территорию и активно участвовали в ее хозяйственном освоении[1]. Эти поселения регулярно сообщались между собой и выполняли не только военно-административную, но и транспортно-логистическую функцию. На наиболее оживленных участках складывающейся сети (где проходил основной поток промысловых людей и грузов и было относительно гуще население) города сосредоточивали также изготовление и сбыт ремесленной продукции[2]. И все же вместо торгового посада более привычным элементом социальной структуры сибирского города в это время являлся городовой гарнизон, члены которого, их родственники и домочадцы составляли ядро местного локального сообщества. Доходы от военной службы занимали значительное место в жизнеобеспечении горожан, а ее организация оказывала влияние на их повседневный быт и социально-экономический уклад жизни. Функционирование складывающихся таким образом микросоциумов коррелировало с демографией служилого населения. По мере естественного увеличения его численности в городах накапливалось напряжение между количеством имеющихся в наличии служилых окладов и числом молодых мужчин, рассчитывавших в силу своего происхождения занять штатные места в гарнизоне[3]. Рассмотрим, как проявлялась и к каким социальным изменениям приводила в начале XVIII в. указанная ситуация на примере жителей города Красноярска.

Главным источником настоящей работы послужила публикация материалов подушной переписи (ревизии) 1719−1722 гг.[4] Это была первая податная ревизия, которая, как и ряд последующих, проходила в несколько этапов и заняла весьма продолжительный промежуток времени. Особенностью ее являлось то, что в ходе проведения переписи учету подверглись лица мужского пола всех возрастов из состава тяглого и некоторых категорий служилого населения. Данные указанного источника давно используются в отечественной историо-

[1] *Пестерев В.В.* Организация населения в колонизуемом пространстве. Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI − середины XVIII вв. Курган, 2005. С. 130, 133.
[2] *Вилков О.Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI − начала XVIII вв. Новосибирск, 1990. С. 120.
[3] *Леонтьева Г.А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII − первой четверти XVIII вв. (По материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012. С. 58.
[4] Перепись г. Красноярска и его уезда 1719−1722 гг. М., 2007.

графии. На их основе, например, были выполнены работы Я.Е. Водарского, Е.Н. Баклановой (Швейковской), В.А. Александрова, Н.А. Миненко, Г.А. Леонтьевой, О.Е. Кошелевой[5] и др.

В ходе сплошной обработки переписи в Красноярске удалось зафиксировать 352 дворовых хозяйства, владельцы которых за редкими исключениями относились к категории служилых людей[6]. В это число входили верстанные и неверстанные дети боярские, казаки конной и пешей службы, казаки отставные и казачьи дети. Независимо от своего происхождения и статуса все они представляли единую войсковую корпорацию − общину, на долю которой приходилось 86,85 % населения Красноярска: 1 030 душ мужского пола всех возрастов из 1 186; еще 2 511 человек из состава этой общины жили на территории Красноярского уезда, где на долю служилых людей и членов их семей приходилось 61,20 % жителей[7]. Никакой социальной грани между городом и деревней в данном случае, как видим, почти не существовало.



Н. Витсен. Красноярск. 1711 г.

Около 70 % служилых красноярцев (2 438 из 3 541 чел. муж. пола) носили фамилии, показанные в опубликованной С.В. Бахрушиным переписной книге города Красноярска и его уезда за 1671 г., причем почти 90 % из них (2 183 чел. Из 2 438) имели там однофамильцев, записанных казаками, т.е. перед нами представители служилых династий, чьи семьи прожили до проведения петровской ревизии на Енисее не менее 50 лет[8].

Как поселение преимущественно военное, Красноярск в начале XVIII в., наверное, больше потреблял, чем производил. Значительную часть необходимых для жизни продуктов горожане получали из казны в виде жалования деньгами и хлебом. Совокупные размеры казенного содержания зависели от штатной численности городового гарнизона, которая

[5] *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII − начале XVIII вв. (численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977; *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII − начало XVIII в. М., 1976; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII − начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964; *Миненко Н.А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII − первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979; *Леонтьева Г.А.* Служилые люди…; *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004.

[6] 11 дворовых хозяйств были исключены из подсчета, поскольку, в виду неполной сохранности источника, количество жильцов в них было показано не полностью.

[7] Подсчитано по данным: Перепись г. Красноярска… С. 30−422.

[8] Подсчитано по: Перепись г. Красноярска… С. 30−422; Материалы переписной книги жителей города Красноярска и уезда 1671 г. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. IV: Очерки Красноярского уезда XVII в. С. 217−230.

определялась Сибирским приказом на основе сообщений о складывающей в регионе военной обстановке[9]. То есть количество выделяемых окладов не зависело от количества пригодных к службе мужчин в семьях казаков. Служилое население города давало пополнение, значительно превышавшее потребности гарнизона[10]. Возникал дефицит вакансий, вынуждавший казаков в течение многих лет ожидать зачисления в штат.

Таблица 1

Количество дворохозяев и лиц, поверстанных в службу, среди служилых людей разного возраста в городе Красноярске и Красноярском уезде, 1719−1722 гг. (чел. муж. пола)

Социальный статус	Возрастные когорты/количество лет								
	15−19	20−29	30−39	40−49	50−59	60−69	70+	Неизв.	Всего
Город									
Всего лиц данного возраста	91	184	123	80	119			30	627
Из них: поверстанных в службу	1	21	57	59	48	23	15	19	243
владельцев дворов	9	44	69	62	56	29	27	19	315
Уезд									
Всего лиц данного возраста	213	329	309	201	268			20	1340
Из них: поверстанных в службу	0	31	108	114	80	44	35	12	424
владельцев дворов	9	67	163	161	112	58	56	12	638

Составлено по: Перепись г. Красноярска и его уезда 1719−1722 гг. М., 2014. С. 30−422.

Иллюстрацией к сказанному служат результаты представленных далее подсчетов (табл. 1). Для них были взяты все служилые люди старше 14 лет: дети боярские, казаки конные, пешие, отставные и казачьи дети (дворохозяева и члены их семей); они были подсчитаны вместе и разбиты на несколько возрастных когорт с указанием в каждой количества лиц: а) поверстанных в службу и б) владеющих собственным двором. Полученные цифры позволяют утверждать, что в списках красноярского городового гарнизона казачий сын, брат или племянник в основном оказывались, когда им было от 30 до 39 лет; количество поверстанных в этом возрасте приближалось к половине от общего числа учтенных − 57 из 123 (46,34 %), тогда как среди 20-летних их удельный вес достигал лишь 11,41 %, а среди тех, кто находился в когорте 40−49 лет, − 73,75 %.

Ко времени своего поступления в службу казак, разумеется, давно уже имел жену и детей, но у него еще не было своего двора, поскольку до получения оклада служилые люди чаще всего жили вместе с родителями или старшими братьями. Лишь иногда они, как видно из тех же подсчетов, покидали (или теряли) родителей и становились самостоятельными хозяевами до поверстания в службу. В официальных документах такие люди продолжали регистрироваться в составе служилого населения под именем казачьих детей. Как и их поверстанные отцы и братья, они не несли тягла, могли владеть землями, заниматься торговлей и промыслами. Им по-прежнему принадлежало право на зачисление в гарнизон, хотя на практике оно очевидно было формальным. Решением воеводы или войскового круга

[9] *Барахович П.Н.* Служилое население Центральной Сибири в XVII в. (Енисейский и Красноярский уезды): дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2016. С. 61.

[10] В Туринске, Пелыме, Тобольске подобный «избыток» служилых людей давал о себе знать уже в 1670−1680-х гг. (История Казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI − первая половина XIX века. С. 42).

казачьи дети нередко привлекались к выполнению различных служб (общая тягость служебной нагрузки в гарнизоне порой была чрезмерной для тех, кто официально в нем состоял)[11], не получая за это, однако, казенного вознаграждения; благосостояние их семей полностью зависело от собственного хозяйства. То же самое касалось семей отставных казаков. В 1722 г. 25,0 % владевших дворами служилых людей в Красноярске (78 из 312) не были зачислены в штат; в селах и деревнях Красноярского уезда их доля достигала 30,45 % (190 из 624); в обоих случаях такими дворохозяевами являлись преимущественно казачьи дети[12].

Дефицит штатных мест в гарнизоне способствовал постепенному изменению принципов его комплектования. По войсковому обычаю, в случае отставки или гибели казака высвободившийся оклад мог быть передан одному из его родственников. Право наследования «выбылых мест» служилые люди рассматривали как свою привилегию и готовы были его отстаивать. По мере умножения в их семьях количества неверстанных домочадцев родство и происхождение становились все более значимыми критериями при отборе кандидатов в службу. Шансы представителей других социальных групп в этой ситуации, напротив, уменьшались. Служилый мир за Уралом становился более закрытым: если в начале XVII в. мы видим в нем нередко собрание случайно оказавшихся вместе людей, то к концу столетия это сложившийся однородный коллектив, ядром которого являлись связанные родственными узами уроженцы данной территории; они уже неохотно принимали в свои ряды людей тяглых, гулящих или даже казаков-переведенцев из других городов и гарнизонов[13].

Сочувствуя интересам служилых династий, правительство со своей стороны препятствовало проникновению в войсковую среду сторонних элементов. Красноярскому воеводе Д. Корсакову, например, по этому поводу в 1681 г. было приказано очистить гарнизон от пришлых гулящих людей, которым «в казачьей службе быть незаобычно», и определить на их места недорослей из местных казачьих семей[14].

Насколько происхождение служилого человека в начале XVIII в. влияло на его место в составе войсковой корпорации? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим социальную структуру служилого населения города по данным переписной книги 1719−1722 гг. Для сравнения представленные в ней обыватели были разделены на две группы: одну из них составили лица, фамилии которых встречались среди казаков Красноярска и его уезда во время переписи 1671 г., а другую − те, что, очевидно, появились здесь позднее[15].

Подсчеты показывают, что по сравнению со старожилами «новоприходцы» к началу 1720-х гг. гораздо реже оказывались среди тех, кто нес более престижную и лучше оплачиваемую конную службу; мы видим их преимущественно пешими казаками (табл. 2). Родственники этих людей − сыновья, братья, племянники − чаще попадали в категорию казачьих детей. Очевидно, им было труднее, нежели потомкам «старинных» казаков, претендовать на получение вакантных окладов. Преимущество пришлых над старожилами *было заметно* только в замещении начальственных должностей детей боярских. Но это могло обусловливаться тем, что среди вновь прибывавших в Красноярск служилых людей была так называемая «литва» − бывшие подданные Речи Посполитой, которые иногда имели профессиональную военную подготовку. Надо также учитывать, что приведенная информация дает очень грубое представление об интересующем нас явлении: среди людей «пришлых» в таблице показаны все, кто мог поселиться в городе после 1671 г.; многие из них, вероятно,

[11] Например, в 1701 г. в отряде красноярского сына боярского К. Самсонова было 171 чел. неверстанных казачьих детей (примерно ¼ от общей численности), которым воевода вместо жалования выдал на подъем «по полтине» (*Барахович П.Н.* Служилое население… С. 82).

[12] Подсчитано по данным: Перепись г. Красноярска…

[13] *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 91.

[14] *Быконя Г.Ф.* Избранные труды. Красноярск, 2018. Т. 6: История Красноярска. Документы и материалы XVII−XVIII веков. С. 102.

[15] Чтобы упростить анализ, в данном случае исключена небольшая группа красноярских казаков-старожилов, родители которых являлись в 1671 г. тяглыми людьми − посадскими или крестьянами.

прожили до проведения переписи в Красноярске десятки лет и имели возможность влиться в состав старожильческого общества.

Таблица 2

Происхождение и статус служилых людей − жителей города Красноярска, 1719−1722 гг. (чел. муж. пола / %)

Происхождение	Социальные группы				
	дети боярские	казаки конные	казаки пешие	казаки отставные	казачьи дети
Служилые люди − старожилы, показанные в книге 1671 т.	24 4,00	226 37,67	236 39,33	64 10,67	50 8,33
Служилые люди − «пришлые»	26 6,55	84 21,16	163 41,06	50 12,59	74 18,64

Составлено по: Перепись г. Красноярска…; Переписная книга города Красноярска и Красноярского уезда 1671 г. // Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1959. Т. IV: Очерки Красноярского уезда XVII в. С. 217−230.

Еще одним изменением в жизни красноярского гарнизона начала XVIII в., очевидно, выступало демонстрируемое источниками «старение» его штатного состава. Об этом весьма наглядно позволяют судить следующие цифры: в 1722 г. в Красноярске в семьях конных и пеших казаков насчитывалось 249 мужчин в возрасте от 20 до 49 лет; из них были поверстаны в службу 118 (47,39 %). В этих же семьях находилось еще 76 мужчин в возрасте от 50 лет и старше, из которых поверстанными были 70 (92,11 %)[16]; 35,39 % (86 из 243) записанных в гарнизон красноярцев были старше 50 лет, а 15,64 % перешагнули 60-летний рубеж, и почти у каждого из них во дворах были неверстанные сыновья, внуки, племянники, способные составить им замену[17].

Предельного срока службы, как мы знаем, в казачьем войске не существовало. Достигнув преклонных лет, воины сами выбирали время, когда им просить начальство об отставке. И большинство из них, по-видимому, обращаться с такими просьбами не спешили. Случалось, что состарившийся служилый человек, перечисляя свои заслуги и жалуясь на здоровье, бил челом о том, чтобы передать занимаемый им оклад кому-либо из родственников <…> после своей смерти[18]. В чем здесь дело?

Источники дают основание полагать, что в семьях, где вместе с родителями жило несколько женатых сыновей, поверстание одного из них в службу вело к разделу дворового хозяйства: в материалах переписи мы почти не находим семей, где под одной крышей жило бы несколько штатных казаков. После раздела вместо одного крепкого дворохозяйства появлялись два ослабленных; семья одного из братьев наследовала доходы и статусное положение от службы, а прочие должны были в скором времени перейти в категорию казачьих детей; ввиду отсутствия вакансий шансы их на поверстание становились минимальными. Очевидно, чтобы не допустить, а вернее отсрочить такое развитие событий, престарелые главы дворов должны были «оставаться в строю» как можно дольше, перекладывая при этом тяготы несения службы на неверстанных домочадцев[19]. То есть во многих семьях вероятно существовала практика, когда сыновья ходили на службу, а жалование за них получал глава дворохозяйства − отец. Сама передача выполнения «службы» (служебного поручения) другому лицу среди казаков была распространенной[20]. И если это считалось

[16] Подсчитано по: Перепись г. Красноярска…

[17] Там же.

[18] Одним из таких прошений, например, было поданное в 1693 г. челобитье сына боярского Василия Многогрешного (*Барахович П.Н.* Служилое население… С. 416−417).

[19] *Леонтьев Е.В.* Образование домохозяйства в жизненном цикле служилых людей Красноярского уезда по данным ревизии 1722 г. // Историческая демография. 2020. № 1 (25). С. 12.

[20] Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Книга Первая: 1700−1713 гг. С. 195−196; *Ватин В.А.* Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск, 1913. С. 47.

допустимым (за вознаграждение) в отношении сторонних людей, то, по-видимому, тем более было возможным, когда речь шла о близких родственниках.

Таким образом, рост численности служилого населения Красноярска в конце XVII − начале XVIII в. способствовал заметным изменениям в его социальной структуре, повлиял на организацию службы и комплектование местного гарнизона. Обработка материалов подушной переписи 1719−1722 гг. показала, что ко времени ее проведения значительная часть молодых мужчин в семьях служилых красноярцев и их отдельно живущих родственников уже не имела прямого отношения к службе.

Литература

Александров В.А. Русское население Сибири XVII − начала XVIII в. (Енисейский край). М.: Наука, 1964. 310 с.

Александров В.А. Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 404 с.

Бакланова Е.Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII − начало XVIII в. М.: Наука, 1976. 221 с.

Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII в. (Енисейский и Красноярский уезды): дис. … канд. ист. наук. Красноярск, 2016. 438 с.

Быконя Г.Ф. Избранные труды. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2018. Т. 6: История Красноярска. Документы и материалы XVII−XVIII веков. 473 с.

Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Наука, 1959. Т. IV: Очерки Красноярского уезда XVII в. 261 с.

Ватин В.А. Минусинский край в XVIII в. Этюд по истории Сибири. Минусинск: Тип. А.Ф. Метелкина, 1913. [2], IV, [2], 212, III с.

Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI − начала XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII − начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М.: Наука, 1977. 266 с.

История Казачества Азиатской России: в 3 т. / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, 1995. Т. 1: XVI − первая половина XIX века. 317 с.

Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: ОГИ, 2004. 486 с.

Леонтьев Е.В. Образование домохозяйства в жизненном цикле служилых людей Красноярского уезда по данным ревизии 1722 г. // Историческая демография. 2020. № 1 (25). С. 9−12.

Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII − первой четверти XVIII вв. (По материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: МПГУ, 2012. 321 с.

Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII − первой половины XIX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 352 с.

Памятники Сибирской истории XVIII века / ред. А.И. Тимофеев. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1882. Книга Первая: 1700−1713 гг. XXXII, 551 с.

Перепись г. Красноярска и его уезда 1719−1722 гг. / подгот. текста и коммент. Г.Ф. Быкони, А.Л. Лифшица. М.: Ломоносов, 2007. 424 с.

Пестерев В.В. Организация населения в колонизуемом пространстве. Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI − середины XVIII вв. Курган: Изд-во Кург. гос. ун-та, 2005. 237 с.

References

Aleksandrov, V.A. (1964). *Russkoe naselenie Sibiri XVII − nachala XVIII v. (Eniseyskiy kray)* [Russian Population of Siberia of the 17th − Early 18th Century (the Yenisei Region)]. Moscow, Nauka. 310 p.

Aleksandrov, V.A., Pokrovskiy, N.N. (1991). *Vlast' i obshchestvo. Sibir' v XVII v.* [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie. 404 p.

Alekseev, V.V. (Ed.). (1995). *Istoriya Kazachestva Aziatskoy Rossii* [History of the Cossacks of Asian Russia]. Yekaterinburg. Vol. 1. 317 p.

Bakhrushin, S.V. (1959). *Nauchnye trudy* [Scientific Works]. Moscow. Vol. 4. 261 p.

Baklanova, E.N. (1976). *Krest'yanskiy dvor i obshchina na Russkom Severe. Konets XVII − nachalo XVIII v.* [Peasant Farm and Community in the Russian North. The End of the 17th and the Beginning of the 18th Century]. Moscow, Nauka. 221 p.

Barakhovich, P.N. (2016). *Sluzhiloe naselenie Tsentralnoy Sibiri v XVII v. (Eniseyskiy i Krasnoyarskiy uezdy)* [The Service Population of Central Siberia in the 17th Century (the Yeniseysk and Krasnoyarsk Uyezds)], Cand. hist. sci. diss. Krasnoyarsk. 438 p.

Bykonya, G.F. (2018). *Izbrannye trudy* [Chosen Works]. Krasnoyarsk. Vol. 6. 473 p.

Bykonya, G.F., Lifshits, A.L. (Eds.). (2007). *Perepis' g. Krasnoyarska i ego uezda 1719−1722 gg.* [Census of Krasnoyarsk and Its Uyezd in 1719−1722]. Moscow, Lomonosov. 424 p.

Kosheleva, O.E. (2004). *Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of the St. Petersburg Island of the Petrine Era]. Moscow, OGI. 486 p.

Leont'ev, E.V. (2020). Obrazovanie domokhozyaystva v zhiznennom tsikle sluzhilykh lyudey Krasnoyarskogo uezda po dannym revizii 1722 g. [Household Formation in the Life Cycle of the Service People of the Krasnoyarsk District According to the 1722 Census]. In *Istoricheskaya demografiya*. No. 1 (25), pp. 9−12.

Leont'eva, G.A. (2012). *Sluzhilye lyudi v Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XVII − pervoy chetverti XVIII vv. (Po materialam Irkutskogo i Nerchinskogo uezdov)* [Military Personnel in Eastern Siberia in the Second Half of the 17th − First Quarter of the 18th Centuries (Based on the Materials of Irkutsk and Nerchinsk Counties)]. Moscow, MPGU. 321 p.

Minenko, N.A. (1979). *Russkaya krest'yanskaya sem'ya v Zapadnoy Sibiri (XVIII − pervoy poloviny XIX v.)* [A Russian Peasant Family in Western Siberia (18th − the First Half of the 19th Century)]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie. 352 p.

Pesterev, V.V. (2005). *Organizatsiya naseleniya v kolonizuemom prostranstve. Ocherki istorii kolonizatsii Zauralya kontsa XVI − serediny XVIII vv.* [Population Organization in the Colonized Space. Essays on the History of the Colonization of the Trans-Urals in the Late 16th − Mid-18th Centuries]. Kurgan, Izd-vo Kurg. gos. un-ta. 237 p.

Timofeev, A.I. (Ed.). (1882). *Pamyatniki Sibirskoy istorii XVIII veka. Kniga Pervaya: 1700−1713 gg.* [Monuments of the 18th Century Siberian History. Book One: 1700−1713]. St. Petersburg, Tip. M-va vn. del. XXXII, 551 p.

Vatin, V.A. (1913). *Minusinskiy kray v XVIII v. Etyud po istorii Sibiri* [The Minusinsk Krai in the 18th Century. A Study in the History of Siberia]. Minusinsk, Tip. A.F. Metelkina. 219 p.

Vilkov, O.N. (1990). *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI − nachala XVIII vv.* [Essays on the Socio-Economic Development of Siberia in the Late 16th − Early 18th Centuries]. Novosibirsk, Nauka. 368 p.

Vodarskiy, Ya.E. (1977). *Naselenie Rossii v kontse XVII − nachale XVIII v. (Chislennost', soslovno-klassovyy sostav, razmeshchenie)* [The Population of Russia in the Late 17th and Early 18th Centuries (Numbers, Class Composition, Quarters)]. Moscow, Nauka. 266 p.

Н.П. Гуляева*

СОПОСТАВЛЕНИЕ СТРУКТУРЫ СЕМЕЙ ГОРОДСКИХ И СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ИСПОВЕДНОЙ РОСПИСИ КРАСНОЯРСКОГО ЗАКАЗА 1785 ГОДА

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-6
УДК 94(571.51)"1785":314.6

Выходные данные для цитирования:
Гуляева Н.П. Сопоставление структуры семей городских и сельских жителей по материалам исповедной росписи Красноярского заказа 1785 года // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 69–82.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-06.pdf

N.P. Gulyaeva*

COMPARISON OF THE STRUCTURE OF FAMILIES OF URBAN AND RURAL RESIDENTS BASED ON THE MATERIALS OF THE CONFESSIONAL RECORDS OF THE KRASNOYARSK DEANERY OF 1785

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-6

How to cite:
Gulyaeva N.P. Comparison of the Structure of Families of Urban and Rural Residents Based on the Materials of the Confessional Records of the Krasnoyarsk Deanery of 1785 // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 69–82.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-06.pdf]

Abstract. The paper analyses similarities and differences in family structure based on the materials of the 1785 confessional records for the Krasnoyarsk district. It compares the inhabitants of the town of Krasnoyarsk, the suburban village of Ovsyanka, and the village of Yukseevo, which was the most distant from the town within the district. In terms of affiliation with social groups, Krasnoyarsk displays the greatest diversity, while Yukseevo shows the least. No correlation between family composition and social status has been identified. The largest share across the entire population is made up of two-generation families, with a significantly smaller share of three-generation families, whose proportion increases with distance from the town. One-generation families are few, and there are only two four-generation families. Among one-generation families, the majority consist of elderly couples. Two-generation families are mainly represented by a married couple or a lone parent with children. The position of a widowed mother as head of the household is either dominant or subordinate. Three-generation families differ from two-generation ones more in the number of members than in any fundamental complication of structure. Among the heads of three-generation families, the share of widowers increases, while the share of widows decreases. At the same time, among parents occupying a subordinate position in the household, men of the oldest generation are noted. Among families with collateral relatives, there are fewer three-generation than two-generation households, but three-generation families display greater diversity. In two-generation families, collateral relatives are predominantly unmarried sisters of the spouses, whereas in three-generation families they are most often representatives of the older generation, uncles or aunts. Both four-generation families are recorded in the town; in one of them, the oldest man occupies the dominant position, while in the other he has a subordinate status. Thus, no fundamental differences in the structure and proportions of family types along the town–suburb–remote village axis have been revealed, although the greatest variety of types is observed in Krasnoyarsk, is less pronounced in Ovsyanka, and the weakest in Yukseevo.

Keywords: Krasnoyarskiy zakaz, population, family structure, sex and age structure, confession list, household.

* **Наталья Павловна Гуляева,** кандидат философских наук, доцент, независимый исследователь, Дивногорск, Россия, e-mail: carnivora@list.ru
Natalia Pavlovna Gulyaeva, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Independent Researcher, Divnogorsk, Russia, e-mail: carnivora@list.ru

The article has been received by the editor on 02.06.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В работе анализируются сходства и различия структуры семей по материалам исповедной росписи Красноярского заказа 1785 г. Сравниваются жители города Красноярска, пригородной деревни Овсянка и села Юксеево как максимально удаленного от города на территории заказа. По принадлежности к социальным группам наибольшее разнообразие демонстрирует Красноярск, наименьшее − Юксеево. Зависимости состава семей от социального статуса не выявлено. Наибольшее число по всей совокупности составляют двухпоколенные семьи, значительно меньшее − трехпоколенные, доля которых по мере удаления от города возрастает. Однопоколенных немного, а четырехпоколенных всего две. Среди однопоколенных семей большую часть составляют пожилые пары. Двухпоколенные семьи в основном представлены брачной парой или одиноким родителем с детьми. Положение вдовой матери семейства может быть как главенствующим, так и подчиненным. Трехпоколенные семьи отличаются от двухпоколенных скорее количеством членов, чем принципиальным усложнением структуры. Среди глав трехпоколенных семьей увеличивается доля вдовцов при снижении доли вдов. При этом среди родителей, занимающих подчиненное положение в семье, отмечены мужчины самого старшего поколения. Среди семей с боковыми родственниками трехпоколенных меньше, чем двухпоколенных, но трехпоколенные демонстрируют большее разнообразие. Боковые родственники в двухпоколенных семьях преимущественно незамужние сестры супругов, тогда как в трехпоколенных − чаще всего представители старшего поколения, дяди или тети. Обе четырехпоколенные семьи зафиксированы в городе: в одной из них самый старший мужчина занимает главенствующее положение, а во второй − подчиненное. Таким образом, принципиальных различий в структуре и соотношении типов семей по оси город − пригород − удаленное село не выявлено. Наибольшее разнообразие вариантов наблюдается в Красноярске, менее выражено в Овсянке и слабее всего − в Юксеево.

Ключевые слова: Красноярский заказ, население, структура семей, половозрастная структура, исповедная роспись, домохозяйство.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025 г.

В данной работе анализируются сходства и различия структуры домохозяйств по материалам исповедной росписи Красноярского заказа 1785 г., которая в настоящее время находится на временном хранении в Красноярском краевом краеведческом музее[1]. Некоторые аспекты этой темы рассматривались в работах как автора данной статьи[2], так и других исследователей[3]. Однако преимущественно в фокусе внимания оказывался период XIX − начала XX в.[4]

[1] Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). ВХР 928 (поскольку рукопись находится на временном хранении, пагинация отсутствует).

[2] *Гуляева Н.П.* Семейно-брачная структура города Красноярска, 1785 г. // История и современность. 2022. № 2 (44). С. 27−74.

[3] См., например: *Александров В.А., Власова И.В.* Семейный уклад и демографическое поведение крестьян Европейского Севера России в XVII−XIX вв. Вологда, 2001; *Комлева Е.В.* Енисейское купечество (последняя четверть XVIII − первая половина XIX века). М., 2006. С. 171−182.

[4] *Араловец Н.А.* Городская семья в России 1897−1926 гг.: историко-демографический аспект. М.; Берлин, 2019; *Миронов Б.Н.* Историческая социология России. СПб., 2009; *Разумова И.А.* Городская семья в России во второй половине XIX − начале XX века: основные тенденции развития // Городская семья в России: особенности, структура и эволюция. М., 2001; и др.

Исповедная роспись, или ведомость, представляет собой документ, который ежегодно составлялся в каждом приходе и его копия направлялась в консисторию. Документ фиксировал явку на исповедь каждого прихожанина, отмечая, в том числе, причины отсутствия, если в течение года человек ни разу не исповедовался. Исповедные росписи Красноярского заказа за 1785 г. сгруппированы в единый документ. Они начинаются с городских приходов, продолжаются пригородными и заканчиваются периферийными.

Исповедная роспись по каждому приходу организована с учетом двух факторов: места жительства и сословной принадлежности. Так, по городским приходам сначала перечислены жители Красноярска, а затем прихожане пригородных населенных пунктов. В Юксеево, соответственно, в первую очередь приведены данные о жителях села, далее − окрестных деревень. В составе жителей каждого населенного пункта сначала изложены сведения о домохозяйствах священнослужителей, затем привилегированных сословий (если они есть), далее следуют военнослужащие, включая казаков. За ними купцы, мещане, крестьяне, ясачные.

Основной единицей учета исповедной росписи является домохозяйство, в состав которого может входить более одной семьи. Такие случаи чаще всего встречаются в Красноярске, реже − в Юксеево и совершенно отсутствуют в пригородной деревне Овсянка. В настоящем исследовании рассматриваются домохозяйства, состоящие только из одной семьи. Соответственно, понятия «семья» и «домохозяйство» в рамках данной работы являются тождественными.

Первым при перечислении членов домохозяйства указывается его глава, затем ближайшие родственники мужского пола. Женщины, как правило, замыкают этот список. Однако встречаются отклонения, продиктованные различиями в иерархической структуре конкретных семей. Так, например, главой может быть вдова, мать взрослых женатых сыновей. По каждому человеку, включенному в исповедную роспись, указан характер его связи с главой домохозяйства и возраст. Таким образом, из исповедных росписей можно извлечь сведения об отдельных персонах по параметрам пол, возраст, брачный статус, социальная принадлежность, место жительства. Вместе с тем в данных документах содержится информация о численности и структуре семей/домохозяйств.

Основная цель данной работы − проследить сходства и различия городской совокупности по сравнению с домохозяйствами сельской местности. В качестве контрольных точек были избраны деревня Овсянка, жители которой принадлежали приходу Красноярской Покровской церкви, и село Юксеево как максимально удаленное от города на территории заказа. Объектом исследования выступает структура семьи, предметом − ее вариативность в зависимости от социальных параметров и места проживания.

В ходе анализа использовался метод группировки, в первую очередь по социальному статусу, населенным пунктам и количеству совместно проживающих поколений. При исследовании структуры семей в качестве основы был применен принцип, предложенный П. Ласлеттом[5]. Однако схема классификации была изменена в соответствии с особенностями исследуемой совокупности. Базовым критерием является количество поколений в семье. Внутри каждой выделенной по этому критерию группы семьи распределяются по характеру связей между главой семьи и/или его брачной парой и прочими членами домохозяйства. Так, например, среди однопоколенных семей есть как автономно проживающие супруги, так и брачная пара, проживающая совместно с родственником по боковой линии; среди двухпоколенных − брачные пары с детьми и брачные пары с родителем одного из супругов и т.п. Дополнительная линия анализа связана с распределением по возрасту главы семьи.

В первую очередь приведем данные по социальной принадлежности семей в каждом из населенных пунктов (табл. 1).

[5] *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 151, 154.

Таблица 1

Распределение семей по социальному статусу

Социальный статус	Количество семей		
	Красноярск	Овсянка	Юксеево
Без определенного статуса	9	–	–
Военные	82	2	–
Дворовые/крепостные	11	–	–
Дворяне	3	2	–
Дети боярские	4	–	–
Казаки	69	2	–
Крестьяне	158	19	22
Купцы	28	–	–
Мещане	47	1	
Священнослужители	10	–	2
Ссыльные/поселенцы	7	–	–
Чиновники	17	–	–
Ясачные	2	–	–

Составлено по: Исповедная роспись Красноярского заказа 1785 г. // КККМ. ВХР 928.

Очевидно, что наибольшее разнообразие, как и ожидалось, наблюдается в городе и пригородной деревне. Социальная структура удаленного села Юксеево монотонна и, кроме крестьян, включает только два домохозяйства священников. При проведении анализа первым шагом стало распределение семей по числу поколений (табл. 2).

Таблица 2

Распределение семей по числу поколений

Число поколений	Все	Казаки	Военные	Крестьяне	Мещане	Купцы	Священники	Поселенцы	Ясачные	Дети боярские	Чиновники	Дворяне
Красноярск												
Одно поколение	26	4	9	6	5	2	–	–	–	–	–	–
Два поколения	209	42	27	91	19	14	6	2	1	1	5	1
Три поколения	82	15	4	39	12	5	2	–	1	2	2	–
Четыре поколения	2	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Овсянка												
Одно поколение	3	–	–	3	–	–	–	–	–	–	–	–
Два поколения	14	1	2	10	–	–	–	–	–	–	–	1
Три поколения	9	1	–	6	1	–	–	–	–	–	–	1

Окончание табл. 2

Число поколений	Все	Казаки	Военные	Крестьяне	Мещане	Купцы	Священники	Поселенцы	Ясачные	Дети боярские	Чиновники	Дворяне
Юксеево												
Одно поколение	0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Два поколения	13	–	–	12	–	–	1	–	–	–	–	–
Три поколения	11	–	–	10	–	–	1	–	–	–	–	–

Составлено по: Исповедная роспись Красноярского заказа 1785 г. // КККМ. ВХР 928.

Очевидно, что наибольшее разнообразие вновь демонстрируют город и пригородная деревня. При этом и в городской, и в сельской популяциях преобладают двухпоколенные семьи, второе место занимают трехпоколенные. Примечательно, что в Юксеево однопоколенных семей нет вообще, а в Овсянке и Красноярске их очень мало. Четырехпоколенных семей всего две и обе проживают в городе.

Остановимся в первую очередь на однопоколенных семьях (табл. 3).

Таблица 3

Однопоколенные семьи

	Все	Казаки	Военные	Крестьяне	Мещане	Купцы
Красноярск						
Брачная пара	23	3	9	5	4	2
Братская семья	2	1	–	–	1	–
Брачная пара + боковой родственник	1	–	–	1	–	–
Возраст мужа:						
до 30 лет	3	1	1	–	1	–
30–39 лет	7		4	1	1	1
40–49 лет	1	–	–	–	1	
50–59 лет	11	2	3	4	1	1
60 лет и старше	4	1	1	1	1	–
Овсянка						
Брачная пара	3	–	–	3	–	–
Возраст мужа:						
до 30 лет	1	–	–	1	–	–
30–39 лет	1	–	–	1	–	–
40–49 лет	1	–	–	1	–	–

Составлено по: Исповедная роспись Красноярского заказа 1785 г. // КККМ. ВХР 928.

В Овсянке все три однопоколенные семьи представлены брачными парами. В Красноярске брачные пары составляют в данной категории подавляющее большинство. Примечательно, что больше чем у половины городских брачных пар, живущих отдельно, возраст мужа превышает 50 лет, тогда как супругов, не достигших тридцатилетия, всего трое. Соответственно, получается, что семьи, состоящие только из мужа и жены, это преимущественно не молодожены, а наоборот, та фаза, которую социологи называют «пустое гнездо» − пожилые супруги, дети которых или выделились в самостоятельные домохозяйства, или умерли[6].

Помимо автономно существующих брачных пар, в категории однопоколенных семей в Красноярске встречаются две братские семьи и одна, где к супругам присоединился боковой родственник. Ввиду малочисленности делать какие-либо предположения относительно этих вариантов преждевременно. Отметим, что под братской семьей подразумевается домохозяйство, основу которого составляют родные (в некоторых регионах встречаются двоюродные) братья со своими супругами и детьми. Главой семейства является старший брат[7].

Относительно последовательности представления прочих членов братской семьи в исповедной росписи Красноярского заказа за 1785 г. встречаются два основных варианта. Первый: сначала перечислены братья, а затем их жены с детьми, начиная с супруги и отпрысков старшего и заканчивая парой и детьми младшего из братьев. После чего следуют иные домочадцы, если они есть, включая мать главы семьи. Второй: сразу после главы семьи идет его супруга и дети, затем второй по старшинству брат с женой и потомством и т.д. Прочие родственники, как и в первом варианте, замыкают список.

Представляется весьма вероятным, что данные варианты отражают реальные различия в иерархической структуре конкретных семей. То есть в первом из них основу составляет именно взаимодействие братьев, когда принятие наиболее важных для домохозяйства решений сосредоточено в их руках. Во втором варианте ядром выступает брачная пара старшего брата, тогда как прочие домочадцы находятся на вторых ролях. Однако данный вопрос не может быть однозначно решен на уровне внутренней критики источника и требует специального исследования.

Обратимся к двухпоколенным семьям, которые составляют большинство во всех населенных пунктах (табл. 4).

Таблица 4

Двухпоколенные семьи

	Все	Казаки	Военные	Крестьяне	Мещане	Купцы
Красноярск						
Брачная пара с детьми	134	25	25	54	15	6
Брачная пара родителей + дети в браке	27	6	1	14	2	3
Брачная пара + родитель	3	–	–	2	–	1
В том числе брачная пара с детьми + свекровь	–	–	–	2	–	–

[6] Подробнее о жизненном цикле семьи и стадии «пустое гнездо» см.: *Антонов А.И.* Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М., 1998; *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.

[7] *Гончаров Ю.М.* Типология семьи в отечественной историографии // Известия Алтайского государственного университета. 1999. № 4. С. 13−18; *Мельников П.Ю.* Братская семья как вариант крестьянского домохозяйства Российской империи второй половины XIX в. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. (120). С. 39−46.

Окончание табл. 4

	Все	Казаки	Военные	Крестьяне	Мещане	Купцы
Красноярск						
Холостые главы семейств	4	–	–	1	1	–
Вдовцы с детьми	4	1	–	2		
Вдовы с детьми	19	6	–	8	2	1
в том числе:						
только с детьми	8	4	–	1	1	1
дети + золовка	2		–	2	–	–
с детьми, состоящими в браке	7	1	–	5	1	–
Брачная пара + боковые родственники	9	2	1	3	–	1
в том числе:	–	–	–	–	–	–
сестра мужа	5	2	–	2	–	–
сестра жены	2	–	–	1	–	–
Братская семья	12	2	–	7	1	2
Овсянка						
Брачная пара с детьми	10	–	2	8	–	–
Вдовцы с детьми	2	1	–	1	–	–
Вдовы с детьми	1	–	–	1	–	–
Юксеево						
Брачная пара с детьми	10	–	–	10	–	–
Братская семья	2	–	–	2	–	–

Составлено по: Исповедная роспись Красноярского заказа 1785 г. // КККМ. ВХР 928.

Если рассматривать Красноярск, то первое место по численности занимают пары с не состоящими в браке детьми, второе − семьи, в которых брачную пару родителей дополняют брачные пары детей, но внуки отсутствуют. Представляется логичным, что вторая группа является своего рода развитием первой. Второй группе численно равна третья − семьи, в которых дети живут со вдовым родителем. Однако она распадается на три самостоятельные подгруппы по полу родителя и месту, которое он/она занимает в иерархии семьи. Самая маленькая из подгрупп − семьи вдовцов. При этом овдовевший родитель всегда явля-

ется главой домохозяйства. Отметим, что если вдовые мужчины указаны в 4 случаях, то женщины − в 19.

Семьи, в состав которых входят вдовы, разделяются на две примерно равные части в зависимости от того, какое место занимает вдова. Она могла стоять во главе семьи − в этом случае перечисление членов домохозяйства начиналось с нее, а дети, даже взрослые женатые сыновья, указывались после. Однако вдова могла не начинать, а завершать перечень членов домохозяйства. То есть с точки зрения иерархии внутрисемейных отношений находиться не на верхних, а на нижних ступенях.

Попытки связать положение вдовы в семье с ее возрастом, возрастом и брачным состоянием детей, социальным статусом ни к чему не привели. Вероятно, определяющими являлась личные качества самой женщины и особенности ее взаимоотношений с домочадцами. Стоит отметить, что в двух случаях в составе семьей, возглавляемых вдовой, присутствуют сестры мужа.

В целом можно заключить, что семьи с овдовевшими родителями являются одним из вариантов изменения структуры семьи по времени ее существования. То есть семья становится двухпоколенной с появлением детей, затем дети сами вступают в брак, а затем (или одновременно с этим) умирает один из родительской пары. В Овсянке и Юксеево подавляющее большинство двухпоколенных семей составляют брачные пары с детьми. При этом семей с овдовевшим родителем в Овсянке три, а в Юксеево нет совсем.

Следует уделить особое внимание сравнительно небольшой, но интересной группе братских двухпоколенных семей. В Красноярске таких насчитывается 12, в Юксеево − 2, в Овсянке − нет. У купцов, казаков и большей части крестьян главам братских семейств больше 40 лет. У крестьян только в одном старшему из братьев 29 лет. Причем он женат, но детей не имеет. Вместе с ним проживает брат с женой и двумя малолетними детьми, а также холостой брат и две незамужние сестры. В единственной мещанской братской семье холостому главе 24 года. В составе домохозяйства перечислены младший брат 16 лет и далее сестра с мужем. Принимая во внимание возраст глав братских семьей, последние не получается однозначно трактовать как временное состояние, возникающее после смерти общего отца и до обособления каждого из братьев. Скорее это один из нормальных в статистическом смысле, хотя и не самых распространенных вариантов домохозяйства.

Аналогичные выводы встречаются у авторов, исследовавших структуру семей европейской России XVIII века. Так, например, Е.В. Гончарова и М.М. Павлова отмечают, что у зависимого населения Псковского уезда в 1740-х гг. доля братских семей составляла от 20 до 30 %[8].

Вообще, если касаться возраста глав двухпоколенных семейств, то очевидно, что наибольшее число принадлежит 40-летним, при этом на 30- и 50-летних по Красноярску приходится равное количество случаев. В Овсянке и Юксеево преимущество на стороне глав семей в возрасте старше 50 лет, тогда как 40-летние пребывают в меньшинстве (табл. 5).

При малом количестве наблюдений сложно делать определенные выводы. Однако то, что наблюдения в пригородной деревне и отдаленном селе совпадают, безусловно, заслуживает внимания.

Таблица 5

Возраст глав двухпоколенных семей

	Все	Казаки	Военные	Крестьяне	Мещане	Купцы
Красноярск						
До 30 лет	14	1	−	5	2	2
30−39 лет	49	9	16	17	2	3

[8] *Гончарова Е.В., Павлова М.М.* Зависимое население Псковского уезда первой половины XVIII века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 2 (91). С. 13.

Окончание табл. 5

	Все	Казаки	Военные	Крестьяне	Мещане	Купцы
Красноярск						
40–49 лет	61	15	4	26	7	4
50–59 лет	49	11	5	23	4	4
60 лет и старше	36	6	2	20	4	1
Овсянка						
30–39 лет	4	–	–	4	–	–
40–49 лет	2	–	–	2	–	–
50–59 лет	5	–	2	3	–	–
60 лет и старше	2	1		1	–	–
Юксеево						
30–39 лет	2	–	–	2	–	–
40–49 лет	1	–	–	1	–	–
50–59 лет	3	–	–	3	–	–
60 лет и старше	6	–	–	6	–	–

Составлено по: Исповедная роспись Красноярского заказа 1785 г. // КККМ. ВХР 928.

Переходя к анализу трехпоколенных семей, следует отметить, что от двухпоколенных они отличаются скорее количественно, чем качественно. То есть усложнение происходит преимущественно за счет появления у младших брачных пар детей, а не благодаря присоединению разнообразных боковых ветвей, имеющих собственных отпрысков (табл. 6).

Таблица 6

Трехпоколенные семьи

	Все	Казаки	Военные	Крестьяне	Мещане	Купцы
Красноярск						
Брачная пара родителей + дети в браке с детьми	32	4	2	19	5	1
1 родитель + дети в браке с детьми	19	5	–	10	1	1
в том числе:						
вдовец + дети в браке с детьми	10	2	–	6	–	1
вдова + дети в браке с детьми	9	3	–	4	1	–
Брачная пара с детьми + родитель	22	4	1	7	5	3
в том числе:						
брачная пара с детьми + свекровь	14	2	1	4	4	1
брачная пара с детьми + теща	7	1	–	3	1	2
брачная пара с детьми + свекор	1	1	–	–	–	–

Окончание табл. 6

	Все	Казаки	Военные	Крестьяне	Мещане	Купцы
Красноярск						
Братские семьи	4	1	1	1	1	–
Семьи с боковыми родственниками-одиночками	4	1	–	2	–	–
Семьи с боковыми родственниками с семьями	1	–	–	–	–	–
Овсянка						
Брачная пара родителей + дети в браке с детьми	5	1	–	4	–	–
1 родитель + дети в браке с детьми	3	–	–	2	1	–
Юксеево						
Брачная пара родителей + дети в браке с детьми	8	–	–	8	–	–
Вдовец + дети в браке с детьми	2	–	–	2	–	–

Составлено по: Исповедная роспись Красноярского заказа 1785 г. // КККМ. ВХР 928.

Если в двухпоколенных семьях большую часть составляют брачные пары с детьми, то в трехпоколенных − пары с женатыми (реже замужними) детьми и внуками. При этом в городе разрыв в численности двух- и трехпоколенных семей значительно больше, чем в сельской местности. Для Красноярска это соотношение составляет 161 двухпоколенная семья (учитывая пары с детьми, вступившими в брак) к 32 трехпоколенным. Для Овсянки − 10 к 5, а для Юксеево − 10 к 8 соответственно. Таким образом, можно осторожно сформулировать гипотезу, согласно которой в сельской местности распространенность трехпоколенных семей возрастает по мере удаления от города. Для ее проверки планируется обсчет данных по всем приходам Красноярского заказа за 1785 г.

Среди двухпоколенных семей зафиксировано 6 во главе со вдовцами и 20 во главе с вдовами, среди трехпоколенных наблюдается 12 и 9 соответственно. Очевидно, что число трехпоколенных семей, возглавляемых вдовцами, выросло в два раза. Скорее всего, это связано с повышением возрастов глав трехпоколенных семей по сравнению с двухпоколенными, он смещается к возрастам старше 60 лет, и даже выделяется значимая группа старше 70 лет (табл. 7). Как показывает анализ возраста овдовения, проведенный по прихожанам городских храмов Красноярска[9], шансы вступления в новый брак у мужчин резко снижаются после 50 лет. Вместе с тем количество домохозяйств, возглавляемых вдовами, у трехпоколенных семей более чем в два раза сократилось по сравнению с двухпоколенными. Не исключено, что в данном случае речь может идти об изменении статуса старшего поколения в связи со старением − с одной стороны, и взрослением детей − с другой.

Это предположение подкрепляется тем, что если у двухпоколенных семей всего три представляют вариант, при котором свекровь (2 случая) или теща (1 случай) указаны после брачной пары детей, то у трехпоколенных наблюдается 25 домохозяйств, в которых представители старшего поколения не являются главами. При этом в 14 случаях указана свекровь, и по одному − свекор и тесть брата главы семьи.

Семья, в которой отец главы занимает подчиненное положение, принадлежит казачьему сословию. Первым в списке членов домохозяйства записан его сын 47 лет, казачий

[9] *Гуляева Н.П.* Семейно-брачная структура…

голова. Предположительно нестандартное распределение ролей в семье связано как раз с тем, что представителю местной элиты было «невместно» оказаться в подчиненном положении в собственном доме. Возраст старшего мужчины не указан.

Второй случай, при котором старший мужчина в семье не является ее главой, представляет братскую казачью семью, где тесть брата главы семьи − крестьянин 79 лет. Скорее всего, по причине преклонных лет он оказался не в состоянии вести хозяйство сам, а родственников, способных его содержать, ближе, чем семья дочери, не оказалось.

Таблица 7

Возраст глав трехпоколенных семей

	Все	Казаки	Военные	Крестьяне	Мещане	Купцы
Красноярск						
До 30 лет	4	1	–	–	2	–
30–39 лет	11	1	1	4	2	1
40–49 лет	16	2	1	7	3	2
50–59 лет	13	4		6	1	1
60–69 лет	17	4	2	9	2	–
70 лет и старше	21	3	–	13	2	1
Овсянка						
50–59 лет	3	1	–	1	1	–
60–69 лет	3	–	–	3	–	–
70 лет и старше	2	–	–	2	–	–
Юксеево						
50–59 лет	1	–	–	1	–	–
60–69 лет	7	–	–	7	–	–
70 лет и старше	2	–	–	2	–	–

Составлено по: Исповедная роспись Красноярского заказа 1785 г. // КККМ. ВХР 928.

Относительно братских семей следует отметить, что среди трехпоколенных зафиксировано только 4 случая, и все они сосредоточены в Красноярске. При этом двухпоколенных братских семей 14, причем 2 из них проживают в сельской местности. Таким образом, с увеличением количества поколений доля братских семей снижается. Это может происходить как вследствие разделения домохозяйств, так и по причине смерти одного из братьев. В последнем случае бывшая братская семья превращается в вариант семьи с боковыми родственниками.

Однако среди двухпоколенных семей с боковыми родственниками 9, а среди трехпоколенных − 5. Но в двухпоколенных семьях боковые родственники − это преимущественно золовки (5 случаев) или своячницы (2 случая), тогда как среди трехпоколенных три случая представляют тети главы семьи и упоминавшийся ранее тесть брата главы домохозяйства.

Единственный случай, при котором в состав семьи входят две брачные пары не братьев и не родителей − детей, встречен у ясачных. Главой указан мужчина 25 лет. Далее в списке следуют жена, две незамужние сестры, а последними записаны дядя с супругой.

Видно, что, хотя вариантов семей с боковыми родственниками у трехпоколенных семей больше, численно таких домохозяйств меньше, чем у двухпоколенных. Ориентируясь на указанные статусы боковых родственников, можно предположить, что наблюдаются принципиально разные ситуации. В двухпоколенных семьях боковые родственники представлены преимущественно незамужними девушками (сестрами одного из супругов, которые впоследствии вступят в брак и уйдут в другое домохозяйство). В трехпоколенных семьях

боковые родственники − это чаще всего представители старшего поколения, которые в силу разных причин не живут собственным хозяйством. Вообще, как и в случае с двухпоколенными семьями, трехпоколенные гораздо разнообразнее в городе, нежели в сельской местности.

Четырехпоколенных семей всего две и обе проживают в городе. Главой одной из них, состоящей из казаков, выступает 60-летний мужчина, вместе с которым проживает женатый сын с детьми и два холостых, а также отец 88 лет. Можно заключить, что данное домохозяйство представляет своего рода расширенную версию одного из вариантов трехпоколенных семей, где в подчиненном положении находится отец главы семьи.

Во главе второй четырехпоколенной семьи стоит отставной 80-летний солдат. Его сын 54 лет тоже принадлежит к военному сословию, тогда как 19-летний внук с женой и сыном − к купеческому. Следует отметить, что среди солдат мало даже трехпоколенных семей, соответственно четырехпоколенная − явление совершенно исключительное. Кроме того, данное домохозяйство демонстрирует яркий пример межпоколенной социальной мобильности: сын и внук солдат приписаны к одной из привилегированных групп. Представляется маловероятным, чтобы юноша в возрасте 19 лет самостоятельно добился перехода в купцы. Более вероятной кажется ситуация, при которой материального благосостояния добились старшие поколения, обеспечив потомкам лучшие условия, нежели те, которые были у них самих. Не исключено, что именно накопленный капитал и необходимость предпринимать совместные усилия для его прироста и реализации привели к сосуществованию четырех поколений. С одной стороны, это обеспечило уровень жизни, позволяющий главе семьи прожить достаточно долго, чтобы дождаться правнука, а с другой − удержало членов домохозяйства вместе, поскольку разделение оказывалось невыгодным.

Таким образом, принципиальное соотношение типов семей мало различается в городе и в сельской местности. Хотя, как и ожидалось, город демонстрирует большее разнообразие.

Интересно, что аналогичное соотношение типов семей, выделенных по числу поколений, наблюдается у жителей Пудемского завода Вятской губернии на рубеже XVIII−XIX вв.: абсолютное преобладание двухпоколенных семей, существенно меньшая, хотя и значимая − трехпоколенных, небольшая − однопоколенных и единичные случаи четырехпоколенных семей[10]. Вместе с тем в Подмосковье отмечается, что до войны 1812 г. у крестьян наблюдался баланс двух- и трехпоколенных семей. В послевоенное время доли двухпоколенных и однопоколенных семей увеличились при сокращении доли трехпоколенных[11]. По Псковскому уезду исследователи отмечают преобладание в 1740-х гг. «большой отцовской семьи». Следуя контексту работы, этот тип можно осторожно соотнести с трехпоколенной семьей[12].

Логично предположить, что слабая дифференциация в структуре и соотношении типов семей по Красноярскому заказу связана с неразличающимися принципиально условиями жизни. Соответственно, не исключено, что схожие обстоятельства определили и схожую семейную структуру заводских жителей Вятского края, тогда как Подмосковье и Псковский уезд демонстрируют либо доминирование трехпоколенных семей, либо их равную долю с двухпоколенными. В Подмосковье и Псковском уезде изучению подвергались только крестьянские семьи сельской местности. Вместе с тем по Красноярскому заказу доля трехпоколенных крестьянских семей в Юксеево и Овсянке чуть более значима, чем у городского населения. Следовательно, не исключено, что наблюдается слабовыраженная тенденция, связанная не столько с географией проживания, сколько с социальным статусом домохозяйства.

Однако для подтверждения высказанных выше предположений требуется провести обсчет домохозяйств по всем населенным пунктам Красноярского заказа и собрать более представительный сравнительный материал по иным регионам Российской империи XVIII − начала XIX в.

[10] *Васина Т.А.* Духовные росписи как источник по истории семьи населения Пудемского завода конца XVIII − начала XIX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 71.

[11] *Прохоров М.Ф.* Крестьянская семья Подмосковья в период Отечественной войны 1812 года: численность, состав, структура // Сервис plus. Социальные науки. 2015. Т. 9, № 2. С. 95−96.

[12] *Гончарова Е.В., Павлова М.М.* Зависимое население Псковского уезда… С. 13.

Литература

Александров В.А., Власова И.В. Семейный уклад и демографическое поведение крестьян Европейского Севера России в XVII−XIX вв. Вологда, 2001. 240 с.

Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Nota Bene, 1998. 360 с.

Араловец Н.А. Городская семья в России 1897−1926 гг.: историко-демографический аспект. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 270 с.

Васина Т.А. Духовные росписи как источник по истории семьи населения Пудемского завода конца XVIII − начала XIX в. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 12. С. 67−73.

Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 272 с.

Гончаров Ю.М. Типология семьи в отечественной историографии // Известия Алтайского государственного университета. 1999. № 4. С. 13−18.

Гончарова Е.В., Павлова М.М. Зависимое население Псковского уезда первой половины XVIII века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2021. № 2 (91). С. 12−14.

Гуляева Н.П. Семейно-брачная структура города Красноярска, 1785 г. // История и современность. 2022. № 2 (44). С. 27−74.

Комлева Е.В. Енисейское купечество (последняя четверть XVIII − первая половина XIX века). М.: Acadimia, 2006. 384 с.

Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 132−158.

Мельников П.Ю. Братская семья как вариант крестьянского домохозяйства Российской империи второй половины XIX в. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. (120). С. 39−46.

Миронов Б.Н. Историческая социология России. СПб., 2009. 536 с.

Прохоров М.Ф. Крестьянская семья Подмосковья в период Отечественной войны 1812 года: численность, состав, структура // Сервис plus. Социальные науки. 2015. Т. 9, № 2. С. 91−97.

Разумова И.А. Городская семья в России во второй половине XIX − начале XX века: основные тенденции развития // Городская семья в России: особенности, структура и эволюция. М., 2001. С. 13−17.

References

Aleksandrov, V.A., Vlasova, I.V. (2001). *Semeynyy uklad i demograficheskoe povedenie krest'yan Evropeyskogo Severa Rossii v XVII−XIX vv.* [Family Way of Life and Demographic Behavior of the Peasants of the European North of Russia in the 17th − 19th Centuries]. Vologda. 240 p.

Antonov, A.I. (1998). *Microsotsiologiya sem'i (metodologiya issledovaniya struktur i protsessov)* [Microsociology of Family (Methodology of Structures and Processes)]. Moscow, Nota Bene. 360 p.

Aralovets, N.A. (2019). *Gorodskaya sem'ya v Rossii 1897−1926 gg.: istoriko-demograficheskiy aspekt* [The Urban Family in Russia, 1897−1926: a Historical-Demographic Perspective]. Moscow, Berlin, Direkt-Media. 270 p.

Golod, S.I. (1998). *Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskiy analiz* [Family and Marriage: Historical-Sociological Analysis]. St. Petersburg, Petropolis. 272 p.

Goncharov, Yu.M. (1999). Tipologiya sem'i v otechestvennoy istoriografii [Typology of Family in Domestic Historiography]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4, pp. 13−18.

Goncharova, E.V., Pavlova, M.M. (2021). Zavisimoe naselenie Pskovskogo uezda pervoy poloviny XVIII veka [Subordinate Population of Pskov uyezd in the First Half of the 18th Century]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 2 (91), pp. 12−14.

Gulyaeva, N.P. (2022). Semeyno-brachnaya struktura goroda Krasnoyarska, 1785 g. [Family-Marriage Structure of the City of Krasnoyarsk, 1785]. In *Istoriya i sovremennost'*. No. 2 (44), pp. 27−74.

Komleva, E.V. (2006). *Eniseyskoe kupechestvo (poslednyaya chetvert' XVIII − pervaya polovina XIX veka)* [The Yeniseisk Merchant Class (the Last Quarter of the 18th Century − the First Half of the 19th Century)]. Moscow, Academiya. 384 p.

Laslett, P. (1979). Sem'ya i domokhozyaystvo: istoricheskiy podkhod [Family and Household: Historical Approach]. In *Brachnost', rozhdayemost' sem'ya za tri veka.* Moscow, pp. 132−158.

Mel'nikov, P.Yu. (2018). Bratskaya sem'ya kak variant krest'yanskogo domokhozyaystva Rossiyskoy imperii vtoroy poloviny XIX v. [Fraternal Family as a Variant of Peasant Household of the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century]. In *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii.* No. 1 (120), pp. 39−46.

Mironov, B.N. (2009). *Istoricheskaya sotsiologiya Rossii* [Historical Sociology of Russia]. St. Petersburg, Izdatel'skiy dom Sankt Peterburgskogo universiteta, Intersotsis. 536 p.

Prokhorov, M.F. (2015). Krest'yanskaya sem'ya Podmoskov'ya v period Otechestvennoy voyny 1812 goda: chislennost', sostav, struktura [Peasant Family of the Moscow Region during the Patriotic War of 1812: Size, Composition, Structure]. In *Servis plus. Sotsial'nye nauki.* Vol. 9, No. 2, pp. 91−97.

Razumova, I.A. (2001). Gorodskaya sem'ya v Rossii vo vtoroy polovine XIX − nachale XX veka: osnovnye tendentsii razvitiya [The Urban Family in Russia in the Second Half of the 19th − Early 20th Centuries: Main Trends of Development]. In *Gorodskaya sem'ya v Rossii: osobennosti, struktura i evolyutsiya*. Moscow, pp. 13−17.

Vasina, T.A. (2015). Dukhovnye rospisi kak istochnik po istorii sem'i naseleniya Pudemskogo zavoda kontsa XVIII − nachala XIX v. [The Lists of Parishioners" Families are Documents of the Families History of the Pudem Factory Population in the Late 18th − Early 19th Centuries]. In *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 12, pp. 67−73.

Т.А. Кискидосова*

КОНФЕССИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ГУБЕРНСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ЦЕНТРОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-7
УДК 94(47).08(571.5)

Выходные данные для цитирования:
Кискидосова Т.А. Конфессионально-этническая структура населения губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 83−100.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-07.pdf

T.A. Kiskidosova*

CONFESSIONAL AND ETHNIC STRUCTURE OF THE POPULATION IN THE REGIONAL CENTERS OF EASTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-7

How to cite:
Kiskidosova T.A. Confessional and Ethnic Structure of the Population in the Regional Centers of Eastern Siberia in the Second Half of the 19th Century // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 83−100. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-07.pdf]

Abstract. The article considers the confessional and ethnic structure of the population of Krasnoyarsk, Irkutsk, Chita, and Yakutsk in the second half of the 19th century. Krasnoyarsk and Irkutsk were governorate cities; Chita and Yakutsk were regional cities in Eastern Siberia. The confessional and ethnic composition of the urban population is analyzed based on census statistics and reference materials. It is revealed that as the population grew in the cities, there were changes in the confessional and ethnic structure. Despite the fact that the majority of urban residents were Orthodox, the proportion of other religious groups gradually increased. By the end of the 19th century, the ethnic picture of the cities looked diverse due to the influx of representatives of various nationalities. The ethnic group of Russians prevailed in all the cities under consideration. In addition to Russians, other ethnic groups such as Jews, Poles, Tatars, Yakuts, Germans, Buryats, Chinese, etc., harmoniously joined the ethnic structure. In all the governorate and regional centers of Eastern Siberia, ethnic groups interacted and collaborated. The characteristic feature of Yakutsk was that, along with the Russian population, there was a fairly high proportion of Yakuts in it, which affected the lifestyle of other ethnic groups in the city. The article presents the examples when Russians adopted some Yakut customs and traditions. Thus, during the second half of the 19th century, the governorate and regional centers of Eastern Siberia were replenished with representatives of different faiths and nationalities.

Keywords: Eastern Siberia, urban population, religious and ethnic composition, ethnocultural interaction, First General Census of 1897.

The article has been received by the editor on 19.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Татьяна Александровна Кискидосова,** кандидат исторических наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия, e-mail: tak_74@mail.ru
Tatyana Alexandrovna Kiskidosova, Candidate of Historical Sciences, Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Abakan, Russia, e-mail: tak_74@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена конфессионально-этническая структура населения Красноярска, Иркутска, Читы и Якутска во второй половине XIX в. Красноярск и Иркутск были губернскими городами, Чита и Якутск − областными городами Восточной Сибири. На основе статистических данных переписей и справочных материалов проанализирован конфессиональный и этнический состав городского населения. Выявлено, что с ростом численности населения в городах происходили изменения в конфессионально-этнической структуре. Несмотря на то, что основную массу городских жителей составляли православные, постепенно происходило увеличение удельного веса других религиозных групп. К концу XIX в. этническая картина городов выглядела многообразной за счет притока представителей различных национальностей. Этническая группа русских преобладала во всех рассматриваемых городах. Кроме русских, в этническую структуру гармонично вливались евреи, поляки, татары, якуты, немцы, буряты, китайцы и другие этносы. Во всех губернских и областных центрах Восточной Сибири происходило взаимодействие и взаимовлияние этнических групп. Особенностью Якутска было то, что в городе наряду с русским населением наблюдался достаточно высокий удельный вес якутов, что сказалось на образе жизни других этносов в городе. Приведены примеры, когда русские перенимали некоторые якутские обычаи и традиции. Таким образом, на протяжении второй половины XIX в. губернские и областные центры Восточной Сибири пополнялись за счет представителей разных конфессий и национальностей.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, городское население, конфессиональный и этнический состав, этнокультурное взаимодействие, Первая всеобщая перепись населения 1897 г.

Статья поступила в редакцию 19.12.2025 г.

Введение. Одним из важнейших направлений Российского государства и общества является регулирование межнациональных и межрелигиозных отношений. Необходимо учитывать и удовлетворять потребности и нужды различных этносов и конфессий. Межэтнические и межрелигиозные отношения продолжают вызывать интерес современных исследователей. В историческом контексте важно изучать взаимодействия пришлого и коренного населения на окраинных территориях Российского государства.

В отечественной историографии проблеме этноконфессиональных отношений в Сибири в эпоху модернизации посвящены многочисленные исследования[1]. Ученые в целом

[1] *Брюханова Е.А., Чекрыжова О.И., Неженцева Н.В.* Диаспоры этнических меньшинств в городах Тобольской губернии в конце XIX − начале XX в.: демографические и социальные особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2024. Вып. 23, № 1. С. 8−18; *Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М.* Виды городских общностей и религиозный быт горожан губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Сибирский город XVIII−XX веков: сб. ст. Иркутск, 2011. С. 70−80; *Дворецкая А.П., Терскова А.А.* К вопросу о распространении православия среди инородцев Туруханского края в XVIII − начала XX вв. // Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2018. С. 118−125; *Карих Е.В.* Этническая структура экономики Иркутской губернии во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 152−155; *Карих Е.В.* Этническая структура населения Якутской области в конце XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92−95; *Коровушкин Д.Г.* Конфессиональный фактор в процессах этнокультурной интеграции аграрных переселенцев Западной Сибири в конце XIX − первой трети XX в. // Манускрипт. 2018. № 6 (92). С. 46−50; *Недзелюк Т.Г.* Источники для изучения государственно конфессиональной и международной политики в Степном Генерал-губернаторстве (по материалам Центрального государственного архива Республики Казахстан) // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. С. 154−166; *Недзелюк Т.Г.* Смена вероисповедной принадлежности в Российской империи на примере Западной Сибири: потенциальные возможности, нормативное регулирование, практика применения // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 128−139; *Терскова А.А., Дворецкая А.П.* Взаимоотношения православной церкви и общин баптистов в Енисейской губернии начала XX века // Государство, общество, церковь в истории России XX−XXI веков: мат-лы XVIII Междунар. науч. конф. Иваново, 2019. С. 168−173; и др.

рассмотрели этноконфессиональный состав населения региона, религиозный быт горожан, деятельность различных этносов и конфессиональных групп в хозяйственном освоении региона и т.д. Одновременно исследовались формирование и адаптация к сибирским условиям еврейской, польской и немецкой диаспор. Государственную политику в отношении еврейского населения в Сибири, формирование и деятельность еврейской общины и другие вопросы изучали А.П. Андреев[2], Л.В. Кальмина[3], Т.Т. Курчатова[4], Н.А. Орехова и Я.М. Кофман[5], В.Ю. Рабинович[6], О.С. Ульянова[7]. История польской и немецкой диаспор в Сибири исследована Ю.М. Гончаровым[8], Т.Г. Недзелюк[9], Е.В. Семеновым[10], В.А. Скубневским[11], Л.К. Островским[12], Д.Ю. Хоменко[13]. Правовое положение мусульманских общин и социально-экономическая адаптация мусульман рассматривались в работах П.К. Дашковского и Е.А. Шершневой[14], В.В. Перинова[15]. Несмотря на обширную историографию по данной теме, недостаточно изученными остаются вопросы формирования этнических диаспор и религиозных групп, межэтнические контакты и изменения в этноконфессиональной структуре населения Восточно-Сибирского региона в эпоху российской модернизации. В данной статье рассматривается конфессионально-этническая структура городов Восточной Сибири во второй половине XIX в.

В 1851 г. в административном устройстве генерал-губернаторства Восточной Сибири произошли административные изменения, связанные с образованием Забайкальской области с центром в Чите. Территория Восточной Сибири в административном отношении подразделялась на две губернии − Иркутскую и Енисейскую, и две области − Забайкальскую и Якут-

[2] *Андреев А.П.* Еврейская диаспора Якутии // Наука и образование. 2006. № 3. С. 114−117; *Андреев А.П.* Еврейское население Якутии // Наука и образование. 2007. № 3. С. 68−70.

[3] *Кальмина Л.В.* Евреи в дореволюционном Иркутске: отблеск губернского лоска // Известия Иркутского государственного университета. 2012. № 1 (2). С. 118−126; *Кальмина Л.В.* Еврейская община в Забайкалье: региональные нюансы самоуправления // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Т. 23. С. 55−61; *Кальмина Л.В.* Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX − февраль 1917 г.). Улан-Удэ, 2003.

[4] *Курчатова Т.Т., Андреев А.П.* Евреи Якутии в конце XIX в. (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 72−75.

[5] *Орехова Н.А., Кофман Я.М.* Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность (XIX − начало 30-х гг. XX вв.). Красноярск, 2009.

[6] *Рабинович В.Ю.* Евреи и поляки в дореволюционном Иркутске: «переселенцы» в переселенческом обществе // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-1 (68). С. 201−206.

[7] *Ульянова О.С.* Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни г. Томска (вторая половина XIX − 20-е гг. XX столетия). Томск, 2010.

[8] *Гончаров Ю.М.* Польская семья в городах Западной Сибири во второй половине XIX − начале XX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сб. ст. Барнаул, 2005. С. 101−112.

[9] *Недзелюк Т.Г.* Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830−1917 гг.). Новосибирск, 2016.

[10] *Семенов Е.В.* Польские политические ссыльные в Чите в 60−70-е гг. XIX в. // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 92−98.

[11] *Скубневский В.А.* Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польские ссыльные в России XIX−XX веков: региональные центры. Казань, 1998. С. 170−175.

[12] *Островский Л.К.* Поляки в Западной Сибири в конце XIX − первой четверти XX века. Новосибирск, 2016.

[13] *Хоменко Д.Ю.* Лютеранские приходы на территории Енисейской губернии в XIX веке: создание и реорганизация // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска): мат-лы Сиб. ист. форума. Красноярск, 2019. С. 389−391; *Хоменко Д.Ю.* Хозяйственная адаптация прибалтийских народов в Сибири в начале XX века (на материалах Енисейской губернии) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (27). С. 204−216; *Шайдуров В.Н.* Повседневная жизнь европейских общин в Западной Сибири второй половины XIX − начала XX в. (по материалам периодической печати) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 88−92; *Шайдуров В.Н.* О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX − начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 81−97.

[14] *Дашковский П.К., Шершнева Е.А.* Этнорелигиозный фактор в социально-экономической адаптации мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX − начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 223−237.

[15] *Перинов В.В.* Мусульманская община Верхнеудинска в конце XIX − начале XX века: социальный портрет // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 4−8; и др.

скую, объединившихся в рамках Восточно-Сибирского (с 1887 г. Иркутского) генерал-губернаторства. Два города − Иркутск и Красноярск − официально имели статус губернских городов, и два города − Чита и Якутск − областных[16].

В рассматриваемый период для губернских и областных центров Восточной Сибири были характерны как схожие черты, так и особенности. Города отличались друг от друга временем возникновения, местом расположения, климатом, экономическим потенциалом и культурными традициями. Иркутск, получивший статус города еще в 1686 г., во второй половине XIX в. являлся самым крупным городом в Восточной Сибири, он динамично развивался и имел перспективы на дальнейший рост. В этом губернском центре сосредоточилась вся восточносибирская торговля, город был транзитным пунктом, через который проходили чайные обозы и перевозили сибирские меха. Иркутск выделялся среди других городов и лидировал по экономическому и культурному развитию. Однако даже этот губернский центр оставил неоднозначное мнение о своем развитии у путешественников и публицистов. Когда Г.Н. Потанин писал об Иркутске, он отмечал, что «ни один город Сибири не мог похвастаться такой блестящей и просвещенной буржуазией, как в Иркутске»[17]. Наряду с многочисленными положительными отзывами встречалось и такое мнение современников, что «ему еще надо много лет прожить, чтобы стать европейским городом»[18]. К старейшим сибирским городам относился Красноярск, получивший статус города в 1690 г. Во второй половине XIX в. Красноярск представлял собой больше административный центр, чем коммерческий, и по своему уровню значительно уступал Иркутску и Томску. До проведения железной дороги он невыгодно располагался и не имел никаких шансов догнать и перегнать эти губернские города. Красноярск стоял в стороне от путей, связывавших Томск и Иркутск, следовательно все сделки и товары проходили мимо него[19]. Среди четырех восточносибирских центров Чита была самым молодым городом, получив статус в 1851 г. В 1880-е гг. современники писали о «непрезентабельном виде» административного центра Забайкалья. В то время численность постоянных жителей колебалась от 4 до 5 тыс., если не считать военных, которые временно проживали в Чите. Показателем отсталости города являлось отсутствие там общественной жизни[20]. Якутск, основанный в 1632 г., был самым малонаселенным городом среди других административных центров. В удаленном городе с очень суровыми климатическими условиями крайне медленно увеличивалась численность населения. Тем не менее в экономическом плане Якутск выступал центром средоточия и распространения товаров в Якутской области с достаточно оживленной торговой жизнью. К концу XIX в. по внешнему виду Якутск выглядел не как город, а больше походил на большое зажиточное село. В городе находилось всего четыре каменных дома, все остальное пространство заполонили деревянные здания и якутские юрты[21].

Источниковой базой данного исследования стали статистические материалы и приложения к губернаторским отчетам, опубликованные справочники, памятные книжки и переписи населения (Однодневная перепись населения городов Якутской области в 1885 г., Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.). В качестве дополнения были использованы этнографические материалы Научного архива Русского географического общества.

Во второй половине XIX в. Российской империи, расположенной на пересечении различных цивилизаций, был присущ пестрый этнический и религиозный состав населения. В эпоху модернизации с притоком населения в Сибирь происходил активный процесс формирования этноконфессиональных сообществ и диаспор. Одновременно в условиях мирного сосуществования происходили межконфессиональные и межэтнические взаимодей-

[16] *Гимельштейн А.В.* Динамика городского населения Восточной Сибири во второй половине XIX − начале XX вв. (на примере губернских и областных центров) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2011. С. 361.
[17] *Потанин Г.Н.* Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. СПб., 1908. С. 238.
[18] Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1895 г. Томск, 1895. С. 191.
[19] Сибирь. 1880. 24 февр. С. 3.
[20] *Борисовский Н.Ф.* Картинки сибирской жизни. От Читы до Тифлиса. Митава, 1890. С. 73.
[21] Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1896 г. (високосный). Томск, 1896. С. 224.

ствия. Религиозная культура жителей губернских и областных центров Восточной Сибири была связана с национальной принадлежностью и оказывала серьезное влияние не только на повседневный быт горожан, но и на формирование профессиональной и культурной общности[22].

Согласно статистическим материалам второй половины XIX в., учет этнического состава населения в основном производился по религиозному признаку, поэтому сведения о национальностях можно идентифицировать по приблизительным данным. До конца XIX в. в основном фиксировался вероисповедный состав населения. Информация об этническом составе населения некоторых сибирских городов содержится в однодневных переписях и справочниках. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. дали наиболее полную информацию о национальном составе исходя из родного языка и вероисповедания. В то же время необходимо учитывать, что определение этнического состава населения на основе родного языка может быть неточным и искажать численность некоторых этносов. Например, несколько завышалась численность представителей русской национальности[23]. Определение национального состава населения на основе вероисповедания можно применять условно, поскольку нельзя утверждать, что все русские были православными, евреи − иудеями, поляки − католиками и т.д. Такая категория населения, как «русские», помимо великороссов включала также украинцев и белорусов.

Конфессии и этносы в крупных городах Восточной Сибири в начале 1860-х гг. В начале 1860-х гг. в губернских и областных центрах Восточной Сибири преобладающей конфессиональной группой были православные (табл. 1). Наиболее высокий удельный вес православных наблюдался в Якутске − 96,8 % (5 466 чел.). В городе к данной категории относились представители разных этносов, но основу составляли русские и якуты. В Иркутске доля православных достигала 95,8 % (23 744 чел.), в Красноярске − 93,0 % (8 160 чел.)[24]. В Чите доля православных была несколько меньше, чем в других центрах, но они также являлись основной частью населения − 89,6 % (2 704 чел.)[25].

Конфессиональная группа «иудеи» включала представителей еврейского этноса. После принятия закона 1837 г. возможность переезда евреев в Сибирь была сильно ограничена, и дозволение поселиться здесь на легальных основаниях получали только некоторые их категории. Например, постоянным источником пополнения иркутского еврейского общества выступали кантонисты. Отслужившие полный срок службы по рекрутскому уставу солдаты-евреи получали право повсеместного жительства в империи. Другим источником пополнения еврейского населения в Сибири были ссыльные со своими семьями. Ссыльные стали самой многочисленной и устойчивой группой иркутского еврейского населения[26]. В начале 1860-х гг. по количеству представителей иудейского вероисповедания лидировал Красноярск (362 чел., 4,1 %) (см. табл. 1). В Чите и Красноярске иудеи представляли заметную конфессиональную группу. В Чите было 275 чел. представителей иудейского вероисповедания, что составило 9,1 %, в Красноярске соответственно 362 чел. (4,1 %). Более низкие численность и доля иудеев в составе горожан отмечены в Иркутске − 245 чел. (1,0 %) и Якутске − 36 чел. (0,6 %). Конфессиональная группа «католики» была заметной в Красноярске (1,9 %) и Иркутске (1,1 %), меньше всего их проживало в Чите (0,4 %) и Якутске (0,1%). Подавляющее большинство католиков-сибиряков составляли представители польской национальности. По мнению Т.Г. Недзелюк, до массовой миграции в Сибирь немцев католического вероисповедания в 1880-х гг. именно поляки выступали инициаторами основания региональных католических общин[27].

[22] *Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М.* Виды городских общностей… С. 73.
[23] *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX − начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2007. Ч. II. С. 58.
[24] Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. СПб., 1863. Табл. II; Памятная книжка Иркутской губернии на 1863. Иркутск, 1863. С. 108−109; Памятная книжка Якутской области за 1863 г. СПб., 1864. Табл. II.
[25] Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 210.
[26] *Кальмина Л.В.* Евреи в дореволюционном Иркутске… С. 118−119.
[27] *Недзелюк Т.Г.* Конфессиональное сообщество католиков Сибири… С. 49.

Представители мусульманского вероисповедания в рассматриваемых городах являлись незначительной частью населения. В Иркутске удельный вес магометан составлял 0,5 %, в Красноярске − 0,7 %. В Якутске к группе приверженцев ислама относился всего 1 чел., в Чите не было ни одного мусульманина. Самое большое количество протестантов сконцентрировалось в Иркутске − 97 чел. (0,4 % от всех горожан). В остальных городах группа протестантов была немногочисленной: в Чите на нее приходилось 0,3 %, в Красноярске − 0,2 %, в Якутске − 0,2 %.

В Иркутске и Чите в группу «прочие» входили буддисты и ламаисты. В Иркутске и Чите ламаизм исповедовали в основном буряты. В 1861 г. в Чите 22 чел. были ламаистами, их причислили к группе «нехристиан»[28]. По численности ламаистов Иркутск значительно превышал Читу, там «ламаисты» (300 чел.) относились к группе «прочие» и составляли 1,2 % всего города[29].

В 1860−1870-е гг. в рассматриваемых городах проживала незначительная доля «раскольников». При учете населения в список «раскольников» записывали как старообрядцев, так и представителей различных религиозных сект (молокан, скопцов, субботников, духоборов, хлыстов, шалопутов и др.). В 1860 г. в Якутске насчитывалось 47 старообрядцев, 9 скопцов. Вместе со старообрядцами зафиксировали молокан (4 чел.), «евреев» (субботников, 16 чел.)[30]. В 1862 г. в Якутске проживало 129 раскольников (2,28 %). В начале 1860-х гг. в Иркутске и Чите не было ни одного раскольника. В Красноярске доля раскольников была ничтожна и составляла всего 0,1 % (см. табл. 1). Согласно статистическим данным, в 1872 г. в Иркутске к раскольникам относился 51 чел. В «раскольники» были записаны: «приемлемое священство» − 12 чел., беспоповцы − 32 чел. (из них признающих брак − 28 чел., не признающих брак − 4 чел.), молокане и духоборцы − 3 чел., скопцы − 4 чел.[31] Спустя три года в 1875 г. в Иркутске осталось всего 18 чел., причисленных к группе «раскольников» без разделения на секты[32].

Конфессии и этносы Иркутска в 1860−1870-е гг. Этнический и конфессиональный состав населения Иркутска в 1860−1870-е гг. можно рассмотреть на основе статистических данных того времени. М.В. Загоскин, опираясь на справочные материалы, попытался обрисовать этнический состав Иркутска. По его примерным подсчетам, городские жители состояли из 78 % сибирских уроженцев, 9 % приезжих и 13 % ссыльных. К концу 1860-х гг. подавляющую массу населения Иркутска составляли русские православного вероисповедания. К сожалению, автор не привел даже приблизительные сведения о численности русского населения. Можно предполагать, что удельный вес русского населения превышал 90 %. Группа «старообрядцев» состояла из 35 чел. и также была представлена русским этносом. Из всего городского населения только около 2 тыс. чел. составляли «нерусские». В эту группу входили поляки, которые исповедовали католицизм (не более 550 чел.). К приверженцам «лютеранского и реформаторского вероисповедания» (представителям немецкой диаспоры) относилось около 200 чел. Сведения о численности иудеев не приведены, но в то время на их долю приходилось не менее 1 % всего населения. Среди конфессиональных групп заметное место занимали инородцы, исповедовавшие буддизм и шаманизм, к ним причислялись буряты и монголы. В конце 1860-х гг. в городе насчитывалось до 600 чел. бурят и монголов[33]. Возможно, что данные об инородцах приблизительны и были несколько завышены. К 1879 г. в Иркутске проживало 278 бурят-монголов (0,8 % от числа всех горожан). Можно предполагать, что сокращение численности этой этнической группы произошло в связи с их отъездом и ассимиляцией среди других народов. Другие коренные

[28] РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 107. Л. 69.
[29] Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 г. … С. 108−109.
[30] Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я)). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 286. Л. 4.
[31] РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 389. Л. 23.
[32] Там же. Л. 35.
[33] *Загоскин М.В.* Иркутск и Иркутская губерния с очерком прочих губерний и областей Сибири. Иркутск, 1870. С. 14.

народы Сибири (якуты, тунгусы, карагасы и др.) не были зафиксированы среди горожан[34]. Поляки, немцы и другие европейцы в основном состояли на военной и гражданской службе. Евреи преимущественно занимались мелочной торговлей и ремеслами, татары широко развернули торговые связи и выезжали с кладями из Томска, буряты нанимались в работники или трудились в плотничном ремесле[35].

Согласно однодневной переписи, проведенной в 1875 г. в Иркутске, православные по-прежнему оставались основной массой населения, включавшей 29 780 чел. (табл. 2, рис. 1). Однако удельный вес группы православных среди иркутян несколько снизился: с 95,8 % в 1861 г. до 91,6 % в 1875 г. Второй группой после православных стали иудеи (1007 чел.), их доля составляла 3,1 %. Совсем ненамного по численности и удельному весу им уступали католики (965 чел., 3,0 %). Среди них наблюдалась значительная диспропорция полов: на 774 мужчин приходилась лишь 191 женщина − показатель того, что приверженцы католицизма были представлены в основном ссыльными поляками. Ислам исповедовали 308 чел. (0,9 %). В городе насчитывалось также 180 чел. (0,5 %) протестантов, включая лютеран (156 чел.), реформатов (6 чел.), кальвинистов (1 чел.), англиканцев (1 чел.). Старообрядцы составляли 0,1 % городского населения. В Иркутске проживали 147 чел., которые относились к группе шаманистов (см. табл. 2). По сравнению с 1861 г. в 1875 г. существенно сократилось число ламаистов (с 300 до 33 чел.)[36]. В результате активной деятельности Иркутской православной епархии число ламаистов и шаманистов постепенно сокращалось[37].

Основную массу населения Иркутска составляли представители русского этноса. По наблюдению М.В. Загоскина, их предки переселились из Вологодской, Новгородской и других губерний центральной части Российской империи. Подтверждением служило то, что в языке иркутян оставалось почти неизменившееся новгородско-вологодское наречие. Тип лица, выговор, обычаи, поверья, поговорки и песни уроженцев северных губерний России сохранились среди русского населения Иркутска во второй половине XIX в. Конечно, на повседневной жизни и культуре горожан сказывалось также влияние коренных жителей − бурят. Русскоязычные горожане употребляли в разговорной речи много слов, заимствованных из бурятского языка. Например, «шарба» (похлебка), «тулун» (мешок), «унты» (обувь), «халюный» (цвет лошадиной масти) и т.п.[38]

В Иркутске значительно выросла численность еврейской диаспоры. В 1863 г. в городе проживало 283 чел. (1,0 % от всего населения), в 1875 г. − 1007 чел. (2,6 %)[39]. Представители еврейского этноса тяготели к тому, чтобы прочно обосноваться в городах, там они находили привычные для себя занятия − торговлю и ремесло.

Большинство поляков попадали в Сибирь как участники национальных восстаний. Все они рассматривали сибирский край как место своего временного пребывания и свое будущее связывали с возвращением на родину. Представители польской диаспоры способствовали развитию ремесел и огородничества в Сибири. Современники заметили, что они внесли в повседневную жизнь Иркутска такие хорошие качества, как учтивость, сдержанность, такт. Поляки содействовали росту уровня культурного развития средних и низших слоев населения, поскольку среди них было много учителей музыки, рисования и иностранных языков[40]. Но все же ссыльные поляки с большим трудом адаптировались к суровым сибирским условиям и прилагали неимоверные усилия для выживания. По утверждению И.П. Белоконского, многие представители польской интеллигенции с трудом находили себе пропитание. «Большинство, особенно из низшего сословия, не выдержало борьбы и поплыло по общесибирскому руслу эксплуатации и мошенничества, завоевывая человеческое суще-

[34] Восточно-Сибирский календарь на 1885 г. Иркутск, 1884. С. 46−47.
[35] *Загоскин М.В.* Иркутск и Иркутская губерния с очерком… С. 14.
[36] Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 г. … С. 108; Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 г. Иркутск, 1881. С. 65−66.
[37] *Карих Е.В.* Этническая структура экономики Иркутской губернии… С. 152.
[38] *Загоскин М.В.* Иркутск и Иркутская губерния… С. 26, 75.
[39] Памятная книжка Иркутской губернии на 1865 г. Иркутск, 1865. С. 261; РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 321. Л. 35.
[40] *Романов Н.С.* Летопись Иркутска за 1881−1901 гг. Иркутск, 1993. С. 90.

ствование. Другие прозябали 20 лет в нищенской обстановке»[41]. Н.С. Романов считал, что многие поляки умерли от нужды, лишений, тяжелых условий и неблагоприятной обстановки. Представителям польской диаспоры приходилось выполнять разнообразную работу, в том числе никак не связанную с полученным образованием. Например, ссыльному студенту-математику пришлось поменять несколько профессий. Он работал слесарем, красильщиком, столяром, мастером-часовщиком. Некоторые предприимчивые поляки смогли открыть и успешно развивать свое дело. Польским помещикам пришлось учиться печь булки и печенье, продавать колбасу. В Иркутске поляки первыми открыли кондитерские, колбасные и другие виды производства[42].

Этнический состав населения Якутска по материалам однодневной переписи города в 1885 г. Однодневные переписи населения сибирских городов, выполненные губернскими и областными статистическими комитетами Сибири во второй половине XIX в., учитывали национальный состав населения. Однако данные переписи охватили не все города Восточной Сибири. Однодневная перепись Якутска, проведенная 16 марта 1885 г., позволяет рассмотреть этническую картину города. Согласно переписи 1885 г., конфессиональный состав Якутска составляли преимущественно православные жители (91,04 %) − по преимуществу русские и якуты[43].

Рассмотрим этнический состав населения Якутска по данным однодневной переписи 1885 г., когда был произведен не только конфессиональный, но и национальный учет населения на основе родного языка. В городе во время проведения однодневной переписи населения в 1885 г., кроме общих вопросов, статистический комитет планировал выявить, сколько русских жителей говорили на якутском языке и якутов − на русском. Накануне проведения переписи в областном центре корреспондент «Сибирской газеты» констатировал: «Якуты, евреи, татары, башкиры и прочий сосланный элемент составят половину если не постоянного, то временного населения города. Русских, особенно постоянных жителей, так мало, что когда городская управа произвела разделение мещанского и купеческого обществ, имевших прежде общее управление, то почти все купцы сделались должностными лицами»[44].

В 1885 г. в Якутске основная масса населения была представлена русскими и якутами. Русские составляли 51 % всех жителей Якутска, т.е. практически половину всего населения города (табл. 3). В этнической группе русских в процентном соотношении мужчин было 50,7 %, женщин − 51,3 %. Другим многочисленным этносом после русских в городе являлись якуты, удельный вес которых в составе горожан достигал 37,5 % (на долю мужчин приходилось 36,4 %, женщин − 38,9 %). У русских и якутов женщин было больше, чем мужчин. Заметной диаспорой в Якутске выступали евреи (5,3 % от всех горожан; 164 чел. муж. пола и 118 чел. жен. пола). Проживавшие в городе поляки были преимущественно ссыльными (2,9 %). Заметно выросло число мусульман: если в 1861 г. среди них числился всего 1 чел., то в 1885 г. − уже 192 чел. Последователями ислама являлись татары (2,9 %) и башкиры (0,7 %). Представители этнической группы «немцы» составляли незначительную долю среди горожан (0,3 %). К группе «прочие» (0,2 %) относились представители других национальностей: цыгане (4 чел.), тунгусы (3 чел.), буряты (1 чел.). Вероятно, цыгане оказались в Якутске, как и в целом в Сибири, в результате ссылки на водворение (ссылка за бродяжничество). Обычно такая ссылка применялась к бродягам и не отличалась от ссылки на поселение.

В Якутске якуты по численности занимали второе место после русских. В основном они были заняты в сельском хозяйстве, торговле, транспорте, строительстве и работе по найму[45]. Представители якутского этноса, став горожанами, занимались теми же промыс-

[41] *Белоконский И.П.* По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. Орел, 1887. С. 228.
[42] *Романов Н.С.* Летопись Иркутска… С. 90.
[43] Статистическая однодневная перепись городов Якутской области. Иркутск, 1886. С. 4.
[44] Сибирская жизнь. 1885. № 17 (28 апр.).
[45] *Карих Е.В.* Этническая структура населения Якутской области… С. 94.

лами, что и русское население. Среди якутских горожан было немало искусных ремесленников и предприимчивых торговцев[46]. В ремесле якуты достаточно преуспели и русские им значительно уступали. В торговых делах они составляли конкуренцию русским купцам. Ю.А. Гагемейстер писал, что якутские торговцы по таким качествам, как «ум, хитрость и деятельность», практически не уступали русским[47]. Многие из них вели самостоятельно торговлю, и на базаре Якутска разместились ряды торговцев-якутов. В городе ощущалось влияние коренного населения на повседневную жизнь горожан других национальностей. Разговоры на якутском языке были слышны на улицах и в домах. В Якутске многие русские жители могли поддержать беседу с инородцами. На якутском языке разговаривали в гостиных чиновников и даже в немецких семьях, где барышни сумели освоить якутский язык. Сами якуты редко переодевались в европейские платья, они предпочитали национальные костюмы[48]. Некоторые якутские купцы стремились перенять облик и привычки русских купцов. Например, якут Н.Д. Эверестов, отправляясь в поездку в российские города, преображался: носил европейскую одежду, останавливался в дорогих гостиницах и ездил на каретах. Этот якутский купец первой гильдии прекрасно владел русским и якутским языками[49]. Еще в середине XIX в. современник отмечал, что большинство русских поселенцев переняли много обычаев из повседневной жизни якутов. Они стали стричь голову как инородцы и выдергивать щипцами волосы из бороды. Стрижка русских отличалась от якутской тем, что якуты на затылке оставляли волосы наподобие гривы. Поселенцам приходилось адаптироваться к местным условиям жизни. Русские носили такую же одежду, что и якуты, кроме шапок, которые «у инородцев были всегда особенные и одноформенные, как у мужчин, так и у женщин»[50]. Якутки, проживавшие в Якутске, предпочитали идти в услужение или к своим сородичам, или к «объякутившимся» русским, или в русский дом, где умели говорить на якутском языке и где хозяйственный уклад был схож с якутским. Любой якутке хотелось слышать родной «капсе», не тосковать по любимым якутским блюдам − «ханку», «соре», «тару» и приготовленным по-якутски карасям. Чаще всего якутские женщины предпочитали «жить в домах, где с утра до вечера толпились якуты, все делалось на якутский лад»[51].

Среди русского населения, проживавшего в Якутске, распространилась привычка передавать собственных детей на «вскорм» или «в якуты». Под этим обычаем подразумевалась временная передача новорожденных из русских семей на воспитание якутам. Отданный на воспитание ребенок становился либо полноправным членом семьи, либо обрекался на роль работника, а иногда даже крепостного. Находясь в якутской среде, русские дети жили в якутской юрте, там они начинали осваивать якутский язык и традиции. Обычно ребенок находился «в якутах» в течение трех-четырех лет, а затем его возвращали матери. По этому поводу вице-губернатор Якутской области В.Л. Приклонский, крайне недовольный обычаем русских отдавать детей «в якуты», писал о последствиях такого разбросанного воспитания: «Детей привезут в дом к матери, которую они не узнают, и она их забыла. Баловство и нерадение доканчивают остальное воспитание, так что юноша в 18 лет имеет в себе все предрассудки обоих народов, ни одной прямой идеи и никакого языка, ибо якутский он недоучил, а русскому он ни у кого не учился; редкие из жителей среднего сословия не мешают плохой русский язык с еще более приговорами якутского»[52].

Однодневная перепись 1885 г. показала, что заметное место в Якутске стала занимать группа «евреи» (282 чел., 5,3 %). Представители еврейской диаспоры активно вели предпри-

[46] НАРС(Я). Ф. 4864. Оп. 2. Д. 60. Л. 4.
[47] *Гагемейстер Ю.А.* Статистическое описание Сибири. СПб., 1854. Ч. II. С. 192.
[48] *Потанин Г.Н.* Города Сибири… С. 258−259.
[49] *Кушнарева М.Д.* Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии Н.Д. Эверстова // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 37−38.
[50] Научный архив Русского географического общества (НА РГО). Разряд 55. Оп. 1. Д. 19. Л. 22 об.; НАРС(Я). Ф. 486-и. Оп. 2. Д. 67. Л. 94.
[51] Восточное обозрение. 1899. 14 февр.
[52] НА РГО. Разряд. 63. Оп. 1. Д. 9. Л. 39 об.

нимательскую деятельность, обычно многие из них стремились открыть какое-нибудь свое дело. Особенно удачно они смогли влиться в торговую сферу. Как отмечали очевидцы, «приехав сюда ни с чем, они в короткое время делаются торговцами, сидельцами». Особенно сильно влияние еврейских торговцев сказалось на хлебной торговле, где им удавалось быстро и хорошо обогатиться[53]. Исследователь А.П. Андреев отметил, что еврейское население в Якутии формировалось вследствие ссылки. Некоторые ссыльные евреи женились на местных женщинах. Среди якутов встречаются фамилии Левин, Вензель, Гольдан, Голдырев и др.[54]

Этноконфессиональный состав населения в конце XIX в. В 1897 г. во всех четырех рассматриваемых городах православные продолжали оставаться основной конфессиональной группой (табл. 4). Самый высокий удельный вес лиц, исповедовавших православие, был в Красноярске (90,1 %). Немного ниже процент православных наблюдался в Якутске (88,7 %) и Иркутске (87,2 %). Чита продолжала отставать от других восточносибирских центров по удельному весу православных (82,2 %). Православие исповедовали не только русские, но и представители других этносов. В Якутске наряду с русскими к православным относились якуты. В сибирских городах крещенными в православие были мордва, чуваши, цыгане. Встречались случаи, когда в православие переходили поляки, евреи, татары и другие. Среди конфессиональных групп после православия следовала группа «иудеи». По численности лиц, исповедовавших иудаизм, лидировал Иркутск (3 609 чел.). Значительное число иудеев сконцентрировалось в Чите (1 211 чел.), ставшей лидером (7,0 %) по удельному весу среди других центров. В Красноярске также было довольно много иудеев (1 137 чел.), хотя с 1861 по 1897 г. их удельный вес в составе горожан оставался почти неизменным. В 1861 г. он составлял 4,1 %, в 1897 г. − 4,2 %[55]. Менее всего иудеев было в Якутске (356 чел.), однако с 1862 по 1897 г. их доля среди населения значительно повысилась − с 0,6 до 5,4 %[56].

В городах заметно увеличился удельный вес лиц, исповедовавших ислам. Особенно увеличилась доля мусульман в Якутске, в 1897 г. они уверенно заняли третье место после православных и иудеев. Если в 1862 г. в городе числился всего один мусульманин, то в 1897 г. было зафиксировано 246 чел., на которых приходилось 3,8 % от всех городских жителей. В Чите в 1862 г. не было ни одного мусульманина, а в 1897 г. насчитывалось 163 чел. (1,4 %). В 1897 г. в Иркутске мусульмане составляли 1,9 %, в Красноярске − 1,1 %. К последователям ислама относились представители различных этносов: татары, башкиры, узбеки, черкесы, киргизы и др. В Иркутске католики оставались самой многочисленной конфессиональной группой после православных (1 086 чел., 2,1 %). Гораздо ниже удельный вес последователей католицизма был в Якутске (1,1 %), в Красноярске (0,7 %) и в Чите (0,5 %). Практически во всех городах оставалась невысокой доля протестантов: в Красноярске (0,7 %), в Иркутске (0,6 %), в Чите (0,5 %) и в Якутске (0,1 %). В материалах Первой всеобщей переписи населения 1897 г. отсутствуют данные о буддистах и ламаистах в Иркутске и Чите. Можно предполагать, что к этому времени они стали составлять незначительную долю среди городских жителей и их отнесли к группе «прочие».

К концу XIX в. русские продолжали оставаться самым многочисленным этносом губернских и областных городов-центров Восточной Сибири (табл. 5). В 1897 г. наиболее высокий процент русского населения был в Красноярске и Иркутске. В Красноярске удельный вес группы «русских» составлял 90,4 %, в Иркутске − 87,9 %. Несколько ниже удельный вес русского населения наблюдался в Чите (82,6 %). По численности русского населения доминировал Иркутск − 45 228 чел. Среди рассматриваемых административных центров Якутск оказался единственным городом, где доля русских составляла меньше

[53] Сибирь. 1881. № 14 (12 апр.).
[54] *Андреев А.П.* Еврейское население Якутии… С. 169.
[55] Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. СПб., 1863. Табл. II; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 73: Енисейская губерния. С. 3.
[56] Памятная книжка Якутской области за 1863 г. СПб., 1864. Табл. II; Первая всеобщая перепись… Т. 80: Якутская область. С. 3.

половины всего населения в городе (47 %). Удельный вес русского населения в Якутске был гораздо ниже, чем в других рассматриваемых городах. Второй значимой этнической категорией в городе продолжали оставаться якуты (42,7 %). Согласно статистике того времени, якуты относились к группе «инородцы», куда включали представителей и других северных народов (тунгусов, юкагиров и других, которых, впрочем, в Якутске проживало крайне мало).

К концу XIX в. во всех рассматриваемых городах на втором месте после русских была этническая группа «евреев». Все также города продолжали притягивать значительную часть представителей еврейской диаспоры. В Иркутской губернии половина еврейского населения проживала в городах. Для 39,5 % евреев основным занятием была торговля, для 27,8 % − ремесло и промышленность, 6,3 % − работали по найму, 4,7 % − занимались земледелием, остальные заняты в строительстве и транспорте[57]. Среди четырех центров евреи Иркутска являлись самой многочисленной этнической группой (3 326 чел., 6,5 %). По удельному весу еврейского населения по-прежнему лидировала Чита (10,1 %). Среди этнических групп заметное место занимали евреи в Якутске (5,2 %) и Красноярске (4,3 %). Из всех городов полное совпадение по родному языку и вероисповеданию наблюдалось в Красноярске, где все евреи (1 137 чел.) исповедовали иудаизм.

К концу XIX в. заметно увеличилась численность татар, потеснивших поляков. Особенно высокий удельный вес татар был в Якутске (3,7 %) и Чите (3,1 %). Большинство татар исповедовали ислам. Совпадение по родному языку и вероисповеданию было достаточно высоким в Якутске, где магометан насчитывалось 246 чел. и 245 татар исповедовали ислам. Самое большая численность татар была в Иркутске, где проживало 1 204 татар, но их доля среди горожан составляла 2,3 %. Польская диаспора в Сибири первоначально формировалась из ссыльных поляков, пополняясь впоследствии их потомками, а также поляками, находившиеся на службе в Сибири. По-прежнему самая высокая численность поляков продолжала оставаться в Иркутске (1 008 чел.), что составляло 2 % от всего населения. Менее всего поляков было в Якутске (54 чел., 0,8 %).

К группе «прочие» относились представители самых различных этносов: литовцы, латыши, эстонцы, финны, армяне, картвелы, горцы, караимы и др. В эту же группу входили иностранные выходцы, принявшие российское подданство, иностранцы, остающиеся в иноземном подданстве, корейцы, китайцы и японцы. В Чите китайцы, корейцы и японцы были выделены отдельной группой с общей численностью 112 чел. (1,0 %)[58]. В Первой всеобщей переписи населения 1897 г. в таблице по родному языку была учтена численность коренных сибирских народов. В основном инородцы жили в сельской местности и в городах их удельный вес был незначителен. В Красноярске было записано − 20 енисейских тюрков (хакасов), якут, тунгус, самоед. Среди всего населения города их доля была совсем незначительной[59].

Заключение. Таким образом, во второй половине XIX в. основу конфессионально-этнического состава четырех центров Восточной Сибири составляло православное и русскоязычное население. Переселенцы русской национальности православной конфессиональной группы являлись главным источником пополнения жителей региона, в том числе городов. Большое значение для роста численности населения в Восточно-Сибирском регионе сыграла ссылка. Особенно заметную роль в этническое разнообразие восточносибирских центров внесли ссыльные еврейской и польской диаспор. Спецификой восточносибирских городов было наличие проживавших в них инородцев. Если в Красноярске, Иркутске и Чите их доля была незначительной, то в Якутске с высоким удельным весом якутов ощущалось влияние инородцев на русскоязычное население. К концу XIX в. в городах в конфессиональном составе при приоритете православного населения увеличилась доля иудеев и мусульман. Этнический состав горожан также претерпел некоторые изменения. В города стекались пред-

[57] *Карих Е.В.* Этническая структура экономики Иркутской губернии… С. 152.
[58] РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 21. Л. 6 об. − 7.
[59] Первая всеобщая перепись… Т. 73: Енисейская губерния. С. 3.

ставители разных этносов, среди которых заметно повысился удельный вес евреев и татар. Представители различных конфессий и этносов принимали участие в социально-экономической жизни и хозяйственном освоении Восточной Сибири, города же выступали в роли главных центров этнокультурного взаимодействия, в которых сосуществовали представители многих этносов, вероисповеданий и культурных традиций, накладывавшихся друг на друга и формировавших специфический уклад быта местного населения.

Таблица 1

Конфессиональный состав населения
Красноярска, Иркутска, Читы и Якутска в 1861–1862 гг.

Конфессиональные группы	Красноярск (1861 г.)		Иркутск (1861 г.)		Чита (1862 г.)		Якутск (1862 г.)	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Православные	8 160	93,0	23 744	95,8	2 704	89,6	5 446	96,8
Раскольники	11	0,1	–	–	–	–	129	2,28
Иудеи	362	4,1	245	1,0	275	9,1	36	0,6
Мусульмане	60	0,7	115	0,5	–	–	1	0,02
Католики	165	1,9	278	1,1	12	0,4	7	0,1
Протестанты	18	0,2	97	0,4	9	0,3	10	0,2
Прочие	–	–	300	1,2	17	0,6	–	–
Итого	8 776	100,0	24 779	100,0	3 017	100,0	5 649	100,0

Составлено по: ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 4. Л. 210; Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. СПб., 1863. Табл. II; Памятная книжка Иркутской губернии на 1863. Иркутск, 1863. С. 108–109; Памятная книжка Якутской области за 1863 г. СПб., 1864. Табл. II.

Таблица 2

Конфессиональный состав населения Иркутска в 1875 г.

Основные конфессиональные группы	Муж.		Жен.		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Православные	16 121	89,1	13 659	94,62	29 780	91,60
Старообрядцы	20	0,1	15	0,1	35	0,11
Католики	774	4,3	191	1,32	965	2,97
Протестанты	116	0,6	64	0,44	180	0,55
Иудеи	543	3,0	464	3,21	1 007	3,10
Мусульмане	277	1,5	31	0,21	308	0,95
Ламаисты	32	0,2	1	0,01	33	0,10
Конфуцианисты	30	0,2	–	–	30	0,45
Шаманисты	142	0,8	5	0,03	147	0,09
Прочие	21	0,1	6	0,04	27	0,08
Итого	18 076	100,0	14 436	100,0	32 512	100,0

Составлено по: РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 321. Л. 35; Памятная книжка Иркутской губернии на 1881 г. Иркутск, 1881. С. 65–66.

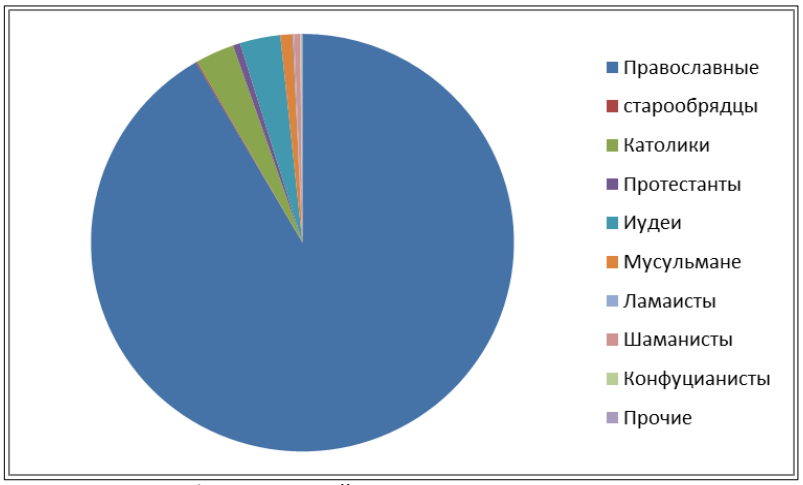


Рис. 1. Конфессиональный состав населения Иркутска в 1875 г.

Таблица 3

Этнический состав населения Якутска в 1885 г.

Основные этнические группы	Муж.		Жен.		Всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Русские	1 481	50,7	1 222	51,3	2 703	51,0
Якуты	1 063	36,04	927	38,9	1 990	37,5
Евреи	164	5,6	118	5,0	282	5,3
Татары	94	3,2	61	2,6	155	2,9
Поляки	75	2,6	33	1,4	108	2,1
Башкиры	23	0,8	14	0,6	37	0,7
Немцы	15	0,5	3	0,1	18	0,3
Прочие	5	0,2	3	0,1	8	0,2
Итого	2 920	100,0	2 381	100,0	5 301	100,0

Составлено по: Статистическая однодневная перепись городов Якутской области. Иркутск, 1886. С. 4; Однодневная перепись городов Якутской области в 1885 г. // Сибирь. 1886. № 28 (13 июля). С. 4.

Таблица 4

Конфессиональный состав населения Красноярска, Иркутска, Читы и Якутска в 1897 г.

Конфессиональные группы	Красноярск		Иркутск		Чита		Якутск	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Православные	24 056	90,1	44 896	87,2	9 460	82,2	5 799	88,7
Старообрядцы	156	0,6	286	0,6	34	0,3	56	0,9
Иудеи	1 137	4,2	3 609	7,0	1 211	10,5	356	5,4
Мусульмане	296	1,1	973	1,9	163	1,4	246	3,8
Католики	856	3,2	1 086	2,1	288	2,5	69	1,1
Протестанты	178	0,7	327	0,6	57	0,5	9	0,1
Прочие	20	0,1	296	0,6	298	2,6	–	–
Итого	26 699	100,0	51 473	100,0	11 511	100,0	6 535	100,0

Составлено по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 73: Енисейская губерния. С. 3; Т. 75: Иркутская губерния. С. 3; Т. 74: Забайкальская область. С. 3; Т. 80: Якутская область. С. 3.

Таблица 5

Этнический состав населения губернских и областных центров Восточной Сибири в 1897 г.

Этнические группы	Красноярск		Иркутск		Чита		Якутск	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Русские	24 155	90,4	45 228	87,9	9 504	82,6	3 074	47,0
Поляки	–	–	–	–	–	–	2 788	42,7
Якуты	752	2,8	1 008	1,9	243	2,1	54	0,8
Евреи	1 137	4,3	3 326	6,5	1 160	10,1	338	5,2
Татары	309	1,2	1 204	2,3	353	3,1	245	3,7
Немцы	118	0,4	262	0,5	33	0,3	9	0,1
Прочие	228	0,9	445	0,9	212	1,8	27	0,4
Итого	26 699	100,0	51 473	100,0	11 511	100,0	6 535	100,0

Составлено по: РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 20. Л. 7 об. – 8; Д. 23. Л. 6 об. – 7; Д. 83. Л. 10 об.

Литература

Андреев А.П. Еврейская диаспора Якутии // Наука и образование. 2006. № 3. С. 114−117.

Андреев А.П. Еврейское население Якутии // Наука и образование. 2007. № 3. С. 68−70.

Белоконский И.П. По тюрьмам и этапам. Очерки тюремной жизни и путевые заметки от Москвы до Красноярска. Орел: Изд-во Н.А. Семеновой, 1887. 238 с.

Брюханова Е.А., Чекрыжова О.И., Неженцева Н.В. Диаспоры этнических меньшинств в городах Тобольской губернии в конце XIX − начале XX в.: демографические и социальные особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2024. Вып. 23, № 1. С. 8−18.

Борисовский Н.Ф. Картинки сибирской жизни. От Читы до Тифлиса. Митава, 1890. 109 с.

Гагемейстер Ю.А. Статистическое описание Сибири. СПб., 1854. Ч. II. 748 с.

Гимельштейн А.В. Динамика городского населения Восточной Сибири во второй половине XIX − начале XX вв. (на примере губернских и областных центров) // Иркутский историко-экономический ежегодник: сб. ст. Иркутск, 2011. С. 361−365.

Гимельштейн А.В., Дамешек Л.М. Виды городских общностей и религиозный быт горожан губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в. // Сибирский город XVIII − XX веков: сб. ст. Иркутск, 2011. С. 70−80.

Гончаров Ю.М. Польская семья в городах Западной Сибири во второй половине XIX − начале XX в. // Процессы урбанизации в Центральной России и Сибири: сб. ст. Барнаул, 2005. С. 101−112.

Дашковский П.К., Шершнева Е.А. Этнорелигиозный фактор в социально-экономической адаптации мусульманского населения Енисейской губернии во второй половине XIX − начале XX в. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 3. С. 223−237.

Дворецкая А.П., Терскова А.А. К вопросу о распространении православия среди инородцев Туруханского края в XVIII − начале XX вв. // Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Красноярск, 2018. С. 118−125.

Загоскин М.В. Иркутск и Иркутская губерния с очерком прочих губерний и областей Сибири. Иркутск: Тип. Н.Н. Синицына, 1870. 140 с.

Кальмина Л.В. Евреи в дореволюционном Иркутске: отблеск губернского лоска // Известия Иркутского государственного университета. 2012. № 1 (2). С. 118−126.

Кальмина Л.В. Еврейская община в Забайкалье: региональные нюансы самоуправления // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Т. 23. С. 55−61.

Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX − февраль 1917 г.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2003. 423 с.

Карих Е.В. Этническая структура экономики Иркутской губернии во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 323. С. 152−155.

Карих Е.В. Этническая структура населения Якутской области в конце XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 296. С. 92−95.

Коровушкин Д.Г. Конфессиональный фактор в процессах этнокультурной интеграции аграрных переселенцев Западной Сибири в конце XIX − первой трети XX в. // Манускрипт. 2018. № 6 (92) С. 46−50.

Курчатова Т.Т., Андреев А.П. Евреи Якутии в конце XIX в. (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 72−75.

Кушнарева М.Д. Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии Н.Д. Эверстова // Гуманитарный вектор. 2024. Т. 19, № 2. С. 35−44.

Недзелюк Т.Г. Источники для изучения государственно конфессиональной и международной политики в Степном Генерал-губернаторстве (по материалам Центрального государственного архива Республикик Казахстан) // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28. С. 154−166.

Недзелюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830−1917 гг.). Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2016. 347 с.

Недзелюк Т.Г. Смена вероисповедной принадлежности в Российской империи на примере Западной Сибири: потенциальные возможности, нормативное регулирование, практика применения // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 128−139.

Орехова Н.А., Кофман Я.М. Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность (XIX − начало 30-х гг. XX вв.). Красноярск: Красноярский пед. ун-т, 2009. 325 с.

Островский Л.К. Поляки в Западной Сибири в конце XIX − первой четверти XX века. Новосибирск: Новосибирский гос. архитектурно-строительный институт, 2016. 808 с.

Перинов В.В. Мусульманская община Верхнеудинска в конце XIX − начале XX века: социальный портрет // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 7. С. 4−8.

Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 234−259.

Рабинович В.Ю. Евреи и поляки в дореволюционном Иркутске: «переселенцы» в переселенческом обществе // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-1 (68). С. 201−206.

Романов Н.С. Летопись Иркутска за 1881−1901 гг. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 544 с.

Семенов Е.В. Польские политические ссыльные в Чите в 60−70-е гг. XIX в. // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 4. С. 92−98.

Скубневский В.А. Польское население Сибири по материалам переписи 1897 г. // Польские ссыльные в России XIX−XX веков: региональные центры. Казань: Мастер Лайн, 1998. С. 170−175.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX − начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: АГУ, 2007. Ч. II. 292 с.

Терскова А.А., Дворецкая А.П. Взаимоотношения православной церкви и общин баптистов в Енисейской губернии начала XX века // Государство, общество, церковь в истории России XX−XXI веков: мат-лы XVIII Междунар. науч. конф. Иваново, 2019. С. 168−173.

Ульянова О.С. Еврейское население в экономической, социокультурной и общественно-политической жизни г. Томска (вторая половина XIX − 20-е гг. XX столетия). Томск: Изд-во Томского государственного ун-та, 2010. 246 с.

Хоменко Д.Ю. Хозяйственная адаптация прибалтийских народов в Сибири в начале XX века (на материалах Енисейской губернии) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (27). С. 204−216.

Хоменко Д.Ю. Лютеранские приходы на территории Енисейской губернии в XIX веке: создание и реорганизация // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию г. Енисейска): мат-лы Сиб. ист. форума. Красноярск, 2019. С. 389−391.

Шайдуров В.Н. Повседневная жизнь европейских общин в Западной Сибири второй половины XIX − начала XX в. (по материалам периодической печати) // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 335. С. 88−92.

Шайдуров В.Н. О некоторых особенностях формирования и экономического развития польской общины Западной Сибири XIX − начала XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 2 (21). С. 81−97.

References

Andreev, A.P. (2006). Evreyskaya diaspora Yakutii [The Jewish Diaspora in Yakutia]. In *Nauka i obrazovanie.* No. 3, pp. 114−117.

Andreev, A.P. (2007). Evreyskoe naselenie Yakutii [The Jewish Population of Yakutia]. In *Nauka i obrazovanie*. No. 3, pp. 68−70.

Belokonsky, I.P. (1887). *Po tyur'mam i etapam. Ocherki tyuremnoy zhizni i putevye zametki ot Moskvy do Krasnoyarska* [Through Prisons and Prisoner Transport. Essays on Prison Life and Travel Notes from Moscow to Krasnoyarsk]. Orel, Izd-vo N.A. Semenovoy. 238 p.

Borisovsky, N.F. (1890). *Kartinki sibirskoy zhizni. Ot Chity do Tiflisa* [Pictures of Siberian life. From Chita to Tiflis]. Mitava. 109 p.

Bryukhanova, E.A., Chekryzhova, O.I., Nezhentseva, N.V. (2024). Diaspory etnicheskikh men'shinstv v gorodakh Tobol'skoy gubernii v kontse XIX − nachale XX v.: demograficheskie i sotsial'nye osobennosti [Diasporas of Ethnic Minorities in the Towns of Tobolsk Province in the Late 19th − Early 20th Century: Demographic and Social Features]. In *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. Iss. 23, No. 1, pp. 8−18.

Dashkovsky, P.K., Shershneva, E.A. (2025). Etnoreligioznyy faktor v sotsial'no-ehkonomicheskoy adaptatsii musul'manskogo naseleniya Eniseyskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX − nachale XX v. [The Ethno-Religious Factor in Socioeconomic Adaptation of the Muslim Population of the Yenisei Province in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. In *Narody i religii Evrazii.* Vol. 30, No. 3, pp. 223−237.

Dvoretskaya, A.P., Terskova, A.A. (2018). K voprosu o rasprostranenii pravoslaviya sredi inorodtsev Turukhanskogo kraya v XVIII − nachale XX vv. [On the Issue of Orthodoxy Dissemination among the Non-Russians of Turukhansk Kray in the 18th and Early 20th Centuries]. In *Arktika 2018: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo, ekologiya i bezopasnost', innovatsionnye tekhnologii i logistika, pravovoe regulirovanie, istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* Krasnoyarsk, pp. 118−125.

Gagemeister, Yu.A. (1854). *Statisticheskoe opisanie Sibiri* [Statistical Review of Siberia]. Part II. St. Petersburg. 748 p.

Gimel'shtein, A.V. (2011). Dinamika gorodskogo naseleniya Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX − nachale XX vv. (na primere gubernskikh i oblastnykh tsentrov) [Dynamics of the Urban Population in Eastern Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries (Based on Provincial and Regional Centers)]. In *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik.* Irkutsk, Baikal'skiy gosudarstvennyy universitet, pp. 361−365.

Gimel'shtein, A.V., Dameshek L.M. (2011). Vidy gorodskikh obshchnostey i religioznyy byt gorozhan gubernskikh i oblastnykh tsentrov Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. [Types of Urban Communities and Religious Life of the Townspeople of the Provincial

and Regional Centers of Eastern Siberia in the Second Half of the 19th Century]. In *Sibirskiy gorod XVIII − XX vekov*. Irkutsk, pp. 70−80.

Goncharov, Yu.M. (2005). Pol'skaya sem'ya v gorodakh Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX − nachale XX v. [Polish Family in the Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th − Early 20th Century]. In *Protsessy urbanizatsii v Tsentral'noy Rossii i Sibiri*. Barnaul, pp. 101−112.

Kal'mina, L.V. (2003). *Evreyskie obshchiny Vostochnoy Sibiri (seredina XIX − fevral' 1917 g.)* [Jewish Communities in Eastern Siberia (Mid-19th Century − February 1917)]. Ulan-Ude, VSGAKI. 423 p.

Kal'mina, L.V. (2012). Evrei v dorevolyutsionnom Irkutske: otblesk gubernskogo loska [Jews in the Pre-Revolutionary Irkutsk: Gleam of Province Gloss]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1 (2), pp. 118−126

Kal'mina, L.V. (2018). Evreyskaya obshchina v Zabaikal'e: regional'nye nyuansy samoupravleniya [Jewish Community in Transbaikalia: Peculiarities of the Regional Self-Government]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta.* Vol. 23, pp. 55−61.

Karikh, E.V. (2007). Etnicheskaya struktura naseleniya Yakutskoy oblasti v kontse XIX v. [Ethnic Structure of the Population of the Yakut Oblast at the End of the 19th Century]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 296, pp. 92−95.

Karikh, E.V. (2009). Etnicheskaya struktura ekonomiki Irkutskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX v. [Ethnic Structure of the Economy in the Irkutsk Province in the Second Half of the 19th Century]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 323, pp. 152−155.

Khomenko, D.Yu. (2018). Khozyaystvennaya adaptatsiya pribaltiyskikh narodov v Sibiri v nachale XX veka (na materialakh Eniseyskoy gubernii) [Economic Adaptation of the Baltic Peoples in Siberia at the Beginning of the 20th Century (Based on the Yenisei Province)]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* No. 3 (27), pp. 204−216.

Khomenko, D.Yu. (2019). Lyuteranskie prikhody na territorii Eniseyskoy gubernii v XIX veke: sozdanie i reorganizatsiya [Lutheran Parishes in the Yenisei Province in the 19th Century: Establishment and Reorganization]. In *Eniseyskaya Sibir' v istorii Rossii (k 400-letiyu g. Eniseyska). Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma.* Krasnoyarsk, pp. 389−391.

Korovushkin, D.G. (2018). Konfessional'nyy faktor v protsessakh etnokul'turnoy integratsii agrarnykh pereselentsev Zapadnoy Sibiri v kontse XIX − pervoy treti XX v. [Confessional Factor in the Processes of Ethno-Cultural Integration of West Siberian Agrarian Resettlers at the End of the 19th − in the First Third of the 20th century]. In *Manuskript. Tambov, Gramota.* No. 6 (92), pp. 46−50.

Kurchatova, T.T., Andreev, A.P. (2016). Evrei Yakutii v kontse XIX v. (po materialam Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya 1897 g.) [The Jews of Yakutia in the late 19th Century (Case Study of the First National Census of 1897)]. In *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. No. 4, pp. 72−75.

Kushnareva, M.D. (2024). Istoricheskiy portret yakutskogo kuptsa 1-y gil'dii N.D. Everstova [Historical Portrait of the Yakut Merchant of the 1st Guild N.D. Everstov]. In *Gumanitarnyy vector.* Vol. 19, No. 2, pp. 35−44.

Nedzelyuk, T.G. (2016). *Konfessional'noe soobshchestvo katolikov Sibiri: vliyanie mirovozzreniya na povsednevnuyu zhizn' (1830−1917 gg.)* [The Confessional Community of Siberian Catholics: The Influence of Worldview on Everyday Life (1830−1917)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo SibAGS. 347 p.

Nedzelyuk, T.G. (2019). Smena veroispovednoy prinadlezhnosti v Rossiyskoy imperii na primere Zapadnoy Sibiri: potentsial'nye vozmozhnosti, normativnoe regulirovanie, praktika primeneniya [Change of Religious Affiliation in the Russian Empire on the Example of Western Siberia: Potential Opportunities, Regulation, Practice]. In *Narody i religii Evrazii.* No. 4 (21), pp. 128−139.

Nedzelyuk, T.G. (2023). Istochniki dlya izucheniya gosudarstvenno konfessional'noy i mezhdunarodnoy politiki v Stepnom General-gubernatorstve (po materialam Tsentral'nogo gosu-

darstvennogo arkhiva Respubliki Kazakhstan) [Sources for Study of State Confessional and International Policy in the Steppe General-Governance (On the Materials of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan)]. In *Narody i religii Evrazii.* No. 2, Vol. 28, pp. 154−166.

Orekhova, N.A., Kofman, Ya.M. (2009). *Evrei v Sibiri i na Dal'nem Vostoke: istoriya i sovremennost' (XIX − nachalo 30-kh gg. XX vv.)* [Jews in Siberia and the Far East: History and Modernity (19th Century − Early 1930s)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Pedagogical University. 325 p.

Ostrovskiy, L.K. (2016). *Polyaki v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX − pervoy chetverti XX veka* [Poles in Western Siberia in the Late 19th − First Quarter of the 20th Century]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy arkhitekturno-stroitel'nyy institut. 808 p.

Perinov, V.V. (2009). Musul'manskaya obshchina Verkhneudinska v kontse XIX − nachale XX veka: sotsial'nyy portret [The Muslim Commune of Verkhneudinsk in Late 19th − Early 20th Century: Social Portrait]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 7, pp. 4−8.

Potanin, G.N. (1908). Goroda Sibiri [Cities of Siberia]. In *Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i ee nuzhdy.* St. Petersburg, pp. 234−259.

Rabinovich, V.Yu. (2010). Evrei i polyaki v dorevolyutsionnom Irkutske: "pereselentsy" v pereselencheskom obshchestve [The Jews and the Poles: Immigrants in the Immigrant Community]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 4-1 (68), pp. 201−206.

Romanov, N.S. (1993). *Letopis' Irkutska za 1881−1901 gg.* [Chronicle of Irkutsk for 1881−1901]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 544 p.

Semenov, E.V. (2017). Pol'skie politicheskie ssyl'nye v Chite v 60−70-e gg. XIX v. [Polish Political Exiles to Chita in the 1860s−1870s]. In *Gumanitarnyy vektor.* Vol. 12, No. 4, pp. 92−98.

Shaidurov, V.N. (2010). Povsednevnaya zhizn' evropeyskikh obshchin v Zapadnoy Sibiri vtoroy poloviny XIX − nachala XX v. (po materialam periodicheskoy pechati) [Everyday Life of European Communities in Western Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries (Based on Periodical Press Materials)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 335, pp. 88−92.

Shaidurov, V.N. (2013). O nekotorykh osobennostyakh formirovaniya i ekonomicheskogo razvitiya pol'skoy obshchiny Zapadnoy Sibiri XIX − nachala XX v. [On Some Features of the Formation and Economic Development of the Polish Community in Western Siberia in the 19th and Early 20th Centuries]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* No. 2 (21), pp. 81−97.

Skubnevsky, V.A. (1998). Pol'skoe naselenie Sibiri po materialam perepisi 1897 g. [Polish Population of Siberia Based on the Census of 1897]. In *Pol'skie ssyl'nye v Rossii XIX−XX vekov: regional'nye tsentry.* Kazan, pp. 170−175.

Skubnevsky, V.A., Goncharov, Yu.M. (2007). *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX − nachale XX v. Naselenie. Ekonomika. Zastroyka i blagoustroystvo* [Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries. Population. Economy. Development and Improvement]. Part II. Barnaul, AGU. 292 p.

Terskova, A.A., Dvoretskaya, A.P. (2019). Vzaimootnosheniya pravoslavnoy tserkvi i obshchin baptistov v Eniseyskoy gubernii nachala XX veka [The Relationship of the Orthodox Church and the Baptist Communities in Yenisei Province in Early 20th Century]. In *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX−XXI vekov.* Ivanovo, pp. 168−173.

Ul'yanova, O.S. (2010). *Evreyskoe naselenie v ekonomicheskoy, sotsiokul'turnoy i obshchestvenno-politicheskoy zhizni g. Tomska (vtoraya polovina XIX − 20-e gg. XX stoletiya)* [Jewish Population in the Economic, Socio-Cultural, and Socio-Political Life of Tomsk (Second Half of the 19th Century − 1920s)]. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 246 p.

Zagoskin, M.V. (1870). *Irkutsk i Irkutskaya guberniya s ocherkom prochikh guberniy i oblastey Sibiri* [Irkutsk and the Irkutsk Region with an Outline of Other Provinces and Oblasts of Siberia]. Irkutsk, Tipografiya N.N. Sinitsyna. 140 p.

А.И. Архипова*

ЧИНОВНИЧЕСТВО В ГОРОДАХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX − НАЧАЛО XX ВЕКА): МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И СЛУЖЕБНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-8
УДК 94(571.56)

Выходные данные для цитирования:
Архипова А.И. Чиновничество в городах Северо-Восточной Сибири (вторая половина XIX − начало XX века): материальное положение и служебная повседневность // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 101−115. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-08.pdf

A.I. Arkhipova*

THE BUREAUCRACY IN THE CITIES OF NORTHEASTERN SIBERIA (SECOND HALF OF THE 19TH − EARLY 20TH CENTURY): MATERIAL CONDITIONS AND EVERYDAY OFFICIAL DUTIES**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-8

How to cite:
Arkhipova A.I. The Bureaucracy in the Cities of Northeastern Siberia (Second Half of the 19th − Early 20th Century): Material Conditions and Everyday Official Duties // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 101−115. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-08.pdf]

Abstract. The article aims to investigate the socio-economic status, daily official duties, and disciplinary accountability of officials in the Yakutsk Oblast during the 19th to early 20th centuries. Analysis of the regional bureaucracy reveals mechanisms of adaptation of the imperial administration to the conditions of sparsely populated towns in Northeastern Siberia, which is relevant in the context of studying the functioning of imperial governance on Russia's peripheries. Drawing on archival sources from the fonds of the National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia) [NA RS(Ya)] and the State Archive of Irkutsk Oblast [GAIO], as well as published literature, the study for the first time systematically compiles data on officials' economic activities, climate-induced changes in service schedules, language barriers, and disciplinary practices, thereby portraying the bureaucracy as an adaptive social group. The research employs historical-archival analysis and content analysis of petitions and orders. It characterizes the specifics of service conditions and organization, economic adaptation, material welfare of officials, and their social interactions in the towns of Northeastern Siberia. It is noted that local authorities sought to improve the financial situation of the bureaucracy and periodically advocated for expanding staff numbers. Officials' relations with the surrounding society were not always peaceful, given the overly high role of public opinion in the provincial environment. These data have helped to supplement existing knowledge about the sociocultural profile of the Yakut bureaucracy.

Keywords: Yakutsk Oblast, Yakutsk city, bureaucracy, staffing, material support, service discipline, everyday life.

* **Алена Ивановна Архипова,** кандидат исторических наук, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия, e-mail: ali-titova@rambler.ru

Alena Ivanovna Arkhipova, Candidate of Historical Sciences, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia, e-mail: ali-titova@rambler.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Региональное управление Якутии в коммуникативном пространстве Российского государства: социальный аспект (XVII − начало XX вв.)» (FWRS-2024-0079).

The article was made on the topic of the state assignment "Regional Management of Yakutia in the Communication Space of the Russian State: Social Aspect (18th − Early 20th Centuries)" (FWRS-2024-0079).

The article has been received by the editor on 16.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Целью статьи является исследование социально-экономического положения, служебной повседневности и дисциплинарной ответственности чиновников Якутской области в XIX − начале XX в. Анализ регионального чиновничества выявляет механизмы адаптации имперской бюрократии к условиям малонаселенных городов Северо-Восточной Сибири и представляется актуальным в контексте изучения функционирования имперской администрации на окраинах России. На основе архивных источников из фондов архива ЯНЦ СО РАН, НА РС(Я), ГАИО, РГИА и опубликованной литературы впервые систематизированы данные о хозяйственной деятельности чиновников, климатически обусловленных изменениях графика службы, языковом барьере и дисциплинарной практике, что позволило представить чиновничество как адаптивную социальную группу. Использован метод историко-архивного анализа и контент-анализа прошений и приказов. Охарактеризованы особенности условий службы и ее организации, хозяйственной адаптации и материального положения чиновников, их социальное взаимодействие в городах Северо-Восточной Сибири. Отмечено, что местная администрация старалась улучшить материальное положение чиновничества и периодически заявляла о необходимости увеличения штатов. Связи чиновников с окружающим обществом далеко не всегда оставались мирными в условиях чрезмерно высокой роли общественного мнения в провинциальной среде. Приведенные данные позволили дополнить существующие представления о социокультурном облике якутского чиновничества.

Ключевые слова: Якутская область, Якутск, чиновничество, комплектование штата, материальное обеспечение, служебная дисциплина, повседневная жизнь.

Статья поступила в редакцию 16.12.2025 г.

Введение. Чиновничество Восточной Сибири на протяжении длительного времени привлекает внимание исследователей. Крупным трудом по истории местного служилого населения в период с XVII до середины XIX в. стала монография Ф.Г. Сафронова[1]. В ней проанализирована деятельность, жизнь, быт и занятия горожан, русского населения северо-востока Азии. Биографические сведения об отдельных чиновниках систематизированы им же в издании «Дореволюционные начальники Якутского края»[2]. В современный период кадровое обеспечение окраин Российский империи продолжает оставаться объектом исследований историков. Связано это, в том числе, с тем, что служба здесь по ряду параметров отличалась от службы в европейской части России. Прежде всего исследования касаются представителей высшей администрации − генерал-губернаторов и губернаторов[3]. Н.П. Матханова при анализе административной практики генерал-губернаторов В.Я. Руперта, Н.Н. Муравьева, М.С. Корсакова охарактеризовала процесс назначения и деятельность нескольких якутских губернаторов и чиновников[4]. Эти публикации задают направления

[1] *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII − середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М., 1978.
[2] *Сафронов Ф.Г.* Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск, 1993.
[3] *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Матханова Н.П.* «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства»: М.М. Сперанский, Н.Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские генерал-губернаторы. Иркутск, 2020.
[4] *Матханова Н.П.* Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998; *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.

дальнейшим исследованиям и содержат массив фактического материала, используемого для сопоставления. Внимание исследователей в основном ограничивалось высшей прослойкой бюрократии, губернаторами, вице-губернаторами, а также характеристикой отдельных чиновников[5]. И.Л. Дамешек рассмотрела восточносибирское чиновничество 1850−1880-х гг. как «высший класс» общества на примере служащих Главного управления Восточной Сибири и правительственных учреждений[6]. Часть исследований посвящена анализу отдельных групп чиновников, их образовательному уровню, особенностям и основным направлениям служебной деятельности[7]. Культурный потенциал чиновничества Восточной Сибири во второй половине XIX в. охарактеризован в трудах А.А. Кузнецова[8]. В рамках рассматриваемой проблематики необходимо отметить работы, освещающие особенности имперского законодательства, регламентирующие условия службы в Сибири и получение чиновниками льгот[9]. Однако сведения о чиновничестве Якутской области в трудах по Восточной Сибири до сих пор фрагментарны и не систематизированы, отсутствуют исследования, характеризующие положение средних и низших слоев служащих рассматриваемого региона. Таким образом, можно заключить, что малоизученными на данный момент являются вопросы служебной повседневности чиновников, особенности их жизнедеятельности и быта, уровень материального благосостояния и место в социуме Якутской области.

Цель статьи − исследование социально-экономического положения, служебной повседневности и дисциплинарной ответственности чиновников Якутской области в XIX − начале XX в. Источниковой базой исследования стали делопроизводственные документы: рапорты, прошения, ежегодные губернаторские отчеты, формулярные списки, официальная переписка, касающаяся службы чиновников, и др.

Кадровое обеспечение управленческого аппарата. Якутская область рассматриваемого периода состояла из пяти округов: Якутского, Олёкминского, Вилюйского, Верхоянского и Колымского. В результате административных преобразований статус городов в Якутской области получили Якутск, Вилюйск, Олёкминск, Среднеколымск, Верхоянск. Согласно «Расписанию городов по их разрядам» Якутск был отнесен к группе средних городов Сибири, все остальные − к разряду малолюдных. Однако по количеству населения они не соответствовали этому делению. По переписи 1897 г. численность населения городов была следующей: Якутск − 6 535, Олёкминск − 1 144, Вилюйск − 611, Среднеколымск − 538, Верхоянск − 354 чел. Не преследуя цели представить точное количество чиновников в рассматриваемый период, отметим, что даже материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. не дают точного ответа на вопрос о численности чиновников России. Поэтому имеющиеся сведения приблизительны и более или менее точные данные можно получить только при помощи подведомственных подсчетов. Кроме того, число служащих в Сибири постоянно менялось: корректировались штаты различных ведомств, добавлялись или убирались должности, существовало значительное число вакансий. В Якут-

[5] *Архипова А.И.* Управление Северо-Востоком России: институт губернаторства (2-я половина XIX − начало XX века). Иркутск, 2023; *Крылова В.К.* «Мне он известен» // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 97−102; *Третьякова Н.В.* Особенности службы чиновников в Якутской области во второй половине XIX − начале XX веков // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 1-2 (79). С. 46−50.

[6] *Дамешек И.Л.* Чиновничество как «высший класс» сибирского общества: численность, уровень образования, материальное положение, влияние на общественную жизнь // Известия Иркутского государственного университет. Сер.: История. 2013. № 1 (4). С. 48−55.

[7] *Матханова Н.П.* Чиновники особых поручений в системе управления Восточной Сибири XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2022. Т. 41. С. 14−21; *Васильев А.Д.* Чиновники особых поручений в системе местного управления Якутской области (вторая четверть XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2023. Т. 45. С. 16−26; *Карчаева Т.Г., Лущаева Г.М., Савин О.И., Алексеев О.Г.* Уровень образования чиновников Якутского областного управления в конце XIX − начале XX вв. // Былые годы. 2024. № 19 (4). С. 1855−1863.

[8] *Кузнецов А.А.* Чиновничество и развитие культуры губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2002.

[9] *Дамешек Л.М., Мамкина И.Н.* Сибирь в системе имперского законодательства XVIII − начала XX века: закон и практика. Чита, 2021.

ской области штатные должности нередко оставались незаполненными. Согласно штатному расписанию, с середины XIX до начала XX в. численность чиновников увеличивалась в связи с введением новых должностей (в частности, в 1851, 1883, 1896, 1903 гг.).

Попытку подсчитать количество служащих в Якутской области предпринимал И.И. Майнов в труде «Население Якутии». На основе адрес-календаря Якутской области за 1905 г. он выявил, что, не считая канцелярских писцов и улусных писарей, здесь насчитывалось 318 чел. «всякого рода служилых людей»[10]. При подсчете он включал сюда преподавателей и учителей. По имеющимся сведениям, дворяне и примыкавшие к ним чиновники во второй половине XIX в. составляли 8 % населения городов Якутской области[11].

Учитывая численность населения городов, наибольшая концентрация чиновников была в Якутске, где располагались губернатор и областное правление. В начале XIX в. в Якутске возникли два четко выраженных центра: административный и торгово-общественный[12]. Административный центр примыкал к стенам старой деревянной крепости, здесь размещались почти все казенные учреждения. Торгово-общественный центр складывался на берегу протоки р. Лены рядом с Преображенской церковью: здесь располагались ратуша, гостиный двор, малый базар и лавки частных лиц. Якутск имел черты значительного населенного пункта, но, как свидетельствовали современники, был малопривлекателен[13]. Для сравнения: описание Верхоянска 1882 г. указывает на одно казенное здание − окружное полицейское управление, 34 дома, 27 юрт, 2 магазина, общественное здание − инородную управу, церковь, караульный дом. В 1883 г. значится многоквартирный дом для служащих окружного полицейского управления[14]. Окружной исправник имел у себя дома небольшую библиотеку с книгами философского содержания[15].

В кадровом обеспечении Якутской области можно отметить две основные проблемы. Первая была связана с положенным количеством штатов, который из-за введения в середине XIX в. «упрощенной» системы управления был меньше, чем в губерниях. Однако в реальности служащие управленческого аппарата не могли справиться с текущим объемом работы и практически каждый якутский губернатор подчеркивал необходимость расширения штата чиновников.

Вторая проблема − заполнение имеющихся штатов и низкий уровень профессиональной подготовки служащих. В 1876 г. ревизовавший Якутское областное правление чиновник пришел к выводу, что из чинов местной администрации никто не имел высшего образования (при этом многие хорошо знали свое дело, изучив его на службе). Он отметил низкий уровень канцелярских чиновников: немногие ограничились курсом 4-х классов гимназии, другие − уездным училищем. Еще хуже обстояло дело с вольнонаемными писцами в канцеляриях суда и окружных полицейских управлениях. Ревизор отметил пристрастие многих служащих местной администрации к излишнему употреблению крепких напитков, в том числе в Якутске, где «этой слабости подвержены и весьма развитые люди, стоящие довольно высоко в служебной лестнице», что оборачивалось утратой ими должного уважения общества[16]. Чиновник А.А. Ващенко отметил, что «выжить в Якутске, в его затхлой атмосфере сплетен, интриг и дрязг десять лет и не сделаться пьяницей и картежником удается далеко не всем»[17].

В Олёкминске проблема недостатка выбора служащих, помимо низкого оклада, усугублялась еще и близостью резиденций золотопромышленных компаний, где образованные служащие могли быть востребованы. Что касается Верхоянска и Среднеколымска, то генерал-губернатор А.Д. Горемыкин издал предписание, которым приказал не держать

[10] *Майнов И.И.* Население Якутии. Л., 1927. С. 51−52.
[11] *Петров П.П.* Города Якутии 1861−1917 гг. Социально-экономический очерк истории. Якутск, 1990. С. 6.
[12] Там же. С. 92.
[13] Отчет якутского губернатора Крафта за время управления областью (1907−1908 гг.). СПб., 1908. С. 93−94.
[14] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Оп. 78. Д. 96. Л. 1−3; Ф. 1293. Оп. 167. Д. 6; *Казарян П.Л.* История Верхоянска. Якутск, 1998. С. 61.
[15] Архив Якутского научного центра СО РАН. Ф. 4. Оп. 18. Д. 1.
[16] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 9. Д. 218. К. 2041. Л. 128.
[17] ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 1881. Л. 7.

там чиновников более трех лет[18]. Сделано это было из-за сложных условий службы в северных округах.

Материальное обеспечение чиновников. На протяжении всего рассматриваемого периода региональная администрация регулярно вносила предложения об улучшении материального положения чиновничества. В.П. де Витте обратил внимание на то, что старший советник как заместитель губернатора должен иметь представительность в обществе, но при этом получает жалование меньше, чем окружной исправник[19]. И.И. Крафт предлагал увеличить оплату чиновникам в 2 раза, однако иркутский генерал-губернатор А.Н. Селиванов отметил, что реализация этой идеи обойдется казне свыше 85 тыс. руб. в год[20]. Его последователи продолжали поднимать этот вопрос. Так, 21 мая 1916 г. иркутский генерал-губернатор ходатайствовал о распространении на Сибирь процентных прибавок к содержанию служащих гражданского ведомства, введенных в некоторых регионах из-за роста цен в связи с Первой мировой войной. Запрос был отклонен с формулировкой, что цены в Сибири не превышают цен Центральной России. Для подтверждения сложного материального положения сибирских чиновников генерал-губернатор затребовал данные о реальных ценах на товары и продовольствие. В июне 1916 г. в Якутске состоялось совещание чиновников, посвященное повышению содержания в условиях дороговизны жизни. В обсуждении участвовали: губернатор Р.Э. Витте, вице-губернатор Д.О. Тизенгаузен, и.о. прокурора Окружного суда И.М. Винокуров, советники Н.М. Березкин, Н.П. Петров, П.В. Чагин, врачебный инспектор М.А. Образцов, областной землемер В.Н. Соболев, директор учительской семинарии В.П. Васильевский, инспектора народных училищ К.К. Атласов и В.В. Попов, областной агроном М.П. Скадченко, атаман городового казачьего полка А.И. Казанцев, казначей А.А. Кротов, податной инспектор В.А. Проскура, начальник почтово-телеграфной конторы И.И. Котлевский, начальник областной тюрьмы И.В. Сыроватский[21]. Участники подготовили заключение с указанием цен на основные товары (табл. 1), доказавшее исключительное положение Якутской области: суровый климат, территориальная удаленность, изолированность и отсутствие удобных путей сообщения ставили регион в худшее положение даже по сравнению с другими сибирскими губерниями.

Таблица 1

Цены в Якутской области в начале XX в.

Наименование	Стоимость	
	1911 г.	1916 г.
Мука ржаная	1 р. 50 к.	4 р. 40 к.
Мука пшеничная	2 р. 80 к.	5 р.
Мясо	2 р. 80 к	5 р. 20 к.
Масло топленое 2 ½ фунта	90 к.	1 р. 80 к.
Картофель	1 р.	3 р.
Лук	1 р.	2 р. 50 к.
Яйца	2 р.	4 р.
Рыба стерлядь и нельма	8 р.	15 р.
Дрова (сажень)	2 р. 80 к.	4 р. 20 к.

Составлено по: НА РС (Я). Ф. 12 и. Оп. 1. Д. 19284. Л. 18 об.

Об имущественном положении чиновников позволяют судить штатное расписание и формулярные списки, однако зачастую в них отсутствовали сведения о недвижимом имуществе (табл. 2). Больше всего жалования получали высшие чиновники, прослужившие

[18] ГАИО. Ф. 25. Оп. 3. Д. 1881. Л. 7 об.
[19] Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 486 и. Оп. 2. Д. 30. Л. 5.
[20] НА РС(Я). Ф. 486 и. Оп. 2. Д. 72. Л. 88.
[21] НА РС(Я). Ф. 12 и. Оп. 2. Д. 10859. Л. 16.

в Сибири несколько пятилетий, за которые им дополнительно начислялись проценты от оклада. Например, в 1900 г. общий доход губернатора В.Н. Скрыпицына, действительного статского советника, составлял 14 608 руб., а вице-губернатора − 4 500 руб.[22] Анализ материального положения губернаторов и вице-губернаторов свидетельствует, что они в большинстве своем зависели от служебного жалования. Особенно зависели от содержания чиновники низших должностей. На обеспеченность служащих влияло их семейное положение, количество иждивенцев, родственников и т.д. Чиновники пополнялись преимущественно из дворянской, чиновничье-канцелярской и священно-церковно-служительской среды.

Таблица 2

Жалование чиновников

Должность	1851 г.	1896 г.	1903 г.
Губернатор	4 000 (столовые+жалование)	–	10 000
Вице-губернатор (с 1883 г. 2687 р.)	–	4 500	4 500
Старший советник	1 250 (столовые+жалование +квартирные)	3 000	3 000
Советник	1 100 (столовые+жалование + квартирные)	2 700	2 700
Чиновники особых поручений	500 (жалование + столовые)	1 800	1 800
Экзекутор/Казначей	400 (жалование + столовые)	1 050	1 050
Журналист	275	1 050	1 050

Составлено по: ПСЗ-2. Т. 31 № 25393, ПСЗ-3. Т. 16. № 12850; ПСЗ-3. № 22662.

Специфика Якутской области вынуждала чиновников, подобно другим жителям, заниматься подсобным хозяйством, скотоводством, рыболовством, огородничеством и торговлей. Дополнительные занятия зависели от места проживания.

В 1886 г. торговлей занимались 15 дворян, чиновников и почетных граждан, в 1888 г. в Якутске − 5 чиновников[23]. Дворянин Ф.В. Астраханцев, окончивший Якутское уездное училище и дослужившийся от канцеляриста до чиновника особых поручений, получал доход от торговли и кредитных операций[24]. Губернатор Ю.И. Штубендорф экспериментировал с ведением огорода. Чиновник Д.И. Меликов создал благоустроенный сад: «…среди старинных построек его дома выделялись своей белизной и цветущей зеленью», они напоминали «натуральную рощу, в которой летом можно было услышать голос кукушки и щебет птиц <…> Его руками были посажены березы, ели, тополя, множество кустов рябины, черемухи, ольхи и других кустарников. Весь двор утопал в цветах, он был одним из красивейших в Якутске»[25]. В 1882 г. В. Гольман арендовал 97 десятин земли. О количестве скота, которым владели чиновники, проживавшие в Якутске, позволяет говорить «Ведомость о количестве скота, принадлежащего жителям 1-го квартала г. Якутска, в том числе павшего от болезни, заболевшего и состоящего на лице к 3 сентября 1889 г.»[26]. До настоящего времени подобных свидетельств выявлено немного, ведомость была составлена в рамках противоэпизоотических мероприятий, проводимых в Якутске. Из нее видно, что, например, чиновник Поликарп

[22] *Архипова А.И.* Управление Северо-Востоком России: институт губернаторства (2-я половина XIX − начало XX века). Иркутск, 2023. С 132.
[23] *Петров П.П.* Города Якутии… С. 15.
[24] НА РС(Я). Ф. 226 и. Оп. 5. Д. 1503. Л. 45−55.
[25] *Крылова В.К.* «Мне он известен» // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 98.
[26] НА РС(Я). Ф. 12 и. Оп. 1. Д. 7706. Л. 7.

Решетников имел «2 шт. конного и 7 шт. рогатого скота. Иван Поротов 1 конного, 2 рогатого скота»[27] и т.д.

В Вилюйске недвижимостью владели 26 чиновников, купцов и зажиточных казаков. Отставной губернский секретарь С.К. Климовский в 1885 г. имел 26 коров, 10 рабочих быков, 5 «гулевых»; занимался мелкой и табачной торговлей, на что имел свидетельство и патент[28]. В 1916 г. ветеринар держал лошадь и 2 коровы. В 1873 г. отставной канцелярист Ф. Расторгуев имел свидетельство на мелочную торговлю, патент на торговлю табаком. Наследники чиновницы О.П. Плотниковой владели домом и амбаром, оцененными в 200 руб., и торговали по промысловому свидетельству. Вдова чиновника Е. Корякина (1863 г.) держала лавку с вином, впоследствии была уличена в нарушениях, имела свидетельство купчихи 2-й гильдии. Она же занималась сельским хозяйством и осенью 1871 г. собрала следующий урожай: ячменя − 50 пудов, картофеля − 5 пудов, капусты − 20 пудов, моркови − 6 пудов, свеклы − 3 пуда, тыквы − 4 пуда, огурцов − 1 пуд, репы − 1 пуд, редьки − 1 пуд, сена для скота − 5 тыс. пудов, арбузов − 20 фунтов, гороха − 5 фунтов[29].

В Верхоянске в 1863 г. огородничеством занимались 11 чиновников, прочих горожан и казаков, собравших: капусты − 50 пудов, репы − 10 пудов, редьки − 2 пуда 30 фунтов, редиса − 2 фунта, салата − 6 фунтов, гороха − 6 фунтов, свеклы − 1 пуд 20 фунтов[30]. Местные чиновники покупали товары (крупу и ржаную муку) либо в Якутске, либо в местном магазине, который контролировало окружное полицейское управление. В Верхоянске ярмарки проводились нерегулярно (1875 г.). Окружной исправник сообщал, что чиновники здесь крайне ограничены в приобретении товаров первой необходимости из-за отсутствия в городе торговцев, кроме купеческого сына Горохова, который привозил кирпичный чай, сахар и спирт в небольшом количестве и обменивал их на пушнину[31].

В Среднеколымске чиновники были одними из немногих жителей, занимавшихся посевом злаковых культур, но вскоре перешли на овощи как более перспективные в плане урожая. Основным промыслом в северных городах, обеспечивающим продовольствие, являлось рыболовство, которым занимались и чиновники.

Система служебных льгот и преимуществ. Рассматривая вопрос об имущественном положении чиновничества, необходимо отметить, что для удаленных местностей существовала система льгот и преимуществ, направленная на привлечение и удержание чиновников на службе. Особенные преимущества закреплялись за чиновниками, прибывшими из центральных районов России. Генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев в 1859 г. представил на рассмотрение Сибирского комитета проект о предоставлении льгот чиновникам и канцелярским служителям, направляемым на службу в Верхоянский и Колымский округа[32]. 28 сентября 1859 г. Александр II утвердил эти льготы[33].

Несмотря на то, что к Якутской области применялись наибольшие преимущества по службе, взгляд на такие меры среди наиболее активных и деятельных якутских губернаторов был неоднозначным. Руководивший областью в течение 10 лет, с 1892 по 1903 г., В.Н. Скрыпицын считал, что крайне важно иметь чиновников, хорошо осведомленных о положении дел в области и местных условиях, для этого они должны служить здесь продолжительное время[34]. Удержать же чиновников в области можно было исключительно предоставляя им особые преимущества. Например, А.А. Ващенко, дослужившийся затем до должности вице-губернатора, в прошении об определении на службу в Якутскую область прямо указал, что желает служить здесь в силу преимуществ, которыми пользуются служащие в отдаленных местах, − это для «человека семейного и имеющего 4 души детей

[27] НА РС(Я). Ф. 12 и. Оп. 1. Д. 7706. Л. 7.
[28] *Петров П.П.* Города Якутии… С. 58.
[29] *Томский Н.Е.* Вилюйский Ротшильд. Якутск, 2002. С. 139−140.
[30] *Казарян П.Л.* История Верхоянска. Якутск, 1998. С. 68.
[31] Там же. С. 77.
[32] РГИА. Ф. 1265. Оп. 8. Д. 176. Л. 2.
[33] *Казарян П.Л.* История Верхоянска… С. 53.
[34] НА РС(Я). Ф. 486 и. Оп. 1. Д. 63. Л. 20.

весьма важно»[35]. Впоследствии он активно пользовался положенными льготами: пособием на воспитание детей, оплатой прогонов за проезд сына до учебного заведения, длительным отпуском и т.д. Низкое содержание на текущем месте службы при наличии большой семьи стало причиной желания служить в Якутии советника Калишского губернского правления В.Н. Цикуленко[36]. В 1898 г. на должность верхоянского окружного исправника претендовали сразу три кандидата, и у администрации был выбор, кого назначить. Анализ делопроизводственной документации позволяет говорить, что прошения о поступлении на службу в Якутию не были единичными (рис. 1).

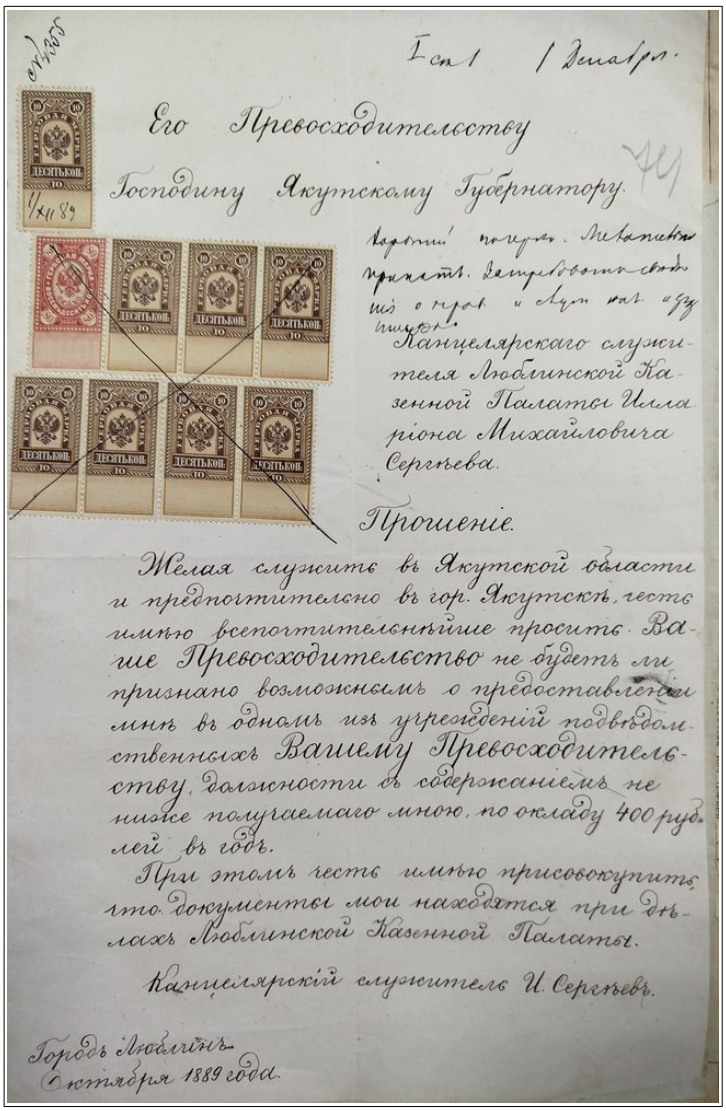

Его Превосходительству
Господину Якутскому Губернатору
Прошение.
Желая служить въ Якутской области и предпочтительно въ гор. Якутскъ, честь имѣю всепочтительнѣйше просить Ваше Превосходительство не будетъ ли признано возможнымъ о предоставленіи мнѣ въ одномъ изъ учрежденій подвѣдомственныхъ Вашему Превосходительству, должности съ содержаніемъ не ниже получаемаго мною, по окладу 400 рублей въ годъ.
При этомъ честь имѣю присовокупить что документы мои находятся при дѣлахъ Люблинской Казенной Палаты.
Канцелярскій служитель И. Сергѣевъ.
Городъ Люблинъ
октября 1889 года.

Рис. 1. НА РС(Я). Ф. 12 и. Оп. 1. Д. 85556

Альтернативного мнения придерживался губернатор И.И. Крафт (служил в 1907–1913 гг.), считавший, что основная тяжесть службы лежала на местных чиновниках, которые не могли пользоваться льготами. Он предлагал: «Крайне желательно <…> отменить закон об особых преимуществах, обратиться к подготовке кадров чиновников и интеллигенции из числа местных уроженцев, которые, будучи связаны со своим родным краем духовно и экономически, могли бы всецело посвятить себя служению этому краю»[37]. Проанализировав состав чиновников, губернатор пришел к выводу, что в областном и окружных управлениях практических нет служащих с высшим образованием (за исключением врачей, ветеринаров и инженеров). На должностях судебных следователей и мировых судей не было юристов, и на высших судейских должностях в окружном суде половина служащих имела лишь среднее образование. Приезжие чиновники зачастую рассматривали службу здесь как временный этап карьеры: их дети обучались за счет пособий, но после отъезда на учебу обратно не возвращались. Поэтому применяемые льготы проблему кадрового обеспечения не решали.

Тяжелое материальное положение провинциального мелкого чиновничества становилось основанием для просьб о единовременных выплатах, пособиях и повышении жалования, которое не было фиксированным для канцелярских служителей. Реальное положение дел иллюстрирует прошение одного из них: «Получая жалование 26 р. в месяц, из которых ежемесячно удерживается 5 р. в благотворительный капитал и 5 р. в другие иски, остающейся затем суммы в размере 16 р. не хватает на пропитание семейства, состоящего из жены и трех детей, да и этот остаток жалования не приходится получить ввиду того, что поневоле приходится брать в кредит провизию и дрова. В настоящее время, желая уплатить все долги, дабы иметь 16 р. на руки и хоть немного поддержать существование своего семейства, я имею честь покорнейше просить войти с ходатайством пред его высокопревос-

[35] НА РС(Я). Ф. 12 и. Оп. 11. Д. 58. Л. 4.
[36] Там же. Л. 6.
[37] НА РС(Я). Ф. 486 и. Оп. 2. Д. 72. Л. 12–13.

ходительством о выдаче мне денежного пособия по усмотрению его высокопревосходительства. Чем облегчит хоть до некоторой степени мое бедственное положение»[38].

Отсутствие средств на образование вынуждало чиновников оставлять детей дома или отказываться от обучения либо на протяжении учебы испытывать финансовые трудности. Сын коллежского регистратора А. Климовского, Тимофей, стал одним из первых учеников школы, открывшейся в Верхоянске в 1871 г. Вице-губернатор А.Р. Алеев получал пособие на воспитание сыновей 97 руб. 30 коп. за полгода на каждого. Дети были устроены в Якутское духовное училище, но впоследствии их отчислили за непосещение занятий и неявку на экзамены. Еще одна проблема заключалась в том, что после окончании детьми средних учебных заведений при желании продолжить образование местные чиновники не могли воспользоваться привилегией на оплату проезда детей, а занимавшие высокие должности просили о переводе. Колымский окружной исправник, прибывший из Калужской губернии, проживая в Среднеколымске, сына Всеволода вынужден был обучать в прогимназии в Якутске. В городе ребенок проживал в семействе купеческой вдовы Е.Л. Соловьевой. Содержание ребенка, таким образом, без пособия от казны на небольшое жалование было довольно обременительным. Примерные траты чиновников отражают данные о ценах в Среднеколымске (табл. 3).

Таблица 3

Цены в Среднеколымске на 1885 г.

Наименование	Цена	Количество
Ржаная мука	14 р. 3к.	пуд
Крупчатка	20−40 р.	пуд
Мясо коровье	40 р.	пуд
Чай байховый	100−200 р.	пуд
Чай кирпичный	2 р. 50 к. − 5 р.	1 кирпич
Сахар	40 р.	пуд
Табак листовой (махорка)	60 р.	пуд
Мыло жировое	40 р.	пуд

Составлено по: НА РС (Я). Ф. 12 и. Оп. 2. Д. 10859. Л. 3.

Необходимо отметить, что получение положенных льгот занимало много времени. Чиновник особых поручений Антонович подал рапорт о получении пособия на воспитание дочерей Александры и Маргариты 6 ноября 1886 г., повторно − 8 июня 1888 г., пособие назначили с 1 июля 1888 г., известно об этом стало 2 мая 1889 г.[39] Чиновники при подаче прошений на получение прибавочного жалования допускали ошибки, что выяснялось в ходе длительных внутриведомственных переписок.

Якутский губернатор вел переписку с иркутским генерал-губернатором о создании капитала отставным чиновникам, достигшим преклонного возраста и не обеспеченным пенсией, но вопрос окончательно не был решен, а губернатору рекомендовали писать представление генерал-губернатору каждый раз, что, по сути, не решало проблему.

Чиновники обращались с ходатайством о выдаче помощи перед праздниками. Коллежский асессор А.В. Киренский 10 марта 1895 г. обратился к губернатору с просьбой выдать пособие к празднику Светлого Христова Воскресения из канцелярского или благотворительного капитала. Причиной стало тяжелое материальное положение служащего вследствие болезни, он содержал семью из пяти человек, занимался письменным трудом в областном архиве. На покупку медикаментов для себя и семьи во время болезни просил архивариус областного правления Ф. Решетников. В бедственном положении оказался чиновник

[38] НА РС(Я). Ф. 12 и. Оп. 1. Д. 11376. Л. 17.
[39] Там же. Д. 4197. Л. 25−26.

И. Кошелев, тративший в сутки 1−1,5 руб. на лечение больной жены и уход за ней[40]. В большинстве случаев при наличии средств подобные просьбы удовлетворялись.

В 1887 г. губернатор К.Н. Светлицкий ходатайствовал о выдаче единовременного пособия в размере половины жалования чиновникам и канцелярским служителям в связи с неурожаем (рис. 2). Был получен положительный ответ, но при назначении размера пособия необходимо было учитывать семейное положение служащих: холостым − до двухмесячного оклада, женатым с не более двумя детьми − четырехмесячный оклад, с тремя и более детьми − полугодовой оклад. Меры касались служащих Министерства внутренних дел, за исключением вице-губернатора, которому было увеличено содержание[41].

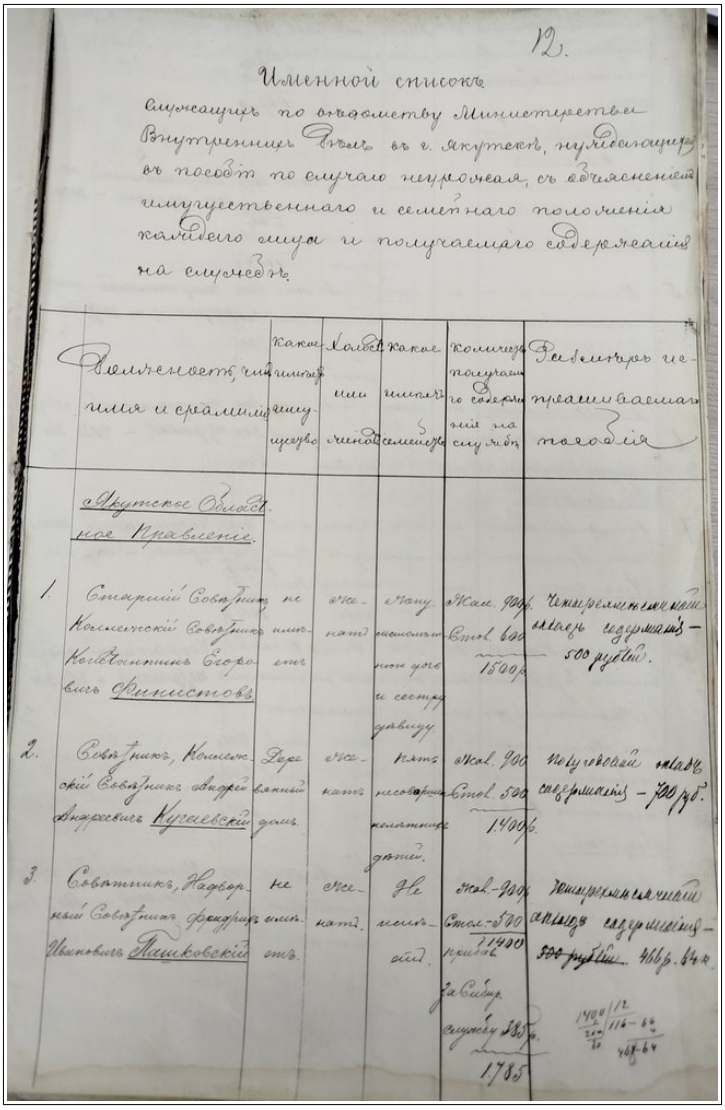


Рис. 2. ГАИО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1299. К 22. Л. 12

Разовым источником дохода для чиновников служило материальное поощрение за усердную службу, выплата производилась из ассигнований на награды и фиксировалась в формулярных списках с указанием даты, причины и суммы вознаграждения.

Служебная повседневность. Служебная деятельность занимала значительную часть времени чиновников, определяя их круг общения. Количество неприсутственных дней в 1891 г., согласно Памятной книжке, составляло 37, включая царские и церковные праздники[42]; с начала XX в. добавился Новый год 1 января. Загруженность Областного правления на протяжении рассматриваемого периода была достаточно высокой. В 1866 г. количество бумаг, подведомственных губернатору, составило 30 779. Помимо ежедневной работы в правлении, перегруженности документацией, он председательствовал минимум в девяти областных учреждениях. Большой документооборот был и у других чиновников: к 1 января 1866 г. в областном правлении оставались нерешенными 617 дел, поступило в течение года 1 393, было решено 1 493 дела[43].

Социальную среду якутского чиновничества определяло не только место проживания, но и служебное положение. Выделялись сферы взаимодействия: служебная, религиозная и светская. Якутский губернатор подчеркивал необходимость иметь на стороне народного просвещения солидную силу, представленную духовенством: светская и духовная власти должны были действовать согласовано в развитии просвещения. Большинство якутских чиновников исповедовали православие и обязаны были исповедоваться и принимать причастие. Посещение церкви являлось основной формой участия в религиозной жизни.

[40] НА РС(Я). Ф. 12 и. Оп. 1. Д. 11376. Л. 47.
[41] ГАИО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1299. К. 22. Л. 1, 9.
[42] Памятная книжка Якутской области 1891 г. Якутск. 1891. С. 6−7.
[43] Памятная книжка Якутской области на 1867 г. СПб., 1869. С. 121.

В 1840 г. Областное правление издало указ о строгом контроле за исполнением постов и христианских обязанностей чиновниками и канцелярскими служителями городовой ратуши. Чиновники и канцелярские служители в Великий или иные посты в течение года непременно исполняли священный долг христианина − исповедь. Представляли местному начальству письменные удостоверения своих духовников, в конце года должны были поступать именные списки нижних чинов, которые не выполнили христианский долг. Например, согласно списку посетивших и не пришедших на исповедь и Святое Причастие, видно, что якутский городничий В.Е. Ромадин не постился[44]. Во многих семейных ритуалах, занимавших центральное место в быту чиновников, ключевую функцию выполнял местный священник. Он проводил обряды бракосочетания, крещения новорожденных и погребения усопших. По случаям знаменательных дат в кафедральном соборе проводились церковные богослужения.

Общение с сослуживцами занимало много времени, как в часы работы, так и при проведении досуга. Губернаторы должны были взаимодействовать с местной родовой верхушкой, приглашали их на обеды, наносили визиты. С купечеством обсуждались пожертвования: 21 октября 1913 г. в доме губернатора М.А. Пономарева собрались представители торговых фирм города, продающих чай, губернатор призвал их продолжить взносы в Благотворительное общество и приют. Купец П.А. Кушнарев предложил образовать на взносы торговцев запасной капитал[45]. В губернаторском доме устраивались обеды и ужины, подавали «уху, жаркое − рыбу <…> и дичь. Пирожное…»[46]. В воспоминаниях И.А. Гончарова губернатор К.Н. Григорьев удрученно говорил про питание местного общества: «Ну какой у них стол! Языки оленьи да пельмени, пельмени да языки» [47].

Местное общество традиционно совершало новогодние визиты к начальнику области. В 1913 г. М.А. Пономарев отменил приемы 25 декабря и 1 января, заменив их встречей 1 января 1914 г. в Общественном собрании. Для посещения установили входную плату не менее 1 рубля, которая должна была идти в пользу приютов[48]. Для досуга зажиточных слоев горожан в городе существовало Якутское благородное собрание, членство в нем подразумевало взносы. Оно имело отдельное здание с просторным залом, сцену, на которой выступали члены кружка любителей музыки и литературы, комнаты для бильярда и других игр, читальню, буфет. Здесь устраивались ежегодные праздники, спектакли, пикники, игры в карты и бильярд[49]. В Среднеколымске проходили развлечения, когда приезжал священник-скрипач, устраивались пения и танцы[50].

Служба в системе государственного управления обеспечивала чиновникам защиту от неправомерного вмешательства со стороны других членов общества, одновременно возлагая повышенную ответственность за совершенные правонарушения и проступки. Анализ встречающихся документов позволяет выявить следующие злоупотребления чиновников: жалобы скопцов на взятки за разрешение селиться вне мест причисления, земельные споры, нанесение побоев, участие в азартных карточных играх, накопление долгов. Также фиксировалось недобросовестное выполнение поручений и нарушение трудовой дисциплины, за что применялись замечания, предупреждения и выговоры.

Для лучшей организации служебного распорядка и контроля за дисциплиной Областное правление в 1857 г. ввело книгу записи посещений для контроля дисциплины, в которой отмечено, что чиновники и канцелярские служители являлись на службу довольно поздно, а некоторые и вовсе не приходили, в особенности на вечерние занятия, по неизвестным причинам. График работы на тот момент был следующий: утром с 8 часов, а вечером с 18.00 до 21.00. При организации службы учитывались региональные особен-

[44] НА РС(Я). Ф. 12 и. Оп. 1. Д. 156. Л. 2.
[45] Якутские областные ведомости. 1913. № 51. С. 5.
[46] *Гончаров И.А.* По Восточной Сибири: в Якутске и в Иркутске. 1891. С. 14.
[47] Там же. С. 11.
[48] Якутские областные ведомости. 1913. № 52. С. 1.
[49] Устав Якутского благородного собрания. Якутск, 1905.
[50] Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 18. Д. 1. Л. 57.

ности территории: например, ввиду климатических условий с наступлением осенних темных вечеров было решено заменить вечерние занятия за счет продления утренних. Это было сделано по двум причинам: во-первых, из-за экономии свечей, которых уходило большое количество в темное время суток; во-вторых, большинство служащих Областного правления не имело подходящей зимней одежды и страдало от стужи, ветров и морозов. Утренние часы устанавливались с 9.00 до 15.00. Экзекутор должен был докладывать старшему советнику о не явившихся вовремя. Кроме этого, новое расписание должно было повысить производительность 3-го отделения, так как его советник не посещал правление в послеобеденное время. Порядок службы был примерно таким: советники областного правления докладывали губернатору по понедельникам, средам и субботам с 13.00 до 15.00 дня. Заседания областного правления и присутствия проходили по четвергам в 12.30 дня. Вечерние занятия − понедельник, среда, пятница с 17.30 до 20.30 вечера для приведения в порядок запущенных дел. Контроль за работой осуществляли путем заполнения книги прихода на службу.

В июне 1895 г. для усиления контроля за посещением службы Областное правление издало приказ о необходимости соблюдения рабочего графика. Поводом послужили случаи преждевременного ухода чиновников, выявленные вице-губернатором. Из-за отсутствия чиновников 8 и 19 июня 1895 г. управляющий 3-го отделения не смог вовремя выполнить поручение губернатора. Всем служащим напомнили о необходимости приходить на работу к 9 часам утра и уходить только с разрешения начальника отделения[51]. За систематические нарушения чиновнику Аргунову объявили последнее предупреждение с угрозой исключения из штата[52]. Встречались злоупотребления и среди губернаторов − в частности, есть свидетельства о взяточничестве Ю.И. Штубендорфа[53]. Для предупреждения накопления долгов И.И. Крафт издал циркуляр о запрете занимать деньги у крестьян и инородцев, за нарушение грозило увольнение с государственной службы[54].

Одним из препятствий в исполнении служебных обязанностей у чиновников Якутской области выступало то обстоятельство, что подавляющее большинство населения говорило на якутском языке. Многие чиновники сами владели якутским языком, местное начальство относилось к этому по-разному. Например, губернатор В.П. де Витте отмечал, что чиновники-уроженцы области и их семьи говорят на якутском языке, и не видел в этом «положительно никакого особенного зла и преследовать это считал излишним и непрактичным»[55]. Позднее областная администрация пришла к выводу, что чиновники испытывают затруднения при донесении распоряжений до должностных лиц инородческого управления из-за недостаточного знания либо полного незнания якутского языка. Для решения проблемы должностным лицам инородческого управления предлагалось объясняться на русском языке, чтобы родоначальники избирались предпочтительно из владеющих русским языком. В донесениях об избранных должностных лицах сельского управления стало обязательным включать сведения о знании ими языка. Чиновники могли использовать якутский язык при полном непонимании инородцами русского.

Заключение. Анализ социально-экономического положения, служебной повседневности и дисциплинарной ответственности чиновников Якутской области в XIX − начале XX в. свидетельствует о сочетании типичных для российской провинции проблем с некоторыми региональными особенностями. Большинство служащих сталкивалось с хронической нехваткой жалования из-за дороговизны жизни, усугубляемой климатом и транспортной изолированностью. Служебные льготы и преимущества частично помогали привлекать чиновников в Якутскую область, однако не удерживали кадры надолго. Дополнительные меры в виде единовременных пособий, поощрений за усердие и помощь перед праздниками смягчали бедственное материальное положение мелкого чиновничества, но системно проблему

[51] НА РС(Я). Ф. 12 и. Оп. 1. Д. 2184. Л. 68.
[52] Там же.
[53] *Попов Г.А.* Сочинения. Якутск, 2009. Т. 4: Прошлое Якутии: сборник документов и материалов по истории Якутской АССР. С. 71.
[54] НА РС(Я). Ф. 22 и. Оп. 1. Д. 2932. Л.138.
[55] ГАИО. Ф. 24. Оп. 9. Д. 195. К. 2040. Л. 12.

не решали. Поэтому чиновники в зависимости от места проживания занимались подсобными промыслами: огородничеством, рыболовством, торговлей и держали скот. Организация служебного распорядка строилась с учетом климатических особенностей территории. Для борьбы со злоупотреблениями чиновников организовывался контроль за их дисциплиной и исполнением ими христианских обязанностей. Предпринимаемые организационные меры обеспечивали порядок, но не преодолевали злоупотребления в виде взяток, долгов, карточных игр.

Литература

Архипова А.И. Управление Северо-Востоком России: институт губернаторства (2-я половина XIX − начало XX века). Иркутск: Оттиск, 2023. 232 с.

Васильев А.Д. Чиновники особых поручений в системе местного управления Якутской области (вторая четверть XIX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2023. Т. 45. С. 16−26.

Дамешек И.Л. Чиновничество как «высший класс» сибирского общества: численность, уровень образования, материальное положение, влияние на общественную жизнь// Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2013. № 1 (4). С. 48−55.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Матханова Н.П. «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства»: М.М. Сперанский, Н.Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские генерал-губернаторы. Иркутск: Оттиск, 2020. 340 с.

Дамешек Л.М., Мамкина И.Н. Сибирь в системе имперского законодательства XVIII − начало XX века: закон и практика. Чита: ЗабГУ, 2021. 278 с.

Казарян П.Л. История Верхоянска. Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. фил., 1998. 206 с.

Казарян П.Л. Административное устройство, гражданское, военное, горное и церковное управление Ленского (Якутского) края. 1629−1917 гг. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2020. 752 с.

Карчаева Т.Г., Лущаева Г.М., Савин О.И., Алексеев О.Г. Уровень образования чиновников Якутского областного управления в конце XIX − начале XX вв. // Былые годы. 2024. № 19 (4). С. 1855−1863.

Крылова В.К. «Мне он известен» // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 97−102.

Кузнецов А.А. Чиновничество и развитие культуры губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 25 с.

Майнов И.И. Население Якутии. Л.: Изд-во Академии наук, 1927. 98 с.

Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. 428 с.

Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2002. 250 с.

Матханова Н.П. Чиновники особых поручений в системе управления Восточной Сибири XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2022. Т. 41. С. 14−21.

Петров П.П. Города Якутии 1861−1917 гг. Социально-экономический очерк истории. Якутск: Якутское книжное издательство, 1990. 124 с.

Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII − середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. 257 с.

Сафронов Ф.Г. Дореволюционные начальники Якутского края. Якутск: Ситим, 1993. 55 с.

Томский Н.Е. Вилюйский Ротшильд. Якутск: Бичик, 2002. 272 с.

Третьякова Н.В. Особенности службы чиновников в Якутской области во второй половине XIX − начале XX веков // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 1-2 (79). С. 46−50.

References

Arkhipova, A.I. (2023). *Upravlenie Severo-Vostokom Rossii: institut gubernatorstva (2-ya polovina XIX − nachalo XX veka).* [Management of the North-East of Russia: The Institution of Governorship (Second Half of the 19th − Early 20th Century)]. Irkutsk, Ottisk. 232 p.

Dameshek, I.L. (2013). Chinovnichestvo kak “vysshiy klass” sibirskogo obshchestva: chislennost’, uroven’ obrazovaniya, material’noe polozhenie, vliyanie na obshchestvennuyu zhizn’ [The Officials as the “Upper Class” of the Siberian Society: Their Number, Educational Attainment, Financial Condition, Influence on the Society]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. No. 1 (4), pp. 48−55.

Dameshek, L.M., Dameshek, I.L., Matkhanova, N.P. (2020). *“Glavnye blyustiteli neprikosnovennosti verkhovnykh prav samoderzhaviya i pol’zy gosudarstva”: M.M. Speranskiy, N.N. Murav’ev-Amurskiy i drugie sibirskie general-gubernatory* [“Chief Guardians of the Inviolability of the Supreme Rights of Autocracy and the Benefit of the State”: M.M. Speransky, N.N. Muravyov-Amursky and Other Siberian Governors-General]. Irkutsk, Ottisk. 340 p.

Dameshek, L.M., Mamkina, I.N. (2021). *Sibir’ v sisteme imperskogo zakonodatel’stva XVIII − nachala XX veka: zakon i praktika.* [Siberia in the System of Imperial Legislation of the 18th − Early 20th Century: Law and Practice]. Chita, ZabGU. 278 p.

Karchaeva, T.G., Lushchaeva, G.M., Savin, O.I., Alekseev, O.G. (2024). Uroven’ obrazovaniya chinovnikov Yakutskogo oblastnogo upravleniya v kontse XIX − nachale XX vv. [The Level of Education of the Yakutsk Oblast Administration in the Late 19th − Early 20th Centuries]. In *Bylye Gody*. No. 19 (4), pp. 1855−1863.

Kazaryan, P.L. (2003). *Istoriya Verkhoyanska* [History of Verkhoyansk]. Yakutsk, Izdatel’stvo SO RAN, Yakutskiy filial. 206 p.

Kazaryan, P.L. (2020). *Administrativnoe ustroystvo, grazhdanskoe, voennoe, gornoe i tserkovnoe upravlenie Lenskogo (Yakutskogo) kraya 1629−1917 gg.* [Administrative Structure, Civil, Military, Mining, and Church Administration of the Lena (Yakut) Krai. 1629−1917]. Yakutsk, Izdatel’skiy dom SVFU. 752 p.

Krylova, V.K. (2016). “Lichno mne on izvesten kak chestnyy i sposobnyy chinovnik” [I Personally Know Him as an Honest and Capable Official…]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 410, pp. 97−102.

Kuznetsov, A.A. (2002). Chinovnichestvo i razvitie kul’tury gubernskikh i oblastnykh tsentrov Vostochnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. [Bureaucracy and the Development of Culture in the Gubernatorial and Regional Centers of Eastern Siberia in the Second Half of the 19th Century]. Cand. hist. sci. diss. abstract. Irkutsk. 25 p.

Mainov, I.I. (1927). *Naselenie Yakutii* [Population of Yakutia]. Leningrad, Izdatel’stvo Akademii nauk. 98 p.

Matkhanova, N.P. (1998). *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka: V.Ya. Rupert, N.N. Murav’ev-Amurskiy, M.S. Korsakov* [Governors-General of Eastern Siberia in the Mid-19th Century: V.Ya. Rupert, N.N. Muravyov-Amursky, M.S. Korsakov]. Novosibirsk, Izdatel’stvo SO RAN. 428 p.

Matkhanova, N.P. (2002). *Vysshaya administratsiya Vostochnoy Sibiri v seredine XIX veka: Problemy sotsial’noy stratifikatsii* [Higher Administration of Eastern Siberia in the Mid-19th Century: Problems of Social Stratification]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf. 250 p.

Matkhanova, N.P. (2022). Chinovniki osobykh porucheniy v sisteme upravleniya Vostochnoy Sibiri XIX v. [Officials of Special Assignments in the Management System of Eastern Siberia of the 19th Century]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. No. 41, pp. 14−21.

Petrov, P.P. (1990). *Goroda Yakutii 1861−1917 gg. Sotsial'no-ekonomicheskiy ocherk istorii* [Cities of Yakutia in 1861−1917. Socio-Economic Historical Essay]. Yakutsk, Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo. 92 p.

Safronov, F.G. (1978). *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII − seredine XIX v.: upravlenie, sluzhilye lyudi, krest'yane, gorodskoe naselenie* [Russians in the Northeast of Asia in the 17th − Mid-19th Century: Administration, Service People, Peasants, Urban Population]. Moscow, Nauka. 257 p.

Safronov, F.G. (1993). *Dorevolyutsionnye nachal'niki Yakutskogo kraya* [Pre-Revolutionary Chiefs of the Yakut Krai]. Yakutsk, Sitim. 55 p.

Tomskiy, N.E. (2002). *Vilyuyskiy Rotshil'd* [The Vilyuy Rothschild]. Yakutsk, Bichik. 272 p.

Tretyakova, N.V. (2019). Osobennosti sluzhby chinovnikov v Yakutskoy oblasti vo vtoroy polovine XIX − nachale XX vekov [Features of Officials' Service in the Yakut Oblast in the Second Half of the 19th − the Beginning of the 20th Centuries]. In *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. No. 1 (79), part 2, pp. 46−50.

Vasil'ev, A.D. (2023). Chinovniki osobykh porucheniy v sisteme mestnogo upravleniya Yakutskoy oblasti (vtoraya chetvert' XIX v.) [Officials of Special Assignments in the Local Government System of the Yakutsk Oblast (Second Quarter of the 19th Century]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*. No. 45, pp. 16−26.

Л.Н. Воробцова
Т.Ю. Тайченачева*

НОВОНИКОЛАЕВСКИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ ИВАН ФИЛИППОВИЧ СТОЙЛОВ: ИСТОРИЯ СЕМЬИ И СУДЬБА ПОТОМКОВ (XIX–XXI ВЕКА)

Doi:10.31518/2618-9100-2026-1-9
УДК 94(571)"1893/2017"

Выходные данные для цитирования:
Воробцова Л.Н., Тайченачева Т.Ю. Новониколаевский предприниматель Иван Филиппович Стойлов: история семьи и судьба потомков (XIX–XXI века) // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 116–125.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-09.pdf

L.N. Vorobtsova
T.Yu. Taychenacheva*

THE NOVONIKOLAEVSK ENTREPRENEUR IVAN FILIPPOVICH STOILOV: FAMILY HISTORY AND THE FATE OF HIS DESCENDANTS (19TH – 20TH CENTURIES)

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-9

How to cite:
Vorobtsova L.N., Taychenacheva T.Yu. The Novonikolaevsk Entrepreneur Ivan Filippovich Stoilov: Family History and the Fate of His Descendants (19th – 20th Centuries) // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 116–125. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-09.pdf]

Abstract. This article, based on a wide variety of sources, both archival and oral ones passed down from generation to generation, examines the history of the famous Novonikolaevsk family of entrepreneurs Stoilovs. Thanks to the memory of their descendants, it is possible to uncover how the life of several generations of this family developed, from the middle of the 19th century to the present day. Undoubtedly, the most striking figure among them is Ivan Filippovich Stoilov, coming from peasant background. From an early age, he spent his life with Siberian river transport: he was a cabin boy, drove cargo barges, and then steered large steamships. At the same time, he actively participated in the public life of Novonikolaevsk and did a lot for the development of the city and the entire region. Special attention is paid to the fate of I.F. Stoilov's descendants: their lives turned out differently, as some were forced to leave the country during the Civil War, yet most of them stayed in their homeland and tried, despite the "former" status, to find a worthy place in Soviet Russia. The family archives reveal that almost all of I.F. Stoilov's children and grandchildren received a good education and served the country honestly, experiencing all the hardships along with it, and left a noticeable mark not only in the history of Novonikolaevsk-Novosibirsk, but in the history of the entire state.

Keywords: Novonikolaevsk, entrepreneurs, the Stoilov family, transport, public life, Civil War, family history.

The article has been received by the editor on 21.02.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. На основе разнообразных источников, как архивных, так и устных, передаваемых из поколения в поколение, рассмотрена история семьи Стойловых (Стоиловых) – известных предпринимателей-транспортников Новониколаевска

* **Лидия Николаевна Воробцова,** кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: lnvoro@gmail.com
Lidia Nikolaevna Vorobtsova, Candidate of Historical Sciences, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: lnvoro@gmail.com
Татьяна Юрьевна Тайченачева, архитектор, член Союза архитекторов России, Новосибирск, Россия, e-mail: taich19@mail.ru
Tatyana Yurievna Taychenacheva, architect, member of the Union of Architects of Russia, Novosibirsk, Russia, e-mail: taich19@mail.ru

(современного Новосибирска). Благодаря памяти потомков мы можем ознакомиться с тем, как складывалась жизнь нескольких поколений этой династии начиная с середины XIX в. вплоть до наших дней. Несомненно, самой яркой фигурой среди них был Иван Филиппович Стойлов − выходец из крестьянского сословия, с самых ранних лет связавший свою жизнь с сибирским речным транспортом: служил юнгой, затем водил грузовые баржи, управлял большими пароходами. При этом он активно участвовал и в общественной жизни Новониколаевска и сделал многое для развития не только города, но и всего Западно-Сибирского региона. Особое внимание в работе уделяется судьбе потомков И.Ф. Стойлова: по-разному сложилась их жизнь, кто-то вынужден был уехать из страны во время Гражданской войны, но большинство все же остались на родине и попытались, несмотря на приобретенный статус «бывших», найти достойное место в Советской России. Изучив семейные архивы, мы видим, что практически все дети и внуки И.Ф. Стойлова получили хорошее образование и честно служили стране, переживая с ней все тяготы и лишения, и оставили заметный след не только в истории Новониколаевска-Новосибирска, но и всего нашего государства.

Ключевые слова: Новониколаевск, предприниматели, семья Стойловых, транспорт, общественная жизнь, Гражданская война, семейная история.

Статья поступила в редакцию 21.02.2025 г.

Частный капитал, частная инициатива изначально занимали ведущее место во всех отраслях предпринимательства молодого сибирского города Новониколаевска (современного Новосибирска), выбравшего буржуазный вектор развития с первых дней своего существования. На рубеже XIX−XX вв. в городе насчитывалось, по самым скромным оценкам, более 3 тыс. человек, в основной своей массе отличавшихся удивительной работоспособностью, деловой хваткой, инициативой, умением приспосабливаться к непростым условиям жизни[1]. Понять, какими именно были эти люди, как они пережили социальные катаклизмы, потрясшие Россию в первой четверти XX в., да и в последующее время, позволяют реконструкция их биографий и воссоздание историй целых предпринимательских династий − активно развивающееся направление в современной отечественной историографии. В частности, на материалах разных сибирских городов к этой проблематике обращались В.А. Скубневский[2], Н.В. Хисамутдинова[3], Е.В. Комлева[4], Н.Ю. Колокольцева[5], Д.И. Петин[6],

[1] *Воробцова Л.Н.* Частное предпринимательство в Новониколаевске (1893−1914 гг.). Новосибирск, 2015; *Воробцова Л.Н.* Биографический словарь предпринимателей Новониколаевска (1893−1914 гг.). Новосибирск, 2023.

[2] *Скубневский В.А.* Бывшее купечество Сибири после 1917 г. Репрессии, эмиграция, адаптация // Актуальные вопросы истории Сибири: десятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: мат-лы науч. конф. Барнаул, 2015. С. 10−13; *Скубневский В.А.* «Бывшие». Купечество Барнаула после 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2017. № 48. С. 88−93.

[3] *Хисамутдинова Н.В.* Портрет на фоне эпохи [Электронный ресурс] // Власть книги: Библиотека, издательство, вуз. 2014. № 14. URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/a29/article14-2014.pdf (дата обращения: 28.01.2026).

[4] *Комлева Е.В.* Купцы Скорняковы в истории Енисейска (XVIII-XIX вв.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 80−92; *Комлева Е.В.* Династия енисейских купцов Дементьевых (вторая половина XVIII − начало XX в.) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2018. № 1. Ст. 1. С. 8−20. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-01.pdf (дата обращения: 28.01.2026); *Комлева Е.В.* «Когда-нибудь Родина вспомнит добром»: судьбы сибирских купцов иммигрантов в Северной Маньчжурии (1920−1930-е годы) // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 2. С. 399−416.

[5] *Колокольцева Н.Ю.* Семейные ценности сибирского купечества. // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2020. № 3 (113). С. 63−68.

[6] *Петин Д.И.* История омского рода Батюшкиных. Омск, 2021.

О.Н. Катионов и В.В. Лягаев[7], М.Д. Кушнарева[8], К.А. Голодяев[9] и другие исследователи. В своих изысканиях они опираются не только на архивные данные, научную и справочную литературу, но и все чаще привлекают такие источники, как мемуары и разнородные семейные архивы. Обращение к семейным историям дает также возможность оценить, глубже и разносторонне взглянуть на процессы, происходившие в стране в переломные моменты. Данная статья посвящена роду новониколаевских предпринимателей Стойловых (Стоиловых), подробные данные о которых впервые вводятся в научный оборот.

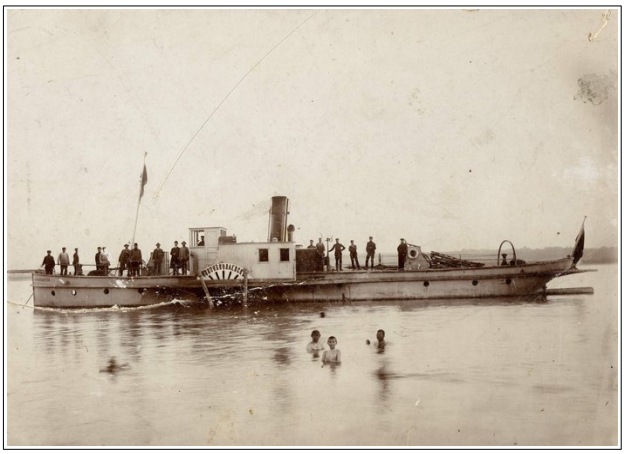


Рис. 1. Пароход «Новониколаевск». Фото начала XX в. из личного архива Т.Ю. Тайченачевой

В конце XIX − начале XX в. Новониколаевск играл роль главного транспортно-распределительного центра в Западной Сибири. В город поступало 40 % алтайского зерна, которое частично перерабатывалось на мельницах города, частично перегружалось на железную дорогу, а 30 % отправлялось традиционным путем. Так, в 1912 г. грузооборот только пристаней составил 18 млн пудов, а железнодорожной станции − 30 млн пудов[10]. Активно развивалось и сибирское пароходство. Основные доходы пароходовладельцы получали за счет перевозки грузов, хотя к 1911 г. Новониколаевск уже прочно занял первое место в Западной Сибири и по перевозке пассажиров, превосходя по этому показателю все остальные города вместе взятые в несколько раз[11]. Новониколаевские пароходчики участвовали в монополистических союзах в речном пароходстве на Оби. К началу XX в. в городе действовало 12 пароходных предприятий: «Товарищество пароходства М.А. Рунина и Г.Р. Бейлина», «Наследников В.Е. Ельдештейна», «Плотникова сыновей» и др. Все они занимались транспортными перевозками грузов и пассажиров[12].

По социальному составу 82,6 % предпринимателей-транспортников относились к купечеству, 4,3 % происходили из мещан, выходцев из крестьян были единицы, например Ельдештейны, которые до приобретения купеческого звания относились к крестьянскому сословию, и Иван Филиппович Стойлов − один из наиболее ярких представителей новониколаевских предпринимателей-транспортников. Родился он 28 июля 1863 г. (умер в 1919 г.) и жил первые годы в селе Истобенское Истобенской волости Вятской губернии (на родине их фамилия звучала как Стоиловы, а в Сибири позднее они стали называться уже Стойловы), закончил Истобенскую мужскую школу. Его родители: отец − Филипп Трифонович Стоилов (1837−1880), мать − Наталья Ивановна, дед − Трифон Семенович Стоилов (1812−1865), бабушка − Анна Ивановна Стоилова[13].

По словам потомков, а рассказы передавались из поколения в поколение в основном устно, в семье Стоиловых было много речников, а Иван Филиппович с ранней молодости ходил по реке Вятке на небольших судах, хорошо плавал, начинал юнгой на малых пароходах. Однажды товарищ позвал его поехать в Сибирь. Ехали «за службой, славой

[7] *Катионов О.Н., Лягаев В.В.* Последние надежды: адаптация бывшего купечества в советском обществе в 1920-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2024. Т. 47. С. 65−72.

[8] *Кушнарева М.Д.* Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии Г.В. Никифорова // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 187−191.

[9] *Голодяев К.А.* Мукомолы Луканины − успех и трагедия [Электронный ресурс] // Сибирский архив. 2023. № 3 (17). С. 22−44. URL: https://archivesiberia-journal.nso.ru/sites/archivesiberia-journal.nso.ru/wodby_files/files/page_383/03_golodyaev_statya_1.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

[10] *Воробцова Л.Н.* Частное предпринимательство… С. 145.

[11] Там же.

[12] Там же. С. 121.

[13] Истобенск. История старинного вятского села. Переписи. Информация из писцовых книг, переписей и статистические данные о селе и Истобенской волости. 1874, 1887 г. Административное деление [Электронный ресурс]. URL: http://www.istobensk.ru/index.php/history/perepisi?start=45 (дата обращения: 25.06.2025).

и деньгами». Скорее всего, сначала он поселился в Тобольске, где в 1891 г. и женился на Анфисе (Анфее) Васильевне Аксендер. В конце XIX в. молодая семья Стойловых переезжает в Новониколаевск, где Иван Филиппович опять устроился работать на реку: по семейным преданиям, водил грузовые баржи, строил причал на Оби, управлял пароходами крупных владельцев в Новониколаевске и Томске, в том числе пароходом Е.И. Мельниковой (Мельниковы были крупнейшими пароходчиками Обь-Иртышского бассейна, но всю жизнь оставались в мещанском сословии), даже одно время управлял товариществом «Западно-Сибирского пароходства и торговли».

Рис. 2. Иван Филиппович Стойлов в молодости. Фото начала XX в. из личного архива Т.Ю. Тайченачевой

Из архивных же данных известно, что в 1899–1900 гг. он работал агентом в Новониколаевском товариществе «Западно-Сибирского пароходства и торговли» с заработной платой в 1,3 тыс. руб. в год. В 1911 г. ему было поручено «произвести выморозку и постановку парохода для исполнения некоторых дефектов в нем фирмой Добровых и Набгольц» с условием взять не дороже 165 руб.[14] Во время Первой мировой войны занимался военными поставками: поставлял на фронт муку и сукно для шинелей[15].

Рис. 3. Анфиса Васильевна Стоилова. Фото начала XX в. из личного архива Т.Ю. Тайченачевой

Есть архивные сведения и о его активном участии в общественной жизни города: так, 12 сентября 1904 г. Иван Филиппович Стойлов был избран кандидатом в собрание городских уполномоченных Новониколаевска 88 голосами «за» и 50 «против». В 1909–1913 гг. входил гласным в состав Новониколаевской городской думы (в списке указан под 24-м номером, записан как крестьянин), был также избран в члены управы городской думы в мае 1909 г. с жалованьем в 1 800 руб. в год. Из двух баллотировавшихся лиц при закрытом голосовании И.Ф. Стоилов получил 17 избирательных и 8 неизбирательных шаров, а В.К. Понганский – 7 избирательных и 18 неизбирательных шаров, а потому «городская дума избрала Ивана Филипповича Стоилова». В списке гласных и кандидатов в гласные думы следующего созыва (февраль 1913 г. – ноябрь 1917 г.) он проходил под 32-м номером[16].

О его активной деятельности как члена городской управы говорят записи в журнале Новониколаевской городской думы. Так, в 1909 г. он входил в состав комиссий по отводу места для городских кладбищ (в ней состояли члены управы, два врача, священник Александро-Невской церкви и заведующий полицейской частью города). Вопрос был непростой, так как в «целях охраны народного здравия» кладбище, находившееся в центре города, из-за переполнения необходимо было закрыть, но этот факт мог вызвать недовольство среди городских обывателей и привести «к недоразумениям

[14] *Воробцова Л.Н.* Биографический словарь предпринимателей Новониколаевска (1893–1914 гг.). Новосибирск, 2023. С. 239.

[15] Из личного архива Т.Ю. Тайченачевой.

[16] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 85. Л. 16; Д. 168. Л. 2; Ф. 145. Оп. 1. Д. 9. Л. 5; Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1911 г. Томск, 1911. С. 202; Ново-Николаевск – Новосибирск, 1909–1919. 10 лет на службе городу: Новониколаевская Городская Дума в документах и материалах. Новосибирск, 2008. С. 300, 550, 552; *Ус Л.Б.* Об особенностях начального этапа самоуправления в Новониколаевске // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX вв. Новосибирск, 2004. С. 125.

между ними и церковно-приходским начальством». Многие обыватели купили на этом кладбище места не только лично для себя, но и для других членов своих семей, и имели довольно значительные участки. А церковно-приходское начальство, получив деньги, «затратило их на постройку и украшение церкви», построенной в 1907 г., и возвратить их уже не могло. После долгих споров компромисс все же был найден: решили кладбище все же закрыть, но оставить его часть как погост при Воскресенской церкви, а для каждого последующего захоронения на нем испрашивать разрешение[17].

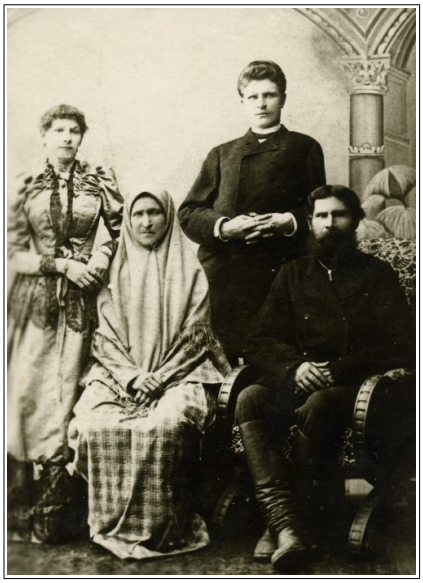


Рис. 4. Иван Филиппович Стойлов с супругой и родителями. Фото начала XX в. из личного архива Т.Ю. Тайченачевой

В 1909 г. И.Ф. Стойлов принимал активное участие в комиссии по решению вопроса о древонасаждении города, что обрело особую актуальность после случившегося большого пожара в мае того же года. В 1911 г. он входил в состав трех комиссий для приема от населения при мобилизации лошадей, повозок и упряжи, в 1912 г. занимался решением вопросов, касающихся будущей Алтайской железной дороги: выбором места для ее управления и всего, что касалось нужд ее служащих[18].

Особо хотелось бы отметить деятельность И.Ф. Стойлова в 1912 г. как гласного городской думы при решении вопроса о развитии в Новониколаевске крупной фабрично-заводской промышленности. В заявлении, подписанном им, а также гласными Г.И. Жерновковым, Л.И. Лапшиным, В.И. Жернаковыми Р.С. Шалль, говорилось следующее: «В привлечении большого числа фабрично-заводских предприятий город заинтересован, во-первых, потому, что развитие промышленности, в особенности промышленности крупной, принесет городу значительный доход в виде оценочного и других налогов; во-вторых, требуя обыкновенно большого числа рабочих, крупная промышленность увеличит благосостояние беднейшего городского населения и, в-третьих, создаст лучшие пути сообщения или, по крайней мере, облегчит осуществление ходатайств города о соединении его с другими местностями лучшими путями сообщения, как, например, железными и шоссейными дорогами»[19].

Кроме того, есть данные о роли, которую играл И.Ф. Стойлов при постройке первой электростанции в Новониколаевске. Управа полностью контролировала ход работ, регулярно обсуждая на заседаниях связанные с этим вопросы. Для «оперативного решения возникающих проблем за объектом был закреплен специальный представитель управы − И.Ф. Стойлов»[20]. 4 февраля 1913 г. «представительная комиссия в составе: гласных Городской думы В.К. Полянского, представителя управы И.Ф. Стойлова, члена ревизионной комиссии И.В. Насонкина, а также городского архитектора, персонала станции и представителей фирмы “Сименс и Гальске” произвела испытания оборудования <…> По случаю пуска городской электростанции в купеческом собрании был дан бал»[21].

После февраля 1917 г. И.Ф. Стойлов, скорее всего, входил в состав Новониколаевского совета солдатских и рабочих депутатов (март-апрель 1917 г.). К сожалению, информации о его деятельности в этом статусе и в это время пока не найдено за исключением того, что он запечатлен на общей фотографии членов Совета[22].

Если говорить о материальном положении семьи Стойловых, то есть данные, что в 1904 г. принадлежавшее им имущество в городе было оценено в 223 руб. В предреволюционный же период, по воспоминаниям его потомков, у Стойловых в Новониколаевске уже

[17] Ново-Николаевск − Новосибирск… С. 82−83.
[18] Там же. С. 322, 330, 331.
[19] Там же. С. 125−127.
[20] *Выдрина О.В.* Еще до «лампочки Ильича» // Сибирская горница. 2000. № 4. С. 148.
[21] Там же.
[22] Ново-Николаевск − Новосибирск… Приложение.

был дом в два этажа рядом с новым железнодорожным мостом через Обь. Первый этаж дома был кирпичный, второй деревянный. На втором этаже располагался зал с роялем. Детей учили музыке. В собственности Стойловых находилось также несколько участков земли с лесом, в том числе под Бердском, где у семьи был дом-дача на Оби. Туда супруга Ивана Филипповича вместе с детьми выезжала на все лето. Во время Гражданской войны И.Ф. Стойлов был арестован и умер в тюрьме в 1919 г. от сердечного приступа[23].

Жена Ивана Филипповича Стойлова **Анфиса (Анфея) Васильевна Аксендер-Стойлова** (1871−1939) родилась в Тобольске, была дворянкой по матери и по отцу. Ее родной отец − Михаил Иванович Мелентьев, мать − Панна Степановна. М.И. Мелентьев был небогатый дворянин, штатский, рано умер, оставив вдову с тремя малолетними детьми: Татьяной, Анфисой и Николаем. Оставшись молодой вдовой, Панна Степановна вскоре вышла замуж за Василия Ильича Аксендера, который был из купеческого рода. В этом браке родилось еще двое детей − Александр и Ольга, при этом отчим усыновил детей жены от первого брака, дав им свои отчество и фамилию. Анфиса Васильевна окончила Мариинскую женскую гимназию в Тобольске, а в возрасте 20 лет вышла замуж за Ивана Филипповича Стойлова. Муж называл ее Феей, поэтому все звали ее Анфеей, а не Анфисой.

У Анфисы (Анфеи) Васильевны и Ивана Филипповича Стойловых было шестеро детей: **Иван, Елизавета, Зоя, Мария, Анна и Александра**. Еще четверо детей (самые первые) умерли до рождения сына Ивана. Потеряв столько детей, Анфиса Васильевна поехала в Санкт-Петербург к Иоанну Кронштадтскому, молилась и просила детей у Господа. Ее молитвы были услышаны, и по приезду в Сибирь у нее родился сын Иван, который остался жить[24].

Иван Иванович Стойлов (1896−1939) родился в Новониколаевске, окончил местное реальное училище, учился в Томском технологическом институте (который не окончил). В 1915 г. был призван на войну. Окончил 2-ю Иркутскую школу прапорщиков. В 1916 г. служил офицером 4-й Сибирской запасной пехотной бригады. Во время Гражданской войны находился в белых войсках Восточного фронта. В составе Сибирской армии дошел до Владивостока, участник знаменитого Ледяного похода[25]. Из Маньчжурии перебрался в Чехословакию, где проживал в 1926−1931 гг. Получил высшее образование в Праге по специальности инженер-агроном (1926). Состоял членом Общества русских, кончивших высшие учебные заведения в Чехословакии, затем переехал в США. В Нью-Йорке стал одним из основателей Общества помощи детям русских в эмиграции, председателем Всероссийского национального крестьянского союза, членом Русского национального комитета и секретарем Комитета по защите православия и русских меньшинств в Польше. Умер 31 мая 1939 г. в Нью-Йорке в возрасте 43 лет, похоронен на кладбище Ист Риджлук.

Елизавета Ивановна Стойлова (Зикова) (1898−1967) окончила 1-ю женскую гимназию в Новониколаевске, училась в Томском технологическом институте на медицинском факультете (институт не окончила). В 1920 г. вышла замуж за чешского офицера Владислава Зику, который в то время находился в Сибири в составе Чехословацкого корпуса. В конце 1920 г. с мужем и легионерами прибыла в Прагу, где и прожила всю остальную жизнь. Дети: сын Вальдемар и дочь Элишка.

Вальдемар Зика (1921−1990) окончил кораблестроительный институт в Великобритании по специальности военно-морской архитектор. Участвовал в строительстве знаменитого оперного театра в Сиднее. На пенсии работал гидом, водил экскурсии по зданию театра и рассказывал историю его строительства. Был женат, имел дочь.

Элишка Зикова (Гамшикова) (1922−1991) окончила театральное училище в Праге, играла в театре в г. Острава (Чехословакия) − была ведущей драматической актрисой, а ее муж − директором этого театра.

[23] Из личного архива Т.Ю. Тайченачевой.
[24] Там же.
[25] *Щепихин С.А.* Сибирский Ледяной поход. Воспоминания. М., 2020.

Зоя Ивановна Стойлова (Генерозова) (1901−1995) окончила 1-ю женскую гимназию в Новониколаевске, курсы машинописи, работала машинисткой в Сибгипротрансе (Сибирском государственном институте проектирования объектов транспортного строительства). В 21 год вышла замуж за Семена Николаевича Генерозова, который происходил из семьи потомственных православных священников города Уфы, сам окончил духовную семинарию и погиб в 1927 г. Дочь Татьяна.

Татьяна Семеновна Генерозова (Иванова) (1922−1998) окончила среднюю школу в Новосибирске и музыкальное училище во Владивостоке, обладала глубоким контральто, пела, работала на радио.

Мария Ивановна Стойлова (1903−1972) окончила 1-ю женскую гимназию в Новониколаевске, курсы счетоводов-бухгалтеров, трижды была замужем: за И. Рыжковым, М. Ладжинским, А. Вичкасовым.

Анна Ивановна Стойлова (1905−1930) окончила 1-ю женскую гимназию в Новониколаевске, училась играть на фортепиано, затем работала тапером, сопровождая игрой на фортепиано немые фильмы в кинотеатре «Первого Совкино» на Николаевском проспекте.

Александра Ивановна Стойлова (Чернакова) (1906−1999) окончила 1-ю женскую гимназию в Новониколаевске, в 20 лет вышла замуж за Чернакова Михаила Абрамовича и стала домохозяйкой. Дети: Станислав, Инна, Леонид.

Станислав Михайлович Чернаков (1927−1999) окончил 50-ю среднюю общеобразовательную школу, Московское пограничное училище, стал драматическим актером, работал в театрах разных городов СССР. Жена Елена Высоцкая, сын Егор (р. 1960).

Инна Михайловна Чернакова (1931−1980) окончила новосибирскую 50-ю общеобразовательную среднюю школу, Сибирский инженерно-строительный институт (Сибстрин) по специальности архитектура. Работала в Академии архитектуры, в проектных институтах: Гипропроект (Государственный институт проектирования «Гипропроект»), Теплопроект (Новосибирсктеплоэлектропроект Проектно-изыскательский институт), преподавала на кафедре градостроительства в Сибстрине. Муж Юрий Петрович Тайченачев (1927−2013), главный архитектор в Новосибирском государственном проектном институте (НГПИ) Министерства радиопромышленности СССР. Дети: Татьяна, Михаил.

Леонид Михайлович Чернаков (1937−2017) окончил 22-ю общеобразовательную школу и факультет геодезии Новосибирского института инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (НИИГАиК), работал главным инженером проекта в Новосибирском государственном проектном институте (НГПИ) Министерства радиопромышленности СССР (позже Радиокомплекс). Лауреат Премии Совета Министров СССР. Член Союза писателей России, автор семи книг детских стихов, лауреат Национальной литературной премии «Поэт года» в номинации «Детская литература (III премия, 2013 г.)[26].

* * *

Таким образом, история рода Стойловых прежде всего свидетельствует о том, что новониколаевские предприниматели в годы становления города были особой группой − деятельными инициативными людьми, теми, кто, часто опираясь лишь на интуицию, не побоялся приехать вместе с семьями в никому неизвестный еще поселок, перенести туда свои коммерческие операции. Можно сказать, что они умели видеть перспективу, прочувствовать ее, невзирая ни на пожар 1909 г., ни на эпидемии, и после каждой неудачи находя в себе силы собраться и продолжить начатое[27]. Некоторые из них неоднократно избирались в городскую думу Новониколаевска, так как «основными сферами деятельности органов самоуправления были хозяйственные и социальные вопросы, в которых деловые люди разбирались лучше, чем кто бы то ни было»[28].

[26] Из личного архива Т.Ю. Тайченачевой.
[27] Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 68.
[28] *Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М.* Купечество Алтая второй половины XIX − начала XX в. Барнаул, 2001. С. 150.

Прошло уже более 100 лет с того времени, и мы рады, что благодаря памяти потомков можно уже сейчас восстановить некоторые неизвестные страницы жизни и во многом по-другому взглянуть на тех людей, которые стояли у основания нашего города. Мы надеемся, что проведение подобных генеалогических исследований семей и потомков новониколаевских предпринимателей даст старт для дальнейшей плодотворной работы по изучению и введению в научный оборот новых материалов, особенно из личных архивов потомков, касающихся социальной истории сибирских городов, истории жизни людей, благодаря которым они создавались, росли и развивались.

Литература

Воробцова Л.Н. Биографический словарь предпринимателей Новониколаевска (1893–1914 гг.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2023. 330 с.

Воробцова Л.Н. Частное предпринимательство в Новониколаевске (1893–1914 гг.). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 436 с.

Выдрина О.В. Еще до «лампочки Ильича» // Сибирская горница. 2000. № 4. С. 145–150.

Голодяев К.А. Мукомолы Луканины – успех и трагедия [Электронный ресурс] // Сибирский архив. 2023. № 3 (17). С. 22–44. URL: https://archivesiberia-journal.nso.ru/sites/archivesiberia-journal.nso.ru/wodby_files/files/page_383/03_golodyaev_statya_1.pdf (дата обращения: 25.06.2025).

Катионов О.Н., Лягаев В.В. Последние надежды: адаптация бывшего купечества в советском обществе в 1920-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2024. Т. 47. С. 65–72.

Колокольцева Н.Ю. Семейные ценности сибирского купечества // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: Исторические науки и археология. 2020. № 3 (113). С. 63–68.

Комлева Е.В. Купцы Скорняковы в истории Енисейска (XVIII–XIX вв.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3. С. 80–92.

Комлева Е.В. Династия енисейских купцов Дементьевых (вторая половина XVIII – начало XX в.) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2018. № 1. С. 8–20. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-1-01.pdf (дата обращения: 28.01.2026).

Комлева Е.В. «Когда-нибудь Родина вспомнит добром…»: судьбы сибирских купцов иммигрантов в Северной Маньчжурии (1920–1930-е годы) // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 2. С. 399–416.

Кушнарева М.Д. Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии Г.В. Никифорова // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 187–191.

Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1993. 472 с.

Ново-Николаевск – Новосибирск, 1909–1919. 10 лет на службе городу: Новониколаевская городская дума в документах и материалах / сост. В.И. Баяндин, Е.А. Мамонтова, Ю.Г. Мартынова, Л.С. Пащенко, И.В. Щеглов, А.Н. Юмина; отв. ред. В.И. Баяндин. Новосибирск: Центр архивных технологий, 2008. 550 с.

Петин Д.И. История омского рода Батюшкиных. Омск: Золотой тираж (ООО «Омскбланкиздат»), 2021. 140 с.

Скубневский В.А. Бывшее купечество Сибири после 1917 г. Репрессии, эмиграция, адаптация // Актуальные вопросы истории Сибири: десятые научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: мат-лы науч. конф. Барнаул, 2015. С. 10–13.

Скубневский В.А. «Бывшие». Купечество Барнаула после 1917 г. // Вестник Томского университета. История. 2017. № 48. С. 88–93.

Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. 241 с.

Ус Л.Б. Об особенностях начального этапа самоуправления в Новониколаевске // Местное самоуправление в истории Сибири XIX−XX вв.: сб. мат-лов регион. науч. конф. Новосибирск, 2004. С. 122−130.

Хисамутдинова Н.В. Портрет на фоне эпохи // Власть книги: Библиотека, издательство, вуз. 2014. № 14. URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/a29/article14-2014.pdf (дата обращения: 28.01.2026).

Щепихин С.А. Сибирский Ледяной поход. Воспоминания / под ред. А.В. Ганина; подгот. текста, вступит. ст., примеч. А.В. Ганина. М.: Связь Эпох; Воевода, 2020. 512 с.

References

Bayandin, V.I. (Ed.). (2008). *Novo-Nikolaevsk − Novosibirsk, 1909−1919. 10 let na sluzhbe gorodu: Novonikolaevskaya gorodskaya duma v dokumentakh i materialakh* [Novonikolaevsk − Novosibirsk, 1909−1919. 10 Years in the Service of the City: Novonikolaevsk City Duma in Documents and Materials]. Novosibirsk, Tsentr arkhivnykh tekhnologiy. 550 p.

Golodyaev, K.A. (2023). Mukomoly Lukaniny − uspekh i tragediya [The Lukanin Millers: Success and Tragedy]. In *Sibirskiy arkhiv*. No. 3 (17), pp. 22−44. Available at: URL: https://archivesiberia-journal.nso.ru/sites/archivesiberia-journal.nso.ru/wodby_files/files/page_383/03_golodyaev_statya_1.pdf (date of access 25.06.2025).

Goryushkin, L.M. (Ed.). (1993). *Novosibirsk. 100 let. Sobytiya. Lyudi* [Novosibirsk. 100 years. Events. People]. Novosibirsk, Nauka, Sib. izd. firma. 472 p.

Kationov, O.N., Lyagaev, V.V. (2024). Poslednie nadezhdy: adaptatsiya byvshego kupechestva v sovetskom obshchestve v 1920-e gg. [Last Hopes: The Adaptation of the Former Merchant Class in Soviet Society in the 1920s]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Vol. 47, pp. 65−72.

Khisamutdinova, N.V. (2014). Portret na fone epokhi [Portrait Against the Background of the Era]. In *Vlast' knigi: Biblioteka, izdatel'stvo, vuz*. No. 14. Available at: URL: https://www.dvfu.ru/upload/medialibrary/a29/article14-2014.pdf (date of access 28.01.2026).

Kolokoltseva, N.Yu. (2020). Semeynye tsennosti sibirskogo kupechestva [Family Values of the Siberian Merchants]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki i arkheologiya*. No. 3 (113), pp. 63−68.

Komleva, E.V. (2016). Kuptsy Skornyakovy v istorii Eniseyska (XVIII−XIX vv.) [Skornyakov Merchants in the History of Yeniseysk (18th−19th Centuries)]. In *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 3, pp. 80−92.

Komleva, E.V. (2018). Dinastiya eniseyskikh kuptsov Dement'evykh (vtoraya polovina XVIII − nachalo XX v.) [The Dementyev Dynasty of Yenisei Merchants (Second Half of the 18th Century − Early 20th Century)]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 1, pp. 8−20.

Komleva, E.V. (2024). "Kogda-nibud' Rodina vspomnit dobrom…": sud'by sibirskikh kuptsov immigrantov v Severnoy Man'chzhurii (1920−1930-e gody) ["Someday the Motherland will Remember with Kindness": The Fate of Siberian Emigrant Merchants In Northern Manchuria (1920−1930s)]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*. Vol. 14, No. 2, pp. 399−416.

Kushnareva, M.D. (2022). Istoricheskiy portret yakutskogo kuptsa 1-y gil'dii G.V. Nikiforova [Historical Portrait of the 1st Guild Yakut Merchant G.V. Nikiforov]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 474, pp. 187−191.

Petin, D.I. (2021). *Istoriya omskogo roda Batyushkinykh* [The History of the Batyushkin Family in Omsk]. Omsk, Zolotoy tirazh (OOO "Omskblankizdat"). 140 p.

Shchepikhin, S.A., Ganin, A.V. (Ed.). (2020). *Sibirskiy Ledyanoy pokhod. Vospominaniya* [The Siberian Ice March. Memoirs]. Moscow, Svyaz' Epokh, Voevoda. 512 p.

Skubnevsky, V.A. (2015). Byvshee kupechestvo Sibiri posle 1917 g. Repressii, emigratsiya, adaptatsiya [The Former Merchants of Siberia after 1917. Repressions, Emigration, Adaptation]. In *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri: desyatye nauchnye chteniya pamyati prof. A.P. Borodavkina: materialy nauchnoy konferentsii*. Barnaul, pp. 10−13.

Skubnevsky, V.A. (2017). “Byvshie”. Kupechestvo Barnaula posle 1917 g. [The “Former”. Merchants of Barnaul after 1917]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 48, pp. 88−93.

Skubnevsky, V.A., Startsev, A.V., Goncharov, Yu.M. (2001). *Kupechestvo Altaya vtoroy poloviny XIX − nachala XX v.* [Merchant Class of the Altai Region in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. Barnaul, Izdatel’stvo Altayskogo universiteta. 241 p.

Us, L.B. (2004). Ob osobennostyakh nachal’nogo etapa samoupravleniya v Novonikolaevske [On the Peculiarities of the Initial Stage of Self-Government in Novonikolaevsk]. In *Mestnoe samoupravlenie v istorii Sibiri XIX−XX vv.: sbornik materialov regional’noy nauchnoy konferentsii*. Novosibirsk, pp. 122−130.

Vorobtsova, L.N. (2015). *Chastnoe predprinimatel’stvo v Novonikolaevske (1893−1914 gg.)* [Private Entrepreneurship in Novonikolaevsk (1893−1914)]. Novosibirsk, RITs NGU. 436 p.

Vorobtsova, L.N. (2023). *Biograficheskiy slovar’ predprinimateley Novonikolaevska (1893−1914 gg.)* [Biographical Dictionary of Entrepreneurs of Novonikolaevsk (1893−1914)]. Novosibirsk, RITs NGU. 330 p.

Vydrina, O.V. (2000). Eshche do “lampochki Il’icha” [Even Before the “Ilyich Bulb”]. In *Sibirskaya gornitsa*. No. 4, pp. 145−150.

Ю.А. Пустовойт*

СТРУКТУРЫ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ АССАМБЛЯЖЕЙ М. ДЕЛАНДЫ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, СТАБИЛИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-10
УДК 364.122.5

Выходные данные для цитирования:
Пустовойт Ю.А. Структуры местной власти в контексте теории ассамбляжей М. Деланды: возникновение, стабилизация и особенности развития // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 126–137.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-10.pdf

Yu.A. Pustovoyt*

LOCAL GOVERNMENT STRUCTURES IN THE CONTEXT OF M. DELANDA'S THEORY OF ASSEMBLAGE: EMERGENCE, STABILIZATION AND DEVELOPMENT FEATURES

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-10

How to cite:
Pustovoyt Yu.A. Local Government Structures in the Context of M. DeLanda's Theory of Assemblage: Emergence, Stabilization and Development Features // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 126–137.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-10.pdf]

Abstract. The article is based on the ontology of complex societies by M. DeLanda as well as the ideas of D. Gerber and D. Wengrow on the alternative ways of constructing power relations in the history of mankind. It proposes to consider a categorical apparatus that allows detecting connections between the type of city and the type of power relations reproduced in it. To determine the framework of the city and its possible combinations with other human and non-human components, the theory of assemblages developed by M. DeLanda is taken as a basis. According to it, the city acts as a "not a single integrity", a dynamic construction that arises in the course of interaction of various assemblages: people, networks, organizations and infrastructure components (buildings, streets and channels for the movement of matter and energy flows). Drawing on the results of the discussion in American science in the 1960s, the results of modern Russian research and the conclusions of M. Haugaard on the nature of power, it is proposed to operationalize possible types of local power through the concept of "political and administrative regime of the city". Three complexes of markers are highlighted in it: the level of political competition, compliance with administrative standards, and connectivity of infrastructure. The first two parameters allow to imagine combinations of power relations as poles of a continuum from the "control regime" (no competition and no administrative transparency) to the coordination regime. Focusing on the historically established types of urban assemblages identified by M. DeLanda, such as central cities and port cities, the hypothesis on the relationship between the emergence and stabilization of regimes with complexes of geographical urban conditions, strategies of political actors, and the emergence of infrastructure that meets their goals is tested using historical material from ancient urbanized settlements. The collected historical material confirms that in central cities, local power relations will most likely stabilize as a "control" regime, and in cities that are hubs of trade networks it will do so as a "coordination" regime.

Keywords: local power, urban regime, assemblage, city, elites, infrastructure.

* **Юрий Александрович Пустовойт,** кандидат политических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: pustovoit1963@gmail.com
Yury Aleksandrovich Pustovoyt, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia; Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: pustovoit1963@gmail.com

The article has been received by the editor on 07.07.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе онтологии сложных обществ М. Деланды и идей Д. Гербера, Д. Уэнгроу об альтернативности способов построения властных отношений в истории человечества предлагается рассмотреть категориальный аппарат, позволяющий обнаруживать связи между типом города и воспроизводимым в нем типом властных отношений. Для определения рамок города и возможных сочетаний его с иными человеческими и нечеловеческими компонентами взята за основу разработанная М. Деландой теория ассамбляжей, где город выступает как «неединая целостность», динамическая конструкция, возникающая в ходе взаимодействия различных ассамбляжей: людей, сетей, организаций и инфраструктурных компонентов (зданий, улиц и каналов для перемещения потоков материи и энергии). Опираясь на результаты дискуссии в американской науке 1960-х гг., итоги современных российских исследований и выводы М. Хаугаарда о природе власти, автор предлагает операционализировать возможные типы местной власти через понятие «политико-административный режим города», выделив в нем три комплекса маркеров: уровень политической конкуренции, соблюдение административных стандартов и связанность инфраструктуры. Два первых параметра позволяют представить сочетания властных отношений как полюса континуума от «режима контроля» (нет состязательности и нет административной прозрачности) до режима координации. Ориентируясь на выделенные М. Деландой исторически сложившиеся типы городских ассамбляжей: города − центральные места и города-порты, автор на историческом материале древних урбанизированных поселений проверяет гипотезу о взаимосвязях возникновения и стабилизации режимов с комплексами географических городских условий, стратегий политических акторов, появления соответствующей их целям инфраструктуры. Собранный исторический материал подтверждает, что в городах − центральных местах, вероятнее всего, местные властные отношения будут стабилизироваться как режим «контроля», а в городах − узлах торговых сетей − как режим «координации».

Ключевые слова: местная власть, городской режим, ассамбляж, город, элиты, инфраструктура.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025 г.

Источником вдохновения для написания статьи послужили две книги: «Заря всего. Новая история человечества» Дэвида Гребера и Дэвида Уэнгроу[1] и «Новая философия общества» М. Деланды[2]. Конечно, употребление слова «новый» в научном контексте вызывает закономерный скепсис, тем не менее авторам первой книги удалось поставить под сомнение привычный эволюционный нарратив неизбежности становления государственных иерархий и обязательности принуждения в процессах управления. Автору второй − обосновать отказ от поисков истинной сущности общества и предложить многоуровневую онтологию, на основе которой возможно изучение конкретных динамических сборок элементов (ассамбляжей), включающих в себя человеческие и нечеловеческие компоненты. Высказанные идеи позволяют нам в несколько ином ключе объяснять формирование властных отношений, особенно на том уровне, который обозначается как местная власть.

В современной российской политической науке обычно проблемы местной власти отождествляются с проблемами местного самоуправления, и происходящие здесь процессы рассматриваются в контексте институциональных и правовых рамок, где на первое место

[1] *Гребер Д., Уэнгроу Д.* Заря всего. Новая история человечества. М., 2025.
[2] *Деланда М.* Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь, 2018.

выносятся вопросы правового статуса, электорального участия населения, финансовой или политической зависимости. В работах Р. Туровского[3], С. Кордонского[4], Ю. Плюснина[5] действующие на локальном уровне структуры описываются через процесс их интеграции в единую систему центральной и публичной власти, что ведет к потере местной независимости.

Предложенный материал в большей степени сосредоточен на выделении приоритетов локальных политических акторов и формировании ими властных взаимодействий. Эта область проблем наиболее ярко проявилась в дискуссии 1960-х гг. в США между «элитистами» и «плюралистами». «Элитисты» (Ф. Хантер, Дж. Гэвента, М. Кренсон), чьи взгляды в наиболее радикальной форме обобщил Ч. Райт Миллс, утверждали, что в американском обществе власть концентрируется в руках небольшой группы «властвующей элиты»[6]. В ценностном аспекте исследования подрывали основы американской демократии, в методологическом − сама фиксация проблемы «элитистами» и используемые ими методы (особенно репутационный анализ Ф. Хантера) неизбежно приводили к обнаружению единой доминирующей властной группы. Р. Даль, рассмотрев ключевые решения местной власти, обнаружил, что на их принятие и непринятие непосредственное влияние оказывает небольшой круг людей во главе с мэром города, ситуационно вступающий в краткосрочные коалиции с держателями основных ресурсов, не связанных между собой. Власть многомерна и рассредоточена в городе, «плюралистична», а мэр не столько является вершиной властной пирамиды, сколько центром круга, что, в общем-то, вполне соответствует идеалам американской демократии. Тем не менее дискуссия о структуре власти на местах была далека от завершения и в 1970-е гг. появились объединительные подходы. Один из них − «теория режимов», предложенная американским исследователем Кларенсом Стоуном, построена вокруг формирования неформальных и формальных договоренностей между основными акторами для преодоления трудностей коллективного действия и выработки объединяющей «повестки»[7]. Российские исследователи (А. Чирикова, В. Ледяев, В. Гельман и др.), работающие в этом русле, хотя и не обнаруживают полноценных (по Стоуну) режимов в исследуемых городах, но показывают ее релевантность российскому контексту и отмечают ряд специфических особенностей функционирования власти (недобровольность объединений, приоритет эгоистичных интересов, «двойную» идентичность, закрытость, приоритет неформальных практик и т.д.)[8].

Рассмотренный комплекс работ позволяет выделить две переменные: властные отношения (власть) и город. Последний понимается нами близко к тому значению, которое вкладывал в этот концепт американский социолог Луис Вирт, определивший его как производную трех параметров: размер, плотность, гетерогенность[9]. Можно предположить, что различные сочетания этих параметров выступают условиями для формирования разнообразных построений властных отношений, формальных и неформальных институтов.

Американский ученый мексиканского происхождения М. Деланда предложил онтологию, позволяющую прослеживать изменения на различных уровнях: индивидуальном, сетевом, городском и государственном. Развивая концепт сборки Ж. Делёза и Ф. Гваттари, он предлагает принципиально новый взгляд на мир социального, где основным понятием выступает «ассамбляж» − процесс и результат взаимодействия двух или более автономных

[3] *Туровский Р.Ф.* Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 35−51.
[4] *Кордонский С.* Местное самоуправление или Муниципальная власть, прокрустово ложе муниципальных законов [Электронный ресурс] // Симон Кордонский. Simon Kordonsky: personal blog. URL: http://kordonsky.ru/?p=293 (дата обращения: 07.07.2025).
[5] *Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А.* Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М., 2009.
[6] *Миллс Ч.Р.* Властвующая элита. М., 2007.
[7] *Ледяев В.Г.* Социология власти. теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М., 2012. С. 242−275.
[8] *Чирикова А.Е., Ледяев В.Г.* Власть в малом российском городе. М., 2017.
[9] *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни. М., 2016.

самодостаточных компонентов, при котором возникает новая необратимая и упорядоченная неединая целостность, обладающая новым набором качеств и свойств, позволяющая ему устанавливать собственные границы и строить отношения с другими ассамбляжами. «Ассамбляжи, будучи целостностями, чьи свойства возникают из взаимодействия частей, можно использовать в целях образования этих промежуточных сущностей: межличностные сети и институциональные организации являются ассамбляжами людей; движения социальной справедливости − это ассамбляжи сети из нескольких сообществ; центральные правительства − это ассамбляжи нескольких организаций; города − это ассамбляжи людей, сетей, организаций, равно как и ряда инфраструктурных компонентов: от зданий и улиц до трубопроводов для потоков материи и энергии; государства − это ассамбляжи городов, географических регионов, образованных городами, и провинций, сформированных несколькими подобными регионами»[10].

А.В. Веселков. Сон и явь. Городские аллюзии. 2025 г.

Развитие ассамбляжа города М. Деланда рассматривает как изменение значений материальной и экспрессивной составляющей. Материальную роль в зданиях выполняют те компоненты, которые позволяют им быть *успешными несущими конструкциями*, а экспрессивность достигается демонстрацией роскоши или сакрального статуса. Введение новых технологий (изменение материальной составляющей) имеет определенные экспрессивные последствия. Например, появление лифта изменяет статус этажности: если ранее низкие этажи считались признаками высокого статуса, то после появления лифтовых кабин порядок изменился на противоположный. Традиционно центр города является привилегированным местом и играет большую роль в определении идентичности города. Но, например, изменение границ рабочих районов происходит с появлением электротранспорта и позволяет труженикам уже не проживать в непосредственной близости от фабрик. Город развивает транспортную систему, он начинает терять свою моноцентричность, его историческая идентичность также может претерпевать изменения, он может расти или уменьшаться, эмерджентный паттерн урбанистических центров выступает в качестве «окаменевшей в пространственной структуре системы» памяти об этой разрушающей симметрию последовательности. Есть две модели этих эмерджентных паттернов.

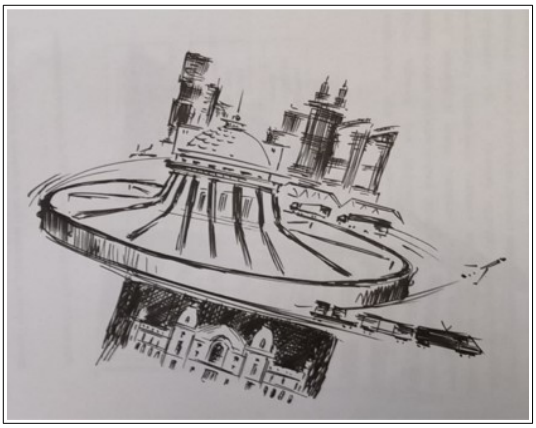
Иерархия центральных мест. Каждый уровень городов предоставляет услуги для нижестоящего уровня и добавляет к ним другие. И эти добавленные услуги создают ресурсозависимость одних уровней от других.

Сети морских портов. Город прежде всего транзитный пункт, узел (node), специализирующийся на подмножестве неразделяемых с другими видами экономической деятельности, где доминирующие узлы обычно монополизируют наиболее прибыльные виды деятельности.

Иерархии центральных мест и морских портов как ассамбляжи содержат различные компоненты, играющие материальные и экспрессивные роли, демонстрирующие господство. Признаки богатства и статуса − убранство церквей и пышность церемоний, всему этому придается основное значение в иерархических местах. Столица впитывает и перерабатывает одаренную молодежь из провинции и отправляет ее обратно уже как носителей центральной культуры. В морских портах престиж задается уровнем цен, высокой стоимостью жизни и высокой инфляцией при изобилии товаров. Город представляет собой внешний портал и дает возможность своим жителям находиться в постоянном контакте с чужаками с сохра-

[10] *Деланда М.* Новая философия… С. 13.

нением определенной гетерогенности без попыток интеграции и постоянного синтеза[11].



А.В. Веселков. Сон и явь. Городские аллюзии. 2025 г.

В этой работе будет рассмотрен только тот уровень города, который касается непосредственно властных отношений и операционализирован нами через концепт «политико-административный режим», представляющий собой индивидуальную эмерджентную целостность, в которой основную роль выполняют властные отношения. Обычно последние рассматриваются в рамках одной из двух основных традиций: в первой они представлены как игра с нулевой суммой и в фокусе внимания неравенство ее объемов у разных групп («власть над»), во второй − как коллективный ресурс, без которого невозможно совместное действие и увеличение «общего блага» («власть для»). Ирландский профессор Марк Хаугаард предположил, что эмпирический процесс властвования (принуждение, блокирование, манипуляция, социализация) имеет оба измерения: и доминирования, и расширения возможностей. «Власть над» первична, но именно она обладает потенциалом для создания позитивной, а не нулевой суммы[12]. В рамках его подхода выделим основные паттерны власти, которые в нашей работе будут обозначены как паттерн контроля (power of control, доминирования, игры с нулевой суммой, «власти над») и паттерн координации (concerted power, совместная власть, эмансипация, власть вместе, игры с ненулевой суммой, «власти для»). По мнению М. Хаугаарда, любые властные отношения содержат в себе оба потенциала: и доминирования, и эмансипации, но если А (эпизодически принуждающий В к подчинению) и В (подчиняющийся, но не согласный с целями А) вступают в долговременные структурные отношения, то при регулярном воспроизводстве структур у В появляется гипотетический шанс добиться реванша в будущем. Этот шанс, «свобода к перестройке отношений»[13], на наш взгляд, становится возможным при соблюдении как минимум трех условий: рассмотрения и публичного обсуждения возможных альтернатив решения проблем, прозрачных институциализированных процедур при принятии решений и разделяемых в сообществе правил по сохранению действующей инфраструктуры, обеспечивающей повседневное выживание сообщества.

Предлагаем ввести понятие «политико-административный режим города» как регулярное взаимодействие в городских границах людей, сетей, организаций, институтов, материальной инфраструктуры, где индивидам, находящимся на легитимных властных позициях, предоставляется возможность осуществлять целевое воздействие на другие компоненты и влиять на правила доступа к позициям доминирования. Экспрессивная (политическая) роль режима определяется его легитимностью, т.е. степенью конкуренции альтернативных кандидатов и их проектов. Маркер − соблюдение равенства возможностей в доступе участников к открытой и публичной конкуренции за голоса электората. Материальное (административное) измерение режима связано с чистотой формальных процедур. Маркер − отсутствие искажений (аберраций) итогов голосования на выборах. Полюсами континуума выступают две «идеальные модели»: персонифицированной (харизматической) аберрации (паттерн контроля, отсутствуют оба маркера) и коалиционной прозрачности (паттерн координации, оба маркера присутствуют).

Третьей составляющей городского режима выступает инфраструктурное измерение, под которым понимаются комплексы сооружений и технологий, поддерживающих повседневную жизнь и экономическую активность в сообществе. Маркер − «степень связан-

[11] *Деланда М.* Новая философия… С. 131−133.
[12] *Хаугаард М.* Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей // Политическая наука. 2019. № 3. С. 30−61.
[13] *Гребер Д., Уэнгроу Д.* Заря всего… С. 419−420.

ности» − включает состояние и удобство городских коммуникаций (на материальном полюсе), способы и содержание исторической саморепрезентации сообществ (на экспрессивном).

В этом случае логично предположить, что в ассамбляжах городов-портов, выделенных М. Деландой, ориентированных на коммуникацию с другими городами, будут созданы условия, благоприятные для формирования режима координации, а в городах − центральных местах, больше связанных с прилегающей территорией, − режима контроля. Для проверки этого предположения рассмотрим политические процессы, происходящие в городах, на макроисторическом уровне.

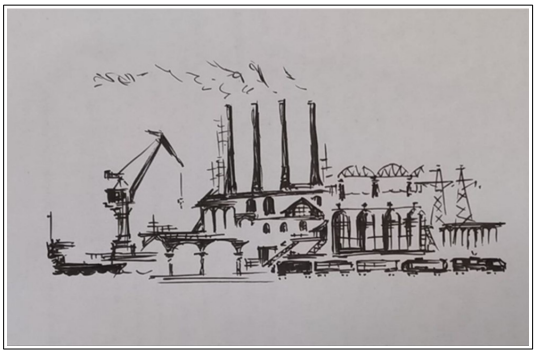
А.В. Веселков. Сон и явь. Городские аллюзии. 2025 г.

Идея о том, что города появляются тогда, когда достигнут определенный уровень материального благосостояния, вызывала мало сомнений. Агрокультурная революция − оседлый образ жизни − возникновение излишков − рост населения − специализация − классовое разделение − необходимость защиты собственности (родовой, племенной личной) − возникновение городов. С небольшими изменениями примерно такая линия развития была определяющей и, главное, подтверждалась археологическими находками. Альтернативную точку зрения, где сначала религия, затем храм и только после этого оседлость, переход к земледелию и строительство деревни, превращаемой в город, предлагал уже Льюис Мамфред, но до 1995 г. она не получала археологических подтверждений. В этот год в Турции археологи начали раскапывать участок Гебекли-Тепе и обнаружили около десятка культовых стел (до 5 м и 7 т веса возрастом примерно 11 тыс. лет) с причудливой резьбой. Строители этого сооружения вели несельскохозяйственный образ жизни, сооружения имели религиозную ценность и служили закреплению трансцедентального опыта.

Знак, ритуал, закрепление места за высшей силой и жертвоприношение сначала в виде материальных даров, позже в форме молитвы можно рассматривать как универсальные элементы любых сакральных объектов[14]. Появление первых городов тем не менее связано с освоением прилегающей территории. Большинство известных поселений появилось в долинах рек (древнейшие расположены на территории Египта, Ближнего Востока, Индии и Китая) около 3,5 тыс. лет до н.э. Как утверждают Д. Гребер и Д. Уэнгроу, социальная структура, по крайней мере нескольких первых городов, вероятно, была эгалитарной (плоские строения и отсутствие выраженной имущественной дифференциации)[15]. В Месопотамии в городах проживало от 8 до 15 тыс. человек, города со временем накапливали богатства, разбивались на зоны застройки в зависимости от политического статуса и окружались стенами от менее удачливых и воспитанных современников. Уже в первом дошедшем до нас урбанистическом эпосе «Сказание о Гильгамеше» история начинается с прославления города Урук как места защиты от враждебной природы и далее разворачивается вокруг возникающих одновременно новых страхов, стрессов, зависимостей и утрат[16]. «Государства и первые цивилизации считались центром притяжения, привлекавшим людей своей роскошью, культурой и возможностями. В действительности <…> были вынуждены захватывать большую часть населения и удерживать его с помощью рабства <…> страдали от эпидемий»[17]. Власть и статус горожанина подчеркивались близостью к дому правителя, храму и архитектурными украшениями жилища. Теснота порождала конфликты и требовала универсальных способов их разрешения, что привело к созданию законов.

[14] *Кавтарадзе С.* Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле. М., 2017. С. 162−163.
[15] *Гребер Д., Уэнгроу Д.* Заря всего… С. 235−277.
[16] *Уилсон Б.* Metropolis: город как величайшее достижение человечества. М., 2021. С. 27.
[17] *Скотт Дж.* Против зерна: глубинная история древнейших государств. М., 2020. С. 12.

Города Древнего Шумера возникали как гражданское государство, разделенное на общины, но состоящее из полноправных свободных граждан, объединяемых общим богом-покровителем, живущим в центральном храме. Шумерский царь выполнял функции верховного жреца и военачальника, что требовало ношения накладных бород и парика, так как на одних храмовых церемониях он должен был быть абсолютно выбрит (символизация чистоты помыслов), на других − представлять свирепость и мужество воина[18].



А.В. Веселков. Сон и явь. Городские аллюзии. 2025 г.

Божественное в этих поселениях первично по отношению к власти, и храм как основа порядка символизирует солидарность городского сообщества. Религиозное миропонимание обеспечивало высокую сплоченность различных социальных групп и предоставляло, например, древним египтянам возможность участия вместе с правителем в «божественном сотворчестве», а фараон, вступая на престол, обручался с той землей, которой правил, так как земля передавалась по женской линии и принадлежала формально принцессе.

Инфраструктура расположения зданий и сооружений поддерживала легитимность властных групп. Бродель одним из первых исследователей обратил внимание на пространственную ориентацию и статусную дифференциацию городов мусульманского мира[19]. Большая мечеть в центре, далее ряды торговцев благовониями, книгами, драгоценностями, ближе к периферии кузнецы, живодеры и торговцы зеленью. Обычным было наличие отдельных еврейского и христианского кварталов.

Большое значение придавалось политическому смыслу городской застройки в Китае. Император − сын Бога должен уметь устанавливать незримую связь между миром природы и человека. Месторасположение столичного города (между сельскохозяйственным югом и кочевым севером), его план и территория отражали небесную космогонию и подчеркивали, что император является центром земного мироустройства. «Исчерпывающая шестисложная формула шести целительных звуков обобщила космические требования имперских архитекторов: “Божественное влияние должно быть благотворным, географические особенности благоприятными, а действия человека должны находиться в гармонии с социальной, культурной и политической ситуацией”»[20]. Города в Китае похожи друг на друга: широкие стены со временем превращаются из средства защиты в средство внутреннего контроля, прямые улицы делят пространство на ровные кварталы и закрываются на ворота, что в случае каких-либо преступных инцидентов облегчает поимку и скрывает расправу над злоумышленником[21].

Однородность и иерархическая согласованность формируют политико-административные режимы на основе паттерна контроля с множеством социально-дифференцированных стандартов и традиционной легитимностью, обычно выражаемой в форме монархии. Две доминирующие группы − жрецы и служащие монарху чиновники (реже военные) − устанавливают иерархический порядок в соответствии с мировой космогонией и священными текстами. Освоение территории, сохранение запасов и проблемы выживания требуют организации коллективных усилий, что со временем приводит к процессу разделения труда, последующей социальной дифференциации групп и росту конфликтов по поводу размеров налогов и объемов получаемой ренты, что увеличивает мозаичность и рост конкуренции. В благополучные годы (при достаточном количестве ресурсов) проблемы создания общей солидарности решаются совместными ритуалами, в неблагополучные − локальными вспыш-

[18] *Грин И.Ю.* Легко ли быть горожанином: как Античность и Средневековье заложили уклад повседневной жизни. М., 2023. С. 23.

[19] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV−XVIII вв.: в 3 т. М., 1986. Т. 1: Структуры повседневности. С. 471.

[20] *Ловелл Дж.* Необычайно восхитительно: архитектура и власть в Китае. М., 2017. С. 5−7.

[21] *Бродель Ф.* Материальная цивилизация… Т. 1. С. 460.

ками насилия. Накопленные богатства служат стимулом для нападения кочевников. После разрушения города, как правило, восстанавливали прежнюю материальную и социально-политическую инфраструктуру в тех же политических параметрах, но с новой династией.

Античные города на разных этапах своего существования демонстрируют большее разнообразие как компонентов, так и способов их согласования, строят властные отношения в рамках и паттернах контроля и координации. Греческий город, связанный с морем, формирует разные конфигурации власти, представляя собой союзы жрецов и воинов, где военизированная Спарта соседствует с торговыми Афинами[22]. Эгалитаризм связей поддерживался разными способами. В Афинах популярность грозила изгнанием, в Спарте власть принадлежала двум царям и избираемым на год эфорам («надзирателям»), приносящим клятву городу, а божественные законы вообще не предусматривались как элемент управления[23].

Полис − самодостаточная агломерация (автаркия) обеспечивает себя всем необходимым, основную роль играют граждане, владеющие землей. Те, кто землей не владеет (рабы, метеки, торговцы и прочие «понаехавшие»), «правом на город» не обладают. Кроме этого, полис решает политические задачи, осуществляя внешнюю политику, образуя колонии и ведя активную морскую торговлю. Полис управляется сочетанием права быть избранным и обязанностью его защищать при соблюдении принципа равенства. Основным механизмом избирательного права выступало народное собрание (экклесия) − собрание всех граждан, выбиравших на основе жребия (по сути, случайного отбора) в постоянно действующие органы. Граждане, кроме того, были воинами и всегда могли составить вооруженную конкуренцию действующим органам власти. Но правила демократии распространялись только на них самих, а не на завоеванное население, легко переходившее в разряд рабов. Изгнание из полиса приравнивалось к смертному приговору. Таким образом, реализация власти в греческом городе − это скорее исключение «чужих» и «опасных».

Право на насилие в полисе не было окончательно монополизировано ни одной из групп. Политика как процесс защиты интересов осмысляется именно в греческих полисах в рамках философской рефлексии, в эмоциональных и нравственных категориях. Например, Фукидид выдвигает эмоции в качестве универсального объяснения исторических событий (спартанцы «решили нарушить мир и начать войну из страха перед могуществом афинян»)[24]. Вообще сильное проявление эмоций в ходе праздников − неотъемлемая черта совместных ритуалов эллинов.

Такая полисная модель может быть эффективной только в небольших объединениях, где все знают друг друга. Она оказалась уязвима для внешнего нападения, и полисы были разрушены сначала македонцами, затем Римом. Политическая изоляция части граждан, их неучастие в принятии значимых решений делают их нелояльными, создают источник постоянного конфликта и восстаний. Этот опыт был учтен, и уже космополитичная Александрия и Рим смогли создать стабильные нормативные модели (единое законодательство) и материальную «инфраструктуру солидарности» − места физической интеграции тел «чужаков» и пролетариев в городское сообщество (общественные бани и бассейны)[25].

В древнегреческих демократиях мемориализация образа власти имеет скорее горизонтальный характер. Греческие политические постройки умиротворяют и служат выражением гармонии и равновесия. Полисная демократия хотя и изобиловала интригами и борьбой, тем не менее снимала противоречия законами и голосованием. Римский форум также представлял собой удобное публичное пространство, место для общения и комфортного пребывания. Законы Двенадцати таблиц устанавливали правила жизни в римском мире и детально разбирали все нюансы взаимодействия: соблюдение моральных норм, споры,

[22] *Ревзин Г.И.* Как устроен город: 36 эссе по философии урбанистики. М., 2019. С. 204.
[23] *Грин И.Ю.* Легко ли быть горожанином: как Античность и Средневековье заложили уклад повседневной жизни. М., 2023. С. 120.
[24] *Плампер Я.* История эмоций. М., 2018. С. 70.
[25] *Уилсон Б.* Metropolis… С. 87.

конфликты, словом, все то, что может вызвать сложность в повседневной жизни. Отдельные правила регулировали и ограничивали права собственников на принадлежащее им имущество, землю и воду (сервитуты). Городское устройство, структура власти, правила жизни горожан и система рабовладения стали той основой, на которой выросла идея империи[26].

В рамках моделей власти с определенной степенью огрубления можно считать, что от паттерна координации в период античности произошел переход к паттерну контроля с сохранением нормативных ограничений, что позволяет этот режим определить как персонифицированную прозрачность. Римское право регулировало и права императора, и привилегии римлян и способствовало открытости, коммуникациям и мобильности. Демократическая система принятия решений и религиозные ритуалы позволяли выравнивать социальные позиции и усиливали городскую сплоченность, но также способствовали росту индивидуальных притязаний (побочный эффект десакрализации власти), конкуренции, росту конфликтов. Неразрешенные внутренние противоречия, накопление богатств и появление сплоченных и организованных номадов на границах закончились разрушением материальной инфраструктуры, к которой европейские города приблизились только в XIX в.

В контексте идей Д. Гребера и Д. Уэнгроу три элементарные формы господства (контроль над насилием, контроль над знанием и харизматическая власть) кристаллизировались в одну из институциональных форм (суверенитет, административный аппарат и героическая (состязательная) политика) и далее проявлялись в различных сочетаниях[27]. Города, где возникал режим, близкий к режиму координации, города-порты экспериментировали с различными типами сочетаний господства, так как в них было намного больше возможностей перемещений и непосредственных контактов с представителями других культур, что требовало гибкого ролевого диапазона, навыков коммуникации и умения делать выбор из множества альтернатив. Последнее и стимулировало создание институтов, сочетающих состязание, общие нормы и способность горожан отстаивать свои интересы.

Таким образом, наша гипотеза, проверенная на обобщенном историческом материале, находит свое подтверждение. В городах − центральных местах властные отношения складываются преимущественно в рамках режима контроля, в них за горожанином закрепляется устойчивый и неизменяемый статус и отношения между индивидами и группами строятся преимущественно в рамках иерархичной согласованности. История возникновения и развития городов показывает, что и режимы контроля с централизованным управлением подданными, и режимы координации с их состязательной политикой с активным вовлечением горожан в целом способны обеспечивать горожанам вполне благоприятные и комфортные условия жизни и функционирования инфраструктуры. Однако в режиме контроля сочетание безличной бюрократии, уравнивающей подданных, и сакральной персоны, чьи решения не оспариваются, создает механизм неограниченного господства, приоритета лояльности над профессионализмом, что ведет к увеличению числа ошибок в управлении. Без состязательной политики возможные альтернативы развития не попадают в публичную актуальную повестку, социальный и культурный капитал не растет в условиях ограничения контактов и информации.

На этом этапе исследования мы не претендуем на полноту и бесспорность наших выводов, и их следует рассматривать как приглашение к последующей дискуссии, где различные типы городских ассамбляжей становятся основой политического управления и городских режимов. Возникающие города в Сибири − народные, демократичные − называются не аристократичными именами, как их ровесники к западу (Борисов, Царицын, Екатеринбург), а по рекам (Томск, Тобольск), красоте и «дивности сего места» (Красноярск) или этносу древних народов (Якутск)[28]. Ассамбляж власти в сибирских городах в момент своего образования, вероятно, строится по паттерну координации. История этих поселений с конца XIX в. отражает развитие российского общества в оптике модернизационных процессов,

[26] *Грин И.Ю* Легко ли быть горожанином… С. 275.
[27] *Гребер Д., Уэнгроу Д.* Заря всего… С. 347−351.
[28] *Резун Д.Я., Василевский Р.С.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 278.

их количество возрастает, успешно развиваются многофункциональные центры, где наряду с торговлей появляется промышленность. Крупные города (Омск, Томск, Барнаул) по внешнему облику стали приближаться к городам европейской части страны. В иерархии торговых городов в 1898 г. первенство удерживают Томск (оборот 27 млн руб.) и Барнаул (6,5 млн руб.), что вполне сопоставимо с Уральским и Северо-Кавказским регионами (Екатеринбург − 28 млн руб., Екатеринодар − 17 млн руб.)[29]. «В сибирских городах, унаследовав традиционное фрондерство местного купечества под влиянием декабристов, петрашевцев, ссыльных поляков, начинает формироваться не внушающая доверия местным властям сибирская интеллигенция»[30]. Слово «рассейский» считается обидным, нелюбовь к приезжим, особенно к чиновникам, отмечают многие путешественники, что вызывает беспокойство кабинета министров, указывающих на необходимость укрепления в этих краях православия, русской народности и гражданственности. «Сибирский вопрос», возникший одновременно с «украинским вопросом», в политической основе опирался на крестьянскую поземельную общину, местную автономию и самоуправление. Позже, в условиях советской сверхцентрализации, принудительного труда заключенных и комсомольского энтузиазма, эти по сути социалистические идеи и практики взаимодействия по паттерну координации исчезли.

Сегодня влияние территориального пространства на города в современной России находится в фокусе междисциплинарных исследований, и предложенный корпус расширенных гипотез нашел свое подтверждение и на кратком временном отрезке контрастных политических историй сибирских городов с 1991 по 2021 г.[31]

Литература

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV−XVIII вв.: в 3 т. М.: Весь мир, 2007. Т. 1: Структуры повседневности. 592 с.

Вирт Л. Урбанизм как образ жизни. М.: Strelka Press, 2016. 108 с.

Гребер Д., Уэнгроу Д. Заря всего. Новая история человечества. М.: Ad Marginem, 2025. 560 с.

Грин И.Ю. Легко ли быть горожанином: как Античность и Средневековье заложили уклад повседневной жизни. М.: Бомбора, 2023. 496 с.

Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Зиновьев В.П. Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.

Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018. 164 с.

Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 35−51.

Кавтарадзе С. Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 472 с.

Комин М. От полиса к мегаполису. Как происходит и как меняется коммуникация города и его горожан [Электронный ресурс]. URL: http://region.gaidarfund.ru/articles/3069/tab1 (дата обращения: 07.07.2025).

Кордонский С. Местное самоуправление или Муниципальная власть, прокрустово ложе муниципальных законов [Электронный ресурс] // Симон Кордонский. Simon Kordonsky: personal blog. URL: http://kordonsky.ru/?p=29 (дата обращения: 07.07.2025).

Ледяев В.Г. Социология власти: теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 472 с.

Ловелл Д. Необычайно восхитительно: архитектура и власть в Китае. М.: Strelka Press, 2016. 50 с.

[29] *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX − начале XX в: Население. Экономика. Застройка и благоустройство: монография. Барнаул, 2014. С. 111.

[30] *Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Зиновьев В.П.* Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 25.

[31] *Пустовойт Ю.А.* Условия и этапы становления политико-административных ассамбляжей в городах Сибири // Власть и элиты. 2024. Т. 11, № 2. С. 74–103.

Миллс Ч.Р. Властвующая элита. М.: Директ-Медиа, 2007. 884 с.

Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 561 с.

Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009. 146 с.

Пустовойт Ю.А. Условия и этапы становления политико-административных ассамбляжей в городах Сибири // Власть и элиты. 2024. Т. 11, № 2. С. 74–103.

Ревзин Г.И. Как устроен город: 36 эссе по философии урбанистики. М.: Strelka Press, 2019. 267 с.

Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1989. 303 с.

Скотт Дж. Против зерна: глубинная история древнейших государств. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 328 с.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX − начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство: монография. Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2014. 360 с.

Уилсон Б. Metropolis: город как величайшее достижение. М.: Бомбора, 2021. 538 с.

Хаугаард М. Переосмысление четырех измерений власти: доминирование и расширение возможностей // Политическая наука. 2019. № 3. С. 30−61.

Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.

References

Braudel, F. (2007). *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm: XV−XVIII vv.: v 3 t. T. 1: Struktury povsednevnosti* [Material Civilization, Economy, and Capitalism: 15th − 18th Centuries. In 3 vols. Vol. 1. Everyday Life Structures]. Moscow, Ves' mir. 592 p.

Chirikova, A.E., Ledyaev, V.G. (2017). *Vlast' v malom rossiyskom gorode* [Power in a Small Russian Town]. Moscow, Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki. 414 p.

Dameshek, I.L., Dameshek, L.M., Zinoviev, V.P. (2007). *Sibir' v sostave Rossiyskoi imperii* [Siberia as Part of the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 368 p.

DeLanda, M. (2018). *Novaya filosofiya obshchestva: teoriya assamblyazhey i sotsial'naya slozhnost'* [The New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity]. Perm', Gile Press. 164 p.

Greber, D., Wengrow, D. (2025). *Zarya vsego. Novaya istoriya chelovechestva* [The Dawn of Everything. A New History of Humanity]. Moscow, Ad. Margenim. 560 p.

Grin, I.Yu. (2023). *Legko li byt' gorozhaninom: kak Antichnost' i Srednevekov'e zalozhili uklad povsednevnoy zhizni* [Is It Easy to Be a City Dweller? How Antiquity and the Middle Ages Laid the Foundations of Everyday Life]. Moscow, Eksmo, Bombora. 496 p.

Haugaard, M. (2019). Pereosmyslenie chetyrekh izmereniy vlasti: dominirovanie i rasshirenie vozmozhnostey [Rethinking the Four Dimensions of Power: Dominance and Empowerment]. In *Politicheskaya nauka*. No. 3, pp. 30−61.

Kavtaradze, S. (2017). *Anatomiya arkhitektury. Sem' knig o logike, forme i smysle* [Anatomy of Architecture. Seven Books on Logic, Form and Meaning]. Moscow, Izd. dom "Vysshaya shkola ekonomiki". 472 p.

Komin, M. *Ot polisa k megapolisu. Kak proiskhodit i kak menyaetsya kommunikatsiya goroda i ego gorozhan* [From the Polis to the Metropolis. How Communication Between a City and Its Citizens Happens and How It Changes]. Available at: URL: http://region.gaidarfund.ru/articles/3069/tab1 (date of access 07.07.2025).

Kordonskiy, S. (2011). Mestnoe samoupravlenie ili Munitsipal'naya vlast', prokrustovo lozhe munitsipal'nykh zakonov [Local Self-government or Municipal Power, the Procrustean Bed of Municipal Laws]. In *Simon Kordonsky: personal blog.* Available at: URL: http://kordonsky.ru/?p=293 (date of access 07.07.2025).

Ledyaev, V.G. (2012). *Sotsiologiya vlasti: teoriya i opyt empiricheskogo issledovaniya vlasti v gorodskikh soobshchestvakh* [Sociology of Power: Theory and Experience of Empirical Research of Power in Urban Communities]. Moscow, ID NIU VShE. 472 p.

Lovell, J. (2016). *Neobychayno voskhititel'no: arkhitektura i vlast' v Kitae* [Unusually Delightful: Architecture and Power in China]. Moscow, Strelka Press. 50 p.

Mills, Ch.R. (2007). *Vlastvuyushchaya elita* [The Ruling Elite]. Moscow, Direkt-Media. 884 p.

Plamper, J. (2018). *Istoriya emotsiy* [History of Emotions]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 561 p.

Plyusnin, Yu.M., Kordonsky, S.G., Skalon, V.A. (2009). *Munitsipal'naya Rossiya: obraz zhizni i obraz mysley. Opyt fenomenologicheskogo issledovaniya* [Municipal Russia: Way of Life and Way of Thinking. Experience of Phenomenological Research]. Moscow, TSPI MSU. 146 p.

Pustovoit, Yu.A. (2024). Usloviya i etapy stanovleniya politiko-administrativnykh assamblyazhey v gorodakh Sibiri [Conditions and Stages of Formation of Political and Administrative Assemblies in the Cities of Siberia]. In *Vlast' i elity*. Vol. 11, No. 2, pp. 74–103.

Revzin, G. I. (2019). *Kak ustroen gorod: 36 esse po filosofii urbanistiki* [How the City is Arranged: 36 Essays on the Philosophy of Urban Studies]. Moscow, Strelka Press. 267 p.

Rezun, D.Ya., Vasilevsky, R.S. (1989). *Letopis' sibirskikh gorodov* [Chronicle of Siberian Cities]. Novosibirsk, Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 303 p.

Scott, J. (2020). *Protiv zerna: glubinnaya istoriya drevneyshikh gosudarstv* [Against the Grain: The Deep History of the Most Ancient States]. Moscow, Izdatel'skiy dom "Delo" RANEPA. 328 p.

Skubinevsky, V.A., Goncharov, Yu.M. (2014). *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX − nachale XX v: Naselenie. Ekonomika. Zastroyka i blagoustroystvo: monografiya* [Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th − Early 20th Centuries: Population. Economy. Development and Improvement]. Barnaul, IP Kolmogorov I.A. 360 p.

Turovsky, R.F. (2015). Rossiyskoe mestnoe samoupravlenie: agent gosudarstvennoy vlasti v lovushke nedofinansirovaniya i grazhdanskoy passivnosti [Russian Local Self-government: An Agent of State Power Trapped in Underfunding and Civil Passivity]. In *Polis. Politicheskie issledovaniya*. No. 2, pp. 35−51.

Wilson, B. (2021). *Metropolis: gorod kak velichayshee dostizhenie* [Metropolis: The City as the Greatest Achievement]. Moscow, Bombora. 538 p.

Wirth L. (2016). *Urbanizm kak obraz zhizni* [Urbanism as a Way of Life]. Moscow, Strelka Press. 108 p.

И.Д. Долгушин*

ИНЖЕНЕР-ПОЛКОВНИК X ОКРУГА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ Ф.Ф. РИДДЕР И ДЕЛО О РЕКОНСТРУКЦИИ ПОДЧУВАШСКОЙ ПРИСТАНИ В ТОБОЛЬСКЕ (1810-Е ГОДЫ)

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-11
УДК 94(571.1)"181":627.53

Выходные данные для цитирования:
Долгушин И.Д. Инженер-полковник X округа путей сообщения Ф.Ф. Риддер и дело о реконструкции Подчувашской пристани в Тобольске (1810-е годы) // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 138–150.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-11.pdf

I.D. Dolgushin*

ENGINEER-COLONEL OF THE 10TH DISTRICT OF RAILWAYS F.F. RIDDER AND THE CASE OF THE RECONSTRUCTION OF THE PODCHUVASHSKAYA PIER IN TOBOLSK (1810S)

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-11

How to cite:
Dolgushin I.D. Engineer-Colonel of the 10th District of Railways F.F. Ridder and the Case of the Reconstruction of the Podchuvashskaya Pier in Tobolsk (1810s) // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 138–150.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-11.pdf]

Abstract. The article presents the results of a study on the case materials concerning the repair of the Podchuvashskaya pier in the city of Tobolsk, stored in the Russian State Historical Archive in St. Petersburg. The case is of interest as a striking example of the interaction between three main actors in the development of shipping in Siberia in the first half of the 19th century: the central imperial governing bodies, represented in this situation by the Main Directorate of Communications, the local provincial administration, and private merchant capital. During the course of the several-year-long, multi-stakeholder review of the pier repairs, acute contradictions between them emerged. This seemingly insignificant episode led to a large-scale investigation involving numerous individuals, including those not directly associated with shipping management. The conflict between the head of the 10th District of Communications, F.F. Ridder, and the Siberian Governor-General, I.B. Pestel', manifested, among other things, in their disputes over the reconstruction of the Podchuvashia pier, and became a significant phenomenon in Siberian life in the 1810s. As it developed, it affected many aspects of the region's economy and infrastructure and drew various figures into its orbit. Numerous documents reveal a complex and contradictory picture of the contacts between various agencies and figures. Studying the case of the Podchuvashia pier repairs allows to explore the broader issues of the development of shipping along the inland waterways of the Asian part of the Russian Empire in the early 19th century in the context of the relationship between central and local authorities.

Keywords: 10th District of Communications, F.F. Ridder, I.B. Pestel, inland waterways, shipping.

The article has been received by the editor on 04.04.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Иван Дмитриевич Долгушин,** аспирант, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия; Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: i.dolgush@mail.ru

Ivan Dmitrievich Dolgushin, Postgraduate Student, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia; Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: i.dolgush@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования материалов дела о ремонте Подчувашской пристани в городе Тобольске, хранящегося в Российском государственном историческом архиве. Дело представляет интерес как яркий пример взаимодействия трех основных акторов развития судоходства в Сибири в первой половине XIX в.: центральных имперских органов управления, представленных в рассматриваемой ситуации Главным управлением путей сообщения, местной губернской администрации и частного купеческого капитала. В ходе затянувшегося на несколько лет конфликта, вовлекшего многих участников рассмотрения вопроса о ремонте пристани, проявились острые противоречия, существовавшие между ними. Этот эпизод, внешне незначительный, повлек масштабное разбирательство, затронувшее множество лиц, включая не связанных напрямую с управлением судоходством. Конфликт между заведующим X округом путей сообщения Ф.Ф. Риддером и сибирским генерал-губернатором И.Б. Пестелем, выразившийся, в том числе, в их спорах о реконструкции Подчувашской пристани, стал заметным явлением в жизни Сибири 1810-х гг., по мере своего развития затрагивая многие сферы хозяйства и инфраструктуры региона и втягивая в свою орбиту различных деятелей. Многочисленные документы показывают сложную и противоречивую картину контактов различных ведомств и деятелей. Изучение дела о ремонте Подчувашской пристани позволяет выйти на более широкую проблематику специфики развития судоходства по внутренним водным путям азиатской части Российской империи начала XIX в. в контексте взаимоотношений центральной и местной власти.

Ключевые слова: комбатанты, Первая мировая война, Омский военный округ, тыл, адаптация к мирному времени, реабилитация.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025 г.

20 ноября 1809 г. стало ключевой вехой в истории транспортной системы Российской империи. В этот день через объединение Экспедиции водяных сообщений и Экспедиции устроения дорог в государстве было создано Главное управление путей сообщения[1]. До 1865 г., когда оно было преобразовано в министерство, в его ведении находились строительство, благоустройство и эксплуатация внутренних водных путей, гидротехнических сооружений, торговых портов, гужевых, а с 1842 г. и железных дорог[2]. Для удобства управления упомянутыми коммуникациями территория империи была разделена на десять округов. Крупнейший из них, Десятый, занял всю азиатскую часть страны, а также Урал и прилегающие к нему районы европейской части (в Пермской и Оренбургской губерниях)[3]. Появление в Азиатской России государственных органов надзора за транспортом имело большое значение для ее экономического и социального развития.

До 1809 г. внимание властей к проблемам сибирских водных путей характеризовалось эпизодичностью и бессистемностью. Можно вспомнить, к примеру, амбициозные проекты Ф.И. Соймонова по обустройству речного и озерного судоходства. При всех своих сильных сторонах они порой были оторваны от жизни и слабо соотносились с реальными интересами перевозчиков. Так, попытка проложить новый путь между бассейнами Енисея и Оби вызвала недовольство сибирского купечества и в итоге провалилась (документы разбирательства по этому делу включены в состав Полного собрания законов Российской империи[4]).

[1] *Петров Ю.И.* Результаты преобразований в системе управления путями сообщений в правление Александра I // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4 (40). С. 329–335.
[2] *Корнева Н.М.* Главное управление путей сообщения // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 7. С. 202.
[3] *Ижендеев А.Ю.* Томский округ путей сообщения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-3. С. 55–56.
[4] ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. XVIII. С. 706. № 13152. О предоставлении купцам, отправляющимся водою с товарами от Тобольска к Енисейску, избирать путь по рекам Чулыме или Кете, как кто пожелает, и об отправлении казенных судов, по рассмотрению Сибирского Губернатора.

Показателен и пример ранних проектов Обь-Енисейского канала, представлявших собой лишь предложения различных лиц, не приводившие не только к началу собственно строительства, но даже не инициировавшие исследования территорий предполагаемых трасс канала (см., например, работы В.Л. Михайловского[5] и И.А. Агеева[6]) (впрочем, стоит отметить, что сама идея строительства канала, возможно в отдаленной перспективе, вызывала некоторый интерес со стороны властей, о чем свидетельствуют факты изъятия у купцов самодельных карт и сведений касательно возможного соединения рек[7]).

Е.М. Корнеев. Вид части города Тобольска. Акварельный рисунок. 1802 г.

После учреждения X округа ситуация изменилась: настало время систематической деятельности центральных государственных органов по контролю над сибирскими водными путями, их изучению и оборудованию.

Серьезную проблему на этом пути создавала крайняя малочисленность кадров. Штат X округа ограничивался всего несколькими служащими, из которых наибольшее внимание исследователей, несомненно, привлекает бессменный заведующий округом вплоть до его ликвидации в 1819 г. инженер-полковник Филипп Филиппович Риддер (1759−1838). Не будет преувеличением сказать, что 1810-е гг. в истории внутренних водных путей Сибири стали «эпохой Риддера». Его фигура занимает особое место в развитии внутреннего судоходства азиатской части Российской империи. Будучи изначально специалистом в горном деле, выдающимся геологом, открывшим в 1779 г. богатые рудные месторождения Западного Алтая (его именем назван ныне находящийся на территории Казахстана город Риддер), с 1809 г. он состоял на службе при Министерстве путей сообщения будучи ответственным за его X округ. На этом посту Ф.Ф. Риддер проявил себя как активный талантливый деятель. По поручению министерства им были составлены два подробных отчета о состоянии судоходства в бассейнах крупных сибирских рек, предложены проекты судоходных каналов, планы по улучшению администрирования судоходства, созданию особой водной полиции. В ходе своей службы многие районы Ф.Ф. Риддер посетил и исследовал лично.

К биографии Ф.Ф. Риддера ранее обращались многие исследователи. Стоит выделить статьи М.П. Малышевой, А.М. Малолетко, В.Г. Залесова[8]. Из недавних публикаций можно

[5] *Михайловский В.Л.* Через всю Сибирь. Томск, 2015.
[6] *Агеев И.А.* Обь-Енисейский канал в транспортной системе Сибири (вторая половина XIX − начало XX века) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2010. № 1 (9). С. 22−26.
[7] *Михайловский В.Л.* Поиск нужной линии // Вестник угроведения. 2012. № 4 (11). С. 167−182.
[8] *Малышева М.П.* Сведения о населенных пунктах Сибири в путевом журнале Ф.Ф. Риддера 1781 г. // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1992. С. 76−87; *Малолетко А.М.* Алтайский рудознатец Филипп Риддер (к 250-летию со дня рождения) // География и природопользование Сибири. 2010. № 12. С. 183−190; *Малолетко А.М.* 50 лет со дня рождения горного инженера Ф.Ф. Риддера // Алтайский край. 2011 г. Календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, 2010. С. 139−142;

отметить интересное исследование К.Н. Шелестюк, посвященное личному книжному собранию Ф.Ф. Риддера, книги из которого были обнаружены в Новосибирской государственной областной научной библиотеке[9]. В 2006 г. казахстанским краеведом М.С. Немцевым опубликована книга «Ф.Ф. Риддер и его время»[10] − на данный момент единственная полная биография Ф.Ф. Риддера. Впрочем, стоит отметить, что работа М.С. Немцева носит популярный характер и не является в строгом смысле научной, хотя автор и обращается к обширной источниковой базе, активно использует архивные материалы. Особенностью освещения деятельности Ф.Ф. Риддера в научной и научно-популярной литературе можно считать сосредоточенность авторов на ее раннем горнозаводском этапе и малое внимание к его трудам по изучению и благоустройству сибирских водных путей.

Первые шаги по изучению достаточно обширной темы о деятельности Ф.Ф. Риддера на посту главы X округа путей сообщения уже предпринимались нами в статье, посвященной его отчетам о состоянии сибирского судоходства[11]. Очевидно, однако, что требуется более пристальное и глубокое внимание к отдельным ее аспектам, в частности к сложной и подчас конфликтной системе взаимоотношений, сложившейся между Риддером как представителем центральной власти − с одной стороны, губернским аппаратом − с другой, и представителями частного капитала − с третьей.

Специфика этих отношений определялась, во-первых, отдаленностью X округа от центральных и западных, наиболее обжитых и экономически развитых районов империи. Как уже отмечалось выше, до прибытия Риддера внимание столичных властей к путям сообщения Сибири было эпизодическим, и там сформировались свои обычаи взаимодействия администрации с купцами и местным населением, зачастую завязанные на личных связях и не свободные от элементов коррупции. Естественное желание Риддера зарегулировать это взаимодействие, ввести его в общеимперские рамки наталкивалось на активное противодействие привычных к сложившимся порядкам местных чиновников. Во-вторых, следует помнить об особенностях периода 1810-х гг. в Сибири − периода генерал-губернаторства И.Б. Пестеля. Его эпоха, по многочисленным свидетельствам, характеризовалась расцветом коррупции и разного рода иных негативных явлений общественно-политической жизни. Деятельной натуре Ф.Ф. Риддера претили многочисленные проволочки, чинимые сибирской администрацией, и нежелание − мнимое или реальное − генерал-губернатора поощрять развитие судоходства. Стоит заметить, что традиционный взгляд на И.Б. Пестеля как на казнокрада и лихоимца, использовавшего свой высокий пост исключительно для личного обогащения, в последнее время подвергается ревизии с опорой на факты, ставшие известными в результате изучения его личной переписки с сыном, будущим декабристом П.И. Пестелем[12]. В данной работе мы не ставим целью вынесение каких-либо оценок действиям участников конфликта, причины и глубинная подоплека которого требуют, несомненно, более подробного исследования с привлечением дополнительных источников.

В конечном итоге все усиливавшийся конфликт между Ф.Ф. Риддером и П.Б. Пестелем привел к серьезным последствиям, выходящим далеко за рамки одного только речного судоходства. Впрочем, подробное рассмотрение всей истории взаимоотношений Ф.Ф. Риддера с сибирскими властями не входит в задачи настоящего исследования. Мы остановимся лишь на одном его показательном эпизоде, связанном с историей экономического развития одного из старейших и важнейших центров Западной Сибири − города Тобольска. Эпизод

Залесов В.Г. Офицеры корпуса инженеров путей сообщения в Сибири в первой половине XIX в. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2007. № 4 (17). С. 14−23.

[9] *Шелестюк К.Н.* Книги из личной библиотеки Ф.Ф. Риддера в составе книжного собрания Колывано-Воскресенских горных заводов // Библиотека в XXI веке: деятельность, инициативы и результаты: мат-лы XV Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов. Минск, 2024. С. 230−233.

[10] *Немцев М.С.* Филипп Риддер и его время. Казахстан, Риддер, 2006.

[11] *Долгушин И.Д.* Отчеты Ф.Ф. Риддера как источник о судоходстве в Сибири в начале XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 67−73.

[12] *Эдельман О.В.* Павел Пестель и его родители: к проблеме формирования личности декабриста // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 107−117. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-07.pdf (дата обращения: 17.04.2025).

этот интересен еще и тем, что, начавшись как локальное дело о ремонте пристани, в дальнейшем повлек за собой обширную переписку, в которой поднимались вопросы улучшения условий судоходства, касающиеся не только окрестностей Тобольска, но и весьма отдаленных от него водных путей.

В начале XIX в. Тобольск был крупным портом на реках Иртыше и Тоболе. Здесь имелось две пристани: собственно Тобольская и Подчувашская в пяти верстах от города. Как сообщает Ф.Ф. Риддер в своих отчетах, с Тобольской пристани ежегодно отбывало на восток, к Маковской пристани на реке Кеть (где начинался волок в бассейн Енисея), а также в низовья Оби, от 100 до 150 судов, груженных товарами производства Европейской России; в обратном направлении прибывали суда с китайскими товарами и рыбой[13]. Что же касается Подчувашской пристани, то главным проходящим через нее товаром была соль. Она поставлялась в барках из Корякова, общий вес доходил до 700 тысяч пудов. Для хранения соли близ пристани находились склады («соляные магазейны»), откуда она по мере надобности перегружалась на суда и отвозилась в так называемые «верховые» города − расположенные в верховьях рек Иртышского бассейна Ялуторовск, Курган, Тюмень, Туринск, Троицк, Челябу, Шадринск, Камышлов, Ирбит, Верхотурье и даже Екатеринбург[14]. Именно соляные склады и стали поводом для начала дела, рассматриваемого в настоящей статье. Документы по этому делу, как и значительная часть всего делопроизводства по X округу путей сообщения, ныне хранятся в Российском государственном историческом архиве[15].

Открывает дело рапорт Ф.Ф. Риддера от 11 ноября 1811 г. на имя главного директора путей сообщения принца Георга (Георгия Федоровича) Ольденбургского. «До отъезда моего из Тобольска для обозрения округа известился я: что при Подчувашской пристани расстоянием от Тобольска в 5 верстах производится гидротехническое укрепление берега от подмытия водою мыса, близ коего состоят казенные соляные магазейны», − пишет Ф.Ф. Риддер[16]. Далее он сообщает, что, поскольку укрепление берега имеет отношение к путям сообщения, он счел себя вправе принять участие в данном мероприятии и после беседы с гражданским тобольским губернатором прибыл лично на место производства работ, где обнаружил, что берег укреплялся уже и ранее, но из-за весеннего половодья произошло «подмытие» и сильный оползень: «часть горы оторвало»[17]. По этому поводу тобольский гражданский губернатор запросил у Ф.Ф. Риддера совета о дальнейших действиях. Тот счел нужным устлать берег вверх по реке фашинником, закрепить кольями и засыпать глиной[18].

Впоследствии Ф.Ф. Риддер потребовал от тобольского губернатора сообщить, какие работы проводились на пристани и сколько на них было израсходовано средств. Выяснилось, что губернатором рассматривались два возможных варианта решения проблемы: «К предупреждению же сохранить магазейны, а с тем вместе сохранить и казенной интерес, полагали два средства: отнесть на другое место магазейны или сделать прочное укрепление берегу к горе через спуск земли отлогостию. На каковой случай губернский архитектор составил план и смету, по которой исчислено на укрепление берега суммы тысяча пятьсот сорок восемь рублей тридцать копеек. К выполнению первого средства по случаю ветхости магазейнов на переноску их в другое место требовалось, по исчислению архитектора, до семи тысяч рублей, и сверх того нужно было употребить знатной капитал на перегрузку из старых в новые магазейны с лишним 300 000 пуд соли. То в сохранение казенной пользы и произведено укрепление берега чрез подряд посредством ряжа (ряж − гидротехническое сооружение в виде деревянного сруба, заполненного булыжником и погруженного на дно

[13] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 159. Оп. 1. Д. 539. Л. 12.
[14] Там же.
[15] Там же. Д. 138, 139.
[16] Там же. Д. 139. Л. 1.
[17] Там же.
[18] Там же.

водоема, может использоваться как основа для мостов, плотин, набережных и т.п. − *И. Д.*) за тысячу четыреста восемьдесят восемь рублей»[19].

Избран был второй путь. Впрочем, позднее вскрывшиеся сложности в укреплении берега потребовали значительного увеличения суммы расходов: «На устроение всего оного губернским землемером и архитектором исчислено суммы две тысячи восемьсот шестьдесят рублей восемьдесят пять копеек. О чем и представлено было на рассмотрение г. Сибирского генерал-губернатора и вследствие отношения его к господину министру внутренних дел и по докладу сего последнего Государю Императору, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО повелеть изволил: потребные на окончание сего укрепления две тысячи восемьсот шестьдесят рублей восемьдесят пять копеек ассигновать в распоряжение г. тобольского гражданского губернатора. Которые по ассигнации господина министра финансов и отпущены из Тобольской Казенной палаты»[20].

В заключении своего рапорта Ф.Ф. Риддер сообщает, что продолжает наблюдение за проводящимися работами и прилагает план берега в районе Подчувашской пристани.

В Совете путей сообщения, где рассматривался данный рапорт, деятельность Ф.Ф. Риддера не получила одобрения. По мнению его членов, инженер-полковник должен был уделять время задачам более важным и больше относящимся к его непосредственной области ответственности, нежели вопросы укрепления берега. В протоколе Совета сказано: «Входить в укрепление горы или охранение соляного магазейна под ведением другого начальства производящееся, когда о том начальство сие не требовало его содействия, ему не следовало, и переменять распоряжение работ без письменного требования того начальства, а еще менее требовать от губернатора о производстве о ней сведений он не имел никакого права. Чтобы избавить начальство путей сообщения от ответственности за такую работу, которая на него возлагаема не была, следует предписать полковнику Риддеру, чтобы он оставил производство в ведение того начальства и на том основании, как оное по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелению производилось»[21]. Далее говорится, что Ф.Ф. Риддеру «гораздо полезнее было бы обозреть <...> порог Падун на реке Ангаре <...> и другие препятствия, судоходство затрудняющие, нежели входить самому собою в те предметы, кои ему не поручены»[22].

Таким образом, видно, что чрезмерная активность Ф.Ф. Риддера и его стремление поставить под свой полный контроль все сферы хозяйственной деятельности, имеющие отношение к судоходству, не находили понимания, в том числе и в самом Департаменте путей сообщения, служащим которого он являлся. Несмотря на задачи Департамента по поддержанию и благоустройству судоходных путей, его руководство не имело намерения вмешиваться в работу местных органов и входить с ними в конфликты по поводу напрямую не относящихся к судоходной инфраструктуре объектов.

В ответном рапорте Ф.Ф. Риддер пишет, что приступил к работе на Подчувашской пристани исключительно по просьбе самого гражданского губернатора: «Приступил же я к описанию оной и к положению новой работы, единственно по убедительнейшей просьбе приехавшего тогда в квартиру мою самого господина гражданского губернатора, который просил теми словами, что нет у него никого из чиновников, который бы сие разумел; и что расположенный и разработанный прежде их архитектором ряж большую часть подмыло и часть мыса оторвало. По чему, когда я согласился, то и ездили туда к ним вместе и на собственном его экипаже; откуда и приехали к нему в дом. И он, как тогда расположением новой работы, таки и произведением оной в действо, тогда же, и по возврате моем из вояжа, всегда оказывался всегда довольным»[23].

По поводу же необходимости исследования Падунского порога на Ангаре Риддер докладывает, что на протяжении своей службы в Сибири посещал этот порог четыре раза,

[19] РГИА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 139. Л. 2.
[20] Там же. Л. 3, 4.
[21] Там же. Л. 8−10.
[22] Там же. Л. 10.
[23] Там же. Л. 14, 15.

и приводит его краткое описание, в конце, впрочем, прибавляя: «…за всем тем, когда время позволит, не премину по силе сего предписания оный порог и паки обозреть»[24].

В выписке протокола заседания Совета путей сообщения от 27 февраля 1812 г. было сказано, что если Ф.Ф. Риддер действительно был приглашен к участию в работах по укреплению Подчувашской пристани, то имел на такое участие полное право; однако по своей воле заниматься неподведомственными делами он не должен.

По поводу же описания Падунского порога заключалось, что приведенное Ф.Ф. Риддером недостаточно, и ему предписывалось лично посетить район порога и составить его чертеж; впрочем, точных сроков исполнения этого предписания не назначалось: «…чтобы он в свое время представил сему порогу чертеж с нивелировкою, так же и то описание Ангары, которое он до сего составил, но не прежде как удобность ему дозволит»[25].

Следующие документы в деле датированы уже 1813 г. За прошедший срок произошли важные и драматические события не только в жизни всей страны, но и в Министерстве путей сообщения. Г.Ф. Ольденбургский после наполеоновского вторжения присоединился к действующей армии, затем возвратился в тыл, где занимался организацией народного ополчения, снабжением войск и устройством лазаретов. Одно из посещений лазарета стало роковым − в декабре 1812 г. Г.Ф. Ольденбургский заразился и после короткой болезни скоропостижно скончался в ночь с 14 на 15 декабря.

Новым главой министерства становится Франц Павлович Деволант (де Воллан; 1752−1818), выдающийся инженер, к числу заслуг которого относится создание Мариинской и Тихвинской водных систем, строительство обводных каналов вокруг днепровских порогов и многие другие важные достижения в развитии водных путей Российской империи[26]. На его имя отправлены следующие рапорты Ф.Ф. Риддера[27]. В первом из них Ф.Ф. Риддер кратко сообщает, что предполагал немедленно отправиться на Ангару для обозрения Падунского порога, но сделать это ему помешала болезнь. Во втором − что в связи с продолжающейся болезнью откомандировал для изучения порога инженер-капитана Полизова с помощником титулярным советником Малышевым, которым было поручено, помимо этого, также описать все пристани по Оби, Енисею и Ангаре и выдано на путевые расходы 300 рублей.

Полизов и Малышев, как удалось установить, состояли служащими десятого округа путей сообщений, подробная информация об их службе ныне содержится в документах Исторического архива Омской области[28]. Представляется весьма вероятной идентичность Малышева с фигурирующим далее в деле разработчиком проекта реконструкции пристани М.С. Малышевым, но для точного удостоверения этого факта требуются дополнительные исследования. Также в Историческом архиве Омской области сохранилось дело с предписанием капитану Полизову о работах на Ангаре[29].

К третьему рапорту, сообщив о том, что Полизов и Малышев выполнили предписанную работу, Риддер прикладывает составленное ими описание Падунского порога и остальных порогов на реке Ангаре, а также собственный путевой журнал, написанный еще в бытность служащим берг-коллегии, в 1781 г. во время плавания от Нерчинских заводов до Колыванских по Селенге, Байкалу, Ангаре, Енисею, Кети и Оби. Этот журнал, будучи, безусловно, ценным историческим источником, уже известен историкам сибирского речного транспорта: статьи о нем публиковались М.П. Малышевой в 1992 г.[30] и В.Н. Большаковым

[24] РГИА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 139. Там же. Л. 17.
[25] Там же. Л. 20.
[26] О нем см.: *Верховский В.М.* Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства Путей Сообщения за сто лет его существования (1798−1898 гг.). СПб., 1898. С. 43−47; *Приходько М.А.* Из истории ведомства путей сообщения. Записка инженер-генерал-лейтенанта Ф.П. Деволанта. 1809 г. // Исторический архив. 2004. № 5. С. 199−208.
[27] РГИА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 138. Л. 105−115.
[28] Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 18, 30.
[29] ИАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 71.
[30] *Малышева М.П.* Сведения о населенных пунктах Сибири в путевом журнале Ф.Ф. Риддера 1781 г. // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII − начало XX в.): сб. ст. Новосибирск, 1992. С. 76−87.

в 1995 г.[31], что же касается описания Полизова и Малышева, то сведений о его публикации обнаружить не удалось. Деятельность этих двоих служащих, представляющая большой интерес для истории X округа путей сообщения, могла бы, как нам представляется, послужить темой отдельного исследования.

Тут же Ф.Ф. Риддер приводит свои соображения по поводу возможности строительства судоходного канала в обход Падунского порога. По его мнению, экономически оно нецелесообразно: сооружение канала длиной в полторы версты в твердом скальном грунте потребует значительных средств, в то время как лоцманская проводка судов через порог недорога и крайне редко приводит к каким-либо повреждениям[32]. Впрочем, в случае если Министерство путей сообщения все же сочло бы строительство канала необходимым, Ф.Ф. Риддер выражал готовность лично обследовать район предстоящих работ и составить их смету.

За представленные отчеты Ф.Ф. Риддеру и инженер-капитану Полизову от Совета путей сообщения была объявлена благодарность[33]. С доводами об отсутствии нужды в сооружении канала вокруг Падунского порога Совет согласился. В то же время характерная краткость отчетов Ф.Ф. Риддера, его склонность давать не точные, а примерные сведения о ценах, объемах перевозок и т.п., вызвала в Совете неудовольствие. «На сей конец весьма желательно было бы, если бы вы собирали гораздо обстоятельнейшие сведения, как о торговых местах при водяных путях лежащих, так и о самых предметах торговли, то есть о произведениях местных и ввозимых из чужих краев. Имея таковые сведения, вы могли бы легко делать свои донесения не примерно уже, а с точными вычислениями по сложности нескольких лет, сколько позволят обстоятельства, не обременяя, впрочем, собранием сих сведений ни с которой стороны гражданского начальства, а наведываться о всем том как чрез чиновников вам подведомственных, так и самим собою лично», − предписывается Ф.Ф. Риддеру[34]. Также отмечалось, что к отчету стоило приложить генеральный план реки Ангары на порожистом участке с отмеченными замерами глубин[35].

В кратком ответе Ф.Ф. Риддер сообщает, что генеральный план не был составлен из-за недостатка времени и инженерных чиновников, но должен быть подготовлен в будущем. Касательно же сбора сведений он указывает, что многие из них содержатся в уже отправленном ранее подробном описании судоходства в X округе. Гражданское начальство, по его собственным словам, Ф.Ф. Риддер не обременял сбором сведений, так как на опыте убедился, что предоставляемая им информация бывает неполна и ошибочна[36].

Таким образом, дело о ремонте Подчувашской пристани − частном и мало относящемся к непосредственной сфере деятельности Ф.Ф. Риддера вопросе − повлекло за собой активизацию интереса к казалось бы очень далекому от Тобольска региону и начало подробного исследования ангарских порогов. Впрочем, это не означает, что, занявшись изучением Ангары, Ф.Ф. Риддер лично и Министерство путей сообщения в целом вовсе утратили интерес к Подчувашской пристани в Тобольске. Обсуждение проблемы продолжилось, выйдя на более высокий уровень − теперь мы видим уже переписку не между Ф.Ф. Риддером и Советом путей сообщения, а между Советом путей сообщения, сибирским генерал-губернатором И.Б. Пестелем и Министерством внутренних дел. Следом от Ф.Ф. Риддера поступило предложение вовсе уничтожить Подчувашскую пристань, так как, по его мнению, ее реконструкция обошлась бы в слишком большую денежную сумму, а стоящие при ней склады стары и находятся в аварийном состоянии. Взамен Подчувашской предлагалось соорудить новую пристань непосредственно в городской черте Тобольска, в устье реки Курдомки, и там же построить новые соляные склады. Место это было занято ветхими,

[31] *Большаков В.Н.* «Путевой журнал» 1781 года горного инженера Ф.Ф. Риддера // Вопросы экономической истории России XVIII−XX вв.: сб. ст. Томск, 1996. С. 188−215.
[32] РГИА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 138. Л. 115.
[33] Там же. Л. 165.
[34] Там же.
[35] Там же.
[36] Там же. Л. 185.

построенными в нарушение плана избами, которые Ф.Ф. Риддер предлагал снести, а их обитателям предоставить жилье в другой части города[37].

Предложение Ф.Ф. Риддера вызвало возмущение И.Б. Пестеля. В своем сообщении Комитету путей сообщений он достаточно резко отзывается как о нем, так и о деятельности Ф.Ф. Риддера в целом, сообщая, что «сорок избушек на том месте построены, которые не так ветхи, как пишет об них г. Риддер, и без всякой поправки простоять могут весьма долгое время; следовательно, напрасное уничтожение их, обратившись токмо в отягощение жительствующим в них, не дозволило бы произвесть скорую постройку; к тому же место сие при каждом половодье реки Иртыша покрывается водою. Река Курдомка очень мелкая, и на ней нельзя будет построить пристани»[38]. В то же время Ф.Ф. Риддер сообщает о новых обвалах на пристани[39].

Комитет в итоге просто устранился от решения вопроса, указав на то, что возражение И.Б. Пестеля неполно и не опровергает мнения Ф.Ф. Риддера (непонятно, можно ли пристать к тому же месту не через Курдомку, а через Иртыш; неясно, какую компенсацию потребуется предоставить[40]), и передал дело на рассмотрение министру внутренних дел.

Ответ на запрос Комитета министра внутренних дел О.П. Козодавлева датирован 17 сентября 1815 г. и содержит краткий пересказ предшествующего делопроизводства, но уже с точки зрения Министерства внутренних дел. В нем сообщается, что еще в 1813 г. чертежи, составленные Ф.Ф. Риддером, поступали в министерство и были препровождены сибирскому генерал-губернатору И.Б. Пестелю с тем, чтобы он распорядился организацией укрепления берега, однако немедленно приступить к этой работе помешало вышедшее высочайшее повеление об остановке любого гражданского строительства по всей империи. 23 июля 1814 г. в МВД поступили сведения об укреплении берега в районе Подчувашской пристани с 1811 г.; весной же 1815 г. были получены донесения от тобольского губернского архитектора М.С. Малышева и ишимского уездного землемера Панютина: «…в первом объяснено мнение их о новом укреплении Подчувашского берега и подлинное состояние теперешнего; при последнем же доставлена ведомость о количестве необходимых для сего мастеровых и рабочих, равномерно и смета в тридцать три тысячи восемьсот девяносто девять рублей, также план с профилью и разрядом»[41]. В этих донесениях предложения Ф.Ф. Риддера подвергались критике как недостаточные и не могущие обеспечить надежного результата[42].

От окончательного разрешения вопроса О.П. Козодавлев, впрочем, устранился, препроводив все материалы главному директору путей сообщений и предложив ему самостоятельно вынести заключение. Представляется показательным, что ни один из вышестоящих органов не решался брать на себя бремя принятия окончательного решения, стремясь передать дело другому ведомству.

На очередном заседании Комитета[43] предпочтение было отдано проекту укрепления берега в районе пристани, предложенному М.С. Малышевым. Впрочем, в письме, направленном министру внутренних дел, указывалось, что укрепление берега по чертежам М.С. Малышева сильно увеличит смету. По этой причине члены комитета предлагают рассмотреть возможность перенесения соляных амбаров на новое место, возвращаясь, таким образом, к предложению Ф.Ф. Риддера, хотя и без упоминания его имени. При этом указывается, что даже затопление места строительства новых амбаров весенними водами, о котором писал ранее И.Б. Пестель, не должно служить аргументом против переноса: предлагается построить амбары на сваях, что в любом случае представляется более дешевым, нежели укрепление берега по проекту М.С. Малышева.

[37] РГИА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 139. Л. 35–45, 48–50.
[38] Там же. Л. 62–63.
[39] Там же. Л. 54–55.
[40] Там же. Л. 74–75.
[41] Там же. Л. 80.
[42] Там же.
[43] Там же. Л. 89.

Письмо комитета министру внутренних дел закрывает дело. Таким образом, конечный итог его остается неясным. Из иных источников[44] известно, что проблема укрепления берега в районе Подчувашской пристани оставалась актуальной и двадцать лет спустя, в 1835 г. К сожалению, на данный момент не удалось установить, было ли осуществлено предложенное Ф.Ф. Риддером и Комитетом путей сообщения строительство новых соляных амбаров.

Конфликт Ф.Ф. Риддера с губернскими властями по поводу укрепления берега можно считать одним из звеньев более масштабного конфликта, связанного с противостоянием губернской администрации и X округа путей сообщения. Более широкий контекст рассмотренному в настоящей работе делу создает другое, также хранящееся в РГИА[45]. Материалы дела показывают, что между Ф.Ф. Риддером и губернскими чиновниками сложились крайне напряженные отношения. Деятельность X округа сталкивалась с серьезными препонами со стороны местных властей.

Стоит отметить, что в своих действиях Ф.Ф. Риддер руководствовался во многом стремлением защищать интересы частного капитала, представители которого в эпоху генерал-губернаторства И.Б. Пестеля претерпевали различные притеснения. Так, на той же Подчувашской пристани регулярно задерживались полицейскими чинами и лишались паспортов с вымогательством взяток служащие гребцами на купеческих судах, на мостах и перевозах с купеческих караванов собирались незаконные поборы. Купцы видели в Министерстве путей сообщения и Ф.Ф. Риддере как его представителе союзников в борьбе против упомянутых злоупотреблений. Свидетельством этому может служить сотрудничество Ф.Ф. Риддера с купцом Игнатием Резановым[46].

Не лучшим образом на отношениях с губернской администрацией сказывался и нрав Ф.Ф. Риддера, чье стремление к самостоятельности порой доходило до откровенного самоуправства − так, в мае 1813 г., по информации рапорта И.Б. Пестеля[47], он самочинно арестовал за «непристойные в свой адрес речи» надворного советника Эверса, притом заставив караулить его двоих находившихся при Подчувашском перевозе казаков, отдача приказов которым, разумеется, не входила в полномочия служащего путей сообщения.

Конечно, было бы неверно представлять противостояние Ф.Ф. Риддера и И.Б. Пестеля в упрощенном, примитивном виде как борьбу «прогрессивного» и «реакционного» начала. Корни конфликта, вероятно, лежат в глубинах системы экономических и бюрократических отношений, сформировавшихся в Сибири к началу XIX в., и требуют более подробного изучения. Интересно, что в данной ситуации мы видим столкновение, с одной стороны, хорошо знакомой исследователям фигуры сибирского генерал-губернатора И.Б. Пестеля, чья и государственная деятельность[48], и частная жизнь[49] вызывали и вызывают большой интерес историков, с другой же − сравнительно мало известного Ф.Ф. Риддера, публикации о котором до сих пор касались по большей части технической стороны его деятельности и мало затрагивали сферу социальных взаимодействий.

Конфликт Ф.Ф. Риддера с губернскими властями − яркая страница истории сибирского судоходства и, шире, транспорта вообще. Ее изучение имеет большое значение для более глубокого понимания специфики взаимоотношений центральной власти, губернского аппарата и частного капитала в Сибири первой четверти XIX в.

Полагаем, что настоящая работа, посвященная одному небольшому, но важному эпизоду этого противостояния, может послужить первым шагом к подробному исследо-

[44] ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1518.
[45] РГИА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 568.
[46] Там же. Л. 1, 2, 20, 46, 47, 48.
[47] Там же. Л. 37, 38.
[48] См., например: *Ремнев А.В.* Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // Немцы. Россия. Сибирь: сб. ст. Омск, 1997. С. 200−221; *Гаращенко А.Н.* Законодательная база взаимоотношений генерал-губернаторов и гражданских губернаторов и особенности ее действия в Восточной Сибири в период от «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.) до середины XIX в. // Известия лаборатории древних технологий. 2018. № 1 (26). С. 118−128; и др.
[49] См., например: *Эдельман О.В.* Павел Пестель и его родители…; Восстание декабристов. Документы. М., 2012. Т. XXII: Из бумаг П.И. Пестеля (семейная переписка).

ванию обозначенной темы. В дальнейшем следовало бы уделить особое внимание взаимоотношениям между представителями центральной власти, губернской администрации и частного капитала. Подобная работа дала бы возможность по-новому взглянуть на администрирование сибирского судоходства − и, шире, хозяйства вообще − второго десятилетия XIX в., во многом переломного периода, предшествующего масштабным переменам, связанным с прибытием в Сибирь М.М. Сперанского. Конфликт вокруг Подчувашской пристани − лишь звено в общем сложном процессе, тем не менее именно он наглядно показывает его характерные черты и особенности.

Литература

Агеев И.А. Обь-Енисейский канал в транспортной системе Сибири (вторая половина XIX − начало XX века) // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2010. № 1 (9). С. 22−26.

Большаков В.Н. «Путевой журнал» 1781 года горного инженера Ф.Ф. Риддера // Вопросы экономической истории России XVIII−XX вв.: сб. ст. Томск, 1996. С. 188−215.

Большаков В.Н. К истории Обь-Енисейского водного пути (начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 105−110.

Верховский В.М. Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства Путей Сообщения за сто лет его существования (1798−1898 гг.). СПб., 1898.

Восстание декабристов. Документы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. Т. XXII. Из бумаг П.И. Пестеля (семейная переписка) / под ред. С.В. Мироненко; сост. О.В. Эдельман. 432 с.

Гаращенко А.Н. Законодательная база взаимоотношений генерал-губернаторов и гражданских губернаторов и особенности ее действия в Восточной Сибири в период от «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775 г.) до середины XIX в. // Известия лаборатории древних технологий. 2018. № 1 (26). С. 118−128.

Долгушин И.Д. Отчеты Ф.Ф. Риддера как источник о судоходстве в Сибири в начале XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 67−73

Ижендеев А.Ю. Томский округ путей сообщения // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 300-3. С. 55−56.

Коновалов И.А. Ревизия М.М. Сперанского и борьба с коррупцией в Сибири в первой четверти XIX в. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 1. С. 31−35.

Корнева Н.М. Главное управление путей сообщения // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 7. С. 202.

Петров Ю.И. Результаты преобразований в системе управления путями сообщений в правление Александра I // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4 (40). С. 329−335.

Малолетко А.М. Алтайский рудознатец Филипп Риддер (к 250-летию со дня рождения) // География и природопользование Сибири. 2010. № 12. С. 183−190.

Малолетко А.М. 250 лет со дня рождения горного инженера Ф.Ф. Риддера // Алтайский край. 2011 г. Календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул: Алт. полиграф. комбинат, 2010. С. 139−142.

Малышева М. П. Сведения о населенных пунктах Сибири в путевом журнале Ф.Ф. Риддера 1781 г. // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1992. С. 76−87.

Михайловский В.Л. Через всю Сибирь. Томск: Печатная мануфактура, 2015. 263 с.

Михайловский В.Л. Поиск нужной линии // Вестник угроведения. 2012. № 4 (11). С. 167−182.

Немцев М.С. Филипп Риддер и его время. Казахстан, Риддер: Терра, 2006. 168 с.

Приходько М.А. Из истории ведомства путей сообщения. Записка инженер-генерал-лейтенанта Ф.П. Деволанта. 1809 г. // Исторический архив. 2004. № 5. С. 199−208.

Ремнев А.В. Проконсул Сибири Иван Борисович Пестель // Немцы. Россия. Сибирь: сб. ст. Омск, 1997. С. 200–221.

Шелестюк К.Н. Книги из личной библиотеки Ф.Ф. Риддера в составе книжного собрания Колывано-Воскресенских горных заводов // Библиотека в XXI веке: деятельность, инициативы и результаты: мат-лы XV Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых и специалистов. Минск, 2024. С. 230–233.

Эдельман О.В. Павел Пестель и его родители: к проблеме формирования личности декабриста // Исторический курьер. 2020. № 6 (14). С. 107–117. URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-07.pdf (дата обращения: 17.04.2025).

References

Ageev, I.A. (2010). Ob'-Eniseyskiy kanal v transportnoy sisteme Sibiri (vtoraya polovina XIX − nachalo XX veka) [The Ob-Yenisei Canal in the Siberian Transport System (Second Half of the 19th − Early 20th Centuries)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Istoriya*. No. 1 (9), pp. 22–26.

Bolshakov, V.N. (1996). "Putevoy zhurnal" 1781 goda gornogo inzhenera F.F. Riddera [The 1781 Travel Journal of Mining Engineer F.F. Ridder]. In *Voprosy ekonomicheskoy istorii Rossii XVIII–XX vv.* Tomsk, pp. 188–215.

Bolshakov, V.N. (2007). K istorii Ob'-Eniseyskogo vodnogo puti (nachalo XX v.) [On the History of the Ob-Yenisei Waterway (Early 20th Century)]. In V*estnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 295, pp. 105–110.

Dolgushin, I.D. (2024). Otchety F.F. Riddera kak istochnik o sudokhodstve v Sibiri v nachale XIX v. [F.F. Ridder's Reports as a Source on Shipping in Siberia at the Beginning of the 19th Century]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* Vol. 31, No. 2, pp. 67–73.

Edelman, O.V. (2020). Pavel Pestel' i ego roditeli: k probleme formirovaniya lichnosti dekabrista [Pavel Pestel and His Parents: on the Problem of the Formation of the Decembrist's Personality]. In *Istoricheskiy kur'er.* No. 6 (14), pp. 107–117. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-6-07.pdf (date of access 17.04.2025).

Garashchenko, A.N. (2018). Zakonodatel'naya baza vzaimootnosheniy general-gubernatorov i grazhdanskikh gubernatorov i osobennosti ee deystviya v Vostochnoy Sibiri v period ot "Uchrezhdeniya dlya upravleniya guberniy Vserossiyskoy imperii" (1775 g.) do serediny XIX v. [The Legislative Basis for the Relationship Between Governors-General and Civil Governors and the Specifics of its Operation in Eastern Siberia in the Period from the "Institution for the Governance of the Provinces of the All-Russian Empire" (1775) to the Mid-19th Century]. In *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*. No. 1 (26), pp. 118–128.

Izhendeev, A.Yu. (2007). Tomskiy okrug putey soobshcheniya [Tomsk District of Connection Routes]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 300-3, pp. 55–56.

Konovalov, I.A. (2018). Reviziya M.M. Speranskogo i bor'ba s korruptsiey v Sibiri v pervoy chetverti XIX v. [The Revision of M.M. Speransky and the Fight against Corruption in Siberia in the First Quarter of the 19th Century]. In *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 1, pp. 31–35.

Korneva, N.M. (2007). Glavnoe upravlenie putey soobshcheniya [Main Directorate of Communications]. In *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya.* Moscow. Vol. 7, p. 202.

Maloletko, A.M. (2010). 250 let so dnya rozhdeniya gornogo inzhenera F.F. Riddera [250th Anniversary of the Birth of Mining Engineer F.F. Ridder]. In *Kalendar' znamenatel'nykh i pamyatnykh dat.* Barnaul, Altayskiy poligrafkombinat, pp. 139–142.

Maloletko, A.M. (2010). Altayskiy rudoznatets Filipp Ridder (k 250-letiyu so dnya rozhdeniya) [Altai Ore Prospector Philip Ridder (on the 250th Anniversary of His Birth)]. In *Geografiya i prirodopol'zovanie Sibiri*. No. 12, pp. 183–190.

Malysheva, M.P. (1992). Svedeniya o naselennykh punktakh Sibiri v putevom zhurnale F.F. Riddera 1781 g. [Information About the Settlements of Siberia in the Travel Journal

of F.F. Ridder, 1781]. In *Naselennye punkty Sibiri: opyt istoricheskogo razvitiya (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 76−87.

Mikhailovsky, V.L. (2012). Poisk nuzhnoy linii [Finding the Right Line]. In *Vestnik ugrovedeniya*. No. 4 (11), pp. 167−182.

Mikhailovsky, V.L. (2015). *Cherez vsyu Sibir'* [Across the Whole of Siberia]. Tomsk, Pechatnaya manufaktura. 263 p.

Mironenko, S.V. (Ed.), Edelman, O.V. (Comp.). (2012). *Vosstanie dekabristov. Dokumenty. Tom 2012: Iz bumag P.I. Pestelya (semeynaya perepiska)* [The Decembrist Uprising. Documents. Vol. XXII: From the Papers of P.I. Pestel (Family Correspondence)]. Moscow, Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. 430 p.

Nemtsev, M.C. (2006). *Filipp Ridder i ego vremya* [Life and Times of Filipp Ridder]. Ridder, Terra. 168 p.

Petrov, Yu.I. (2021). Rezul'taty preobrazovaniy v sisteme upravleniya putyami soobshcheniy v pravlenie Aleksandra I [Results of the Transformations in the System of Transport Management during the Reign of Alexander I]. In *Transportnoe pravo i bezopasnost'*. No. 4 (40), pp. 329−335.

Prikhod'ko, M.A. (2004). Iz istorii vedomstva putey soobshcheniya. Zapiska inzhener-general-leytenanta F.P. Devolanta. 1809 g. [From the History of the Department of Railways. Note by Engineer-Lieutenant General F.P. Devolant. 1809]. In *Istoricheskiy arkhiv*. No. 5, pp. 199−208.

Remnev, A.V. (1997). Prokonsul Sibiri Ivan Borisovich Pestel' [Proconsul of Siberia Ivan Borisovich Pestel]. In *Nemtsy. Rossiya. Sibir'*. Omsk, pp. 200−221.

Shelestyuk, K.N. (2024). Knigi iz lichnoy biblioteki F.F. Riddera v sostave knizhnogo sobraniya Kolyvano-Voskresenskikh gornykh zavodov [Books from the Personal Library of F.F. Ridder as Part of the Book Collection of the Kolyvano-Voskresensk Mining Plants]. In *Biblioteka v XXI veke: deyatel'nost', initsiativy i rezul'taty. Materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh i spetsialistov.* Minsk, pp. 230−233.

Л.М. Дамешек*

В.И. ВАГИН И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ РЕФОРМ М.М. СПЕРАНСКОГО В СИБИРИ 1822 ГОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ИСТОРИОПИСАНИИ КОНЦА XIX ВЕКА

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-12
УДК 930:94(571.1/5)"1822"

Выходные данные для цитирования:
Дамешек Л.М. В.И. Вагин и исторические традиции изучения реформ М.М. Сперанского в Сибири 1822 года в отечественном историописании конца XIX века // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 151−157.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-12.pdf

I.M. Dameshek*

V.I. VAGIN AND THE HISTORICAL TRADITIONS OF STUDYING THE REFORMS OF M.M. SPERANSKY IN SIBERIA IN 1822 IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE LATE 19TH CENTURY

doi:10.31518/2618-9100-2026-6-12

How to cite:
Dameshek I.M. V.I. Vagin and the Historical Traditions of Studying the Reforms of M.M. Speransky in Siberia in 1822 in Russian Historiography of the Late 19th Century // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 151−157.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-12.pdf]

Abstract. The article discusses the legacy of V.I. Vagin (1823−1900), a publicist, publisher, journalist, novelist, memoirist, and prominent public figure in Siberia. He was one of the founders of the popular regionalist ideology in Siberia and authored one of the best studies on the Siberian reforms of Mikhail Speransky in 1822. His "Historical Information" is listed not only in all Russian, but in foreign bibliographic reference books as one of the main sources for studying this issue. V.I. Vagin entered the history of Siberian social thought as one of the first "producers" of "Siberian issues" generated by the realities of the socio-economic and socio-cultural development of post-reform Siberia. These issues, raised by the peculiarities of the "Eastern Territory" within Russia, became particularly acute during the period of the formation of industrial capitalism. It is no coincidence that it was at this time, on the eve of the 50th anniversary of M.M. Speransky's Siberian reforms of 1822, that V.I. Vagin's book, one of the best studies on the reforms, appeared in Russian Siberian studies. Hardly any author has not relied on Vagin's research when studying this issue. The historian was familiar with the reforms of 1822 not only as a researcher, but as a practical administrator who was familiar with them in practice. Vagin raised the question of the prerequisites for the reforms of 1822 and introduced the later popular theme of the struggle between two parties, the bureaucracy and the local merchants, into literature. Vagin traces the subsequent fate of Speransky's "Institutions" as well. "Historical Information" was written not only by a great expert on Siberia's past, but by a passionate patriot who became one of the ideologues of Siberian regionalism. Later, the regionalists actively relied on Vagin's book when describing the history of Siberia.

Keywords: V.I. Vagin, "Siberian questions", Siberian reform of M.M. Speransky, historical traditions, N.M. Yadrintsev, S. Prutchenko.

The article has been received by the editor on 20.11.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Лев Михайлович Дамешек,** доктор исторических наук, профессор, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: levdameshek@gmail.com
Lev Mikhailovich Dameshek, Doctor of Historical Sciences, Professor, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: levdameshek@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждается наследие В.И. Вагина (1823−1900) − публициста, издателя, журналиста, прозаика, мемуариста, крупного общественного деятеля Сибири, одного из родоначальников популярной в Сибири идеологии областников, автора одного из лучших исследований, посвященных сибирским реформам М.М. Сперанского 1822 г. Его «Исторические сведения» указаны не только во всех российских, но и в зарубежных библиографических справочниках как одно из основных пособий при изучении вопроса. В историю общественной мысли Сибири В.И. Вагин вошел как один из первых «постановщиков» «сибирских вопросов», порожденных реалиями социально-экономического и социокультурного развития пореформенной Сибири. Эти вопросы, выдвинутые особенностями существования «восточного края» в составе России, особенно остро встали в период становления промышленного капитализма. Неслучайно, что именно в это время, накануне 50-летия сибирских реформ М.М. Сперанского, в отечественном сибиреведении появилась книга В.И. Вагина − одно из лучших исследований, посвященных сибирским реформам М.М. Сперанского 1822 г. Практически нет ни одного автора, который, занимаясь данной проблемой, не опирался бы впоследствии на исследование Вагина. Историк был знаком с реформами 1822 г. не только как исследователь, но и как практик-администратор, знавший их в действии. Вагин поставил вопрос о предпосылках реформы 1822 г., ввел в литературу популярный впоследствии сюжет борьбы двух партий: чиновничьей и местного купечества. Прослеживает Вагин и дальнейшую судьбу «Учреждения» Сперанского. «Исторические сведения» написаны не только большим знатоком прошлого Сибири, но и ее горячим патриотом, ставшим одним из идеологов сибирского областничества. Впоследствии областники при описании истории Сибири активно отталкивались от книги Вагина.

Ключевые слова: В.И. Вагин, «сибирские вопросы», сибирская реформа М.М. Сперанского, исторические традиции, Н.М. Ядринцев, С.М. Прутченко.

Статья поступила в редакцию 20.11.2025 г.

В конце 2025 г. исполнилось 125 лет со времени кончины Всеволода Ивановича Вагина − одного из наиболее известных общественных деятелей Сибири теперь уже позапрошлого XIX в., редактора и издателя газеты «Сибирь» (1875−1877), с которой сотрудничали Н.М. Ядринцев, А.П. Щапов, М.В. Загоскин, автора многочисленных заметок о Сибири в журналах и газетах «Восточное обозрение», «Московские ведомости», «Северная пчела», «Томские губернские ведомости», «Записки ВСОИРГО» и других, активного члена Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества, оставившего после себя обширное литературное наследие в виде многочисленных газетных и журнальных публикаций, посвященных истории Сибири, ее археологии и этнографии, статистике. Будучи в течение 18 лет гласным Иркутской городской думы, В.И. Вагин вошел в историю культурной жизни губернского центра как один из основателей первой городской публичной библиотеки (совместно с М.П. Шестуновым), именно В.И. Вагину современные исследователи истории Сибири обязаны тем, что еще до опустошительного пожара 1879 г. в Иркутске он ввел в научный оборот многочисленные материалы губернского архива по истории Иркутска и Сибири XVII−XVIII вв., а уже после пожара передал безвозмездно в фонд городской библиотеки около 1 000 экземпляров своих книг, которые до сего дня являются важным источником по истории социокультурной жизни губернского центра прошедшей эпохи.

В историю общественной мысли Сибири В.И. Вагин вошел как один из первых «постановщиков» «сибирских вопросов», порожденных реалиями развития пореформенной Сибири. Вопросы эти, выдвинутые особенностями существования «восточного края»

(П.А. Словцов), особенно остро встали в период становления промышленного капитализма. Еще в 20−50-х г. XIX в. современники событий пытались поставить тему модернизаций всей системы сибирского управления в отличной от официальной тональности форме. Это была своего рода черта водораздела между властью и обществом. Последнее в истории не только Иркутска, но и Сибири в целом отличалось удивительной пестротой. Уже в конце XVIII в. в нем отчетливо прослеживается влияние интересов чиновничества, купечества, духовенства, служилого люда, а в первой половине XIX в. − деятелей литературы, декабристов и нарождающейся в крае интеллигенции. Этот разнообразный состав сибирской общественности порождал различный фон постановки «сибирских вопросов».

Взятые в комплексе эти сюжеты позволяют реально представить предпосылки формирования областнического движения в Сибири в 60−80-х гг. XIX в. При этом следует учитывать, что во второй четверти XIX в. вся местная интеллигенция принадлежала, за небольшим исключением, к чиновничеству и духовенству, которые отнюдь не всегда могли играть значительную роль в общественной жизни края.

Официальный правительственный взгляд на будущее Сибири в составе России был изложен в 1852 г в программе Второго Сибирского комитета в 1852 г.[1] Этот документ появился практически сразу же после образования самого Сибирского комитета в апреле того же года. Поводом для этого послужила ревизия Западной Сибири генерал-адъютантом Н.Н. Анненковым, итогом которой стало заключение высокопоставленного ревизора о неудовлетворительной системе управления регионом. Анализ результатов материалов ревизии Западной Сибири генерал-адъютанта Анненкова − тема отдельного исторического исследования, тем более что сами материалы ревизии были опубликованы С.М. Прутченко[2]. По сути дела, впервые после введения в действие уставов 1822 г. представитель сановного Петербурга усомнился в целесообразности существования Сибирского учреждения М.М. Сперанского в том виде, в котором замышлял его сам известный реформатор. Однако эти суждения Анненкова не были приняты во внимание членами вновь образованного Второго Сибирского комитета. Более того, в программном документе вопрос о судьбе сибирских преобразований М.М. Сперанского решался с консервативно-охранительных позиций. Сами основы «сибирского учреждения» 1822 г. казались правительству незыблемыми. Это был традиционный взгляд сановного Петербурга на будущее сибирских нововведений М.М. Сперанского. Неслучайно, что, рассматривая итоги ревизии Западной Сибири генерал-адъютантом Анненковым, все члены Сибирского комитета в 1851 г. высказались за сохранение в первозданном виде системы управления Сибири 1822 г.[3]

В последующее десятилетие власть исключала даже самые скромные перемены системы управления в крае. Тезис о незыблемости единства и могущества России, ее неподражаемости Западу не допускал даже саму мысль о возможности реформы окраинного управления. Однако эпоха «великих реформ» породила продукт активной мыслительной деятельности, «прописавшийся» и на окраинах государства[4]. В конце 1860-х гг. министр государственных имуществ А.А. Зеленый предписал сибирским генерал-губернаторам М.С. Корсакову и А.Д. Дюгамелю рассмотреть вопрос о возможности распространения на Сибирь положений реформы о поземельном и административном устройстве государственных крестьян 36 губерний Европейской России. Тем не менее даже судебная реформа в крае была проведена лишь в конце XIX столетия[5]. Именно поэтому интересовавшаяся

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 109. 1 экспедиция. Д. 135.

[2] *Прутченко С.М.* Сибирские окраины: областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства: историко-юридические очерки: приложения. СПб., 1899. С. 349−432.

[3] О деятельности Сибирских комитетов см.: *Ремнев А.В.* Сибирь в имперской географии власти XIX − начала XX веков. Омск, 2015; *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (1822−1917 гг.). Иркутск, 2018.

[4] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 385. Оп. 11. Д. 6739. Ч. 1. Л. 13−13 об.

[5] Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибири. Иркутск, 1883. Вып. 1, т. 6. С. 1−2; История Бурятии. Улан-Удэ, 2011. Т. 2: XVII − начало XX в.; История Иркутской губернии. Иркутск, 2024. Т. 3. С. 490−500; *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Сибирь в системе…; *Гаврилова Н.И.*,

российской действительностью сибирская общественность приняла нелицеприятное участие в обсуждении вопросов будущего Сибири в составе России. Закономерно, что в это время в отечественном сибиреведении появилась книга В.И. Вагина − одно из лучших исследований, посвященных сибирским реформам М.М. Сперанского 1822 г.[6]

Сперанский управлял Сибирью в период с 1819 по 1822 г., из которых почти два года провел непосредственно в Иркутске. За этот небольшой период времени он объехал почти всю территорию Восточной Сибири, провел «обозрение» вверенного его управлению огромного края и ревизию его управления, составил для правительства обстоятельный и содержательный отчет и подготовил обширные законодательные предложения, состоящие из 10 Уставов и насчитывающие более 4 тыс. статей. Комплекс регионального законодательства М.М. Сперанского 1822 г., вошедший в историческую литературу под названием «сибирского учреждения 1822 г.», неоднократно анализировался исследователями как в XIX в., так и в XX и начале XXI в.[7] При этом в литературе вопроса отмечалось, что сибирские реформы 1822 г. стали первым опытом комплексного регионального законодательства империи, основанного на геополитических особенностях Азиатской России рассматриваемого периода[8].

Говоря о труде В.И. Вагина и авторской оценке сибирских реформ М.М. Сперанского, следует прежде всего отметить источниковую базу исследования. Замечание это вытекает из следующих суждений. Труд Вагина основан на изучении обширного и разнообразного по происхождению круга источников, сам характер которых − документы официального делопроизводства, свидетельства старожилов, частная переписка и другое позволили автору книги максимально широко для своего времени поставить вопрос о судьбе Сибири составе России. Это тем более важно отметить, что большая часть используемых Вагиным исторических источников была утрачена вследствие печально знаменитого иркутского пожара 1879 г., когда наряду с большинством деревянных строений города сгорело и здание губернского архива со всеми хранящимися в нем документами. Этим объясняется в значительной мере тот факт, что в государственном архиве Иркутской области практически отсутствуют материалы по истории края XVII−XVIII вв., а иркутская школа историков представлена преимущественно исследованиями по истории досоветской Сибири XIX − начала XX в. Подлинники же использованных В.И. Вагиным копий документов − отчеты Сперанского, материалы Сибирских комитетов и протоколы заседаний последних − сегодня находятся в бывшем императорском архиве Санкт-Петербурга. Как уже отметалось, материалы ревизии Сперанского, использованные Вагиным, по своему содержанию существенно отличаются от материалов сенаторских ревизий того времени.

Это обстоятельство объясняется и качественной работой канцелярии нового генерал-губернатора. Закономерно поэтому, что одно из центральных мест в исследовании у Вагина занимает вопрос о злоупотреблениях сибирской администрации и «лихоимстве» последней во «всех его видах». Этот сюжет, впервые введенный в научный оборот В.И. Вагиным, впоследствии неоднократно использовали в своих произведениях областники как дока-

Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Матханова Н.П. Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начало XX в. Иркутск, 2019; *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Матханова Н.П.* «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства»: М.М. Сперанский, Н.Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские генерал-губернаторы. Иркутск, 2020; *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* М.М. Сперанский: замыслы и уроки сибирской реформы 1822 г. Иркутск, 2022; История Сибири / гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск, 2023. Т. 3: Новое время. Конец XVI − начало XX века.

[6] *Вагин В.И.* Исторические сведения о деятельности М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год: в 2 т. СПб., 1872.

[7] *Дамешек Л.М.* Отечественное и зарубежное историописание о сибирских реформах 1822 г. // Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (конец XIX − начала XX века). Иркутск, 2022. С. 210−241.

[8] *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А.* Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2027. С. 165.

зательство колониального положения Сибири в составе России. У В.И. Вагина и Н.М. Ядринцева нет принципиальных расхождений в суждениях по этому сюжету[9].

По целому ряду вопросов в книге Вагина можно найти поистине детальное описание хода ревизии и ее результатов. Данное суждение относится не только к анализу Вагиным деятельности высшей сибирской администрации, но и к низшему уровню сибирского управления, например уездов, бурятских родоначальников и др. Фактический материал этого сюжета как доказательство самого факта существования широкой системы злоупотребления в крае неоднократно использовался в исследованиях более позднего периода, в том числе и в советских монографических работах.

При анализе книги В.И. Вагина особого внимания заслуживает вопрос о введении во властную структуру сибирской администрации особой для империи того времени системы противовеса генерал-губернаторской власти в виде Советов главного управления Западной и Восточной Сибири. Данное обстоятельство указывает на очень внимательное изучение Вагиным уставов 1822 г. не только как историком, но и как практиком-администратором, знающим эти законоположения в действии. История появлении, состав и деятельность этих советов в отечественном сибиреведении до сих пор изучены весьма фрагментарно. Поэтому отметим, что советы при главных управлениях обоих частей Сибири предполагались Сперанским из стремления создать в крае коллективный противовес «губернаторскому самовластию». Советы главных управлений состояли из шести человек, при этом трое советников в ранге генерал-майоров назначались центральными министерствами внутренних дел, государственных имуществ и финансов, а остальные трое − из чиновников подведомственных губернатору управленческих структур. Советы в Восточной Сибири просуществовали с 1822 по 1887 г., в Западной − с 1822 по 1882 г. Советы не обладали правом утверждения распоряжения «главного начальника края», их решения носили рекомендательный характер. Совет возглавлялся генерал-губернатором. Тем не менее каждый член совета по аналогии с петровскими коллегиями имел право индивидуальной «протестации», которая, впрочем, носила лишь рекомендательный характер. Таким образом, прерогатива власти генерал-губернатора была вне всяких сомнений. Если поначалу должность советника главного управления оставалась престижной, то довольно скоро окружающий ее ореол существенно потускнел. К этому необходимо добавить, что существование советов вызывало неприкрытое раздражение у преемников Сперанского на посту генерал-губернатора начиная с А.С. Лавинского, Н.Н. Муравьева и др. В.И. Вагин, будучи современником описываемых событий и к тому же гласным Иркутской городской думы, считал появление советов главных управлений одной из наиболее слабых сторон реформы Сперанского. Поэтому он указал, в частности, на вырождение совещательных советов, введенных Сперанским, и вообще на несостоятельность принципа бюрократической коллегиальности.

Однако в целом В.И. Вагин дал деятельности Сперанского в Сибири положительную оценку и признал реформы 1822 г. одним из наиболее выдающихся событий сибирской истории. Он высоко оценил нравственное влияние личности Сперанского на сибирское общество и объективно поставил перед читателями вопрос о необходимости новых реформ, появления, так сказать, второго Сперанского. Неслучайно поэтому труд Вагина привлек внимание сибирской общественности и вызвал оживленный обмен мнениями в последующий период сибирской истории, в том числе в ставших широко известными сочинениях Н.М. Ядринцева и С.М. Прутченко[10].

[9] *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб., 1892. С. 448−468.
[10] *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб., 1892; *Прутченко С.* Сибирские окраины: в 2 т. СПб., 1899.

Литература

Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начало XX в.: коллективная монография / Н.И. Гаврилова, И.Л. Дамешек, Л.М. Дамешек, А.А. Иванов, В.П. Шахеров. Иркутск: Оттиск, 2019. 612 с.

Дамешек Л.М. Отечественное и зарубежное историописание о сибирских реформах 1822 г. // Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (конец XIX − начала XX века). Иркутск, 2022. С. 210–241.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Сибирь в системе имперского регионализма (1822−1917 гг.). Иркутск: Оттиск, 2018. 416 с.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Иванов А.А., Шахеров В.П. Очерки историографии и источниковедения истории Сибири эпохи империи (XIX − начало XX века). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. 319 с.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Матханова Н.П. «Главные блюстители неприкосновенности верховных прав самодержавия и пользы государства»: М.М. Сперанский, Н.Н. Муравьев-Амурский и другие сибирские генерал-губернаторы. Иркутск: Оттиск, 2020. 340 с.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т.А. Сибирские реформы М.М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. 339 с.

Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. М.М. Сперанский: замыслы и уроки сибирской реформы 1822 г. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. 183 с.

История Бурятии / гл. ред. и рук. проекта Б.В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. Т. 2: XVII − начало XX в. 621 с.

История Иркутской губернии: в 4 т. / под ред. Л.М. Дамешека. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2024. Т. 3. 620 с.

История Сибири / гл. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2023. Т. 3: Новое время. Конец XVI − начало XX века. 807 с.

Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX − начала XX веков. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. 580 с.

References

Bazarov, B.V. (Ed.). (2011). *Istoriya Buryatii* [History of Buryatia]. Ulan-Ude, Izdatel’stvo BNTs SO RAN. Vol. 2. 621 p.

Dameshek, L.M. (Ed.). (2019). *Gosudarstvennaya vlast’ i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoy gubernii XIX − nachala XX v.* [State Power and Society: Based on Materials from the Cities of the Irkutsk Province in the 19th − Early 20th Centuries]. Irkutsk, Ottisk. 612 p.

Dameshek, L.M. (Ed.). (2024). *Istoriya Irkutskoy gubernii* [History of the Irkutsk Province]. Irkutsk, Izdatel’skiy dom BGU. Vol. 3. 620 p.

Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2018). *Sibir’ v sisteme imperskogo regionalizma (1822−1917 gg.)* [Siberia in the System of Imperial Regionalism (1822−1917)]. Irkutsk, Ottisk. 416 p.

Dameshek, L.M., Dameshek, I.L., Matkhanova, N.P. (2020). *“Glavnye blyustiteli neprikosnovennosti verkhovnykh prav samoderzhaviya i pol’zy gosudarstva”: M.M. Speranskiy, N.N. Murav’ev-Amurskiy i drugie sibirskie general-gubernatory* [“The Main Guardians of the Inviolability of the Supreme Rights of the Autocracy and the Benefit of the State”: M.M. Speransky, N.N. Muravyov-Amursky, and Other Siberian Governors-General]. Irkutsk, Ottisk. 340 p.

Dameshek, L.M., Dameshek, I.L., Ivanov, A.A. Shakherov, V.P. (2022). *Ocherki istoriografii i istochnikovedeniya istorii Sibiri epokhi imperii (XIX − nachalo XX veka)* [Essays on the Historiography and Source Studies of the History of Siberia during the Imperial Era (19th − Early 20th Centuries)]. Irkutsk, Izdatel’stvo IGU. 319 p.

Dameshek, L.M., Dameshek, I.L., Pertseva, T.A. (2017). *Sibirskie reformy M.M. Speranskogo 1822 g.: opyt administrativnogo regulirovaniya interesov tsentra i regiona* [The Siberian Reforms of M.M. Speransky of 1822: An Experience of Administrative Regulation of the Interests of the Center and the Region]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. 339 p.

Dameshek, L.M., Dameshek, I.L. (2022). *M.M. Speranskiy: zamysly i uroki sibirskoy reformy 1822 g.* [M.M. Speransky: Plans and Lessons of the Siberian Reform of 1822]. Irkutsk, Izdatel'stvo IGU. 183 p.

Derevyanko, A.P. (Ed.). (2023). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Novosibirsk. Vol. 3. 807 p.

Remnev, A.V. (2015). *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX − nachala XX vekov* [Siberia in the Imperial Geography of Power in the 19th − Early 20th Centuries]. Omsk, Izdatel'stvo Omskogo gosudarstvennogo universiteta. 580 p.

Е.А. Дегальцева*

БИТВА ЗА УСТАВ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ХУДОЖЕСТВЕННЫМИ ОБЩЕСТВАМИ В КОНЦЕ XIX − НАЧАЛЕ XX ВЕКА В ГОРОДАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-13
УДК 930.85

Выходные данные для цитирования:
Дегальцева Е.А. Битва за устав: государственный контроль за художественными обществами в конце XIX − начале XX века в городах Западной Сибири // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 158−166. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-5-13.pdf

E.A. Degaltseva*

THE BATTLE FOR THE CHARTER: STATE CONTROL OF ART SOCIETIES IN THE LATE 19TH − EARLY 20TH CENTURIES IN THE CITIES OF WESTERN SIBERIA

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-13

How to cite:
Degaltseva E.A. The Battle for the Charter: State Control of Art Societies in the Late 19th − Early 20th Centuries in the Cities of Western Siberia // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 158−166. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-13.pdf]

Abstract. The article examines state control over public organizations using artistic associations in Western Siberia as an example. Specific practices of suppressing public initiatives, the flow of documents for charter approval, and the motivations of officials are analyzed. The influence of the specific activities of the associations and their personnel on the degree of state control is explored, as well as the specifics of the Siberian location. State policies toward voluntary organizations varied. Initially, state oversight of artistic organizations, unlike educational ones, was relaxed, but throughout the pre-revolutionary period, they underwent significant transformation. These government actions were a response to the expansion of the social movement and its emerging politicization. The article examines the evolution of their relationship based on changes in the approval procedure and amendment of their charters. An analysis of the universal statutes reveals that they were a reliable instrument with which the tsarist administration maintained strict control over public initiative. Restrictions applied not only to organizations active in education and enlightenment, but to professional, artistic, and other associations as well. The state, on the one hand, instituted incentives for the creation of artistic societies, while on the other, gradually tightened its control over them as the political social movement grew. Many of these measures hindered the development of private initiative societies engaged in leisure and public education. Yet, the state‘s role in this matter cannot be seen as exclusively negative. It awarded various titles, tax breaks, and other privileges for investments and donations in culture and education, thereby stimulating public activity.

Keywords: cities of Western Siberia, local administration, public organizations, state control, charters of public organizations, civil society.

The article has been received by the editor on 07.11.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Екатерина Александровна Дегальцева,** доктор исторических наук, профессор, Бийский технологический институт Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, Бийск, Россия, e-mail: katerina3310@yandex.ru

Ekaterina Aleksandrovna Degaltseva, Doctor of Historical Sciences, Biysk Technological Institute (Branch) of the Altai State Technical University, Biysk, Russia, e-mail: katerina3310@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается государственный контроль за общественными организациями на примере художественных объединений в городах Западной Сибири. Анализируются конкретные практики сдерживания общественных инициатив, пути движения документов по утверждению уставов, мотивации чиновников. Раскрывается влияние специфики деятельности обществ и их личного состава на степень государственного контроля, показывается и специфика сибирской локации. Политика государства по отношению к добровольным организациям была разной. Первоначально государственный контроль за художественными организациями, в отличие от просветительных, был ослаблен, но весь дореволюционный период постоянно подвергался существенной трансформации. Подобные действия властей являлись ответом на расширение общественного движения и его наметившуюся политизацию. В статье показана эволюция их взаимоотношений на основе изменений процедуры утверждения и изменения уставов. Анализ универсальных уставов показывает, что они являлись надежным инструментом, с помощью которого царская администрация держала под неослабным контролем общественную инициативу. Ограничения касались не только формирований, действующих в области образования и просвещения, но и профессиональных, художественных и других объединений. Государство, с одной стороны, учреждало меры поощрения при создании художественных обществ, а с другой − по мере нарастания политического общественного движения постепенно усиливало контроль за ними. Многие из мер сковывали развитие обществ частной инициативы, занимающихся досугом и просвещением населения. И все же нельзя видеть только отрицательную роль государства в этом вопросе. Оно давало различные звания, налоговые льготы и т.п. за вложения и пожертвования в культуру и образование, тем самым стимулируя общественную деятельность.

Ключевые слова: города Западной Сибири, местная администрация, общественные организации, государственный контроль, уставы общественных организаций, гражданское общество.

Статья поступила в редакцию 07.11.2025 г.

Современная государственная политика в сфере поддержки или сдерживания общественных инициатив актуализирует обращение к историческому опыту становления гражданского общества в России на рубеже XIX−XX вв., когда формировался первый опыт общественной активности.

Отечественные исследователи охотно взялись за тему гражданского общества в конце прошлого − начале нынешнего века: были исследованы региональные особенности дореволюционных общественных организаций, разные формы их активности, участие в общественно-политической жизни и СМИ, роль в повседневности и трансформации образа жизни в период модернизации[1]. Более других историков интересовали благотворительные, просветительные и научные организации. Историография дореволюционных общественных организаций в 2020-х гг. характеризуется активным переосмыслением опыта гражданской самодеятельности, фокусом на вопросах классификации и взаимоотношений «власть − общество». Исследователи переходят от описания к анализу типов обществ и их роли в социальной структуре, охватывая этапы от дореволюционного до современного[2]. Анализу подверглись

[1] *Севостьянова Е.В.* О деятельности научных обществ в Забайкалье (второй половины XIX − начала XX в.) // Культура и интеллигенция в эпоху модернизаций (XVIII−XX вв.). Омск, 1995. Т. 2; *Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации в России. 1905−1917 гг. Тамбов, 2002; *Родигина Н.Н.* «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX − начала XX вв. Новосибирск, 2006; и др.

[2] *Котляр Н.В.* Общественные организации в дореволюционной России: вопросы классификации // Genesis: исторические исследования. 2021. № 6. С. 41−55.

уставы общественных организаций, их сотрудничество с органами местного самоуправления, роль в адаптации разных социальных групп[3].

Целью статьи является анализ взаимоотношений общественных организаций с государственными структурами на примере художественных обществ. Источниками послужили делопроизводственные документы организаций, включая проекты уставов, переписка с контролирующими органами, статистика и периодика рассматриваемого периода.

В городах Западной Сибири общественные организации стали появляться в последней четверти XIX в. Художественные общества (литературные, музыкальные, театральные, искусствоведческие, фотографические) с большим энтузиазмом взялись заполнить досуг горожан. Среди особенно заметных по своей деятельности выделялись возникшее одним из первых Томское драматическое общество (1866), Омский музыкальный кружок, Тобольское, Барнаульское, Бийское, Новониколаевское, Каинское драматические общества. В начале XX в. стали появляться музыкально-певческие, филармонические, а позже хоровые формирования. В Сибири не было именных обществ, как в Центральной России, например «Бетховен», «Моцарт», как и не было оформлено отделений крупных всероссийских музыкальных организаций. Исключение составило Барнаульское отделение Нарвского музыкального общества при Барнаульском общественном собрании, а также в 1876 и 1879 г. возникли на базе существовавших музыкальных кружков Омское и Тобольское отделения Императорского русского музыкального общества.

Рис. 1. Город Бийск в начале XX в.

Простая бюрократическая процедура по утверждению уставов в реальной практике стала маркером политики государства по отношению к общественным организациям. Ее ужесточение стало ответом на активизацию общественного движения в стране и его политизацию. Более всего контролировались просветительные организации, однако по мере расширения возможностей гражданского общества надзор усилился и за художественными организациями.

Как и другие общества, эти организации освобождались от формального вмешательства государства в их дела, которые регулировались уставом. Контролирующие органы утвер-

[3] *Туманова А.С., Сафонов А.А.* Уставы общественных организаций в дореволюционной России // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 113–136; *Гуларян А.Б.* Место и роль религиозных организаций в системе самодеятельных обществ Российской империи (на материале Орловской губернии) // Историческое обозрение. 2021. № 22. С. 44–54; *Ерохина О.В.* Роль общественных организаций в адаптации немцев в Российской империи (на примере Санкт-Петербурга) // Пятые Карамзинские чтения: сб. тр. конф. СПб., 2024. С. 165–168; *Филонов В.И.* Просветительная деятельность общественных организаций в Российской империи (на материале Орловской губернии) // Ученые записки Орловского госуниверситета. 2025. № 1. С. 94–98; *Смирнов С.Н.* Императорское православное палестинское общество и другие общественные организации в Российской империи как субъекты социальной политики (вторая половина XIX – начало XX века) // Интерес вчера, сегодня и навсегда: сб. тр. Тверь, 2025. С. 141–148; и др.

ждали устав, регистрировали организацию и требовали годовые отчеты для статистики и учета. Видимо, многие коллективы работали неофициально или так и не дождались утверждения своих уставов, поскольку чиновники нередко отмечали плохую осведомленность о количестве и направлениях деятельности общественных формирований в России[4].

Первое время у правительства установилось осторожное отношение к подобным начинаниям, которое значительно сковывало их деятельность. Однако в отличие от просветительных формирований целый ряд художественных обществ были более дистанцированы от государства, а их роль в общественно-политической жизни значительно слабее. Эта группа обществ была менее охвачена государственным контролем, поскольку их основные цели были ориентированы на реализацию частных интересов и потребностей[5].

Формирование общественной организации начиналось с собрания учредителей, где разрабатывался проект устава. Затем этот проект направлялся в органы местного самоуправления для утверждения. После этого ходатайство поступало к губернатору, а оттуда − в МВД (с 1902 г. культурно-просветительные общества находились под юрисдикцией Министерства народного просвещения). Важной, хотя и промежуточной стадией в этом процессе был обер-прокурор Священного синода. Только с его благословения контролирующий орган мог дать согласие на утверждение устава.

Процедура утверждения уставов выступала ключевым инструментом ограничения гражданских инициатив. Она состояла из нескольких этапов. Сначала устав должен был быть одобрен местными органами самоуправления, затем губернатором, а после этого соответствующим министерством. Эта бюрократическая процедура нередко сильно затягивалась. В качестве примера можно привести Барнаульское школьное общество (попечения о начальном образовании), которое ждало одобрения устава более 20 месяцев.

Часто документы отвергались по пустяковым причинам. Устав Каинского кружка любителей природы был отклонен из-за неуказания территории его деятельности. Проект устава Томского литературно-артистического кружка не был одобрен, так как не были предоставлены подписи всех учредителей[6]. Ишимское общество попечения о начальном образовании также столкнулось с отказом из-за отсутствия разрешения от попечителя Западно-Сибирского учебного округа[7]. Очень часто среди причин отказов можно найти и недостающую (иногда в 1−3 коп.) сумму гербового сбора (наклеенных на проекте марок). Встречались и принципиальные возражения. Так, К.П. Победоносцев противился включению в состав обществ членов-соревнователей, а если по уставу они все же будут являться рядовыми членами, то предложил лишить их права голоса. Такая позиция была вызвана тем, что эта самая многочисленная и деятельная категория членов общества вносила наименьшие взносы (обычно не более 50 коп.). Он опасался, что организация за счет них пополнится людьми без образования и стоящими на «низших ступенях интеллектуального развития», которые будут «некомпетентными в решении задач»[8]. Таких людей власти всегда подозревали в наличии скрытых мотивов использования обществ в революционных целях.

Следует отметить и чрезмерное рвение местных администраций перед столичным начальством. Однако многое зависело и от личности губернатора. Препоны, чинимые в крае, были куда сильнее противодействия правительства. Нередко губернаторы, попечитель Западно-Сибирского учебного округа, посылая на утверждение уставы, высказывали свое мнение − ограничить число выборных членов руководящих органов за счет непременных от ведомств, или сетовали, что устройству рекомендуемого общества может препятствовать отсутствие энергичных интеллигентных местных деятелей[9].

[4] *Куломзин А.Н.* Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912. С. 21.
[5] *Дегальцева Е.А.* Общественные неполитические организации Западной Сибири: вторая половина XIX в. − февраль 1917 г.: дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006.
[6] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 6862. Л. 2.
[7] Там же. Д. 6306. Л. 8; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 171. Д. 2317. Л. 15.
[8] РГИА. Ф. 797. Оп. 60. Д. 183. Л. 6−7.
[9] Там же. Ф. 733. Оп. 171. Д. 2317. Л. 22.

Зачастую министерства после суровых резолюций обер-прокурора меняли уставы до неузнаваемости и возвращали их обратно в регионы. Активисты вынуждены были соглашаться с новыми формулировками, иначе проекты устава не утверждались[10].

В 1891 г. после потока прошений на утверждение уставов власти решили составить типовой образцовый устав, который учредители брали бы за основу. Однако это привело к длительной переписке между чиновниками (обер-прокурором, министрами внутренних дел и народного просвещения, членами Ученого комитета Министерства народного просвещения) и обсуждение в различных ведомствах продолжалось более шести лет[11].

Обер-прокурором до момента выработки такого примерного устава было предложено отложить утверждение поступающих проектов уставов общественных организаций. К 1897 г. дискуссия затихает, так и не выработав единого образца. Более того, хозяйственный департамент МВД в своих резолюциях губернаторам признает, что и «едва ли в ближайшее время он будет создан»[12]. Министерство внутренних дел в 1897 г. утверждает лишь примерный устав обществ помощи бедным, который содержал все предъявляемые им требования для благотворительных организаций[13].

Из-за бюрократии проекты уставов общественных организаций застаивались в ведомствах на годы. Например, Колыванская городская дума в 1891 г. подала ходатайство об утверждении устава Общества попечения о начальном образовании, но МВД дало добро лишь спустя семь лет. Руководство объяснило задержку подготовкой «новых нормативов уставов для этих обществ»[14]. В итоге учредителям пришлось переписать устав по выписке отзыва Министерства народного просвещения и типовому уставу.

В начале XX в. делопроизводство по общественным организациям осуществлял Департамент общих дел МВД, а конкретно − его второе особое отделение. К должностным полномочиям этого отделения относилось рассмотрение, утверждение и изменение уставов научных, благотворительных, культурно-просветительных, художественных и других обществ, товариществ, кружков, клубов, артелей, попечительств, касс, курсов, классов, а также распоряжения о закрытии этих обществ, уставы которых утверждаются в МВД.

Художественные образования (музыкальные, театральные, искусствоведческие и др.) вносили большое разнообразие в повседневную жизнь горожан. В 1866 г. в Томске возникает первое драматическое общество. Любители-актеры − врачи, учителя, служащие устраивали спектакли в помещениях Общественного и Коммерческого собраний, нередко собирая аншлаг[15]. В Омске энтузиасты из ссыльных − участников Польского восстания 1863−1864 гг. Радбольский, Флек, Хан, Голабешский организовали музыкальный кружок и оркестр[16]. Их деятельность развивала вкус и любовь к искусству среди местного населения. Основанное при участии ссыльных поляков Общество любителей художеств в Томске устраивало выставки картин, этюдов, скульптур, художественных предметов прикладного искусства.

В 1895 г. идея учреждения подобной организации появляется в Тюмени, где ее инициатором выступил статский советник Федор Павлович Фон-Бергхольц[17]. Три года шло движение документов по уже известной цепочке: тобольский губернатор − Департамент полиции МВД − Департамент общих дел МВД − Главное управление по делам печати и обратно. Утверждение, а затем изменение устава Тюменского музыкального общества тормозилось из-за мелких придирок, хотя состав был вполне лоялен. Федор Павлович Фон-Бергхольц был 53-летним потомственным дворянином, примерным семьянином, имел университетское образование и служил управляющим местным пароходством. Его жена Ольга Констан-

[10] ГАТО. Ф. Р-1582. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.
[11] РГИА. Ф. 733. Оп. 171 (1891). Д. 2317. Л. 100−150 об.
[12] Там же. Оп. 172. Д. 2061. Л. 9 об.
[13] Там же. Л. 10.
[14] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4241. Л. 9.
[15] *Горюшкина И.А.* Театры Сибири (краткий обзор становления и развития) // Сибирь в XVI−XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 252.
[16] *Kuczynski A.* Suberia: Czterysta lat polskiej diaspory. Wroclaw; Warshava; Krakov, 1993. P. 69.
[17] РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 46. Л. 1.

тиновна и две дочери Софья (23 года) и Вера (21 год) увлекались музыкой и театром. Семейство решило объединить тюменских любителей музыки и драматического искусства.

Актив (учредители) этого нового Тюменского музыкально-драматического кружка составили семьи инженера Александра Филимоновича Колмогорова, подполковника А.Д. Печковского, Н.А. Левиатова, С. Селиверстова, городового врача и других горожан. Тридцатипятилетний инженер А.Ф. Колмогоров был сыном недавно скончавшегося предпринимателя, богатейшего купца Филимона Степановича Колмогорова, избиравшегося и главой города. Помимо него, в состав учредителей вошли его родные братья с женами. Четверть состава приходилась на долю женщин.

После положительной рекомендации тобольского губернатора (кружок будет служить «облагорожению, укреплению и возвышению духовных сил человека»)[18] и некоторых корректировок со стороны Департамента полиции (обязательное разрешение местной полиции и попечителя учебного округа на все мероприятия и только тех произведений, которые разрешены драматической цензурой, уплата благотворительного сбора) 23 августа 1895 г. устав был утвержден[19]. Через месяц из столицы из-за неразборчивости подписей учредителей председателя потребовали прислать заново проект устава с новыми подписями[20]. Когда же через год члены кружка попытались дополнить Устав, расширив сферу деятельности и круг лиц, имеющих право голоса на общем собрании, то уже новый тобольский губернатор в письме министру внутренних дел выразил свое несогласие, мотивируя его тем, что, помимо кружка, досуговые потребности горожан удовлетворяли еще два общественных клуба[21]. Недавно назначенный тобольским губернатором Леонид Михайлович Князев счел дополнения в устав крайне нежелательными и в корне меняющими характер и цели деятельности кружка. Это касалось устройства танцевальных вечеров, маскарадов, буфета, различных игр (бильярд, шахматы и др.) и возможности зарабатывать уроками музыки и пения.

Бумаги прошли тот же путь, что и при утверждении устава, с одной лишь разницей − теперь резолюция местного губернатора была не восторженная (которую дал ранее Николай Модестович Богданович), а отрицательная. Центральные власти прислушались к тобольскому начальству и изменения отклонили. Более года, до лета 1897 г., различные ведомства вели переписку о незначительном изменении устава Тюменского кружка любителей музыкально-драматического искусства. Только после заверения тобольского губернатора, который изменил свое мнение, поближе ознакомившись с составом кружка, что «нельзя ожидать каких-либо существенных отступлений от основных положений Устава», он был вновь утвержден[22]. Из всех предлагавшихся членами изменений был одобрен только пункт о сроке уплаты членских взносов[23].

Несмотря на бюрократические препятствия, активно действовали по приобщению населения к драматическому искусству Тобольское, Тюменское, Бийское, Колыванское, Змеиногорское, Каинское драматические общества, литературно-музыкально-драматические общества в Камне Барнаульского уезда, с. Усть-Чарышская пристань Бийского уезда[24]. В их репертуар входили произведения А.П. Чехова, А.Н. Островского, Т.Г. Шевченко и др. В Тобольске, начиная с января 1901 г., переполненные залы собирал спектакль «Горе от ума» А.С. Грибоедова[25]. Омский отдел Императорского русского театрального общества включал в свой репертуар последние новинки парижского театра, постановки К.С. Станиславского, В.Э. Мейерхольда, Л.И. Шестова[26].

[18] РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 46. Л. 1.
[19] Там же. Л. 3−3 об., 5, 7.
[20] Там же. Л. 13.
[21] Там же. Л. 27.
[22] Там же.
[23] Там же. Л. 35.
[24] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 6613. Л. 93; Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Д-170. Оп. 1. Д. 491. Л. 155, 194.
[25] Сибирский листок. 1901. 7 янв.
[26] Омский вестник. 1915. 18 янв.

Спектакли обычно шли с благотворительной целью. Например, Омское театральное общество нередко весь сбор отчисляло в помощь безработным, бывшим сценическим деятелям, военнослужащим и их семьям. В Бийске спектакли постоянно устраивались для сбора средств в пользу Бийского общества попечения о начальном образовании, нуждающихся студентов Томского университета, на пополнение городской библиотеки, улучшения торгового флота, помощи семьям воинов, голодающих, пострадавших от землетрясения в Туркестане, различных обществ и т.д.[27]

Все действующие в регионе культурно-просветительные организации широко отмечали годовщины со дня рождения или смерти великих русских писателей. С большим размахом было отмечено 100-летие со дня рождения А.С. Пушкина, 50-летняя годовщина смерти И.В. Белинского. В Омске, Петропавловске, Томске, Барнауле и других городах состоялись литературные вечера[28]. В начале 1904 г. по предложению председателя правления Бийского драматического общества купца Н.И. Ассанова был устроен спектакль в память годовщины смерти А.С. Пушкина и весь сбор с него пошел в фонд Комиссии по постройке памятника поэту в Санкт-Петербурге[29].

В Новониколаевске любители заявили о себе почти с первых дней существования города (тогда еще поселка) − 20 марта 1902 г. они объединились в музыкально-драматическое общество. Оживление его деятельности произошло с 1906 г. За сезон формирование давало обычно по 20 спектаклей[30]. Участники общества показывали популярные тогда пьесы: «Майорша», «Набат», «Соколы и вороны», «Женитьба Белугина», «Плоды просвещения» и др.[31] Любительский театр действовал в Новониколаевске вплоть до 1917 г.

В Омске к 1916 г. досуг заполняли несколько действовавших цирков, кинотеатров (электротеатров), общественных библиотек, детских площадок, городской сад и городской театр, дом Общества «Просвещение» и театральные помещения других общественных организаций, велось строительство Народного университета[32].

В 1917 г. большинство общественных организаций еще продолжали успешно функционировать. Так, Томским обществом попечения о народном образовании, помимо прочих мероприятий, ставятся 32 спектакля. Многие художественные общества также продолжали активную деятельность и в революционный период, предлагая новые формы работы с населением. Сибирское музыкальное певческое общество открыло народную консерваторию, где широкие слои горожан могли как познакомиться с музыкальной классикой, так и попытаться найти свое призвание. В консерватории также был открыт класс декламации и практической подготовки к сцене[33].

Итак, формально освобожденные от прямого вмешательства общественные организации тем не менее находились под пристальным вниманием государства. Утверждение устава, казалось бы, простая процедура, превращалось в инструмент контроля и сдерживания гражданской активности.

Продолжительная многоступенчатая процедура утверждения, включавшая согласования с местными властями, губернатором, МВД и обер-прокурором Святейшего синода, позволяла государству тщательно фильтровать состав и цели общественных объединений. Даже незначительные недочеты в оформлении документов могли стать поводом для отказа, что свидетельствует о глубоком недоверии к общественным инициативам.

Опасения властей были связаны прежде всего с возможным проникновением в организации «неблагонадежных» элементов, способных использовать их в революционных целях.

[27] ГААК. Ф. Д-170. Оп. 1. Д. 491. Л. 143, 144; Д. 441. Л. 6, 11.
[28] Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 435. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.
[29] ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 5593. Л. 12.
[30] Народная летопись (Ново-Николаевск). 1909. 7 апр.
[31] Народная летопись. 1909. 20 июля.
[32] См.: Отчет по арендному столу Омской городской управы за 1910 г.: Ведомость поступлений № 1. Омск, 1911. С. 18, 20; Отчет Омской городской управы за 1916 г. Омск, 1916. С. 10, 12, 14, 22, 24, 46, 50, 52.
[33] Народная консерватория в Томске // Сибирская жизнь. 1918. 13 янв.

Поэтому именно небольшие денежные взносы, позволявшие участвовать в деятельности организаций широким слоям населения, вызывали подозрения.

Попытки унификации уставов с помощью «Примерного устава» так и не увенчались успехом, что лишь усугубило и без того сложную и забюрократизированную процедуру утверждения. Циркуляр Главного управления по делам печати, указывавший на использование «несогласованных» образцов уставов, стал дополнительным поводом для усиления контроля и ужесточения требований.

В конечном счете бюрократические препоны и подозрительность властей существенно ограничивали развитие общественных инициатив и препятствовали формированию активного гражданского общества.

Государство одной рукой поощряло создание художественных обществ, а другой, по мере нарастания общественной активности, постепенно создавало систему жесткого контроля за ними. Многие из мер сковывали развитие обществ частной инициативы, занимающихся досугом и просвещением населения. Специфика сибирской локации заключалась в более жестком контроле из-за опасения властей участия политических ссыльных или «нежелательных элементов» в деятельности общественных организаций.

Литература

Горюшкина И.А. Театры Сибири (краткий обзор становления и развития) // Сибирь в XVI−XX веках: Экономика, общественно-политическая жизнь и культура: сб. ст. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. С. 251−300.

Гуларян А.Б. Место и роль религиозных организаций в системе самодеятельных обществ Российской империи (на материале Орловской губернии) // Историческое обозрение. 2021. № 22. С. 44−54.

Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири: вторая половина XIX в. − февраль 1917 г.: дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 478 с.

Ерохина О.В. Роль общественных организаций в адаптации немцев в Российской империи (на примере Санкт-Петербурга) // Пятые Карамзинские чтения: сб. тр. конф. СПб., 2024. С. 165−168.

Котляр Н.В. Общественные организации в дореволюционной России: вопросы классификации // Genesis: исторические исследования. 2021. № 6. С. 41−55.

Куломзин А.Н. Опытный подсчет современного состояния нашего народного образования. СПб., 1912. 49 с.

Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX − начала XX вв. Новосибирск, 2006. 343 с.

Севостьянова Е.В. О деятельности научных обществ в Забайкалье (второй половины XIX − начала XX в.) // Культура и интеллигенция в эпоху модернизаций (XVIII−XX вв.): сб. ст. Омск, 1995. Т. 2. С. 123−126.

Смирнов С.Н. Императорское православное палестинское общество и другие общественные организации в Российской империи как субъекты социальной политики (вторая половина XIX − начало XX века) // Интерес вчера, сегодня и навсегда: сб. тр. Тверь, 2025. С. 141−148.

Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905−1917 гг. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 488 с.

Туманова А.С., Сафонов А.А. Уставы общественных организаций в дореволюционной России // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 113−136.

Филонов В.И. Просветительная деятельность общественных организаций в Российской империи (на материале Орловской губернии) // Ученые записки Орловского госуниверситета. 2025. № 1. С. 94−98.

Kuczynski A. Syberia: Czterysta lat polskiej diaspory. Wroclaw; Warshava; Krakov, 1993. 439 p.

References

Degal‘tseva, E.A. (2006). Obshchestvennye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoy Sibiri: vtoraya polovina XIX v. − fevral’ 1917 g. [Public Non-Political Organizations of Western Siberia: the Second Half of the 19th Century − February 1917], Dr. hist. sci. diss. Novosibirsk. 478 p.

Erokhina, O.V. (2024). Rol’ obshchestvennykh organizatsiy v adaptatsii nemtsev v Rossiyskoy imperii (na primere Sankt-Peterburga) [The Role of Public Organizations in the Adaptation of Germans in the Russian Empire (on the Example of St. Petersburg)]. In *Pyatye Karamzinskie chteniya*. St. Petersburg, pp. 165−168.

Filonov, V.I. (2025). Prosvetitel’naya deyatel’nost’ obshchestvennykh organizatsiy v Rossiyskoy imperii (na materiale Orlovskoy gubernii) [Educational Activities of Public Organizations in the Russian Empire (Based on the Oryol Province)]. In *Uchenye zapiski Orlovskogo gosuniversiteta*. No. 1, pp. 94−98.

Goryushkina, I.A. (1997). Teatry Sibiri (kratkiy obzor stanovleniya i razvitiya) [Theaters of Siberia (a Brief Overview of Formation and Development)]. In *Sibir’ v XVI−XX vekakh: Ekonomika, obshchestvenno-politicheskaya zhizn’ i kul’tura*. Novosibirsk, pp. 251−300.

Gularyan, A.B. (2021). Mesto i rol’ religioznykh organizatsiy v sisteme samodeyatel’nykh obshchestv Rossiyskoy imperii (na materiale Orlovskoy gubernii) [The Place and Role of Religious Organizations in the System of Amateur Societies of the Russian Empire (Based on the Oryol Province)]. In *Istoricheskoe obozrenie*. No. 22, pp. 44−54.

Kotlyar, N.V. (2021). Obshchestvennye organizatsii v dorevolyutsionnoy Rossii: voprosy klassifikatsii [Public Organizations in Pre-Revolutionary Russia: Matters of Classification]. In *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. No. 6, pp. 41−55.

Kuchinskiy, A. (1993). *Syberia: Czterysta lat polskiej diaspory*. Wroclaw, Warshava, Krakov, Zakład Narodowy im. Ossolińskich. 439 p.

Kulomzin, A.N. (1912). *Opytnyy podschet sovremennogo sostoyaniya nashego narodnogo obrazovaniya* [An Experimental Calculation of the Current State of Our Public Education]. St. Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 49 p.

Rodigina, N.N. (2006). *“Drugaya Rossiya”: obraz Sibiri v russkoy zhurnal’noy presse vtoroy poloviny XIX − nachala XX vv.* [“The Other Russia”: the Image of Siberia in the Russian Magazine Press of the Second Half of the 19th − Early 20th Centuries]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 343 p.

Sevost’yanova, E.V. (1995). O deyatel’nosti nauchnykh obshchestv v Zabaykal’e (vtoroy poloviny XIX − nachala XX v.) [On the Activities of Scientific Societies in Transbaikalia (Second Half of the 19th − Early 20th Century)]. In *Kul’tura i intelligentsiya v epokhu modernizatsii (XVIII−XX vv.)*. Omsk. Vol. 2, pp. 123−126.

Smirnov, S.N. (2025). Imperatorskoe pravoslavnoe palestinskoe obshchestvo i drugie obshchestvennye organizatsii v Rossiyskoy imperii kak sub”ekty sotsial’noy politiki (vtoraya polovina XIX − nachalo XX veka) [The Imperial Orthodox Palestine Society and Other Public Organizations in the Russian Empire as Subjects of Social Policy (Second Half of the 19th − Early 20th Century)]. In *Interes vchera, segodnya i navsegda*. Tver, pp. 141−148.

Tumanova, A.S. (2002). *Samoderzhavie i obshchestvennye organizatsii v Rossii. 1905−1917 gg.* [Autocracy and Public Organizations in Russia. 1905−1917]. Tambov, Izdatel’stvo TGU imeni G.R. Derzhavina. 488 p.

Tumanova, A.S., Safonov, A.A. (2020). Ustavy obshchestvennykh organizatsiy v dorevolyutsionnoy Rossii [Charters of Public Organizations in Pre-Revolutionary Russia]. In *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*. Vol. 24, No. 1, pp. 113−136.

Н.И. Гаврилова*

«СВЕДЕНИЯ О ЛИЧНОМ СОСТАВЕ ДУМ И СОБРАНИЙ УПОЛНОМОЧЕННЫХ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ РУБЕЖА XIX–XX ВЕКОВ

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-14
УДК 94(571.53/.55)

Выходные данные для цитирования:
Гаврилова Н.И. «Сведения о личном составе дум и собраний уполномоченных» как источник по истории городского общественного управления Забайкальской области рубежа XIX–XX веков // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 167–184. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-14.pdf

N.I. Gavrilova*

"INFORMATION ON THE PERSONNEL OF THE DUMAS AND MEETINGS OF AUTHORIZED REPRESENTATIVES" AS A SOURCE ON THE HISTORY OF URBAN PUBLIC ADMINISTRATION IN THE TRANSBAIKAL OBLAST AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-14

How to cite:
Gavrilova N.I. "Information on the Personnel of the Dumas and Meetings of Authorized Representatives" as a Source on the History of Urban Public Administration in the Transbaikal Oblast at the Turn of the 19th and 20th Centuries // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 167–184.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-14.pdf]

Abstract. This article presents the results of a study examining the dynamics of the social composition of urban self-government bodies in the Trans-Baikal Oblast during the first three four-year periods following the introduction of the 1892 City Statute. The source base consists of the files "On the Personnel of Urban Public Administrations in the Trans-Baikal Oblast" stored in the Fond of the Economic Department of the Ministry of Internal Affairs (RSHA). These materials allowed to clarify the characteristics of the class composition, educational level, and age parameters of deputies, to examine previously unstudied characteristics of their rotation, to note the deputies' experience in public service during elections, and to identify their "settler" status. The dynamics of the class composition of the Dumas and assemblies of authorized representatives of Transbaikal cities at the turn of the 19th and 20th centuries were generally characterized by a decline in the share of the bourgeoisie, but its numerical superiority remained, and in a number of small towns in the region, its undivided dominance. The share of merchants and hereditary honorary citizens increased in the early 20th century, allowing for significant representation, while bureaucrats and nobility had an extremely insignificant representation. An increase in the educational level of deputies is revealed as well. A statistical analysis reveals that a trend toward a relatively greater balance in the representation of different age cohorts in the Dumas was the main driver of changes in the age composition of deputies. Low deputy turnover (approximately 65–70 % were re-elected) reinforced the trend toward an aging Duma composition. On the other hand, renewal was largely due to the recruitment of younger individuals. It is emphasized that between a third and a half of the deputies in Chita, Verkhneudinsk, and Troitskosavsk had experience in public service and performing "public service for elections". There was no significant rotation of deputies in the municipal governments of the Transbaikal Oblast due to representatives of newly arrived elites (since the second half of the 1880s).

Keywords: Transbaikal Oblast, City Regulations of 1892, public administration bodies, Social composition of the City Duma

* **Наталья Игоревна Гаврилова,** кандидат исторических наук, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, e-mail: nig2312@yandex.ru
Natalya Igorevna Gavrilova, Candidate of Historical Sciences, Baikal State University, Irkutsk, Russia, e-mail: nig2312@yandex.ru

deputies, public activities of the City Duma deputies, rotation of the City Duma deputies.

The article has been received by the editor on 15.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования динамики социального состава органов городского самоуправления Забайкальской области на протяжении первых трех четырехлетий после введения Городового положения 1892 г. Основу источниковой базы составили отложившиеся в Фонде Хозяйственного департамента МВД (РГИА) дела «О личном составе городских общественных управлений по Забайкальской области». Материалы позволили уточнить характеристики сословного состава, образовательного уровня и возрастных параметров гласных, обратиться к ранее неизученным характеристикам их ротации, отметить наличие у гласных опыта общественной службы по выборам, выявить их «поселенческий» статус. Отмечено, что динамика сословного состава дум и собраний уполномоченных забайкальских городов на рубеже XIX−XX вв. в целом характеризовалась снижением доли мещанства, но с сохранением за ним численного перевеса, а в ряде малых городов области − безраздельного доминирования; значительным представительством купечества и потомственных почетных граждан, доля которых в начале XX в. возрастала; крайне незначительным представительством чиновничества и дворянства. Выявлено повышение образовательного уровня гласных. Анализ статистики показал, что основным вектором изменений возрастного состава гласных стала тенденция к относительно большей сбалансированности представительства в думах различных возрастных когорт. Низкая ротация гласных (около 65−70 % избирались повторно) усиливала тенденцию «старения» состава дум. С другой стороны, его обновление в значительной степени шло за счет привлечения в думу лиц более молодого возраста. Подчеркнуто, что от трети до половины гласных Читы, Верхнеудинска и Троицкосавска имели опыт общественной деятельности и исполнения «общественных служб по выборам». Сколько-нибудь значительная ротация гласных за счет представителей вновь прибывающих (со второй половины 1880-х гг.) в город элит в органах городского самоуправления Забайкальской области отсутствовала.

Ключевые слова: Забайкальская область, Городовое положение 1892 г., органы городского общественного управления, социальный состав гласных, общественная деятельность гласных, ротация гласных.

Статья поступила в редакцию 15.12.2025 г.

Одной из отправных точек при изучении системы местного самоуправления пореформенных городов России выступает анализ социального состава органов городского общественного управления. Его особенности в значительной степени обусловливали характер и направления деятельности общественных органов, определяли круг лиц, для которых работа в органах муниципального управления становилась каналом формирования гражданской активности, приобретения навыков общественной самодеятельности и самоуправления. Кроме того, особенности состава гласных городских дум, членов управ и городских голов позволяют судить об успешности решения стоявших перед правительством задач по созданию городских выборных учреждений, способных обеспечить эффективность управления городским хозяйством. Наконец, динамика социального состава органов городского общественного управления, будучи теснейшим образом связана с особенностями социальной

структуры города, его статусом и спецификой социально-экономического развития, косвенно отражала общие тенденции урбанистического процесса региона.

Члены Верхнеудинской городской управы. Фото начала XX в.

Характеристики социального состава органов общественного управления российских городов представлены значительным объемом историографии. Основы современной разработки вопроса были заложены В.А. Нардовой[1] и Л.Ф. Писарьковой[2], в исследованиях рубежа 1980−1990-х гг. представивших глубокий анализ социального состава гласных дум, сформированных по Городовым положениям 1870 и 1892 гг. Авторами был введен в научный оборот обширный статистический материал по городам внутренних губерний России, а также общероссийские данные (613 городов) за вторую половину 1880-х гг. Важными в контексте поставленных в статье задач представляются поднятые в работах M.F. Hamm[3], D.R. Brower[4] вопросы роли государства в развитии русского города, эволюции городских сословий.

Существенные результаты достигнуты в изучении социального состава гласных сибирских городов[5]. Значительное освещение получили данные вопросы и на материалах Забайкалья. Важный для нас материал содержится в работах В.И. Мерцалова[6], С.А. Насибулина[7], Г.Я. Тригуба[8], И.Ю. Замула[9]. Особое значение принадлежит исследованиям Т.В. Паликовой[10]

[1] *Нардова В.А.* Городское самоуправление в России в 60-х − начале 90-х годов XIX века. Правительственная политика. Л., 1984; *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы в России в конце XIX − начале XX века. СПб., 1994.

[2] *Писарькова Л.Ф.* Социальный состав городских гласных накануне контрреформы 1892 года // История СССР. 1989. № 6. С. 152−160.

[3] The City in Late Imperial Russia. Bloomington, 1986.

[4] *Brower D.R.* The Russian City Between Tradition and Modernity, 1850−1900. Berkeley, 1990.

[5] История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX − начала XX века. Новосибирск, 2006. С. 6−9, 69−72; *Шиловский М.В.* Трансформация органов городского самоуправления в Сибири на рубеже XIX−XX в. // Современное историческое сибиреведение XVIII − начала XX вв. СПб., 2020. С. 238.

[6] *Мерцалов В.И.* Город Чита: возникновение и развитие (1851−1895 гг.) // Вестник Читинского государственного университета. 2012. № 5 (84). С. 3−10.

[7] *Насибулин С.А.* К истории городского самоуправления в Чите в 1875−1921 годах // Гуманитарный вектор. 2009. № 3. С. 97−101.

[8] *Тригуб Г.Я.* Формирование системы местного самоуправления на Дальнем Востоке России и взаимоотношения ее органов с государственной властью (вторая половина XIX − первая четверть XX в.): дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2004. 248 с.

[9] *Замула И.Ю.* Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 − февраль 1917 г.). Иркутск, 2001. 208 с.

[10] *Паликова Т.В.* Города Забайкалья второй половины XIX − начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ, 2010; *Паликова Т.В.* Реализация городского законодательства в городах Забайкалья в последней трети XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012.

и Н.Б. Свиридовой[11]. В частности, ими раскрыты общая динамика сословного состава органов общественного управления городов Забайкалья, характеристики образовательного и возрастного ценза гласных в конце XIX в. (1895−1898 гг.)[12]. В качестве основных тенденций изменения социального состава органов городского самоуправления Забайкалья начала XX в. отмечены: увеличение численности чиновничества, уменьшение доли представительства купечества, сохранение относительно стабильного положения мещанства «с небольшими колебаниями» показателей численности этой сословной группы в думах «по отдельным четырехлетиям»[13]. Подчеркнуто, что купечество и мещанство выступали основной социальной базой рекрутирования городских голов[14]. Авторами сделан вывод о типичности социального облика забайкальского гласного и соответствии его характеристик аналогичным показателям гласных других городов Сибири[15].

Заметным шагом в дальнейшей разработке вопроса стал выход в свет серии статей (2025 г.), посвященных 150-летию введения в Забайкалье городского общественного управления на основании Городового положения 1870 г. В частности, Т.В. Паликовой в рамках комплексного анализа процесса становления и развития системы городского общественного управления в Забайкалье в пореформенный период характеристики социального состава дум были выведены на уровень «субмоделей», «определявшихся статусностью, людностью, финансовыми возможностями» городов[16].

Заслугой исследователей является введение в научный оборот значительного комплекса источников из центральных и региональных архивов (РГИА, ГАРБ, ГАИО, ГАЗК), содержащих материал о составе органов городского общественного управления Забайкальской области по Городовым положениям 1870 и 1892 гг. Среди них особое значение принадлежит спискам избирателей, баллотировочным листам, послужным спискам членов городского управления[17]. Отложившееся в ГАЗК дело «Сведения о составе городских общественных управлений Забайкальской области. 1894−1898»[18] позволило определить не только сословные характеристики гласных забайкальских городов, избранных на первое четырехлетие по Городовому положению 1892 г., но и образовательный уровень, а также возрастные параметры[19].

Вместе с тем в литературе подчеркивается потребность расширения источниковой базы изучения общественного управления в городах Забайкальской области. Как отмечают сами исследователи, «объем исторических источников, сосредоточенных в архивах страны, до сих пор все еще не востребован в полном объеме»[20], а «в проблемном поле изучения городского

№ 2 (3), ч. 1. С. 49−53; *Паликова Т.В.* Формирование и состав органов общественного управления в городах Забайкалья последней трети XIX − начала XX вв. // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2011. № 2 (37). С. 80−84; *Паликова Т.В., Кальмина Л.В., Мишакова О.Э.* Купечество − Верхнеудинск − Улан-Удэ. Улан-Удэ, 2007.

[11] *Свиридова Н.Б., Паликова Т.В.* Городское общественное управление в Забайкальской области в последней трети XIX − начале XX в. Улан-Удэ, 2022; *Свиридова Н.Б.* Формирование органов городского общественного управления в Забайкальской области в последней трети XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 144−148.

[12] *Свиридова Н.Б., Паликова Т.В.* Городское общественное управление… С. 74−75.

[13] *Паликова Т.В.* Формирование и состав… С. 83.

[14] *Свиридова Н.Б., Паликова Т.В.* Городское общественное управление… С. 77.

[15] *Паликова Т.В.* Формирование и состав органов общественного управления … С. 83.

[16] *Паликова Т.В.* Городское общественное управление в Забайкалье в контексте реформ последней четверти XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2025. № 3. С. 8.

[17] *Паликова Т.В.* Социальное, экономическое, культурное развитие городов Забайкальской области во второй половине XIX − начале XX в.: дис. … д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2011. С. 118−120.

[18] Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 21. Оп. 1. Д. 50. 148 л.

[19] *Паликова Т.В.* Формирование и состав… С. 83; *Паликова Т.В.* Социальное, экономическое, культурное развитие… С. 172, 469; *Свиридова Н.Б.* Деятельность городского общественного управления в Забайкальской области в последней трети XIX − начале XX в.: дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. С. 85−86; *Свиридова Н.Б., Паликова Т.В.* Городское общественное управление… С. 74−76.

[20] *Свиридова Н.Б., Паликова Т.В.* Городское общественное управление… С. 16.

управления» сохраняются «лакуны»[21]. Необходимость привлечения новых источников была обозначена в качестве важной исследовательской перспективы и в контексте анализа городских дум Сибири в целом[22].

В связи с этим важное значение для анализа состава гласных приобретает введение в научный оборот отложившихся в Фонде Хозяйственного департамента МВД (РГИА. Ф. 1287. Оп. 38) дел «О личном составе городских общественных управлений по Забайкальской области»[23], охватывающих первые три четырехлетия после введения Городового положения 1892 г. В литературе подобный подвид источника охарактеризован как содержащий «богатейший материал для анализа состава городских дум»[24]. В.А. Нардова отмечает, что «правящие круги проявляли большую заинтересованность в получении самых детальных сведений о результатах как первых, так и последующих выборов в органы общественного управления. Циркулярное распоряжение от 16 ноября 1894 г. предписывало губернаторам представлять в Хозяйственный департамент МВД сведения о личном составе дум и собраний уполномоченных по специальной форме, заключающей в себе графы о вероисповедании, сословии, чине и звании, возрасте, имуществе гласных. Формой предусматривались также ответы на вопросы о том, с какого времени гласный проживает в данном городе, избирался ли он в думу прежде, какие должности занимает по городским, земским или сословным выборам. Таким образом, по каждой городской думе сообщались не сводные данные, а поименные списки гласных с перечнем указанных сведений»[25].

Единообразие представленной в указанных документах статистики увеличивает эвристический потенциал этих источников. Учитывая существенное видовое разнообразие городских поселений Забайкалья[26], анализ данного материала позволит уточнить особенности сословного состава, образовательного уровня и возрастных параметров гласных дум городов разного типа, рассмотреть эти показатели в динамике, обратиться к ранее неизученным характеристикам ротации гласных, отметить наличие у них опыта общественной службы по выборам до избрания в думу, выявить их «поселенческий» статус (уроженец города / прибывавший в город). Кроме того, наличие однопорядковых данных позволяет проводить корректное сопоставление с аналогичными показателями по другим губерниям и областям Сибири, выявляя общие тенденции и специфику состава гласных различных административно-территориальных единиц региона.

Целью настоящего исследования выступает анализ динамики социального состава органов городского самоуправления Забайкальской области на протяжении первых трех четырехлетий после введения Городового положения 1892 г. (1893/1895−1905 гг.). Рамки статьи хронологически ограничены периодом от принятия нового Городового положения (1892 г.) до начала событий 1905−1907 гг. Как неоднократно подчеркивалось в литературе, начало XX в. было отмечено ростом политической активности городских дум, став «совершенно новым явлением в истории городского самоуправления»[27]. До этого периода думы «оставались в стороне от оппозиционного движения, занимаясь хозяйственными вопросами»[28]. Первые три четырехлетия (с 1893/1894, с 1897/1898, с 1902/1903 гг.) после введения Городового положения 1892 г. стали своеобразным рубежом в рамках изменения характера участия городских дум Сибири в общественной жизни края. С этой точки зрения данный период может рассматриваться в качестве небольшого самостоятельного этапа в органах городского самоуправления региона.

[21] *Свиридова Н.Б., Паликова Т.В.* Городское общественное управление… С. 13.
[22] История общественного самоуправления… С. 9−10.
[23] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3037, 3648.
[24] *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы… С. 32.
[25] Там же.
[26] *Паликова Т.В.* Города Забайкалья… С. 27.
[27] История общественного самоуправления… С. 278.
[28] Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX − начала XX веков. Иркутск, 2019. С. 356.

Введение Городового положения 1892 г. в городах Забайкальской области было завершено к 1895 г. Первым городом, где дума открыла свои действия на основе нового законоположения, стал областной центр Забайкалья г. Чита. Согласно сообщению (22 октября 1893 г.) Забайкальского губернатора на имя Приамурского генерал-губернатора, «19 сентября 1893 г. при 26 избирателях, избрано 13 гласных в Читинскую городскую думу; затем на дополнительном собрании, 26 сентября избран 1 гласный при 12 избирателях. Всех избирателей в Чите 64»[29]. Несмотря на то, что, «сообразно числу избирателей в Чите», местное городское управление должно было состоять из 20 гласных, Областное по городским делам Присутствие признало выборы состоявшимися[30]. Спустя два года были проведены довыборы в думу, но фактически первое четырехлетие дума проработала в неполном составе (на второе и третье четырехлетия в состав думы было избрано по 20 чел.). Подобная ситуация не являлась исключением из правил. Как отмечала В.А. Нардова, «мизерное число лиц, на которых формально распространялось избирательное право, да к тому же еще очень низкий процент принимавших участие в выборах явились основными причинами, которые породили трудности в формировании органов общественного управления. Из донесений губернаторов в Хозяйственный департамент видно, что практически нигде состав дум не был укомплектован полностью при первоначальных выборах. Многие органы городского самоуправления открывали свои действия с недобором гласных, и, как правило, кандидаты для замещения выбывших гласных отсутствовали»[31].

В мае 1893 г. Высочайше был утвержден список из 190 городов Европейской России, в которых вводилось упрощенное городское общественное управление. В ноябре-декабре 1893 г. были утверждены дополнительные списки, содержавшие наименования еще 57 городских поселений. Причем, как отмечает В.А. Нардова, на внутренние губернии Европейской России приходилось 168 городов с упрощенным общественным управлением[32].

В конце декабря 1893 г. Хозяйственный департамент МВД информировал Приморского генерал-губернатора: «Согласно высочайше утвержденному 17 декабря 1893 г. списку городских поселений, в коих должно быть введено упрощенное общественное управление, означенное управление надлежит ввести в городах Нерчинске, Баргузине, Селенгинске и Акше Забайкальской области»[33]. Вместе с тем выдвигалось требование «сделать ныне же необходимые распоряжения к безотлагательному введению нового Городового положения <…> в Троицкосавске (со слободой Кяхтой и Усть-Кяхтой) и Верхнеудинске − в полном объеме»[34].

В феврале 1894 г. прошли выборы городского старосты и помощника г. Селенгинска (избрано 12 уполномоченных)[35], в сентябре-ноябре 1894 г. − старост и помощников Нерчинска[36] и Баргузина (6 ноября 1894)[37], в феврале 1895 г. − старосты г. Акши[38]. Избранными думами Верхнеудинска и Троицкосавска выборы городских голов были проведены в конце 1894 г. (1 ноября и 30 декабря 1894 г. соответственно)[39].

Изменения системы выборов в органы городского общественного управления по Городовому положению 1892 г. не привели к значительным сдвигам в сословном составе дум городов Забайкалья (табл. 1).

[29] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2644. Л. 24.
[30] Там же.
[31] *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы… С. 29.
[32] Там же. С. 26.
[33] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2644. Л. 23.
[34] Там же.
[35] Там же. Д. 3037. Л. 7 об.
[36] Там же. Л. 8 об.
[37] Там же. Л. 7 об.
[38] Там же. Л. 8 об.
[39] Там же. Л. 3 об., 5 об.

Таблица 1

Сословный состав гласных городских дум и собраний уполномоченных Забайкальской области (первые три четырехлетия по Городовому положению 1892 г., 1894/1895−1905 гг.), в %*

Сословие	Чита		Верхнеудинск		Троицкосавск		Нерчинск		Селенгинск		Баргузин		Акша		Мысовск	
	1-е[1]	3-е[2]	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е
Потомственное дворянство	–	5	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Личное дворянство	–	–	–	–	–	–	–	–	8,3	–	–	–	–	–	–	–
Чиновничество	15,3	10	–	–	8,7	23	–	–	–	–	–	–	–	–	–	6,7
Духовенство	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Купечество	23	35	20	25	21,7	15,3	33,3	33,3	25	–	–	–	–	–	–	–
Потомственное почетное гражданство	–	5	–	10	13	19,2	8,3	16,7	8,3	–	–	–	–	–	–	6,7
Личное почетное гражданство	–	–	–	–	4,3	3,8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Мещанство	53,8	45	55	60	43,4	30,8	58,3	50	58,3	-	100	100	75	84,6	–	13,4
Казачество	–	–	5	5	4,3	7,7	–	–	–	–	–	–	16,7	15,4	–	–
Крестьянство	–	–	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	66,7
Военные	7,7	–	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Ремесленники	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	8,3	–	–	6,7
Нет данных	–	–	–	–	4,3	–	–	–	–	100	–	–	–	–	–	–
Всего	100 (13)[3]	100 (20)	100 (20)	100 (20)	100 (23)	100 (26)	100 (12)	100 (12)	100 (12)	100	100 (11)	100 (12)	100 (12)	100 (13)	–	100 (15)

* *Все таблицы составлены по:* РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3037. Л. 1−50; Д. 3648. Л. 1−278.
1, 2 − приведены данные по первому и третьему четырехлетиям; 3 − в скобках указан абсолютный показатель числа гласных (чел.), избранных в городскую думу и собрание уполномоченных.

На протяжении трех первых четырехлетий численно доминирующей группой выступало мещанство. В рамках первого четырехлетия в среднем оно составляло 63,4 %. Исключительно из мещан (100 %) состояло собрание уполномоченных г. Баргузина, основной сословной группой (75−85 %) оно являлось и в корпусе уполномоченных г. Акши (15−17 % принадлежали казачеству). В городских думах Читы, Верхнеудинска и собрании уполномоченных Нерчинска доля представителей этого сословия варьировалась в пределах 53−58 %. Существенно ниже (43,4 %) был процент мещанства в составе Троицкосавской городской думы.

К 1905 г. доля мещанства уменьшается в среднем до 52,9 %, но остается доминирующей. В частности, заметное снижение числа представителей этого сословия было характерно для городских дум Читы, Троицкосавска, собрания уполномоченных Нерчинска. Наиболее резкое сокращение (на 13 %) произошло в Троицкосавске (с 43,4 % в первом четырехлетии до 30,8 % в третьем). В то же время в составе Верхнеудинской думы численность мещанства к началу XX в. возрастает (с 55 до 60 %).

Второй по численности сословной группой в составе дум забайкальских городов являлось купечество и потомственное почетное гражданство. В первое четырехлетие на его долю в среднем приходилось 30,5 %. Причем в думе Троицкосавска представительство третьего сословия было выше, чем в других городах, и вместе с потомственными почетными граж-

данами составляло 34,7 %. В отличие от мещанства, доля купечества (вместе с потомственными почетными гражданами) в составе органов самоуправления забайкальских городов возрастала, в среднем составив в думах Читы, Верхнеудинска, Троицкосавска и Нерчинска третьего четырехлетия 39,8 %.

В начале XX в. сословный состав дум отличался определенной спецификой. Верхнеудинская дума характеризовалась явным преобладанием мещан (60 %) и заниженной долей купечества (35 %). В Троицкосавской думе сохранялось доминирование купечества и потомственных почетных граждан, хотя показатели численности этой группы по отдельным четырехлетиям существенно варьировались (первое четырехлетие − 34,7 %, второе − 69,4 %, третье − 34,5 %[40]). В Читинской думе представительство купечества и мещанства было примерно равным (в течение третьего четырехлетия 45 % − мещанство, 40 % − купечество и потомственные почетные граждане).

Доля чиновничества и дворянства в органах городского самоуправления Забайкалья рассматриваемого периода оставалась незначительной. Относительно заметной группой (2−3 чел.) она была представлена в думах областного центра (15 %, или 2 чел.) и Троицкосавска (8,7 %, или 2 чел.), незначительным процентом в Верхнеудинске (5 %, или 1 чел.) и Мысовске (6,7 %, или 1 чел.). Исключением стали выборы на третье четырехлетие в Троицкосавскую думу, по результатам которых гласными стали шесть представителей чиновничества (23 %)[41].

В целом динамика сословного состава дум и собраний уполномоченных забайкальских городов на рубеже XIX−XX вв. характеризовалась снижением доли мещанства (с 63,4 до 52,9 % согласно усредненным показателям), но с сохранением за ним численного перевеса, а в ряде малых городов области − безраздельного доминирования (84−100 %), значительным (более трети состава дум) представительством купечества и потомственных почетных граждан, доля которых в начале XX в. возрастала (с 30,5 до 39,8 % согласно усредненным показателям), крайне незначительным представительством чиновничества и дворянства.

В сведениях, предоставляемых в Хозяйственный департамент, фиксировался и образовательный уровень гласных. Данному показателю придавалось особое значение: с повышением уровня образования гласных связывались положительные изменения в характере и эффективности деятельности дум.

Согласно имеющимся данным, около половины (44,3 %) гласных городских дум и собраний уполномоченных Забайкалья, избранных на первое четырехлетие (по Городовому положению 1892 г.), имели домашнее образование (подсчеты по городам Забайкальской области, проведенные ранее на основе материалов ГАЗК[42], близки по значению) (табл. 2). Указанные характеристики были сопоставимы с аналогичными значениями по европейской части России. Согласно сведениям В.А. Нардовой, доля гласных и уполномоченных в городах 49 губерний Европейской России составляла 49,1 % (усредненный показатель)[43].

Среди же учебных заведений, которые определяли образовательный уровень забайкальских гласных, основное значение принадлежало уездным училищам (в них обучалось в среднем 22,5 % гласных первого четырехлетия шести городов Забайкалья), значительно меньшее − гимназиям и реальным училищам (в них обучалось в среднем 14,8 % гласных трех городов Забайкалья).

Показатели образовательного уровня гласных были тесно связаны с параметрами развития образовательной и культурной среды города, находились в зависимости от уровня и темпов социально-экономического развития города, социальной структуры его населения. Самый низкий уровень образования характеризовал уполномоченных Баргузина и Акши. Почти половина (45,4−41,7 %) деятелей городского самоуправления Баргузина оставались

[40] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3037. Л. 19 об. − 25; Д. 3648. Л. 7−21, 159−171.
[41] Там же. Д. 3648. Л. 158 об.
[42] *Свиридова Н.Б., Паликова Т.В.* Городское общественное управление… С. 75.
[43] *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы… С. 44.

в течение всех трех четырехлетий людьми малограмотными, а 18,1−33,3 % − неграмотными вовсе. Среди уполномоченных г. Акши доля неграмотных составляла 16,7−7,7 %. Условно «срединное» положение по образовательному критерию занимали собрания уполномоченных Нерчинска, Селенгинска и Мысовска (с 1902 г.). Подавляющая часть уполномоченных этих городов имела домашнее образование или обучалась в уездном училище (для Мысовска − в сельской школе). Относительно более высокий уровень образования характеризировал членов дум Троицкосавска, Верхнеудинска и Читы. Среди них были лица (1−2 чел.) с высшим и средним специальным образованием. Почти две трети гласных получили образование в уездном училище, реальном училище или гимназии. Наиболее высокий уровень образования характеризовал деятелей городского самоуправления Троицкосавска. «Среднее образование было прерогативой города»[44]. Отметим, что гласные областного центра существенно уступали своим верхнеудинским и троицкосавским «коллегам»: 53,8−75 % членов Читинской думы довольствовались уровнем домашнего образования.

Таблица 2

Образовательный уровень гласных городских дум и собраний уполномоченных Забайкальской области (первые три четырехлетия по Городовому положению 1892 г., 1894/95 − 1905 гг.), в %*

Образование	Чита		Верхнеудинск		Троицкосавск		Нерчинск		Селенгинск		Баргузин		Акша		Мысовск	
	1-е[1]	3-е[2]	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е
Высшее	15,4	10	5	–	–	3,8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
Среднее специальное	7,7	5	–	–	–	3,8	–	–	–	–	–	–	8,3	–	–	
Гимназия, реальное училище	–	–	10	15	26	38,4	8,3	8,3	–	–	–	–	–	–	–	6,7
Уездное училище	7,7	–	55	55	30,4	30,7	16,7	58,3	16,7	–	–	–	8,3	–	–	6,7
Приходское училище	15,4	–	–	–	8,6	11,5	–	–	–		–	–	33,3	46,1	–	40
Начальное городское училище	–	10	–	–	–	–	–	–	16,7	–	–	–	–	7,7	–	6,7
Сельская школа	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	26,6
Домашнее	53,8	75	15	15	30,4	11,5	75	33,3	66,6	–	36,3	25	33,3	38,4	–	13,3
Малограмотные	–	–	–	–	–		–	–	–	–	45,4	41,7	–	–	–	
Неграмотные	–	–	10	–	–	–	–	–	–	–	18,1	33,3	16,7	7,7	–	
Нет данных	–	–	5	15	4,3	–	–	–	–	100	–	–	–	–	–	
Всего	100 (13)[3]	100 (20)	100 (20)	100 (20)	100 (23)	100 (26)	100 (12)	100 (12)	100 (12)	100	100 (11)	100 (12)	100 (12)	100 (13)	–	100 (15)

[*] *Все таблицы составлены по:* РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3037. Л. 1−50; Д. 3648. Л. 1−278.
1, 2 − приведены данные по первому и третьему четырехлетиям; 3 − в скобках указан абсолютный показатель числа гласных (чел.), избранных в городскую думу и собрание уполномоченных.

Незначительное повышение образовательного уровня гласных к концу третьего четырехлетия стало основной тенденцией изменения этой характеристики состава дум забайкальских городов. С 44,3 до 30,2 % снизился средний показатель обладателей «домашнего» образования, увеличилась доля гласных, обучавшихся в уездных и реальных училищах,

[44] *Свиридова Н.Б., Паликова Т.В.* Городское общественное управление… С. 75.

а также гимназиях. Число же лиц с высшим и средним специальным образованием не превышало 1–2 чел. в думах Читы, Верхнеудинска и Троицкосавска.

Основным вектором изменений возрастного состава гласных дум забайкальских городов стала тенденция к относительно большей сбалансированности представительства в них различных возрастных когорт (табл. 3). Если в составе дум первого четырехлетия (1893/1894–1896/1897 гг.) доля 25–40-летних гласных составляла 30 %, а 41-летних и старше – 70 %, то в составе дум третьего четырехлетия эти показатели равнялись 40 и 60 % соответственно. Данные изменения в целом закладывали возможности для большего проявления социальной активности, раскрытия «инновационного потенциала управления»[45].

Таблица 3

Возрастной состав гласных городских дум и собраний уполномоченных Забайкальской области (первые три четырехлетия по Городовому положению 1892 г., 1894/95–1905 гг.), в %*

Возраст	Чита		Верхне-удинск		Троицко-савск		Нерчинск		Селенгинск		Баргузин		Акша		Мысовск	
	1-е[1]	3-е[2]	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е
25–30 лет	7,6	–	5	15	17,4	11,5	8,3	16,7	–	–	9	8,3	8,3	–	–	6,7
31–40 лет	15,3	35	15	5	26	30,7	25	8,3	25	–	18,1	33,3	33,3	61,5	–	33.3
41–50 лет	46	20	55	35	30,4	34,6	33,3	25	33,3	–	54,5	41,7	33,3	23	–	46,7
51–60 лет	23	20	15	35	17,4	19,2	16,7	25	41,7	–	9	16,7	25	15,4	–	6,7
61–70 лет	7,6	20	–	10	8,6	3,8	16,7	25	–	–	9	–	–	–	–	6,7
71–80 лет	–	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Нет данных	–	–	10	–	–	–	–	–	–	100	–	–	–	–	–	–
Всего	100 (13)[3]	100 (20)	100 (20)	100 (20)	100 (23)	100 (26)	100 (12)	100 (12)	100 (12)	100	100 (11)	100 (12)	100 (12)	100 (13)	–	100 (15)

Снижение «контрастности» показателей численности стало результатом ряда процессов. К началу XX в. заметно уменьшается (в среднем с 40,5 до 32 %) численность основной возрастной группы (41–50 лет) гласных городских дум Забайкалья. В течение первого четырехлетия доля 41–50-летних гласных в думах отдельных городов Забайкалья варьировалась от 55 до 30 %. Как подчеркивалось в литературе, в 1895–1898 гг. средний возраст гласных составлял чуть меньше 50 лет, что было вполне закономерно и предполагало «у баллотирующегося соответственный жизненный опыт, хозяйственные навыки и социальное влияние, необходимые для работы в городском общественном управлении»[46]. В составе же дум третьего четырехлетия доля 41–50-летних гласных снижается до 20–46,7 %.

Вместе с тем низкая ротация гласных усиливала тенденцию «старения» состава дум: доля гласных в возрасте 51–60 лет и 61–70 лет в муниципалитетах Читы, Верхнеудинска, Троицкосавска, Нерчинска и Баргузина третьего четырехлетия (1902/1903–1905/1906 гг.) возросла в среднем на 11,6 % (с 24,3 до 35,9 %). С другой стороны, обновление состава гласных в значительной степени шло за счет привлечения в думу лиц более молодого

[45] *Паликова Т.В.* Городское общественное управление… С. 9.
[46] *Свиридова Н.Б., Паликова Т.В.* Городское общественное управление… С. 75.

возраста (до 40 лет). Усредненный показатель численности гласных городов Забайкалья в возрасте 25−30 лет к началу XX в. увеличился с 7,9 до 8,2 %, в возрасте 31−40 лет − с 22,5 до 29,5 %. Относительно «молодой» состав городской думы в начале XX в. отличал Троицкосавск (42,2 % гласных в возрасте 25−40 лет), среди малых городов − Акшу (61,5 % гласных в возрасте до 41 года) и Баргузин (41,6 %). Подчеркнем, что в двух последних городах уровень сменяемости гласных был высоким (50−84,6 %).

Заслуживают внимания показатели длительности пребывания горожан на посту гласных думы и собрания уполномоченных (табл. 4). Как было отмечено в литературе, работа в органах городского общественного управления в течение нескольких сроков способствовала формированию слоя «профессиональных» гласных, превращающихся в своего рода отдельную группу горожан в несколько десятков человек[47]. Применительно к 1910-м гг. М.В. Шиловский подчеркивал начало формирования в муниципальных органах «нового типа отечественной бюрократии», отличительными признаками которого являлись «служение народу (обществу), а не императору, ротация путем выборов, а не назначения; наличие элементарного образования для замещения руководящих должностей»[48]. Деятельность в органах городского общественного управления (тем более на протяжении нескольких четырехлетий) становилась сферой выработки навыков социальной активности и общественной самоорганизации.

Таблица 4

Доля гласных городских дум и собраний уполномоченных Забайкальской области, избранных на второе и последующие четырехлетия (по Городовому положению 1892 г., 1894/1895−1905 гг.), в %*

Показатель	Чита		Верхнеудинск		Троицкосавск		Нерчинск		Селенгинск		Баргузин		Акша		Мысовск	
	1-е[1]	3-е[2]	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е
Избраны впервые	69,1	35	30	25	34,8	42,3	16,7	25	25	–	36,3	50	100	84,6	–	100
Избраны на 2-й срок	–	–	20	15	13	19,1	8,3	33,3	8,3	–	27,2	16,7	–	15,4	–	–
Избраны на 3-й срок	–	35	15	10	17,4	3,8	33,3	8,3	16,7	–	27,2	25	–	–	–	–
Избраны на 4-й срок	7,6	20	25	20	8,6	15,3	16,7	8,3	16,7	–	–	–	–	–	–	–
Избраны на 5-й срок	7,6	5	–	10	17,4	7,7	8,3	–	25	–	9	–	–	–	–	–
Избраны на 6-й срок	7,6	–	5	15	8,6	11,5	16,7	–	8,3	–	–	8,3	–	–	–	–
Избраны на 7-й срок	–	5	–	–	–	–	–	8,3	–	–	–	–	–	–	–	–
Нет данных	7,6	–	5	5	–	–	–	16,7	–	100	–	–	–	–	–	–
Всего	100 (13)[3]	100 (20)	100 (20)	100 (20)	100 (23)	100 (26)	100 (12)	100 (12)	100 (12)	100	100 (11)	100 (12)	100 (12)	100 (13)	–	100 (15)

Значительная устойчивость личного состава дум и собраний уполномоченных составляла заметную особенность подавляющей части органов городского общественного управления Забайкалья рубежа XIX−XX вв. Согласно имеющимся данным (см. табл. 4), в течение первых трех четырехлетий после введения Городового положения 1892 г. состав гласных дум и собраний уполномоченных шести городов Забайкалья (за исключением Акши

[47] Государственная власть и общество… С. 348.
[48] *Шиловский М.В.* Трансформация органов городского самоуправления в Сибири на рубеже XIX−XX в. … С. 241.

и Мысовска) в среднем обновлялся лишь на треть (27−30 %). Около 65−70 % гласных избирались повторно, из них на второй срок − около 20 %. Таким образом, около половины избираемых на новое четырехлетие гласных имели 8-летний и более длительный опыт службы в городской думе. На фоне мизерного числа избирателей и слабой заинтересованности большинства из них в результатах выборов шел процесс формирования определенных «групп интересов», стремящихся иметь вес в городском хозяйстве и его финансовой сфере. Выборы на основе личных интересов превалировали[49]. Как отмечает Т.В. Паликова, нередко они «превращались в корпоративное делегирование среди крошечной группы богатых собственников, что порождало кумовство и коррупцию»[50]. Причем в думах большинства городов области по 1−3 чел. являлись своеобразными «долгожителями» среди деятелей городского самоуправления: срок их пребывания в думе к 1905 г. составлял 19 и более лет, т.е. начало их службы относилось к концу 1870-х − середине 1880-х гг. и не прерывалось в течение последующих 5−6 четырехлетий. Среди таковых следует отметить гласного Читинской городской думы с 1875 г. купца 2-й гильдии С.А. Красикова[51], гласного городской думы Нерчинска с 1879 г. купца 2-й гильдии Г.И. Шульгина[52], гласного верхнеудинской городской думы с 1884 г. потомственного почетного гражданина Н.А. Паува и мещанина А.А. Лихачева[53], гласных городской думы Троицкосавска с 1884 г. купцов Ин. П. Шишмарева, Я.М. Пятовского, личного почетного гражданина М.А. Кондакова[54].

В отдельных городах Забайкалья показатели сменяемости гласных имели свою специфику. В частности, в течение первых трех четырехлетий в Чите и Верхнеудинске наблюдалось снижение показателей ротации гласных: с 69 (9 чел. из 13) до 35 % (7 чел. из 20) и с 30 (6 чел. из 20) до 25 % (5 чел. из 20) соответственно. Незначительный рост сменяемости гласных в течение трех четырехлетий был характерен для Троицкосавска (с 34,8 %, или 8 чел. из 23, до 42,3 %, или 11 чел. из 26) и Нерчинска (с 16,7 %, или 2 чел. из 12, до 25 %, или 3 чел. из 12).

Практически полная замена состава уполномоченных (84,6−100 %, или 11 чел. из 12) отличала Акшу. На 50 % обновлялся состав уполномоченных Баргузина (6 чел. из 12 на третье четырехлетние). Столь высокие показатели были следствием восприятия органов городского самоуправления как малозначимых, а службы в них − в качестве «обременительной обязанности» и потому нежелательной. В этих условиях избрать на каждое последующее четырехлетие стремились еще не служивших, следуя принципу очередности. В частности, такая же ситуация складывалась в заштатном г. Илимске Иркутской губернии[55].

В целом сохранение значительной доли прежнего состава дум косвенно свидетельствовало о нерешенности одной из поставленных правительством в ходе подготовки и введения Городового положения 1892 г. задач: с помощью измененного закона о выборах «обеспечить такой социальный и имущественный состав избирателей, который с большой гарантией мог выделить из своей среды общественных деятелей, способных наладить эффективную работу дум и вместе с тем не вызывавших сомнений в их полной лояльности существующему режиму»[56].

Сведения о наличии у гласных других должностей по городским и сословным выборам, а также об их участии в различного рода добровольных неполитических общественных объединениях дают представление о степени включенности думцев в другие общественные структуры и являются косвенным показателем уровня их социальной активности (табл. 5). Очевидно, что исполнение общественных служб (как правило, связанных с членством в различного рода попечительных советах, благотворительных обществах и комитетах,

[49] Государственная власть и общество… С. 329.
[50] *Паликова Т.В.* Городское общественное управление в Забайкалье… С. 8.
[51] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3648. Л. 139 об.
[52] Там же. Л. 103 об.
[53] Там же. Л. 192 об.
[54] Там же. Л. 158 об., 169 об.
[55] Государственная власть и общество… С. 351−352.
[56] *Нардова В.А.* Самодержавие и городские думы… С. 15.

выполнением обязанностей церковного старосты, службой в сиротском суде, органах сословного самоуправления и др.) вырабатывало навыки публичной деятельности, способствовало формированию опыта совместной работы в сфере общественных объединений, а вместе с тем вело к более глубокому осмыслению насущных задач, стоящих перед городом в области образования, культуры, здравоохранения, городского быта, борьбы с бедностью, и своего участия в их решении.

Таблица 5

Доля гласных городских дум и собраний уполномоченных Забайкальской области, занимающих иные должности по городским и сословным выборам (первые три четырехлетия по Городовому положению 1892 г., 1894/95–1905 гг.), в %*

Показатель	Чита		Верхнеудинск		Троицкосавск		Нерчинск		Селенгинск		Баргузин		Акша		Мысовск	
	1-е[1]	3-е[2]	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е
Имеют иные службы по выборам	54	30	25	50	30,4	34,6	–	8,3	–	–	9	–	–	7,7	–	–
Не имеют иных служб по выборам	46	70	75	50	69,6	65,4	100	91,7	100	–	91	100	100	92,3	–	100
Нет данных	–	–	–	–	–	–	–	–	–	100	–	–	–	–	–	–
Всего	100 (13)[3]	100 (20)	100 (20)	100 (20)	100 (23)	100 (26)	100 (12)	100 (12)	100 (12)	100	100 (11)	100 (12)	100 (12)	100 (13)	–	100 (15)

С другой стороны, включенность гласных в различного рода общественные объединения создавала возможность для более тесного взаимодействия дум с этими организациями, выстраивая более благоприятные условия для расширения пространства общественной инициативы и самоорганизации общества. Как подчеркивалось в литературе, с 1880-х гг. общественные объединения входят в сферу интересов муниципальных органов, становятся заметны попытки дум координировать усилия общественности города для решения острых задач социальной сферы[57]. Все это расширяло и структурировало общее пространство социальной активности.

Согласно предоставленным в Хозяйственный департамент МВД сведениям «О личном составе городских общественных управлений по Забайкальской области»[58], в Нерчинске, Баргузине, Акше и Мысовске (с 1902 г.) подавляющая часть выбираемых в течение трех четырехлетий уполномоченных не обладала (за исключением 1–2 чел. в каждом из трех составов собраний[59]) навыками общественной деятельности. Для них выборы в органы городского самоуправления стали первым опытом публичной работы.

Иная ситуация складывалась в Чите, Верхнеудинске и Троицкосавске. От трети до половины гласных, избираемых в думу, имели опыт общественной деятельности и исполнения «общественных служб по выборам». Для сравнения отметим, что в западносибирских городах около 70 % членов городских дум входили в состав действующих общественных организаций[60].

Основными сферами деятельности гласных указанных городов Забайкалья выступало участие в работе мещанской управы, торговой депутации, попечительства при учебных заведениях города, исполнение должностей мирового судьи, мещанского и церковного старост. Общее число институций, в которые были вовлечены гласные, существенно разнилось по городам, что было связано, с одной стороны, с разным уровнем насыщенности образо-

[57] Государственная власть и общество… С. 340.
[58] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3037, 3648.
[59] Там же. Д. 3648. Л. 28.
[60] История общественного самоуправления… С. 124.

Сравнительно меньшее число должностей отличало гласных читинской думы. Их максимальное число (7 наименований) пришлось на второе четырехлетие. Среди думцев было несколько членов попечительных советов учебных заведений города, мещанский староста, член сиротского суда, член общего присутствия Забайкальской казенной палаты для рассмотрения дел по дополнительному промысловому налогу[61].

Уровень включенности в различные общественные службы гласных Верхнеудинской думы был несколько выше. Наибольшее их число (9 наименований должностей) пришлось на третье четырехлетие. В 1902−1905 гг. десять гласных Верхнеудинска работали в попечительствах при трех учебных заведениях города, занимали должности в мещанской управе, сиротском суде, торговой депутации, служили заведующим военно-конским участком, церковным старостой, мировым судьей[62].

На порядок выше было число общественных служб и добровольных объединений, в которых принимали участие гласные Троицкосавска. В течение второго четырехлетия (1899−1902 гг.) перечень их должностей достигал 18 позиций. В отличие от гласных Читы и Верхнеудинска, члены думы Троицкосавска (19 из 26 гласных) работали в попечительстве при городской больнице, в составе Совета троицкосавской общественной библиотеки, троицкосавского отделения попечительства о тюрьмах, являлись членами добровольных общественных объединений − Троицкосавско-Кяхтинского общества взаимного вспомоществования приказчиков и Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела ИРГО[63].

Однако вектор изменений данных показателей от первого четырехлетия к третьему по отдельным городам был разнонаправленным. В частности, в читинской думе доля гласных, имеющих «иные службы по выборам», к началу XX в. снизилась (с 54 до 30 %), в думе Верхнеудинска возросла (с 25 до 50 %), в думе Троицкосавска изменения были незначительны (с 30,4 % в первом составе думы до 34,6 % в третьем составе думы).

Как правило, наибольшую включенность в различные общественные объединения демонстрировали те из гласных, кто работал в муниципалитете более одного-двух сроков. Напротив, среди избранных в думу впервые была высока доля не служивших по выборам. В частности, по результатам выборов на третье четырехлетие (с 1903 г.) в Троицкосавске из 11 вновь избранных гласных не имели опыта общественной службы 9 чел.[64], в Верхнеудинске − четверо из пяти[65], в Чите − шесть гласных из семи[66].

Сведения о соотношении в составе гласных уроженцев и прибывших в город были тесно связаны с общими показателями интенсивности урбанизационных процессов территории, а также с особенностями социально-экономического развития, спецификой динамики механического и естественного прироста населения городов (табл. 6). Так, например, в Иркутской городской думе 1890-х − начала 1900-х гг. активно заявляют о себе представители новой когорты предпринимателей, прибывавших в город во второй половине 1880-х − начале 1890-х гг.[67]

Напротив, состав дум забайкальских городов формировался в подавляющем большинстве из уроженцев городов этой области. Особенно высокий их процент (75−100 %) демонстрировали составы собраний городских уполномоченных Нерчинска, Селенгинска и Баргузина, социально-экономическое развитие которых переживало период упадка.

Исключение составляли Мысовск, получивший статус города в 1902 г., Акша и Чита (статус города с 1851 г.). Среди членов думы областного центра начала 1890-х гг. уроженцами города могли указать себя только гласные, чей возраст составлял не более 40 лет, а таковых было немного. Среди же 11 гласных (43,2 %) городской думы Троицкосавска (третье четырехлетие, с 1903 г.), указанных в «Сведениях о личном составе дум…»

[61] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3648. Л. 45−52.
[62] Там же. Л. 187−196.
[63] Там же. Л. 7−21.
[64] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3648. Л. 159−171.
[65] Там же. Л. 187−196.
[66] Там же. Л. 114−120.
[67] Государственная власть и общество… С. 347−348.

как «переехавшие в город», подавляющая часть проживала в Троицкосавске на протяжении 20 и более лет: 2 чел. переехали в 1860-х гг., 3 чел. − в 1870-х гг., 3 чел. − в 1880-х гг., 3 чел. − в 1890-х гг.[68] Таким образом, сколько-нибудь значительная ротация гласных за счет представителей вновь прибывающих (со второй половины 1880-х гг.) в город элит в органах городского самоуправления Забайкальской области отсутствовала.

Таблица 6

Длительность проживания гласных и уполномоченных в городах, в состав дум и собраний которых они были избраны (первые три четырехлетия по Городовому положению 1892 г., 1894/1895−1905 гг.), в %*

Показатель	Чита		Верхнеудинск		Троицкосавск		Нерчинск		Селенгинск		Баргузин		Акша		Мысовск	
	1-е[1]	3-е[2]	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е	1-е	3-е
Уроженец города	30,7	35	65	55	69,5	42,3	83,3	25	75	–	100	25	8,3	23	–	–
Переехал в город	61,5	65	30	20	21,7	42,3	16,7	25	8,3	–	–	–	91,7	61,5	–	100
Нет данных	7,6	–	5	25	8,6	15,3	–	50	16,7	100	–	75	–	15,4	–	–
Всего	100 (13)[3]	100 (20)	100 (20)	100 (20)	100 (23)	100 (26)	100 (12)	100 (12)	100 (12)	100	100 (11)	100 (12)	100 (12)	100 (13)	–	100 (15)

В целом сведения о личном составе дум и собраний уполномоченных содержат наиболее полные данные о социальных характеристиках корпуса гласных городов Забайкальской области. Их анализ показал, что динамика социального состава органов городского общественного управления Забайкалья имела схожие тенденции с аналогичными процессами в городах Сибири в целом, однако характеризировалась меньшей вовлеченностью гласных в общественную жизнь города, невысоким уровнем их ротации (за исключением малых городов области) на протяжении первых трех четырехлетий после введения Городового положения 1892 г. Четко прослеживается зависимость характеристик социального состава органов городского общественного управления Забайкалья от социальной структуры города, его статуса, специфики социально-экономического развития.

Литература

Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX − начала XX веков: коллективная монография / науч. ред. проф. Л.М. Дамешек. Иркутск: Оттиск, 2019. 612 с.

Замула И.Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875 − февраль 1917 гг.). Иркутск: Облмашинформ, 2001. 208 с.

История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX − начала XX века / К.А. Анкушева, Г.А. Бочанова, Е.А. Дегальцева, А.К. Кириллов, Г.А. Ноздрин, М.В. Шиловский, Л.Б. Ус. Новосибирск: Сова, 2006. 352 с.

Мерцалов В.И. Город Чита: возникновение и развитие (1851−1895 гг.) // Вестник Читинского государственного университета. 2012. № 5 (84). С. 3−10.

Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х − начале 90-х годов XIX века. Правительственная политика. Л.: Наука, 1984. 258 с.

Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX − начале XX века. СПб.: Наука, 1994. 160 с.

Насибулин С.А. К истории городского самоуправления в Чите в 1875−1921 годах // Гуманитарный вектор. 2009. № 3. С. 97−101.

Паликова Т.В. Города Забайкалья второй половины XIX − начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. 312 с.

Паликова Т.В. Городское общественное управление в Забайкалье в контексте реформ последней четверти XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2025. Вып. 3. С. 6−12.

[68] РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 3648. Л. 158 об. − 171.

Паликова Т.В. Реализация городского законодательства в городах Забайкалья в последней трети XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: История. 2012. № 2 (3). Ч. 1. С. 49−53.

Паликова Т.В. Социальное, экономическое, культурное развитие городов Забайкальской области во второй половине XIX − начале XX в.: дис. … д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 498 с.

Паликова Т.В. Формирование и состав органов общественного управления в городах Забайкалья последней трети XIX − начала XX вв. // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2011. № 2 (37). С. 80−84.

Паликова Т.В., Кальмина Л.В., Мишакова О.Э. Купечество − Верхнеудинск − Улан-Удэ. Улан-Удэ: ЭКОС, 2007. 189 с.

Писарькова Л.Ф. Социальный состав городских гласных накануне контрреформы 1892 года // История СССР. 1989. № 6. С. 152−160.

Свиридова Н.Б., Паликова Т.В. Городское общественное управление в Забайкальской области в последней трети XIX − начале XX в. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2022. 186 с.

Свиридова Н.Б. Деятельность городского общественного управления в Забайкальской области в последней трети XIX − начале XX в.: дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. 230 с.

Свиридова Н.Б. Формирование органов городского общественного управления в Забайкальской области в последней трети XIX в. // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 7. С. 144−148.

Тригуб Г.Я. Формирование системы местного самоуправления на Дальнем Востоке России и взаимоотношения ее органов с государственной властью (вторая половина XIX − первая четверть XX в.): дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2004. 248 с.

Шиловский М.В. Трансформация органов городского самоуправления в Сибири на рубеже XIX − XX в. // Современное историческое сибиреведение XVIII − начала XX вв.: сб. науч. тр. СПб., 2020. С. 238−244.

Brower D.R. The Russian City Between Tradition and Modernity, 1850−1900. Berkeley: University of California Press, 1990. 253 p.

The City in Late Imperial Russia / Ed. by Michael F. Hamm (Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies). Bloomington: Indiana University Press, 1986. 372 p.

References

Brower, D.R. (1990). *The Russian City Between Tradition and Modernity, 1850−1900*. Berkeley, University of California Press. 253 p.

Dameshek, L.M. (Ed.). (2019). *Gosudarstvennaya vlast’ i obshchestvo (na materialakh gorodov Irkutskoy gubernii XIX − nachala XX vv.)* [State Power and Society (Based on Materials from the Cities of the Irkutsk Province in the 19th − Early 20th Centuries)]. Irkutsk, Ottisk. 612 p.

Hamm, N.F. (Ed.) (1986). *The City in Late Imperial Russia (Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies)*. Bloomington, Indiana University Press. 372 p.

Mertsalov, V.I. (2012). Gorod Chita: vozniknovenie i razvitie (1851−1895 gg.) [The City of Chita: Emergence and Development (1851−1895)]. In *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta.* No. 5 (84), pp. 3−10.

Nardova, V.A. (1984). *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii v 60-kh − nachale 90-kh godov XIX veka. Pravitel’stvennaya politika* [Municipal Self-Government in Russia in the 1860s − Early 1890s. Government Policy]. Leningrad, Nauka. 258 p.

Nardova, V.A. (1994). *Samoderzhavie i gorodskie dumy v Rossii v kontse XIX − nachale XX veka* [Autocracy and City Councils in Russia at the End of the 19th − Beginning of the 20th Century]. St. Petersburg, Nauka. 160 p.

Nasibulin, S.A. (2009). K istorii gorodskogo samoupravleniya v Chite v 1875−1921 godakh [On the History of City Self-Government in Chita in 1875−1921]. In *Gumanitarnyy vektor*. No. 3, pp. 97−101.

Palikova, T.V. (2010). *Goroda Zabaykal'ya vtoroy poloviny XIX − nachala XX v. (sotsial'noe, ekonomicheskoe, kul'turnoe razvitie)* [Cities of Transbaikalia in the Second Half of the 19th − Early 20th Centuries (Social, Economic, and Cultural Development)]. Ulan-Ude, Izdatelstvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 312 p.

Palikova, T.V. (2011). Formirovanie i sostav organov obshchestvennogo upravleniya v gorodakh Zabaykal'ya posledney treti XIX − nachala XX vv. [Formation and Composition of Public Administration Bodies in the Cities of Transbaikalia in the Last Third of the 19th − Early 20th Centuries]. In *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo*. No. 2 (37), pp. 80−84.

Palikova, T.V. (2011). Sotsial'noe, ekonomicheskoe, kul'turnoe razvitie gorodov Zabaykal'skoy oblasti vo vtoroy polovine XIX − nachale XX v. [Social, Economic, and Cultural Development of the Cities of the Transbaikal Oblast in the Second Half of the 19th − Early 20th Century], Dr. hist. sci. diss. Ulan-Ude. 498 p.

Palikova, T.V. (2012). Realizatsiya gorodskogo zakonodatel'stva v gorodakh Zabaykal'ya v posledney treti XIX v. [Implementation of Urban Legislation in the Cities of Transbaikalia in the Last Third of the 19th Century]. In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya.* No. 2 (3), part 1, pp. 49−53.

Palikova, T.V. (2025). *Gorodskoe obshchestvennoe upravlenie v Zabaykal'e v kontekste reform posledney chetverti XIX v.* [Urban Public Administration in Transbaikalia in the Context of Reforms of the Last Quarter of the 19th Century]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrenney Azii.* No. 3, pp. 6−12.

Palikova, T.V., Kalmina, L.V., Mishakova, O.E. (2007). *Kupechestvo − Verkhneudinsk − Ulan-Ude* [Merchants − Verkhneudinsk − Ulan-Ude]. Ulan-Ude, ECOS. 189 p.

Pisar'kova, L.F. (1989). Sotsial'nyy sostav gorodskikh glasnykh nakanune kontrreformy 1892 goda [Social Composition of City Councilors on the Eve of the Counter-Reform of 1892]. In *Istoriya SSSR.* No. 6, pp. 152−160.

Shilovsky, M.V. (Ed.). (2006). *Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya v Sibiri vtoroy poloviny XIX − nachala XX veka* [History of Public Self-Government in Siberia in the Second Half of the 19th − Early 20th Century]. Novosibirsk. 352 p.

Shilovsky, M.V. (2020). Transformatsiya organov gorodskogo samoupravleniya v Sibiri na rubezhe XIX − XX v. [Transformation of Municipal Government Bodies in Siberia at the Turn of the 19th − 20th Centuries]. In *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVIII − nachala XX vv.: sbornik nauchnykh trudov*. St. Petersburg, pp. 238−244.

Sviridova, N.B. (2015). *Deyatel'nost' gorodskogo obshchestvennogo upravleniya v Zabaykal'skoy oblasti v posledney treti XIX − nachale XX v*. [Activities of Urban Public Administration in the Transbaikal Oblast in the Last Third of the 19th − Early 20th Centuries], Cand. hist. sci. diss. Ulan-Ude. 230 p.

Sviridova, N.B. (2024). Formirovanie organov gorodskogo obshchestvennogo upravleniya v Zabaykal'skoiy oblasti v posledney treti XIX v. [Formation of Urban Public Administration Bodies in the Transbaikal Oblast in the Last Third of the 19th Century]. In *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 7, pp. 144−148.

Sviridova, N.B., Palikova, T.V. (2022). *Gorodskoe obshchestvennoe upravlenie v Zabaykal'skoi oblasti v posledney treti XIX − nachale XX v.* [Urban Public Administration in the Transbaikal Oblast in the Last Third of the 19th − Early 20th Centuries]. Ulan-Ude, Izdatelstvo Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 186 p.

Trigub, G.Ya. (2004). *Formirovanie sistemy mestnogo samoupravleniya na Dal'nem Vostoke Rossii i vzaimootnosheniya ee organov s gosudarstvennoy vlast'yu (vtoraya polovina XIX − pervaya chetvert' XX v.)* [Formation of the Local Government System in the Russian Far East and

the Relationship of Its Bodies with State Power (Second Half of the 19th − First Quarter of the 20th Century)], Cand. hist. sci. diss. Vladivostok. 248 p.

Zamula, I.Yu. (2001). *Gorodskaya kul'tura i obshchestvennyy byt Verkhneudinska (1875 − fevral' 1917 gg.)* [Urban Culture and Social Life of Verkhneudinsk (1875 − February 1917)]. Irkutsk, Oblmashinform. 208 p.

А.А. Бродников*

ИЗ БЫТА СИБИРСКИХ ГОРОЖАН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА («ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» НА ПРИМЕРЕ ЕНИСЕЙСКА)

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-15
УДК 94:364.28(571.51)"16"

Выходные данные для цитирования:
Бродников А.А. Из быта сибирских горожан в первой половине XVII века («женский вопрос» на примере Енисейска) // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 185−194. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-15.pdf

A.A. Brodnikov*

FROM THE EVERYDAY LIFE OF SIBERIAN TOWNSPEOPLE IN THE FIRST HALF OF THE 17TH CENTURY (THE “WOMEN ISSUE” ON THE EXAMPLE OF YENISEYSK)

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-15

How to cite:
Brodnikov A.A. From the Everyday Life of Siberian Townspeople in the First Half of the 17th Century (The “Women Issue” on the Example of Yeniseysk) // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 185−194.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-15.pdf]

Abstract. The article discusses one of the most serious everyday problems faced by settlers from the European part of the Russian state in the first decades of Siberia’s development. Young men who arrived in Siberian cities faced a near-total absence of women, leading to long periods of singlehood. The purpose of the article is to identify how important the so-called “women’s issue” was for representatives of various categories of the Russian population of the Yeniseisk fortress in the early period of its existence, and how this situation influenced the process of further expansion of Russian possessions to the east of the Yenisei River. The sources used include collective petitions from the military personnel of the Yenisei garrison and the peasant population of the Yenisei uyezd, reports from the Yenisei and Tobolsk governors, and letters sent from Moscow to Tobolsk. The information contained in them allows to look at the problem through the prism of socio-economic relations, and to understand the impact of a seemingly purely domestic issue on the further expansion of Russian possessions in Siberia and its economic development. For the first time, it shows how the Russian population that was forming in the Yenisei district tried to solve the problem of a lack of women in legal and illegal ways, and what difficulties single plowing peasants faced in fulfilling their duties to the state. The sources indicate that the absence of women and, as a result, the inability to start families had a negative impact not only on the emotional and moral well-being of the male population, but on the economic development of the annexed territory as well.

Keywords: Yeniseisk fortress, service people, plowing peasants, gender structure of the population, gender relations.

The article has been received by the editor on 27.11.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается одна из серьезнейших бытовых проблем, возникших у переселенцев из европейской части Русского государства в первые десятилетия освоения Сибири. Приходившие в сибирские города молодые мужчины сталкивались с практически полным отсутствием женщин и, как следствие, долгое время оставались холостыми. Цель статьи − выявить, насколько был важен так называемый

* **Александр Ананиевич Бродников,** доцент, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: brodnikov.alexandros@yandex.ru
Aleksandr Ananievich Brodnikov, Associate Professor, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: brodnikov.alexandros@yandex.ru

«женский вопрос» для представителей различных категорий русского населения Енисейского острога в ранний период его существования и как эта ситуация влияла на процесс дальнейшего расширения русских владений на восток от Енисея. Привлеченные источники − коллективные челобитные служилых людей енисейского гарнизона и крестьянского населения Енисейского уезда, отписки енисейских и тобольских воевод, грамоты, приходившие в Тобольск из Москвы. Содержащаяся в них информация дает возможность взглянуть на проблему через призму социально-экономических отношений, понять влияние, казалось бы, чисто бытового вопроса на дальнейший ход расширения русских владений в Сибири и ее хозяйственного освоения. Впервые показано, как формировавшееся в Енисейском уезде русское население пыталось законным и незаконным путем решать проблему отсутствия женщин, с какими трудностями сталкивались холостые пашенные крестьяне при выполнении государевых повинностей. Привлеченные источники свидетельствуют, что отсутствие женщин и, как следствие, возможности обзаводиться семьями не просто негативно сказывалось на эмоционально-нравственном состоянии мужского населения, но и на хозяйственном освоении присоединенной территории.

Ключевые слова: Енисейский острог, служилые люди, пашенные крестьяне, гендерная структура населения, взаимоотношения полов.

Статья поступила в редакцию 27.11.2025 г.

Проблемы всевозможных бытовых вопросов русского населения Сибири стали интересовать исследователей достаточно давно. В частности, еще Г.Ф. Миллер обратил внимание на сложности, связанные со снабжением русских служилых людей продовольствием, одеждой и обувью. А начавшее появляться в Сибири еще с конца XVI в. крестьянское население, которое предполагалось определить на «государеву» пашню, кроме этого, столкнулось и с трудностями при обеспечении инвентарем[1]. Интерес к бытовой жизни сибиряков возобновился во второй половине XIX в. Так, к этому вопросу обратился сибирский областник, ученик Г.Н. Потанина, С.С. Шашков[2]. Освещая сибирскую тематику XVII в., он рассматривал местные гендерные проблемы как часть общероссийских[3]. Первым обратил внимание на катастрофический недостаток женщин среди русского населения Сибири П.Н. Буцинский. Он отметил, что это приводило к преступлениям морально-нравственного характера среди разных слоев русского населения[4]. Не отличалось, по наблюдениям Буцинского, в этом плане в лучшую сторону и еще малочисленное сибирское духовенство, с чем столкнулся первый сибирский архиепископ Киприан по прибытии в Тобольск, а позднее и его преемник архиепископ Макарий[5]. По этому же поводу еще в 1890 г. историк-архивист Н.Н. Оглоблин опубликовал статью под названием «Женский вопрос в Сибири»[6]. Встречается освещение подобных проблем и в художественной литературе. Например, в исторической повести о XVII в. красноярского писателя Кирилла Богдановича «Люди Красного Яра»

[1] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. I. С. 336−337, 339−346, 355−358, 374−377, 384−385, 402−403, 437−441 и др.; М., 2000. Т. II. С. 16−25, 40−41, 78−99 и др.; М., 2005. Т. III. С. 86−108 и др.

[2] *Шиловский М.В.* Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск, 2007. С. 291−308.

[3] *Шашков С.С.* Очерки русских нравов в старинной Сибири // Отечественные записки. 1867. № 17−20. С. 681−736; № 22−24. С. 232−272.

[4] *Буцинский П.Н.* Мангазея и Мангазейский уезд (1601 г. − 1645 г.) // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 73; *Буцинский П.Н.* Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 204.

[5] *Буцинский П.Н.* Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан… С. 224, 225, 227; *Буцинский П.Н.* Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Нектарий, Герасим (1625−1650 гг.) // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 265, 269, 270−271.

[6] *Оглоблин Н.Н.* «Женский вопрос» в Сибири в XVII веке // Исторический вестник. 1890. № 7. С. 195−207.

присутствует довольно правдоподобный эпизод о доставке в Красноярский острог женщин для женитьбы на них казаков[7].

В советское время, занимаясь проблемами сибирского города XVII в., обращал внимание на всевозможные бытовые проблемы его жителей Д.Я. Резун. Среди его работ встречаются статьи о бытовых чертах сибиряков этого столетия, в том числе о бытовой культуре жителей Енисейска[8]. Собранные им объемные сведения о сибирских казаках, в том числе о енисейцах, были позднее изданы сотрудниками Института истории СО РАН[9].

В последние годы исследователи стали активнее интересоваться проблемами положения женщин сибирских народов в XVII в. и тем, как эти проблемы наслаивались на поведение некоторой части казаков и представителей других категорий русского населения во взаимоотношениях с местным населением. В частности, этого касались В.Р. Хоменкер[10] и И.Р. Соколовский[11]. Обратился к подобной тематике и исследователь сибирского казачества XVII в. Н.И. Никитин. Он акцентировал внимание на проблемах, возникавших на территории Сибири в течение всего столетия, отмечая определенные изменения в поведении казаков, связанные с отдаленностью от административных центров и, очень вероятно, с местными традициями[12]. Из зарубежных специалистов, изучавших дореволюционную историю Сибири, теоретический инструментарий таких междисциплинарных научных направлений, как «история женщин», «история семьи», «гендерная история», применяли Э. Гентес[13], С. Бэдкок[14] и др.

Даже фрагментарно приведенная историография свидетельствует, что практически с первых десятилетий проникновения русских людей в Сибирь, представлявших собой, за очень редким исключением, мужское население, возникла и проблема, которую можно обозначить как «женский вопрос». С ним серьезным образом были связаны различные бытовые проблемы сибирского населения, которые до настоящего времени остаются слабо изученными. Цель данной статьи − обозначить бытовые проблемы, с которыми в первые годы существования Енисейского острога столкнулись его жители, служилые люди и крестьянское население по причине отсутствия в остроге и уезде женщин, что лишало их возможности обзаводиться семьями. Источниками послужили документы 20-х гг. XVII в.: отписки служилых людей Енисейского гарнизона и подгородних крестьян, отписки енисейских и тобольских воевод, грамоты, отправленные из приказа Казанского двора.

Как отмечалось выше, среди серьезных бытовых проблем первого поколения сибиряков независимо от их социальной принадлежности было отсутствие женщин. Отсутствие катастрофическое, что приводило к всевозможным конфликтам между представителями мужского населения, к нарушениям социальных и духовных норм и правил и даже к уголовным преступлениям. Все это нашло отражение в документальных источниках того времени: достаточно вспомнить грамоты в Сибирь патриарха Филарета и отписки в Москву первого сибирского архиепископа Киприана и его преемника архиепископа Макария[15]. В 1628 г. архиепископ Макарий жаловался в Москву царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету (отписку подал 15 сентября его приказной человек сын боярский Максим Трубча-

[7] *Богданович К.* Люди Красного Яра (сказы про сибирского казака Афоньку). Красноярск, 1977. 264 с.
[8] *Резун Д.Я.* К истории бытовой культуры жителей Енисейска в XVII в. // Города Сибири XVII − начала XX в.: сб. науч. ст. Барнаул, 2004. Вып. 2: История повседневности. С. 75−81.
[9] Служилые люди Сибири конца XVI − начала XVIII века: биобиблиографический словарь. М.; СПб., 2020.
[10] *Хоменкер В.Р.* Социальная структура, гендерный состав и семейные отношения русских переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке // Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск, 2019. С. 248−258.
[11] *Соколовский И.Р.* Интерсекциональность по-сибирски: дискурсивные и недискурсивные практики патриархального угнетения в XVII веке // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2, ч. 1. С. 108−123.
[12] *Никитин Н.И.* О гендерных проблемах в Сибири на ранних этапах русской колонизации // Российская история. 2021. Вып. 6. С. 61−68.
[13] *Gentes A.* Exile to Siberia, 1590−1822. Basingstoke, 2008.
[14] *Badcock S.* A prison without walls? Eastern Siberian exile in the last years of tsarism. Oxford, 2016.
[15] *Миллер Г.Ф.* История Сибири… Т. II. С. 84−85, 322−330, 342−347; *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 225−242, 252−276.

нинов[16], сменивший в 1619 г. на посту приказчика основателей Енисейского острога Петра Албычева и Черкаса Рукина), что отправляемые из сибирских городов в Москву с рухлядью и отписками уже женатые казаки вторично женятся в Москве и в разных русских городах и везут новых жен в Сибирь. А иногда просто увозят с собой, по уговору или силой, подвернувшихся по пути замужних женщин. В Сибири же продают их разным людям[17].

Говоря о Енисейском остроге (и уезде) в первые годы его существования, необходимо отметить, что в плане отсутствия женщин он особо не отличался от других сибирских уездных центров[18]. Но по причине его отдаленности от европейской части России ситуация, похоже, была всечер-таки еще сложнее. В первые годы существования Енисейска это создавало серьезные проблемы для его мужского населения и, естественно, для администрации.

Первой женщиной, упоминаемой в документальных источниках по ранней истории Енисейска, была жена атамана Поздея Фирсова, выполнявшего в Енисейском гарнизоне обязанности стрелецкого сотника, Алена, Андреева дочь. Как о ней сказано в документах − немка. Мы не знаем, с какого времени она проживала в Енисейском остроге, но, надо полагать, не позднее, чем с 1625 г. Но так как П. Фирсов служил в Енисейске со времени образования его постоянного гарнизона в 1623 г., то более вероятно, что жену он привез с собой в том же 1623 г., так как источники этих лет (1623−1625 гг.) сообщают о походах П. Фирсова по Енисею и его притокам, но не говорят о его долгом отсутствии в Енисейском остроге[19]. Единственный известный из источников факт его длительного отъезда из Енисейска − это поездка в Томск, которая закончилась для атамана трагедией: в конце 1625 г. П. Фирсов, возвращаясь из Томска в Енисейский острог, утонул в Оби, попав в полынью[20].

Таким образом, его жена Алена, Андреева дочь, стала вдовой. Судя по всему, она была еще молодой женщиной и, похоже, бездетной[21]. Енисейский подьячий Максим Перфирьев (будущий землепроходец), будучи в Енисейском остроге вторым лицом после воеводы, решил жениться на вдове. Женщина, похоже, не возражала. Вот только, как позднее выяснилось, у М. Перфирьева уже была жена в Верхотурье, о которой нам ничего неизвестно[22]. Впрочем, для Сибири того времени подобная ситуация была нередкой. Архиепископ Макарий в 1628 г. писал в Москву о том, что «иные казаки на Руси жен своих и детей пометали, а в Сибири поимают иных жен; а у иных, государь, казаков и в Сибири − на том городе жена, а на другом другая»[23].

Желание М. Перфирьева жениться на вдове П. Фирсова было поддержано воеводой А. Ошаниным. Он поручил провести венчание находившемуся в Енисейске «черному попу» Тихону. Но тот, зная, что подьячий женат, категорически отказался совершать обряд. За это воевода забрал у него церковные ключи и не пускал в церковь[24]. В последующем, когда на А. Ошанина был заведен сыск о его злоупотреблениях, это событие фигурировало в каче-

[16] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 151 об.
[17] Там же. Л. 151−152.
[18] Об этом см.: *Буцинский П.Н.* Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан… С. 224, 225, 227; *Буцинский П.Н.* Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим… С. 251−310; *Никитин Н.И.* О гендерных проблемах в Сибири на ранних этапах русской колонизации // Российская история. 2021. Вып. 6. С. 61−68.
[19] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 156−160, 339, 351, 352−353; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбф АРАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 3 об. − 4, № 5; Л. 7 об. − 8, № 12.
[20] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 91.
[21] Там же. Л. 69.
[22] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 372. Необходимо отметить, что Н.Н. Покровский, не имея сведений о существовании у М. Перфирьева жены на Верхотурье, считал, что причиной возникшего против этого венчания духовного дела было то, что она немка и не была православной (См.: *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 93−94). Но сложившаяся ситуация говорит, что возникшая проблема с ее вероисповеданием не связана. Даже если она и была «немкой», то перед тем как стать женой казака, должна была принять православие. Кроме того, учитывая, что П. Фирсов был уже опытным казаком и наверняка успел поучаствовать в войне против поляков или шведов, не исключено, что его жена являлась военным трофеем.
[23] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 151−152.
[24] Там же. Стб. 12. Л. 69.

стве еще одного из обвинений − по духовному делу, которым занимался сам архиепископ Макарий[25].

Поп Тихон отказался «молитвить» Максима со вдовой П. Фирсова. А вот другой священник, «белый поп» Кирилло, согласился, взяв за проведение обряда 10 руб. деньгами и десять четей «запасу» (надо полагать, что речь шла о ржаной муке)[26]. Хотя он тоже знал о том, что у М. Перфирьева в Верхотурье была жена (живая, но здоровая или нет − нам неизвестно). Обряд венчания был проведен ночью на Фоминой неделе. В 1626 г. Пасха выпала на 9 апреля[27]. Соответственно, Пасхальная неделя − на 10−16 апреля, а Фомина неделя − на 17−23 апреля.

В последующем, когда архиепископ Макарий проводил расспрос бывшего воеводы о незаконном венчании подьячего М. Перфирьева и препятствии его в службе «черного попа» Тихона, А. Ошанин от обвинения по поводу препятствий, чинимых «черному попу» Тихону, отказался, заявив, что к делу о венчании М. Перфирьева никакого отношения не имеет, а венчал Максима «белый поп». Сам же «белый поп» Кирилло, оказавшийся в то время в Тобольске, 5 августа 1628 г. сказал архиепископу, что совершил обряд по велению воеводы, «бояся от него убойства». Десятильника тогда в Енисейском остроге не было, а о существовавшей жене Максима он ничего не знал и плату за венчание не брал. На очной ставке А. Ошанин и поп Кирилло продолжали утверждать каждый свое. Так как М. Перфирьев, который мог бы стать свидетелем в пользу одного из обвиняемых, в Тобольск до 6 августа не прибыл, архиепископ решил отослать А. Ошанина обратно к воеводам и какого-либо решения по этому духовному делу не вынес[28].

Надо отметить, что несколько позднее у М. Перфирьева и его новой жены родился сын Иван, ставший довольно значительной фигурой в истории Енисейского и Иркутского уездов, в том числе выполнявший обязанности иркутского воеводы во время Иркутского бунта конца XVII в.[29]

В результате поступивших на воеводу Ошанина челобитных стало известно имя еще одной женщины, появившейся в Енисейском остроге в 1625 г. О ней архиепископу Макарию 3 августа 1626 г. «сказывал … енисейского острогу казак Иван Игнатьев сын прозвищем Обухов». Из слов Обухова следовало, что летом 1625 г. по пути к месту службы А. Ошанин увез из Тюмени у «государева крестьянина у Медведка сноху Катеринку Ондрееву дочь» и привез ее в Енисейской острог. История умалчивает подробности этого происшествия: увез он ее силой или обманом, или Катеринка сама стремилась сбежать от своего свекра. В Енисейске же А. Ошанин «привезучи … ее продал енисейскому казаку Булатку Иванову, а взял за нее 20 рублев». Через несколько месяцев (надо полагать, в начале промышленного сезона, т.е. в конце октября − первых числах ноября) тот казак Булатко пошел на промысел (интересно, как решался вопрос с выполнением им служебных обязанностей?), а воевода продал ее другому енисейскому казаку − Левонтью Ондрееву сыну Кобылину. На этот раз Оршавин «взял за нее 30 рублев». «И ныне тот казак Левка с тою Катеринкою живет беззаконством, что и з женою и та ныне Катеринка чреваста»[30].

[25] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 361−373.
[26] Там же. Л. 372.
[27] Православный календарь [Электронный ресурс] // Православная Пасхалия. URL: http://www.canto.ru/calendar/easter.php?style=old&year1=1450&year2=2020 (дата обращения: 14.02.2026).
[28] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 16. Л. 372.
[29] *Бродников А.А.* Иван Максимович Перфирьев (из истории сибирской служилой династии XVIIв.) // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII−XIX веков. Тобольск, 2005. С. 151−168; *Бродников А.А.* Выборный судья Иркутска Иван Перфирьев: Проблемы управления городом и уездом в конце XVII в. // Память о прошлом в письменных источниках XVIII−XX вв. Новосибирск, 2023. С. 104−112; Служилые люди Сибири конца XVI − начала XVIII века… С. 668, 670.
[30] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 68−69.

Эта информация вместе с другими материалами сыска по делу о енисейском бунте[31] поступила в Москву. Царь Михаил Федорович и его отец Филарет Никитич, патриарх Московский и всея Руси, 23 ноября 1626 г. заслушав доклад о енисейских событиях, «указали» отослать А. Ошанина на суд к архиепископу Макарию. А в Енисейске отправленному тобольскими воеводами для сыска письменному голове (тобольскому сыну боярскому Богдану Аршинскому) об этом «сыскати накрепко какую Ондрей жонку с собою привез в Енисейской острог и у кого в сибирских городех взял и увез в Тюменском городе у пашенного крестьянина сноху отнял ли»[32]. После проведенного в Енисейске сыска Катеринку следовало тоже отослать к архиепископу, а полученные А. Ошаниным за нее деньги вернуть казакам[33].

Позднее архиепископ Макарий писал в Москву, что тобольский воевода боярин А.А. Хованский прислал к нему А. Ошанина, а сыскного дела на него по поводу «жинки Катеринки» и допросных речей про него тюменского пашенного крестьянина Медведка о своей снохе не дал[34]. Архиепископу пришлось вернуть А. Ошанина тобольским воеводам. При этом в качестве сопровождающего с ним был отправлен архиепископский дьяк Савва Есипов, автор летописи, получившей в последующем у исследователей его имя.

Тем не менее А. Ошанин подал архиепископу челобитную и по тому и по другому поводу. По версии бывшего воеводы, когда он в 1625 г. проезжал через Тюмень, к нему на судно эту Катеринку привел енисейский казак Федька Патрекеев, «а тово, де, он не ведает, чья дочь и мужняя ли жена или безмужная». Ошанин ее с судна согнал, и она ехала до Енисейского острога с Ф. Патрекеевым. В Енисейском остроге он никому эту Катеринку не продавал, а держит ее у себя казак Левка Кобылин «и беззаконством с нею живет и брюха ее довалял»[35]. Получается, что воевода Ошанин не имел представления, каким образом Катеринка от Ф. Патрекеева попала к Л. Кобылину. А подтвердить или опровергнуть сказанное в челобитной на воеводу при рассмотрении этого дела в Тобольске в это время у архиепископа свидетелей не нашлось. В итоге архиепископ Макарий был вынужден А. Ошанина «в духовных делах» простить.

Интересно отметить, что в самой ранней известной окладной книге служилых людей Енисейского острога за 1629/1630 г. имена Булатки Иванова и Левки Кобылина не встречаются[36]. Нет среди них и Федьки Патрекеева. Но есть три Федьки с другими прозвищами: Михайлов, Сернин и Петров[37]. Не исключено, что кто-нибудь из них, учитывая существовавший в то время хаос с ведением подобных документов, мог быть тем самым Федькой Патрекеевым. А вот в окладной книге за 1632/1633 г. встречается имя Левки Кобылина[38].

В целом следует отметить, что проблема отсутствия жен у служилых людей сохранялась достаточно долго и беспокоила воеводскую администрацию, так как влияла на их обустроенность, «обживание». К декабрю 1629 г. среди ста енисейских стрельцов, присланных при тобольском воеводе князе Ю.Я. Сулешеве, большинство были «люде не заводные». Как писал в Москву енисейский воевода Василий Аргамаков, они «живут непрочным житьем, только избы ставлены у десяти человек <…> а у остальных у всех пристанища своего у человека нет, люди холостые одинокие»[39].

---

[31] О событиях енисейского бунта см.: *Покровский Н.Н.* Сибирские материалы XVII–XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 24–61; *Бродников А.А.* О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 11–19.

[32] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 68 об.

[33] Там же. Л. 69 (должен быть Л. 69 об.).

[34] Там же. Стб. 16. Л. 370–370а.

[35] Там же. Л. 371–372.

[36] Там же. Оп. 1. Кн. 27. Л. 303–318.

[37] Там же. Л. 307 об. – 308, 309 об.

[38] Там же. Кн. 47. Л. 84.

[39] Там же. Оп. 3. Стб. 12. Л. 485–486.

Но, пожалуй, еще более серьезные проблемы из-за отсутствия жен испытывали крестьяне. Вскоре по приезде в Енисейский острог на воеводство А. Ошанина они подали ему челобитную. В своей челобитной, составленной в 1626 г. от лица 20 человек, крестьяне сообщают, что присланы они в Енисейск из Тобольска в 1621 г. Все это время они живут в тяжелых условиях. За прошедшее время они себе пашню так и не напахали и «дворишка не обустроили», потому что не успевают: все остаются одинокими и холостыми. Если бы у них «женишка были, и они бы хотя иные работы не знали». Поскольку из Тобольска в Енисейский острог «гулящих жонок» не присылают, то жениться им не на ком. Именно это крестьяне и просили − прислать им из Тобольска «гулящих женочек на ком женитися»[40].

По традиции того времени, воевода изложил проблему крестьян в своей отписке, приложив к ней полученную им челобитную. В своей отписке в Москву А. Ошанин сообщал, что в Енисейском остроге на тот момент пашенных крестьян насчитывалось 27 человек, при этом женатых было лишь 7 человек[41]. То есть челобитную подали только холостые крестьяне. Отсутствие жен серьезным образом влияло на выполнение разных работ, которые государевы крестьяне должны были выполнять. Как отмечал воевода, «у которых у пашенных крестьян жен нет, и те пашенные крестьяне пришед с твоей государевой пашни хлеба пекут и варят, толкут и мелют сами <…> а без жен пашенным крестьяном быти не уметь»[42]. Часто крестьяне даже не успевали готовить себе нормальную пищу: многие просто варили кутью[43].

Таким образом, как и у служилых людей, у крестьян существовала проблема − где взять жен. В вышеупомянутой отписке воеводы Ошанина говорилось: «А в Енисейском остроге гулящих жонок нет, женитца им не на ком, а ис Тобольска им гулящих жонок не присылают на ком женитца»[44]. Поэтому, по мнению воеводы, лучше всего присылать в Енисейск крестьян с семьями: «А лучшая, государь, статья, что прислати в Енисейской острог с Руси или из Сибири в твои государевы пашенные крестьяне в жильцы людей добрых и прожиточных и семьянитых, которым пашня за обычей»[45].

В ответ на отписку А. Ошанина и челобитную енисейских пашенных крестьян из Москвы тобольскому воеводе Андрею Хованскому была отправлена государева грамота (получена в Тобольске 10 сентября 1626 г.), по которой ему следовало послать в Енисейск «гулящих жонок и девок для женитьбы»[46].

Но, судя по всему, проблема так и не была решена − тобольским воеводам тоже надо было где-то брать «гулящих жонок и девок для женитьбы». А ситуация в Тобольске была ненамного лучше, чем в Енисейском остроге, о чем князь Хованский и проинформировал правительство. Его отписка была доставлена в приказ Казанского дворца 27 апреля 1627 г. Но в Москве посчитали, что проблему можно все-таки решить на месте. Поэтому на обороте его отписки появилась резолюция: «А про жонки <…> князю Андрею отписати о том в Сибирские городы, где будет сыщутся гулящих жонок и девок велеть посылати в Енисейской»[47]. Грамота соответствующего содержания в ответ на отписку А. Хованского была получена в Тобольске уже в июле 1627 г.[48]

Между тем численность енисейских крестьян продолжала увеличиваться. Правительство предпринимало усилия для развития в Сибири земледелия, в том числе и в Енисейском уезде, для чего из европейской части России туда отправляли крестьян, но опять же холостых. Весной 1630 г. в приказ Казанского дворца поступила еще одна челобитная енисейских пашенных крестьян − на этот раз уже от лица 53 человек. Крестьяне писали,

[40] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 137−139.
[41] Там же. Л. 131.
[42] Там же. Л. 132.
[43] Там же. Л. 8.
[44] Там же. Л. 132.
[45] Там же. Л. 136.
[46] Там же. Л. 148, 150.
[47] Там же. Л. 148 об.
[48] Там же. Л. 154−155.

что присланы они были из Москвы в Енисейской острог «наги и босы». В Енисейске они столкнулись с теми же проблемами, что и прежние крестьяне: «…жен и детей у них нет. В пашенную и всякую пору мелют и пекут, и варят сами, а дворы их пустыми стоят, аженится им в Енисейском остроге негде, а в сибирские городы их для женитьбы не отпустят. От того до конца погибли». Кроме прочих просьб, эти новоприбывшие крестьяне просили отпустить их в сибирские города для женитьбы, «чтоб им вконец не погибнуть и врозь не розбрестись»[49]. Однако в Москве смогли только повторить прежние рекомендации, данные ранее сибирским воеводам. Енисейский воевода кн. Семен Шаховской писал об этом в Москву: 3 ноября 1630 г. была ему прислана из приказа Казанского дворца грамота по челобитью енисейских крестьян 53 человек, которые жаловались на существующие проблемы, в том числе что живут без жен[50].

Таким образом, почти за десять лет, в течение которых московское правительство и сибирская воеводская администрация предпринимали усилия по развитию в Енисейском уезде земледелия, проблема присылаемых в Енисейский острог холостых пашенных крестьян фактически не решалась. В условиях отсутствия в Енисейском остроге незамужних женщин и возможности обзаводиться женами они оставались холостыми и из-за этого ограниченными в своих трудовых возможностях. Это неизбежно сказывалось на выполнении возложенных на них повинностей. Тем не менее правительство, получая информацию об этой злободневной проблеме, пыталось переложить ее решение на местную воеводскую власть, отказываясь понимать, что в то время в Сибири это было нереально.

Не менее сложной можно считать и ситуацию со служилыми людьми, которые, в отличие от крестьян, обладали возможностью передвижения из Сибири в европейскую часть России и, казалось бы, могли обзаводиться семьями. Однако они зачастую использовали это для банальной наживы, рассматривая привозимых в Сибирь женщин как товар. Кроме того, источники свидетельствуют, что многие из сибирских служилых людей имели жен в других городах, в том числе «на Руси», но не стремились перевозить их к своему месту службы. Возможно, это было связано с первоначальной ориентацией приходящих в Сибирь людей, которые, поступая на государеву службу, могли не рассматривать свое новое состояние как постоянное. Но эта проблема требует отдельного изучения.

Литература

Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. 402 с.

Богданович К. Люди Красного Яра (сказы про сибирского казака Афоньку). Красноярск, 1977. 264 с.

Бродников А.А. Иван Максимович Перфирьев (из истории сибирской служилой династии XVII в.) // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII−XIX веков. Тобольск, 2005. С. 151−168.

Бродников А.А. О причинах и последствиях Енисейского бунта 1626 г. // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI−XX вв. Новосибирск, 2005. С. 11−19.

Бродников А.А. Выборный судья Иркутска Иван Перфирьев: Проблемы управления городом и уездом в конце XVII в. // Память о прошлом в письменных источниках XVIII−XX вв. Новосибирск, 2023. С. 104−112.

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 1. 328 с.

Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601 г. − 1645 г.) // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 5−78.

Буцинский П.Н. Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 199−250.

[49] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 12. Л. 377−379.
[50] Там же. Л. 537.

Буцинский П.Н. Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим (1625−1650 гг.) // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 251−310.

Буцинский П.Н. Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г. // Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2. С. 79−110.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М., 1999. 630 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. М., 2000. 796 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. М., 2005. 598 с.

Никитин Н.И. О гендерных проблемах в Сибири на ранних этапах русской колонизации // Российская история. 2021. Вып. 6. С. 61−68.

Оглоблин Н.Н. «Женский вопрос» в Сибири в XVII веке // Исторический вестник. 1890. № 7. С.195−207.

Покровский Н.Н. Сибирские материалы XVII−XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма. Новосибирск, 1988. С. 24−61.

Резун Д.Я. К истории бытовой культуры жителей Енисейска в XVII в. // Города Сибири XVII − начала XX в.: сб. науч. ст. Барнаул, 2004. Вып. 2: История повседневности. С. 75−81.

Служилые люди Сибири конца XVI − начала XVIII века: биобиблиографический словарь / отв. ред. И.П. Каменецкий. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. 992 с.

Соколовский И.Р. Интерсекциональность по-сибирски: дискурсивные и недискурсивные практики патриархального угнетения в XVII веке // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 2, ч. 1. С. 108−123.

Хоменкер В.Р. Социальная структура, гендерный состав и семейные отношения русских переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке // Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья. Новосибирск, 2019. С. 256.

Шашков С.С. Очерки русских нравов в старинной Сибири // Отечественные записки. 1867. № 17−20. С. 681−736; № 22−24. С. 232−272.

Шиловский М.В. Судьбы, связанные с Сибирью: Биографические очерки. Новосибирск: Сова, 2007. 376 с.

Gentes A. Exile to Siberia, 1590−1822. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. XIII, 271 p.

Badcock S. A prison without walls? Eastern Siberian exile in the last years of tsarism. Oxford: Oxford University Press, 2016. 195 p.

References

Alexandrov, V.A., Pokrovsky, N.N. (1991). *Vlast’ i obshchestvo. Sibir’ v 17-m veke* [Power and Society. Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie. 402 p.

Badcock, S. (2016). *A prison without walls? Eastern Siberian exile in the last years of tsarism*. Oxford, Oxford University Press. 195 p.

Bogdanovich, K. (1977). *Lyudi Krasnogo Yara (skazy pro sibirskogo kazaka Afon’ku)* [People of Red Yar (Tales about the Siberian Cossack Afonka)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel’stvo. 264 p.

Brodnikov, A.A. (2005). Ivan Maksimovich Perfir’ev (iz istorii sibirskoy sluzhiloy dinastii XVII v.) [Ivan Maksimovich Perfiryev (From the History of the Siberian Service Dynasty of the 17th Century)]. In *Semen Remezov i russkaya kul’tura vtoroy poloviny XVII−XIX vekov*. Tobolsk, pp. 151−168.

Brodnikov, A.A. (2005). O prichinakh i posledstviyakh Yeniseyskogo bunta 1626 g. [On the Causes and Consequences of the Yeniseisk Revolt of 1626]. In *Obshchestvennaya mysl’ i traditsii russkoy dukhovnoy kul’tury v istoricheskikh i literaturnykh pamyatnikakh XVI−XX vv.* Novosibirsk, pp. 11−19.

Brodnikov, A.A. (2023). Vybornyy sud’ya Irkutska Ivan Perfir’ev: Problemy upravleniya gorodom i uezdom v kontse XVII v. [Elected Judge of Irkutsk Ivan Perfiryev: Problems of City

and District Governance at the End of the 17th Century]. In *Pamyat' o proshlom v pis'mennykh istochnikakh XVIII−XX vv.* Novosibirsk, pp. 104−112.

Butsinsky, P.N. (1999). *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes]. Tyumen, Izdatel'stvo Yu. Mandriki. Vol. 1. 328 p.

Butsinsky, P.N. (1999). *Sochineniya v dvukh tomakh* [Works in Two Volumes]. Tyumen, Izdatel'stvo Yu. Mandriki. Vol. 2. 328 p.

Gentes, A. (2008). *Exile to Siberia, 1590−1822*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. XIII, 271 p.

Kamenetsky, I.P. (Ed.). (2020). *Sluzhilye lyudi Sibiri kontsa XVI − nachala XVIII veka: biobibliograficheskiy slovar'* [Service People of Siberia at the End of the 16th − Beginning of the 18th Century: A Biobibliographic Dictionary]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya. 992 p.

Khomenker, V.R. (2019). Sotsial'naya struktura, gendernyy sostav i semeynye otnosheniya russkikh pereselentsev v Sibiri i na Dal'nem Vostoke [Social Structure, Gender Composition and Family Relations of Russian Settlers in Siberia and the Far East]. In *Albazinskiy ostrog: Istoriya, arkheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya*. Novosibirsk, pp. 248−258.

Miller, G.F. (1999). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. Vol. 1. 630 p.

Miller, G.F. (2000). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. Vol. 2. 796 p.

Miller, G.F. (2005). *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. Vol. 3. 598 p.

Nikitin, N.I. (2021). O gendernykh problemakh v Sibiri na rannikh etapakh russkoy kolonizatsii [On Gender Issues in Siberia at the Early Stages of Russian Colonization]. In *Rossiyskaya istoriya.* Iss. 6, pp. 61−68.

Ogloblin, N.N. (1890). "Zhenskiy vopros" v Sibiri v XVII veke ["The Women's Question" in Siberia in the 17th Century]. In *Istoricheskiy vestnik.* No. 7, pp. 195−207.

Pokrovskiy, N.N. (1988). Sibirskie materialy XVII−XVIII vv. po "slovu i delu gosudarevu" kak istochnik po istorii obshchestvennogo soznaniya [Siberian Materials of the 17th−18th Centuries on the "Word and Deed of the Sovereign" as a Source for the History of Social Consciousness]. In *Istochniki po istorii obshchestvennoy mysli i kul'tury epokhi pozdnego feodalizma*. Novosibirsk, pp. 24−61.

Rezun, D.Ya. (2004). K istorii bytovoy kul'tury zhiteley Yeniseyska v XVII v. [On the History of Everyday Culture of the Residents of Yeniseisk in the 17th Century]. In *Goroda Sibiri XVII − nachala XX v.* Barnaul. Iss. 2, pp. 75−81.

Shashkov, S.S. (1867). Ocherki russkikh nravov v starinnoy Sibiri [Essays on Russian Morals in Ancient Siberia]. In *Otechestvennye zapiski.* No. 17−20, pp. 681−736.

Shashkov, S.S. (1867). Ocherki russkikh nravov v starinnoy Sibiri [Essays on Russian Morals in Ancient Siberia]. In *Otechestvennye zapiski.* No. 22−24, pp. 232−272.

Shilovskiy, M.V. (2007). *Sud'by, svyazannye s Sibir'yu: Biograficheskie ocherki* [Fates Connected with Siberia: Biographical Essays]. Novosibirsk, Sova. 376 p.

Sokolovskiy, I.R. (2020). Intersektsional'nost' po-sibirski: diskursivnye i nediskursivnye praktiki patriarkhal'nogo ugneteniya v XVII veke [Intersectionality, Siberian Style: Discursive andNon-Discursive Practices of Patriarchal Oppression in the 17th Century]. In *Idei i idealy.* Vol. 12, No. 2, part 1, pp. 108−123.

А.Ю. Майничева*

ЦВЕТОВАЯ СРЕДА ГОРОДОВ СИБИРИ В XVII − НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-16
УДК 39:72ю017(571.1)"16/172"

Выходные данные для цитирования:
Майничева А.Ю. Цветовая среда городов Сибири в XVII − начале XVIII века // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 195−208.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-00.pdf

A.Yu. Mainicheva*

COLOR ENVIRONMENT OF SIBERIAN CITIES IN THE 17TH − EARLY 18TH CENTURIES

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-16

How to cite:
Mainicheva A.Yu. Color Environment of Siberian Cities in the 17th − Early 18th Centuries // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 195−208.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-16.pdf]

Abstract. The article presents the results of research of the color of the urban environment during the period of the rooting of Russian culture in Siberian lands, with the active use of imported traditions and the formation of new ones adapted to the conditions of Siberia. It is established that, although a separate direction exists that can be conditionally called the ethnography of color, the study of the color characteristics of settlements, buildings, and structures has been overlooked by ethnographers. The application of an environmental approach using a reliable source base formed from documents of the 17th − early 18th centuries, such as census and copy books, testimonies of service people, and letters of clergy, made it possible to consider the relationship of spaces and objects with the environment, people, and the cultural and historical context. Methods of historical sciences, case studies, content analysis, ethnographic methods of direct observation, as well as the principles of neuro art and neuro methodology were used as well. For the first time, characteristic features of the color palette of Siberian cities of the 17th − early 18th centuries were identified, including contrasting and nuanced combinations of natural and man-made objects; changes in color and its accents in the man-made landscape, visually highlighting the city center with color. It is established that the Siberian construction of Russian cities followed the traditions of European Russia, where stone architecture had been known since the early Middle Ages, and converged with it, moving in line with the main architectural trends. Preferences in the use of a color palette based on the color properties of natural materials. Limitations were associated with a shortage of materials and specialists, and technology. Stone construction not only reflected status but served as an indicator of the development of new lands. The ability to reproduce building traditions in new territories, including the use of color, served as a marker of adaptation. White stone construction was an indicator of the development of new lands. The development of Siberian cities in the 17th and early 18th centuries and their color schemes reproduced the traditions of the color environment of Russian cities in a new location.

Keywords: Siberian city, color environment, color palette, cultural landscape, adaptation.

The article has been received by the editor on 31.01.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Анна Юрьевна Майничева,** доктор исторических наук, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова, Новосибирск, Россия, e-mail: annmaini@gmail.com
Anna Yur'evna Mainicheva, Doctor of Historical Sciences, Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts Named after A.D. Kryachkov, Novosibirsk, Russia, e-mail: annmaini@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты исследований цветовой городской среды, существовавшей на этапе укоренения русской культуры на сибирских землях, когда активно использовались принесенные традиции и формировались новые, адаптированные к условиям Сибири. Установлено, что, хотя существует отдельное направление, которое можно условно назвать этнографией цвета, изучение цветовых особенностей поселений, зданий и сооружений обойдено вниманием этнографов. Применение средового подхода с использованием достоверной источниковой базы, сформированной из документов XVII − начала XVIII в.: переписных и копийных книг, показаний служилых людей, писем священнослужителей, позволило учесть взаимосвязь пространств и объектов с окружающей средой, человеком и культурно-историческим контекстом. Использованы также методы исторических наук, кейс-стади, контент-анализ, этнографическая методика непосредственного наблюдения, а также принципы нейроискусства и нейрометодологии. Впервые были выявлены характерные черты колористики сибирских городов XVII − начала XVIII в., включающие контрастные и нюансные сочетания природных и рукотворных объектов, изменения в цвете и колористических акцентах в рукотворном ландшафте, визуальное выделение цветом центра города. Установлено, что сибирское строительство русских городов следовало традициям Европейской России, где каменное зодчество было известно с раннего Средневековья и сближалось с ним, двигаясь в русле основных архитектурных тенденций. Предпочтения в использовании цветовой палитры были основаны на цветовых особенностях натуральных материалов. Ограничения связаны с недостатком материалов и специалистов, отсутствием технологий. Каменное строительство отражало не только статусность, но и служило индикатором освоенности новых земель. Возможность воспроизводства на новых территориях строительных традиций, в том числе и в использовании цвета, служила маркером адаптации. Застройка сибирских городов в XVII − начале XVIII в. и их колористика воспроизводили на новом месте традиции цветовой среды русских городов.

Ключевые слова: сибирский город, цветовая среда, колористика, культурный ландшафт, адаптация.

Статья поступила в редакцию 31.01.2026 г.

Введение. Цвет является одним из основополагающих характеристик природных и культурных ландшафтов. Цвет как ключевая категория культуры оказывает эмоциональное воздействие на человека и выступает формообразующим средством, подчеркивает своеобразие элементов культуры. В гуманитарной науке существует направление, которое можно условно назвать этнографией цвета: в ее рамках исследователи определяют этнические предпочтения цвета, символику цвета в этнической картине мира, колористику в различных культурах, где цвет маркирует структуру мира, социальный статус и обрядовые действия. Изучением цветовой палитры архитектурных объектов занимаются архитекторы и реставраторы, для них цвет становится особо значим, так как от способов его использования зависит комфортность создаваемой среды и правдивость реконструкции. Но и для исследователей-этнографов не менее важно определение основных принципов выбора народом цвета для обустройства своего окружения на разных уровнях − в поселениях или отдельных постройках, поскольку использование цвета является своеобразным отражением исторического пути этнических групп, взаимодействия различных этнических традиций, нравственно-эстетических ценностей и особенностей видения мира. Пока изучение цветовых особенностей поселений, зданий и сооружений обойдено вниманием этнографов.

В имеющихся работах по исследованию колористики поселений, как правило, городов, рассматриваются отдельные памятники архитектуры или современное состояние

городов для проектирования и реконструкции застройки в исторических зонах[1]. Редкие работы посвящены цвету в деревянной архитектуре Русского Севера и каменной архитектуре Древней Руси[2]. Такое положение дел понятно, так как исследователи в основном работают с сохранившимися сооружениями, а их до наших дней дошли буквально единицы. Цвету в сибирских сооружениях прошлого посвящены также немногочисленные публикации в аспекте анализа выдающихся объектов и по нескольку фраз в обобщающих работах, как правило, в связи с распространением архитектурных стилей, датируемых XVIII−XIX вв.[3] Можно заключить, что из поля зрения исследователей выпал значительный пласт русской культуры в Сибири, а именно период начального заселения сибирских территорий и образования городов.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен особенностями сибирской истории. XVII − начало XVIII в. характеризуются укоренением русской культуры на сибирских землях, активным использованием принесенных традиций и формированием новых, адаптированных к условиям Сибири, появлением новых технологий, приемов и материалов. Для достижения целей исследования хронологические рамки могут расширяться.

Восполнение пробела в научном знании об использовании цвета в отдаленные от современности периоды сибирской истории является фундаментальной научной проблемой, решение которой позволит повысить достоверность архитектурных реконструкций, особенно в распространенной сейчас виртуальной 3D-форме, понять принципы и правила создания культурных ландшафтов, ментальность созидателей прошлого и выделить элементы традиционности и преемственности в подходе к созданию городской среды и картины мира в целом. Цель настоящей работы − выявление характерных черт цветовой среды в сибирских городах в XVII − начале XVIII в., что является новеллой в исследовании сибирских городов. Под термином «цветовая среда городов» понимается система колористики в пространстве, влияющая на человека и на функциональность пространства.

Понимая сложность поставленной цели и ее многоаспектность, ограниченность объема статьи, а также информационный потенциал имеющихся источников, решаемая задача сужена до определения колористики городской застройки в природных условиях, что можно выполнить с использованием средового подхода.

Средовой подход позволяет учитывать взаимосвязь пространств и объектов с окружающей средой, человеком и культурно-историческим контекстом. Он включает анализ различных характеристик изучаемого архитектурного ландшафта: масштабности, материалов, конструкций и форм сооружений, природного окружения, а также культурных и эстетических ценностей. В настоящем исследовании впервые применен средовой подход к изучению городской среды XVII − начала XVIII в., ранее он был задействован только в перспективном проектировании. Кроме того, использованы методы исторических наук, case-study, контент-анализа, а также этнографической методики непосредственного наблю-

[1] См., например: *Ефимов А.В.* Колористика города. М., 1990; *Панова Н.Г., Жиркова В.Д.* Особенности формирования цветовой среды северных городов России // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. № 3 (56). С. 334−344; *Железняк О.Е.* Цвет. Город. Культура. Иркутск, 2013; *Ефимов А.В., Панова Н.Г.* Архитектурная колористика и пластические искусства. М., 2019; *Седов В.В.* Цвет в русской архитектуре // SPEECH. 2010. № 6. С. 46−63; *Федоров В.* Проблема цвета в сохранении памятников архитектуры. К постановке вопроса // Архитектура СССР. 1978. № 9. С. 48−51.

[2] *Бодэ А.Б.* Цвет в архитектуре деревянных храмов XVII−XVIII веков // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 4. С. 35-42; *Черный В.Д.* Цвет в каменной архитектуре Древней Руси // Артикульт. 2019. № 36 (4). С. 29−40; *Заграевский С.В.* Цветовые решения глав древнерусских храмов // Архитектор. Город. Время: мат-лы ежегодной междунар. науч.-практ. конф. (Великий Новгород − Санкт-Петербург). СПб., 2014. Вып. XVII. С. 24−36.

[3] *Гуменюк А.Н., Ляликов И.В.* «Сибирское барокко» в архитектуре малых городов Западной Сибири XVIII − начала XIX вв. // Омский научный вестник 2014. № 4 (130). С. 181−190; *Туманик А.Г.* Архитектура и изобразительное искусство Сибири XVIII − первой четверти XIX века // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. № 3. С. 76−86; *Прибыткова-Фролова А.М.* Памятники архитектуры XVIII и XIX века в Томске // Труды Томского краеведческого музея. Томск, 1927. Т. I. С. 3.

дения. Поскольку речь идет о цвете, а эта тема неизбежно ведет к вопросам восприятия и впечатления, будут применены принципы нейроискусства и нейрометодологии[4].

Исследование базируется на нескольких положениях:

− природно-климатические условия оказывают влияние на формирование цветовой среды и восприятие ее человеком. К ним относятся природный ландшафт, температурно-влажностный режим, условия инсоляции, носители цвета − минеральные (камни, почва), растительность, водоемы, небо;

− культура колористики включает цветовые принципы создания рукотворных ландшафтов, застройки в аспекте создаваемых предпочтений и сочетаний цвета и формы;

− пространственная структура города, ее составные части, их развитие по горизонтали и вертикали определяют цветовую архитектурно-градостроительную морфологию, символику и феноменологию.

Заявляя о возможностях средового подхода, автор не пытается охватить весь спектр вопросов, отдавая себе отчет в том, что некоторые аспекты будут очерчены лишь штрихами, но в силу новизны и научной значимости решаемой задачи надеется на продолжение исследований.

Проведение исследований цвета в сибирской городской среде прошлого затруднено в силу ограниченности источниковой базы. Судя по количеству публикаций и их научной многоаспектной проработке, исследователи гораздо лучше ориентируются в колористике Древнего мира, чем в принципах использования цвета в городах Сибири XVII − начала XVIII в. Многие сооружения безвозвратно утрачены. Археологические изыскания на сибирских территориях предоставили пока немногочисленные материалы о применении цвета, исключая находки изразцов[5].

Редки изобразительные материалы, а достоверность передачи в них цвета сомнительна в силу выполнения авторами рисунка или иконы, на которых можно было бы обнаружить цветные изображения архитектурных объектов, канонических, художественных и творческих задач. Например, на иконе XVII в. из церкви г. Березово «Архангел Михаил» можно увидеть разрушенный белокаменный город с постройками, покрытыми цветными крышами, но точно установить, какой именно город имелся в виду, насколько реалистично его изображение, не представляется возможным. Чертежи С.У. Ремезова в «Чертежной книге Сибири» 1701 г. не позволяют определить цвет построек (рис. 1). Опубликованные зарисовки видов городов конца XVIII в. выполнены в черно-белой графике − например, виды городов в материалах Второй Камчатской экспедиции (1733−1743 гг.) (рис. 2). Фотографии сохранившихся зданий XVII−XVIII вв. вследствие технических особенностей времени съемки представлены также только в черно-белом исполнении (рис. 3, 4), однако можно их использовать для воссоздания природного окружения при условии домысливания цвета лесов, гор, земли. Цвет словно ускользает от исследователей, хотя является неотъемлемой чертой среды обитания. Он настолько привычен для глаза человека, что становится буквально невидимкой. В быту окружающий цвет подает сигнал, существенный для

[4] См. об этом подробнее: *Майничева А.Ю.* Новое в гуманитарном знании: нейроархеология и нейроистория искусства // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. № 5. С. 279−283; *Майничева А.Ю.* Проблемы реконструкции сибирских острогов XVII−XVIII веков в аспекте нейрометодологии // Аношинские чтения: мат-лы I Межрег. науч.-практ. конф. 2017. С. 103−107.

[5] *Данилов П.Г.* Печные изразцы из Воскресенского раскопа на нижнем посаде города Тобольска // Манускрипт. 2025. Т. 18, вып. 1. С. 217−220; *Данилов П.Г.* Тобольские изразцы XVIII века из Дворца Наместника // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 101−109; *Кауфман Ю.Б.* Изразцы в Кузнецке в XVII в. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005. С. 294−300; *Семенова В.И.* Изразцовый декор Благовещенского собора в Тюмени // Вестник Томского государственного университета. Сер.: История. 2016. № 5 (43). С. 59−64; *Семенова В.И.* Коллекция изразцов из раскопок Тюмени // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 275−277; *Черная М.П.* Воеводская усадьба в Томске. 1660−1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск, 2015; *Черная М.П.* Томский кремль середины XVII−XVIII вв.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002; *Щербаков В.В.* Печные изразцы Енисейска (по материалам раскопок последних лет) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 64−67.

человека в течение краткого времени, но в ряде случаев нельзя не учитывать его большую смысловую нагрузку, которая требует научного осмысления. Примером служит колористика поселений.

Несмотря на имеющиеся недостатки источников, их сплошной просмотр позволил сформировать достоверную источниковую базу, необходимую для исследования. Она состоит из документов XVII − начала XVIII в.: переписных и копийных книг, показаний служилых людей, писем священнослужителей. Привлечены также работы предшественников, опиравшихся на исторические источники.

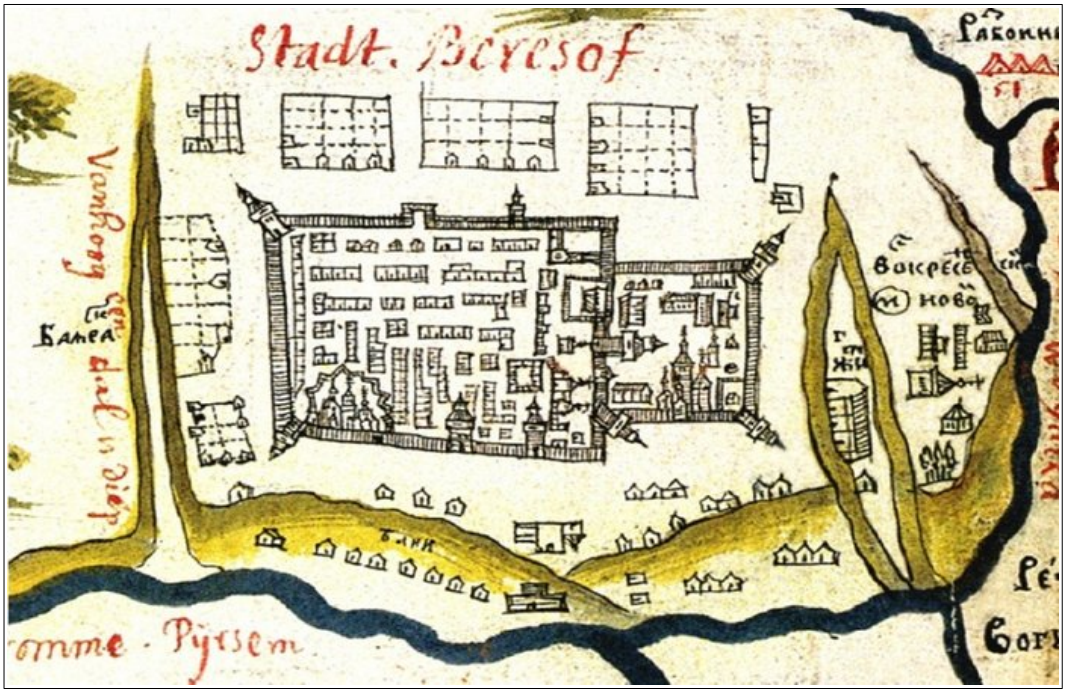


Рис. 1. Фрагмент чертежа С.У. Ремезова

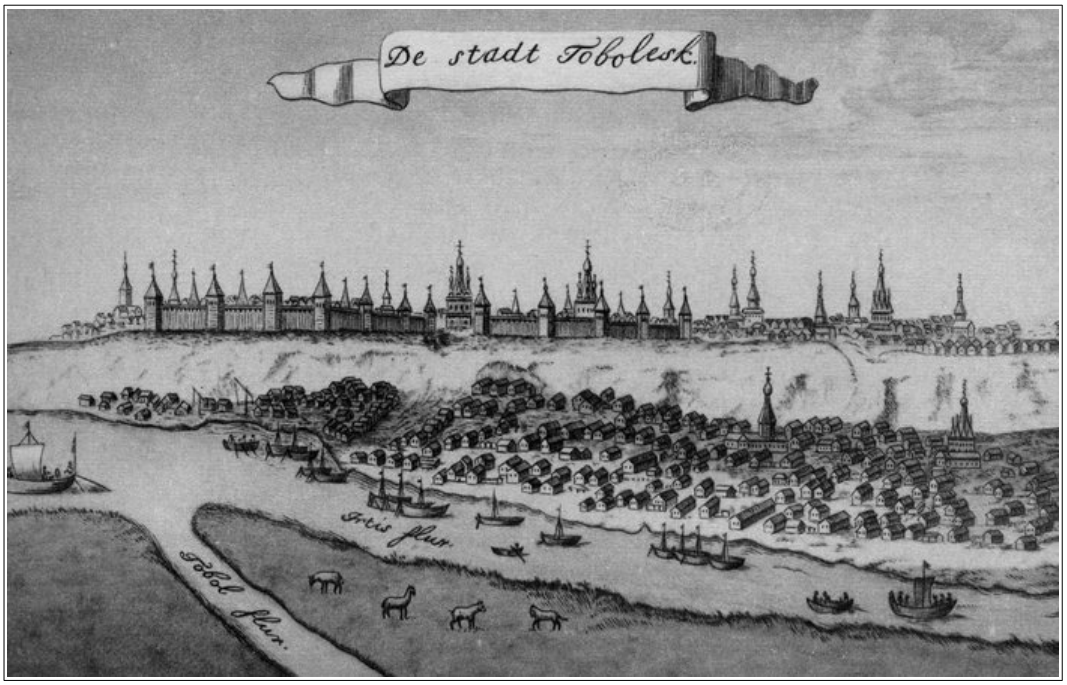


Рис. 2. Вид Тобольска. Рисунок XVIII в.

Рис. 3. Вид Иркутска. Открытка

Рис. 4. Омск. Омские ворота

Колористика городской застройки в природных условиях. Исследователи застройки первых сибирских городов справедливо писали о преобладании дерева в качестве строительного материала. Сосредоточиваясь на конструктивных элементах, формообразовании, деталях, времени строительства, строителях сооружения, они уделяли мало внимания цветовым характеристикам, которые, казалось бы, подразумевались. Сам материал построек диктовал представление о цветовом единстве − коричневые «деревянные» тона. Однако дерево имеет различные оттенки в зависимости от возраста постройки (новая − светлая, старая − темная), от породы дерева − например, береза со временем темнеет не так, как сосна (первая сереет, вторая приобретает темный коричнево-красный цвет или, обработанная специальными составами, может давать легкий красноватый оттенок). Осина становится серебристой, что использовалось в лемехах главок церквей Русского Севера.

В документах редко встречаются упоминания, из каких пород дерева ставились здания, лишь говорится, что из-за нехватки строительного материала и необходимости быстрого выполнения строительных работ острог поставили из лодейного леса, т.е. из конструкций, из которых были сделаны ладьи первопроходцев, или давался приказ заготовить «лес» без уточнений какой именно породы, а только каким размером «в отрубе», т.е. в диаметре: шестивершковый, четырехвершковый, или по длине − например, для верхотурского гостиного двора требовалось «110 слег шестисаженных и пятисаженных»[6]. При строительстве г. Пелыма было «велено строить острог из легкого леса и поспешно»[7], вероятно, из тонкомерных бревен нехвойных пород. Тем не менее найдены и конкретные указания на породы деревьев, использовавшихся для строительства. В 1626 г. отряд тобольских конных казаков был отправлен из Тобольска на Ямышевское озеро для определения возможности построить острог. Результаты их разведки обсуждались на воеводском дворе. Было решено, что крепостные сооружения острога поставить можно, так как «лес по займищам талник, ветелник и тополник (виды ивовых и тополя. − *А. М.*) есть», но использовать его для «хором нельзя»[8]. В описи дворов Усть-Ницинской слободы материалом жилых построек указан сосновый лес, для хозяйственных служб могли использовать осину: «…двор Савки Кипреянова да Лучки Денисова. На дворе хором изба, две клети <…>, два пристена, лес сосновой», «…двор Серешки Денисова. <…> две клети наземные, лес сосновой, да осиновой», «…двор Семейки Самойлова. <…> изба, клеть с подклетом, да клеть наземная, лес сосновой, два хлева осиновых», «…избенка осиновая с клетишкой, не вершена»[9]. Разнообразие материалов давало нюансные сочетания цвета деревянных зданий.

Форма также влияет на цветовую палитру. Чем сложнее форма, больше деталей, тем больше контрасты между светом и тенью, тем разнообразнее колористика. Рядовые жилые городские постройки были просты по форме и являлись вариантами параллелепипедов с пирамидальными или плоскими кровлями, что хорошо видно на зарисовках XVII в. Олеария[10] или сибирских городов XVIII в. участников Второй Камчатской экспедиции. Сложные формы были характерны для церковных сооружений. Деревянный Софийский собор, построенный в 1621−1622 гг. в Тобольске, представлял собой четырехугольный сруб с галереей, покрытый крещатыми бочками, имитирующими закомары. На срубе стоял восьмигранный барабан, также с бочечным покрытием. Венчали сооружение глава на широкой шее и крест. Композицию дополняли алтарная часть, также с покрытиями бочками, четыре главки на закомарах, крытая лестница с крыльцами. Со зданием собора была соединена шестигранная колокольня под высоким шатром, увенчанная главкой[11]. Кроме того, Софийский собор был связан крытыми переходами с так же выполненными из дерева церковью Похвалы Богородицы и хоромами архиепископа. Несомненно, что такая сложная композиция построек не могла не привлекать внимание богатством форм, игрой света и тени. Однако все же деревянную застройку можно охарактеризовать в целом как нюансную по цвету.

Цвет неба для города имеет важное значение, так как оно занимает огромное пространство. Покрытия построек тесницами или дранью отражают цвета неба, что придает им голубоватый или белесый оттенок. Такой эффект можно наблюдать на рисунках художников. Простые охристые коричневатые оттенки создают впечатление неестественности построек, показанных на рисунке, добавление же синего, красного делает изображение более живым. Учитывая, что покрытие дранью, т.е. досками, полученными при раскалывании бревен по вертикали, было стандартным для городских построек, в том числе и хозяйственных, можно предположить значительное влияние цвета крыш на создание общей коло-

[6] РГАДА. СП. Оп. 5. Д. 683. Л. 4−4 об.
[7] *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 161.
[8] *Скалон В.Н.* Русские землепроходцы XVII века в Сибири. М., 1951. С. 156.
[9] Тобольский Архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. Вып. IV. С. 76.
[10] *Олеарий Адам.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
[11] Тобольский Архиерейский дом в XVII веке… С. 37−81.

ристики города (например, среди прочих построек томских усадеб описан амбар для хранения хлебных запасов: «…амбар рубленный с перерубом, покрыт дранью»[12]).

Не менее значимы цвета дикорастущих трав, деревьев, городских усадеб с придомовыми территориями и огородными культурами, дорог, горных массивов, водоемов в разные сезоны и в течение суток, при разной продолжительности дня и ночи. Усадьбы городов XVII − начала XVIII в. представляли собой комплекс жилых и хозяйственных построек, включающих «дворовое место» (двор) и «огородное место» (огород). На дворе стояли жилые и хозяйственные постройки, на огороде, кроме посадок, часто размещали колодцы, бани, сараи или амбары. Например, из одного из описаний следует, что была продана «изба с клетью и сеньми», позади клети находилась «изба малая, а позади той избы огород»[13]. По данным купчих, опубликованных А.А. Люцидарской, значительная часть усадеб имела площадь, превышающую 1 тыс. кв. м, достигая размера свыше 3 тыс. кв. м, но были и небольшие участки от 100 до 600 кв. м, причем площадь огорода могла превышать площадь «дворового места» в 2−3 раза[14]. Таким образом, благодаря особенностям застройки создавалась мозаичность рукотворного ландшафта.

Цвет гор был естественно вплетен в городской пейзаж, например Красноярска или Зашиверска. Расположение крепостных строений городов на крутом берегу придает им своеобразие не только благодаря застройке, но и вследствие контраста по масштабу и цвету с природным окружением. Так, центральная административная часть Тобольска эффектно смотрится среди темного природного окружения, создаваемого обрывистым берегом. Томская крепость с башнями и церквями и Алексеевский мужской монастырь, расположенные на холмах, выделялись на фоне природного окружения и жилой части, которая находилась в низменной местности.

Хотя основатели городов в первую очередь искали удобные для застройки и защиты места: например, при выборе места для закладки города на реке Туре − будущего Верхотуринска, было отдано предпочтение месту расположения старого чудского городища для экономии в строительстве оборонных сооружений, но результат превосходил все ожидания и по эффектности расположения города, в том числе по цветовой визуальности. В отписке от 1597 г. сообщалось, что «на северном берегу Туры находится крутой камень-гора, возвышающийся над поверхностью воды на 12 саженей и больше, а длина оного по реке простирается до 60 сажен, так что со стороны Туры нет надобности ставить стены, то место и без городовой стены всякого города крепче»[15]. Огромный камень был включен в структуру города и доминировал в пейзаже, контрастируя с деревянной застройкой. Острожные и жилые строения занимали малую площадь по отношению к размерам камня. Из воеводской отписки 1603 г. следует, что «места под дворы давали невеликие − детям боярским вдоль и поперек по 8 сажен, а стрельцам − по 5 сажен»[16].

Благодаря расположению первых сибирских городов в северной климатической зоне большое значение приобретают зимние цвета. С одной стороны, зимой преобладают белесые и белые оттенки, однако в солнечные дни снег дает резкие контрасты с многочисленными холодными оттенками голубого, розового, серого, что обогащает колорит городов. Холодный снежный период с малой продолжительностью дня и долгой ночью, необходимостью длительного отопления зданий и освещения их пожароопасными средствами ставили особые условия для строительства. Деревянные здания плохо отвечали требованиям пожарной безопасности.

В XVII − начале XVIII в. некоторые города из опорных пунктов становятся крупными административно-хозяйственными центрами. С последней четверти XVII в. начинают

[12] *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII − начало XVIII в. Новосибирск, 1992. С. 33.
[13] Там же. С. 30.
[14] Там же. С. 26−27.
[15] *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников… С. 29−30.
[16] Там же.

строить первые здания из кирпича − каменные[17]. Исследователи отмечают, что основной причиной внедрения строительства из камня был ущерб от частых пожаров деревянным постройкам. С этим трудно спорить, но, как известно, каменные здания также страдают от огня. Основное отличие заключается в том, что пожар в деревянной застройке может захватить не одно здание, а несколько улиц, а то и весь город. Случись пожар в кирпичном строении, огонь способен нанести ущерб интерьеру и деревянным конструкциям, но не будет передаваться на другие строения из кирпича, поэтому старались построить их комплекс, обносить строения каменной оградой, препятствующей распространению огня.

В первую очередь в сибирских городах каменными строились духовно и символично значимые здания церквей и те, что принадлежали знати, что сразу же делало такие сооружения престижными. В Тобольске появляются палаты митрополита Корнилия, перестраивается Софийский собор. Воздвигаются различные каменные здания в центральной части города. В Тюмени возводят соборный храм Благовещения Господня и его колокольню. Начато строительство Верхотурского гостиного двора, материалом для стен которого служил обожженный кирпич. Несомненно, для «каменного дела» потребовались специалисты, оборудование и сырье.

В переписных книгах стали появляться упоминания в составе ремесленников кирпичников, как правило, вначале присыльных[18]. В Тобольске и Верхотурье по царским указам было начато кирпичное производство и изготовление извести: «завести в Тобольску кирпичные великие заводы… и делать кирпич, чтоб повсюду наделать самое многое число», «а на Верхотурское де каменное строение известь жгут из верхотурского камени»[19]. Для строительства, кроме глины для кирпичей, требовался известковый камень, так как швы между кирпичами заделывали известково-песчаным раствором, который со временем прочно сцеплял кирпичи. На кирпичные стены сооружений, включая протяженные ограды зданий, также наносился известковый раствор. Благодаря этому в цветовую палитру городов активно внедряется белый цвет.

В целях расширения проведения строительных работ постоянно разведывали месторождения известкового камня и оценивали возможности добычи бутового камня для фундаментов зданий. В 1680 г. митрополит Сибирский и Тобольский Павел представил царю сведения о необходимости и обосновал возможность выстроить в Тобольске каменный собор вместо сгоревшего деревянного. Он сообщал, что кирпичной глины близ Тобольска достаточно, найдены и заготовлены известь и бутовый камень[20]. В 1699 г. кирпичные дворы поставили в Верхотурье[21].

В Верхотурье в 1700−1701 гг., кроме инструкции для изготовления и двух станков, была направлена глина, «ис которой делают в Москве печные образцы и черепицу», а в январе 1702 г. по указанию Сибирского приказа о присылке «для науки черепицы и обжигу лутших людей» из Верхотурья в Москву выехали два кирпичника, один из которых в 1704 г. числился среди верхотурских строителей уже как «черепишный мастер»[22].

Строительство и печное дело нуждались в красителях для получения цветной черепицы для кровель и изразцов для облицовки печей и стен изнутри; использование таких материалов уже издавна применялось в русском зодчестве, его хотели распространить и на сибирские города. Сохранились сообщения об обнаружении месторождений полезных ископаемых, нужных для изготовления красок. Например, из показаний нерчинского казака Нестера Афанасьева с товарищами от 1684 г. следует, что ими в верховьях речки Зелинды

[17] *Копылова С.В.* Каменное строительство в Сибири. Новосибирск, 1979. С. 17.
[18] См., например: *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки… С. 24, *Люцидарская А.А., Майничева А.Ю.* Архитектурно-строительные и функциональные Особенности верхотурского гостиного двора (XVII−XVIII вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 112.
[19] Там же. С. 111.
[20] *Сулоцкий А.И.* О церковных древностях Сибири. Сочинения в трех томах. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://writer-tyumen.ru/online.php?pid=2177 (дата обращения: 15.01.2026).
[21] *Люцидарская А.А., Майничева А.Ю.* Архитектурно-строительные… С. 111.
[22] Там же. С. 112.

были найдены месторождения лазоревого пигмента: «и взяли той краски пудов с шесть»[23]. Недостаток пигментов пытались восполнить их покупкой за пределами страны. В 1683 г. иркутский казак Ерофей Могулев привез из Монголии и Тувы желтую, белую и синюю краски, но пигменты оказались негодными для использования[24].

Несмотря на скудость месторождений пигментов и трудности их разведывания, для покрытий зданий каменных храмов организовали производство цветной черепицы. В 1701 г. в Тюмени был начат выпуск желтой, ее называли белой, и синей строительной черепицы, несколько позднее стали производить цветную изразцовую плитку. При отделке Благовещенского собора использовали керамические детали. Центральная глава храма была покрыта желтой черепицей, стены внутри собора украсили зеленые и фиолетовые изразцы с рельефным растительным и анималистическим орнаментом[25]. Не все начинания были удачны. Планы по покрытию черепицей кровель Верхотурского гостиного двора не были выполнены, так как, по описи от 1 марта 1777 г., гостиный двор был покрыт не черепицей, как задумывали, а тесом[26]. Главы тобольских приходских церквей по-прежнему покрывались деревянными лемехами, только главы и кровли Софийского собора после пожара были сделаны железными и имели темно-серый цвет, в дальнейшем их перекрыли белым железом, т.е. жестью, и они приобрели светло-серый оттенок, а затем после 1735 г. покрыли зеленой краской[27].

Начало строительства из кирпича, настойчивые и успешные поиски месторождений глины, бутового и известкового камней, красителей привели к появлению в городах белокаменных сооружений с тонированными конструкциями − как правило, куполами и крышами. Так, в застройке городов устанавливались цветовые акценты, в том числе и точечные, ограниченные по площади, так как покрытия зданий по масштабу значительно уступают стеновым конструкциям. Ранее недостаток красящих веществ и металлов, в частности жести, не давал возможности вводить большие площади цвета с особым выделением каких-либо конструкций. Со строительством каменных зданий отмечается акцентирование застройки городских центров не только формами и масштабом, но и цветом. На фоне мелкодробленых участков, составленных из цвета деревянных построек, дворовых и огородных мест, появляются большие колористические площади единых по цвету горизонтально протяженных оград, вертикально направленных стен церквей, больших огороженных территорий. Все это подчеркивало структуру города, его центральную часть, показывало архитектурные доминанты более выразительно, чем в деревянном строительстве. Повысился контраст значимых построек с фоновыми цветами неба, зелени, земли и рядовой застройки. Строительство белокаменных сооружений стало одним из способов выделить здания в условиях длительного периода преобладания рассеянного освещения в течение года. А на ярком солнце белокаменные стены становились буквально ослепительными, воплощая сближение цвета и света, поскольку яркость является одной из базовых характеристик цвета. Железные и жестяные купола блестели, привлекая к себе повышенное внимание. В цветовой палитре каменного строительства наряду с контрастностью появились нюансные сочетания оттенков, которые приобрели новое звучание в ахроматическом белом поле.

Заключение. Характерными чертами цветовой среды в сибирских городах в XVII − начале XVIII в. являются контрастные и нюансные сочетания природных и рукотворных объектов: в рукотворном ландшафте шли изменения путем внедрения белокаменных строений; при более простых формах каменных зданий цветовой эффект становился более акцентным, чем в деревянном строительстве; центральная часть городов и отдельные конструкции значимых зданий визуально подчеркивались цветом. Сибирское строительство

[23] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1867. Т. 10. С. 329.
[24] *Скалон В.Н.* Русские землепроходцы XVII века в Сибири. М., 1951. С. 61.
[25] *Туманик А.Г.* Архитектура православных кафедральных храмов Российской империи XIX − начала XX века. Новосибирск, 2015. С. 79.
[26] *Люцидарская А.А., Майничева А.Ю.* Архитектурно-строительные… С. 112.
[27] *Сулоцкий А.И.* О церковных древностях…

русских городов следовало традициям Европейской России, где каменное зодчество было известно с раннего Средневековья и сближалось с ним, двигаясь в русле основных архитектурных тенденций, приобретя впоследствии название «сибирского барокко», которое характеризуется меньшим введением цвета, чем, например, «нарышкинское барокко». Предпочтения в использовании цветовой палитры были основаны на цветовых особенностях натуральных материалов. Ограничения были связаны с недостатком материалов и специалистов, отсутствием технологий. Каменное строительство отражало не только статусность, характерный для него цвет служил индикатором освоенности новых земель, так как воспроизводство на новых территориях традиций, в том числе и в использовании цвета, выступает маркером адаптации. Цветовая среда застройки сибирских городов в XVII − начале XVIII в. воспроизводила на новом месте традиции колористики русских городов и служила показателем успешной адаптации в новых условиях.

Литература

Бодэ А.Б. Цвет в архитектуре деревянных храмов XVII−XVIII веков // Academia. Архитектура и строительство. 2018. № 4. С. 35−42.

Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков: Тип. Губерн. правления, 1889. 345 с.

Гуменюк А.Н., Ляликов И.В. «Сибирское барокко» в архитектуре малых городов Западной Сибири XVIII − начала XIX вв. // Омский научный вестник 2014. № 4 (130). С. 181−190.

Данилов П.Г. Печные изразцы из Воскресенского раскопа на нижнем посаде города Тобольска // Манускрипт. 2025. Т. 18, вып. 1. С. 217−220.

Данилов П.Г. Тобольские изразцы XVIII века из Дворца Наместника // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 3 (50). С. 101−10.

Ефимов А.В. Колористика города. М.: Стройиздат, 1990. 272 с.

Ефимов А.В., Панова Н.Г. Архитектурная колористика и пластические искусства. М.: БуксМАрт, 2019. 424 с.

Железняк О.Е. Цвет. Город. Культура. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. 306 с.

Заграевский С.В. Цветовые решения глав древнерусских храмов // Архитектор. Город. Время: мат-лы ежегодного междунар. науч.-практ. конф. (Великий Новгород − Санкт-Петербург). СПб., 2014. Вып. XVII. С. 24−36.

Кауфман Ю.Б. Изразцы в Кузнецке в XVII в. // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск: ОмГУ, 2005. С. 294−300.

Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. 255 с.

Люцидарская А.А. Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII − начало XVIII в. Новосибирск: Наука, 1992. 197 с.

Люцидарская А.А., Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные и функциональные Особенности верхотурского гостиного двора (XVII−XVIII вв.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 109−114.

Майничева А.Ю. Новое в гуманитарном знании: нейроархеология и нейроистория искусства // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2016. № 5. С. 279−283.

Майничева А.Ю. Проблемы реконструкции сибирских острогов XVII−XVIII вв. в аспекте нейрометодологии // Аношинские чтения: мат-лы I Межрег. науч.-практ. конф. Омск: Наука, 2017. С. 103−107.

Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд-во А.С. Суворина, 1906. 582 с.

Панова Н.Г., Жиркова В.Д. Особенности формирования цветовой среды северных городов России [Электронный ресурс] // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. № 3 (56). С. 334−344.

Прибыткова-Фролова А.М. Памятники архитектуры XVIII и XIX века в Томске // Труды Томского краеведского музея. Томск, 1927. Т. I. С. 31−40.

Седов В.В. Цвет в русской архитектуре // SPEECH. 2010. № 6. С. 46−63.

Семенова В.И. Изразцовый декор Благовещенского собора в Тюмени // Вестник ТГУ. Сер.: История. 2016. № 5 (43). С. 59−64.

Семенова В.И. Коллекция изразцов из раскопок Тюмени // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 1. С. 275−277.

Скалон В.Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. М.: Моск. Об-во испыт. прир., 1951. 156 с.

Сулоцкий А.И. О церковных древностях Сибири. Соч. в трех томах: Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: https://writer-tyumen.ru/online.php?pid=2177 (дата обращения: 15.01.2026).

Тобольский Архиерейский дом в XVII веке / подгот. акад. РАН Н.Н. Покровский, чл.-корр. РАН Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1994. Вып. IV. 292 с.

Туманик А.Г. Архитектура и изобразительное искусство Сибири XVIII − первой четверти XIX века // Вестник ТГАСУ. 2013. № 3. С. 76−86.

Туманик А.Г. Архитектура православных кафедральных храмов Российской империи XIX − начала XX века. Новосибирск: НГУАДИ, 2015. 232 с.

Федоров В. Проблема цвета в сохранении памятников архитектуры. К постановке вопроса // Архитектура СССР. 1978. № 9. С. 48−51.

Черная М.П. Томский кремль середины XVII−XVIII вв.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. 198 с.

Черная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660-1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск: Д-Принт, 2015. 276 с.

Черный В.Д. Цвет в каменной архитектуре Древней Руси // Артикульт. 2019. № 36 (4). С. 29−40.

Щербаков В.В. Печные изразцы Енисейска (по материалам раскопок последних лет) // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. Омск: Наука, 2017. С. 64−67.

References

Bode, A.B. (2018). *Tsvet v arkhitekture derevyannykh khramov XVII−XVIII vekov* [Color in the Architecture of Wooden Churches of the 17th and 18th Centuries]. In *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*. No. 4, pp. 35−42.

Butsinsky, P.N. (1889). *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov* [The Settlement of Siberia and the Everyday Life of Its First Inhabitants]. Khar'kov, Tip. Gubern. pravleniya. 345 p.

Chernaya, M.P. (2002). *Tomskiy kreml' serediny XVII−XVIII vv.: problemy rekonstruktsii i istoricheskoy interpretatsii*. [Tomsk Kremlin of the Mid-17th−18th Centuries: Problems of Reconstruction and Historical Interpretation]. Tomsk, Izdatel'stvo TGU. 198 p.

Chernaya, M.P. (2015). *Voevodskaya usba v Tomske. 1660−1760 gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [Voivoda's Homestead in Tomsk. 1660−1760s: Historical and Archaeological Reconstruction]. Tomsk, D-Print. 276 p.

Chernyy, V.D. (2019). Tsvet v kamennoy arkhitekture Drevney Rusi [Color in Stone Architecture of Ancient Rus']. In *Artikul't*. No. 36 (4), pp. 29−40.

Danilov, P.G. (2020). Tobol'skie izraztsy XVIII veka iz Dvortsa Namestnika [Tobolsk Tiles of the 17th Century from the Palace of the Governor]. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. No. 3 (50).

Danilov, P.G. (2025). Pechnye izraztsy iz Voskresenskogo raskopa na nizhnem posade goroda Tobol'ska [Stove Tiles from the Voskresensky Excavation Site in the Lower Settlement of Tobolsk]. In *Manuskript.* Vol. 18, Iss. 1, pp. 217−220.

Efimov, A.V. (1990). *Koloristika goroda* [The City's Color Palette]. Moscow, Stroyizdat. 272 p.

Efimov, A.V., Panova, N.G. (2019). *Arkhitekturnaya koloristika i plasticheskie iskusstva* [Architectural Color Palette and Plastic Arts]. Moscow, BuksMArt. 424 p.

Fedorov, V. (1979). Problema tsveta v sokhranenii pamyatnikov arkhitektury. K postanovke voprosa [The Problem of Color in the Preservation of Architectural Monuments, To the Question of Formulation]. In *Arkhitektura SSSR*. No. 9, pp. 48−51.

Gumenyuk, A.N., Lyalikov, I.V. (2014). "Sibirskoe barokko" v arkhitekture malykh gorodov Zapadnoy Sibiri XVIII − nachala XIX vv. ["Siberian Baroque" in the Architecture of Small Towns of Western Siberia of the 17th − Early 20th Centuries]. In *Omskiy nauchyy vestnik*. No. 4 (130), pp. 181−190.

Kaufman, Yu.B. (2005). Izraztsy v Kuznetske v XVII v. [Tiles in Kuznetsk in the 17th Century]. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, pp. 294−300.

Kopylova, S.V. (1979). *Kamennoe stroitel'stvo v Sibiri* [Stone Construction in Siberia]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie. 255 p.

Lyutsidarskaya, A.A. (1992). *Starozhily Sibiri: Istoriko-etnograficheskie ocherki. XVII − nachalo XVIII v.* [Old-Timers of Siberia: Historical and Ethnographic Essays. 17th − Early 18th Century]. Novosibirsk, Nauka. 197 p.

Lyutsidarskaya, A.A., Mainicheva, A.Yu. (2009). Arkhitekturno-stroitel'nye i funk-tsional'nye osobennosti Verkhoturskogo gostinogo dvora (XVII−XVIII vv.). [Architectural, Construction and Functional Features of the Verkhoturye Gostiny Dvor (17th−18th Centuries)]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 4 (25), pp. 109−114.

Mainicheva, A.Yu. (2016). Novoe v gumanitarnom znanii: neiroarkheologiya i neiroistoriya iskusstva [New in the Humanities: Neuroarchaeology and the Neurohistory of Art]. In *Evraziya v kaynozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury*. No. 5, pp. 279−283.

Mainicheva, A.Yu. (2017). Problemy rekonstruktsii sibirskikh ostrogov XVII−XVIII vv. v aspekte neirometodologii [Problems of Reconstruction of Siberian Forts of the 17th−18th Centuries in the Aspect of Neuromethodology]. In *Anoshinskie chteniya. Materialy I Mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Omsk, pp. 103−107.

Olearіy, Adam. (1906). *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu i cherez Moskoviyu v Persiyu i obratno* [Description of a Journey to Muscovy and Through Muscovy to Persia and Back]. St. Petersburg, Izd-vo A.S. Suvorina. 582 p.

Panova, N.G., Zhirkova, V.D. (2021). Osobennosti formirovaniya tsvetovoy sredy severnykh gorodov Rossii. [Features of the Formation of the Color Environment of the Northern Cities of Russia]. In *Architecture and Modern Information Technologies*. No. 56, pp. 334−344.

Pribytkova-Frolova, A.M. (1927). Pamyatniki arkhitektury XVIII i XIX veka v Tomske [Architectural Monuments of the 17th and 20th Centuries in Tomsk]. In *Trudy Tomskogo kraeved-cheskogo muzeya*. Tomsk. Vol. I, pp. 31−40.

Sedov, V.V. (2010). Tsvet v russkoy arkhitekture [Color in Russian Architecture]. In *SPEESH*. No. 6, pp. 46−63.

Semenova, V.I. (2016). Izraztsovyy dekor Blagoveshchenskogo sobora v Tyumeni [Tiled Decoration of the Annunciation Cathedral in Tyumen]. In *Vestnik TGU. Seriya: Istoriya*. No. 5 (43), pp. 59−64.

Semenova, V.I. (2014). Kollektsiya izraztsov iz raskopok Tyumeni [A Collection of Tiles from Excavations in Tyumen]. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, Tyumen', Yekaterinburg, Magellan. Vol. 1, pp. 275−277.

Shcherbakov, V.V. (2017). Pechnye izraztsy Eniseyska (po materialam raskopok poslednikh let) [Stove Tiles of Yeniseisk (Based on Excavations of Recent Years)]. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, Nauka, pp. 64−67.

Skalon, V.N. (1951). *Russkie zemleprokhodtsy XVII veka v Sibiri* [Russian Explorers of the 17th Century in Siberia]. Moscow, Moskovskoe Ob-vo ispyt. prir. 156 p.

Sulotsky, A.I. *O tserkovnykh drevnostyakh Sibiri. Sochineniya v trekh tomakh* [On the Church Antiquities of Siberia. Works in Three Volumes]. Vol. 1. Available at: URL: https://writer-tyumen.ru/online.php?pid=2177 (date of access 15.01.2026).

Pokrovsky, N.N., Romodanovskaya, E.K. (Eds.) (1994). *Tobol'skiy Arkhiereiskiy dom v XVII veke* [Tobolsk Bishop's House in the 17th Century]. Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, Iss. IV. 292 p.

Tumanik, A.G. (2013). Arkhitektura i izobrazitel'noe iskusstvo Sibiri XVIII − pervoy chetverti XIX veka [Architecture and Fine Arts of Siberia in the 17th − First Quarter of the 20th Century]. In *Vestnik TGASU*. No. 3, pp. 76−86.

Tumanik, A.G. (2015). *Arkhitektura pravoslavnykh kafedral'nykh khramov Rossiyskoy imperii XIX − nachala XX veka* [Architecture of Orthodox Cathedrals of the Russian Empire (19 − Early 20th Century)]. Novosibirsk, NGUADI. 232 p.

Zagraevsky, S.V. (2014). Tsvetovye resheniya glav drevnerusskikh khramov [Color for the Domes of Ancient Russian Churches]. In *Arkhitektor. Gorod. Vremya. Materialy ezhegodn. Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Velikiy Novgorod − Sankt-Peterburg)*. St. Petersburg. Iss. XVII, pp. 24−36.

Zheleznyak, O.E. (2013). *Tsvet. Gorod. Kul'tura* [Color. City. Culture]. Irkutsk, Izdatel'stvo IrGTU. 306 p.

Д.К. Попов*

ЦЕРЕМОНИАЛ ПРИЕМА ХАЛХАСКИХ И ДЖУНГАРСКИХ ПОСЛАННИКОВ В ИРКУТСКЕ В КОНЦЕ XVII ВЕКА**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-17
УДК 94(571)"16":341.75/.76

Выходные данные для цитирования:
Попов Д.К. Церемониал приема халхаских и джунгарских посланников в Иркутске в конце XVII века // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 209–220. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-17.pdf

D.K. Popov*

THE CEREMONIAL RECEPTION OF KHALKHA AND DZUNGARIAN ENVOYS IN IRKUTSK AT THE END OF THE 17TH CENTURY**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-17

How to cite:
Popov D.K. The Ceremonial Reception of Khalkha and Dzungarian Envoys in Irkutsk at the End of the 17th Century // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 209–220. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-17.pdf]

Abstract. The article, based on the analysis of the office documentation of the reporting type, represented by the article lists of negotiations, analyzes the diplomatic ceremonial used by representatives of the Russian authorities in Irkutsk during communication with the Mongol-speaking nomads of the north of Central Asia at the end of the 17th century. It is established that the Irkutsk administrators, whose powers included the right to conduct negotiations with the Central Asian nomads, having learned in advance about the arrival of a foreign delegation, sent bailiffs (pristavy) to meet them. In some cases, bailiffs (pristavy) even conducted preliminary negotiations. On the appointed day (or on the day of arrival), the embassy, at the invitation of the authorities, proceeded to the place where the audience was held – the "embassy hut" (posol'skaya izba). Along the route, the Irkutsk authorities could station servicemen (sluzhilye lyudi), tradesmen (posadskie lyudi), and other people who were in Irkutsk at the time of the delegation's arrival. Weapons (artillery, guns), banners and drums were used as decorations. During negotiations, rituals of "welcoming" the Russian monarch, the counterparty, and the Irkutsk authorities could be used; gifts were given; etiquette questions aimed at honoring the envoy could be asked. Sometimes the envoys could be treated to alcoholic drinks. It is established that diplomatic ceremonial, firstly, performed representative functions, visually providing an image of the power and might of the tsarist power, secondly, created the effect of the presence of "sovereign power" on the outskirts of the Russian state, and, thirdly, demonstrated the benevolent attitude of representatives of the Russian government towards the counterparty. The ceremony was intended to have a psychological impact on the envoys and, thus, speed up the negotiation process. The situational use of diplomatic ceremonial norms indicates that the authorities took a pragmatic approach to dialogue with Mongol-speaking nomads and tried, above all, to achieve a concrete result, rather than to observe all the formalities.

Keywords: diplomatic ceremony, reception of embassies, Central Asian nomads, Irkutsk, the Russian state.

* **Дмитрий Константинович Попов,** Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: dmitriy_popov_1997@inbox.ru
Dmitry Konstantinovich Popov, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: dmitriy_popov_1997@inbox.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)» (FSUS-2025-0009).
The article was made on the topic of the state assignment "Features of the Formation of Intercultural Communications in Siberia – From the Stone Age to the Early Modern Period (Based on Archaeological and Written Sources)" (FSUS 2025-0009).

The article has been received by the editor on 27.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье на основе анализа делопроизводственной документации отчетного вида, представленной статейными списками переговоров, проводится анализ дипломатического церемониала, который использовали представители российской власти в Иркутске во время коммуникации с монголоязычными кочевниками севера Центральной Азии в конце XVII в. Установлено, что иркутские управленцы, в полномочия которых входило право проводить переговоры с центральноазиатскими номадами, узнав заранее о приезде иноземной делегации, посылали для встречи приставов. В отдельных случаях приставы даже проводили предварительные переговоры. В назначенный день (или в день прибытия) посольство по приглашению властей следовало в место, где проходила аудиенция, − «посольскую избу». По пути следования иркутские власти могли расставлять служилых, посадских и прочих людей, находившихся в момент приезда делегации в Иркутске. Использовали в качестве декорации оружие (артиллерию, ружья), знамена и барабаны. В ходе переговоров могли использоваться ритуалы «здравствования» российского монарха, контрагента, иркутских властей, одаривание подарками, задаваться этикетные вопросы, направленные на оказание почести посланнику. Иногда посланников могли угостить алкогольными напитками. Установлено, что дипломатический церемониал, во-первых, выполнял репрезентативные функции, визуально обеспечивал образ могущества и мощи царской власти, во-вторых, создавал эффект присутствия «государевой власти» на окраинах Российского государства и, в-третьих, демонстрировал благожелательное отношение представителей российской власти к контрагенту. Церемониал должен был психологически воздействовать на посланников и тем самым ускорить переговорный процесс. Ситуативное использование норм дипломатического церемониала указывает на то, что власть прагматически подходила к диалогу с монголоязычными кочевниками и пыталась прежде всего добиться конкретного результата, а не соблюдения всех формальностей.

Ключевые слова: дипломатический церемониал, прием посольств, центральноазиатские кочевники, Иркутск, Российское государство.

Статья поступила в редакцию 27.12.2025 г.

В начале XVII в. российская власть установила дипломатические отношения с тюрко- и монголоязычными кочевниками, обитавшими на севере Центральной Азии. Коммуникация с ними осуществлялась прежде всего в формате двухстороннего обмена посольствами. И российские власти, и кочевые правители (а нередко и представители буддийской церкви) посылали дипломатические миссии для урегулирования насущных вопросов, которые возникали в ходе взаимодействия Российского государства и центральноазиатских номадов.

Посольства от кочевников в течение XVII в. с разной периодичностью и частотой приезжали в сибирские города: Тобольск, Тару, Тюмень, Томск, Кузнецк, Красноярск, Енисейск, Иркутск, Селенгинск, Нерчинск, Удинск. Воеводы или приказчики этих городов, а в 1687−1690 гг. еще и полномочный посол Ф.А. Головин, действуя в рамках тех предписаний, которые задавались им из Москвы, проводили переговоры с приезжавшими посланниками из улусов кочевников[1]. Встреча дипломатических миссий в сибирских городах, а также

[1] Ф.А. Головин в ранге «великого и полномочного посла» в 1686 г. был отправлен Посольским приказом на переговоры («посольский съезд») с маньчжурами. В 1687−1690 гг. он находился в Забайкалье. В это время, кроме переговоров с маньчжурами, Ф.А. Головин активно коммуницировал с джунгарскими, халхаскими и хотогойтскими правителями, принимая от них посольства и посылая свои миссии к ним.

аудиенция могли проходить с использованием правил и традиций русской дипломатической культуры, сформированной в течение XVI–XVII вв. Управленцы (воеводы, приказчики) и особо уполномоченное лицо Ф.А. Головин применяли дипломатический церемониал, а также его отдельные компоненты (ритуалы), на свое усмотрение, исходя из реальной картины взаимоотношений между русскими и кочевниками на момент прибытия посольства. В связи с этим примеры использования дипломатического церемониала в Сибири немногочисленны. Среди них приемы джунгарских и халхаских посланников представителями российской власти в Иркутске в конце XVII в., организованные по всем (или почти всем) нормам дипломатической культуры того времени.

В научно-исследовательской литературе, посвященной взаимоотношениям Российского государства с центральноазиатскими номадами, анализ дипломатического церемониала, который применялся во время встреч джунгарских и халхаских посольств, не производился. Историки лишь отметили схожесть этих церемониалов с теми, которые использовались в XVII в. в Москве[2]. Однако в исторической науке встречаются примеры анализа дипломатического церемониала, который использовался российской властью в отношениях как с центральноазиатскими номадами[3], так и европейскими (и некоторыми азиатскими) государствами[4]. Кроме того, некоторые историки обращали внимание и на церемониальные практики в коммуникации российской власти с сибирскими народами[5]. Исследование церемониальных аспектов посольских отношений Российского государства с различными государствами и народами, в частности центральноазиатскими кочевниками, представляется плодотворным, поскольку позволяет, во-первых, лучше понять специфику дипломатического диалога XVII в., во-вторых, установить параметры самопрезентации российской власти перед своими контрагентами, в-третьих, выявить образы и символы, которые оно транслировало в отношениях с правителями разного статуса.

В данной статье на основе анализа делопроизводственной документации отчетного вида, представленной статейными списками переговоров иркутских управленцев, производится описание дипломатического церемониала и его компонентов – ритуалов, которые были использованы представителями российской власти в ходе переговоров с джунгарами и халхасцами в Иркутске в конце XVII в., а также устанавливается их значение.

Хронологические и территориальные рамки статьи обусловлены имеющимися сведениями об использовании дипломатического церемониала представителями российской власти в Иркутске в конце XVII в. Отметим, что наиболее подробные описания дипломатического церемониала содержатся и в документах, относящихся к русско-хотогойтским переговорам, проходившим в Томске в 1630-х гг.[6] Однако для более полного описания дипломатического церемониала в рамках настоящей статьи внимание будет сконцентриро-

[2] См., например: *Оглоблин Н.Н.* Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1895. Ч. 1: Документы воеводского управления. С. 213; *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). 2-е изд., доп. Хабаровск, 1984. С. 133.

[3] *Зуев А.С., Попов Д.К.* Церемониал приема русских посланников в ставках монголоязычных кочевников Центральной Азии в XVII в. // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования»: сборник памяти В.В. Трепавлова. М., 2024. С. 400–418.

[4] См., например: *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется…». Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М., 1988; *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001. С. 196–208; *Кундакбаева Ж.Б.* «Прислал де их Аюка тайша бить челом великому государю царю…» (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // Иноземцы в России в XV–XVII веках: сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 520–532; *Моисеев М.В.* Москва XVI века, как пространство дипломатического ритуала. Церемониал и топография // Московский код. Сборник статей по краеведению. М., 2022. С. 39–43; *Манин Д.О.* Особенности дипломатического церемониала русского посольства во Франции в 1681 г. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. ст. Междунар. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых. М., 2022. С. 27–35.

[5] *Слугина В.А.* Организация церемоний присяг на верность царю Федору Алексеевичу в Западной Сибири (1676 г.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. ст. Междунар. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых (25–28 октября 2022 г.). М., 2022. С. 18–26; *Зуев А.С., Слугина В.А.* Шерти-присяги народов Сибири и севера Центральной Азии российскому монарху в конце XVI – начале XVIII в.: исследования и материалы. Новосибирск, 2023. С. 60–66, 99–114.

вано на Иркутске. Сразу отметим, что некоторые переговоры проходили не в самом Иркутске, а в соседних населенных пунктах (заимка Смоленских, Ильинская слобода). Поскольку эти переговоры осуществлялись управленцами и уполномоченными лицами, имеющими отношение к Иркутску, то рассматривать их в данной статье мы будем в одном ряду с теми приемами, которые происходили в самом Иркутске.

Прежде чем перейдем к анализу дипломатического церемониала, обозначим ряд ключевых моментов, принципиальных для понимания заявленной тематики. Во-первых, под церемониалом в настоящей статье подразумевается комплекс парадных действий и ритуалов, которые использовались представителями российской власти во время приема посольств, прибывших из улусов кочевников. Во-вторых, под ритуалами подразумеваются знаковые формы поведения, использованные в процессе коммуникации. Примерами таких ритуалов можно считать «здравствование» монарха, представителей власти, контрагента, одаривание подарками, преподнесение писем и челобитий. Эти ритуалы в совокупности с вербальным наполнением были направлены на легитимацию власти российского монарха, демонстрацию почтения контрагента русскому царю. В-третьих, оговорим использование понятия «посланник» в данной статье. Под этим понятием мы подразумеваем не дипломатический ранг полномочных лиц, а общее обозначение дипломатических представителей, действовавших от лица своего правителя, посланных с конкретными поручениями.

Обозначив ключевые моменты, перейдем к рассмотрению дипломатического церемониала. Отметим, что в Иркутске в конце XVII в. переговорный процесс с монголоязычными номадами осуществляли как штатные управленцы, назначенные центральными органами власти, так и лица, на которых были возложены временные обязанности по управлению городом. В 1684 г. переговоры с монголами проводил письменный голова Л.К. Кислянский, выполнявший обязанности управленца в Иркутске в это время, в 1685 г. – сын боярский И.М. Перфильев, который был к этому времени иркутским приказчиком, а в 1689–1690 гг. – снова Л.К. Кислянский, но уже в должности иркутского воеводы. В 1690 г. в переговорах участвовал и полномочный посол Ф.А. Головин, оказавшийся в Иркутске по пути в Москву после «посольского съезда» с маньчжурами[7]. Кроме того, к дипломатической деятельности по распоряжению властей привлекались и специально назначенные люди. Так было в 1689 г., когда джунгарских посланников по указанию иркутского воеводы Л.К. Кислянского принимали сын боярский С. Шестаков и подьячий Е. Самойлов, посланные в качестве приставов для сопровождения джунгарского посольства, но фактически проводившие предварительные переговоры[8].

Представители российской власти в Иркутске заранее узнавали о подъезжавшей дипломатической миссии от кочевников. В 1682 г. иркутских властей о прибытии посланников от халхаского Шидиширн Батура-хунтайджи уведомил служилый человек Н. Чечегин, выполнявший на тот момент служебные поручения в Тункинском остроге[9]. В 1690 г. приказчик этого же острога Г. Богданов отправил иркутскому воеводе Л.К. Кислянскому письмо, в котором сообщил о прибывшем посольстве от джунгарского Галдана Бошокту-хана[10].

Узнав о прибытии иноземного посольства, иркутские управленцы посылали приставов, которые должны были встретить приехавшую делегацию, расспросить о целях приезда, а затем, если представители власти приняли решение сразу дать аудиенцию, сопроводить в город или, если аудиенция планировалась на другой день, к месту временного размещения.

[6] См. подробнее: Русско-монгольские отношения (РМО). 1607–1636: сб. док-тов. М., 1959. С. 161–166, 178–183, 253–266; РМО. 1636–1654: сб. док-тов. М., 1974. С. 78–88, 157–164.

[7] Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (ДАИ). Т. 10. СПб., 1867. С. 245–251; РМО. 1654–1685: сб. док-тов. М., 1996. С. 418, 439–441; РМО. 1685–1691: сб. док-тов. М., 2000. С. 213–217, 256–259, 327–342. Об управленцах в Иркутске в конце XVII в. см.: *Зуев А.С.* Административно-территориальное устройство Забайкалья в 1650–1680-х годах // Universum Humanitarium. 2025. № 2. С. 48–49.

[8] РМО. 1685–1691. С. 209–213.

[9] РМО. 1654–1685. С. 392.

[10] РМО. 1685–1691. С. 256.

Приставами могли быть назначены подьячие, служилые люди по отечеству, «начальные люди» из числа приборных служилых людей[11]. К исполнению функций приставов иркутские власти, надо полагать, привлекали тех лиц, кто обладал какими-либо коммуникативными навыками и был способен исполнить те поручения, которые им были вверены.

Первый контакт приставов с прибывшим посольством проходил где-то в окрестностях Иркутска. В 1684 г. селенгинский казачий десятник Г. Уразов, выполнявший по распоряжению письменного головы Л.К. Кислянского обязанности пристава, встретил посланника от халхаского тушету-хана Чихунь Доржи на мельничном лугу рядом с государевой мельницей[12]. Там же в 1689 г. встречали дипломатическую миссию от джунгарского Галдана Бошокту-хана[13]. Мельничный луг, на котором располагалась государева мельница, находился на правом берегу реки Иркут.

В каком именно месте в 1690 г. встретил пятидесятник К. Козьмин джунгарских посланников, неизвестно. Но это было где-то в окрестностях Иркутска, поскольку в источниках сказано, что делегация остановилась за Ангарой, не доезжая города. Сюда же подъехали приставы − подьячие А. Курдюков и Я. Самойлов. Отметим, что они во время первого контакта с посланниками исполнили компоненты (ритуалы) дипломатического церемониала: спросили о здоровье посланца Дархан-зайсана, узнали о длительности поездки. Тогда же они пытались разузнать о наличии письма от Галдана Бошокту-хана. И только после этих вопросов делегация вместе с приставами переправилась через Ангару[14].

Имеющиеся в делопроизводственной документации сведения позволяют утверждать, что власти стремились разместить дипломатов для временного проживания вне города. Это было обусловлено соображениями безопасности. Так, в 1689 г. джунгарское посольство было размещено за рекой Ангарой между дворов иркутских казаков К. и Е. Могулевых[15]. Причем разместили делегацию, по всей видимости, не на дворах служилых людей, а в юртах[16]. А вот в 1690 г. посланников от джунгарского Галдана Бошокту-хана разместили на постоялом дворе, точное местонахождение которого неизвестно. Но можно предположить, что этот двор находился где-то около города, поскольку в статейном списке переговоров написано, что делегация вместе с приставами переправилась через реку Ангару: «и спрося о всем, велено ево, посланца, приняв, и поставить, перевещи Ангару-реку, на постоялой двор»[17].

Аудиенция и последующие переговоры проходили на «посольском дворе» − в специально заготовленном для этих целей здании[18]. Помещение «посольской избы» могли заранее украсить. В 1684 г., согласно статейному списку русско-халхаских переговоров, стены и потолки «избы» были обиты красными и зелеными сукнами, на столах лежали ковры, а на лавках − паласы («ползы»). Были также украшены «площадь» перед «избой» (пространство около здания) и крыльцо − их устлали красными сукнами. Ткани, необходимые для украшения, «на время браны из рядов (у торговых и посадских людей. − *Д. П.*)»[19].

Отметим, что в некоторых случаях иркутские управленцы могли принимать посольства где-то вне города, что было обусловлено соображениями безопасности: «…а в острог де их взять не приказал для того, чтоб им про иркуцкие острожные крепости было неведомо»[20]. В 1690 г. переговоры с джунгарскими посланниками состоялись на расположенной в окрестностях Иркутска заимке служилых людей Смоленских[21]. В 1691 г. иркутский воевода Л.К. Кислянский для приема посольства от джунгарского Галдана Бошокту-хана специально

[11] РМО. С. 209−210, 214, 256, 327; ДАИ. Т. 10. С. 245.
[12] ДАИ. Т. 10. С. 245, 246.
[13] РМО. 1685−1691. С. 209.
[14] Там же. С. 256.
[15] Там же. С. 209.
[16] Там же. С. 210.
[17] Там же. С. 256.
[18] Отметим, что в одних случаях место аудиенции называется «посольским двором/избой» (ДАИ. Т. 10. С. 245, 246, 247; РМО. 1685−1691. С. 214, 327), а иногда «приказной избой» (РМО. 1654−1685. С. 440).
[19] ДАИ. Т. 10. С. 246−247.
[20] РМО. 1654−1685. С. 418.
[21] РМО. 1685−1691. С. 247.

выехал в Ильинскую слободу, расположенную на левом берегу реки Селенги: «…и тех посланцов велел я, холоп ваш, взять в Ыльинской слободе в учреженную избу для посольских переговоров»[22].

В назначенный день или в день приезда по приглашению властей посольство выдвигалось от места своего временного размещения (или места, где было встречено русскими приставами) к «посольской избе». Точный путь, по которому следовали посланники, неизвестен. Однако на основе имеющихся в источниках сведений можно в общих чертах обрисовать его. Маршрут сочетал в себе конный, водный и пеший способы передвижения. До того как делегация перебиралась на дощаниках по Ангаре, она следовала на лошадях. Причем в статейном списке 1684 г. акцентировано внимание на том, что посольству следовало ехать на своих лошадях, т.е. средств передвижения выдано не было: «…а ехать ему посланцу с товарищи на своих лошадях»[23]. Далее делегация на лодках (дощаниках) следовала до переправы к Иркутску: «…и доплыв до верхнего Иркуцкого острога посаду к взвозу иркуцкого десятника казачья Василья Коткова»[24]; «…велел пристать у верхнего посаду против креста»[25]. Под «крестом», очевидно, подразумевалась Спасская церковь, расположенная в Иркутске[26].

По распоряжению письменного головы Л.К. Кислянского в 1684 г. халхаское посольство встречали крайне торжественно. На двух дощаниках, на которых должна была переправиться делегация вместе с приставом, располагалось по одной пушке, а также было расставлено по 30 человек, 1 прапорщику, пушкарю[27]. На берегу иноземное посольство встречало большое количество людей. В 1684 г. власти мобилизовали служилых, посадских, торговых, промышленных и гулящих людей, которые на момент встречи дипломатической миссии должны были находиться в «цветном платье», т.е. в парадной одежде. Все люди находились «по обе стороны» от делегации и были расставлены в три ряда. В совокупности было задействовано около 390 человек: из них с ружьями − 95 человек, с пиками − 235, конных людей с сайдаками − 60[28].

Тогда же власти использовали знамена и барабаны. Была задействована и артиллерия, которую расставили не только на дощаниках, о чем было упомянуто ранее, но и у переправы через Ангару, на городской площади, а также около «посольского двора». Около орудий находились пушкари. Они были в «цветном платье», а в руках держали зажженные фитили. У пушек, расположенных на городской площади, приставили знамя, рядом с которым расположили 40 человек, вооруженных пиками. Около крыльца «посольского двора» стоял служилый человек (имя неизвестно), обладавший на тот момент чином головы. Перед ним располагались два знамени с протазаном. Кроме того, как сказано в статейном списке переговоров, «у служилых и у посацких и у промышленых людей у трех сотней по знамени»[29].

Принимая в 1685 г. посольство от джунгарского Галдана-Бошокту-хана и торгоутского (?) тайджи Номун-хана[30], иркутский сын боярский И.М. Перфильев, выполнявший на

[22] РМО. С. 352. См. также: РМО. 1685−1691. С. 328. Об Ильинской слободе (остроге) см.: *Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII−XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 81−82.
[23] ДАИ. Т. 10. С. 245.
[24] Там же. С. 245−246.
[25] РМО. 1685−1691. С. 214.
[26] *Кочедамов В.И.* Первые русские города Сибири. М., 1977. С. 133.
[27] ДАИ. Т. 10. С. 246.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Неизвестно, кем являлся Номун-хан и к какой племенной группировке ойратов он относился. Г.И. Слесарчук предположила, что под этим именем в источниках подразумевался какой-то ойратский (торгоутский) правитель, кочевавший в районе Астрахани (РМО. 1654−1685. С. 501). Кроме того, неясно, каким титулом обладал Номун-хан. Г.И. Слесарчук назвала его «тайджи» (Там же). Однако этот титул в монгольском кочевом мире применялся в основном к потомкам Чингисхана, в отличие от титула «тайша», который использовался в отношении тех, кто не относился к Чингизидам (*Китинов Б.У.* Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов: в 2 т. Т. 1. М., 2021. С. 214). Вряд ли Номун-хан относился к Чингизидам и имел титул «тайджи». Прояснить этот вопрос может только обнаружение новых источников.

тот момент обязанности приказчика, также организовал парадную встречу прибывшей делегации: «…а стойка была с ружьем и з бердыши и с пиками, и конница против прежнего посольства, которое посольство было в прошлом во 193 году. На стойке было с ружьем и з бердыши и с пиками, и конницы 500 человек»[31].

Высадившись на берег, иноземные делегации в сопровождении пристава (или приставов) следовали на «посольский двор». Причем приставу предписано было находиться справа от иноземных посланников: «…а приставу Данилу Уразову идти с ними посланцы по правую сторону в ряд»[32]; «…вышед из судов на берег, итти ему, Сидору, к посольскому двору с вышеписанными калмытцкими и мунгальскими посланцы по правую их руку пеши»[33]; «…велено ему, Осипу, итти с теми посланцы по правую руку до посольские избы»[34]. Предписания следовать по правой стороне неслучайны. В русской культурной традиции положение справа являлось почетным для человека, находившегося на этой позиции[35].

Подойдя к «посольскому двору», делегация через крыльцо заходила в сени − помещение перед комнатой, где находился управленец. Здесь их встречал специально назначенный человек − «встречник»[36]. В 1684 г., когда приехало халхаское посольство, в роли «встречника» выступал Е.И. Перфильев, названный в статейном списке иркутским дворянином[37]. В 1689 г. «встречником» во время приезда джунгарского посольства был иркутский сын боярский В.И. Перфильев[38]. «Встречник» находился в сенях не один. В 1684 г. вместе с Е.И. Перфильевым упоминались подьячий и толмач, а в 1689 г. − только толмач[39]. Вошедшую в сени делегацию «встречники» приветствовали специальной речью: «…царского пресветлого величества писменной голова Леонтей Костянтинович Кислянский велел тебя посланца *для почести* (курсив здесь и далее наш. − *Д. П.*) встретить мне царского величества дворянину» (1684 г.)[40]; «…великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни, благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцев, их царского пресветлого величества стольник и воевода Леонтей Констянтинович Кислянский велел *для почести* царского величества сыну боярскому Василью Перфирьеву вас, посланцов, встретить» (1689 г.)[41]. Примечателен тот факт, что «встречники» в своих речах упоминали словосочетание «для почести». Это указывает на то, что представители российской власти задействовали специальных лиц, уполномоченных встретить делегацию с целью оказания ей знаков почтения. В свою очередь, это позволяет утверждать, что русская сторона демонстрировала свое благожелательное отношение к прибывшей дипломатической миссии и, соответственно, к тому контрагенту, который прислал это посольство.

Посланники, по всей видимости, могли совершить поклон в качестве ответа на приветственную речь «встречника». По крайней мере такую информацию содержит статейный список русско-халхаских переговоров, прошедших в 1684 г.[42]

Озвучив свою речь, «встречники» во главе делегации заходили в помещение, где находился представитель власти, проводивший переговоры. Причем источники акцентируют внимание на том, что «встречник» шел впереди делегации: «шел перед посланцами с подьячим и с толмачем»[43]; «шел перед ними наперед в посольскую избу»[44].

[31] РМО. 1654−1685. С. 441.
[32] ДАИ. Т. 10. С. 246.
[33] РМО. 1685−1691. С. 214.
[34] Там же. С. 327.
[35] *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета. Этнографические очерки. Л., 1990. С. 30.
[36] О «встречниках» см.: *Юзефович Л. А.* «Как в посольских обычаях ведется…»… С. 94−95.
[37] ДАИ. Т. 10. С. 246.
[38] РМО. 1685−1691. С. 214.
[39] ДАИ. Т. 10. С. 246; РМО. 1685−1691. С. 214.
[40] Там же; РМО. 1654−1685. С. 411.
[41] РМО. 1685−1691. С. 214.
[42] ДАИ. Т. 10. С. 246.
[43] Там же. С. 246.
[44] РМО. 1685−1691. С. 214.

В помещении, где проходила аудиенция, помимо самого управленца, принимавшего посольство, могли находиться представители служилых людей, местной администрации, а также прочие лица, специально задействованные для этого. Все они были одеты в парадную одежду («цветное платье»). В 1684 г. в помещении вместе с Л.К. Кислянским находились дворяне, пятидесятники, «лучшие» «старые» казаки, подьячие, представитель гостиной сотни, таможенный голова, а также торговые люди[45]. В 1689 г. он же принимал халхаских посланников в присутствии детей боярских, подьячих, таможенного головы, а также торговых людей из разных городов, находившихся на момент принятия миссии в Иркутске[46].

При входе в помещение, где проходила аудиенция, посланники в идеальном варианте русского «посольского обычая» должны были снять головные уборы и совершить поклон лицу, принимавшему посольство, после чего задать вопрос о здравии российского монарха. Так поступили в 1684 г. представители халхаского тушету-хана Чихунь Доржи[47]. На вопрос о здоровье «великих государей» Иоанна и Петра Алексеевичей письменный голова Л.К. Кислянский ответил стандартной фразой: «Божиею милостию, великие государи, <…> на своих царских превысочайших престолах своих великих преславных государствах Росийского государства дал Бог в добром здоровье». После этого следовало «здравствование» контрагента: «царь ваш Очирой Саин хан (тушету-хан Чихунь Доржи. − *Д. Н.*) и тайши с ним здорово ль?» Посланники ответили, что «Очирой Саин хан наш и тайши в своей Мунгальской земле с своими мунгальскими людми все здорово». Далее следовало «здравствование» посланниками самого Л.К. Кислянского, а затем и ответное «здравствование» письменным головой дипломатов. Кислянский спросил и о том, как доехали посланники, не было ли им в пути какие-либо обиды[48]. Этикетные вопросы, связанные с выявлением информации о том, как добрались дипломаты до Иркутска, были направлены на установление доверительного контакта, проявление уважения к прибывшему посольству.

Аналогичная последовательность ритуалов, примененных на русско-халхаских переговорах в 1684 г., была зафиксирована и во время коммуникации с джунгарами в 1684 и 1691 гг.[49] Обратим внимание, что в 1691 г. во время повторной аудиенции, организованной джунгарским посланникам, иркутский воевода Л.К. Кислянский, по всей видимости, повторил последовательность «здравствования»: «…с теми посланцы повитался, как ведетца обычей»[50]. Слово «повитался», употребленное в статейном списке, в XVII в. имело значение «приветствовать друг друга»[51]. Это позволяет утверждать, что Л.К. Кислянский поприветствовал посланников, отталкиваясь от норм дипломатической культуры XVII в.

Далее, если посланники привезли с собой подарки, предназначенные представителям российской власти, происходил ритуал преподнесения даров. Тогда же прибывшие дипломаты могли вручить и письмо (если оно не было передано приставам ранее)[52]. Письмо могли вручить и на повторной аудиенции[53].

Случалось, что российские власти использовали иную конфигурацию ритуалов, упуская какие-либо компоненты церемониала. В 1690 г. Л.К. Кислянский, принимая посланников от джунгарского Галдана Бошокту-хана, по всей видимости, вообще не совершал ритуал «здравствования». Это предположение связано с тем, что статейный список переговоров не содержит сведений о вопросах-ответах о здоровье российского монарха и контрагента. Иркутский воевода, судя по документу, сразу перешел к сути приезда посланника и затребовал письмо («лист»)[54]. Полномочный посол Ф.А. Головин, возвращавшийся обратно

[45] РМО. 1654−1685. С. 411.
[46] РМО. 1685−1691. С. 214.
[47] ДАИ. Т. 10. С. 247.
[48] Там же.
[49] РМО. 1654−1685. С. 434−435; РМО. 1685−1691. С. 327.
[50] РМО. 1685−1691. С. 328.
[51] Словарь русского языка XI−XVII вв. Вып. 15. М., 1989. С. 161.
[52] РМО. 1654−1685. С. 435; РМО. 1685−1691. С. 327.
[53] РМО. 1685−1691. С. 331.
[54] Там же. С. 256.

в столицу после заключения Нерчинского договора в 1689 г. и находившийся в момент приезда джунгарского посланца в 1690 г. в Иркутске, тоже не проводил никаких ритуалов «здравствования». На аудиенции у Головина произошло лишь вручение посланниками подарков, адресованных ему[55]. Эти факты позволяют утверждать, что набор и последовательность применения ритуалов были вариативными и их использование зависело от умонастроения лица, принимавшего посольства, от отношений между русскими и монголоязычными номадами в каждый конкретный момент времени.

Случалось, что посланники отказывались следовать «русскому» варианту дипломатического церемониала. В 1689 г. посланники джунгарского Галдана Бошокту-хана, халхаского Очирдар хутухты и прочих халхаских правителей, войдя в помещение, где проходила аудиенция, «шапок с себя не сняли и про здоровье великих государей не спросили»[56]. На замечание воеводы Л.К. Кислянского о том, что ранее приезжавшие дипломаты от джунгарских и халхаских правителей всегда снимали головные уборы и спрашивали про здоровье монархов, посланники ответили, что «им о том не заказано», а кроме того «они де посланы не к царскому величеству, посланы де они в-Ыркутцк к начальному человеку», т.е. к воеводе, а не к царям[57]. Иркутский воевода не пожелал вступать в «церемониальный спор» и пошел на уступки, продолжив аудиенцию.

Во время аудиенции у представителей российской власти в Иркутске посланники из центральноазиатских улусов, по всей видимости, сидели на заготовленных скамьях[58]. Приглашение сесть на скамью следует расценивать как оказание почтения контрагентам[59].

После осуществления всех церемониальных и ритуальных действий начинались собственно переговоры, рассмотрение которых выходит за рамки данной статьи. После завершения аудиенции управленцы могли угостить посланников. Так поступил Л.К. Кислянский. В 1684 г. он «велел потчивать их (халхаских посланников. − *Д. Н.*) вином горячим и збитнем и пивом»[60].

Резюмируя вышесказанное, можно констатировать, что дипломатический церемониал, используемый представителями российской власти в Иркутске, был направлен на выполнение репрезентативных функций. Для создания образа могущественной царской власти иркутские управленцы задействовали все население, которое в момент приезда иноземного находилось в городе. С этой же целью в церемониале использовали и различную воинскую атрибутику: ружья, артиллерию, знамена и барабаны. Все это в совокупности демонстрировало мощь и величие «великих государей» − царствовавших тогда Иоанна и Петра Алексеевичей, всякое сопротивление которым является бессмысленным. Чем больше людей и оружия власти демонстрировали прибывшему посольству, тем большим должен был быть эффект присутствия царской власти на далеких окраинах Российского государства.

Кроме того, отдельные ритуалы дипломатического церемониала («здравствование» российского монарха и снятие головного убора) были направлены на легитимацию власти русского царя над контрагентами. Ведь упоминания государева имени «наперед» и снятие шапки в «честь» государя и представлявшего его власть управленца указывают на то, что в символической форме российский монарх ставился выше кочевых правителей.

Одновременно задействование в церемониале большого количества людей, а также демонстрация парадности показывали, что российская власть, несмотря на то, что кочевые правители воспринимались ею неравными, оказывала почтение контрагентам. На это, заметим, указывали и сами современники, о чем было сказано ранее. Парадные встречи и отдельные компоненты ритуала должны были оказать психологическое воздействие на представителей контрагента, пославшего миссию, и сделать их сговорчивей. Это, в свою

[55] РМО. 1685−1691. С. 258.
[56] Там же. С. 214.
[57] Там же. С. 214−215.
[58] Там же. С. 256−257, 328.
[59] *Байбурин А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета… С. 75.
[60] РМО. 1654−1685. С. 415.

очередь, должно было положительно сказаться на общем ходе взаимодействия российской власти с монголоязычными кочевниками севера Центральной Азии.

При этом применение всех компонентов церемониала было вариативным. Об этом говорят факты его ситуативного использования представителями российской власти в Иркутске в конце XVII в. Это позволяет утверждать, что российская власть гибко и прагматично относилась к исполнению всех формальностей и была нацелена прежде всего на достижение договоренностей, а не на исполнение всех тонкостей дипломатической культуры XVII в.

Таким образом, дипломатический церемониал, который использовали представители российской власти в Иркутске в конце XVII в., в визуальной форме доносил до посланников определенную информацию: от знаков оказания «чести» контрагенту, приславшему посольства, до демонстрации мощи и величия русского царя, который, физически находясь в Москве, метафизически присутствовал на окраине своей «вотчины».

Литература

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). 2-е изд., доп. Хабаровск: Книжное издательство, 1984. 271 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII−XVIII вв. Владивосток: [б. и.], 1999. 336 с.

Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета. Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 165 с.

Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1867. Т. 10. 516 с.

Зуев А.С. Административно-территориальное устройство Забайкалья в 1650−1680-х годах // Universum Humanitarium. 2025. № 2. С. 26−62.

Зуев А.С., Попов Д.К. Церемониал приема русских посланников в ставках монголоязычных кочевников Центральной Азии в XVII в. // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования»: сборник памяти В. В. Трепавлова. М., 2024. С. 400−418.

Зуев А.С., Слугина В.А. Шерти-присяги народов Сибири и севера Центральной Азии российскому монарху в конце XVI − начале XVIII в.: исследования и материалы. Новосибирск: НГУ, 2023. 560 с.

Китинов Б.У. Буддизм и религиозные лидеры Тибета в истории Четырех ойратов: в 2 т. М.: Институт востоковедения РАН, 2021. Т. 1. 280 с.

Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М.: Стройиздат, 1977. 190 с.

Кундакбаева Ж.Б. «Прислал де их Аюка тайша бить челом великому государю царю…» (приезд в Москву калмыцких посланников во второй половине XVII в.) // Иноземцы в России в XV−XVII веках: сборник материалов конференций 2002−2004 гг. М., 2006. С. 520−532.

Манин Д.О. Особенности дипломатического церемониала русского посольства во Франции в 1681 г. // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. ст. Междунар. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых. М., 2022. С. 27−35.

Моисеев М.В. Москва XVI века, как пространство дипломатического ритуала. Церемониал и топография // Московский код. Сборник статей по краеведению. М., 2022. С. 39−43.

Оглоблин Н.Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592−1768 гг.). Ч. 1: Документы воеводского управления. М.: Университетская типография, 1895. 430 с.

Русско-монгольские отношения. 1607−1636. Сборник документов / сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 352 с.

Русско-монгольские отношения. 1636−1654. Сборник документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М.: Наука, 1974. 469 с.

Русско-монгольские отношения. 1654−1685. Сборник документов / сост. Г.И. Слесарчук. М.: Восточная литература, 1996. 559 с.

Русско-монгольские отношения. 1685−1691. Сборник документов / сост. Г.И. Слесарчук. М.: Восточная литература РАН, 2000. 488 с.

Словарь русского языка XI−XVII вв. / отв. ред. С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1989. Вып. 15. 288 с.

Слугина В.А. Организация церемоний присяг на верность царю Федору Алексеевичу в Западной Сибири (1676 г.) // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: сб. ст. Междунар. науч.-практ. школы-конф. молодых ученых (25−28 октября 2022 г.). М., 2022. С. 18−26.

Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV − начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 333 с.

Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется…». Русский посольский обычай конца XV − начала XVII в. М.: Международные отношения, 1988. 214 с.

References

Aleksandrov, V.A. (1984). *Rossiya na dal’nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.)* [Russia on the Far Eastern Borders (Second Half of the 17th Century)]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel’stvo. 271 p.

Artem’ev, A.R. (1999). *Goroda i ostrogi Zabaikal’ya i Priamur’ya vo vtoroy polovine XVII−XVIII vv.* [Cities and Forts of Transbaikalia and the Amur Region in the Second Half of the 17th−18th Centuries]. Vladivostok, [n. p.]. 336 p.

Baiburin, A.K., Toporkov, A.L. (1990). *U istokov etiketa. Etnograficheskie ocherki* [At the Origins of Etiquette: Ethnographic Essays]. Leningrad, Nauka. 165 p.

Barkhudarov, S.G. (Ed.). (1989). *Slovar’ russkogo yazyka XI−XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language from the 11th to the 17th Centuries]. Moscow, Nauka. Vol. 15. 288 p.

(1867). *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoy komissiey*. St. Petersburg, Tipografiya Ehduarda Pratsa. Vol. 10. 516 p.

Gataullina, L.M., Gol’man, M.I., Slesarchuk, G.I. (Comps.). (1959*). Russko-mongol’skie otnosheniya. 1607−1636* [Russo-Mongolian Relations. 1607−1636]. Moscow, Izdatel’stvo vostochnoy literatury. 352 p.

Gol’man, M.I., Slesarchuk, G.I. (Comps.). (1974). *Russko-mongol’skie otnosheniya. 1636−1654* [Russo-Mongolian Relations. 1636−1654]. Moscow, Nauka. 469 p.

Khoroshkevich, A.L. (2001). *Rus’ i Krym: Ot soyuza k protivostoyaniyu. Konets XV − nachalo XVI vv.* [Rus’ and Crimea: From Alliance to Confrontation. Late 15th − Early 16th Centuries]. Moscow, Editorial URSS. 333 p.

Kitinov, B.U. (2021). *Buddizm i religioznye lidery Tibeta v istorii Chetyrekh oiratov* [Buddhism and the Religious Leaders of Tibet in the History of the Four Oirats]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN. Vol. 1. 280 p.

Kochedamov, V.I. (1977). *Pervye russkie goroda Sibiri* [The First Russian Cities of Siberia]. Moscow, Stroyizdat. 190 p.

Kundakbaeva, Zh.B. (2006). “Prislal de ikh Ayuka taisha bit’ chelom velikomu gosudaryu tsaryu…” (priezd v Moskvu kalmytskikh poslannikov vo vtoroy polovine XVII v.) [“Ayuka Taisha Sent Them to Bow to the Great Sovereign Tsar…” (The Arrival of Kalmyk Envoys to Moscow in the Second Half of the 17th Century)]. *In Inozemtsy v Rossii v XV−XVII vekakh: sbornik materialov konferentsii 2002−2004 gg.* Moscow, pp. 520−532.

Manin, D.O. (2022). Osobennosti diplomaticheskogo tseremoniala russkogo posol’stva vo Frantsii v 1681 g. [Features of the Diplomatic Ceremony of the Russian Embassy in France in 1681]. In *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady. Sbornik statey Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi shkoly-konferentsii molodykh uchenykh*. Moscow, pp. 27−35.

Moiseev, M.V. (2022). Moskva XVI veka, kak prostranstvo diplomaticheskogo rituala. Tseremonial i topografiya [16th-Century Moscow as a Space of Diplomatic Ritual: Ceremonial and Topography]. In *Moskovskiy kod. Sbornik statey po kraevedeniyu*. Moscow, pp. 39−43.

Ogloblin, N.N. (1895). *Obozrenie stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592−1768 gg.).* [Review of the Columns and Books of the Siberian Order (1592−1768)]. Moscow, Universitetskaya tipografiya. Vol. 1. 430 p.

Slesarchuk, G.I. (Comp.). (1996). *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1654−1685* [Russo-Mongolian Relations. 1654−1685]. Moscow, Vostochnaya literatura. 559 p.

Slesarchuk, G.I. (Comp.). (2000). *Russko-mongol'skie otnosheniya. 1685−1691* [Russo-Mongolian Relations. 1685−1691]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. 488 p.

Slugina, V.A. (2022). Organizatsiya tseremonii prisyag na vernost' tsaryu Fedoru Alekseevichu v Zapadnoy Sibiri (1676 g.) [Organization of Ceremonies of Oaths of Allegiance to Tsar Feodor Alekseevich in Western Siberia (1676)]. In *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen do XXI veka: problemy, diskussii, novye vzglyady. Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy shkoly-konferentsii molodykh uchenykh (25−28 oktyabrya 2022 g.)*. Moscow, pp. 18−26.

Yuzefovich, L.A. (1988). *"Kak v posol'skikh obychayakh vedetsya…". Russkiy posol'skiy obychay kontsa XV − nachala XVII v.* ["As is Customary in Embassy Affairs...". Russian Embassy Customs of the Late 15th − Early 17th Centuries]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 214 p.

Zuev, A.S., Slugina, V.A. (2023). *Sherti-prisyagi narodov Sibiri i severa Tsentral'noy Azii rossiyskomu monarkhu v kontse XVI − nachale XVIII v.: issledovaniya i materialy* [Sherti-Oaths of the Peoples of Siberia and Northern Central Asia to the Russian Monarch in the Late 16th − Early 18th Centuries: Research and Materials]. Novosibirsk, NGU. 560 p.

Zuev, A.S. (2025). Administrativno-territorial'noe ustroystvo Zabaykal'ya v 1650−1680-kh godakh [Administrative-Territorial Structure of Transbaikalia in the 1650s−1680s]. In *Universum Humanitarium*. No. 2, pp. 26−62.

Zuev, A.S., Popov, D.K. (2024). Tseremonial priema russkikh poslannikov v stavkakh mongoloyazychnykh kochevnikov Tsentral'noy Azii v XVII v. [The Ceremony of Receiving Russian Envoys at the Headquarters of the Mongolian-Speaking Nomads of Central Asia in the 17th Century]. In *Fenomen verkhovnoy vlasti i protsess formirovaniya imperskogo gosudarstva neischerpaemy dlya issledovaniya: Sbornik pamyati V.V. Trepavlova*. Moscow, pp. 400−418.

А.А. Кононов*

ЦЕПОЧКИ СДЕЛОК С НЕДВИЖИМОСТЬЮ В НОВОНИКОЛАЕВСКЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1910-Х ГОДОВ

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-18
УДК 94:332.72(571.14)

Выходные данные для цитирования:
Кононов А.А. Цепочки сделок с недвижимостью в Новониколаевске в первой половине 1910-х годов // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 221−232. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-18.pdf

A.A. Kononov*

CHAINS OF REAL ESTATE TRANSACTIONS IN NOVONIKOLAEVSK IN THE FIRST HALF OF THE 1910S

doi:10.31518/2618-9100-2026-6-18

How to cite:
Kononov A.A. Chains of Real Estate Transactions in Novonikolaevsk in the First Half of the 1910s // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 221−232. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-18.pdf]

Abstract. This article analyzes real estate transactions in Novonikolaevsk in the first half of the 1910s based on residents' applications to the City Council for the transfer of estate rights to another person. These sources allow not only to classify transactions but to reconstruct the financial strategies of the townspeople. The basic unit of transaction was the plot of land, the buildings on which were considered its integral part. Vacant lands distributed by the City Council at auctions are not included in this study. The study focuses on the entire spectrum of transactions involving estate land: from purchase, sale and family gifts to collateral transactions with a mutual credit society. The analysis demonstrates how the same plot could be successively involved in various transactions, forming complex chains. It is revealed that during the period under study, real estate in Novonikolaevsk was not exclusively residential, but was transformed into an active financial instrument for complex processes: many plots became collateral for loans and objects of resale. Since each transaction recorded not only the transfer of rights, but the interactions between various groups − from peasants and townspeople to officials and companies − as well, these documents reveal complex everyday economic practices and social connections within urban society.

Keywords: Novonikolaevsk, real estate market, collateral, mutual credit society.

The article has been received by the editor on 29.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье анализируется оборот недвижимости в Новониколаевске в первой половине 1910-х гг. на основе заявлений горожан в городскую управу о передаче прав на усадьбу другому лицу. Эти источники позволяют не только классифицировать сделки, но и реконструировать финансовые стратегии горожан. Основной единицей оборота был участок, постройки на котором считались его неотъемлемой частью. Свободные земли, распределявшиеся городской управой на торгах, в данное исследование не включены. В центре внимания исследования находится весь спектр операций с усадебной землей: от купли-продажи и семейных дарений до залоговых сделок с обществом взаимного кредита. Анализ показывает, как один и тот же участок мог последовательно вовлекаться

* **Андрей Александрович Кононов,** магистрант, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.kononov3@g.nsu.ru
Andrey Aleksandrovich Kononov, Master Student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.kononov3@g.nsu.ru

в различные сделки, образуя разветвленные цепочки. Выявлено, что в исследуемый период недвижимость в Новониколаевске не была исключительно жильем, а трансформировалась в активный финансовый инструмент для сложных процессов: многие участки становились обеспечением займов, объектом перепродажи. Поскольку каждая сделка фиксирует не только переход права, но и взаимодействие между различными группами − от крестьян и мещан до чиновников и компаний, то через эти документы прослеживаются сложные повседневные экономические практики и социальные связи внутри городского общества.

Ключевые слова: Новониколаевск, рынок недвижимости, залог, общество взаимного кредита.

Статья поступила в редакцию 29.12.2025 г.

Введение. Жилье было ключевой потребностью большинства городских жителей. Оборот недвижимости был особенно интенсивен в быстро развивавшихся городах, к которым относился Новониколаевск (современный Новосибирск) в начале XX в. Его трансформация в ключевой торгово-промышленный центр региона сопровождалась массовым притоком населения, что порождало спрос на жилье и превращало его в арену активного взаимодействия различных социальных групп. Пока одни горожане жили в землянках, бараках или казармах при промышленных предприятиях, другие пользовались несколькими участками и давали объявления в газеты о продаже, например, сразу шести участков земли[1]. Именно поэтому изучение оборота недвижимости становится ключом к пониманию механизмов экономики и социальной жизни дореволюционного города.

История Новосибирска (в прошлом Новониколаевска) привлекает внимание исследователей, многие работы[2] посвящены политическим и экономическим трансформациям дореволюционного этапа. Пласт литературы о Новониколаевске посвящен архитектурному облику и градостроительному развитию[3]. С.Н. Баландин[4] и С.М. Новокшонов[5] рассматривали город как результат административных решений и архитектурных планов. Они проанализировали городские планы, рост кварталов, формирование частей города. Заслугой данных исследований является разработка типологии застройки, подробное описание эволюции от деревянных одноэтажных домов к каменным особнякам, доходным домам, общественным и коммерческим зданиям. Работы данных авторов важны для настоящего исследования, так как они описывают те самые дома, которые фигурируют в изучаемых документах.

Заметный вклад в изучение Новониколаевска внесла Н.А. Минина. В составленном ею сборнике документов[6] раскрываются вопросы планировки города, аренды, выкупа земли

[1] Продаются места и дома // Народная летопись. 1906. № 3 (9 апр.). Раздел «Объявления». С. 4.

[2] *Горюшкин Л.М.* Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX − начало XX в.). Новосибирск, 1978; *Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А.* Так начинался Новосибирск. Конец XIX − начало XX в. Новосибирск, 1983; *Дегтярев Д.С.* Пригородные зоны городов Томской губернии во второй половине XIX − начале XX в. Барнаул, 2012; *Зиновьев В.П., Харусь О.А.* Панорама общественной жизни Новониколаевска в цифрах и фактах (1895 − февраль 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 17−22; *Крестьянников Е.А., Шайхутдинова Д.В.* Новониколаевск в борьбе за право на окружной суд во втором десятилетии XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 33−41; Новониколаевск − Новосибирск: от поселкового старосты до мэра: биографический справочник. Новосибирск, 2003; Новосибирск − Новониколаевск 1893−1993. События, люди. Сборник. Новосибирск, 1993; *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX − начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2014.

[3] *Журин Н.П.* Особенности планировочного решения будущего сибирского мегаполиса Ново-Николаевска (совр. Новосибирск) в конце XIX − начале XX века // Вестник Томского Государственного архитектурно-строительного университета. 2024. № 4. С. 76−85.

[4] *Баландин С.Н.* Новосибирск. История градостроительства. 1893−1945 гг. Новосибирск, 1978.

[5] *Новокшонов С.М.* Градостроительное развитие города Ново-Николаевска (Новосибирска) с 1893 по 1917 годы. Новосибирск, 2013.

[6] История города Ново-Николаевска (1893−1908): сб. док-тов. Новосибирск, 2020.

у Кабинета Его Императорского Величества. В статье того же автора[7] описываются земельные проблемы в Новониколаевске, порожденные управлением Кабинета ЕИВ. Кабинетское управление составляло специфику Новониколаевска и отражалось в правовых нормах и рынке недвижимости. Данный аспект важен для настоящего исследования, ведь горожане обладали лишь правом пользования участками на условии ежегодной уплаты выкупных платежей. Полноценным собственником можно было стать только после внесения всей суммы выкупа, поэтому на рынке обращалось не право собственности на участки, а право пользования и обязательства по выкупу.

Таким образом, предшествующие исследования заложили основу для изучения макропроцессов урбанизации и роста Новониколаевска. Однако в тени остаются повседневные механизмы, обеспечивающие динамику этих процессов, прежде всего рынок недвижимости. Развитие кредитной инфраструктуры, включая ипотечные механизмы и деятельность банковских учреждений в регионе, рассматривается в работах по финансовой истории Западной Сибири[8], что создает важный институциональный фон для анализа рынка недвижимости.

Опираясь на результаты предшественников, настоящее исследование ставит целью рассмотреть микроисторию рынка недвижимости как элемента социально-экономического развития Новониколаевска в начале XX в. Системный анализ массовых данных о сделках с недвижимостью Новониколаевска − материалов, которые прежде не становились основой для подобных целей, позволяет впервые реконструировать стратегии различных социальных групп горожан, типизировать их экономические роли и раскрыть многоуровневую функцию недвижимости.

Основная проблема, на решение которой направлено настоящее исследование, заключается в определении роли недвижимости в жизни горожан Новониколаевска. Необходимо выяснить, ограничивалась ли ее функция только предоставлением жилья или же она становилась инструментом извлечения дохода и обеспечения финансовых операций. В работе проводится анализ нотариально заверенных заявлений в городскую управу о передаче прав на участки в Новониколаевске за 1913[9] и 1915[10] гг., фиксирующих 195 и 246 операций соответственно. Важно уточнить, что под термином «участок», как правило, подразумевается уже застроенная территория, т.е. усадьба с жильем. Оформление каждой сделки происходило отдельным документом, даже в рамках цепочек последовательных операций в один день. Дополнительная ценность источников состоит в том, что часть из них содержит информацию о предыстории участка и сделках с ним за предыдущие годы начиная с 1906 г. Суммарно удалось выявить 508 передач прав за разные годы. Хотя данные документы не отличаются подробностью, их детальное изучение позволяет определить весь спектр совершавшихся сделок − от купли-продажи до залоговых операций. Микроисторический анализ дает возможность увидеть за канцелярскими актами практики реальных людей и проследить их адаптацию к условиям капиталистического рынка в растущем городе.

Типы операций. Доминирующей формой оборота выступала купля-продажа, на долю которой приходилось 44,29 % всех операций (225 случаев). Все сделки, включая куплю-продажу, оформлялись нотариусами единообразно как «перевод права аренды и права выкупа» на участок. Эта формулировка скрывала за собой широкий спектр целей сделок. Так, к покупкам приводили потребность в жилье, желание вложить средства, увеличить размер владения или сменить место жительства. В свою очередь, продажи могли

[7] *Минина Н.А.* Эволюция арендных отношений Новониколаевска и императорского Кабинета: к истории урбогенеза нового сибирского города на рубеже XIX−XX вв. // Исторический курьер. 2018. № 2. Ст. 5. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-05.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[8] *Бочарова Т.А.* Ипотечный кредит в Западной Сибири в конце XIX − начале XX века // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 12. С. 2467−2471; *Денисов И.Ю.* Банковские учреждения Западной Сибири и торговое сословие: опыт взаимодействия в XIX − начале XX в. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2025. Т. 12, № 2 (46). С. 39−44.

[9] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д−97. Оп. 1. Д. 151, 151А.

[10] ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 214, 214А.

обусловливаться комплексом причин: с одной стороны, жители города избавлялись от неудобно расположенных или неликвидных участков, с другой − фактором выступали финансовые затруднения, в частности необходимость погашения задолженностей, уплаты непосильных городских сборов и выкупных платежей. Помимо этого, иногда продажи могли быть связаны с разделом семейного имущества.

Кроме стандартных процедур, источники фиксируют и более сложные формы. К их числу относится оборот сдвоенных участков, когда смежные владения одного горожанина передавались новому правообладателю по единому акту. Встречающейся практикой было приобретение части участка, в большинстве случаев это представляло собой выделение доли новому совладельцу (21 случай, 4,13 % от общего числа), при этом состав правообладателей участка менялся разными вариантами. По первому сценарию изначальный владелец привлекал к себе совладельца, как произошло с мещанкой М.А. Шарабариной, которая 4 января 1913 г. нотариально оформила передачу прав на себя и на отставного канцелярского служителя П.К. Ясетенова[11]. Примечательно, что обязательное указание мест жительства в документе описывает совместное проживание сторон на момент сделки. По другому сценарию двое правообладателей передавали право одному из прежних владельцев и совершенно новому лицу. Так, крестьяне И.Л. Деревянников и И.С. Пушков передали права самому И.С. Пушкову и крестьянину С.Я. Опучину[12]. Отдельно следует выделить изначально коллективные приобретения (8 случаев, или 1,57 %), при которых участок, ранее находившийся в одних руках, переходил в пользование нескольких горожан. Например, крестьянин С.Н. Хавин передал права на участок крестьянину В.Г. Салыгину и мещанке М.Г. Ивановой[13]. Все эти разнообразные сценарии с разделом, привлечением совладельца или коллективной покупкой отражают особую модель, позволяющую дробить финансовые обязательства и обеспечивающую малосостоятельным горожанам совместный доступ к недвижимости.

Таблица 1

Формы оборота участков

Стороны сделок	Операции	Доля
Сделки частных лиц, не находящихся в родстве	Купля-продажа участка	225 (44,29 %)
	Купля-продажа части участка	21 (4,13 %)
	Коллективная покупка	8 (1,57 %)
Сделки родственников	Наследование	38 (7,48 %)
	Дарение	31 (6,1 %)
	Вписывание родственника	7 (1,38 %)
Залоги частных лиц	Залог ОВК	110 (21,65 %)
	Выкуп залога ОВК	43 (8,46 %)
	Отказ в залоге ОВК	3 (0,59 %)
	Приобретение с торгов	4 (0,79 %)
	Обеспечение долга частному лицу	4 (0,79 %)
	Обеспечение городского договора	6 (1,18 %)
	Возврат по обеспечению городского договора	2 (0,39 %)
Отвод участка под железную дорогу		6 (1,18 %)

Составлено по: ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 151, 151А, 214, 214А.

[11] ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 151. Л. 15−16.
[12] Там же. Л. 51−52.
[13] Там же. Д. 214. Л. 126−127.

Как видно из табл. 1, передача прав на участки внутри семьи представляла собой другую значимую категорию сделок, включавшую как наследование по завещаниям, так и прижизненные дарения между родственниками. Всего на наследование пришлось 38 случаев (7,48 % от общего числа). Процедура его оформления была многоступенчатой и требовала взаимодействия с городской управой и окружным судом. Наследники (дети, вдовы, опекуны) обращались в управу с просьбой о выдаче для суда удостоверения, подтверждавшего факт наличия недвижимого имущества умершего и размер подлежащих уплате сборов. После утверждения наследства на суде наследники, по аналогии с куплей-продажей, подавали заявление в городскую управу о переводе прав на участок на свое имя.

Другой сопоставимой по масштабу практикой была прижизненная передача прав внутри семьи − также 38 случаев, или 7,48 %. Она выражалась как в оформлении совместных с родственником прав на участок, так и в полной уступке участка ему. То есть горожане соблюдали бюрократические процедуры и вписывали совместно проживающих родственников в документы. Такое соблюдение процедур было не формальностью, а служило стратегией сохранения недвижимости в семье и защиты прав родственников от возможных претензий или разделов. Следовательно, недвижимость выполняла важнейшую роль в семейном капитале.

Особый интерес в рамках исследования представляют залоговые операции, с ними связаны 172 случая (33,86 %). Их суть заключалась в оформлении передачи участка в обеспечение Новониколаевскому обществу взаимного кредита (ОВК). После погашения займа составлялся документ о возврате участка заемщику.

Отдельную малочисленную категорию составляли 6 случаев (1,18 %) отвода участка железной дороге. В изучаемые годы прокладывалась Алтайская железная дорога, проходившая через некоторые кварталы Центральной и Закаменской частей Новониколаевска. Эти процедуры важны, поскольку повлекли последующие приобретения участков. Так, крестьянин М.В. Солдатов 27 июня 1915 г. перевел права на участок № 2 в 4-м квартале Закаменской части Обществу Алтайской железной дороги и уже 1 июля приобрел участок № 17 неподалеку − в 11-м квартале[14].

Все многообразие операций с недвижимостью в Новониколаевске складывается в три ключевых блока, отражающих ее основные функции в жизни города. К блоку коммерческого оборота относились классические сделки купли-продажи, приобретения доли и совместные покупки. Второй блок представлен семейно-наследственными передачами, они заключались в сохранении и передаче участков внутри семьи. Это оформление наследства, введение родственников в число совладельцев и дарение. Третий блок связан с финансово-кредитными операциями, к которым относились залоги как частным лицам, так и ОВК, отказы и последующие выкупы, обеспечение городских подрядов и приобретение участков должников с торгов. Отдельные документы касались отвода участков под строительство железной дороги. Важно подчеркнуть, что эти категории не были взаимоисключающими: унаследованная недвижимость могла впоследствии стать объектом заклада или продажи, а купленный участок, наоборот, перейти по наследству. Таким образом, один и тот же участок мог последовательно выполнять различные функции и включаться в цепочки сделок.

Цепочки частных лиц. Одной из распространенных разновидностей цепочек сделок была практика замены участка: продавая один участок, горожане в краткие сроки приобретали другой. Например, живущий в городе крестьянин П.К. Одиак перевел права на участок № 17 в 30-м квартале Вокзальной части мещанину Н.Е. Мякищеву, а уже спустя неделю взамен приобрел участок № 32 в 1-м квартале в той же части у мещанина А.М. Огородникова[15]. Всего зафиксировано 12 подобных серий. Лишь в одной из них произошла смена района проживания − с окраин Центральной в Вокзальную часть, а в остальных ситуациях новая покупка совершалась в пределах той же городской части. Вероятно, вырученные деньги от продажи служили основным или дополнительным источником оплаты нового

[14] ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 214А. Л. 134, 139.
[15] Там же. Л. 66, 79−80.

участка, а иногда часть суммы могла оставаться свободной. Ключевая особенность данного процесса − краткость интервала, что указывает на спланированный характер. Средний временной промежуток составлял около 16 дней при значительном разбросе: от совершения операций в 1 день до 66 дней, также зафиксированы интервалы − 4, 8, 13 и 42 дня. Возможность продать участок и скоро купить другой говорит о быстром обороте и развитости рыночных отношений.

В то время как одни участники рынка лишь непродолжительное время оставались без участков, другие, наоборот, недолго владели ими. Их можно считать перекупщиками, чьи участки переходили из рук в руки в течение нескольких лет (например, через 408 дней или 639 дня) или месяцев (132, 84, 93, 103, 65, 75 дней). В отдельных ситуациях происходила практически мгновенная перепродажа − спустя 7, 23, 24, 35 дней после приобретения, что указывает на наличие спекулятивной торговли. Хотя на ряд ситуаций могли сказаться непредвиденные обстоятельства, совокупность подобных цепочек расценивается нами как признак спекуляций и указывает на динамичность рынка недвижимости, его развитость как сферы для заработка.

Анализ документов выявил фигуру активного рыночного игрока − крестьянина Л.И. Краснослободцева, чьи частые сделки[16] характеризуют его как перекупщика. В течение января 1913 г. он практически одновременно продал свой участок и приобрел два новых. Так, 5 января купил участок № 9 в 68-м квартале Закаменской части у Е.М. Киселевой (получен ею по наследству за три месяца до этого и, возможно, был не нужен и уступлен в цене). Затем он 18 января продал свой участок № 2 в 138-м квартале Закаменской части и сразу на вырученные деньги приобрел второй участок № 7 в 88-м квартале у П.Ф. Ельцова. 15 мая он перепродал (вероятно, с наценкой) ранее купленный участок № 9 в 68-м квартале мещанке М.И. Посельт. То есть он не продавал один участок для последующей покупки другого, а совершал параллельные операции, что требовало оборотного капитала. Краткие временные интервалы указывают на то, что его целью выступало не личное использование и не строительство, а извлечение прибыли из оборота. Л.И. Краснослободцев был активным игроком на рынке недвижимости, его серия сделок − не необдуманная смена жилья, а спланированная коммерческая деятельность.

Цепочки с оформлением наследства и последующей продажей унаследованного участка объясняются неудобным расположением, большими расходами на содержание и уплату налогов, в то время как наследники могли нуждаться в деньгах для развития собственного хозяйства, для погашения задолженностей или иных нужд. Определено 14 таких сделок, их существование показывает прагматичное отношение части горожан, для которых унаследованный городской участок не расценивался как символическое семейное достояние. Следовательно, прослеживается тенденция перехода недвижимости от традиционной собственности семьи к рыночному товару.

Залоговые цепочки. Залоговые операции с ОВК выстраивались в цикл: перевод прав на участок в обеспечение с последующим возвратом их заемщику после возвращения займа. Сохранившиеся квитанции подтверждают, что такие залоги могли действовать годами (в отдельных случаях до 9 лет), это указывает на рутинный характер данной практики. В совокупности выявлено 12 цепочек из оформления залога и возвращения прав на участок обратно, однако их может быть больше, поскольку данные операции − составная часть серий других операций. Поскольку было невозможно продать заложенный участок, владелец для этого применял двухэтапную процедуру: сначала выкупал участок у ОВК для снятия обременения и лишь затем заключал акт с покупателем. Установлено минимум 10 таких цепочек, одна из них: крестьянин И.И. Рождествов заложил участок в ОВК в 1909 г., затем в 1915 г. в один день его выкупил и перевел на крестьянина И.С. Наумова[17]. Можно предположить, что деньги для выкупа у ОВК заемщик предварительно получил от покупателя, т.е. фактически деньги направились к ОВК.

[16] ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 151. Л. 23−25, 42−43, 67−68; Д. 151А. Л. 71.
[17] Там же. Д. 214. Л. 108−110.

Существовала схема приобретения недвижимости через финансирование со стороны ОВК. При нехватке собственных средств горожанин заранее согласовывал с ОВК заем под залог будущего участка, а затем покупатель оформлял перевод права на только что приобретенную недвижимость в пользу ОВК, а полученные от последнего средства перечислял продавцу в счет оплаты. Удалось установить минимум 7 таких цепочек. Примером служат операции мещанки К.Ф. Попковой, которая 22 апреля 1915 г. приобрела участок № 5 в 83-м квартале Центральной части и в тот же день его заложила в ОВК[18]. То есть ОВК выступало непосредственным источником средств для приобретения участков, которые сразу становились обеспечением по выданному кредиту.

При этом некоторые горожане, активно взаимодействуя с ОВК, включались сразу в несколько типов цепочек. С.Д. Смоглюк в 1909 г. заложил свой участок ОВК, после длительного залога выкупил его 17 января и продал 22 января 1915 г. Спустя пять месяцев он купил другой участок и немедленно на следующий день его заложил в ОВК[19]. Горожанин Смоглюк − активный клиент ОВК, он использовал долгосрочные займы, участвовал в купле-продаже, использовал приобретенный участок для получения кредита или покупал на взятые в кредит деньги.

Самый витиеватый тип цепочек представляет схема переоформления долга, в которой с ОВК взаимодействовали обе стороны. Выявлено восемь подобных случаев. В данной цепочке продавался заложенный участок по следующей процедуре: заемщик продавал свой обремененный залогом участок покупателю, после чего права на участок возвращались продавцу, а покупатель немедленно закладывал его ОВК по новому акту. Можно предположить, что сначала покупатель договаривался с ОВК о будущем залоге приобретаемого участка, а затем оплачивал продавцу часть суммы, принимая на себя долговое обязательство перед ОВК. Поскольку заложенные участки, вероятно, стоили ниже рыночной цены, некоторые предприимчивые горожане этим пользовались. Выгода заключалась в том, что даже при ограниченном бюджете они могли приобрести недвижимость по сниженной цене, сразу используя ее в качестве залога для финансирования самой сделки. В качестве примера можно рассмотреть цепочку сделок, начавшуюся с залога 13 февраля 1913 г., когда крестьянин А.Г. Печенкин перевел права на участок № 1 в 96-м квартале Центральной части на ОВК в обеспечение полученного кредита. 30 июня 1915 г. он продал этот заложенный участок крестьянке В.А. Вергининой. Спустя два дня, 2 июля, ОВК вернуло права на участок А.Г. Печенкину, а покупательница В.А. Вергинина немедленно заложила его ОВК[20]. Первым этапом совершалась сделка купли-продажи, подтверждавшая серьезность намерений сторон, а вторым − переоформлялись залоговые обязательства: ОВК освобождало прежнего владельца Печенкина от залога и новый владелец Вергинина закладывала участок ОВК. Такая хронология документов означает существование механизма продажи заложенной недвижимости. ОВК так страховалось от недобросовестности клиентов, дожидаясь покупки и готовности покупателя к переоформлению залога, и лишь затем составляло акт возврата прав изначальному заемщику. Заинтересованность продавца в такой замысловатой схеме − избавление от долга и получение денег. ОВК снижало риски, переводя долг с возможно неплатежеспособного заемщика на нового клиента. Покупатель же приобретал неликвидный для других участок (потому что он был в залоге) с минимальными собственными вложениями, используя схему рефинансирования. Фиксация в документах восьми подобных цепочек доказывает, что продажа заложенной недвижимости была не просто возможной, а реальной финансовой процедурой, отражающей высокую степень зрелости рынка.

Таким образом, рынок недвижимости Новониколаевска предлагал механизмы доступа к городским участкам даже при отсутствии полной суммы для приобретения. В описанных выше процедурах ОВК выступало как кредитор, финансирующий горожан. Все цепочки от залога до рефинансирования демонстрируют, что ОВК в изучаемый период становилось

[18] ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 214А. Л. 1−2.
[19] Там же. Д. 214. Л. 35−36, 39; Д. 214А. Л. 55−57.
[20] Там же. Д. 151. Л. 151; Д. 214А. Л. 147, 155−157.

необходимой составляющей рынка, а недвижимость интегрировалась в кредитную систему и становилась гибким финансовым инструментом.

Выявлено три редких случая (0,59 %) несостоявшегося залога в ОВК. Последовательность этих незавершенных операций была единообразной: горожанин передавал права на участок ОВК, однако на следующий день они ему возвращались с пометкой об отказе в выдаче ссуды под это имущество. Данная последовательность демонстрирует существование процедуры рассмотрения заявок, когда горожанин подтверждал свои права на участок и свое желание получить заем. Отказы свидетельствуют, что доступ к кредитованию определялся не только наличием участка.

Отдельную категорию составляют четыре случая (0,79 %) залога частному лицу, при которых продажи оформлялась с отсрочкой платежа через залог. Так, крестьянин Г.А. Лаврешин 31 января 1913 г. оформил перевод прав на участок крестьянину И.В. Симбирцеву. Однако уже 14 февраля Симбирцев перевел права обратно, подписав: «Мною отданы в заклад крестьянину Гавриилу Александровичу Лаврешину принадлежащие мне постройки, находящиеся на принадлежащем мне на праве аренды усадебном участке городской земли под № одиннадцатым в квартале шестом в Вокзальной части гор. Ново-Николаевска и кроме того я обязался не переводить кому-либо означенного участка земли впредь до уплаты всего состоящего за мною долга Гавриилу Лаврешину»[21]. Это была не обычная продажа, а оформление рассрочки платежа, где обратный перевод был с целью залогового обременения до полного расчета.

Приобретение участков с торгов (четыре случая, 0,79 %) − особая процедура, когда ОВК продавало участки должников. Особенность торгов − активное участие посредников. Так, 26 мая 1910 г. Сымкин, заложивший участок в ОВК, не смог погасить долг и лишился его. ОВК для возврата денег выставило заложенный участок на торги, где его приобрел крестьянин И.И. Жгировский. Затем 11 марта 1913 г. он перевел права на А.К. Азарову (ОВК в этот день также перевело права на нее), которая немедленно перезаложила участок в ОВК[22]. Значит, у Азаровой отсутствовала вся сумма для расчета и она использовала механизм кредита под залог для расчета с И.И. Жгировским. По всей видимости, Жгировский был посредником, действовавшим по договоренности с Азаровой, или спекулянтом, приобретшим участок на торгах для перепродажи. Аналогичная схема была в другом случае: горожанин М.А. Шлеймович, владелец двух смежных участков, в 1910−1911 гг. последовательно использовал их для получения кредитов в ОВК, вероятно, для увеличения запрашиваемой суммы или из-за нарастающих трудностей. Однако он не смог вернуть долг, ОВК выставило участки на торги, где их приобрел В.Г. Дуброво. Впоследствии он и ОВК перевели права на участки мещанину Н.А. Иванову, который заложил их оба вновь в ОВК[23]. Представленные примеры демонстрируют, что даже процесс взыскания долга через торги порождал разветвленные цепочки сделок.

Кроме того, недвижимость выступала в качестве обеспечения по договорам (восемь случаев, 1,57 %), когда участок на время действия договора документально передавался, например, городской управе в гарантию выполнения поставки кирпича[24], поставки в лечебные заведения мяса[25] или арендного договора на каменоломню[26]. После выполнения условий договора права возвращались обратно.

Так или иначе, все выявленные разновидности залогов и их цепочек отражают различные стратегии горожан и функции недвижимости. Повседневная жизнь города Новониколаевска была в значительной степени связана с оборотом участков. Описанные примеры отражают финансовую грамотность некоторых жителей и подтверждают, что недвижимость использовалась в коммерческом обороте, служила средством обеспечения семейных передач, гарантией по контрактам и обеспечивала доступ к кредиту.

[21] ГАНО. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 151. Л. 104−105.
[22] Там же. Л. 147−151.
[23] Там же. Л. 186−187, 190−191, 194.
[24] Там же. Л. 27.
[25] Там же. Л. 212.
[26] Там же. Л. 60.

Стороны сделок. Анализ сторон сделок позволяет увидеть конкретных людей, участвовавших в развитии экономики Новониколаевска. Преобладание в обороте городских участков крестьян (472 упоминания) и мещан (197 упоминаний) сочетается с разнообразием других социальных групп. В сделках участвовали представители самых разных слоев − от потомственного почетного гражданина до казака, от коллежского секретаря до учительницы и от вдовы священника до дворянина. Подобное социальное разнообразие не позволяет выделить универсальный тип покупателя или продавца и свидетельствует о доступности рынка недвижимости для широкого круга городского населения. Уместнее выделять категории по экономической роли. Так, повторяющиеся в документах фамилии выступали маркерами деятельности профессиональных посредников, спекулянтов или владельцев нескольких участков. Среди сторон сделок фигурировали и организации, товарищества, торговые дома: Ново-Николаевское крупчатое мукомольное товарищество и компания, Товарищество М. Гельферих-Саде, Торговый дом Е. и И. Шерниковы, Обское общество сельского хозяйства и др. Особо активным участником рынка было ОВК (157 упоминаний).

Пространственный анализ мест проживания сторон позволяет оценить характер социальных связей между сторонами сделок. Не было выявлено дисбаланса распределения передач в разных частях города − они зафиксированы во всех частях города и соответствовали структуре застройки: в Центральной части − 278 передач, в Закаменской части − 133, в Вокзальной − 95.

Место жительства известно в 319 сделках. Часто продавец проживал на продаваемом участке, тогда как покупатель − в ином месте (117 случаев, 36,68 %, при этом в некоторых случаях нет информации о месте жительстве продавца при залогах). Эта модель отражает классический случай: один горожанин покидает жилье, а другой занимает его. Столь же часто продавец не жил на продаваемом участке (в 108 случаях, 33,85 %). Это означает, что для сотен горожан недвижимость не являлась местом для проживания, а выполняла инвестиционную функцию, была объектом для сдачи в аренду, спекуляции или залога.

Таблица 2

Места жительства сторон сделок

Стороны	Разновидности мест жительства сторон	Доля
Продавец на этом участке	Продавец живет на этом участке, покупатель на другом (или неизвестно о месте жительства покупателя)	117 (36,68 %)
	Продавец на своем участке, покупатель на той же улице, но в другом доме	19 (5,92 %)
	Стороны живут вместе на передаваемом участке	21 (6,58 %)
	Родственники живут на этом участке	19 (5,92 %)
Продавец живет в другом месте	Стороны живут в разных местах (или о месте жительства покупателя нет информации)	108 (33,85 %)
	Продавец на другой улице, покупатель на той улице, где покупается участок	21 (6,58 %)
	Родственники на одном другом участке	7 (2,19 %)
	Стороны на одном другом участке	2 (0,63 %)
Нет информации	Нет информации о месте жительства продавца, но покупатель на другой улице	5 (1,57 %)

Составлено по: ГАНО, Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 151, 151А, 214, 214А.

Сделки между соседями представлены двумя моделями. В 19 случаях стороны проживали на одной улице или в одном квартале. Еще в 21 случае продавец жил в другом районе, а покупатель − на улице приобретаемого участка. Эти сделки показывают значимость городских социальных связей. Это не случайность, а осознанная стратегия,

будь то консолидации имущества, когда сосед покупал смежный участок, или сделка, основанная на доверии и осведомленности, поскольку соседи лучше знали особенности участка.

Особый интерес представляют ситуации совместного проживания сторон до момента их оформления. В 40 случаях (21 − между неродственниками и 19 − между родственниками) покупатель уже жил на оформляемом участке. Это свидетельствует о том, что документы лишь закрепляли уже сложившиеся отношения совместного проживания, аренды или иных форм пользования. Между неродственниками права на участок переходили арендатору или сожителю. Между родственниками таким образом мог оформляться раздел наследства, выдел доли взрослому ребенку или супругу.

Вернемся к рассмотрению сценариев, в которых продавец не проживал на продаваемом участке. Помимо рассмотренных 108 сделок, еще в 21 случае продавец жил в ином месте, тогда как покупатель уже проживал на одной улице с приобретаемым участком. Проведенный анализ подтверждает существование тесных социальных связей и доверительных отношений, предшествующих документальному оформлению права собственности. Оборот недвижимости был встроен в социальную структуру города, а спектр взаимоотношений между участниками сделок варьировался от операций между незнакомцами до сделок между соседями или членами одного домохозяйства.

Интересно, что среди владельцев городских участков встречались лица, проживавшие в удаленных от Новониколаевска местах. Установлены разнообразные адреса продавцов и покупателей − это различные сибирские села и города, железнодорожные станции, вокзалы и кирпичные заводы. Мы видим, что большинство участников сделок были выходцами из других губерний, тем не менее на момент оформления документов они уже проживали в самом Новониколаевске или в селах, железнодорожных станциях и городах Сибири.

Таким образом, значительная часть сделок была укоренена в существовавших социальных отношениях: соседских, родственных, арендодательских. Рынок оформлял их, придавая официальную форму уже сложившимся моделям совместного проживания и владения. В этих сделках можно выделить и новосела, и спекулянта, и соседа, расширяющего свои владения, и жильца, выкупившего ранее арендуемый участок.

Заключение. Таким образом, исследование рынка недвижимости Новониколаевска первой половины 1910-х гг. позволило не только классифицировать сделки, но и выявить их связь со стратегиями горожан. Заинтересованность в жилье становилась точкой пересечения интересов жителей города.

Горожане действовали рационально, планируя многоходовые процедуры. Рынок недвижимости представлял собой многоуровневую систему: если для одних недвижимость удовлетворяла жилищные потребности, то для других она служила инструментом получения дохода. Каждая категория операций отражала функцию недвижимости: так, купля-продажа обеспечивала оборот недвижимости, вызванный переездами, улучшением жилищных условий и притоком населения. Наследование и семейные передачи демонстрировали значение недвижимости как семейной ценности, желание сохранить имущество в рамках семьи. Некоторые залоговые операции демонстрировали использование недвижимости в качестве актива для получения кредита, что свидетельствует о развитии финансовой системы города.

В результате изучения рынка недвижимости было установлено, что сделки раскрывают не только различные функции недвижимости, но и разные стратегии и экономические роли горожан. Так, залог усадьбы был распространенной операцией для предприимчивых людей, использовавших недвижимость для получения оборотного капитала. Приобретение соседнего участка свидетельствует о стратегии состоятельных семей, заинтересованных в расширении хозяйства. Обладание правами на несколько участков, а также активный оборот участков характерны для деловых людей, зарабатывающих со сдачи жилья в аренду или получающих доход с перепродажи. Покупка недвижимости в кредит от ОВК была распространенной практикой среди представителей средних слоев, которые не имели полной суммы, но стремились улучшить свои условия. Напротив, дробление и продажа части усадьбы или коллективное приобретение одного участка были стратегиями малообеспе-

ченных слоев. А выставление участка на торги за невыплату кредита ОВК случалось с разорившимися жителями города. Так, практика оборота участков позволяет получить новые данные о стратификации городского общества в новых условиях, идущих на смену сословному устройству.

Литература

Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893−1945 гг. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. 135 с.

Бочарова Т.А. Ипотечный кредит в Западной Сибири в конце XIX − начале XX века // Манускрипт. 2021. Т. 14, № 12. С. 2467−2471.

Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX − начало XX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. 296 с.

Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск. Конец XIX − начало XX в. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 176 с.

Дегтярев Д.С. Пригородные зоны городов Томской губернии во второй половине XIX − начале XX в. Барнаул: АЗБУКА, 2012. 174 с.

Денисов И.Ю. Банковские учреждения Западной Сибири и торговое сословие: опыт взаимодействия в XIX − начале XX в. // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2025. Т. 12, № 2 (46). С. 39−44.

Журин Н.П. Особенности планировочного решения будущего сибирского мегаполиса Ново-Николаевска (совр. Новосибирск) в конце XIX − начале XX века // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2024. № 4. С. 76−85.

Зиновьев В.П., Харусь О.А. Панорама общественной жизни Новониколаевска в цифрах и фактах (1895 − февраль 1917 г.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 96. С. 17−22.

История города Ново-Николаевска (1893−1908). Сборник документов / авт.-сост. Н.А. Минина. Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2020. 370 с.

Крестьянников Е.А., Шайхутдинова Д.В. Новониколаевск в борьбе за право на окружной суд во втором десятилетии XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 33−41.

Минина Н.А. Эволюция арендных отношений Новониколаевска и императорского Кабинета: к истории урбогенеза нового сибирского города на рубеже XIX−XX вв. // Исторический курьер. 2018. № 2. Статья 5. URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-05.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

Новокшонов С.М. Градостроительное развитие города Ново-Николаевска (Новосибирска) с 1893 по 1917 годы. Новосибирск: ГАУ НСО НПЦ, 2013. 148 с.

Новониколаевск − Новосибирск: от поселкового старосты до мэра: биографический справочник / В.И. Баяндин, Е.А. Мамонтова, Л.С. Пащенко и др. Новосибирск: Сова, 2003. 200 с.

Новосибирск − Новониколаевск 1893−1993. События, люди. Сборник / отв. ред. и авт. предисл. Л.М. Горюшкин. Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1993. 471 с.

Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX − начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: АГУ, 2014. 239 с.

References

Balandin, S.N. (1978). *Novosibirsk. Istoriya gradostroitel'stva. 1893−1945 gg.* [Novosibirsk. The History of Urban Planning. 1893−1945]. Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd-vo. 135 p.

Bayandin, V.I., Mamontova, E.A., Pashchenko, L.S. (Eds.). (2003). *Novonikolaevsk − Novosibirsk: ot poselkovogo starosty do mera: biograficheskiy spravochnik* [Novonikolaevsk − Novosibirsk: From Village Starosta to Mayor: A Biographical Directory]. Novosibirsk, Sova. 200 p.

Bocharova, T.A. (2021). Ipotechnyy kredit v Zapadnoy Sibiri v kontse XIX − nachale XX veka [Mortgage Loans in Western Siberia in the Late 19th − Early 20th Century]. In *Manuskript*. Vol. 14, No. 12, pp. 2467−2471.

Degtyarev, D.S. (2012). *Prigorodnye zony gorodov Tomskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX − nachale XX v.* [Suburban Areas of the Cities of Tomsk Province in the Second Half of the 19th − Early 20th Century]. Barnaul, Azbuka. 174 p.

Denisov, I.Yu. (2025). Bankovskie uchrezhdeniya Zapadnoy Sibiri i torgovoe soslovie: opyt vzaimodeystviya v XIX − nachale XX v. [Banking Institutions of Western Siberia and the Merchant Class: the Experience of Interaction in the 19th − Early 20th Century]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki*. Vol. 12, No. 2 (46), pp. 39−44.

Goryushkin, L.M. (1978). *Novosibirsk v istoricheskom proshlom (konets XIX − nachalo XX v.)* [Novosibirsk in the Historical Past (Late 19th − Early 20th Centuries)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdeleniye. 296 p.

Goryushkin, L.M. (Ed.). (1993). *Novosibirsk − Novonikolaevsk 1893−1993. Sobytiya, lyudi. Sbornik* [Novosibirsk − Novonikolaevsk 1893−1993. Events, People. Collection]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskaya izdatel,'skaya firma. 471 p.

Goryushkin, L.M., Bochanova, G.A. (1983). *Tak nachinalsya Novosibirsk. Konets XIX − nach. XX v.* [That's How Novosibirsk Began. The End of the 19th − the Beginning of the 20th Century]. Novosibirsk, Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 176 p.

Krest'yannikov, E.A., Shaykhutdinova, D.V. (2023). Novonikolaevsk v bor'be za pravo na okruzhnoy sud vo vtorom desyatiletii XX v. [Novonikolaevsk in the Struggle for the Right to a District Court in the Second Decade of the 20th Century]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 83, pp. 33−41.

Minina, N.A. (2018). Evolyutsiya arendnykh otnosheniy Novonikolaevska i imperatorskogo Kabineta: k istorii urbogeneza novogo sibirskogo goroda na rubezhe XIX−XX vv. [Evolution of Land Lease Relations between Novonikolaevsk and the Emperor's Cabinet: On the History of Urbogenesis of a New Siberian City in the Late 19th and Early 20th Century]. In *Istoricheskiy kur'er*. No. 2 (5). Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-05.pdf (date of access 15.12.2025).

Minina, N.A. (Ed.). (2020). *Istoriya goroda Novo-Nikolayevska (1893−1908). Sbornik dokumentov* [The History of the City of Novo-Nikolaevsk (1893−1908). Collection of Documents]. Novosibirsk, Novosibirskiy izdatel'skiy dom. 370 p.

Novokshonov, S.M. (2013). *Gradostroitel'noe razvitie goroda Novonikolaevska (Novosibirska) s 1893 po 1917 gody* [Urban Development of the City of Novo-Nikolaevsk (Novosibirsk) from 1893 to 1917]. Novosibirsk, GAU NSO NPTs. 148 p.

Skubnevskiy, V.A., Goncharov, Yu.M. (2014). *Goroda Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX − nachale XX v. Naselenie. Ekonomika. Zastroyka i blagoustroystvo* [Cities of Western Siberia in the Second Half of the 19th − Early 20th Century. Population. Economy. Development and Improvement]. Barnaul, AGU. 239 p.

Zhurin, N.P. (2024). Osobennosti planirovochnogo resheniya budushchego sibirskogo megapolisa Novo-Nikolaevska (sovr. Novosibirsk) v kontse XIX − nachale XX veka [Features of the Planning Solution for the Future Siberian Metropolis of Novo-Nikolaevsk (Modern Novosibirsk) in the Late 19th − Early 20th Century]. In *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*. No. 4, pp. 76−85.

Zinov'ev, V.P., Kharus', O.A. (2025). Panorama obshchestvennoy zhizni Novonikolaevska v tsifrakh i faktakh (1895 − fevral' 1917 g.) [Panorama of the Public Life of Novonikolaevsk in Figures and Facts (1895 − February 1917)]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 96, pp. 17−22.

А.К. Кириллов*

КВАРТИРНЫЙ НАЛОГ И МАЛООБЕСПЕЧЕННЫЕ СИБИРСКИЕ ГОРОЖАНКИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ Г. ТОМСКА)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-19
УДК 94(47).083"1914/19"

Выходные данные для цитирования:
Кириллов А.К. Квартирный налог и малообеспеченные сибирские горожанки в условиях Первой мировой войны (по материалам г. Томска) // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 233−241. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-19.pdf

A.K. Kirillov*

HOUSING TAX AND LOW-INCOME URBAN WOMEN IN SIBERIA DURING THE FIRST WORLD WAR (BASED ON MATERIALS FROM THE CITY OF TOMSK)**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-19

How to cite:
Kirillov A.K. Housing Tax and Low-Income Urban Women in Siberia During the First World War (Based on Materials from the City of Tomsk) // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 233−241. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-19.pdf]

Abstract. The article combines the study of the continuously evolving tax system of the late imperial Russia with the history of the city dwellers' everyday life, which changed especially rapidly during the years of World War I. Despite the fact that the housing tax would be presented as a tax on the rich, and despite the small amounts of tax bills for the lower categories of taxpayers, the archives contain complaints from taxpayers about overtaxation and requests for tax write-offs. Due to these complaints and their thorough verification by tax offices, not only is it possible to have formal indicators of taxpayers' wealth (such as the price of housing), but to study the living conditions of the least wealthy payers of the apartment tax as well. To accomplish this, four cases of single mothers raising children have been chosen from a 1917 documental collection of the Tomsk Regional Housing Tax Office, stored in the archival fond of the Tomsk Treasury Chamber. Their documents include the tax write-off applications, police reports of their apartment inspections, decisions of the tax office. The families lived in obviously cramped conditions, and had to take in tenants for the sake of even a small income. However, not all of them managed to obtain an exemption from the payment from the regional authorities. The officials deliberately taxed even poor families if they found grounds to believe that they were able to pay the tax. Thus, the housing tax, designed as an easy tax on the rich, began to turn into a heavy burden in the lives of the poorest city dwellers.

Keywords: history of taxes, city taxpayers, income taxation, tax office, tax inspector.

The article has been received by the editor on 09.07.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Алексей Константинович Кириллов,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: alkir.nsk@gmail.com
Alexey Konstantinovich Kirillov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: alkir.nsk@gmail.com

** Статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI − начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).
The article was made on the topic of the state assignment "The Siberian Society as a Factor of Russia's Territorial Growth and Unity (Late 16th − Early 20th Centuries)" (FWZM-2024-0007).

Аннотация. Статья сочетает изучение непрерывно эволюционирующей налоговой системы дореволюционной России с историей повседневности горожан, особенно быстро менявшейся в годы Первой мировой войны. Несмотря на то, что квартирный налог был задуман как налог на богатых, вопреки незначительности окладов нижних разрядов этого налога в архивах сохранились жалобы плательщиков на его непосильность и просьбы о списании. Благодаря этим жалобам и их обстоятельной проверке податными присутствиями мы можем увидеть не только формальные показатели состоятельности (цену жилья), но и условия жизни наименее состоятельных плательщиков квартирного налога. Для анализа использована коллекция Томского губернского присутствия по квартирному налогу за 1917 г., хранящаяся в фонде Томской казенной палаты. Из нее взяты четыре подборки документов по заявлениям матерей-одиночек, на иждивении которых находилось двое или более детей: жалобы плательщиц, полицейские протоколы осмотра квартиры, решения губернского присутствия. Семьи жили в явно стесненных условиях, принимали жильцов на подселение ради даже небольшого дохода. Но не всем из них удалось получить от губернских властей освобождение от платежа. Автор приходит к заключению, что чиновники сознательно облагали налогом даже бедные семьи, если находили основания полагать, что у них есть возможность выплатить налог. Так квартирный налог, задуманный в качестве необременительного налога для богатых, стал превращаться в довольно тягостное явление в жизни беднейших горожан.

Ключевые слова: история налогов, городские налогоплательщики, подоходное налогообложение, податное присутствие, податной инспектор.

Статья поступила в редакцию 09.07.2025 г.

Появление квартирного налога − исключительно важная часть долгой податной реформы второй половины XIX − начала XX в.[1] Вопреки названию, наводящему на мысли об обложении недвижимости, это был личный подоходный налог, нацеленный на зажиточных горожан − самую платежеспособную часть российских граждан[2]. И как таковой он интересен не только для финансовой истории, но и для истории городской повседневности.

С 1894 г. (для сибиряков − с 1901 г.) подача налоговой декларации («заявления») и уплата налога стали неотъемлемой частью жизни российских горожан и одновременно способом подготовки российских граждан к введению полноценного подоходного налога[3]. На смену обложению податных сословий шло обложение богатых. В общем виде этот замысел хорошо известен[4], но его действительное воплощение не изучено.

Действительно ли этот налог затрагивал только зажиточных горожан; где нижняя граница тех, на кого он ложился? Кажется, что на этот вопрос легко ответить цифрами: закон устанавливал минимальную цену жилья, облагаемого налогом. Более того, «заявления» плательщиков позволяют соотнести цифры по обе стороны этой планки с определенными должностями и общественным положением. Известно, например, что в Барнауле незадолго до Первой мировой войны извозчик и вдова топографа остались ниже минимальной планки обложения, а парикмахер и акушерка хотя и с минимальным окладом налога, под обложение

[1] *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К.* История налогов в России. IX − начало XX в. М., 2006.
[2] *Кравцова Е.С.* История сбора налогов в российской провинции на рубеже XIX−XX столетий. Курск, 2007; *Кравцова Е.С.* Попытки изменения налогообложения в России под влиянием голода 1891−1892 гг. // Экономическая история. 2016. № 4 (35). С. 41−46.
[3] *Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. М., 2003. Т. 2: Налоги, бюджет и государственный долг России. Кн. 1. С. 182.
[4] *Kotsonis Y.* States of obligation. Taxes and citizenship in the Russian Empire and early Soviet Republic. Toronto; Buffalo; London, 2014.

попали[5]. Но как жили обладатели этих должностей и статусов − вот чего мы не можем узнать даже из массовых источников, уже введенных в научный оборот. И только материалы рассмотрения «возражений» плательщиков позволяют получить картину того, как жили люди, близко подошедшие к водоразделу. Материалы эти до сих пор ни разу не использовались историками.

Каждый год в каждом из полутысячи городов, внесенных в реестр Департамента окладных сборов, плательщики подавали десятки, а то и сотни возражений, каждое из которых подлежало сначала рассмотрению участковым присутствием. В последнюю предвоенную весну в Томске было подано более полутора сотен возражений[6]. Половина из них была отклонена, другие удовлетворены. Каждый такой эпизод − это кипение страстей, от которых остались лишь тусклые отзвуки: по всем этим возражениям мы имеем лишь краткие записи в объяснение принятого решения. Иначе обстоит дело с теми плательщиками, кто обжаловал отказ участкового присутствия в присутствие губернское. По таким обращениям запрашивалось мнение полиции, за счет чего у нас сохранились хотя бы краткие описания житейских условий жалобщиков.

Подавляющее большинство таких документов погибло, но в нашем распоряжении есть подборка решений Томского губернского присутствия по возражениям, поданным весной 1917 г. против окладов налога за 1916 г.[7] «Великая бескровная революция», как чаялось современникам, уже произошла, царских орлов с вывесок поснимали, полицейские приставы сменились комиссарами, но податная рутина, запущенная при старом режиме, продолжала не спеша развертываться по расписанию, рассчитанному до конца года (и в некоторых делах последняя точка была поставлена уже при власти большевиков).

Причины, побуждающие плательщиков жаловаться, весьма различны: у кого-то служебное помещение засчитали в качестве жилья, кто-то был недоволен повышением налога против предыдущего года, кому-то квартирный владелец в декларации завысил цену. Нас из всего этого разнообразия будут интересовать лишь возражения, в которых основанием просьбы о снисхождении выставляется материальная несостоятельность. Их податели считали себя бедными, а чиновники предложили им платить налог для богатых. Обсуждение этих возражений завершается по-разному: то удовлетворением, а то отказом, значит именно здесь надо искать нижнюю границу состоятельности плательщиков налога, стык двух групп − тех, кто платит и кто не платит.

Разберем четыре таких решения, из которых два получили поддержку губернского присутствия, а два были отклонены. Все четыре случая касаются одиноких женщин с детьми. Взаимосвязь между женским вопросом и проблемой городской бедноты в XIX в. не является российской особенностью и обстоятельно проиллюстрирована на общеевропейском материале[8]. Положение женщин, в частности во время Первой мировой войны, также пользуется в последние десятилетия непреходящим интересом западных авторов. Важнейшие публикации на эту тему перечислены в одной из недавних статей в специализированном журнале[9]. Есть и свежие российские публикации в этом русле[10].

«По несостоятельности» просила сложить с нее 13,5 руб. квартирного налога «вдова протодиакона» Любовь Васильевна Рукавишникова. Сумма налога, гораздо более высокая,

[5] *Кириллов А.К., Сорокин М.Д.* Неравенство в сибирском городе начала XX в. по данным учета населения в целях обложения квартирным налогом (Барнаул, 1910 г.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 16−26.

[6] Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Ф-199. Оп. 1. Д. 54.

[7] ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365.

[8] *Fuchs R.* Gender and Poverty in Nineteenth-Century Europe. Cambridge, 2005.

[9] *Gregory P.A.* Visual history of First World War women and humour identified in contemporary cartoons // First World War Studies. 2022. Vol. 13, Iss. 2−3. P. 103−123.

[10] *Сердюк В.А.* «Прием на службу женщин допущен… вне всякой процентной нормы». Труд женщин на фронтовых железных дорогах Российской империи в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 3. С. 86−94; *Ясудис А.В.* Репрезентации Первой мировой войны в женских иллюстрированных журналах Российской империи // [Электронный ресурс] Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 224−234. URL: URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-18.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

чем минимальный оклад (2,5 руб.), указывает на то, что занимаемая Рукавишниковой квартира относилась к пятому разряду. Хотя дьякон − должность более низкая, чем священник, семья его жила в квартире не из дешевых: вероятно, по инерции с тех пор, когда кормилец семьи был еще жив.

Казенная палата, как обычно в таких случаях, попросила полицейские власти (комиссара 5-го участка Томска) проверить положение дел у Рукавишниковой и высказать свое мнение. Через полторы недели после подачи заявления, 4 мая 1917 г., помощник комиссара Пушкарев пришел по указанному ему адресу. Его рукописный протокол, скрепленный подписями двух понятых (в том числе домовладельца), сообщает читателю, что «Рукавишникова, вдова, имеет 4 детей, из коих старшему 15 лет, второму 13 л., третьему 10 лет, и четвертой девочке 7 лет[,] ближайшим родственником имеет родного брата, служившего у Родикова доверенным, от которого и имеет поддержку к существованию. Имущества[,] на которое могло бы быть обращено взыскание[,] не имеет, содержит квартиру в 35 руб., в 3 комнаты, из коих сдает две комнаты по 10 рублей»[11]. Самое яркое свидетельство незавидного материального положения вдовы церковнослужителя − то, что она с четырьмя детьми ютилась в одной комнате, сдавая две другие в субаренду. Сдавая 2/3 своих комнат посторонним, она выручала лишь немногим более половины той суммы, которую сама платила домовладельцу. Раз ей приходилось идти на такие меры, значит смерть мужа действительно резко ухудшила ее материальное положение. Из небогатой, но вполне зажиточной семья протодьякона разом превратилась в едва сводящую концы с концами, да и то за счет посторонней помощи.

С точки зрения самого устройства квартирного налога и случай Рукавишниковой, и все другие случаи, разбираемые ниже, представляют довольно странный парадокс. Как неустанно разъяснял Департамент окладных сборов, налог взимался не в связи с обладанием жильем, а именно в связи с проживанием в нем (поскольку это было признаком определенного дохода). Владелец дома, не заявивший о жильцах, должен был платить налог исходя из полной цены дома. Он же, после подачи заявления с перечнем своих жильцов (и их арендных цен), мог быть вообще освобожден от налога, если сам не жил в этом доме. По этой логике и арендатор трех комнат, живущий в одной, должен был бы платить за одну: тогда с Рукавишниковой пришлось бы всего лишь 2,5 руб.! Но как ни странно, правило передачи платежа жильцу не распространялось на субаренду.

Объективные данные, записанные в протокол помощником, комиссар дополнил собственным заключением о том, что Рукавишникова действительно несостоятельна и нуждается в льготе, и губернское присутствие по квартирному налогу в заседании 16 сентября 1917 г. поддержало ее ходатайство[12]. Все 16 решений губернского присутствия, оформленные протоколами на отдельных листах, выглядят одинаково: это машинописный текст, в котором между заглавием и собственно текстом решения после машинописного же слова «Присутствовали» оставлено место, а фамилии присутствовавших (которые расписались в конце документа) либо вообще не указаны (в решениях от 31 января), либо записаны от руки (в решениях 16 сентября). Как это обычно бывает в такого рода делах, решение подготавливалось заранее никому неизвестными исполнителями и в ходе заседания просто одобрялось высокими членами присутствия, точный состав которых был заранее неизвестен.

В тот же день, 16 сентября 1917 г., губернское присутствие приняло решение и по прошению Марии Спиридоновны Зиминой. Ее оклад налога составлял 8,25 руб. − квартира, значит, была победнее предыдущей (3-й разряд). Детей у нее было, по-видимому, лишь двое («семья состоит из 3-х человек»), но зато с источниками денег оказалось совсем плохо. Никаких доходов помощник комиссара 1-го участка Бередиченко, составлявший протокол 27 июня 1917 г., у нее не обнаружил, и губернское присутствие списало с Зиминой налог «принимая во внимание затруднительное материальное положение просительницы»[13].

[11] ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365. Л. 113−113 об.
[12] Там же. Л. 108.
[13] Там же. Л. 71.

Самое интересное в протоколе по делу Зиминой − это типографский бланк, на котором он выполнен[14]. В типографском клише твердо прописано: плательщик заявил, что «означенной суммы уплатить не в состоянии, средств никаких не имеет, пенсии или пособия не получает» и «имущества, на которое можно было бы обратить взыскание, − нет никакого». А вот про службу дана открытая формулировка: «служит за … р. … к. в месяц» (в случае Зиминой подставлены «не» и прочерки). Из наличия этого клише следует два вывода. Более узкий: люди, имеющие заработок, рассматривались как более вероятные претенденты на снисходительность, чем обладатели пенсий и пособий. И более важный: положение Зиминой было отнюдь не исключительным. Количество недоимщиков казны, не имеющих ни пенсий, ни пособий, ни имущества для продажи, было таким, что для их освидетельствования пришлось печатать типографские бланки.

Правда, это был не специальный бланк для плательщиков квартирного налога, а универсальный бланк для неплательщиков − «недоимщиков», как это сказано в самом документе. Но там, где предусмотрено место для подписи, указана должность не помощника комиссара, а помощника пристава (исправлено от руки): бланк значит старый, дореволюционный. А ведь до революции, помимо квартирного налога, казна взимала с горожан только один налог − государственный с городской недвижимости (промысловый налог с торговцев не в счет, уж у тех-то нашлось бы что продать, да и работа по найму и получение пособий к ним не подходят). Похоже, что эти бланки делались почти специально для плательщиков квартирного налога.

Показательно, что в конце бланка, где отведено место для подписи недоимщиком, это слово напечатано без окончания: «недоимщи» − для подстановки окончания в мужском или женском роде. Но в основном тексте сказано в мужском роде − «предъявил к нему» (к недоимщику). Автор бланка, таким образом, подумал о том, что неплательщики могут оказаться и женщинами, но подсознательно все-таки воспринимал их как мужчин. Первая мировая война вынудила женщин гораздо чаще брать на себя всю полноту материальной ответственности за семью, чем это было привычно в довоенной России[15].

Первые два рассмотренных нами возражения объединяет их успешность (налог с плательщиц списали). Еще важнее для нас истории неуспеха: как жили те, кого чиновники сочли достаточно состоятельными для взимания налога.

Анна Игнатьевна Измайлова свое ходатайство о сложении налога в 8,25 руб. обосновала кратко: «…имея четверых детей и живя только на солдатский паек, я не могу его внести по несостоятельности»[16]. Солдатский паек − это выплата тем женам, чьи мужья были мобилизованы на войну простыми солдатами[17]. Впрочем, заявление написано разборчивым беглым почерком, подписано собственноручно. Навыки письма Анны Измайловой очевидно выходят за рамки начальной школы. Похоже, что до войны ее семья не принадлежала к низам городского общества.

Наличие в адресе просительницы слова «квартира» («ул. Солдатская, 43, кв. 1») наводит на мысль о том, что подательница прошения проживала в одном из тех небольших, но специально спланированных многоквартирных домов, которые в начале XX в. именовались доходными домами и были признаком относительной зажиточности[18]. Действительно, этот двухэтажный дом известен томским краеведам: здание (Красноармейская, 43) просуществовало до середины 2010-х гг.[19] Помощник комиссара 1-го участка Фаддеев, у которого

[14] ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365. Л. 77−77 об.
[15] *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914−1918 годов и Сибирь. Новосибирск, 2015.
[16] ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365. Л. 10.
[17] *Щербинин П.П.* Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914−1918 гг.) // Женщина в российском обществе. 2004. № 1−2. С. 57−71; *Павлова И.П.* Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2003.
[18] *Юхнева Е.Д.* Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М., 2012; *Демидович Д.М.* Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. − начало XX века). М., 2023.
[19] Каталог портала «Деревянное кружево России. Энциклопедия деревянного зодчества» [Электронный ресурс]. URL: http://woodenrussia.ru/tomsk-krasnoarmejskaya-ch6/ (дата обращения: 08.07.2025).

10 августа наконец дошли руки выполнить трехмесячной давности поручение казенной палаты обследовать «семейное и имущественное положение» просительницы, сообщил, что Измайлова занимает пять комнат, из которых две сдает квартирантам за 22 руб.[20] (конечно, это ежемесячная плата). На первый взгляд, положение Измайловой кажется не таким бедственным, как у Рукавишниковой. Ведь она при том же доходе от сдачи двух комнат (по 10−11 рублей в месяц за каждую) позволяет себе жить, тоже с четырьмя детьми, не в одной, а в трех комнатах. С другой стороны, все пять ее комнат были оценены дешевле (3-й разряд), чем три комнаты Любови Рукавишниковой. По внешнему виду дом, где жила Рукавишникова (Уржатский пер., 7, ныне пер. Кононова, 7)[21] похож на дом Измайловой, но учитывая разнообразие внутренней планировки томских доходных домов[22], это не дает оснований судить, объясняется ли разница в цене площадью комнат или близостью к центру города. При любом ответе на этот вопрос можно думать, что у вдовы дьякона была возможность переехать в более дешевое жилье такой же площади, но она ею не воспользовалась.

Возвращаясь к положению Анны Измайловой, обратим внимание на солдатское пособие, наличие которого отличает ее от предыдущих просительниц. То, что в описанном выше бланке осмотра недоимщиков обязательно было указано отсутствие пенсий и пособий, заставляет думать, что это рассматривалось как существенный фактор для оценки состоятельности. Но не солдатское пособие послужило причиной отклонения просьбы Измайловой.

Губернское присутствие не стало вдаваться в подробности и кратко сообщило просительнице, что заявление ее о несостоятельности «не подтвердилось произведенным дознанием»[23]. Почему − легко понять, дочитав до конца протокол помощника комиссара: «муж ее Андрей Иванович Измайлов занимается портняжным ремеслом[,] имеет две ножных машины и всю домашнюю обстановку[;] по наружному виду обстановки [в] квартире Измайлова платить означенные в переписке деньги вполне в состоянии»[24].

Очевидно противоречие между словами про жизнь «только на солдатский паек» и мужем, зарабатывающим деньги. Ясно, что муж Измайловой, пока ее прошение ждало рассмотрения, успел вернуться из армии. Правда, и после этого благосостояние семьи было, очевидно, довольно скромным, иначе они не согласились бы делить квартиру с двумя жильцами. Тем не менее объективная основа для восстановления материального благополучия была создана.

Единственное, что может быть странно в этом решении − то, что присутствие вынесло его не в заседании 16 сентября, хотя к этому дню ответ комиссара был уже получен, а лишь в январе 1918 г. Дань ли это особым политическим обстоятельствам напряженной осени 1917 г., решило ли присутствие из уважения к семье недавнего фронтовика подождать, пока старые деньги обесценятся побольше − неизвестно, но только решение об отказе состоялось уже в январе 1918 г. Несмотря на отказ, история военных мытарств Измайловой завершилась благополучно. Успев убедиться в невозможности прожить с четырьмя детьми «на солдатский паек», она дождалась спасительного возвращения мужа.

История Анны Измайловой полезна, чтобы увидеть разброс возможных траекторий жизни женщин в похожих условиях (в сравнении с Любовью Рукавишниковой). Но она все-таки не дает возможности познакомиться с уровнем обеспеченности тех женщин-одиночек, кого податной надзор считал платежеспособными налогоплательщиками независимо от их мужей. Как раз такую возможность дает история Евдокии Яковлевны Симакиной.

Ее квартира относилась к тому же 5-му участку Томска, что и у Рукавишниковой, однако проверкой ее условий жизни занимался другой помощник комиссара − Самеров. Он не стал откладывать поручение казенной палаты в долгий ящик и выполнил его через

[20] ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365. Л. 11 об.
[21] Каталог портала «Град над Томью» [Электронный ресурс]. URL: https://tomsk1604.ru/catalog/konon-7/ (дата обращения: 08.07.2025).
[22] *Куликова И.В.* Типы деревянных доходных домов в Томске (вторая половина XIX − начало XX в.) // Вестник Томского Государственного архитектурно-строительного университета. 2007. № 2. С. 118−126.
[23] ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365. Л. 10 об.
[24] Там же. Л. 11.

пять дней после получения − 29 апреля 1917 г.[25] Симакину помощник комиссара настойчиво именует Самкиной, но благодаря тому, что протокол свой он экономно составил на обороте отношения казенной палаты, мы не можем сомневаться в том, что речь идет об одном и том же человеке.

Жилищные условия, описанные в этом протоколе, нельзя назвать благоприятными: «содержит от себя квартиру в две комнаты и за это платит в месяц 25 р.[;] одну из комнат сдает г. Стелушкину с полным пансионом за 60 р.; имеет дочь Марию 14 л. учится, сына реалиста Владимира 18 л. учится в VI классе» (шестой класс был в реальных училищах выпускным). Мы видим, что мать теснилась в одной комнате с двумя практически взрослыми детьми разного пола. Причем дети получали среднее образование, и это, как правило, было недешевым удовольствием (исключения для малообеспеченных семей иногда делались, но нет уверенности, что к Симакиным это относилось). Помимо двух детей, живущих совместно, были и еще двое старших: «Василий − прапорщик и Сергей − рядовой». То, что взрослые дети не могли зарабатывать из-за службы в армии, конечно, осложняло положение вдовы.

Полицейский чиновник не упустил опросить квартиранта: «Спрошенный г. Стелушкин пояснил: что при современной дороговизне 4[-]р[ублевый] платеж для г. Самкиной [т.е. Симакиной] обременителен. Средств она не имеет − вдова. Сын прапорщик изредка помогает». Регулярные переводы части офицерского жалованья могли бы увеличить доходы вдовы раза в два. Но квартирант, как видим, поддержал свою квартирную хозяйку и дал скромную оценку этому источнику денег. И объективные условия для вынесения положительного решения по просьбе Симакиной были, как будто, созданы.

Тем не менее свой недлинный протокол помощник комиссара завершил таким личным мнением: «Из общего впечатления − условия жизни Самкиной [т.е. Симакиной] дают основание полагать, что последняя вполне может уплатить требуемые 4 рубля». И 16 сентября 1917 г., опираясь на этот протокол, губернское присутствие, руководимое председателем казенной палаты И.Б. Маршангом, постановило: «…принимая во внимание, что сложение квартирного налога допускается по ходатайству плательщика, обремененного большим семейством или находящегося в затруднительном положении вследствие тяжкой болезни[,] потери имущества и т.п., каковых обстоятельств обследованием не обнаружено…» − оставить просьбу Симакиной без удовлетворения[26].

Личное впечатление помощника комиссара было в подобных случаях существенным обстоятельством: в документах нашего архивного дела просьба сообщать «и непосредственное заключение о ее платежеспособности» каждый раз дописывалась чиновниками казенной палаты от руки к типографскому бланку, в котором говорилось лишь о доставлении сведений «о семейном и имущественном положении» просителя.

Однако есть основания думать, что в данном случае сыграло роль не только субъективное мнение, но и сведения, сообщенные в основной части протокола. Симакина явно отличается от предыдущих наших плательщиц наличием дохода, превосходящего документированные расходы. Деньги, получаемые ею от единственного квартиранта, существенно превосходили ее собственный квартирный платеж.

Годовая плата квартиранта позволяла вдове не только покрывать арендную плату домовладельца, но еще и иметь 420 руб. сверху. В качестве годового дохода эта сумма уже накануне войны была незавидна даже для сельской учительницы. Это не был доход праздного рантье, но трудовой заработок: за эту сумму Евдокии Симакиной приходилось своего постояльца кормить и обстирывать. Это не была чистая прибыль, но валовый доход, включающий в себя цену закупаемых продуктов. Однако ни эти оговорки, ни «законная» причина отсутствия мужа, ни двое учащихся подростков − ничто не смягчило податное присутствие. Правда, назначенная ей сумма налога была столь низкой, что ей позавидовали бы даже

[25] ГАТО. Ф. Ф-196. Оп. 4. Д. 365. Л. 90−90 об.
[26] Там же. Л. 84.

многие крестьяне, непричастные к большим городским деньгам. Но важно, что податное присутствие, вообще-то готовое проявить великодушие, на сей раз проявило твердость.

Изложенные в статье материалы показывают, что к концу существования дореволюционной системы квартирный налог, придуманный как налог для богатых, взимался даже с таких людей, которые не могли считаться не только богатыми, но и просто зажиточными. Даже живущие без мужа горожанки с детьми − самая уязвимая часть самодеятельного населения − стали рассматриваться как часть общества, привлечение которой к платежу современных подоходных налогов справедливо, а освобождение от налога может происходить лишь в виде исключения.

Литература

Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 2: Налоги, бюджет и государственный долг России. Кн. 1. М.: Наука, 2003. 655 с.

Демидович Д.М. Доходные дома Петербурга: организация, взаимодействие с государственными и коммерческими структурами, повседневность (1870-е гг. − начало XX века). М.: У Никитских ворот, 2023. 256 с.

Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX − начало XX в. М.: РОССПЭН, 2006. 296 с.

Кириллов А.К., Сорокин М.Д. Неравенство в сибирском городе начала XX в. по данным учета населения в целях обложения квартирным налогом (Барнаул, 1910 г.) // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 16−26. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-16-26.

Кравцова Е.С. История сбора налогов в российской провинции на рубеже XIX−XX столетий. Курск: Курский гос. мед. ун-т, 2007. 164 с.

Кравцова Е.С. Попытки изменения налогообложения в России под влиянием голода 1891−1892 гг. // Экономическая история. 2016. № 4 (35). С. 41−46.

Куликова И.В. Типы деревянных доходных домов в Томске (вторая половина XIX − начало XX в.) // Вестник Томского Государственного архитектурно-строительного университета. 2007. № 2. С. 118−126.

Павлова И.П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны. Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2003. 152 с.

Сердюк В.А. «Прием на службу женщин допущен… вне всякой процентной нормы». Труд женщин на фронтовых железных дорогах Российской империи в годы Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2023. № 3. С. 86−94.

Шиловский М.В. Первая мировая война 1914−1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.

Щербинин П.П. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914−1918 гг.) // Женщина в российском обществе. 2004. № 1−2. С. 57−71.

Юхнева Е.Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М.: Центрполиграф, 2012. 383 с.

Ясудис А.В. Репрезентации Первой мировой войны в женских иллюстрированных журналах Российской империи [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 224−234. URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-18.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

Fuchs R. Gender and Poverty in Nineteenth-Century Europe. Cambridge: Cambridge university press, 2005. 267 p.

Gregory P. A Visual History of First World War Women and Humour Identified in Contemporary Cartoons // First World War Studies. 2022. Vol. 13, Iss. 2−3. P. 103−123. DOI: 10.1080/19475020.2023.2179519.

Kotsonis Y. States of Obligation. Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2014. 483 p.

References

Demidovich, D.M. (2023). *Dokhodnye doma Peterburga: organizatsiya, vzaimodeystvie s gosudarstvennymi i kommercheskimi strukturami, povsednevnost' (1870-e gg. − nachalo XX veka)* [Tenement Houses of St. Petersburg: Organization, Interaction with Government and Commercial Structures, Everyday Life (1870s − Early 20th Century)]. Moscow, U Nikitskikh vorot. 256 p.

Fuchs, R. (2005). *Gender and Poverty in Nineteenth-Century Europe*. Cambridge, Cambridge University Press. 267 p.

Gregory, P. (2022). A Visual History of First World War Women and Humour Identified in Contemporary Cartoons. In *First World War Studies*. Vol. 13, Iss. 2−3, pp. 103−123.

Kirillov, A.K., Sorokin, M.D. (2022). Neravenstvo v sibirskom gorode nachala XX v. po dannym ucheta naseleniya v tselyakh oblozheniya kvartirnym nalogom (Barnaul, 1910 g.). [Inequality in a Siberian City at the Beginning of the 20th Century According to the Population Census Data for the Purposes of Assessing the Apartment Tax (Barnaul, 1910)]. In *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. No. 1 (74), pp. 16−26.

Kotsonis, Y. (2014). *States of Obligation. Taxes and Citizenship in the Russian Empire and Early Soviet Republic*. Toronto, Buffalo, London, University of Toronto Press. 483 p.

Kravtsova, E.S. (2007). *Istoriya sbora nalogov v rossiyskoy provintsii na rubezhe XIX−XX stoletiy* [History of Tax Collection in the Russian Provinces at the Turn of the 19th and 20th Centuries]. Kursk, Kurskiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet. 164 p.

Kravtsova, E.S. (2016). Popytki izmeneniya nalogooblozheniya v Rossii pod vliyaniem goloda 1891−1892 gg. [Attempts to Change Taxation in Russia Under the Influence of the Famine of 1891−1892]. In *Ekonomicheskaya istoriya*. No. 4 (35), pp. 41−46.

Kulikova, I.V. (2007). Tipy derevyannykh dokhodnykh domov v Tomske (vtoraya polovina XIX − nachalo XX veka) [Types of Wooden Tenement Houses in Tomsk (Second Half of the 19th − Early 20th Centuries)]. In *Vestnik TGASU*. No. 2, pp. 118−126.

Pavlova, I.P. (2003). *Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [Social Care in Russia During the First World War]. Krasnoyarsk, Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. 152 p.

Serdyuk, V.A. (2023). "Priem na sluzhbu zhenshchin dopushchen… vne vsyakoy protsentnoy normy". Trud zhenshchin na frontovykh zheleznykh dorogakh Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny ["Women Can Be Taken on… Outside any Percentage Quotas". The Work of Women at Frontline Railroads of the Russian Empire during the First World War]. In *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. No. 3, pp. 86−94.

Shcherbinin, P.P. (2004). Kak zhilos' rossiyskoy soldatke v gody Pervoy mirovoy voyny (1914−1918 gg.) [How a Russian Soldier's Wife Lived during the First World War (1914−1918)]. In *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. No. 1−2, pp. 57−71.

Shilovskiy, M.V. (2015). *Pervaya mirovaya voyna 1914−1918 godov i Sibir'* [The First World War of 1914−1918 and Siberia]. Novosibirsk, Avtograf. 330 p.

Vitte, S.Yu. (2003). *Sobranie sochineniy i dokumental'nykh materialov*. *Tom 2: Nalogi, byudzhet i gosudarstvennyy dolg Rossii* [Collected Works and Documentary Materials. Vol. 2: Taxes, Budget, and Public Debt of Russia]. Part 1. Moscow, Nauka. 655 p.

Yasudis, A.V. (2023). Reprezentatsii Pervoy mirovoy voyny v zhenskikh illyustrirovannykh zhurnalakh Rossiyskoy imperii [Representations of the First World War in Women's Illustrated Magazines of the Russian Empire]. In *Historical Courier*. No. 2 (28), pp. 224−234. Available at: URL: http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-18.pdf (date of access 08.07.2025).

Yukhneva, E.D. (2012). *Peterburgskie dohodnye doma. Ocherki iz istorii byta* [St. Petersburg Tenement Houses. Essays on the History of Everyday Life]. Moscow, Tsentrpoligraf. 383 p.

Zakharov, V.N., Petrov, Yu.A., Shatsillo, M.K. (2006). *Istoriya nalogov v Rossii. IX − nachalo XX veka* [History of Taxes in Russia. 9th − Early 20th Century]. Moscow, ROSSPEN. 296 p.

М.В. Шиловский*

«ГДЕ ЭТА УЛИЦА…»: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ УЛИЧНОЙ СЕТИ В ГОРОДАХ СИБИРИ В XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА НА ПРИМЕРЕ НОВОНИКОЛАЕВСКА-НОВОСИБИРСКА**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-20
УДК 364.122.5

Выходные данные для цитирования:
Шиловский М.В. «Где эта улица…»: формирование и развитие уличной сети в городах Сибири в XVII – первой четверти XXI века на примере Новониколаевска-Новосибирска // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 242–256. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-20.pdf

M.V. Shilovskiy*

"WHERE IS THIS STREET…": FORMATION AND DEVELOPMENT OF STREET NETWORKS IN SIBERIAN CITIES IN THE 17TH – FIRST QUARTER OF THE 21ST CENTURY ON THE EXAMPLE OF NOVONIKOLAEVSK-NOVOSIBIRSK**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-20

How to cite:
Shilovskiy M.V. "Where is this Street…": Formation and Development of Street Networks in Siberian Cities in the 17th – First Quarter of the 21st Century on the Example of Novonikolaevsk-Novosibirsk // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 242–256. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-20.pdf]

Abstract. The article examines the assignment and renaming of street names, squares, and alleys in Siberian cities from the 17th century to the first quarter of the 21st century. This process was accompanied by changes in the city's layout. Outskirts and vacant lots were developed, and new neighborhoods, streets, and blocks were created in their place. The study focuses on Novosibirsk (formerly Novonikolaevsk). Since the city was founded in the late 19th century, the specific features of spatial changes in its layout are demonstrated using the example of the old-established cities of Tomsk, Krasnoyarsk, Irkutsk, Omsk, and Biysk. These settlements are used to compare and identify common patterns in the evolution of the toponymic objects in Novosibirsk. The situation in the analyzed segment of urban studies has changed dramatically since the end of the 19th century, and the development of Novonikolayevsk-Novosibirsk can be considered a clear manifestation of this. At first, local city names were dominated by geographical features, as well as specialized toponyms: confessional, professionally oriented, and personal. The establishment of Soviet power led to a wave of renaming in the 1920s, reflecting the new ideological approaches. Subsequently, the processes of industrialization, the militarization of the economy, and the Great Patriotic War influenced the urban toponymy. These factors led to frequent renaming and the formation of "chains" that reflect fluctuations in the political climate.

Keywords: Siberian city, urban toponymy, street names, Novonikolayevsk-Novosibirsk.

* **Михаил Викторович Шиловский,** доктор исторических наук, профессор, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: istorik.novosib@gmail.com
Mikhail Viktorovich Shilovsky, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: iistorik.novosib@gmail.com

** Статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).
The article was made on the topic of the state assignment "The Siberian Society as a Factor of Russia's Territorial Growth and Unity (Late 16th – Early 20th Centuries)" (FWZM-2024-0007).

The article has been received by the editor on 17.05.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются присвоения и переименования названий улиц, площадей, переулков сибирских городов в XVII − первой четверти XXI в. Этот процесс сопровождался изменениями в планировке. Застраивались окраины и пустыри, на их месте появлялись новые микрорайоны, улицы и кварталы. В качестве основного объекта исследования позиционируется Новосибирск (ранее Новониколаевск). Поскольку город возник в конце XIX в., специфика пространственных изменений в планировке демонстрируется на примере городов-старожилов Томска, Красноярска, Иркутска, Омска, Бийска. Эти поселения используются для сопоставления и выявления общих закономерностей эволюции топонимических объектов Новосибирска. Показано, что ситуация в анализируемом сегменте урбанистики кардинально изменяется с конца XIX в., наглядным проявлением чего можно как раз считать развитие Новониколаевска-Новосибирска. Поначалу в местных городских названиях преобладали географические объекты, а также профильные топонимы: конфессиональные, профессионально ориентированные, именные. Установление советской власти породило волну переименований в 1920-е гг., выдержанных в духе новых идеологических подходов. В последующем на городскую топонимику оказали влияние процессы индустриализации, милитаризации экономики, Великая Отечественная война. Воздействие перечисленных факторов привело к частым переименованиям, образованию своеобразных «цепочек», по которым можно судить о колебаниях политической конъюнктуры.

Ключевые слова: сибирский город, городская топонимия, названия улиц, Новониколаевск-Новосибирск.

Статья поступила в редакцию 17.05.2025 г.

Сибирские города начали отстраивать с конца XVI в. Первым из них стала заложенная 29 июля 1586 г. Тюмень. Обязательными элементами каждого из них выступали улицы, в которых, помимо основного утилитарного назначения, по выражению И.Ф. Цыплакова, нашли отражение «духовно-нравственные ценности, историческая память, время и жизнь города»[1]. Публикация посвящена названиям (топонимам) улиц, площадей, переулков сибирских городов, а также их переименованиям со времени возникновения до сегодняшнего дня. «Уличная» проблематика нашла отображение в ряде специализированных краеведческих изданий, исследовательской и популярной литературе по истории городов, а также в картографических материалах. Основной объект нашего обзора − Новосибирск (Новониколаевск). Поскольку город возник в самом конце XIX в., специфику пространственного расширения поселений такого типа до обозначенной выше даты попытаемся выявить на примере городов-старожилов Тюмени (1586), Омска (1716), Томска (1604), Красноярска (1628), Иркутска (1661), Бийска (1709). Эти же поселения будут использованы для сопоставления и выявления общих тенденций применительно ко времени существования Новосибирска.

Как правило, первые городские «магистрали» появлялись по мере выхода (расселения) обывателей за стены острогов (крепостей). Так, в Тюмени по распоряжению царя Бориса Годунова организовали ямскую гоньбу. Ямщиков первоначально поселили в крепости, а в 1605 г. 70 их семей отселили за речку Тюменку, где они образовали слободу из 26 дворов[2]. Она трансформировалась в Ямскую улицу, которая после «сдачи в эксплуа-

[1] *Цыплаков И.Ф.* Имя на карте города. Новосибирск, 2001. С. 3.
[2] З*аварихин С.П., Жученко В.А.* Архитектура Тюмени. Тюмень, 2004. С. 20.

тацию» в 1792 г. построенной на ней Крестовоздвиженской (Никольской) церкви получила название Никольской (ныне ул. Луначарского).

В последующем и в других городах слободы становились улицами, получившими свои наименования по роду занятий их обитателей. Кроме того, в качестве реперных точек выступали храмы, присутственные места, природные объекты, близлежащие города. По мере роста численности, пространственного расширения, организации регулярной планировки, развития почтовой связи увеличивается количество улиц, площадей и переулков. Власти начинают регулировать стихийный процесс застройки городов. Так, первый иркутский губернатор К.Л. Фрауендорф в 1764−1768 гг. «из учеников навигационной школы он отобрал наиболее способных для участия в съемке местности в окрестностях города и составления нового плана Иркутска <…> Молодые геодезисты проводили планировку улиц, разбивали город на кварталы. На всех улицах появились доски с названием улиц и указанием их направления»[3].

Можно предположить, что названия улицам по представлению органов городского общественного самоуправления (согласно «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» 1785 г.) утверждались губернаторами. После принятия Городового положения 1870 г. эта миссия была возложена на городские думы или городских уполномоченных.

Изначально адреса домовладений определялись прежде всего по названию приходских православных храмов. У А.С. Пушкина в «Евгении Онегине»: «У Харитонья [церковь св. Харитония] в переулке // Возок пред домом у ворот // Остановился» или «В Москве, живет у Семеона» (церковь св. Симеона). Поэтому в том же Иркутске, согласно плану, составленному по материалам 1900−1917 гг., семь улиц были названы по расположенным на них храмам (Благовещенская, Знаменская, Иерусалимская, Преображенская, Троицкая, Успенская, Харлампиевская). Поскольку храмы с одинаковыми названиями встречались в большинстве крупных городов региона, в «стандартный» набор входили Благовещенская, Воскресенская, Вознесенская, Покровская, Троицкая, Никольская улицы.

Среди градостроительных образований старожилами были площади, в названии которых закреплялось возникшее еще в период формирования структуры поселений их функциональное назначение. К таковым относятся Базарная (Новобазарная) в Красноярске и Томске. «Соляная площадь − единственная в Томске, сохранившая свое старое название. Первоначально на ней располагались хранилища соли и раздавалось соляное жалование. Отсюда и возникло и название места, а затем и площади»[4]. В Красноярске Острожная площадь образовалась рядом с тюрьмой (острогом). В XVIII−XIX вв. она использовалась для экзекуций уголовных преступников. «Эшафоты для казней и телесных наказаний, − замечал В.В. Чагин, − о которых вспоминал В.И. Суриков, возводили на площади всякий раз, лишь потребность в том была. После окончания экзекуции или казни эшафот разбирали, видимо, чтобы не удручал горожан»[5].

Организация учреждений почтовой связи (почтамтов) отразилась в названии улиц, на которых они располагались. Почтовая контора в Томске открылась в 1804 г, а в 1863 г. вместо нее построили из кирпича почтамт. Поэтому часть главной городской Садовой улицы переименовали в Почтамтскую[6]. Почтамтская улица появилась в Иркутске, соответствующий переулок − в Красноярске. В Тюмени на ул. Телеграфной с 1862 г. размещалась почтово-телеграфная контора[7].

Значительная часть названий улиц в перечисленных выше сибирских городах отображала сословный и городской статус топонимов. Их можно сгруппировать по отдельным группам. Военные: шесть Солдатских в Иркутске и одна в Томске, Жандармская в Томске

[3] *Шахеров В.П.* Культура и быт горожан // Иркутск в панораме веков: Очерки истории города. Иркутск, 2002. С. 131.
[4] *Залесов В.* Соляная площадь // Томская старина. 1992. № 3. С. 6.
[5] *Чагин В.В.* «Минувшее проходит передо мною…»: Путешествие в 1863 год. Красноярск, 2017. С. 81.
[6] История названий томских улиц [справочное издание]. Томск, 1998. С. 136; *Миркин В.В., Морев В.А.* История связи Западной Сибири в 1860-е − 1940-е гг. Томск, 2008. С. 13.
[7] *Копылов В.Е.* Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера). Тюмень, 2000. Кн. 1. С. 221.

и Иркутске, Офицерская (Томск), Юнкерская и Казачья (Иркутск), Кантонический переулок (Красноярск). Городские: Брянская, Могилевская, Якутская (Иркутск); Новгородская, Тверская, Московская, Самаровская, Иркутская, Ачинская (Томск). В Чите, получившей статус города в 1851 г., «все улицы, идущие с востока на запад, носили название сибирских или дальневосточных рек, а поперечные − имена сибирских городов. В начале XX в. в Чите было 44 улицы»[8].

Практически отсутствуют в названиях улиц фамилии местных губернаторов, за исключением Шелашниковской в Иркутске, зафиксировавшей в истории города начальника губернии генерал-майора К.Н. Шелашникова (1864−1880). Зато был увековечен след в истории поселений местных купцов и купеческих кланов. Так, в Томске Акуловский переулок в честь семерых братьев, предпринимателей второй половины XIX в.; Ереневская улица в честь купеческого семейства, наиболее видным представителем которого был купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Иван Алексеевич (1827−1899); Тецковский переулок, напоминавший о Д.И. Тецкове (1810−1882), купце 1-й гильдии, первом городском голове Томска, избранным согласно нормам Городового положения 1870 г.; Ярлыковская улица по фамилии купца 1-й гильдии С.В. Ерлыкова (Ярлыкова) (1800−1870)[9].

Внушительно выглядел список «именных» улиц, представлявший торгово-предпринимательские круги крупнейшего в Сибири торгово-товарораспределительного центра, каковым был Иркутск. Баснинская улица − в честь одного из представителей рода Басниных, купца 1-й гильдии, золотопромышленника Павла Петровича (1816−1867); Зверевская улица по фамилии братьев-купцов XVIII в. Ерофея и Трофима Зверевых; «В начале XX в. одна из улиц Иркутска стала называться Ланинской», увековечив память о купцах XVIII в. братьях Алексее, Федоре и Дмитрии Алексеевичах Ланиных; улица Мыльниковская, за которой стояли представители одной из самых крупных династий иркутских купцов второй половины XVIII−XIX в. Мыльниковых (имеются сведения на 11 чел.); Пестеревская − Николай Васильевич и Николай Николаевич, в середине XIX в. владевшие папиросной фабрикой; наконец, Трапезниковская улица по фамилии, пожалуй, самого многочисленного купеческого клана (21 чел.) Трапезниковых, среди которых назовем только Константина Петровича (1790−1860) и Сергея Константиновича (1843−1893), миллионеров, золотопромышленников, благотворителей, городских голов Иркутска[10].

Ситуация в анализируемом сегменте урбанистики кардинально изменяется с конца XIX в. Наглядное проявление этого процесса − история Новониколаевска-Новосибирска, возникновение и развитие которого целиком укладывается в парадигму становления в России индустриального общества. На месте будущего города существовал поселок строителей железнодорожного моста через р. Обь, основание которого относится к апрелю (12 мая по новому стилю) 1893 г.[11] Рескриптом от 28 декабря 1903 г. (10 января 1904 г.) № 747-48 поселение Ново-Николаевск при станции Обь Томского уезда и губернии возводилось в степень безуездного города с упрощенным городским самоуправлением (городские уполномоченные и городской староста). В декабре 1908 г. «Государь император соизволил согласиться на применение к Новониколаевску городового положения 1892 г. в полном объеме», т.е. с выборами гласных городской думы и городского головы.

Будущий город застраивался стихийно на земле Алтайского округа Кабинета Его Императорского Величества (КЕИВ), поэтому его начальник, а им в 1892−1900 гг. был В.К. Болдырев, и его подчиненные руководили обустройством поселения. Как установила Н.А. Минина, 23 июня 1894 г. Болдырев потребовал немедленно принять меры по упорядочению поселка, а для этого подготовить проект плана его с разбивкой на кварталы и улицы.

[8] *Немеров В.Ф.* Прогулки по старой Чите. Чита, 2010. С. 132.
[9] *Дмитриенко Н.М.* Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII − начало XX в.). Томск, 2014. С. 13−16, 94−99, 259−262.
[10] Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2-х т. Новосибирск, 2012. Т. 1. С. 60−61, 240−241, 424; Новосибирск, 2013. Т. 2. С. 72−73, 151, 327−330.
[11] *Зверев В.А.* Когда начинался Новосибирск? К вопросу о дате основания города // Библиотека сибирского краеведения: сб. ст. Новосибирск, 2013. С. 48.

«Этот факт позволяет определиться с правовым статусом Новониколаевска в первое десятилетие: он являлся арендным поселком Алтайского округа…»[12]. В 1894 г. осуществляется первая планировка поселка, а в 1896 г. «был разработан более масштабный план, объединивший станцию Обь и Кривощековский поселок в единое городское пространство, состоящее из трех частей (районов) − Вокзальной, Центральной и Закаменской»[13].

К лету 1894 г. отстраиваются первые улицы: Змеиногорская, Инская, Обская, Павловская, Трактовая[14]. Постановлением томского губернатора А.А. Ломачевского от 29 апреля 1898 г. «все домовладельцы обязывались приобрести таблички единого утвержденного образца, сделать на них надписи масляной краской с указанием улицы, номера дома» и закрепить на жилище[15]. Увеличивалась численность населения. Появлялись новые улицы. Анонимный корреспондент томской газеты «Сибирская жизнь» в 1903 г. подчеркивал: «Новониколаевск в настоящее время имеет уже вид города с широкими улицами, площадями, с кое-где виднеющимися каменными постройками»[16]. Власти пытались контролировать стихийный приток переселенцев. В частности, 17 января 1908 г. томский губернатор барон К.С. Нолькен потребовал установить в городе паспортный контроль за приезжими, поскольку они «предъявляли виды на жительство в полицию и последняя налагала штамп о явке. Ни домовых книг, ни адресных листков не велось». Адресный стол открыли стараниями полицмейстера Баранова 15 мая 1910 г. Соответственно завели домовые книги и листки для прописки[17].

Названия первым улицам, по всей видимости, были присвоены кабинетскими чиновниками (землемерами), составившими планы будущего города и запроектировавшими, в частности, Николаевский проспект (Красный). Среди них были Кабинетская, Вагановская, Ермака, Александровская, Михайловская, Межениновская, Кривощековская, Колыванская, Мочищенская, Туруханская, Берская, Бийская, Вокзальная, Змеиногорская, Каинская, Омская, Самарская, Саратовская, Нижегородская, Садовая, Трактовая, Телеграфная, Московская, Петербургская, Кирпичная, Сахалинский переулок[18]. В названии улиц преобладали географические объекты (11 из 17), прежде всего города. Кабинетская (Советская) должна была напоминать о собственнике территории, на которой возник город, − КЕИВ.

До сих пор не установлен первоисточник, давший название ул. Вагановской. К.А. Голодяев полагает, что топоним появился «по имени некого купца Ваганова», однако существует и другая версия − о том, что она названа в честь братьев Вагановых, которые в конце XIX в. «по заданию императорского двора занимались у нас изучением вопроса о землеустройстве старожилов и переселенцев»[19]. Можно предположить, что прародителем названия стал горный инженер, управляющий Барнаульским меде-сереброплавильном заводом Федор Савельевич Ваганов (1803−1810), или другой Ваганов − Александр Александрович, который в 1883−1888 гг. служил в Барнауле помощником начальника Алтайского округа по земельной части и много сделал для организации переселений на кабинетские земли.

Появление новых улиц, не имевших названия, потребовало от органов городского самоуправления оперативно реагировать на сложившуюся ситуацию. На заседании девяти уполномоченных Новониколаевска под председательством городского старосты А.Г. Беседина 3 июля 1908 г. обсуждался вопрос «о наименовании улиц города, не имеющих названия». В журнале заседаний было зафиксировано: «Доложено: Многие улицы города Ново-Николаевска, в особенности в районах малонаселенных, до сего времени не имеют названий,

[12] М*инина Н.А.* К истории образования города Ново-Николаевска // История образования города Ново-Николаевска: новый взгляд на исторические источники: мат-лы Новосибирской гор. науч. конф. Новосибирск, 2018. С. 92−93.
[13] *Минина Н.А.* К истории образования… С. 91.
[14] *Голодяев К.А.* Новосибирск: живая история. Новосибирск, 2023. Т. 1: Новосибирск начальный. С. 216.
[15] Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск, 1993. С. 34.
[16] Сибирская жизнь. 1903. 10 авг.
[17] Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 78. Л. 227−227 об.
[18] *Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н.* Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX − начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 41.
[19] *Голодяев К.А.* Новосибирск… С. 182.

что вызывает немало неудобств для жителей. Уполномоченные, сознавая эти неудобства, ПОСТАНОВИЛИ: Поручить Общественному Управлению наименовать безымянные улицы, доложить предварительно список их в следующем заседании»[20].

Ровно через неделю, 10 июля того же года, опять девять уполномоченных утвердили названия 22 улиц, из которых 8 − в честь поэтов (М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, И.А. Крылова, А.В. Кольцова, Н.А. Некрасова, Т.Г. Шевченко, И.С. Никитина, А.С. Грибоедова), 3 − в честь одновременно писателей и поэтов (А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, В.А. Жуковского), 8 − в честь писателей (Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Н.М. Карамзина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, Н.С. Лескова, В.Г. Короленко), 2 − в честь литературных критиков (В.Г. Белинского, Д.И. Писарева) и 1 − в честь художника В.Е. Маковского[21]. Названия большей части этих улиц сохранились до настоящего времени.

Вызывает вопросы сам факт избрания именно выдающихся русских литераторов, а также их персональный состав. В принципе выдвижение блоком не является исключением применительно к российской топонимии. Напомню о ситуации в Чите, где улицы получили наименование по названиям сибирских и дальневосточных рек. Но почему именно классики отечественной литературы были избраны в качестве претендентов на увековечение? Может быть, среди уполномоченных были знатоки и любители изящной словесности? И почему из плеяды выдающихся русских художников (И.Е. Репин, сибиряк В.И. Суриков, В.А. Серов, А.К. Саврасов и многие другие) выбрали здравствующего в то время В.Е. Маковского (1846−1920)? Может, за стремление запечатлеть в своих полотнах различные стороны повседневной жизни горожан? Кстати, в последующем не забудут и упомянутых выше живописцев.

Заседания уполномоченных по вопросу «О наименовании улиц города, не имеющих наименования» состоялись 3 и 10 июля 1908 г. Сами уполномоченные (депутаты) были избраны 12 сентября 1904 г. − после «Высочайшего повеления» от 28 декабря 1903 г. о преобразовании пос. Новониколаевского в безуездный город и введении общественного управления в упрощенном виде. Для этого учреждался всесословный орган местного самоуправления − Собрание городских уполномоченных в составе 12−15 чел, избираемых каждые четыре года сходом домохозяев, «владеющих в пределах городского поселения на праве собственности или пожизненного владения имуществом стоимостью не менее 100 руб.». Городские уполномоченные выбирали старосту для исполнения функций городской управы[22].

В сентябре 1904 г. избрали 15 уполномоченных и 7 кандидатов. В число полномочных депутатов вошли: В.А. Горохов, П.И. Кривцов, З.Г. Крюков, Г.М. Кузнецов, Л.И. Лапшин, Н.П. Литвинов, А.М. Луканин, Д.Ф. Манаков, Ф.Д. Маштаков, А.И. Рунин, И.Н. Самойлович, И.Т. Суриков, И.Г. Титлянов, Д.С. Унжин, Н.З. Федоров. Все по роду занятий являлись предпринимателями (купцами)[23]. Многие состояли в разного рода неполитических объединениях, прежде всего в благотворительных, но в увлечении изящной словесностью никто не был замечен. За исключением, пожалуй, Николая Павловича Литвинова (1865−1937), пензенского мещанина, фельдшера по образованию. Он открыл в будущем городе первый книжный магазин и типографию, последовательно издавал газеты «Народная летопись», «Алтайское дело», «Обская жизнь», занимал пост товарища председателя Общества попечения о народном образовании, состоял заместителем председателя отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта. Литвинов мог быть инициатором наименования улиц или транслировал это предложение, но подтверждения гипотезы у меня нет.

[20] *Рафальский С.Н., Жарикова Л.А., Кисляков Ю.Н.* Улицы Новосибирска: Крылова и еще 36 улиц. Новосибирск, 2019. С. 35−36.
[21] Там же. С. 32, 37−39.
[22] *Бочанова Г.А.* Список лиц, имеющих право участвовать в избирательном собрании по выбору уполномоченных на 1-ое четырехлетие по гор. Новониколаевску, на 1904 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 48.
[23] *Воробцова Л.Н.* Биографический словарь предпринимателей Новониколаевска (1893−1914 гг.). Новосибирск, 2023.

Вплоть до 1917 г. численность населения Новониколаевска стабильно увеличивалась, в 1905 г. составив 26, в 1910 − 52,6, в 1914 − 86,4 тыс. чел.[24] Соответственно появлялись новые улицы, которым городское самоуправление присваивало наименования. Условно их можно подразделить на несколько групп. Прежде всего, это губернаторы и начальники Алтайского округа. Среди первых Г.А. Тобизен (1890−1895), А.А. Ломачевский (1895−1900), Н.Л. Гондатти (1908−1910). Причем именная улица, отметившая вклад генерал-майора Ломачевского в развитие города, называлась Асинкритовской (Рабочей) по его имени и отчеству − Асинкрит Асинкритович. Улица Гондатти стала первой в городе, появившейся в результате переименования улицы Алтайской. Улицы назвали по фамилиям начальников Алтайского округа КЕИВ Н.Н. Журина и В.К. Болдырева, а также главноуправляющего Кабинетом П.И. Гудим-Левковича (1842−1907) (Гудимовская). Напомнили об инженерах-железнодорожниках, руководивших строительством моста через Обь и прилегающих участков Транссиба Г.М. Будагове и Н.Н. Меженинове. Не были забыты сибирские ученые, публицисты, общественные деятели С.И. Гуляев (1805−1888), Г.Н. Потанин (1835−1920), Н.М. Ядринцев (1842−1894).

Названия большинства улиц дореволюционного Новониколаевска, а их в 1913 г. насчитывалось 102[25], как и в других сибирских городах, обозначали профильными топонимами. Конфессиональный аспект выразился в наименованиях, связанных с христианскими праздниками: Вознесенская, Казанская, Покровская, Преображенская, Рождественская, Спасская, Троицкая. Профессионально ориентированные: Ветеринарная, Деповская, Офицерская, Переселенческая, Почтовая, Ремесленная, Солдатская, Телеграфная, Фабричная, Сухарная. Большинство других улиц получили название по географическим (города, реки) и природным объектам (Береговая, Болотная, Боровая, Заболотная, Лесная, Набережная, Логовская, Озерная).

Для сравнения воспроизведем ситуацию в изучаемой области в губернской столице г. Томске по состоянию на сентябрь 1917 г. Информация извлечена из списков избирателей по выборам в Учредительное собрание, в которых указаны их домашние адреса[26]. Всего в них зафиксировано 127 топонимических объектов, в том числе 43 переулка (34 %), 3 площади и 81 улица. Такое число улиц (в Новониколаевске в 1913 г. их было 132) объясняется большей их протяженностью и обилием переулков. Из общего количества топонимов имеется только 24 (19 %) именных, из них 4 по фамилиям литераторов (Белинская, Гоголевская, Пушкинская, Лермонтовская), еще 5 − местных купцов (Ярлыковская, Серебренниковский, Тецковский, Карповский и Вильяновский переулки). Остальные действительно именные − Ефремовская, Анисимовская, Евгеньевская, Владимировский переулок и т.д. Основная часть носит нейтрально-бытовой характер: Бульварная, Водяная, Белая, Кривая, Садовая, Безымянный переулок. Сравнительно немного конфессиональных: Никольская, Преображенская, Знаменская, Монастырский Луг, Семинарский переулок и т.д. Местный колорит отложился в названиях Отруб, Уржатка, Еланская, Черемошники, Белоозерский переулок и др. Особенность Томска, как впоследствии Бийска, заключалась в сосуществовании большого количества номерных улиц и улиц-дублеров. Например, две Береговых, три Вокзальных плюс Большая Вокзальная, или Мало-Кирпичная, Средне-Кирпичная, Большая Кирпичная; Мало-Королевская, Большая Королевская.

Социальный катаклизм и установление советской власти породили волну переименований в 1920 и 1924 гг. Постановлением Новониколаевского горуездного исполкома получили новое название 14 улиц, площадь и проспект. В первом случае Александровская стала Серебренниковской (Ф.П. Серебренников (1891−1918), один из руководителей Новониколаевского совета), Асинкритовская − Рабочей, Болдыревская − Октябрьской, Будаговская − Большевистской, Воронцовская − Свердлова, Гудимовская − Коммунистической, Двор-

[24] *Пронин В.И.* Население Новониколаевска // Энциклопедия. Новосибирск, 2003. С. 555.
[25] *Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н.* Новосибирск… С. 96.
[26] Томские выборы депутатов Всероссийского Учредительного собрания 1917 года: док-ты. Томск, 2019.

цовая − Революции, Кабинетская − Советской, Офицерская − Пролетарской, Солдатская − Красноармейской, Спасская − Спартака, Стевенская − Трудовая, Тобизенская − М. Горького.

3 июля 1924 г. Новониколаевский губисполком продолжил кампанию по присвоению названий в соответствии с советской символикой. Улица Вознесенская удостоилась носить наименование в честь Сибревкома, Гуляевская − Романова (В.Р. Романов (1875−1919), председатель Новониколаевского исполкома), Жуковская − Д. Бедного, Казанская − Декабристов, Нобелевская (Товарищество «Нобель» к югу от р. Малая Ельцовка) − Ногина, Петроградская − Ленинградская, Покровская − Д. Ковальчук, Преображенская − Союза Молодежи, Рождественская − Воровского, ул. Троицкая в Заельцовском районе − Профинтерна, ул. Троицкая в Октябрьском районе − К. Либкнехта. Своеобразным брендом города стала улица им. Дуси Ковальчук. Именно Дуси, а не Евдокии Борисовны Ковальчук (в девичестве Репиной) (1881−1919), малограмотной домохозяйки, матери четверых детей и отважной подпольщицы, замученной польской контрразведкой.

Как видим, названия были выдержаны в духе новых идеологических подходов. Примерно такая же ситуация наблюдалась в других городах региона. В Томске Магистратская улица стала имени Р. Люксембург, Миллионная − Коммунистическим проспектом, Спасская − Советской, Солдатская − Красноармейской, Новокарповская − Свердлова. В Иркутске: Большая − К. Маркса, 1-я Иерусалимская − Советской, Шелашниковская − Ф. Энгельса. В каждом городе чтили память о своих героях, борцов с врагами советской власти. В Омске − З.И. Лобкова (1898−1919), М.М. Рабиновича (1892−1919), интернационалиста Кароя Лигети (1890−1919); в Томске − И.Л. Нахановича и Н.Н. Яковлева (1886−1918); в Красноярске − Г.С. Вейнбаума (1891−1918), А.П. Лебедевой (1892−1918); в Барнауле − И.В. Присягина (1885−1918), М.К. Цаплина (1885−1918).

На городскую топонимию начала 1920-х гг. наложили отпечаток проявления революционного романтизма. Так, в Омске несколько магистралей получили абстрактно символические наименования: Красный путь, Красный пахарь, Красных зорь, Восстания; в Иркутске − Красных зорь, Освобождения, Баррикад; в Томске − Равенства. Не забыли о предшественниках марксистов: ул. Парижской коммуны (Иркутск, Барнаул), Спартака (Новониколаевск), Марата (Иркутск). Зафиксировали наиболее яркие и драматические эпизоды выступлений против белогвардейцев: ул. 22 Декабря в Омске в память вооруженного антиколчаковского восстания 22 декабря 1918 г.; ул. Декабрьских событий в Иркутске по поводу аналогичного события в конце декабря 1919 г.; сквер Жертв Революции (Героев Революции с 1957 г.) в Новосибирске − мемориального захоронения расстрелянных военнослужащих, участников антиколчаковского восстания 7 декабря 1919 г. и заключенных городской тюрьмы, уничтоженных во время отступления белых.

Топонимическая практика массовых переименований в первой половине 1920-х гг. привела к утверждению революционной символики в центральных районах (ядре) городских поселений. В последующем на ситуацию в этой области влияли процессы индустриального развития, милитаризации экономики, экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, Великая Отечественная война 1941−1945 гг. Это потребовало громадного притока рабочих рук, создания новых городов и существенного увеличения численности населения уже в существовавших городских поселениях. Например, количество жителей Новосибирска составило: 68 тыс. чел. − в 1920 г., 174,5 тыс. − в 1930 г., 450 тыс. − к июню 1941 г., 506 тыс. − в 1950 г., 1 054 тыс. − в 1965 г., достигнув максимума в 1 427 тыс. чел. в 1990 г.

Соответственно, появлялись новые улицы, продолжился процесс переименования существующих с внедрением в топонимическую практику индустриальных топонимов, обновлением политической, хозяйственной, военной, культурной элит. Значительно расширялся круг лиц, ставших объектом мемориализации, росло число географических названий. Воздействие перечисленных факторов привело к частым переименованиям, образованию своеобразных «цепочек», по которым можно судить о колебаниях политической конъюнктуры.

В Новосибирске в 1906 г. появилась ул. Бийская, в 1933 г. ее переименовали в ул. Вегмана, в 1936 г. в ул. Байдукова, в 1957 г. в ул. Совнархозовскую, а в 1965 г. − Депутатскую. Каждое переименование имело под собой подоплеку. В.Д. Вегман (1873−1936), член РСДРП с 1899 г., один из партийных руководителей в Западной Сибири, организатор Сибистпарта, арестован по обвинению в троцкизме и умер во время допроса. Эстафету от него принял летчик (1907−1994), уроженец Новосибирской области, участник беспосадочных перелетов в составе экипажа В.П. Чкалова, Герой Советского Союза (1936). Но 11 сентября 1957 г. последовал Указ Президиума ВС СССР «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, городам и другим населенным пунктам, а также предприятиям, учреждениям и организациям», который запретил прижизненное присвоение названий топонимическим объектам. Тогда же по инициативе Н.С. Хрущева началась организация совнархозов, поэтому улица получила очередное наименование. В 1964 г. сняли Хрущева и закрыли совнархозы. Пришлось искать нейтральное и универсальное наименование. На этом приращение «цепочки» пока остановилось.

Подобного рода перемены происходили и в других городах Сибири. Например, в Красноярске Кантонический переулок стал Отделенским, затем Театральным, в последующем повысил свой статус до улицы, да еще Троцкого, того самого Льва Давидовича (1879−1940). После выдворения лидера антисталинской оппозиции за рубеж в 1929 г. улица получила нейтральное наименование Солидарности. Но не успели ее жители привыкнуть к новому имиджу, как в декабре 1934 г. убили С.М. Кирова и она получила новое наименование.

В последующем, вплоть до начала Великой Отечественной войны, переименовали 20 новосибирских улиц[27]. Как следствие обострения классовой борьбы в 1937 г. улицы Бухарина и Рыкова стали называться соответственно Молокова (летчик, Герой Советского Союза, участник спасения экипажа «Челюскина» в 1934 г.) и Стаханова. В 1939 г. такая же участь постигла ул. Ежова, ставшую имени Салтыкова-Щедрина. Наоборот, в честь героя Лейпцигского процесса Г. Димитрова в 1935 г. Михайловский лог был повышен в статусе до проспекта с соответствующим наименованием. Межениновская в 1934 г. стала улицей Челюскинцев. После самоубийства Г.К. Орджоникидзе в 1937 г. в честь него переименовали ул. Семипалатинскую. После убийства С.М. Кирова такой же участи удостоилась ул. Телеграфная и целый Заобский район, а уход из жизни Н.К. Крупской в 1940 г. на одну сократил число улиц Озерных. Часть коммуникаций сменили названия, дабы избежать дублирования. Так, одна из трех Спортивных в 1940 г. получила наименование ул. Гончарова. На географических картах СССР значилось 23 города, носивших имя С.М. Кирова, и еще 55 Кировских районов[28].

В период Великой Отечественной войны внутригородская топонимия отошла на второй план, и только в ноябре 1941 г. ул. Краснофлотскую преобразовали в ул. Гастелло. В военный период вокруг эвакуированных предприятий стихийно образовывались улицы, застраиваемые бараками и частными лачугами. Сравнительно немного их появилось в Новосибирске (3 Оловозаводских, 4 Северных, 9 Почтовых и др.). Гораздо больше их возникло в Омске − 33 Северных, 20 Рабочих, 21 Амурская. Впрочем, и до и после войны не особенно раздумывали о переименовании улиц-близнецов. В частности, в Иркутске 6 Солдатских улиц нарекли Красноармейскими.

Следующая волна переименований накрыла Новосибирск в 1949 г. Под «раздачу» попало 17 улиц: четыре из них стали персональными − М. Ульяновой, С. Лазо, О. Кошевого, А.А. Яблочкиной (народная артистка СССР). Большая часть остальных была выделена из блоков с одинаковыми названиями. Из трех Дачных «отселили» Сызранскую, из трех Парковых в 1940 г. одной присвоили наименование Западной, а две остальные в 1949 г.

[27] Здесь и далее подсчеты по: Справочник переименованных улиц, переулков, площадей города Новосибирска. Новосибирск, 2000.
[28] *Дорофеев М.В.* Историческое краеведение. Новокузнецк, 2012. С. 113.

стали соответственно Пригородной и Пихтовой. Для благозвучия Зеленую сделали Волжской, Речную − Таежной.

А город развивался, застраивались бывшие окраины. В 1931 г. его разделили на четыре района (Центральный, Вокзальный, Ипподромский и Закаменский). В 1933 г. к ним присоединился Дзержинский район и был образован Эйховский район (Р.И. Эйхе (1890−1940), первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б)), который в 1938 г. вместе со станцией переименовали в Первомайский, Закаменский стал Октябрьским. В 1934 г. Заобская часть переименовывается в Кировский район. В 1936 г. образуется Кагановичский район, переименованный в 1957 г. в Железнодорожный. В 1939 г. организуется Заельцовский район. В 1958 г. после начала строительства Новосибирского научного центра АН СССР и включения в городскую черту окрестных поселений создается Советский район. Наконец, в 1970 г. путем разукрупнения Кировского района образуется Ленинский район, в 1980 г. выделяется из Дзержинского Калининский район.

Интенсивно застраивались Дзержинский, Заельцовский, Первомайский районы. На левобережье согласно плану 1931 г. на пустой от застройки площадке предусматривалось возведение социалистического города. Примерно также выглядела селитебная территория Советского района. Появлялись новые улицы, существенно разрастались старые. Объединение разрозненных частей привело к появлению большого количества улиц с одинаковыми названиями. Так, в Советском районе сосуществовали тезки Советской, Фабричной, Железнодорожной улиц, а также Б. Хмельницкого, Грибоедова, Пушкина, Фурманова, Чехова, Чкалова, Толстова и т.д. К тому же городским властям приходилось оперативно реагировать на колебания политической конъюнктуры в высших эшелонах руководства СССР. Упомянутый выше Указ от 11 сентября 1957 г. стер в названиях улиц фамилии здравствующих тогда С.М. Буденного, К.Е. Ворошилова, К.К. Рокоссовского, А.И. Покрышкина, И.В. Громова, Н.А. Лунина, Т.Д. Лысенко, И.Д. Папанина, К.М. Симонова − всего 17 чел. Были убраны из названий участники антипартийной группы В.М. Молотов (две улицы в Кировском районе, переименованные в две Урожайных) и Л.М. Каганович.

Все это привело к тому, что в 1951−1960 гг. переименовали более 162 улиц (без переулков), из них 59 в 1958 г. Значительное место среди них заняли посвященные героям Великой Отечественной войны: Молодогвардейская, Плахотного, Б. Богаткова, М. Перевозчикова, Д. Карбышева, Селезнева. Начинается мемориализация ученых: Лобачевского, Курако, Тимирязева, Бардина, Крашенинникова, Карпинского. Своеобразную рокировку произвели с ул. Костычева в Кировском районе, переименовав ул. Мусоргского. Но и о композиторе не забыли и тогда же в честь него назвали бывшую Новую в Заельцовском районе. Возвращаются из дореволюционной практики названия профессиональные и отражающие направления деятельности: Лечебная, Тружеников, Механизаторов, Лесосечная, Фрезерная, Гончарная, Машиностроителей, Прокатная, Трубная, Железнодорожная, Техническая, Буровая, Оптическая, Агрономическая, Печатников, Калибровая, Гидростроителей, Гидромонтажная. Но больше всего улиц получили названия в честь городов Советского Союза. Применительно к рассматриваемому периоду их насчитывается 35. В один ряд с ними встали населенные пункты Новосибирской области: Баган, Кудряши, Маслянино, Чулым и село Коурак Тогучинского района.

В 1960-е гг. новые названия получили 103 улицы, в том числе в 1965 г. − 40. Важным событием в топонимической практике стало завершение процесса десталинизации. Пробным камнем можно считать переименование в 1959 г. ул. Сталина в Советском районе в ул. Ф. Энгельса. После перезахоронения И.В. Сталина в 1961 г. площадь и улица получили наименование в честь создателя советского государства. Заодно в 1956 и 1961 гг. Сталинградские улицы в Ленинском и Первомайском районе переформатировали соответственно в Спортивную и Баумана. Зато вслед за реабилитацией Р.И. Эйхе в 1965 г. Первомайский проспект увековечил фамилию партийного функционера, а 2-я Лагерная улица еще одного − С.В. Косиора. Существенно пополнился блок именных коммуникаций за счет борцов за советскую власть (Ф.И. Горбаня (1883−1918), Я.Н. Овчукова (1877−1949), С.И. Якушева

(1881−1965), А.М. Петухова (1886−1918), Н.Н. Яковлева (1886−1918)) и героев Великой Отечественной войны 1941−1945 гг., имевших отношение к Новосибирску и области, − М.В. Аникина (1917−1944), О.В. Жилиной (1914−1944), Н.М. Плахотного (1922−1944), М.Г. Селезнева (1915−1944), Ф.Н. Ивачева (1908−1941). В эту когорту попали не родившиеся, не жившие и не воевавшие в сибирских дивизиях полковой комиссар А.А. Лобов и гвардии младший сержант Ю.В. Смирнов.

К числу курьезов следует отнести появление на карте города улиц Спасской (возвращено название начала XX в.), Шекспира, Моцарта. В 1966 г. 3-я и 4-я Гаражные стали соответственно Ньютона и Коперника, Безбожная − Бирюсинской (1965), хутор Бруцулезный − ул. Просторной. В нарушение указа 1957 г. Бульвар отдыха в Советском районе в 1963 г. разделили на улицы Ильича и Терешковой. Ильич (В.И. Ленин) к тому времени давно упокоился в Мавзолее, а вот имя первой женщины-космонавта В.В. Терешковой увековечили при жизни − так же как и Г.С. Титова (его имя получила бывшая ул. Трамвайная). В честь литераторов и деятелей искусств были названы улицы Добролюбова, Стасова, Есенина, А. Гайдара, Аренского, Караваевой, А. Блока, С. Кожевникова, Гончарова, Писемского, Шукшина, Я. Гашека. По названию городов были наименованы 14 улиц (от Норильской до Сухумской). Однако большая часть удостоилась нейтральных наименований − таких как, например, Тихая, Просторная, Вечерняя, Янтарная, Рыбацкая, Лучезарная, Узорная, Восход, Тенистая, Флотская, Солидарности, Лучезарная.

На исходе социалистической эпохи (1970-е − первая половина 1980-х гг.) процесс переименований минимизировался. Всего за указанный период новые названия получили 14 улиц, из них 11 − в честь прославленных россиян. Как правило, переименования происходили после их смерти. Помимо ученых − М.А. Лаврентьева, А.В. Николаева, С.С. Кутателадзе, ректора медицинского института Г.Д. Залесского, геодезиста и писателя Г.А. Федосеева, Героя Советского Союза В.А. Бердышева (1908−1981), полкового комиссара Д.А. Шамшурина (1888−1943), старшего лейтенанта М.С. Перевозчикова (1918−1942), в их число вошли руководители крупных предприятий, партийные и советские функционеры − Герои Социалистического Труда, директор завода Точмаш М.Н. Королев и начальник «Сибакадемстроя» генерал-майор Н.М. Иванов, первый секретарь обкома ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны М.В. Кулагин, председатель совнархоза В.Т. Забалуев. К ним добавим Героя Социалистического Труда, знатного машиниста П.Д. Шолкина и писателя Е.Н. Пермитина. Остальные четыре улицы в миниатюре отобразили традиционный подход к топонимическим объектам: улицу Жданова переименовали в Авиастроителей, Китайскую − в Сиреневую, поселок Дорогино − в Зеленодольскую.

Бум переименований в России, начавшийся в конце 1980-х гг., был недолгим и затронул в основном столицы. В Новосибирске топонимические перемены были минимальны. В 1987 г. улицам 1-я и 2-я Строительная дорога одной присвоили имя актера и барда В.С. Высоцкого, другой − Созидателей. После смерти академика В.А. Коптюга часть Университетского проспекта стала называться его именем.

В целях упорядочения процесса наименования и переименования городской Совет 30 ноября 1995 г. принял решение «О порядке наименований улиц, переулков, площадей и других муниципальных объектов в Новосибирске». Оно было откорректировано решением горсовета от 26 июня 2008 г. за № 991. Наконец, Совет депутатов города Новосибирска решением от 28 октября 2009 г. за № 1385 (в редакции от 23 мая 2012 г. № 613 и от 25 сентября 2013 г. № 953) «О порядке присвоения наименований внутригородским объектам и размещения объектов монументально-декоративного искусства в городе Новосибирске» установил порядок присвоения наименований городским объектам.

К внутригородским объектам в рамках нашего исследования отнесены «улицы, площади и иные территории проживания граждан (проспекты, проезды, переулки, микрорайоны, жилмассивы, магистрали, шоссе и другие)». С предложением о присвоении наименования могли выступать органы государственной власти, местного самоуправления, общественные организации и инициативные группы жителей в количестве не менее 25 чел.

Обоснование предлагаемого наименования должно было содержать краткую справку о жизни и деятельности претендента, описание местоположения объекта и его карту-схему. Ходатайство направлялось в специально созданную при мэрии комиссию по присвоению наименований, включавшую, в том числе, пять депутатов горсовета. Комиссия в установленные сроки рассматривала предложения, учитывая следующие требования: наименование на русском языке, соответствует принятым морально-этическим и эстетическими нормам, убедительная мотивировка, учет связи деятеля с историей и культурой Новосибирска, должно пройти не менее года со дня его смерти. Переименование внутригородского объекта допускалось при восстановлении исторически сложившихся наименований, при изменении его статуса или функционального назначения.

Обозначенная выше комиссия рассматривала ходатайство и принимала решение о согласовании или отказе. В случае принятия положительного решения оно «направляется в уполномоченное структурное подразделение мэрии для подготовки проекта правового акта мэрии о присвоении наименования внутригородскому объекту или его переименовании <…> в случае если внутригородской объект был переименован, на нем могут устанавливаться информационные таблички с указанием всех прежних исторических наименований внутригородского объекта».

Десятилетний срок моего пребывания в означенной комиссии позволяет оценить ее как авторитетный и квалифицированный орган, действующий в пределах сформулированных выше полномочий. Основной объем наименований тогда приходился на находящиеся в пределах городской черты дачные товарищества. Было разрешено прописывать (регистрировать) в жилых постройках на участках, а для этого наименовать безымянные улицы в границах дачных объединений. Как правило, названия предлагались простенькие − Центральная, Лесная, Речная, Цветочная, или «фруктово-ягодные» − Земляничная, Абрикосовая, Виноградная, Рябиновая и т.п. Из персональных: одну из улиц на окраине назвали в честь Героя Советского Союза, старшего матроса, рулевого бронекатера Азовской военной флотилии В.Г. Уса (1920−1991).

Из значимых и курьезных эпизодов в деятельности комиссии запомнился своеобразный референдум по поводу присвоения названия третьему автодорожному мосту через Обь. Большинством набранных голосов он стал Бугринским − по названию села, находившегося в районе строительства переправы. Депутат городского совета А.Н. Люлько предложил переименовать площадь Свердлова в Александро-Невскую в честь расположенного рядом православного храма. Предложение отвергли на том основании, что объект официально «прописан» на ул. Советской. Еще один случай связан с Академгородком. После смерти директора Института физики полупроводников СО РАН академика А.В. Ржанова (1920−2000) коллектив при поддержке президиума СО РАН и администрации Советского района обратился в мэрию с просьбой переименовать улицу Институтскую, назвав ее именем покойного руководителя. Просьбу удовлетворили, но через некоторое время последовали протесты от директоров расположенных на этой улице институтов. Дело в том, что переименование потребовало изменения институтских реквизитов и почтового адреса. Процедура оказалась довольно затратной, и тогда приняли компромиссное решение − вернуть большей части улицы старое название и только ее отрезок в районе расположения института оставить в новой редакции.

Ситуацию с наименованиями в других городах Сибири проиллюстрируем на примере туристской схемы Омска (1979 г.) и топографического плана Бийска (2019 г.). В первом случае в источнике обозначено 200 основных улиц и площадей, из них 84 (41 %) именных и 13 по названиям городов, в основном сибирских. Как отмечалась выше, омичи сохранили традицию иметь номерные улицы-дублеры: 21 Амурская, 5 Кордных, 12 Комсомольских, 9 Ленинских, 25 Линий, 18 Марьяновских, 4 Поселковых, 27 Рабочих, 9 Ремесленных, 33 Северных, 4 Транспортных, 4 Челюскинцев, 10 Чередовых. Регулярно использовались цифровые обозначения городских магистралей: XIX, XX, XXII Партсъездов, 20 лет РККА, 10 лет Октября, 22 Апреля, 50 лет ВЛКСМ, Октября, Профсоюзов.

В наукограде Бийске улиц и переулков зафиксировано 430, из них «именных» 89 (21 %) и 32 названны в честь городов, в основном сибирских. Специфика бийской топонимии заключается в наличии значительного числа (15) улиц-дубликатов: 1-я, 2-я Зеленые, Набережные, Новосибирские, Ударные, Форштадские и т.д. Информационная база по двум сибирским мегаполисам Новосибирску и Омску (с населением более миллиона человек) и стотысячнику Бийску (218 тыс. в 2002 г.) позволяет утверждать о существовании у них единого топонимического ядра и блоков (именных, городских, водных, конфессиональных, профессиональных). В Новосибирске, согласно подсчетам И.Ф. Цыплакова, по состоянию на 2001 г. насчитывалось 1750 топонимических единиц, из них 315 улиц и переулков, 12 площадей и 5 именных (20 % от общей совокупности)[29].

Таким образом, главными градообразующими структурами выступают улицы, переулки, площади. Их появление связано с процессом урбанизации, ростом численности населения сельских поселений или, применительно к Сибири, сооружением военно-административных укреплений в XVII − первой половине XVIII в. и с конца XIX в. железнодорожных станций. Изначально улицы и переулки назывались в честь построенных на них православных храмов. В последующем значительная часть топонимических объектов отображала сословный статус их жителей, наименования географических элементов (реки, города). Увековечивались в названиях фамилии местных купцов и купеческих кланов. В советский период переименования осуществлялись путем внедрения индустриальных топонимов, фамилий представителей элиты. Значительно расширился круг лиц, ставших объектом мемориализации. Воздействие перечисленных факторов вело к частым переименованиям, образованию своеобразных «цепочек», по котором можно судить о трансформации в верхних эшелонах власти. В совокупности все перечисленные факторы проявились в топонимической истории Новониколаевска-Новосибирска.

Литература

Бочанова Г.А. Список лиц, имеющих право участвовать в избирательном собрании по выбору уполномоченных на 1-ое четырехлетие по гор. Новониколаевску, на 1904 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 48−62.

Воробцова Л.Н. Биографический словарь предпринимателей Новониколаевска (1893−1914 гг.). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2023. 330 с.

Голодяев К.А. Новосибирск: живая история. Новосибирск: Музей Новосибирска, 2023. Т. 1: Новосибирск начальный. 396 с.

Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А., Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом (конец XIX − начало XX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. 296 с.

Дмитриенко Н.М. Томские купцы: биографический словарь (вторая половина XVIII − начало XX в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 336 с.

Дорофеев М.В. Историческое краеведение: учебное пособие для студентов исторических факультетов высших учебных заведений. Новокузнецк: [б. и.], 2012. 200 с.

Заварихин С.П., Жученко В.А. Архитектура Тюмени. Тюмень: Радуга-Т, 2004. 295 с.

Залесов В. Соляная площадь // Томская старина. 1992. № 3. С. 6−7.

Зверев В.А. Когда начинался Новосибирск? К вопросу о дате основания города // Библиотека сибирского краеведения: сб. ст. Новосибирск: Эгида, 2013. С. 44−48.

Копылов В.Е. Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера). Тюмень: Слово, 2000. Кн. 1. 336 с.

Минина Н.А. К истории образования города Ново-Николаевска // История образования города Ново-Николаевска: новый взгляд на исторические источники: мат-лы Новосибирской гор. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2018. С. 86−97.

Миркин В.В., Морев В.А. История связи Западной Сибири в 1860-е − 1940-е гг. Томск: Оптимум, 2008. 312 с.

Немеров В.Ф. Прогулки по старой Чите. Чита: Экспресс-издательство, 2010. 332 с.

[29] *Цыплаков И.Ф.* Имя на карте города… С. 3.

Новосибирск. 100 лет. События. Люди. Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 1993. 472 с.

Пронин В.И. Население Новониколаевска // Энциклопедия. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 2003. С. 555−557.

Рафальский С.Н., Жарикова Л.А., Кисляков Ю.Н. Улицы Новосибирска: Крылова и еще 36 улиц. Новосибирск, 2019. 464 с.

Томские выборы депутатов Всероссийского Учредительного собрания 1917 года: документы / сост. Н.М. Дмитриенко, А.Г. Караваева, А.Д. Дементьева; науч. ред. Э.И. Черняк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 744 с.

Цыплаков И.Ф. Имя на карте города. Новосибирск: Кн. изд-во, 2001. 272 с.

Чагин В.В. «Минувшее проходит передо мною…»: Путешествие в 1863 год. Красноярск: Поликор, 2017. 120 с.

Шахеров В.П. Культура и быт горожан // Иркутск в панораме веков: Очерки истории города. Иркутск: Вост.-Сиб. издательская компания, 2002. С. 120−133.

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Гео, 2012. Т. 1. 450 с.

Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / гл. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск: Гео, 2013. Т. 2. 464 с.

References

Bochanova, G.A. (2004). Spisok lits, imeyushchikh pravo uchastvovat’ v izbiratel’nom sobranii po vyboru upolnomochennykh na 1-oe chetyrekhletiye po gor. Novonikolaevsku, na 1904 g. [The List of Persons Who Have the Right to Participate in The Electoral Assembly to Elect the Authorized Representatives for the First Quadrennial in Novonikolaevsk for 1904]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 2, pp. 48−62.

Chagin, V.V. (2017). *“Minuvshee prokhodit peredo mnoyu…”: Puteshestvie v 1863 god* [“The Past is Passing in Front of Me…”: Travelling Back to the Year 1863]. Krasnoyarsk, Polikor. 120 p.

Chernyak, E.I. (Ed.). (2019). *Tomskie vybory deputatov Vserossiyskogo Uchreditel’nogo sobraniya 1917 goda: dokumenty* [Tomsk Elections of the All-Russian Constituent Assembly Deputies in 1917: Documents]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta. 744 p.

Dmitrienko, N.M. (2014). *Tomskie kuptsy: biograficheskiy slovar’ (vtoraya polovina XVIII − nachalo XX v.)* [Tomsk Merchants: Biographical Dictionary (Second Half of the 18th − Early 20th century)]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta. 336 p.

Dorofeev, M.V. (2012). *Istoricheskoe kraevedenie: uchebnoe posobie dlya studentov istoricheskikh fakul’tetov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Local History Studies: Manual for Students of the Departments of History in the Higher Education Institutions]. Novokuznetsk, [n.p.]. 200 p.

Golodyaev, K.A. (2023). *Novosibirsk: zhivaya istoriya* [Novosibirsk: Living History]. Novosibirsk, Muzey Novosibirska. Vol. 1. 396 p.

Goryushkin, L.M. (Ed.). (1993). *Novosibirsk. 100 let. Sobytiya. Lyudi* [100 Years. Events. People]. Novosibirsk, Nauka, Sib. izd. firma. 472 p.

Goryushkin, L.M., Bochanova, G.A., Tseplyaev, L.N. (1976). *Novosibirsk v istoricheskom proshlom (konets XIX − nachalo XX v.)* [Novosibirsk in the Historical Past (Late 19th − Early 20th Century)]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie. 296 p.

Kopylov, V.E. (2000). *Okrik pamyati (Istoriya Tyumenskogo kraya glazami inzhenera)* [Memory’s Hollow (History of the Tyumen Krai as Viewed by an Engineer]. Tyumen, Slovo. Book 1. 336 p.

Minina, N.A. (2018). K istorii obrazovaniya goroda Novo-Nikolaevska [On the History of the Formation of the City of Novo-Nikolaevsk]. In *Istoriya obrazovaniya goroda Novo-Nikolaevska: novyy vzglyad na istoricheskie istochniki*. Novosibirsk, pp. 86−97.

Mirkin, V.V., Morev, V.A. (2008). *Istoriya svyazi Zapadnoy Sibiri v 1860-e − 1940-e gg.* [History of Communications in Western Siberia in the 1860s−1940s]. Tomsk, Optimum. 312 p.

Nemerov, V.F. (2010). *Progulki po staroy Chite* [Walks along the Old Chita]. Chita, Ekspress-Izdatelstvo. 332 p.

Pronin, V.I. (2003). Naselenie Novonikolaevska [Population of Novonikolaevsk]. In *Entsiklopediya Novosibirsk*. Novosibirsk, pp. 555−557.

Rafalsky, S.N., Zharikova, L.A., Kislyakov, Yu.N. (2019). *Ulitsy Novosibirska: Krylova i eshche 36 ulits* [Streets of Novosibirsk: Krylova and the Other 36 Streets]. Novosibirsk, [n.p.]. 464 p.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (2012). *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary on the History of Merchants and Commerce in 2 vols.]. Novosibirsk, GEO. Vol. 1. 450 p.

Rezun, D.Ya. (Ed.). (2013). *Entsiklopedicheskiy slovar po istorii kupechestva i kommertsii Sibiri v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary on the History of Merchants and Commerce in 2 vols.]. Novosibirsk, GEO. Vol. 2. 464 p.

Shakherov, V.P. (2002). Kul'tura i byt gorozhan [Culture and Daily Life of Urban Residents]. In *Irkutsk v panorame vekov: Ocherki istorii goroda*. Irkutsk, pp. 120−133.

Tsyplakov, I.F. (2001). *Imya na karte goroda* [Name on the City's Map]. Novosibirsk, Kniznoe izdatel'stvo. 272 p.

Vorobtsova, L.N. (2023). *Biograficheskiy slovar' predprinimateley Novonikolaevska (1893−1914 gg.)* [Biographical Dictionary of Novonikolaevsk Entrepreneurs (1893−1914)]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy universitet. 330 p.

Zalesov, V. (1992). Solyanaya ploshchad' [Solyanaya Square]. In *Tomskaya starina*. No. 3, pp. 6−7.

Zavarikhin, S.P., Zhuchenko, V.A. (2004). *Arkhitektura Tyumeni* [Architecture of Tyumen]. Tyumen, Raduga-T. 295 p.

Zverev, V.A. (2013). Kogda nachinalsya Novosibirsk? K voprosu o date osnovaniya goroda [When Did Novosibirsk Start? On the Issue of the Date of the City's Founding]. In *Biblioteka sibirskogo kraevedeniya*. Novosibirsk, Egida, pp. 44−48.

А.Е. Сорокин*

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ КУЗНЕЦКА НАЧАЛА XX ВЕКА КРАЕВЕДОМ В.П. ДЕВЯТИЯРОВЫМ

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-21
УДК 930.253

Выходные данные для цитирования:
Сорокин А.Е. Изучение исторической топографии Кузнецка начала XX века краеведом В.П. Девятияровым // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 257–269. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-21.pdf

A.E. Sorokin*

STUDY OF THE HISTORICAL TOPOGRAPHY OF THE CITY OF KUZNETSK AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY BY LOCAL HISTORIAN V.P. DEVYATIYAROV**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-21

How to cite:
Sorokin A.E. Study of the Historical Topography of the City of Kuznetsk at the Beginning of the 20th Century by Local Historian V.P. Devyatiyarov // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 257–269. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-21.pdf]

Abstract. The article examines the research strategies of a Novokuznetsk local historian V.P. Devyatiyarov, who focused on the historical topography of Kuznetsk (today Novokuznetsk) in the early 20th century. In an attempt to fill the gap in cartographic sources on the history of pre-Soviet Kuznetsk, V.P. Devyatiyarov managed to compile a detailed map of the city as it had been in 1918 based on an extensive set of personal sources. The map was based on information obtained by the local historian himself while recording the recollections of the city's old-timers. V.P. Devyatiyarov recorded these recollections in the 1960s–1980s. Today, this extensive set of personal sources, including the testimonies of more than 300 Kuznetsk residents, is kept in the collections of the Novokuznetsk Museum of Local History and constitutes a unique archive dedicated to the city's pre-revolutionary past. These recollections are supported by other sources, such as archival documents and photographs discovered by V.P. Devyatiyarov, allowing not only to reconstruct the historical and social topography of the city of Kuznetsk at the beginning of the last century, but to examine the methods of collecting local history material by the Soviet historian.

Keywords: Soviet local history, historical topography, Kuznetsk, architectural heritage, V.P. Devyatiyarov.

The article has been received by the editor on 02.12.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматриваются исследовательские стратегии новокузнецкого краеведа В.П. Девятиярова (1925–1995), сфокусировавшего интерес на исторической топографии Кузнецка (современного Новокузнецка) начала XX в. Пытаясь восполнить отсутствие картографических материалов по истории досоветского Кузнецка, В.П. Девятиярову удалось на основе обширного комплекса источников личного происхождения составить подробную карту-схему города на 1918 г. В основу карты легли сведения, полученные самим краеведом в ходе записи воспоминаний старожилов города, а также при работе с архивными документами и историческими фотоснимками. Фиксация воспоминаний и работа с источниками производились В.П. Девятияровым в 1960–1980-е гг.

* **Алексей Евгеньевич Сорокин,** Новокузнецкий краеведческий музей, Новокузнецк, Россия, e-mail: al.soc.sorokin@gmail.com
Alexey Evgenyevich Sorokin, Novokuznetsk Museum of Local History, Novokuznetsk, Russia, e-mail: al.soc.sorokin@gmail.com

Рассматриваемые источники обладают высоким информационным потенциалом для изучения на примере города Кузнецка общественно-политической жизни, повседневности, специфики социально-экономического развития, особенностей городской архитектуры сибирского города позднего Нового времени. Сегодня обширный комплекс источников личного происхождения, включающий свидетельства более 300 кузнечан, хранится в фондах Новокузнецкого краеведческого музея и является уникальным архивом, посвященным дореволюционному прошлому города. Подкрепление воспоминаний другими источниками − архивными документами и фотографиями, выявленными В.П. Девятияровым, позволяет не только реконструировать историко-социальную топографию Кузнецка начала прошлого столетия, но и рассмотреть методы сбора краеведческого материала советским историком.

Ключевые слова: советское краеведение, историческая топография, Кузнецк, архитектурное наследие, В.П. Девятияров.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025 г.

Интерес исследователей к истории регионов России имеет многовековую традицию. Важную роль в формировании знаний об определенной территории и в сохранении исторической памяти о людях и событиях играли краеведы-энтузиасты. Значимость обращения к исследовательскому опыту краеведов минувших десятилетий подчеркивал историк-источниковед, председатель Археографической комиссии РАН и первый председатель Союза краеведов России С.О. Шмидт: «Это важно не только для объективного представления об истории накопления и распространения исторических знаний и истории развития общественной мысли, но и для современного развития краеведения»[1].

Личные фонды историков-краеведов представляют большой интерес для исследователей, так как часто в них включены материалы, которые до сих пор не опубликованы. На рубеже XX−XXI вв. был опубликован целый ряд как научно-справочных изданий, посвященных отечественным краеведам[2], так и исследований оставленного некоторыми из них наследия[3].

Цель данной публикации − знакомство читателей с обширным наследием одного из малоизвестных подвижников-энтузиастов Кузбасса, продолжателя местной краеведческой традиции − новокузнецкого историка-краеведа Василия Петровича Девятиярова (1925−1995), а также определение его вклада в изучение исторической топографии и облика города, претерпевшего масштабные изменения в советский период.

Исследования в области городского пространства свидетельствуют об актуальности обращения к историко-социальной топографии, которая позволяет рассматривать историю развития городских территорий, учитывая экономические, социальные и культурные аспекты, проследить в исторической перспективе влияние экономической и социальной

[1] *Шмидт С.О.* Краеведение и документальные памятники. Тверь, 1992. С. 76−77.

[2] См., например: Личные фонды русских историков и краеведов XIX−XX веков в Государственном архиве Владимирской области. Владимир, 1999. (Материалы по истории Владимирской губернии. Вып. 6).

[3] *Мироненко М.П.* Архивы краеведов в «Каталоге личных архивных фондов отечественных историков» // Археографический ежегодник. 2005. Т. 1. С. 269−270; *Сергеенко Е.А.* Личные фонды историков и краеведов в Национальном архиве РС(Я) // Якутский архив. 2012. № 1 (42). С. 88−98; *Зяблецева С.М.* Фонд историка-архивиста и краеведа К.И. Карпова в Архивном отделе Администрации города Великие Луки // Отечественные архивы. 2013. № 3. С. 48−51; *Макарова Р.В., Романова Г.В.* Фонд архивиста и краеведа Л.А. Жвакиной в госархиве Ульяновской области // Отечественные архивы. 2016. № 2. С. 58−62; *Петрова С.Г.* История города Чебоксары в «Записках краеведа» (по документам личного фонда А.И. Терентьева) // Чувашский национальный музей: люди, события, факты. 2019. № 14. С. 100−105; *Карпушкина Д.В., Карчаева Т.Г.* Вклад личного фонда краеведа А.А. Савельева в развитие региональной истории (по материалам Государственного архива Красноярского края) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2021. № 1 (19). С. 124−131; *Рафикова Г.Э.* Личный фонд краеведа А.С. Ларионова в Нижнекамском муниципальном архиве // Эхо веков. 2023. № 2. С. 185−189.

инфраструктуры на формирование городской застройки. При этом в отечественной исторической топографии отмечается сосредоточение интереса на средневековых городах и слабое отражение особенностей городов XIX − начала XX в.[4] Исторической топографии российского города пореформенного времени уделено внимание в диссертационном исследовании А.А. Акашевой, посвященном Нижнему Новгороду[5]. Методики восстановления исторического городского пространства сибирских городов конца XIX − начала XX в. рассматриваются в работах Е.А. Брюхановой, М.В. Рыгаловой и О.И. Чекрыжовой, которые, в частности, отмечают перспективность привлечения к реконструкции городской среды «визуальных источников в виде исторических фотодокументов, гравюр и других изображений городского ландшафта»[6]. Важная роль среди визуальных документов отводится исторической фотографии, способной визуализировать городское пространство и раскрыть отдельные аспекты его развития[7].

В основе источниковой базы данной статьи − неопубликованные документальные материалы личного фонда В.П. Девятиярова, характеризующиеся разнообразием видового состава и тематики источников: копии архивных документов, воспоминания старожилов, личные бумаги, а также изобразительные источники, включающие уникальную коллекцию исторических фотографий с видами старого Кузнецка, карты и схемы. Данный архив хранится в фондах Новокузнецкого краеведческого музея[8], сведения о некоторых формирующих его материалах уже были введены в научный оборот[9].

Новокузнецкий краевед Владимир Петрович Девятияров − уроженец дер. Верх-Коурак Тогучинского района Новосибирской области. В феврале 1943 г. он был призван в ряды Красной армии, с июля участвовал в боевых действиях на 1-м Украинском фронте, 15 сентября 1943 г. получил тяжелое ранение. После лечения в госпитале почти 6 лет служил в частях внутренних войск, затем работал в Западно-Сибирском геологическом управлении, в начале 1950-х гг. был выдвинут на комсомольскую, а затем на партийную работу. С 1950 г. проживал в г. Сталинске (ныне Новокузнецке). После окончания исторического факультета Кемеровского педагогического института в 1961 г. начал педагогическую деятельность в школе № 62 г. Новокузнецка, впоследствии став ее директором. С 1969 г. до выхода на пенсию (1985 г.) работал в парторганизациях и в отделах кадров промышленных предприятий Новокузнецка[10]. Награжден медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941−1945 гг.» (1946) и орденом Отечественной войны II степени (1985). В 1982 г. за многолетнее пребывание в рядах КПСС, большой личный вклад в дело коммунистического воспитания трудящихся и в общественную жизнь Кузнецкого района г. Новокуз-

[4] *Рыгалова М.В., Брюханова Е.А.* Историческая и социальная топография города: историографический обзор // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5 (97). С. 159.

[5] *Акашева А.А.* Нижний Новгород в 1860−1890-е гг. Методика реконструкции социокультурного пространства города: автореф. дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2006.

[6] *Чекрыжова О.И., Брюханова Е.А.* Исторические электронные ресурсы для изучения социальной топографии Сибирских городов конца XIX − начала XX в. (особенности создания и использования) // Society and Security Insights. 2019. Т. 2, № 4. С. 141.

[7] *Чекрыжова О.И.* Фотодокументы как источник для реконструкции социальной топографии и инфраструктуры городов Сибири второй половины XVIII − начала XX в. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2017. № 46 (ноябрь). С. 132−135.

[8] Новокузнецкий краеведческий музей (НКМ). НФ-Д. Оп. 1. Р-8.

[9] *Майорова Е.В.* Формы хозяйственной деятельности жителей г. Кузнецка в конце XIX − начале XX вв. (по воспоминаниям старожилов) // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 68−87; *Сорокин А.Е., Кимеева Т.И.* Опыт и перспективы репрезентации архива воспоминаний старожилов г. Кузнецка музейными средствами // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 61. С. 50−58; *Кимеева Т.И., Сорокин А.Е.* Устноисторические источники в музейной реконструкции топографии сибирского города начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2025. № 2 (63). С. 42−46.

[10] *Майорова Е.В., Ульянова И.В.* Памяти В.П. Девятиярова // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 147−150.

нецка награжден Почетной грамотой Кузнецкого райкома КПСС и исполкома Совета народных депутатов[11].

Еще будучи учителем истории, В.П. Девятияров заинтересовался историей Новокузнецка (бывшего Кузнецка). С середины 1960-х гг. приступил к записи воспоминаний старожилов города − свидетелей революционных событий, первые встречи с которыми провел в 1964−1965 гг. На ранних этапах внимание исследователя было сфокусировано на установлении советской власти в г. Кузнецке, а также на событиях завершающего этапа Гражданской войны в Кузнецком уезде (конец 1919 г. − начало 1920 г). Об этом говорят публикации В.П. Девятиярова в новокузнецкой прессе[12]. Со временем круг интересовавших его тем расширяется. Результатом исследований, которыми краевед занимался на протяжении 25 лет в свободное от основной работы время, стал не только обширный комплекс воспоминаний, но и исторические сведения из архивов, с которыми он активно работал в 1980-е гг. Параллельно формируется ценнейший фотофонд, укомплектованный в первую очередь снимками из семейных фотоальбомов кузнечан.

Сам Владимир Петрович определял цели своих исторических изысканий в письмах своим респондентам, проживавшим уже вне города. Так, в 1985 г. он пишет потенциальному информанту: «Вот уже 15 лет как собираю краеведческий материал об экономике, хозяйственной жизни жителей Кузнецка и его уезда, о быте, культуре, о Первой мировой войне, установлении советской власти в Кузнецке, о ее свержении (весна и лето 1918 года), об установлении старой власти (контрреволюционной белогвардейской Сибирского Омского правительства) непосредственно в Кузнецке, а затем о колчаковском режиме, о перевороте в ночь с 1-го на 2-е декабря 1919 года, о роговщине, о 312 полку Красной армии, о вторичном установлении советской власти в конце 1919 − начале 1920 годов, о НЭПе в Кузнецке, до строительства КМК, вернее, до начала 30-х годов. Я выслушал и записал воспоминания примерно 200−210 [человек], это старожители Кузнецка»[13]. Итоговым результатом своей работы В.П. Девятияров видел издание книги, посвященной жизни города Кузнецка первой трети XX в. Однако вследствие болезни эти планы не реализовались, но по сбору и систематизации воспоминаний проведена большая работа.

К началу XX в. Кузнецк − небольшой уездный город в Томской губернии с населением около 4 000 жителей. Со времен первых пятилеток территория бывшего Кузнецка постепенно превращается в один из районов крупного индустриального города. Это было связано в первую очередь со строительством на противоположном городу левом берегу р. Томь в 1929−1932 гг. Кузнецкого металлургического комбината, а также с активным развитием при новом предприятии уже г. Новокузнецка[14]. 2 марта 1932 г. города Кузнецк и Новокузнецк объединяются в один город с присвоением ему названия Новокузнецк (с 5 мая 1932 г. до 5 ноября 1961 г. Новокузнецк назывался Сталинском). Таким образом, с 1932 г. Кузнецк находится в составе Новокузнецка (в 1932−1961 гг. − Сталинска) на правах Старокузнецкого, а позже − Кузнецкого района.

Капитальное гражданское строительство в советское время на территории Старокузнецкого района начинается в 1940-е гг. благодаря новым металлургическим предприятиям, начавшим свою работу в годы Великой Отечественной войны, − ферросплавному (1942) и алюминиевому заводам (1943). Характерной особенностью послевоенного развития района стало отведение территории под застройку у границы бывшего Кузнецка. Селитебная часть в 1940−1950-е гг. развивалась к северо-востоку от дореволюционной застройки, существенно не затронув историческую часть города. К концу 1960-х гг. с развитием массового жилого строительства начинается активный снос деревянных и кирпичных зданий XIX в. постройки

[11] Трудовая книжка Девятиярова В.П. 1957−1985 гг. // НКМ. Ед. хр. КП-8045.
[12] *Девятияров В.П.* Военный комиссар Совдепа // Кузнецкий рабочий. 1988. № 160 (19 авг.). С. 2−3; *Девятияров В.П.* Казначей Совдепа // Кузнецкий рабочий. 1987. № 172 (5 сент.). С. 2; *Девятияров В.П.* Они были первыми: из истории женского движения в Кузнецке // Кузнецкий рабочий. 1987. № 71 (10 апр.). С. 2; *Девятияров В.П.* Первый председатель // Кузнецкий рабочий. 1987. № 232 (24 дек.). С. 2.
[13] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Л. 137−138.
[14] Этой героической вехе посвящена повесть И.Г. Эренбурга «День второй».

в центральной − «Нагорной» части бывшего Кузнецка. В итоге в 1970-е гг. облик Кузнецкого района существенно изменяется. Территория близ Советской площади и начала ул. Ленина оказалась застроена новыми пяти- и девятиэтажными жилыми зданиями, а значительная часть дореволюционных зданий была снесена. Такое бурное развитие территории бывшего Кузнецка уготовило для новокузнецкого краеведа немало трудностей при изучении исторической топографии. В 1985 г. в одном из комментариев В.П. Девятияров отмечал: «Сегодня же съездил на Форштадт, на ул. Серафимовича. Разобраться сложно. Люди смешались, дома снесены, некоторые вновь выстроены»[15].

Несмотря на небольшую территорию, городской социокультурный ландшафт досоветского Кузнецка формировался значительное время − почти 300 лет. К началу XX в. Кузнецк включал в себя пять районов: Подкамень, Нагорье, Подгорье, Форштадт и Слободку. При относительной однородности застройки, социально-демографического состава и особенностей хозяйственной жизни всех пяти территорий каждый из районов отличался своей спецификой, обусловленной историческими предпосылками, наличием общественных пространств, производств и географических особенностей.

В первую очередь стоит остановиться на содержании воспоминаний и выделить в мемуарных источниках способы повествования об исторической застройке Кузнецка. Текст каждого воспоминания, записанный В.П. Девятияровым со слов собеседника, представлен в виде единого связного повествования. Общая логика беседы исследователя с респондентами включает в себя последовательные блоки сведений: время и место беседы, сведения о респонденте и его семье, рассказ о доме, в котором проживал респондент в начале XX в., сведения о трудовой деятельности, включенность информанта и его родственников, знакомых, соседей в общественную жизнь и участие в важных исторических событиях, а также воспоминания о других кузнечанах. В рамках нашей темы крайне любопытны сведения, посвященные описанию собственных и соседских жилищ и усадеб, их места в общей географической, хозяйственно-экономической и социокультурной структуре городской среды. Обратимся к завершающему блоку воспоминаний одной из кузнечанок:

«В конце улицы Лагерной жили:

1. Голев Николай Герасимович с женой Ириной Васильевной. В хозяйстве имели одну лошадь, две коровы, несколько овец. Сам хозяин − вечный батрак, умер в 1916 году, Ирина Васильевна умерла в 1915 году. <…>

2. Ивлев Николай Матвеевич − плотничал, строил амбары, бани, сараи, городил огороды и т.д. В хозяйстве имел 2 лошади и 2 коровы. В семье были сыновья − Яков Николаевич, Михаил Николаевич и дочь Анна Николаевна (умерла до роговцев). Сын Михаил был пильщиком на продольной пиле, ходил с напарником по дворам пилить тес и плахи. При колчаковской власти Ивлев Михаил служил в колчаковской милиции города Кузнецка. Когда в Кузнецк вошли роговцы, они не раз водили его на допросы, но оставили живым. Потом при советской власти Михаил Ивлев продал свой дом и уехал куда-то в деревню.

3. Сорокин Иван (отчество не помню), его хозяйка умерла, когда мне было восемь лет»[16].

Зачастую такое повествование позволяло развернуть подробный рассказ о семейных отношениях, специфике усадебной территории или особенностях хозяйствования кузнецких семей. Так, кузнечанин В.И. Куртуков, перечисляя проживавших на соседних с ним улицах, подробно останавливается на некоторых соседях: «Безбородов Иван Петрович − имел кирпичный завод под тесовой крышей на месте за ручьем Казачьим, где теперь гараж автобазы. Сын его Александр окончил училище, а потом институт и стал инженером. Дочь Мария живет в Москве − замужем за комендантом города Москвы, дочь Дуся − (старшая, 1900 г. рождения) была учительницей в Кузнецке (Евдокия Ивановна Безбородова), уехала жить к сыну в Москву. <…> Кроме изготовления кирпича и его сбыта

[15] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 39. Л. 36−38.
[16] Там же. Д. 37. Л. 258−264.

И.П. Безбородов по договору с городской управой на своих лошадях возил почту от Кузнецка до Ильинки. В хозяйстве он держал 12 лошадей и 4−5 коров»[17].

Яркой иллюстрацией долгой и кропотливой работы В.П. Девятиярова является составленная им на основе воспоминаний кузнечан карта Кузнецка на 1918 г. Созданный исследователем картографический документ восполнил историческую лакуну − отсутствие карты досоветского Кузнецка. На карте-схеме, составленной Девятияровым, указаны районы, улицы и переулки города, отмечены все 660 частных и общественных зданий Кузнецка с указаний домовладельца каждого из них. О составлении карты сам краевед своим респондентам сообщал в письмах следующее: «Карта г. Кузнецка должна быть начерчена со старыми домами и на каждом доме будет написано, кто здесь жил на 1919 или 1920 год, не позднее»[18]; «Дело в том, что я составляю карту г. Кузнецка досоветского периода − на 1919−1920 годы, указываю улицу досоветского названия и подписываю каждого жителя по фамилии, имени, отчеству, кто жил в доме на период 1919−1920 года»[19]. Впоследствии в качестве датировки карты-схемы был выбран 1918 год. Эта хронологическая рамка исследователем строго соблюдалась, о чем он не раз пишет в комментариях к воспоминаниям: «В 1922 г. она купила тот сруб за Мясоедовыми, построила дом, потом сошлась жить с Дедюгиным Иваном Зиновьевичем, имея на руках своих 2-х детей. Дом этот на карту заносить не следует»[20].

Составление подробной карты города с указанием всех зданий и их владельцев было обусловлено рядом причин, главная из которых − отсутствие подобного картографического документа, отражающего реалии досоветского Кузнецка. Работа над картой определила и специфику содержания архива − В.П. Девятияров группировал воспоминания по топографическому признаку, и значительная часть мемуарных источников оказалась распределена по пяти основным разделам, соответствующим районам Кузнецка: Подкамень, Нагорье, Подгорье, Форштадт и Слободка.

Отметим среди немногочисленных работ, посвященных архиву воспоминаний, собранных В.П. Девятияровым, статью Е.В. Майоровой 1999 г.[21], в которой отражен итог анализа хозяйственного уклада жителей Кузнецка начала прошлого столетия. Сведения из мемуарных источников автором публикации систематизированы по роду деятельности: скотоводство, хлебопашество, табаководство, столярный, плотничный, бондарный и экипажный промыслы, каменные и печные работы, кузнечный и слесарный промыслы, мыловарение, кирпичное и гончарное производство, кожевенно-овчинный, шерстобитно-пимокатный и канатно-веревочный и другие промыслы. В отдельных случаях автор работы рассматривает географию распространения определенных видов хозяйственной деятельности в соответствии с городским районированием.

Районирование Кузнецка было неофициальным, но вместе с тем вполне конвенциональным. Рядом респондентов В.П. Девятиярова из числа старожилов описывается каждый район, включая его границы и территориальные особенности: «По своему географическому расположению территория самого города Кузнецка подразделялась на пять районов. Названия районов даны самим населением.

Центр, или Нагорье − это часть города, расположенная ниже крепостной горы, куда входили Базарная и Соборная площади и далее жилой район в сторону винзавода и до пивзаводского оврага. В Нагорной части размещались учреждения, магазины, училища, народный дом, аптека, дома жителей прилегающих улиц и переулков»[22].

В отличие от центральной, Нагорной части города, где располагались магазины, учреждения и дома купеческих семей, другие районы Кузнецка также имели свою специфику − географическую и социально-экономическую. Так, например, значительную часть Подгорья,

[17] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 155−167.
[18] Там же. Д. 39. Л. 36−38.
[19] Там же. Л. 121−134.
[20] Там же. Л. 111−119.
[21] *Майорова Е.В.* Формы хозяйственной деятельности…
[22] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Л. 205−239.

границы которого были ограничены Картасским ручьем и речкой Казачьей, занимали многочисленные болота, что позволяло на этих свободных от жилой застройки участках организовывать горожанам небольшие производства. Два наиболее отдаленных от центра района, расположенных на периферии и выходящие к городской границе, − Форштадт и Слободка стали местами активной постройки новых жилых домов, строительство которых продолжалось всю первую треть XX в. Все эти выводы сделаны на основе зафиксированного В.П. Девятияровым материала и подтверждаются многочисленными свидетельствами старожилов Кузнецка.

Немалое внимание в архиве В.П. Девятиярова уделено городской топонимике. В одном из писем исследователь сообщает адресату: «И все ищу старожителей Кузнецка, по крупинкам собираю исторические данные о Кузнецке. Заканчиваю в черновом карту г. Кузнецка с его старыми названиями улиц, переулков, фамилии, имена, отчества жителей Кузнецка, их дом − все это “посажено” на карте»[23].

Зафиксированные краеведом сведения опираются не только на личные свидетельства его собеседников, но и на архивные источники, с которыми В.П. Девятияров активно работает в 1980-е гг. Исследовательские обобщения позволяют рассмотреть работу краеведа с кузнецкими топонимами. Так, в архиве исследователя отложились рукописные копии постановлений уполномоченных Кузнецкого городского общественного управления и статистические отчеты по Кузнецку и Кузнецкому уезду рубежа XIX−XX вв. После записи каждой копии В.П. Девятияров составляет, во-первых, «пофамильные упоминания» кузнечан в этих документах, а во-вторых, отмечает «названия частей (районов) города Кузнецка, улиц, переулков, площадей, других памятных мест и зданий». Эти сведения уточнялись и дополнялись в ходе бесед с респондентами.

В.П. Девятияровым также рассматривается развитие уличной сети Кузнецка в первые годы советской власти, фиксируются изменения в городской топонимике, например: «Куртуков В.И. помнит, что улица Пятилетка до Советской власти называлась Продольной, потом, при Советской власти сначала улицей Троцкого, затем − Пионерской и только в 1930-х годах ее назвали Пятилеткой»[24].

Значительное внимание в эго-текстах из архива Девятиярова уделено истории строительства и приобретения жилых домов в Кузнецке самими респондентами или их предками: «Жить стали в доме отца по ул. Картасской, в том доме, который приплавлен из деревни Муратовой и поставлен из деревни Муратовой и поставлен в 1885 году»[25]. Скрупулезно В.П. Девятияров фиксирует содержание касающихся недвижимости документов, предоставленных респондентами. Кузнечанин Ф.И. Антипин сообщал: «Родители <…> жили на улице Казачьей (позднее улица Свободы, рядом со рвом, недалеко от пивоваренного завода). Как свидетельствует документ − проект застройки усадьбы и типовой план строительства дома, начерченный кузнецким мещанином Петром Васильевичем Конюховым 4 июня 1884 года, дом Антипиных выстроен где-то в 1885−1886 годах»[26].

В приложении к воспоминаниям Е.П. Калмановой размещены рукописные копии трех документов:

«1. Осмотр Кузнецкой городской Управой проекта фасада дома для постройки его мещанином Федором Тюменцевым. 22 августа 1885 года.

2. Рассмотрение плана и фасада дома, предполагаемого к постройке мещанином Федором Тюменцевым, приобретенного от мещанина Александра Дмитриевича Петрова. 14 августа 1885 года.

3. Запродажная запись о продаже Иваном Павловичем Рохиным Петру Ермолаевичу Калныневу участка земли <…>. 23 августа 1908 года»[27].

[23] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Д. 41.
[24] Там же. Д. 37. Л. 155−167.
[25] Там же. Д. 34. Л. 81−90.
[26] Там же. Д. 35. Л. 1−23.
[27] Там же. Л. 169−177.

Крайне любопытны фрагменты воспоминаний, посвященные описанию собственных и соседских жилищ и усадеб, их места в общей географической, хозяйственно-экономической и социокультурной структуре городской среды. Значительная работа в рамках записи воспоминаний коснулась реконструкции отдельных улиц г. Кузнецка. Как отмечалось выше, в ходе бесед В.П. Девятияров подробно фиксировал всех домовладельцев и краткие сведения о составе их семей и трудовой занятости. Рассказ интервьюируемых сопровождался зарисовкой схем улиц. Так, например, кузнечанка Е.И. Мазакова в завершающей части воспоминаний сообщала:

«По Арсенальскому переулку

Между домом Рожкова Феофана Николаевича, что стоит на ул. Достоевского и домом Трофимова Кирилла Афанасьевича (на ул. Зеленой) жили Зенковы Иван Васильевич с Евдокией Афанасьевной.

Иван Васильевич Зенков был дядей (по отцу) старейшего учителя Кузнецка − Перфилия Гавриловича Зенкова, а Ткач Алексей Григорьевич − был тоже племянником Евдокии Афанасьевны (по матери).

Зенков Иван Васильевич − чеботарь (починял обувь), жена его − Евдокия Афанасьевна − по заказу стежила людям одеяла. Детей у них не было, в хозяйстве держали лошадь да корову.

На другой стороне Арсенальского переулка, между домами Мазакова Михаила Павловича и Бастригина Николая Ивановича жила в доме семья почтальона Васильева Абрама Васильевича. Жену его звали Ольгой Ивановной. В декабре 1919 г. роговцы убили того почтальона В.А. Васильева. В семье их были дети: сын − Веня, и три девочки (одну звали Гутя)»[28].

По возможности фиксировалось описание внутренней планировки посещений. В первую очередь это касалось общественных пространств города. Кузнечанин И.Ф. Вилисов, работавший с 1911 г. официантом в Купеческом собрании, расположенном в доме бывшего золотопромышленника С.Е. Шукшина, подробно рассказывает о деятельности Купеческого собрания. Текст воспоминаний И.Ф. Вилисова подкреплен схемой планировки помещения Купеческого собрания: игральная комната в карты, бильярдная, буфет, зал, сцена, гардероб, орган, лестница[29].

В.П. Шукшина в 1981 г. составила схему размещения комнат в доме купца С.Е. Шукшина, к тому времени уже снесенного, в котором она проживала в конце 1910-х гг.[30] Сам В.П. Девятияров по возможности также фиксировал особенности строений, готовящихся к сносу в 1970-е гг.: «Двухэтажный деревянный дом Григория Утенко пустовал перед сломом. Я заходил и на глаз зарисовал его внутреннее размещение, число окон, дверей, печей, коридоров. Заходил в 1974 г.»[31].

В.П. Девятияровым на основе воспоминаний кузнечанина Д.А. Быкова была составлена схема расположения зданий тюрьмы на территории Кузнецкой крепости, действовавшей до декабря 1919 г.[32] Схема расположения тюремных строений уточнена и на основе воспоминаний другого кузнечанина − Л.В. Лоншакова[33]. Также на основе сведений, полученных от Л.В. Лоншакова и В.К. Попугаева, определены расположения зданий местной Кузнецкой воинской команды[34]. Базируясь на десятках воспоминаний, удалось подробно описать все строения Базарной площади города с указанием владельца каждого магазина и каждой лавки. Уточненные и соотнесенные между собой схемы разных городских пространств наносились исследователем на итоговый вариант карты-схемы Кузнецка 1918 г.

[28] НКМ. НФ-Д. Оп-1. Р-8. Д. 33. Л. 293−299.
[29] Там же. Д. 37. Л. 73−87.
[30] Там же. Д. 35. Л. 303−312.
[31] Там же. Л. 280.
[32] Там же. Д. 37. Л. 5−46.
[33] Там же. Д. 33. Л. 268−290.
[34] Там же. Д. 35. Л. 205−239.

Серьезная выборка (более 300 респондентов) позволила В.П. Девятиярову совершать перекрестный опрос старожилов, а также добиться высокой степени достоверности сведений, основанных на частных свидетельствах сразу нескольких информантов («Был у Нины Ивановны Марасовой. Вслух зачитал Нине Ивановне все написанное от двух ее рассказов. Рассказал ей, что некоторые старожители Кузнецка, как Полосухин Антон Иванович, не согласны с некоторыми ее сообщениями…»[35]; «Размещение домов и улиц Слободки Иван Константинович признал правильным. Рассмотрели каждого жителя»[36]). Впоследствии ряд записанных краеведом сведений дополнялся более поздними исследовательскими комментариями, например: «[Майбородов Александр жил здесь уже] в советское время. Проверил Девятияров 27.03.1983 г.»[37]

Зафиксированные сведения позволяют установить непосредственных исполнителей работ по строительству и оформлению некоторых зданий Кузнецка: «Со слов отца она [А.К. Шинкаренко] помнит, что был он в Кузнецке бондарем и столяром. Это он делал хозяину пивзавода Красимовичу вырезанные наличники к окнам вновь отстроенного большого дома. Это отец делал большие деревянные чаны под пиво тому же Красимовичу. Отец же рассказывал, что это он делал резные наличины к окнам одному из купцов М.Э. Окулову или Д.И. Шутову»[38].

В 1966 г. В.К. Шмыков сообщал в письме В.П. Девятиярову: «Отец мой, Карп Савателевич Шмыков, участвовал в стройке [Народного] дома [им. Пушкина], как десятник, прораб по-нынешнему. Он был плотник. <…> Золотопромышленник, городской голова Попов Степан Егорович <…> доверил стройку моему отцу, он руководил плотничьими работами, выдавал по субботам рабочим заработанные деньги. Народный дом строили примерно в 1901−1904 годах <…>. Сосновый лес “сутунки” был приплавлен по Томи на левый берег, где теперь деревообделочный завод»[39].

В.П. Девятияров в 1970−1980-е гг. активно пополняет свой архив не только историческими фотоснимками, но и фотографиями еще уцелевших к этому времени досоветских зданий. Так, в архиве отложился ряд фотографий, сделанных фотографом М.С. Бугаевым. Фотограф запечатлел здания, большая часть из которых впоследствии была утрачена. Исследователь подкреплял этими фотокадрами тексты воспоминаний. Среди снимков бывшие купеческие жилые строения и дома кузнецких мещан.

Сохранение сведений об исторических зданиях города производилось и на основе документального наследия досоветской эпохи. В архиве Девятиярова сохранилась почтовая карточка 1915 г. с фотографией Народного дома им. А.С. Пушкина в Кузнецке. На обороте оригинала − адресованное кузнечанину Н.А. Майнакову рукописное поздравление с Новым годом от А. Уманского, отправленное в Кузнецк из действующей армии[40]. Параллельно с этим В.П. Девятияровым сделана копия этого снимка, также отложившаяся в архиве. На обороте пометы исследователя, посвященные зданиям, запечатленным фотографом в 1915 г.: «г. Кузнецк. Вид Народного дома и последних трех домов по переулку Одигитриевскому, позднее − улица Народная (в советское время − улица Народная).

1. Народный дом имени А.С. Пушкина.
2. Дом Савельева Григория Савельевича.
3. Флигель Комлева (в 1920-х гг. [здесь] жил Псарёв К.)
4. Дом Комлева (Куртегешева Ивана Ивановича).

Перефотографировано в мае 1989 г. с фотооткрытки, присланной с фронта из действующей армии от 6 декабря 1915 г. Абрамом Уманским в г. Кузнецк другу Н.А. Майнакову.

В.П. Девятияров, 21.05.1989 г.».

[35] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 178−185.
[36] Там же. Л. 283.
[37] Там же. Д. 39. Л. 11−20.
[38] Там же. Д. 33. Л. 560−565.
[39] Там же. Д. 37. Л. 329−335.
[40] НКМ. КП-7267/62. ИФ-4453.

Отметим, что фотографии рассматриваются исследователем не только как мемориальные предметы, но и как важные источники, иллюстрирующие состояние жилой застройки. На основе фотоматериалов В.П. Девятияров фиксирует названия улиц и переулков, историю изменения городской топонимики, а также отмечает домовладельцев зданий, попавших в объектив фотографов. Так, фотоснимок Советской (бывшей Базарной) площади 1929 г. снабжен комментарием В.П. Девятиярова: «1. Слева: каменный магазин А.И. Емельяновой, потом купца М.Э. Окулова (высокое каменное крыльцо).

2. Деревянный магазин купца Ермолаева (деревянное крыльцо).

3. Дом приказчика В.В. Буханова. За штакетником и тополями − влево, к крепостной горе шла улица Крепостная (Грибоедова).

4. Вдаль, к винзаводу, начало Базарного переулка (ул. Ленина).

5. Справа − дом купца М.Э. Окулова (позднее − в нем почта)»[41].

На этом примере видно, что комментарии к фото содержат не только наименование запечатленных зданий, но и историю их эксплуатации в дореволюционную и в советскую эпоху. Наряду с этим фиксируется расположение улиц, запечатленных фотографом, а также указано изменение их названий в первые годы советской власти.

К практике рассмотрения исторических фото с собеседниками В.П. Девятияров активно обращается уже во второй половине 1980-х гг., когда был сформирован достаточный фотофонд. Часть фотографий побуждала респондентов к более развернутому рассказу о локациях г. Кузнецка: «Разговаривал о фотографиях отдельных видов г. Кузнецка, зданий и жителей. <…> Вид из района “Подгорья” вдоль улицы Подгорной (сейчас Антарктическая). Сразу на фотографии указал Народный дом, городское училище, домик слева под горой − это дом дяди Васи (Василия Савинцева). Повозка с лошадью поднимается на взгор на ул. Красную (бывшая Артиллерийская)»[42]. Перспективы изучения и репрезентации фотофонда краеведа изложены нами в статье «Фотографический архив краеведа В.П. Девятиярова: опыт и перспективы музейной репрезентации»[43].

Вписанный в контекст стремительно развивающегося индустриального Новокузнецка старый Кузнецк, начиная с первых лет советской власти, переживает ряд значительных изменений, затронувших в первую очередь общественные здания: «Красулины в Кузнецке жили богато. Это их кирпичный двухэтажный дом, который стоял в начале ул. Грибоедова, и в котором после Великой Отечественной войны и вплоть до сноса его размещалось шестое отделение милиции»[44].

Ряд эпизодов, упоминаемых старожилами, посвящен истории сноса общественных зданий Кузнецка, в частности храмов: «Когда в 1919 году в Кузнецке были роговцы, они сожгли все церкви. И вот теперь, в 1929−1930 годах я и Степан Алмадаков разбирали кирпич бывшего здания церкви на кладбище, кирпич шел на ремонт других домов. Бывшая Богородская церковь у казначейства пустовала. <…> Мы выбрали камень фундамента, подставили деревянные стойки, потом эти стойки облили керосином и подожгли. Стойки подгорели, и церковь рухнула в 4 часа»[45]. Отражена в воспоминаниях и история утраты жилых строений: «Жила в своем доме родителей до 1964 года, пока эти частные дома не попали под снос для строительства коммунальных домов»[46].

Комплекс воспоминаний кузнечан позволяет проследить историю изменения архитектурного облика ряда зданий («Городская управа находилась в 2-х этажном деревянном здании по ул. Достоевского недалеко от дома Попова. На крыше здания надстроена пожарная вышка»[47]). Перестройка зданий на частных усадьбах города осуществлялась в первую

[41] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 35. Л. 29−74.
[42] Там же. Д. 34. Л. 122.
[43] *Сорокин А.Е.* Фотографический архив…
[44] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 37. Л. 216−219.
[45] Там же. Л. 207−212.
[46] Там же. Л. 274.
[47] Там же. Д. 34. Л. 28−33.

очередь с целью расширения жилых площадей: «Гаврил Семенович продал свой дом, а баню перестроил в избу, где доживал свои годы»[48].

Таким образом, благодаря сформированному В.П. Девятияровым архиву по истории города Кузнецка начала XX в. стало возможным реконструировать процесс формирования районов и улиц города в досоветское время. Архивные сведения и источники личного происхождения проливают свет на историю появления не только общественных, но и жилых зданий города. Созданный советским краеведом новый картографический документ − карта-схема Кузнецка 1918 г. − позволяет исследовать не только историческую топографию, но и установить связь многих архитектурных объектов с непосредственными свидетелями разворачивающихся в них событий − с жителями Кузнецка. Устные описания, зарисовки и фотофиксация архитектурных деталей ныне утраченных зданий расширяют исследовательские горизонты при изучении утраченного архитектурного наследия небольшого сибирского города, а комплексный исторический архив позволяет продолжать исторические изыскания, а также расширять деятельность по репрезентации прошлого города Кузнецка в формате выставочных проектов, городских экскурсионных маршрутов и исторических публикаций.

В целом хранящиеся в фондах Новокузнецкого краеведческого музея источники личного происхождения, зафиксированные В.П. Девятияровым, обладают высоким информационным потенциалом для изучения на примере города Кузнецка общественно-политической жизни, повседневности, специфики социально-экономического развития, особенностей городской архитектуры сибирского города позднего Нового времени.

Литература

Акашева А.А. Нижний Новгород в 1860−1890-е гг. Методика реконструкции социокультурного пространства города: автореф. дис. … канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2006. 25 с.

Зяблецева С.М. Фонд историка-архивиста и краеведа К.И. Карпова в Архивном отделе Администрации города Великие Луки // Отечественные архивы. 2013. № 3. С. 48−51.

Карпушкина Д.В., Карчаева Т.Г. Вклад личного фонда краеведа А.А. Савельева в развитие региональной истории (по материалам Государственного архива Красноярского края) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2021. № 1 (19). С. 124−131.

Кимеева Т.И., Сорокин А.Е. Устноисторические источники в музейной реконструкции топографии сибирского города начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2025. № 2 (63). С. 42−46.

Личные фонды русских историков и краеведов XIX−XX веков в Государственном архиве Владимирской области / сост. Г.Д. Овчинников; ред. А.А. Ковзун. Владимир, 1999. 48 с. (Материалы по истории Владимирской губернии. Вып. 6).

Майорова Е.В. Формы хозяйственной деятельности жителей г. Кузнецка в конце XIX − начале XX вв. (по воспоминаниям старожилов) // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 68−87.

Майорова Е.В., Ульянова И.В. Памяти В.П. Девятиярова // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 147−150.

Макарова Р.В., Романова Г.В. Фонд архивиста и краеведа Л.А. Жвакиной в госархиве Ульяновской области // Отечественные архивы. 2016. № 2. С. 58−62.

Мироненко М.П. Архивы краеведов в «Каталоге личных архивных фондов отечественных историков» // Археографический ежегодник. 2005. Т. 1. С. 269−270.

Петрова С.Г. История города Чебоксары в «Записках краеведа» (по документам личного фонда А.И. Терентьева) // Чувашский национальный музей: люди, события, факты. 2019. № 14. С. 100−105.

Рафикова Г.Э. Личный фонд краеведа А.С. Ларионова в Нижнекамском муниципальном архиве // Эхо веков. 2023. № 2. С. 185−189.

[48] НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р-8. Д. 33. Л. 377−388.

Рыгалова М.В., Брюханова Е.А. Историческая и социальная топография города: историографический обзор // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5 (97). С. 156−160.

Сергеенко Е.А. Личные фонды историков и краеведов в Национальном архиве РС(Я) // Якутский архив. 2012. № 1 (42). С. 88−98.

Сорокин А.Е. Фотографический архив краеведа В.П. Девятиярова: опыт и перспективы музейной репрезентации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2025. Т. 31, № 2. С. 166−177.

Сорокин А.Е., Кимеева Т.И. Опыт и перспективы репрезентации архива воспоминаний старожилов г. Кузнецка музейными средствами // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 61. С. 50−58.

Чекрыжова О.И. Фотодокументы как источник для реконструкции социальной топографии и инфраструктуры городов Сибири второй половины XVIII начала XX в. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2017. № 46 (ноябрь). С. 132−135.

Чекрыжова О.И., Брюханова Е.А. Исторические электронные ресурсы для изучения социальной топографии Сибирских городов конца XIX − начала XX в. (особенности создания и использования) // Society and Security Insights. 2019. Т. 2, № 4. С. 138−144.

References

Akasheva, A.A. (2006). *Nizhniy Novgorod v 1860−1890-e gg. Metodika rekonstruktsii sotsiokul'turnogo prostranstva goroda* [Nizhny Novgorod in the 1860s−1890s: Methodology for Reconstructing the City's Sociocultural Space], Cand. hist. sci. diss. abstract. Nizhny Novgorod. 25 p.

Chekryzhova, O.I. (2017). Fotodokumenty kak istochnik dlya rekonstruktsii sotsial'noy topografii i infrastruktury gorodov Sibiri vtoroy poloviny XVIII −nachala XX v. [Photographic Documents as a Source for the Reconstruction of the Social Topography and Infrastructure of Siberian Cities in the Second Half of the 18th − Early 20th Century]. In *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*. No. 46, pp. 132−135.

Chekryzhova, O.I., Bryukhanova, E.A. (2019). Istoricheskie elektronnye resursy dlya izucheniya sotsial'noy topografii Sibirskikh gorodov kontsa XIX − nachala XX v. (osobennosti sozdaniya i ispol'zovaniya) [Electronic Historical Resources for Studying the Social Topography of Siberian Cities of the Late 19th − Early 20th Centuries (Features of Creation and Use)]. In *Society and Security Insights*. Vol. 2, No. 4, pp. 138−144.

Karpushkina, D.V., Karchaeva, T.G. (2021). Vklad lichnogo fonda kraeveda A.A. Savel'eva v razvitie regional'noy istorii (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Krasnoyarskogo kraya) [The Contribution of the Personal Collection of Local Historian A.A. Savelyev to the Development of Regional History (Based on Materials from the State Archives of Krasnoyarsk Krai)]. In *Sotsial'no-ekonomicheskiy i gumanitarnyy zhurnal*. No. 1 (19), pp. 124−131.

Kimeeva, T.I., Sorokin, A.E. (2025). Ustnoistoricheskie istochniki v muzeynoy rekonstruktsii topografii sibirskogo goroda nachala XX v. [Oral Historical Sources in the Museum Reconstruction of the Topography of a Siberian City of the Early 20th Century]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. No. 2 (63), pp. 42−46.

Maiorova, E.V. (1999). Formy khozyaystvennoy deyatel'nosti zhiteley g. Kuznetska v kontse XIX − nach. XX vv. (po vospominaniyam starozhilov) [Forms of Economic Activity of Residents of Kuznetsk in the Late 19th − Early 20th Centuries (Based on the Recollections of Old-timers)]. In *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk. Iss. 3, pp. 68−87.

Maiorova, E.V., Ul'yanova, I.V. (1999). Pamyati V.P. Devyatiyarova [In Memory of V.P. Devyatiyarov]. In *Kuznetskaya starina*. Novokuznetsk. Iss. 3, pp. 147−150.

Makarova, R.V., Romanova, G.V. (2016). Fond arkhivista i kraeveda L.A. Zhvakinoy v gosarkhive Ul'yanovskoy oblasti [The Collection of Archivist and Local Historian L.A. Zhvakina in the State Archives of the Ulyanovsk Region]. In *Otechestvennye arkhivy*. No. 2, pp. 58−62.

Mironenko, M.P. (2005). Arkhivy kraevedov v “Kataloge lichnykh arkhivnykh fondov otechestvennykh istorikov” [Local Historians’ Archives in the “Catalogue of Personal Archival Collections of Russian Historians”]. In *Arkheograficheskiy ezhegodnik*. Vol. 1, pp. 269−270.

Ovchinnikov, G.D., Kovzun, A.A. (1999). *Lichnye fondy russkikh istorikov i kraevedov XIX−XX vekov v Gosudarstvennom arkhive Vladimirskoy oblasti* [Personal Collections of Russian Historians and Local Historians of the 19th and 20th Centuries in the State Archives of the Vladimir Region]. Vladimir. 48 p.

Petrova, S.G. (2019). Istoriya goroda Cheboksary v “Zapiskakh kraeveda” (po dokumentam lichnogo fonda A.I. Terent’eva) [The History of the City of Cheboksary in the “Notes of a Local Historian” (Based on Documents from the Personal Collection of A.I. Terentyev)]. In *Chuvashskiy natsional’nyy muzey: lyudi, sobytiya, fakty*. No. 14, pp. 100−105.

Rafikova, G.E. (2023). Lichnyy fond kraeveda A.S. Larionova v Nizhnekamskom munitsipal’nom arkhive [Personal Fond of Local Historian A.S. Larionov in the Nizhnekamsk Municipal Archives]. In *Ekho vekov*. No. 2, pp. 185−189.

Rygalova, M.V., Bryukhanova, E.A. (2017). Istoricheskaya i sotsial’naya topografiya goroda: istoriograficheskiy obzor [Historical and Social Topography of the City: a Historiographical Review]. In *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 5 (97), pp. 156−160.

Sergeenko, E.A. (2012). Lichnye fondy istorikov i kraevedov v Natsional’nom arkhive RS(Ya) [Personal Fonds of Historians and Local Historians in the National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia)]. In *Yakutskiy arkhiv*. No. 1 (42), pp. 88−98.

Sorokin, A.E. (2025). Fotograficheskiy arkhiv kraeveda V.P. Devyatiyarova: opyt i perspektivy muzeynoy reprezentatsii [Photographic Archive of Local Historian V.P. Devyatiyarov: Experience and Prospects for Museum Representation]. In *Izvestiya Ural’skogo federal’nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul’tury*. Vol. 31, No. 2, pp. 166−177.

Sorokin, A.E., Kimeeva, T.I. (2022). Opyt i perspektivy reprezentatsii arkhiva vospominaniy starozhilov g. Kuznetska muzeynymi sredstvami [Experience and Prospects of Representing the Archive of Memories of Old Residents of the City of Kuznetsk by Museum Means]. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul’tury i iskusstv*. No. 61, pp. 50−58.

Zyabletseva, S.M. (2013). Fond istorika-arkhivista i kraeveda K.I. Karpova v Arkhivnom otdele Administratsii goroda Velikie Luki [The Collection of Historian, Archivist, and Local Historian K.I. Karpov in the Archives Department of the Velikiye Luki City Administration]. In *Otechestvennye arkhivy*. No. 3, pp. 48−51.

И.Р. Соколовский*

СИБИРСКАЯ ГОРОДОВЕДЧЕСКАЯ ШКОЛА ГЛАЗАМИ ПОЛЬСКОГО ИСТОРИКА**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-22
УДК 930.1

Выходные данные для цитирования:
Соколовский И.Р. Сибирская городоведческая школа глазами польского историка // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 270–286.
URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-22.pdf

I.R. Sokolovskiy*

THE SIBERIAN SCHOOL OF URBAN STUDIES THROUGH THE EYES OF A POLISH HISTORIAN**

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-22

How to cite:
Sokolovskiy I.R. The Siberian School of Urban Studies Through the Eyes of a Polish Historian // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 270–286.
[Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-22.pdf]

Abstract. The article discusses reviews on the works of Siberian scholars who studied the Siberian cities of the 17th–19th centuries published by the Polish historian Andrzej Wyróbisz (1931–2018) in the 1980s. With twenty-five years of academic experience, Wyróbisz was well-versed in Polish and foreign historiography. His reviews were friendly but highly critical, and his assessments remain relevant to this day. Unlike the domestic reviewers of the same works (Y.V. Kurskova and Z.G. Karpenko), Vyrobish was not shy about talking about shortcomings, about the parts and conclusions that seemed incomprehensible or insufficiently substantiated to him. The logic of the reviewer, who stood on the positions of positivism, is hereby characterized: starting with a discussion on general issues on the history of the Siberian city, he proceeds to review the source studies, then to discuss the studies of commercial and industrial development and the social structure of the Siberian cities. The natural continuation is the conclusion on the geographical heterogeneity of urbanization processes in Siberia. The linguistic and demographic characteristics of the city dwellers can be considered separate topics. The architectural specificity of the Siberian cities is their least significant aspect for Vyrobish, but he does not ignore it. An analysis of the Polish historian's review leads to the conclusion that Russian Siberian studies have found an erudite and thoughtful reader in his person. His observations help to correctly assess the results achieved in studying the history of modern Siberian cities and reveal the potential for further research, as well as to orient the reader in the broader historical field. In addition, the reviews provide valuable insights into the history of Polish-Russian scientific relations.

Keywords: history of Siberian urban studies, Siberian city, Polish-Russian scientific relations, Andrzej Wyróbisz, D.Ya. Rezun, O.N. Vilkov.

The article has been received by the editor on 31.05.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

* **Иван Ростиславович Соколовский,** кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: sokolowski@yandex.ru
Ivan Rostislavovich Sokolovsky, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: sokolowski@yandex.ru

** Статья выполнена по теме госзадания «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI − начало XX в.)» (FWZM-2024-0007).
The article was made on the topic of the state assignment "The Siberian Society as a Factor of Russia's Territorial Growth and Unity (Late 16th − Early 20th Centuries)" (FWZM-2024-0007).

Аннотация. В статье рассматриваются рецензии на труды сибирских ученых, изучавших сибирский город XVII−XIX вв., которые польский историк Анджей Выробиш (1931−2018) опубликовал в 1980-е гг. Обладая двадцатипятилетним стажем научной работы, Выробиш был прекрасно знаком с польской и иностранной историографией. Его рецензии носят доброжелательный, но весьма критический характер, а даваемые им оценки до сих пор не утратили своей научной актуальности. В отличие от отечественных рецензентов тех же работ (Ю.В. Курскова и З.Г. Карпенко), Выробиш не стеснялся говорить о недостатках, о тех местах и выводах, которые казались ему непонятными или недостаточно обоснованными. Охарактеризована логика рецензента, стоявшего на позициях позитивизма: начиная с обсуждения общих вопросов по истории сибирского города, он переходит к обзору источниковедческих работ, затем к обсуждению исследований торгово-промышленного развития и социальной структуры сибирского города. Естественным продолжением становится вывод о географической неоднородности урбанизационных процессов на территории Сибири. Отдельными темами можно считать языковую и демографическую характеристику горожан. Архитектурная специфика сибирского города для Выробиша наименее значима, но и ее он не обходит молчанием. Анализ текста рассматриваемой рецензии польского историка приводит к выводу, что в его лице отечественное сибиреведение обрело эрудированного и вдумчивого читателя, чьи наблюдения помогают верно оценить достигнутые результаты по изучению истории сибирских городов Нового времени и раскрыть дальнейший потенциал исследований, сориентировать в широком историческом поле. Помимо прочего, рассматриваемые рецензии представляют богатый материал по истории польско-российских научных связей.

Ключевые слова: история сибирской урбанистики, сибирский город, польско-российские научные связи, Анджей Выробиш, Д.Я. Резун, О.Н. Вилков.

Статья поступила в редакцию 31.05.2025 г.

Имя польского историка-урбаниста Анджея Выробиша (1931−2018), автора более 450 научных работ, посвященных вопросам истории экономики, общества, культуры и искусства, плохо известно отечественному читателю. Чаще всего оно мелькало в обзорах исторических журналов, которые печатали «Вопросы истории», в частности польского журнала «Przegląd Historyczny»[1]. Упоминались и факты его участия в международных мероприятиях[2]. Фигурирует Выробиш также и в публикациях некоторых зарубежных историков, в том числе знаменитого Ф. Броделя, который в своей книге «Что такое Франция?» ссылался на работу Анджея Выробиша по истории Кракова XV в.[3]

Так почему же А. Выробиш упоминается в интервью И.П. Каменецкого, которое он дал в связи с 80-летием Д.Я. Резуна? Иван Павлович говорит: «В этот период по инициативе Дмитрия Яковлевича были налажены научные связи с западными историками: Эльжебет Качинской, Анджеем Выробишем (Польша), Дени Фабро (Франция), А.С. Кан (Швеция) и др.»[4]. Ответ на этот вопрос мы можем найти на страницах вышеупомянутого журнала «Przegląd Historyczny», где А. Выробиш в 1980-е гг. опубликовал несколько рецензий

[1] Содержание журналов, выходящих в социалистических странах // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 200−202; № 7. С. 188−190.

[2] Например, был отмечен его доклад на ежегодной IX неделе по экономической истории стран Европы в 1977 г., участие в сессии, организованной Комиссией истории городов Института истории Польской академии наук 1994 г.

[3] *Бродель Ф.* Что такое Франция? М., 1997. Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX в. С. 204.

[4] *Исаев С.* Исследователь русской колонизации Сибири [Электронный ресурс] // Академгородок. URL: https://academcity.org/content/issledovatel-russkoy-kolonizacii-sibiri (дата обращения: 31.05.2025).

на работы советских историков, прежде всего «школы О.Н. Вилкова», сложившейся в Новосибирске.

Анджей Выробиш защитил кандидатскую и докторскую диссертации, работал в Варшаве и Белостоке, несколько раз был приглашенным профессором в США, состоял членом редколлегии, а позднее, в 1993−2003 гг., главным редактором журнала «Przegląd Historyczny», обладал широким кругозором, большой эрудицией и серьезной профессиональной подготовкой[5]. Поэтому, хотя на первые сборники группы О.Н. Вилкова уже выходили к тому моменту рецензии признанных отечественных специалистов на русском языке[6], мнение Выробиша заслуживает особого внимания.

Всего Выробиш опубликовал две рецензии на сборники под редакцией Олега Никандровича Вилкова (1922−2005) и отзыв на книгу Дмитрия Яковлевича Резуна (1945−2012).

Первая рецензия на работы О.Н. Вилкова и его сотрудников появилась в журнале «Przegląd Historyczny» (1980, № 2) и охватывала сразу три вышедших к тому времени сборника, содержавших 52 статьи (рис. 1−3). А. Выробиш отмечает, что издание о городах Сибири не выступает как «формальная серия», но объединено фигурой редактора, издательством, авторами отдельных очерков и прежде всего общим видением, общей концепцией, в рамках которой проводится исследование истории городов Сибири[7]. По всем этим признакам он считает, что перед читателями большой коллективный труд, который именно так и должен оцениваться, а не как горстка случайных усилий случайных людей.

Однако Выробиш отмечает, что, хотя во всех сборниках есть рубрики, они настолько неточны, что он не берет на себя труд учитывать их в ходе своих рецензий. Так же разнообразна и тематика отдельных статей в рамках сборников. Сибиреведы пишут об отдельных городах и социальных группах, об отдельных областях исследований: истории строительства городов, их экономике, общественной жизни, культуре, о методологических проблемах исследований. Он критично разделяет работы по «качеству», указывая, что есть те, которые основаны на тщательной обработке источников, но есть и «компиляции», не выходящие за пределы, уже установленные до них в историографии.

А. Выробиш утверждает, что независимо от даты основания сибирские города имели несколько общих черт: все были основаны в ходе деятельности по освоению Сибири (аграрной или промысловой) и имели сначала чисто административное значение, постепенно превращаясь собственно в города − центры хозяйственной жизни, но вплоть до 1917 г. торговые функции и купечество преобладали в них над ремеслом − все эти признаки, по мнению историка, позволяют сделать вывод о сибирском городе как о типичном представителе «поселенческого» города. Однако в XVII−XVIII вв. сибирские города совершили переход от первоначальных острогов, административных центров к тому, чтобы стать настоящими оплотами ремесла и торговли[8].

А. Выробиш начинает характеристику рецензируемых сборников с работ, посвященных историографии и источниковедению, которыми он особенно интересовался[9], и первой выде-

[5] Zmarł prof. Andrzej Wyrobisz, badacz dziejów nowożytnych [Электронный ресурс]. URL: https://dzieje.pl/dziedzictwo-kulturowe/zmarl-prof-andrzej-wyrobisz-badacz-dziejow-nowozytnych (дата обращения: 31.05.2025).

[6] *Курсков Ю.В.* «Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период)»; «История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.)»; «Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма)» // Вопросы истории. 1979. № 4. С. 177−178; *Карпенко З.Г.* Города Сибири [Рец. на кн.: Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. − Новосибирск: Наука, 1977. − 300 с.; История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). − Новосибирск: Наука, 1977. − 303 с.; Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. − Новосибирск: Наука, 1978. − 335 с.] // За науку в Сибири. 1978. 17 авг. С. 7.

[7] *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri (ekonomika, uprawlenie i kultura gorodow Sibiri w dosowietskij pieriod)», pod red. O.N. Wiłkowa, Nowosibirsk 1974; «Istorija gorodow Sibiri dosowietskogo pierioda (XVII − naczało XX w.)», pod red. O.N. Wiłkowa, Nowosibirsk 1977; «Goroda Sibiri (epocha fieodalizma i kapitalizma) pod red. O.N. Wiłkowa, Izdatielstwo „Nauka”. Sibirskoje otdielenie, Nowosibirsk 1978, s. 336 // Przegląd Historyczny. 1980 (71). № 2. S. 377.

[8] *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri»… S. 377−378.

[9] Jan Chryzostom Pasek jako kronikarz XVII wieku. Rawa Mazowiecka 1987. S. 3−16.

ляет статью Л.А. Гольденберга о С.У. Ремезове[10]. Из делопроизводственных документов Выробиш считает особенно важными таможенные книги, в которых хотя и не фиксировались точные цены, но все же отражалось развитие торговли и межобластных связей, состояние ремесла и социальной структуры города[11]. Удивляют рецензента данные о торговле ясырем, которая «процветала несмотря на регулярные и многочисленные запреты»[12].

Две статьи З.В. Башкатовой охарактеризованы максимально коротко. Название одной из них («Сибирская городская промышленность в дворянской историографии первой половины XVIII века») он посчитал вводящим в заблуждение, но отметил, что в ней представлена история изучения сибирских природных богатств в первой половине XVIII в.[13] Выробиш также отмечает две статьи Д.Я. Резуна, в которых речь шла об источниковой базе сибирского городоведения и о формировании нового значения слова «город», близкого к современному[14]. О статье Л.Н. Цепляева и Б.П. Шипилова А. Выробиш пишет исключительно в информационном ключе, подчеркивая, что она содержит данные о демографии и общественных отношениях через призму однодневных переписей конца XIX − начала XX в.[15]

Большое внимание А. Выробиш уделяет тем исследователям, которые изучали таможенные книги, и той информации, которую они из них извлекли и опубликовали. Так, отмечая две статьи Т.Е. Квецинской о ремеслах и о торговле Верхотурья, он знакомит польского читателя с историей этого населенного пункта, очерчивает географию Поморья и его связи с Уралом, чтобы дать представление, почему Верхотурье так важно для изучения урбанизационных процессов в Сибири. Он объясняет, что Т.Е. Квецинская взяла два хронологических среза (1671/72 и 1687/88 гг.), уточняя, что причины такого ограничения неизвестны: наличие источников или какие-то дополнительные факторы. По мнению рецензента, это затрудняет интерпретацию, так же как и выявленный разброс стоимости провозимых товаров (в 1635/36 г. −

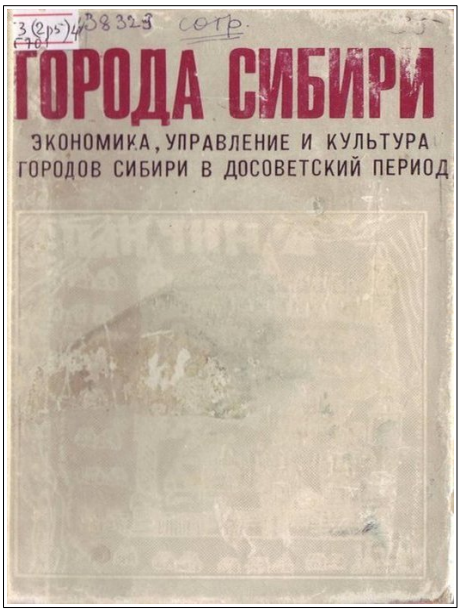


Рис. 1. Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974

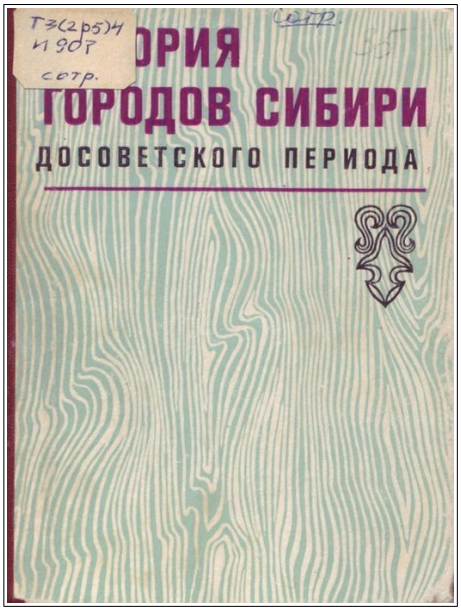


Рис. 2. История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977

[10] *Гольденберг Л.А.* Атласы Сибири С.У. Ремезова как источник для истории сибирских городов // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 163−170.

[11] *Вилков О.Н.* Тобольск − центр таможенной службы Сибири XVII в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 131−168; *Вилков О.Н.* Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири… 1978. С. 5−45.

[12] *Wyrobisz A.* «Goroda Sibir»… S. 378.

[13] *Башкатова З.В.* «Памятники Сибирской истории» о создании городской промышленности и об обеспечении ее рабочими кадрами и сырьем // Города Сибири… 1978. С. 104−123; *Башкатова З.В.* Сибирская городская промышленность в дворянской историографии первой половины XVIII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 26.

[14] *Резун Д.Я.* К характеристике документов приказного делопроизводства как источника по историографии сибирского города XVII в. // История городов Сибири… С. 11−26; *Резун Д.Я.* К истории изучения сибирского города XVII в. в русской дореволюционной исторической науке (к постановке вопроса) // Города Сибири… 1978. С. 143−162.

[15] *Цепляев Л.Н., Шипилов Б.П.* Однодневные переписи как исторический источник для изучения городов Западной Сибири в эпоху капитализма // История городов Сибири… С. 45.

62 тыс., в 1637/38 г. − 69 тыс., 1671/72 г. − ок. 32 тыс., в 1687/88 г. − почти 80 тыс., 1692/93 г. − снова только 25 тыс. руб.), который не позволяет говорить об однозначно нарастающих объемах, а также ставит вопрос о том, идет ли речь о колебании объемов товарных масс или только цен[16]. Сейчас установлено, что весь XVII в. инфляционные процессы преобладали[17], так что, конечно, речь идет не о ценах в рыночном смысле слова. Другое же предположение А. Выробиша (с опорой на данные О.Н. Вилкова), что могло произойти масштабное занижение таможенных оценок, не может быть проверено, по крайней мере в настоящее время.

Рис. 3. Города Сибири эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978

Рис. 4. Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981

А. Выробиш соглашается с Т.Е. Квецинской, что рост доли «мягкой рухляди» в общем объеме продаж может свидетельствовать о переориентации мехового экспорта в восточном направлении, а вот признать падение объемов ввоза готовых товаров признаком формирования местного ремесленного производства он отказывается, аргументируя это очень маленьким объемом товарных партий. Он полагает, что доминирование в привозе из России в Сибирь товаров из растительного и животного сырья, преимущественно льняных, шерстяных и хлопчатобумажных тканей, вполне позволяет признать Сибирь важным рынком сбыта такой продукции из Центральной России. Согласно подсчетам Т.Е. Квецинской, 70−90 % рынка занимали товары из Поморья, что, по мнению А. Выробиша, не подтверждает тезис, проводимый во всех работах серии, что сибирский рынок все больше привязывался к всероссийскому рынку с центром в Москве (на нее в первом срезе приходилось 6,34 % товаров, а во втором − 0,37 %). Опираясь на данные Квецинской, которая писала, что в Верхотурье ремесло медленно переходило от домашнего к мелкотоварному, Выробиш полагает, что торговые связи сами по себе могут существовать при любом, даже самом низком, уровне развития ремесла и рыночных отношений и сами по себе не являются признаком «складывания общероссийского рынка». По его мнению, в указанный период русская торговля в Сибири имела скорее характер «колониальной эксплуатации» и обслуживания транзитной торговли с Китаем[18].

Статьи Л.С. Рафиенко и В.В. Рабцевич были посвящены цехам − теме, которая также весьма интересовала рецензента. Он отмечает, что цеха появились в России «очень поздно» (по сравнению с Западной Европой, которая служит ему референтной точкой отсчета) и впервые упоминаются в «Регламенте главного магистрата» 1721 г. Формально же цеха были введены по указу от 27 апреля 1722 г., поэтому Выробиш ссылается на исследователей, которые утверждали, что в провинции цехов вообще не существовало. Однако в статье Л.С. Рафиенко речь идет о цехах в Тобольске уже в 1724 г., в Иркутске в 1749 г. и т.д. Однако членство в цехах было добровольным, поскольку они не играли такой роли ограни-

[16] *Квецинская Т.Е.* Ремесла г. Верхотурья в XVII в. // История городов Сибири… С. 97; *Квецинская Т.Е.* Верхотурье − транзитно-транспортный центр Западной Сибири в 70−80-е гг. XVII в. // Города Сибири… 1978. С. 46−64.

[17] См., например: *Спасский И.Г.* Русская монетная система. М., 1960; *Соколовский И.Р.* Служилые иноземцы в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск, 2004.

[18] *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri»… S. 378−379.

чителя конкуренции и гаранта сбыта товаров, какую они играли в Западной и Восточной Европе, согласно мнению рецензента. Из 17 существовавших в то время в Сибири городов только в одном не было цехов, но и только в двух туда входили все ремесленники, в остальных же охват ремесленников членством в цехе колебался от 15 до 93 %[19]. Надо сказать, что Выробиш неоднократно возвращается к работам Т.Е. Квецинской, демонстрируя свой интерес к ее публикациям. Так, он упоминал ее в связи со статьей А.Н. Копылова о художественной обработке дерева в Сибири в XVII − начале XIX в.[20]

В.В. Рабцевич пишет о Западной Сибири в 1790−1792 гг., отмечая, что цеха охватывали здесь 38 % ремесленников. Их состав и профессиональная специализация отличались неустойчивостью. Поскольку вход и выход были добровольными, то многие переходили из цехов в купечество, тем самым меняя профессию и повышая свой социальный статус. Похоже, что попытка 1787 г., стремившаяся все это упорядочить, не увенчалась успехом[21].

Не осталась без внимания и статья А.А. Люцидарской о ремесле в Томске во второй половине XVII в. Она не считала ремесленников (по причине нехватки источников), но провела подсчет профессий − всего их получилось 52, включая специалистов по обработке металла[22]. Выробиша смущало наличие в этом списке профессий, которые он бы не отнес к ремесленным (например, рыбаки или ловцы соболей); во-вторых, ему кажутся шаткими выводы о структуре ремесла, сделанные на основании данных по торговле. Кроме того, по его мнению, отсутствие ввоза какого-то типа товаров из России вовсе не означает, что на местном рынке потребность в нем полностью удовлетворена местным же производством, которое заместило ввоз. Он осторожно намекает, что есть еще минимум две возможности: либо спрос на этот товар значительно сократился, либо он удовлетворяется из внерыночных источников, например домашним, а не ремесленным производством[23].

Отдельно он характеризует статью А.А. Люцидарской, посвященную формированию торговой прослойки в Томске на основании анализа «бесценных», по его мнению, таможенных книг, в которой ей удалось выделить несколько специализировавшихся на торговле семей[24]. Ее третья публикация, которая тоже привлекла внимание историка, − это статья о пушной торговле в Томске, причем рецензент сразу же обращает внимание на артельный характер пушной охоты[25]. Что до характеристики самой торговли, то он цитирует выводы о том, что на рынке доминировали «лалечи» (т.е. жители Лальского погоста): в 1648/49−1689/90 гг. на них приходилось 50 % товарных явок и более 45 % стоимости сделок. Эти цифры, как и данные о торговцах из других поморских городов, подтверждают выводы Выробиша о торговых связях Сибири. Кроме того, он считает, что анализ Люцидарской подкрепляет выводы Квецинской о падении рынка роскошных мехов на Западе в конце столетия, ибо в натуральном выражении томский рынок сократился с 12−18 тыс. шкурок ежегодно в 1656/57−1671/72 гг. до примерно 5 тыс. шкурок в последующие десятилетия. Это, по его мнению, если и не противоречит, то не вполне согласуется с выводом статьи о значении пушной торговли для формирования общероссийского рынка, что, конечно, не умаляет того факта, что этот рынок был важным элементом торговых связей между Россией и Сибирью[26].

---

[19] *Рафиенко Л.С.* К вопросу о возникновении цеховой организации ремесленников Сибири в XVIII в. // Города Сибири… 1978. С. 134−133; *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri»… S. 380.

[20] *Копылов А.Н.* Развитие в Сибири XVII − начале XIX в. ремесла по художественной обработке дерева // Города Сибири… 1978. С. 171−188.

[21] *Рабцевич В.В.* О цеховой организации ремесленников Западной Сибири в 80-х гг. XVIII − первой четверти XIX в. // Города Сибири… 1978. С. 134−142.

[22] *Люцидарская А.А.* Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири… 1974. С. 60−75.

[23] *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri»… S. 381.

[24] *Люцидарская А.А.* К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в. // Города Сибири… 1978. С. 65−75.

[25] *Люцидарская А.А.* Томский пушной рынок в XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 112.

[26] *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri»… S. 381.

Работы омского историка Д.И. Копылова привлекли рецензента тем, что в первой речь идет о Тюмени рубежа XVIII−XIX вв. − старейшем русском городе в Сибири. Неудивительно, что в конце XVIII в. там было 27 цехов с около 600 членами. Самой развитой отраслью выступало кожевенное производство (в 1789 г. насчитывалось 144 семьи кожевенников), в котором наблюдался очень высокий уровень расслоения: 18 % кожевенников владели примерно 90 % капиталов отрасли. Тут рецензент увидел зачатки мануфактурного производства, когда в 1809−1810 гг. 9 предприятий с числом работников больше 10 выпускали 70 % всей кожевенной продукции. В 1866 г. количественные размеры несколько уменьшились, зато они давали 78 % продукции в стоимостном выражении, производя кожи лучшего качества[27].

Другая статья Д.И. Копылова посвящена развитию городского и сельского ремесла в Сибири в связи с ее колонизацией в XVII в. Интерес автора рецензии вызвала история сибирской стекольной промышленности, которая возникает в 1723 г. В 1800 г. насчитывалось уже 11 стекольных заводов, причем 1 государственный, 5 крестьянских (Выробиш отметил этот факт пометкой «sic!») и 5 обывательских, не удовлетворявших, впрочем, местные потребности[28]. Заметим, что в стекольном производстве Выробиш разбирался, так как писал про стекольщиков в Кракове по документам XV в., во Львове − XVI в.[29]

Кроме ремесла и торговли, еще одна важная тема сибирского городоведения, выделенная А. Выробишем, заключалась в колонизационном движении и основании городов, обзор которой он начинает с публикации барнаульского исследователя Ю.С. Булыгина[30]. Булыгин писал об основании Бердска и Тогучина, критически относясь к тому, что было опубликовано на эту тему до него, и сдвигая даты основания этих поселений с XVII на начало XVIII в.[31]

Ф.Г. Сафронов занимался городами Северо-Восточной Сибири[32], особенности которых, по сравнению с Западной Сибирью, заключались в административных причинах их появления и сложных географических условиях. Торговля, и тем более торговля транзитная, не играла в этих регионах конституирующей роли. Фактически эти города были центрами урбанизма только по названию да по административным функциям, но не исполняя других функций, характерных для привычного нам города; численность жителей в них была невелика − в 1823 г. даже Якутск насчитывал лишь 4 200 чел. А. Выробиш констатирует: «Автор, похоже, преувеличивает значение этих городов как центров просвещения и распространения русской культуры, так как и количество школ, и учителей, и учеников было ничтожно, и, наверное, правильнее писать об их роли в поддержании связей с Россией и в колониальной эксплуатации сибирских народов (рынок − достаточно узкий − для русских товаров, источник сырья, безэквивалентный обмен с местным населением)»[33]. Рецензент добавляет, что историей Якутска в XVIII в. и его социальной структурой занимался еще и О.Н. Вилков, который опубликовал об этом отдельную статью[34].

А. Выробиш пишет, что города нижнего течения Оби − Сургут и Березов, сильно похожие на города Северо-Восточной Сибири, несмотря на солидный возраст, в конце XVIII − первой половине XIX в. находились на очень «примитивном» этапе экономического развития, будучи больше похожими на деревни, чем на «настоящие» города. Охота и рыбо-

[27] *Копылов Д.И.* Развитие обрабатывающей промышленности г. Тюмени в конце XVIII − первой половине XIX в. // Города Сибири… 1974. С. 110−130.
[28] *Копылов Д.И.* Развитие городской и сельской промышленности Сибири в связи с ее колонизацией в XVIII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 62.
[29] *Wyrobisz A.* Szklo w Polsce od XIV do XVII wieku Wroclaw, Warszawa, Krakow: Zaklad narodowy imienia Ossolinskich. Wrocław, 1968.
[30] *Булыгин Ю.С.* К истории возникновения городов Новосибирской области Бердска и Тогучина // Города Сибири… 1978. С. 313−323.
[31] *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri»… S. 382.
[32] *Сафронов Ф.Г.* Города Северо-Восточной Сибири в конце XVIII-первой половине XIX в. // Города Сибири… 1978. С. 324−333.
[33] *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri»… S. 382.
[34] *Вилков О.Н.* Тобольск − центр таможенной службы Сибири XVII в. // Города Сибири… 1974. С. 131−168.

ловство были основными занятиями их жителей, а также весьма скромное скотоводство, огородничество и земледелие (даже в начале XIX в. там господствовал натуральный обмен без использования денег). Всем этим они сильно отличались от городов Верхней Оби и Иртыша, где хозяйство имело более товарный характер, а также от городов Юго-Восточной Сибири, связанных с крупной торговлей. Все эти выводы рецензент делает на основе работы Н.А. Миненко[35]. Про градостроительство в районе Нижней Оби идет речь и в работе С.Н. Баландина и О.Н. Вилкова[36].

Интересно, что, поскольку рецензия ориентирована на польского читателя, ее автор уделяет внимание не только теоретическим вопросам истории. Для своей аудитории он пересказывает фактологическую сторону исследования Н.П. Крадина (1938) о движении к «морю-окияну», делая при этом важное замечание, что «проникновение русских в сторону Тихого океана происходило в основном вдоль рек»[37].

Заметим, что при рецензировании А. Выробиш должен был проявлять серьезные знания по истории как Сибири, так и России в целом. В частности, он пишет, что «отличительной чертой городов Сибири, в отличие от городов Русского государства, была относительная малочисленность и малое значение посадских людей, но большая роль людей служилых». Он отмечает участие этой категории населения и в формировании российского абсолютизма, и в присоединении Сибири. Но их административная и военная роль не исчерпывала всего их исторического значения. Из них формировались кадры ремесленников, мелких предпринимателей, крупных и мелких торговцев. Внесли они значительный вклад и в русско-китайскую торговлю. Поэтому он делает вывод о дифференциации этой группы на манер посадских, а потом о стирании границы между ними и посадскими. Отражение всех этих процессов он видит в статьях В.Н. Курилова, Г.А. Леонтьевой, Н.Н. Никитина. Публикации последнего он дает более развернутую характеристику, указывая, что она очень важна для понимания положения служилых людей в Тобольске («столице Сибири») − содержит характеристику их материального обеспечения, причин хозяйственной активности и политического недовольства[38].

Статья Г.А. Христосенко заинтересовала Выробиша анализом мест выхода служилых людей Нерчинска по ономастическим и лингвистическим данным. Происхождение служилых людей из Северо-Западной России совпадает, с его точки зрения, с выводами Т.Е. Квецинской по Верхотурью и другими данными по торговле и обмену[39].

Статью Н.А. Миненко он также считает «очень интересной», поскольку источники 1701−1719 гг., на которые она опирается, позволяют сделать выводы как перспективные, так и ретроспективные: состав и численность семей исследованы для Верхотурья, Тюмени, Тары, Туринска, Томска, Кузнецка и Нарыма в контексте их социальной структуры и их экономического положения. Н.А. Миненко пришла к выводу о господстве в изучаемом регионе «малых семей» (из 2−6 чел.), отмечая их связь с городской деятельностью (ремеслом и торговлей), в то время как «большие семьи» были ориентированы на земледелие и скотоводство. Для сельского хозяйства в XVIII в. была необходима семья минимум из 4-х мужчин, очевидно работоспособного возраста, т.е. до 16 человек. Таким образом, господство «маленьких семей» можно рассматривать как признак смены экономического характера сибирских городов и превращения их в ремесленные и торговые центры[40].

[35] *Миненко Н.А.* Березов и Сургут в XVIII − первой половине XIX в. // Города Сибири… 1974. С. 86−109.
[36] *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri»… S. 382; *Баландин С.Н., Вилков О. Н.* Юильский городок на р. Казыме // История городов Сибири… С. 268.
[37] *Крадин Н.П.* Первые русские поселения на берегах Тихого океана // История городов Сибири… С. 52.
[38] *Курилов В.Н.* Участие служивых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири… 1974. С. 76−85; *Никитин Н.И.* Государственное обеспечение гарнизона Тобольска до середины XVII в. Ремесла г. Верхотурья в XVII в. // История городов Сибири… С. 130; *Леонтьева Г.А.* Роль служивых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII − начале XVIII в. // Города Сибири… 1978. С. 76−93.
[39] *Христосенко Г.А.* К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири… С. 153.
[40] *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri»… S. 384−385; *Миненко Н.А.* Городская семья Западной Сибири на рубеже XVII−XVIII вв. // История городов Сибири… С. 175.

Интересовал А. Выробиша и национальный состав городского населения. Он отмечает работу А.Д. Колесникова о демографической структуре Омска как единственную, посвященную этому вопросу, во всех трех томах. В 1877 г. в городе были представлены 25 различных этнических групп, причем русские составляли больше 90 %, а кроме них были заметны только поляки и евреи. В 1913 г. национальностей насчитывалось уже 35, а доля русских сократилась до 75 %. Причины этих изменений в этнической структуре рецензенту остаются неясными, он считает, что они могли быть обусловлены и переменами в системе учета. Другая чрезвычайно важная проблема, затронутая в статье, − строительство Транссибирской железнодорожной магистрали и ее влияние на экономику, демографию и даже пространство местных городов[41]. В связи с влиянием Транссиба он упоминает только работы историка В.А. Алексеевой (она писала об экспорте масла) и архитектора В.Т. Горбачева (писал о Колывани)[42].

Выробиш обсуждает и архитектурную тематику, которой «во всех трех томах отведено много места». При этом в своей рецензии он дает преимущество работам Б.И. Оглы о городском планировании и С.Н. Баландина о русском оборонном зодчестве XVII в. Русские остроги были деревянными и архитектурная традиция связывала их с Поморьем, но на рубеже XVIII−XIX в. они все меньше представляют собой военные центры, становясь центрами ремесла и торговли[43]. В 1766−1767 гг. появляется проект генерального плана Тобольска, а в 1784 г., после пожара, − новый план. Формируется стиль «тобольского барокко». Реформы М.М. Сперанского приводят к появлению административной застройки в Омске, Томске, Красноярске и Иркутске и относительному упадку старых центров. Выробиш находит тему не до конца раскрытой − ему не хватает компаративного материала, сравнения планов застройки сибирских городов с российскими и западноевропейскими городами[44]. Это же замечание уместно и по отношению к статье С.В. Копыловой о развитии кирпичного строительства в Сибири в конце XVII − начале XVIII в.[45] Говоря о статье В.Т. Горбачева, рецензент обращает особое внимание на данные о сохранившемся до наших дней гостином дворе в Тобольске, построенном в 1703−1708 гг. согласно проекту С.У. Ремезова. По мнению рецензента, оборонительный характер постройки отражал давние российские традиции, но уже содержал и новые формы, рожденные эпохой Петра Великого[46].

Переходя к выводам, автор отмечает, что трехтомная серия (ожидался выход и последующих томов), посвященная истории сибирских городов, вызывала интерес не только из-за определенной экзотичности, но и из-за значительной научной ценности. Рецензент обращает внимание на высокое качество библиографических обзоров, которые позволяют сориентироваться в обширной дореволюционной и советской сибиреведческой литературе. Наряду с этим Выробиш отмечает: «…тем более прискорбно, что все эти вопросы были изложены в неэффективной форме». И это не только «низкое полиграфическое исполнение» (маленький формат, плохие иллюстрации, отсутствие карт), но и не очень современные методы, используемые авторами. Во всех статьях преобладает описание и приведение примеров. «Очень робко и только некоторые авторы используют простейшие статистические методы, хотя исследованные ими источники (таможенные книги) идеально подходят для количественного анализа». Исследовательская повестка остается в основном традиционной.

[41] *Колесников А.Д.* Рост, сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска // История городов Сибири… С. 231.

[42] *Алексеева В.К.* Роль маслоделия в социально-экономическом развитии сибирского города (конец XIX − начало XX в.) // История городов Сибири… С. 224; *Горбачев В.Т.* Город Колывань (историко-архитектурный очерк) // История городов Сибири… С. 280; *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri»… S. 382.

[43] *Баландин С.Н.* Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири… 1974. С. 7−36; *Баландин С.Н.* К истории архитектуры Якутского острога // История городов Сибири… С. 253.

[44] *Оглы Б.И.* Формирование планировки и застройки городов Сибири в конце XVIII − первой половине XIX в. // Города Сибири… 1978. С. 248−270.

[45] *Копылова С.В.* Некоторые вопросы организации и техники каменного строительства в Сибири в конце XVII-XVIII в. // Города Сибири… 1978. С. 285−312.

[46] *Горбачев В.Т.* Архитектура торговых зданий в купеческих городах Сибири // Города Сибири… 1978. С. 271−284; *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri»… S. 386.

Авторы не приняли во внимание многие новые исследовательские идеи в исторической урбанистике. Сибирские города находились генетически и типологически ближе всего к русским городам, создавая вместе с ними специфическую группу восточноевропейских городов и частично азиатских, во многом отличающихся от городов Центральной и Западной Европы. Автор восклицает, что неужели «методы исследования последних не могли быть полностью применены к ним?» (т.е. к сибирским городам). Например, «американские города, основанные испанцами, португальцами, голландцами, французами и английскими колонизаторами, возникли аналогично сибирским городам по образцу городов метрополии в полностью дезурбанизированной среде». По мнению Выробиша, «множество подобных вопросов показывает, что, несмотря на огромное количество исторической, этнографической, географической и археологической литературы, Сибирь по-прежнему остается полем для новых исследований»[47].

В 1985 г. вышла рецензия А. Выробиша на четвертый сборник «Сибирские города XVII − начала XX века» (Новосибирск, 1981), включавший 12 работ, посвященных преимущественно проблемам историографии и источниковедения (рис. 4). По словам рецензента, хотя укомплектованность польских библиотек и не давала возможности оценить полноту исследования О.Н. Вилкова и Д.Я. Резуна об Ирбите, в их статье ему все же не хватило более глубокой общей историографии и анализа теоретических вопросов. Его характеристика статьи Д.Я. Резуна о сибирских городских летописях носит гораздо более теплый характер[48]. (Надо сказать, что А. Выробиш следил за работами Д.Я. Резуна: в 1982 г. он опубликовал рецензии на монографии Дмитрия Яковлевича «Очерки изучения сибирского города»[49] и «Русские в Среднем Причулымье»[50].)

Таким образом, можно констатировать, что через несколько лет после начала своей деятельности школа сибирской исторической урбанистики не только приобрела известность в нашей стране, но и нашла вдумчивого, благожелательного и эрудированного зарубежного читателя. Польский историк А. Выробиш хорошо разбирался в тенденциях изучения города, хорошо понимал ту проблематику, которую поднимали сибиряки, и, если считал необходимым, не скрывал критических оценок. Он подмечал и бедность полиграфической базы, и эмпиризм исследований, и слабое знакомство их авторов со смежной тематикой. Многие его замечания актуальны до сих пор, а некоторые предложенные им направления стоит и продолжить. Вспомнить о рецензиях Выробиша и высказанных им оценках важно еще и потому, что на русском языке пока еще не появилось работы, подобной той, что была опубликована в отношении археографической серии, издававшейся в Новосибирске под руководством академика Н.Н. Покровского[51]. Мнение же крупного зарубежного специалиста, смотревшего на реалии Сибири Нового времени с точки зрения собственных научных интересов, кругозора, методологической ориентированности и понятийного аппарата, позволяет глубже оценить значение трудов сибирских историков-урбанистов, по достоинству отметить как их сильные стороны, так и понять допущенные упущения и обусловившие их причины.

[47] *Wyrobisz A.* «Goroda Sibiri»… S. 386.
[48] *Wyrobisz A.* Sibirskije goroda XVII − naczała XX wieka, Akademija Nauk SSSR − Sibirskoje otdielenie, Institut Istorii, Fiłołogii i Filosofii, Izdatielstwo “Nauka” − Sibirskoje otdielenie, Nowosibirsk, 1981, s. 244 // Przegląd Historyczny. 1986. T. 76, № 1. S. 157−161.
[49] *Wyrobisz A.* Sibirskije goroda XVII − naczała XX wieka, Akademija Nauk SSSR − Sibirskoje otdielenie, Institut Istorii, Fiłołogii i Filosofii, Izdatielstwo „Nauka” − Sibirskoje otdielenie, Nowosibirsk 1981, s. 244 // Przeglad historiczny 1982. T. 73, № 1−2. S. 47−68.
[50] *Wyrobisz A.* D.J. Rezun, Russkije w sriedniem Priczułymie w XVII−XIX ww. (Problemy socialno-ekonomiczeskogo rozwitija małych gorodow Sibiri). Izdatielstwo „Nauka” − Sibirskoje otdielenije, Nowosibirsk 1984, s. 196 // Przegląd Historyczny, 1986. T. 77, № 1−2. S. 578−580.
[51] *Титова Л.В., Элерт А.Х.* О научной серии «Археография и источниковедение Сибири» // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 3. С. 33−38.

Литература

Алексеева В.К. Роль маслоделия в социально-экономическом развитии сибирского города (конец XIX − начало XX в.) // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 224−231.

Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 7−36.

Баландин С.Н. К истории архитектуры Якутского острога // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 253−268.

Баландин С.Н., Вилков О.Н. Юильский городок на р. Казыме // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 268−280.

Башкатова З.В. «Памятники Сибирской истории» о создании городской промышленности и об обеспечении ее рабочими кадрами и сырьем // Города Сибири эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 104−123.

Башкатова З.В. Сибирская городская промышленность в дворянской историографии первой половины XVIII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 26−45.

Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 2: Люди и вещи. Ч. 2: «Крестьянская экономика» до начала XX в. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1997. 511 с.

Булыгин Ю.С. К истории возникновения городов Новосибирской области Бердска и Тогучина // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 313−323.

Вилков О.Н. Тобольск − центр таможенной службы Сибири XVII в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 131−168.

Вилков О.Н. Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 5−45.

Гольденберг Л.А. Атласы Сибири С.У. Ремезова как источник для истории сибирских городов // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 163−170.

Горбачев В.Т. Город Колывань (историко-архитектурный очерк) // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 280−291.

Горбачев В.Т. Архитектура торговых зданий в купеческих городах Сибири // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 271−284.

Исаев С. Исследователь русской колонизации Сибири // Академгородок [Электронный ресурс]. URL: https://academcity.org/content/issledovatel-russkoy-kolonizacii-sibiri (дата обращения: 31.05.2025).

Квецинская Т.Е. Ремесла г. Верхотурья в XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 97−112.

Квецинская Т.Е. Верхотурье − транзитно-транспортный центр Западной Сибири в 70-80-е гг. XVII в. // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 46−64.

Колесников А.Д. Рост, сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 231−253.

Копылов А.Н. Развитие в Сибири XVII − начале XIX в. ремесла по художественной обработке дерева // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 171−188.

Копылов Д.И. Развитие обрабатывающей промышленности г. Тюмени в конце XVIII − первой половине XIX в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 110−130.

Копылов Д.И. Развитие городской и сельской промышленности Сибири в связи с ее колонизацией в XVIII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 62−80.

Копылова С.В. Некоторые вопросы организации и техники каменного строительства в Сибири в конце XVII−XVIII в. // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 285−312.

Крадин Н.П. Первые русские поселения на берегах Тихого океана // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 52−62.

Курилов В.Н. Участие служивых людей в становлении г. Тюмени как торгово-промышленного центра в XVII в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 76−85.

Курсков Ю.В. «Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период)»; «История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.)»; «Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма)» // Вопросы истории. 1979. № 4. С. 177−178.

Леонтьева Г.А. Роль служивых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII − начале XVIII в. // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 76−93.

Лихацкий А.А. Влияние институциональных ограничений на становление исторического журнала «Przegląd Historyczny» в 1905−1914 гг. // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2016. Вып. 57. С. 124−137.

Люцидарская А.А. Промышленное развитие г. Томска во второй половине XVII в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 60−75.

Люцидарская А.А. К вопросу о формировании торгово-промышленного населения Томска второй половины XVII в. // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. С. 65−75.

Люцидарская А.А. Томский пушной рынок в XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 112−130.

Миненко Н.А. Березов и Сургут в XVIII − первой половине XIX в. // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 86−109.

Миненко Н.А. Городская семья Западной Сибири на рубеже XVII−XVIII вв. // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 175−196.

Никитин Н.И. Государственное обеспечение гарнизона Тобольска до середины VXII в. Ремесла г. Верхотурья в XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 130−153.

Оглы Б.И. Формирование планировки и застройки городов Сибири в конце XVIII − первой половине XIX в. // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 248−270.

Рабцевич В.В. О цеховой организации ремесленников Западной Сибири в 80-х гг. XVIII − первой четверти XIX в. // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 134-142.

Рафиенко Л.С. К вопросу о возникновении цеховой организации ремесленников Сибири в XVIII в. // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 124−133.

Резун Д.Я. К характеристике документов приказного делопроизводства как источника по историографии сибирского города XVII в. // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 11−26.

Резун Д.Я. К истории изучения сибирского города XVII в. в русской дореволюционной исторической науке (к постановке вопроса) // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1978. С. 143−162.

Сафронов Ф.Г. Города Северо-Восточной Сибири в конце XVIII − первой половине XIX в. // Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 324−333.

Сибирские города XVII − начала XX века / отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1981. 222 с.

Соколовский И.Р. Служилые иноземцы в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск). Новосибирск: Сова, 2004. 209 с.

Спасский И.Г. Русская монетная система. М.: Учпедгиз, 1960. 124 с.

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах // Вопросы истории. 1966. № 1. С. 200−202.

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах // Вопросы истории. 1966. № 7. С. 188−190.

Титова Л.В., Элерт А.Х. О научной серии «Археография и источниковедение Сибири» // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 3. С. 33−38.

Христосенко Г.А. К истории заселения Нерчинского острога // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 153−175.

Цепляев Л.Н., Шипилов Б.П. Однодневные переписи как исторический источник для изучения городов Западной Сибири в эпоху капитализма // История городов Сибири досоветского периода (XVII − начало XX в.). Новосибирск, 1977. С. 45−52.

Wyrobisz A. “Goroda Sibiri (ekonomika, uprawlenie i kultura gorodow Sibiri w dosowietskij” pieriod)”, pod red. O.N. Wiłkowa, Nowosibirsk 1974; “Istorija gorodow Sibiri dosowietskogo pierioda (XVII − naczało XX w.)”, pod red. O.N. Wiłkowa, Nowosibirsk 1977; “Goroda Sibiri (epocha fieodalizma i kapitalizma) pod red. O.N. Wiłkowa, Izdatielstwo “Nauka”. Sibirskoje otdielenie, Nowosibirsk 1978, s. 336 // Przegląd Historyczny. 1980 (71). № 2. S. 377−386

Wyrobisz A. (red.) “Jan Chryzostom Pasek jako kronikarz XVII wieku”, Rawa Mazowiecka 1987, s. 3−16

Wyrobisz A. Szklo w Polsce od XIV do XVII wieku Wroclaw, Warszawa, Krakow: Zaklad narodowy imienia Ossolinskich. Wrocław, Wydawnictwo Polskiej akademii nauk. 1968. 223 s.

Wyrobisz A. Sibirskije goroda XVII − naczała XX wieka, Akademija Nauk SSSR − Sibirskoje otdielenie, Institut Istorii, Fiłołogii i Filosofii, Izdatielstwo “Nauka” − Sibirskoje otdielenie, Nowosibirsk 1981, s. 244 // Przegląd Historyczny. 1986. T. 76, № 1. S. 157−161

Wyrobisz A. "Oczerki istorii izuczenia sibirskogo goroda konca XVI − pierwoj połowiny XVIII wieka", D.Ja. Rezun, pod red. O. N. Wiłkowa, Nowosibirsk 1982 // Przegląd Historyczny, 1983. T. 74, No. 4. S. 769−77.

Wyrobisz A. D.J. Rezun, Russkije w sriedniem Priczułymie w XVII−XIX ww. (Problemy socialno-ekonomiczeskogo rozwitija małych gorodow Sibiri). Izdatielstwo „Nauka” − Sibirskoje otdielenije, Nowosibirsk 1984, s. 196 // Przegląd Historyczny. 1986. T. 77, № 1−2. S. 578−580.

References

Alekseeva, V.K. (1977). Rol’ maslodeliya v sotsial’no-ekonomicheskom razvitii sibirskogo goroda (konets XIX − nachalo XX v.) [The Role of Butter Making in the Socioeconomic Development of a Siberian City (Late 19th − Early 20th Centuries)]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 224−231.

Balandin, S.N. (1974). Oboronnaya arkhitektura Sibiri v XVII v. [Defensive Architecture of Siberia in the 17th Century]. In *Goroda Sibiri: ekonomika, upravlenie i kul’tura gorodov Sibiri v dosovetskiy period*. Novosibirsk, pp. 7−36.

Balandin, S.N. (1977). K istorii arkhitektury Yakutskogo ostroga [On the History of the Architecture of the Yakut Fortress]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 253−268.

Balandin, S.N., Vilkov, O.N. (1977). Yuil’skiy gorodok na r. Kazyme [The Yuilsky Town on the River Kazyma]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 268−280.

Bashkatova, Z.V. (1978). “Pamyatniki Sibirskoy istorii” o sozdanii gorodskoy promyshlennosti i ob obespechenii ee rabochimi kadrami i syr’em [“Monuments of Siberian History”: On the

Creation of Urban Industry and on Providing It with Labor and Raw Materials]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 104−123.

Bashkatova, Z.V. (1977). Sibirskaya gorodskaya promyshlennost' v dvoryanskoy istoriografii pervoy poloviny XVIII v. [Siberian Urban Industry in Noble Historiography of the First Half of the 18th Century]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 26−45.

Braudel, F. (1997). *Chto takoe Frantsiya? Kn. 2. "Lyudi i veshchi". Ch. 2. "Krest'yanskaya ekonomika" do nachala XX v.* [What Is France? Book 2. "People and Objects". Part 2. "Peasant Economy" Before the Beginning of the 20th Century]. Moscow, Izd-vo imeni Sabashnikovykh. 511 p.

Bulygin, Yu. S. (1978). K istorii vozniknoveniya gorodov Novosibirskoy oblasti Berdska i Toguchina [On the History of the Emergence of the Cities of Berdsk and Toguchin in the Novosibirsk Region]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 313−323.

Goldenberg, L.A. (1978). Atlasy Sibiri S.U. Remezova kak istochnik dlya istorii sibirskikh gorodov [Atlases of Siberia by S.U. Remezov as a Source for the History of Siberian Cities]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 163−170.

Gorbachev, V.T. (1977). Gorod Kolyvan' (istoriko-arkhitekturnyy ocherk) [The City of Kolyvan (Historical and Architectural Essay)]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 280−291.

Gorbachev, V.T. (1978). Arkhitektura torgovykh zdaniy v kupecheskikh gorodakh Sibiri [Architecture of Commercial Buildings in Siberian Merchant Cities]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 271−284.

Isaev, S. Issledovatel' russkoy kolonizatsii Sibiri [Researcher of the Russian Colonization of Siberia]. In *Akademgorodok*. Available at: URL: https://academcity.org/content/issledovatel-russkoy-kolonizacii-sibiri (date of access 31.05.2025).

Khristosenko, G.A. (1977). K istorii zaseleniya Nerchinskogo ostroga [On the History of the Settlement of Nerchinsk Fortress]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 153−175.

Kolesnikov, A.D. (1977). Rost, soslovnyy sostav i zanyatost' naseleniya dorevolyutsionnogo Omska [Growth, Class Composition, and Employment of the Population of Pre-Revolutionary Omsk]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 231−253.

Kopylov, A.N. (1978). Razvitie v Sibiri XVII − nachala XIX v. remesla po khudozhestvennoy obrabotke dereva [Development of Artistic Woodworking Crafts in Siberia in the 17th − Early 19th Century]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 171−188.

Kopylov, D.I. (1974). Razvitie obrabatyvayushchey promyshlennosti g. Tyumeni v kontse XVIII − pervoy polovine XIX v. [Development of the Manufacturing Industry of Tyumen in the Late 18th − First Half of the 19th Century]. In *Goroda Sibiri: ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskiy period*. Novosibirsk, pp. 110−130.

Kopylov, D.I. (1977). Razvitie gorodskoy i sel'skoy promyshlennosti Sibiri v svyazi s ee kolonizatsiey v XVIII v. [Development of Urban and Rural Industry in Siberia in Connection with its Colonization in the 18th Century]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 62−80.

Kopylova, S.V. (1974). Nekotorye voprosy organizatsii i tekhniki kamennogo stroitel'stva v Sibiri v kontse XVII−XVIII v. [Some Issues of the Organization and Technology of Stone Construction in Siberia in the Late 17th − 18th Centuries]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 285−312.

Kradin, N.P. (1977). Pervye russkie poseleniya na beregakh Tikhogo okeana [The First Russian Settlements on the Shores of the Pacific Ocean]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 52−62.

Kurilov, V.N. (1974). Uchastie sluzhivykh lyudey v stanovlenii g. Tyumeni kak torgovo-promyshlennogo tsentra v XVII v. [The Participation of Service People in the Development of

Tyumen as a Trade and Industrial Center in the 17th Century]. In *Goroda Sibiri: ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskiy period*. Novosibirsk, pp. 76−85.

Kurskov, Yu.V. (1979). "Goroda Sibiri (ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskiy period)"; "Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)"; "Goroda Sibiri (epokha feodalizma i kapitalizma)" ["Cities of Siberia (Economy, Governance, and Culture of Siberian Cities in the Pre-Soviet Period)"; "History of Siberian Cities in the Pre-Soviet Period (17th − Early 20th Centuries)"; "Cities of Siberia (the Era of Feudalism and Capitalism)"]. In *Voprosy istorii*. No. 4, pp. 177−178.

Kvetsinskaya, T.E. (1977). Remesla g. Verkhotur'ya v XVII v. [Crafts of Verkhoturye in the 17th Century]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 97−112.

Kvetsinskaya, T.E. (1978). Verkhotur'e − tranzitno-transportnyy tsentr Zapadnoy Sibiri v 70−80-e gg. XVII v. [Verkhoturye: A Transit and Transport Center of Western Siberia in the 1670s−1680s]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 46−64.

Leontyeva, G.A. (1978). Rol' sluzhivykh lyudey v torgovo-promyshlennoy zhizni Nerchinska vo vtoroy polovine XVII − nachale XVIII v. [The Role of Service People in the Trade and Industrial Life of Nerchinsk in the Second Half of the 17th − Early 18th Centuries]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 76−93.

Likhatsky, A.A. (2016). Vliyanie institutsional'nykh ogranicheniy na stanovlenie istoricheskogo zhurnala "Przegląd Historyczny" v 1905−1914 gg. [The Influence of Institutional Restrictions on the Development of the Historical Journal "Przegląd Historyczny" in 1905−1914]. In *Dialog so vremenem: al'manakh intellektual'noy istorii*. Iss. 57, pp. 124−137.

Lyutsidarskaya, A.A. (1974). Promyshlennoe razvitie g. Tomska vo vtoroy polovine XVII v. [Industrial Development of Tomsk in the Second Half of the 17th Century]. In *Goroda Sibiri: ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskiy period*. Novosibirsk, pp. 60−75.

Lyutsidarskaya, A.A. (1977). Tomskiy pushnoy rynok v XVII v. [Tomsk Fur Market in the 17th Century]. *In Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 112−130.

Lyutsidarskaya, A.A. (1978). K voprosu o formirovanii torgovo-promyshlennogo naseleniya Tomska vtoroy poloviny XVII v. [On the Formation of the Commercial and Industrial Population of Tomsk in the Second Half of the 17th Century]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 65−75.

Minenko, N.A. (1974). Berezov i Surgut v XVIII − pervoy polovine XIX v. [Berezov and Surgut in the 18th − First Half of the 19th Century]. In *Goroda Sibiri: ekonomika, upravlenie i kul'tura gorodov Sibiri v dosovetskiy period*. Novosibirsk, pp. 86−109.

Minenko, N.A. (1977). Gorodskaya sem'ya Zapadnoy Sibiri na rubezhe XVII − XVIII vv. [The Urban Family of Western Siberia at the Turn of the 17th − 18th Centuries]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 175−196.

Nikitin, N.I. (1977). Gosudarstvennoe obespechenie garnizona Tobol'ska do serediny XVII v. Remesla g. Verkhotur'ya v XVII v. [State Support for the Tobolsk Garrison until the Mid-17th Century. Crafts of Verkhoturye in the 17th Century]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 130−153.

Ogly, B.I. (1978). Formirovanie planirovki i zastroyki gorodov Sibiri v kontse XVIII − pervoy polovine XIX v. [The Formation of the Planning and Development of Siberian Cities in the Late 18th − First Half of the 19th Century]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 248−270.

Rabtsevich, V.V. (1978). O tsekhovoy organizatsii remeslennikov Zapadnoy Sibiri v 80-kh gg. XVIII − pervoy chetverti XIX v. [On the Guild Organization of Artisans in Western Siberia in the 1780s − First Quarter of the 19th Century]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 134−142.

Rafienko, L.S. (1978). K voprosu o vozniknovenii tsekhovoy organizatsii remeslennikov Sibiri v XVIII v. [On the Emergence of the Guild Organization of Artisans in Siberia in the 18th Century]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 124−133.

Rezun, D.Ya. (1977). K kharakteristike dokumentov prikaznogo deloproizvodstva kak istochnika po istoriografii sibirskogo goroda XVII v. [On the Characteristics of Prikaz Documents as a Source for the Historiography of a 17th Century Siberian Town]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 11−26.

Rezun, D.Ya. (1978). K istorii izucheniya sibirskogo goroda XVII v. v russkoy dorevolyutsionnoy istoricheskoy nauke (k postanovke voprosa) [On the History of the Study of the 17th Century Siberian Town in Pre-Revolutionary Russian Historical Science (Toward a Question)]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 143−162.

Safronov, F.G. (1978). Goroda Severo-Vostochnoy Sibiri v kontse XVIII − pervoy polovine XIX v. [Cities of Northeastern Siberia in the Late 18th − First Half of the 19th Century]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 324−333.

(1966). Soderzhanie zhurnalov, vykhodyashchikh v sotsialisticheskikh stranakh [Contents of Journals Published in Socialist Countries]. In *Voprosy istorii*. No. 1, pp. 200−202.

(1966). Soderzhanie zhurnalov, vykhodyashchikh v sotsialisticheskikh stranakh [Contents of Journals Published in Socialist Countries]. In *Voprosy istorii*. No. 7, pp. 188−190.

Sokolovsky, I.R. (2004). *Sluzhilye inozemtsy v Sibiri XVII veka (Tomsk, Eniseysk, Krasnoyarsk)* [Foreign Servicemen in Siberia in the 17th Century (Tomsk, Yeniseisk, Krasnoyarsk)]. Novosibirsk, Sova. 209 p.

Spassky, I.G. (1960). *Russkaya monetnaya sistema* [Russian Monetary System]. Moscow, Uchpedgiz. 124 p.

Titova, L.V., Elert, A.Kh. (2017). O nauchnoy serii “Arkheografiya i istochnikovedenie Sibiri” [On the Scientific Series “Archeography and Source Studies of Siberia”]. In *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 24, No. 3, pp. 33−38.

Tseplyaev, L.N., Shipilov, B.P. (1977). Odnodnevnye perepisi kak istoricheskiy istochnik dlya izucheniya gorodov Zapadnoy Sibiri v epokhu kapitalizma [One-Day Censuses as a Historical Source for the Study of Western Siberian Cities in the Capitalist Era]. In *Istoriya gorodov Sibiri dosovetskogo perioda (XVII − nachalo XX v.)*. Novosibirsk, pp. 45−52.

Vilkov, O.N. (1974). Tobol’sk − tsentr tamozhennoy sluzhby Sibiri XVII v. [Tobolsk − the Center of the Siberian Customs Service in the 17th Century]. In *Goroda Sibiri: ekonomika, upravlenie i kul’tura gorodov Sibiri v dosovetskiy period*. Novosibirsk, pp. 131−168.

Vilkov, O.N. (1978). Tobol’skie tamozhennye knigi XVII v. [Tobolsk Customs Books of the 17th Century]. In *Goroda Sibiri: epokha feodalizma i kapitalizma*. Novosibirsk, pp. 5−45.

Vilkov, O.N. (Red.), (1981). *Sibirskie goroda XVII − nachala XX veka* [Siberian Cities of the 17th − Early 20th Century]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 222 p.

Wyrobisz, A. (1968). *Szklo w Polsce od XIV do XVII wieku.* Wroclaw, Zaklad narodowy imienia Ossolinskich. 223 s.

Wyrobisz, A. (1980). “Goroda Sibiri (ekonomika, uprawlenie i kultura gorodow Sibiri w dosowietskij pieriod)”, pod red. O.N. Wiłkowa, Nowosibirsk 1974; “Istorija gorodow Sibiri dosowietskogo pierioda (XVII − naczało XX w.)”, pod red. O.N. Wiłkowa, Nowosibirsk 1977; “Goroda Sibiri (epocha fieodalizma i kapitalizma), pod red. O.N. Wiłkowa, Izdatielstwo Nauka”. Sibirskoje otdielenie, Nowosibirsk 1978, s. 336. In *Przegląd Historyczny*. No. 2, ss. 377−386.

Wyrobisz, A. (1983). Oczerki istorii izuczenia sibirskogo goroda konca XVI − pierwoj połowiny XVIII wieka”, D.Ja. Rezun, pod red. O.N. Wiłkowa, Nowosibirsk 1982. In *Przegląd Historyczny*. Vol. 74, No. 4, ss. 769−772.

Wyrobisz, A. (1986). D.J. Rezun, Russkije w sriedniem Priczułymie w XVII−XIX ww. (Problemy socialno-ekonomiczeskogo rozwitija małych gorodow Sibiri). Izdatielstwo “Nauka” − Sibirskoje otdielenije, Nowosibirsk 1984, s. 196. In *Przegląd Historyczny*. Vol. 77, No. 1−2, ss. 578−580.

Wyrobisz, A. (1986). Sibirskije goroda XVII − naczała XX wieka, Akademija Nauk SSSR − Sibirskoje otdielenie, Institut Istorii, Fiłołogii i Filosofii, Izda- tielstwo “Nauka” − Sibirskoje otdielenie, Nowosibirsk 1981, s. 244. In *Przegląd Historyczny*. Vol. 76, No. 1, ss. 157−161.

Wyrobisz, A. (Ed.). (1987). *Jan Chryzostom Pasek jako kronikarz XVII wieku*. Rawa Mazowiecka, Zysk i S-ka. 48 s.

С.П. Худышкина*

ОСОБЕННОСТИ МУЗЕЕФИКАЦИИ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЕНИСЕЙСКОМ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ ИМ. А.И. КЫТМАНОВА

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-23
УДК 351.853.1(571.51)

Выходные данные для цитирования:
Худышкина С.П. Особенности музеефикации объектов культурного наследия в Енисейском историко-архитектурном музее-заповеднике им. А.И. Кытманова // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 287–301. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-23.pdf

S.P. Khudyshkina*

FEATURES OF THE MUSEUMIFICATION OF CULTURAL HERITAGE OBJECTS N THE YENISEI HISTORICAL AND ARCHITECTURAL MUSEUM-RESERVE NAMED AFTER A.I. KYTMANOV

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-23

How to cite:
Khudyshkina S.P. Features of the Museumification of Cultural Heritage Objects in the Yenisei Historical and Architectural Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 287–301. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-23.pdf]

Abstract. The article discusses the need to preserve and promote the architectural and cultural heritage of a provincial Siberian city, which is reflected in the abundance of material evidence from the 18th and early 20th centuries. The article presents the experience of museumification at the Yenisei Museum-Reserve, which illustrates the mechanisms for integrating historical and cultural values into modern social reality. The importance of such an approach for preserving the region's identity and attracting the attention of a wide audience is emphasized. The model of organizing a museum-reserve has several advantages, as it not only ensures the physical preservation of monuments but creates conditions for studying and promoting the historical and cultural heritage, thus being one of the most effective ways to preserve and update it. The process of museumification allows for the preservation of Yeniseysk's unique architecture, which may be lost due to a lack of resources and attention. The preservation of cultural heritage sites is crucial for understanding the historical context, fostering national identity, and promoting domestic tourism. The purposeful and well-thought-out adaptation of the architectural sites of the Yeniseysk Museum-Reserve, aimed at preserving the historical appearance of the city, contributes to the development of a sense of pride among local residents, strengthens their social cohesion, and enhances their cultural awareness.

Keywords: Siberian city, architectural heritage, museumification, Yeniseysk, Yeniseysk Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov.

The article has been received by the editor on 24.04.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о необходимости сохранения и популяризации архитектурного культурного наследия провинциального сибирского города, выраженного в богатстве материальных свидетельств XVIII –

* **Светлана Петровна Худышкина,** Краевое государственное автономное учреждение культуры «Енисейский музей-заповедник им. А.И. Кытманова», Енисейск, Россия, e-mail: svetlana_petrovna_ok@mail.ru
Svetlana Petrovna Khudyshkina, Regional State Autonomous Cultural Institution "Yeniseisk Museum-Reserve named after A.I. Kytmanov", Yeniseisk, Russia, e-mail: svetlana_petrovna_ok@mail.ru

начала XX в. Представлен опыт музеефикации в Енисейском музее-заповеднике, который иллюстрирует механизмы интеграции историко-культурных ценностей в современную социальную действительность. Подчеркивается важность подобного подхода для сохранения самобытности региона и привлечения внимания широкой аудитории. Модель организации музея-заповедника имеет ряд преимуществ, так как позволяет обеспечить не только физическую сохранность памятников, но и создает условия для изучения и популяризации историко-культурного наследия, будучи, таким образом, одним из самых эффективных способов его сохранения и актуализации. Процесс музеефикации позволяет сохранить уникальную архитектуру Енисейска, которая может быть утрачена из-за недостатка ресурсов и внимания. Сохранение объектов культурного наследия имеет большое значение для понимания исторического контекста, формирования национальной идентичности и развития внутреннего туризма. Целесообразная и продуманная адаптация архитектурных объектов Енисейского музея-заповедника, направленная на сохранение исторического облика города, способствует формированию чувства гордости у местных жителей, укрепляет их социальную сплоченность, активизирует культурное самосознание.

Ключевые слова: сибирский город, архитектурное наследие, музеефикация, Енисейск, Енисейский музей-заповедник имени А.И. Кытманова.

Статья поступила в редакцию 24.04.2025 г.

Архитектурное наследие малых городов Сибири представляет собой уникальное культурное достояние, воплощающее историческую память региона и демонстрирующее вклад местных сообществ в становление государства. Сохранение памятников архитектуры имеет большое значение для понимания исторического контекста, формирования национальной идентичности и привлечения туристов. Архитектурные памятники отражают процессы, которые формировали облик региона и влияли на жизнь местного населения. Один из таких примеров − город Енисейск, известный своими деревянными строениями и каменными сооружениями.

Отношение к сохранению архитектурных объектов Енисейска претерпело значительные изменения с течением времени. До начала XX в. ценность исторического облика города осознавалась лишь отдельными представителями интеллигенции и просвещенной части общества. В первой половине XX в. были предприняты первые попытки систематизировать изучение архитектурного наследия города. Исследователи начали фиксировать старые постройки, составлять альбомы фотографий и документировать историю наиболее значимых зданий, что стало первым шагом к пониманию значимости исторического центра города.

Во второй половине XX в. сформировалось представление о важности сохранения и музеефикации архитектурных памятников. Возник интерес к возрождению традиционных методов строительства и аутентичных элементов декора. Проводились кампании по восстановлению важнейших культовых сооружений и городского комплекса. Изучал архитектуру города А.В. Ополовников, советский и российский архитектор-реставратор, исследователь сибирского деревянного зодчества, которого интересовала проблема сохранения русских изб и сельских жилищ. Им была создана методика восстановления объектов культурного наследия, актуальная и в наши дни[1]. А.А. Шумов, видный исследователь архитектуры Красноярского края и городов Средней Сибири, внес значимый вклад в изучение культурно-исторического наследия Енисейска. Основные аспекты его научной деятельности связаны с сохранением и популяризацией уникального архитектурного наследия региона. Работы А.А. Шумова[2] также касались анализа архивных документов, выявляющих историю создания и функционирования старинных храмов, гражданских домов и хозяйственных построек.

[1] *Ополовников А.В.* Реставрация памятников народного зодчества М., 1974. С. 25−32.

На основе лекций, выставок и публикаций он способствовал привлечению внимания общественности к проблемам сохранения культурного наследия Енисейска. Будучи членом комиссии по охране памятников Министерства культуры СССР, принимал активное участие в разработке мер по защите уникальной архитектуры, инициируя проекты реставрации и музеефикации отдельных сооружений Енисейска. Исследования А.П. Дворецкой[3] основывались на комплексном изучении традиционной деревянной архитектуры и архитектурного ансамбля города.

В целом обращение многих авторов к теме музеефикации объектов культурного наследия (далее ОКН) подчеркивает ее значимость и актуальность. Для исследования функционирования и адаптации ОКН к современной городской среде большое значение имеет монография М.Е. Каулен. В ней музеефикация наследия анализируется в исторической динамике и многообразии проявлений и форм. Известный музеолог считает этот процесс одним из основных направлений музейной деятельности и важнейшим фактором формирования и развития музейного мира России[4]. Д.Р. Хакимов и А.Ф. Требухин обращают внимание на необходимость проведения комплекса научно-исследовательских, изыскательских, проектных и производственных работ. Авторы отмечают, что строгое соблюдение норм законодательства и грамотная организация работ по сохранению и приспособлению объектов культурного наследия к современным условиям позволят дать им «вторую жизнь» и сохранить их для будущих поколений[5]. С.В. Епифанов рассматривает порядок проведения реставрационных работ и предлагает структурную модель ОКН. Эта модель ориентирована на приспособление объектов к современному использованию с выделением в ней предмета охраны, который является основой для разработки реставрационных решений и оказывает влияние на адаптацию ОКН к новым условиям эксплуатации[6]. Л.С. Романова пишет о приспособлении объектов исторической застройки к современным потребностям общества как инструменте сохранения историко-культурного наследия[7]. К.И. Самойлова исследует проблемы сохранения и реконструкции исторического облика здания, а также рассматривает вопрос об интеграции современной застройки в исторический контекст города[8]. В статье Е.В. Иванова показано применение метода моделирования в деятельности сибирских музеев под открытым небом для сохранения и популяризации архитектурного наследия, выявлены специфические особенности применения этого метода в регионе, приведены примеры создания модели в музее (в частности, модель Верхотомского острога в музее-заповеднике «Томская писаница»)[9]. В диссертации В.А. Каплунова рассматривается комплексный музей-заповедник «Томская писаница» на основе археологического памятника как тип современного музея[10]. Е.В. Михайловский[11] и С.С. Подъяпольский обращали внимание на особен-

---

[2] *Шумов К.Ю.* История архитектуры Красноярского края [Электронный ресурс]. URL: https://naov.ru/objects/search.html?t=%D1%88%D1%83%D0%BC%D0%BE%D0%B2 (дата обращения: 10.02.2026).

[3] *Дворецкая А.П.* Облик Енисейских храмов во второй половине XIX − начале XX вв. // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 10−22.

[4] *Каулен М.Е.* Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. С. 34.

[5] *Хакимов Д.Р., Требухин А.Ф.* Особенности сохранения и приспособления объектов культурного наследия к современным условиям [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. 2019. № 1. URL: https://esj.today/PDF/78SAVN119.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

[6] *Епифанов С.В.* Особые случаи приспособления объектов культурного наследия // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2015. № 4. С. 64−69.

[7] *Романова Л.С.* Приспособление объектов культурного наследия под новую функцию. Томск, 2016.

[8] *Горащенко В.А., Самойлов К.И.* Проблема сохранения исторического облика здания в условиях современной застройки города [Электронный ресурс] // Наука и образование сегодня. 2024. № 1 (78). С. 35−38. URL: https://publikacija.ru/images/PDF/2024/78/Science-and-education-today-_1-78-.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

[9] *Иванов Е.В.* Метод моделирования как способ музеефикации архитектурного наследия в музеях под открытым небом Сибири [Электронный ресурс] // Российские исследования. Культура и общество. 2025. № 1. С. 57−77. URL: https://csjournal.ru/jour/index.php/rscs/article/view/257/168 (дата обращения: 10.02.2026).

[10] *Каплунов В.А.* Комплексный музей-заповедник на основе археологического памятника как тип современного музея: автореф. дис. … канд. культурологии. Кемерово, 2016. С. 15.

[11] *Михайловский Е.В.* Реставрация памятников архитектуры. М., 1971.

ности реставрации ОКН[12]. Монография А.В. Иконникова посвящена историко-теоретическому анализу проблем пространственной организации и формообразования архитектурных и градостроительных объектов[13]. А.А. Кедринский исследовал восстановление декоративных элементов зданий и их интерьеров[14].

В настоящее время отношение к сохранению архитектурного наследия кардинально изменилось. Городские власти и общественные организации активно участвуют в программах восстановления исторических районов, реконструкции и реставрации памятников. Разрабатываются стратегии устойчивого туризма, направленные на привлечение посетителей и популяризацию местных достопримечательностей. Исследователи начинают обращаться к теме музеефикации объектов города Енисейска. В статье В.А. Забелиной рассматриваются проблемы музеефикации архитектурно-археологических памятников, в том числе и на территории Енисейска, анализируются проблемы сохранения памятников в исторической части города[15]. А.П. Дворецкая характеризует архитектуру города как важный фактор в развитии территории[16].

Несмотря на возрастающее внимание к историко-культурному наследию, сохраняются проблемы, связанные с недостатком финансирования в этой сфере, отсутствием квалифицированных кадров и низким уровнем осведомленности местного населения о ценности архитектурных памятников города. Таким образом, задача освоения архитектурного наследия Енисейска остается актуальной и требует комплексного подхода и взаимодействия всех заинтересованных сторон.

Енисейск, находящийся на правом берегу реки Енисей, относится к числу старейших населенных пунктов Сибирского региона. Исторически город имел существенное значение как центр торговой магистрали, обеспечивавшей сообщение между Центральной Россией, Восточной Сибирью и Китаем. Первые десятилетия существования Енисейска связаны с освоением новых земель и укреплением позиций Российского государства в регионе. Строительные технологии и архитектурные формы заимствовались преимущественно из европейской части России, однако постепенно появились элементы, характерные исключительно для сибирских условий. В XVII в. возникают первые деревянные постройки военного назначения (остроги), а в первой половине XVIII в. уже идет формирование регулярной застройки улиц, начинается возведение общественных и культовых зданий. В середине XIX в. получает активное развитие золотодобывающая отрасль, что значительно повлияло на экономику и социальную структуру города. Зажиточные предприниматели вкладывали средства в возведение крупных жилых домов, торговых рядов и административных учреждений. Этот период характеризуется широким использованием кирпича и камня в строительстве Енисейска. В XIX в. преобладающим архитектурным стилем города был классицизм, а также появляются здания в стиле эклектики. В начале XX в. на центральной улице города был построен купеческий особняк в стиле модерн. Двухэтажные кирпичные дома формируют основную застройку центрального района городского пространства, в котором сооружаются крупные храмы и соборы, ставшие символами духовной жизни города. Во второй половине XIX − начале XX в. становится популярным использование дерева в сочетании с кирпичом и камнем, формируется уникальный стиль провинциального ампира. Таким образом, архитектура Енисейска отражает путь становления сибирского поселения, которое сохраняет в своем облике важные исторические свидетельства разных эпох.

[12] Реставрация памятников архитектуры: учеб. пособие для архит. спец. вузов. М., 1988.
[13] *Иконников А.В.* Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М., 2006.
[14] *Кедринский А.А.* Основы реставрации памятников архитектуры. Обобщение опыта школ ленинградских реставраторов. М., 1999.
[15] *Забелина В.А.* К вопросу о музеефикации архитектурной археологии в Енисейске // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ. 2018. Вып. 1. С. 56−57.
[16] *Дворецкая А.А., Мариловцев Д.В.* Историко-архитектурный музей-заповедник малого города как инструмент развития территории // Творчество и современность. 2023. № 3 (21). С. 52−57. URL: https://nsktvs.ru/node/384 (дата обращения: 10.02.2026).

Современное состояние архитектурного наследия Енисейска определяется рядом ключевых факторов, влияющих на сохранность и восприятие уникальной исторической среды. Енисейск обладает значительным количеством памятников архитектуры, построенных в XVIII−XX вв., среди которых выделяются деревянные дома купеческого типа, административные здания, православные храмы. К основным компонентам построения городского пространства можно отнести ландшафт, линейную структуру береговой полосы р. Енисей, систему вертикальных доминант, компактность застройки, высокохудожественные памятники архитектуры, связь с выдающимися личностями российской истории и др.[17] Большинство памятников архитектуры, расположенных в центральной части города, эксплуатируются как гостиницы, кафе и офисы, часть зданий пустуют либо используются как жилые помещения, но требуют капитального ремонта. В статье рассматриваются здания-объекты культурного наследия, формирующие историческую зону города и юридически принадлежащие Енисейскому музею-заповеднику. Именно благодаря тому, что ряд ключевых архитектурных объектов входит в музейный комплекс, Енисейск может сохранить индивидуальность и стать привлекательным местом для посещения туристами.

Процесс музеефикации архитектурных объектов представляет собой особую форму взаимодействия общества с наследием прошлых эпох, способствующую развитию инфраструктуры, созданию новых рабочих мест и повышению качества жизни местных жителей. Актуальность музеефикации обусловлена необходимостью сохранения исторического облика Енисейска, повышения туристической привлекательности территории и формирования культурной среды, способствующей развитию и воспитанию уважения к историческому наследию. Это в свою очередь позволяет интегрировать памятники архитектуры в современную городскую среду, сохраняя их аутентичность и обеспечивая доступ широкой аудитории к культурному достоянию. Благодаря музеефикации ОКН сохраняют свое историческое и художественное значение, предотвращается их разрушение и обеспечивается передача накопленного опыта последующим поколениям.

Цель статьи − выявление особенностей музеефикации ОКН в исторических сибирских городах на примере деятельности Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника им. А.И. Кытманова.

Следует отметить, что государство играет в процессе музеефикации ключевую роль, обеспечивает для граждан сохранность и доступность культурного наследия. Его действиями в этом направлении стало принятие законов Российской Федерации, которые регулируют использование ОКН, обеспечивая их сохранение и защиту, устанавливают правила реставрации, реконструкции и эксплуатации памятников истории и культуры[18]. Преемственность в данной области сохраняется и на уровне регионов, в том числе и в Красноярском крае, в котором осуществляется деятельность в отношении ОКН, находящихся в краевой собственности[19].

В 2022 г. Енисейский краеведческий музей получил новый статус и новое утвержденное наименование учреждения − краевое государственное автономное учреждение культуры «Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова». Музей-заповедник − особый вид культурного учреждения, главной особенностью которого является комплексный подход к сохранению, изучению и предоставлению культурно-исторического и природного наследия определенной территории. По типологии, которую приводит М.Е. Каулен[20], в результате музеефикации возникают разные виды музеев, которые

[17] *Жилионис Л.А., Ямалетдинов С.Ф.* Концепция архитектурно-художественного обустройства территории туристско-рекреационного кластера Енисейска // Город, пригодный для жизни: мат-лы II Междунар. науч. конф. (12−14 ноября 2014 г.). Красноярск, 2015. С. 256.

[18] Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

[19] Закон Красноярского края от 23 апреля 2009 г. № 8-3166 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Красноярского края: Закон Красноярского края».

[20] *Каулен М.Е.* Музеефикация… С. 46.

можно разделить на четыре основные группы: музеи-памятники, музеи под открытым небом, экологические музеи, учреждения музейного типа. Енисейский музей-заповедник принадлежит к типу «музей под открытым небом» или «музей-заповедник», так как он является учреждением, сохраняющим в целостности ансамбль недвижимых памятников, и его можно назвать средовым музеем[21].

История становления музея в Енисейске начинается с 1883 г. Основным устроителем местного общественного музея стал А.И. Кытманов, сын местного купца 1-й гильдии, который занимался вопросами просвещения и сохранения наследия, создавая музейные коллекции[22]. С момента основания музей несколько раз менял свой статус и название: местный общественный музей, в 1911 г. музею присвоено имя А.И. Кытманова, в дальнейшем музей стал носить название краеведческий (без имени его основателя). В 2019 г. музей получает статус краевого учреждения, а в 2022 г. − историко-архитектурного музея-заповедника. В названии отражена его главная функция − сбор, хранение, изучение музейных предметов и коллекций, а также сохранение переданных в оперативное управление ОКН и их эксплуатация. Надо отметить, что в последние годы при активном изменении облика значительного количества архитектурных сооружений и городских пространств появился вопрос о том, как эффективнее использовать культурные объекты в различных сферах деятельности в рамках городской инфраструктуры. В начале 2020-х гг. было принято решение о передаче значительной части архитектурных зданий городского центра под патронаж историко-архитектурного музея-заповедника. На современном этапе функционирования музея-заповедника архитектурные объекты переживают новую страницу своей истории, становясь объектами музейного показа.

Модель музея-заповедника имеет ряд преимуществ, так как позволяет обеспечить не только физическую сохранность памятников, входящих в состав музея, но и создавать условия для их изучения, сохранения и доступности широкой аудитории. Все объекты Енисейского музея-заповедника обладают исторической ценностью и несут определенную информацию о том историческом периоде, в котором они были созданы, и отражают его специфические черты; мемориальной ценностью − связаны с выдающимися личностями региона и важными событиями. Кроме того, им присуща и научная ценность как источникам информации для научных исследований, а также эстетическая ценность, так как они вызывают эмоции и чувства.

В 2025 г. в комплекс Енисейского музея-заповедника входило восемь объектов, включая отреставрированные исторические здания федерального, регионального и муниципального значения, что создает огромный потенциал для его дальнейшего развития. Разрабатывается проектно-сметная документация по приспособлению ОКН «Амбар», музеефикация объекта «Надвратная Церковь Спасского мужского монастыря» (ул. Рабоче-Крестьянская, 101). В ближайшие годы планируется реставрация еще нескольких объектов, главные из которых «Усадьба купца Кытманова» (ул. Кирова, 82) и «Дом воеводы» (ул. Ленина, 122). Все объекты, входящие в состав музея-заповедника, можно разделить на три группы: здания религиозного культа (православные храмы и собор), гражданские здания (бывшие купеческие особняки и усадебный комплекс), хозяйственная постройка (амбар). В рамках статьи мы рассмотрим особенности музеефикации каждого объекта, включенного в состав Енисейского музея-заповедника.

В состав музея входят три объекта религиозного православного культа. В советский период они абсолютно утратили свою непосредственную функцию, пострадали в большей степени, чем другие архитектурные объекты, и понесли весьма значимые утраты, изменившие их архитектурную составляющую до неузнаваемости. При создании концепции музеефикации религиозных объектов было принято решение сохранить их основную функцию − обеспечение места для собрания христиан, совершения богослужений и религиозных обрядов. Основная задача, которую поставил перед собой музей, − интеграция функций

[21] *Каулен М.Е.* Музеефикация… С. 50.
[22] *Поздеева Н.В.* Александр Игнатьевич Кытманов. Человек полезный для общества. Красноярск, 2023. С. 51.

музея и церкви для богослужений, создание музея-храма.

Богоявленский собор 1738−1750 гг. − первый каменный храм Енисейска (рис. 1). Высокий, добротный, завораживающий своей статью и мощью, возвышаясь над течением Енисея, занимает центральное место в панораме города[23]. В XVIII в. собор изменял свой внешний облик и приобретал ряд существенных дополнений: восьмиглавый барабан с небольшой граненой главкой, пятиглавие, высокий шпиль колокольни, а также один из излюбленных элементов енисейского барокко − валюта[24]. В 1930-е гг. собор подвергся серьезному разрушению, вследствие чего потерял свою храмовую часть и часть колокольни. Было разрушено основное здание храма и его приделов, колокольня полностью не соответствовала изначально созданному варианту (купол со шпилем был заменен на деревянное строение в шатровом стиле). В XX в. собор использовался как котельная, которая отапливала здания в центральной части города. На данный момент он является памятником федерального значения.

Рис. 1. Енисейск. Богоявленский собор, 1738−1750 гг. Современный вид. Фото Енисейского музея-заповедника

После завершения реставрационных работ объект площадью 807,1 м^2 входит в состав Енисейского музея-заповедника, но по соглашению с Енисейской епархией Русской православной церкви на его территории ежедневно проходят богослужения. Собор используется и как выставочное пространство, хотя возможности размещения экспозиций там ограничены. Тем не менее на первом этаже собора для детей прихожан организована зона с уютной и комфортной обстановкой: отведены специальные места для игр, мастер-классов и творческих занятий. На втором этаже располагается экспозиция «От щедрости Твоея…», под которую приспособлен Никольский придел собора. Основная идея экспозиции заключается в том, чтобы попытаться ответить на вопрос − как может выглядеть мастерская человеческой души, результатом работы в которой является добродетельная душа и личность? Выставка расположена в двух различных локациях, объединенных тематически. Первая − это лестница, ведущая с первого этажа на второй к Никольскому приделу. Вторая локация − Никольский придел, в котором расположена часть экспозиции, несущая на себе основную смысловую нагрузку. Посетитель, проходя по смысловым точкам, ощущает любовь Бога к людям, несмотря на все их грехи и несовершенства.

В соборе в ближайшие два года планируется создание еще одной интересной экспозиции на первом этаже: в комнате 3×4 м, в которой обнажена кладка собора, планируется создание экспозиции, рассказывающей об археологических артефактах, найденных при раскопках на территории храма. В здании храма на втором этаже размещен кабинет сотрудников экспозиционно-выставочного отдела.

Троицкая церковь 1772−1782 гг. − каменный храм, расположенный в полукилометре от береговой линии города (рис. 2). Данное культовое сооружение совмещает в себе стилистику разных школ барокко: московской, уральской и иркутской[25]. Церковь имеет интересный декор из лекального кирпича, углы сооружения обработаны широкими лопатками (вертикальные плоские узкие выступы на стене здания) и декоративными деталями: филенками, керамическими вставками, колоннами ионического ордера, балясинами

[23] *Шумов К.Ю.* Богоявленский собор в Енисейске [Электронный ресурс] // История архитектуры Красноярского края. URL: https://naov.ru/articles/20_bogoyavlenskiyi-sobor-v-eniseyiske.html (дата обращения: 11.02.2026).
[24] Там же.
[25] *Шумов К.Ю.* Церковь Троицы (Троицкая) по адресу, ул. Перенсона, 34 в г. Енисейске [Электронный ресурс] // История архитектуры Красноярского края. URL: https://naov.ru/objects/cerkov-troici-troickaya-po-ulperensona-34-v-g-eniseyiske.html (дата обращения: 11.02.2026).

и другими элементами. Завершается храм пятью главами. Это сооружение называют шедевром, лучшим примером школы енисейского зодчества. В 1930-е гг. храм также подвергся вандализму, в результате чего практически утратил свой облик, сохранилась только нижняя часть постройки с большими разрушениями. В советское время церковь использовалась как гараж автотранспортного предприятия, затем как склад. В результате обветшания строения в течение длительного времени сохранившиеся остатки церкви были заколочены и не эксплуатировались. На данный момент храм является памятником федерального значения.

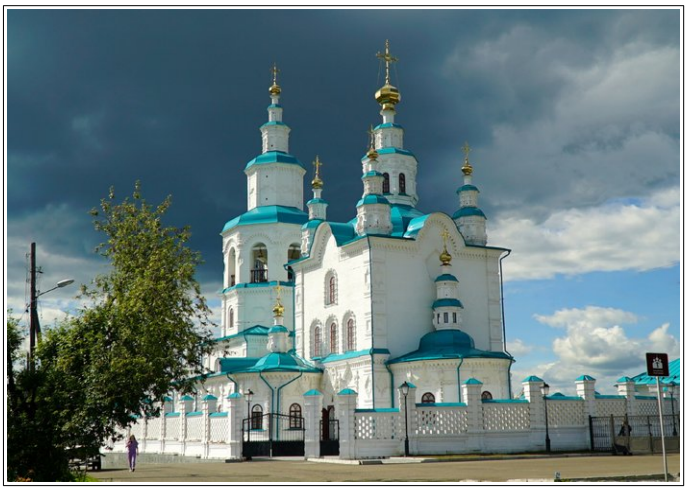


Рис. 2. Енисейск. Троицкая церковь, 1772–1782 гг. Современный вид. Фото Енисейского музея-заповедника

В процессе музеефикации Троицкая церковь площадью 426 м^2 входит в состав Енисейского музея-заповедника и по соглашению с Енисейской епархией Русской православной церкви на ее территории проходят праздничные богослужения, в основном раз в год на день Святой Троицы или Пятидесятницы. На данном объекте с 2000 г. находилась экспозиция «Предметный мир православия: от рождения до…». В августе 2025 г. произошла смена экспозиции и на данный момент на территории церкви расположена выставка «Икона енисейского письма» с экспонатами из фондов Енисейского музея-заповедника и музеев Красноярского края. Эта выставка-реставрация включает показ рабочего места реставратора и демонстрацию икон различной сохранности: как не прошедших реставрацию, так и уже восстановленных. В летний период проводится бинокулярная экскурсия на колокольне церкви, откуда открывается один из лучших панорамных видов на город.

Церковь Иверской Богоматери 1871–1872 гг. (рис. 3) появилась в результате пересмотра территории женского монастыря как одноэтажная с деревянной пристройкой для обустройства монашеских келий. В декоре церкви используются подшивные профилированные карнизы, филенчатые лопатки, трапециевидные окна, плоские наличники с «ушами» и треугольными сандриками[26]. Купол церкви прямоугольный с семью круглыми окнами. Церковь Иверской Богоматери в XX в. получила значительные разрушения, в результате которых утрачены восьмигранные барабаны храма, два крыльца, дверные проходы заменены на оконные и, наоборот, убраны внутренние элементы печного отопления. На территории церкви в советский период в разные годы функционировали детская колония, клуб для речников, спортивный зал Енисейского педагогического училища, в 1980-е гг. енисейское производственное геологическое объединение по геофизическим работам «Енисейгеофизика», а в 1990-е гг. здание отдали под народный самодеятельный театр. На данный момент церковь является памятником регионального значения.

Рис. 3. Енисейск. Церковь Иверской Богоматери, 1871–1872 гг. Современный вид. Фото Енисейского музея-заповедника

[26] *Шумов К.Ю.* Церковь иконы Иверской Богоматери в Енисейске [Электронный ресурс] // История архитектуры Красноярского края. URL: https://naov.ru/articles/85_cerkov-iverskoyi-bogomateri-v-eniseyiske.html (дата обращения: 11.02.2026).

Церковь Иверской Богоматери площадью 472,2 м^2 после реставрационных работ в процессе музеефикации входит в состав Енисейского музея-заповедника и по соглашению с Енисейской епархией Русской православной церкви в храме регулярно проводятся православные богослужения. Со стороны епархии храм закреплен за женским монастырем. Внутри церкви устроена верхняя открытая галерея (хоры) на уровне второго этажа, на которой в перспективе планируется создание экспозиции о жизни и духовном подвиге Даниила Ачинского, который был похоронен в 1834 г. в Енисейске на территории Иверского женского монастыря. В основном помещении храма, где проводятся службы, хранятся мощи игуменьи Афанасии. Они помещены в белым, отделанный золотом саркофаг, в котором хранится нательный крест, элементы одежды (обувь) и фрагменты обивки гроба.

В приделе, имеющем отдельный от основного вход, на втором этаже размещены кабинеты специалистов методического отдела.

Следует обратить внимание на то, что использование культовых музейных объектов совместно с Русской православной церковью накладывает серьезные этические ограничения на возможности эксплуатации минимальных экспозиционных пространств, находящихся в распоряжении музея. Тем не менее был найден баланс как архитектурно-планировочных, так и содержательно-смысловых решений.

В XIX в. в Енисейске начинается активное каменное строительство. В комплекс Енисейского музея-заповедника входят четыре объекта купеческих особняков: Дом Кытманова, вторая четверть XIX в.; Усадьба Баландина, середина XIX в.; Дом жилой, XIX в.; Дом Бородкина, 1861 г.

Дом Кытманова, вторая четверть XIX в. − памятник жилой архитектуры (рис. 4). Двухэтажный на полуподвале дом, в котором первый этаж служил как хозяйственное помещение, где располагались лавки, на втором этаже с просторными помещениями проживали хозяева. Здание выполнено из кирпича в стиле позднего классицизма[27]. В процессе эксплуатации в XX в. объект утратил часть оконных и дверных блоков, которые были заложены ввиду невостребованности. Кроме того, особняк полностью утратил галерею − пристройку из дерева и стекла с восточной стороны здания. В советский период в здании осуществляли свою деятельность такие учреждения, как государственная сберегательная касса, отдел социальной защиты и др. На данный момент Дом купца Кытманова − объект культурного наследия федерального значения. В процессе музеефикации Дом Кытманова площадью 482,7 м^2 используется для размещения администрации музея, специалистов отдела фондов, музейного архива и научной библиотеки. Во дворе здания сотрудники музея запланировали разбить аптекарский огород, используя ботанические данные из гербария, собранного основателем музея А.И. Кытмановым.

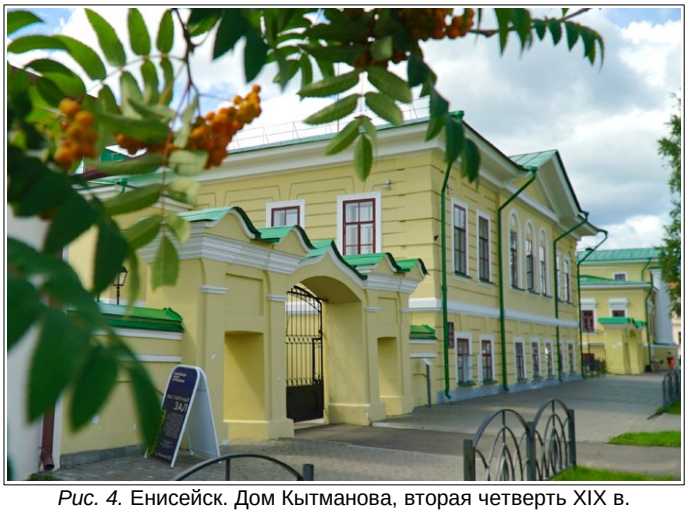


Рис. 4. Енисейск. Дом Кытманова, вторая четверть XIX в. Современный вид. Фото Енисейского музея-заповедника

Усадьба Баландина, сер. XIX в. − усадьба купца первой гильдии, потомственного почетного гражданина города Енисейска А.С. Баландина (рис. 5), представляющая собой ансамбль, включающий Г-образный в плане дом с одноэтажным комплексом торговых лавок. Композиционно-пространственные строения, формирующие территорию усадьбы: жилой дом, лавка, флигель, пакгауз (закрытое помещение (склад), предназначенное для временного хранения товаров, обустраивается так, чтобы было удобно осуществлять

[27] *Шумов К.Ю.* Дом купца Кытманова по ул. Ленина, 105, в г. Енисейске [Электронный ресурс] // История архитектуры Красноярского края. URL: https://naov.ru/objects/dom-kupca-kitmanova-po-ullenina-105-v-geniseyiske.html (дата обращения: 12.02.2026).

погрузку и разгрузку товаров). Усадьба построена в стиле классицизма и входит в ансамбль центральной площади города. Фасады здания имеют разнообразный архитектурный декор: филенчатые лопатки, фронтон с полуциркульным окном, сандрики, профилированный карниз, пилястры и пр. Усадьба Баландина, в которую, помимо основного здания, входили флигель и пакгауз, утратила четыре дверных проема, которые были адаптированы под окна. Здание подверглось значительной перепланировке: полностью утрачен балкон северной стороны здания, балконная дверь, удалены трубы. Длительное время на территории объекта находился отдел Енисейской милиции, в поздний советский период здание было отдано в аренду под магазины промышленных и продовольственных товаров. Сейчас Усадьба Баландина − памятник федерального значения.

Рис. 5. Енисейск. Усадьба Баландина, середина XIX в. Современный вид. Фото Енисейского музея-заповедника

В процессе музеефикации Усадьба Баландина площадью 984,20 м^2 используется как офисное и выставочное пространство. На первом этаже здания размещен туристско-информационный центр, предоставляющий информацию о музеях, достопримечательностях, объектах размещения и питания. Он выполняет информационно-консультационную роль, помогает в составлении туристических маршрутов и формирует туристический пакет, оказывает ряд других услуг. На первом этаже также расположены: кабинет экскурсоводов и менеджеров туристического центра, реставрационные мастерские, два фондохранилища, два конференц-зала, три выставочных зала, кабинет музейной театральной студии. На втором этаже функционируют четыре выставочных зала, зал детского музейного центра для занятий с группами дошкольников, младших школьников (1−4-е классы) и детей с ограниченными возможностями здоровья. Также на втором этаже расположено фондохранилище и подсобные помещения.

Дом жилой, XIX век − дом купца-золотопромышленника И.П. Захарова из натурального красного кирпича (рис. 6) с разнообразными декоративными элементами: аттик, лопатки, карниз, фриз и пр.[28] Он практически не пострадал в советский период, изменения были не столь значительны. Внутренний интерьер объекта был подвергнут перепланировке, изменен центральный вход. В здании в разные периоды советской эпохи функционировали районный комитет КПСС, городской отдел образования, краеведческий музей. На данный момент это памятник федерального значения.

Рис. 6. Енисейск. Дом жилой, XIX в. Современный вид. Фото Енисейского музея-заповедника

На современном этапе здание площадью 1 093 м^2 используется как объект показа основных экспозиций и выполняет несколько функций: утилитарную (хранение и демонстрация экспонатов), коммуникативную (реализация воспитательной и образовательной

[28] *Шумов К.Ю.* Дом жилой, XIX век, ул. Ленина, 106, г. Енисейск [Электронный ресурс] // История архитектуры Красноярского края. URL: https://naov.ru/objects/dom-zhiloyi-xix-vek-ul-lenina-106-g-eniseyisk.html (дата обращения: 11.02.2026).

деятельности), досуговую (отдых, получение посетителями впечатлений)[29]. На данном объекте представлена постоянная экспозиция «Музей Енисея», которая раскрывает отношения человека и природы с философской точки зрения. В залах музея река Енисей представлена как транспортный, торговый и культурный путь, а также как преграда, отделяющая человека на одном берегу от человека на другом берегу. Река предстает перед посетителем как река, живущая своей жизнью и неподвластная человеку. «Музей Енисея» − пример создания образа великих (больших) рек. Существующая экспозиция создавалась в 2019 г., в 2021 г. были приняты предложения по ее совершенствованию, так как на взгляд экспертов требовалась серьезная доработка комплекса экспозиции второго этажа, включая переориентацию маршрута, а также ревитализацию внутреннего двора музея. Кроме выставочных залов, в здании находятся кабинеты сотрудников научно-исследовательского отдела.

Дом Бородкина, 1861 г. − каменное прямоугольное здание в три этажа (рис. 7), имеющее такие элементы, как плоские наличники, профилированные сандрики, подоконные тумбы с филенками, пилястры с упрощенными капителями и пр. На данный момент дом считается памятником муниципального значения. У объекта изменена форма кровли, отсутствует балкон на южном фасаде, нет в наличии труб, печей, отсутствует лепной декор интерьера. В процессе эксплуатации в XX в. Дом Бородкина длительный срок функционировал как общежитие Енисейского педагогического училища.

Рис. 7. Енисейск. Дом Бородкина, 1861 г.
Современный вид. Фото Енисейского музея-заповедника

Дом Бородкина площадью 1 034,2 м^2 стал гостевым домом в составе Енисейского музея-заповедника. Цель этого музейного объекта − сохранение живой бытовой исторической среды в период наивысшего расцвета города в середине XIX − начале XX в. Роскошь купеческой жизни передается в интерьерах, оформлении коридоров, кухне. Гостиничный комплекс сочетает качественную инфраструктуру, высокие стандарты гостеприимства и соответствие местной культурно-исторической среде. Номера в гостиничном комплексе − жилые комнаты определенного купца, который внес значительный вклад в развитие города. Посетитель погружается в историческую атмосферу города на основе интерьеров купеческого быта, историй и биографий личностей, внесших значительный вклад в развитие города. Особое внимание уделено общественным пространствам гостиного дома (коридорам, лестничным маршам, летней веранде, детской комнате). Именно здесь посетителей встречают выставки музейных предметов, документов, фотозоны, мини-сад из тропических растений. В инфраструктуре комплекса функционирует кафе, парковка, есть беспроводной Интернет и устойчивая мобильная связь нескольких операторов, возможность приема платежей с карт (беспроводные технологии). Дом Бородкина − это музей купеческого быта, музейная гостиница, ресторан, центр гостеприимства, пространство для тематических публичных программ.

Амбар площадью 545,7 м^2, постройка конца XIX − начала XX в. (рис. 8), находился в усадьбе, принадлежавшей наследникам енисейского мещанина И. Грязнова. Кроме амбара, в усадьбу входили двухэтажный дом, флигель, навес, завозня, стайки и каменная торговая лавка, выстроенная в 1914 г. Располагалась постройка в центральной части города на перекрестке улицы Кедровой и Алексеевского переулка (ныне ул. Кирова и пер. Партизанский). Амбар имел тип распространенного в Сибири «мангазейна» − крупного общественного

[29] *Чугунова А.В.* «Дом» для музея: к вопросу о функциях музейной архитектуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. № 4 (17). С. 126−128.

Рис. 8. Енисейск. Амбар − постройка конца XIX − начала XX в. Современный вид. Фото Енисейского музея-заповедника

хранилища, чаще всего хлебного зерна и сельскохозяйственного инвентаря, редко встречающийся в городской застройке. Такой тип хозяйственного сооружения имел на одном из боковых фасадов деревянный пандус для подъема зерна в хранилища второго этажа. Амбары такого типа могли быть сооружениями больших или средних размеров. Как правило, это двухэтажные амбары, приспособленные для хранения зерна, игравшие роль складов на случай неурожая или каких-то неблагоприятных событий[30]. В советский период амбар утратил два крыльца, лестницы, ведущие на второй этаж с восточной и западной его частей, и использовался как склад для хозяйственного назначения − Райрыболовпотребсоюза, крупной торгово-заготовительной организации Енисейского района. Сейчас амбар − памятник регионального значения.

В перспективе музеефикации объект амбар планируется использовать как территорию современного искусства с мастерскими, арт-резиденциями, место для экспериментальных художественных поисков. Это место, где художники будут встречаться с жителями и туристами и организовывать лекции и творческие встречи. Дискуссии на темы современного искусства в «АмбАрте» исключительно важны и способствуют установлению взаимопонимания между современными художниками и жителями города. Специфика строения заключается в том, что его площади можно активно использовать только в теплое время года, что дает возможность организации на базе этой площадки летнего лагеря, посвященного темам творческих индустрий, социального предпринимательства и т.п. Так как амбар имеет три внутренних уровня, то, кроме мастерских и выставочных пространств на первом и втором уровнях, на третьем уровне планируется оборудовать летний кинозал и пространство для образовательных лекториев. Стартовое событие, знаменующее начало деятельности, − Амбарное биеннале, концепция которого разрабатывается совместно с современными художниками. Отсутствие собственного опыта работы с современным искусством в Енисейском музее открывает хорошие перспективы для широкого взаимодействия не только с центрами современного художественного творчества в Красноярском крае, но и межрегионального и международного сотрудничества и партнерства.

Следует сказать, что музеефикация объектов Енисейского музея-заповедника продолжается и находится в стадии развития, что обусловлено различными факторами: увеличивается количество входящих в него объектов, совершенствуется структура музея, происходит увеличение и корректировка штатного расписания, расширяются задачи, которые ставит перед учреждением государство. Современные технологии позволяют создавать более эффективные и увлекательные экспозиции. Современные конструкции на выставках создаются с целью улучшения восприятия зрителем представленных экспонатов. Они включают инновационные решения, интерактивные зоны, аудиовизуальные эффекты, способствующие погружению посетителей в атмосферу экспозиции. VR-технологии позволяют существенно расширить взаимодействие посетителя с пространством музея и повысить интерес аудитории к истории и культуре.

Надо отметить, что по данным ЮНЕСКО более 80 % музеев размещаются в помещениях, первоначально служивших другим целям, − замках, дворцах, монастырях, обще-

[30] *Шумов К.Ю.* Амбар по ул. Кирова, 72 в г. Енисейске [Электронный ресурс] // История архитектуры Красноярского края. URL: https://naov.ru/objects/ambar-po-ulkirova-72-v-g-eniseyiske.html (дата обращения: 10.02.2026).

ственных зданиях, хозяйственных постройках и т.д.[31] Расположение музеев в ОКН подчеркивает стремление государства, с одной стороны, к сохранению материального культурного наследия, а с другой − введение зданий подобной категории в современное использование. Несмотря на благородные цели, музей сталкивается с проблемой приспособления зданий к тем функциям, которые изначально не предусмотрены. Архитектурные объекты, входящие в состав Енисейского музея-заповедника, несут двойную функцию: являются музейными артефактами, сохраняют музейные коллекции внутри себя в форме экспозиций, выставок и хранилищ фондов. Они не только сохраняются, но и модернизируются, приспосабливаясь к современному использованию. Музей и архитектура, по мнению британской исследовательницы М. Гибельхаузен, в каком-то смысле тождественны, и именно архитектурная форма придает музею значение, так как она физически и концептуально формирует условия его восприятия[32]. Кроме того, одна из целей сохранения ОКН заключена в том, чтобы использовать их образовательный и культурный потенциал.

Архитектурная среда вызывает у человека определенное эмоциональное состояние − от созерцания до преклонения и благоговения. Следовательно, нужен особый подход, при котором потенциал архитектурного объекта будет раскрываться наиболее разнопланово и объемно в условиях его существования и функционирования как музейного объекта. В случае музеефикации интерпретация памятника происходит через создание не только внешнего облика, но и внутреннего наполнения, связанного с презентацией экспозиций и выставок, а также создание определенных условий для их осмотра.

После государственных преобразований постсоветского периода 1990−2000-х гг. все представленные в статье здания были подвержены масштабной реставрации и переданы в комплекс Енисейского музея-заповедника. С 2018 г. музей разрабатывает концепцию Енисейского музейно-туристического кластера, в котором определяется новый функционал музейных объектов и их адаптация к социальным потребностям людей в городском пространстве. Как музейные экспозиции, так и сами ОКН помогают расширять образовательную составляющую не только города, но и прилегающих сельских территорий через изучение истории и культуры на основе реальных артефактов и сооружений. Целесообразная и продуманная адаптация архитектурных объектов Енисейского музея-заповедника, направленная на сохранение исторического облика города, способствует формированию чувства гордости у местных жителей, укрепляет их социальную сплоченность и поддерживает культурную преемственность.

Литература

Валеграхов В.М. Совершенствование методов экономической оценки объектов культурного наследия: автореф. дис. … канд. экон. наук. М., 2015. 25 с.

Гораценко В.А., Самойлов К.И. Проблема сохранения исторического облика здания в условиях современной застройки города [Электронный ресурс] // Наука и образование сегодня. 2024. № 1 (78). С. 35−38. URL: https://publikacija.ru/images/PDF/2024/78/Science-and-education-today-_1-78-.pdf (дата обращения: 20.02.2025).

Дворецкая А.П. Облик Енисейских храмов во второй половине XIX − начале XX вв. // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4, № 2. С. 10−22.

Дворецкая А.А., Мариловцев Д.В. Историко-архитектурный музей-заповедник малого города как инструмент развития территории // Творчество и современность. 2023. № 3 (21). С. 52−57. URL: https://nsktvs.ru/node/384 (дата обращения: 10.02.2026).

Епифанов С.В. Особые случаи приспособления объектов культурного наследия // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2015. № 4. С. 64−69.

Жилионис Л.А., Ямалетдинов С.Ф. Концепция архитектурно-художественного обустройства территории туристско-рекреационного кластера Енисейска // Город, пригодный для жизни: мат-лы II Междунар. науч. конф. (12−14 ноября 2014 г.). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. С. 253−257.

[31] *Чугунова А.В.* «Дом» для музея…

[32] Там же.

Забелина В.А. К вопросу о музеефикации архитектурной археологии в Енисейске // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ. 2018. Вып. 1. С. 56−57.

Иванов Е.В. Метод моделирования как способ музеефикации архитектурного наследия в музеях под открытым небом Сибири [Электронный ресурс] // Российские исследования. Культура и общество. 2025. № 1. С. 57−77. URL: https://csjournal.ru/jour/index.php/rscs/article/view/257/168 (дата обращения: 10.02.2026).

Иконников А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. М.: КомКнига, 2006. 352 с.

Каплунов В.А. Комплексный музей-заповедник на основе археологического памятника как тип современного музея: автореф. дис. … канд. культурологии. Кемерово, 2016. 20 с.

Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 430 с.

Кедринский А.А. Основы реставрации памятников архитектуры. Обобщение опыта школ ленинградских реставраторов. М.: Изобразительное искусство, 1999. 184 с.

Михайловский Е.В. Реставрация памятников архитектуры. М.,: Стройиздат, 1971. 190 с.

Ополовников А.В. Реставрация памятников народного зодчества М., Стройиздат, 1974. 392 с.

Поздеева Н.В. Александр Игнатьевич Кытманов. Человек полезный для общества. Красноярск: Офсет, 2023. 208 с.

Правоторова А.А., Гусарченко В.Л. Город и наследие. Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культур. наследия Новосиб. обл., 2002. 251 с.

Реставрация памятников архитектуры: учеб. пособие для архит. спец. вузов / под общ. ред. С.С. Подъяпольского. М., Стройиздат, 1988. 264 с.

Романова Л.С. Приспособление объектов культурного наследия под новую функцию. Томск: ТГАСУ, 2016. 101 с.

Солнцев И.В., Петров А.А. Применение концепции наиболее эффективного использования в оценке памятников архитектуры // Экономические стратегии. 2013. Т. 15, № 4 (112). С. 70−77.

Хакимов Д.Р., Требухин А.Ф. Особенности сохранения и приспособления объектов культурного наследия к современным условиям [Электронный ресурс] // Вестник Евразийской науки. 2019. № 1. URL: https://esj.today/PDF/78SAVN119.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

Чугунова А.В. «Дом» для музея: к вопросу о функциях музейной архитектуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2013. № 4 (17). С. 126−128.

References

Chugunova, A.V. (2013). “Dom” dlya muzeya: k voprosu o funktsiyakh muzeynoy arkhitektury [“House” for the Museum: on the Question of the Functions of Museum Architecture]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul’tury*. No. 4 (17), pp. 126−128.

Dvoretskaya, A.A., Marilovtsev, D.V. (2023). Istoriko-arkhitekturnyy muzey-zapovednik malogo goroda kak instrument razvitiya territorii [Historical and Architectural Museum-Reserve of a Tmall Town as a Tool for the Development of the Territory]. In *Tvorchestvo i sovremennost’*. No. 3 (21), pp. 52−57. Available at: URL: https://nsktvs.ru/node/384 (date of access 10.02.2026).

Dvoretskaya, A.P. (2020). Oblik Eniseyskikh khramov vo vtoroy polovine XIX − nachale XX vv. [The Appearance of the Yenisei Temples in the Second Half of the 19th − Early 20th Centuries]. In *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal.* Vol. 4, No. 2, pp. 10−22.

Epifanov, S.V. (2015). Osobye sluchai prisposobleniya ob”ektov kul’turnogo naslediya [Special Cases of Adaptation of Cultural Heritage Objects]. In *Akademicheskiy vestnik Ural-NIIproyekt RAASN*. No. 4, pp. 64−69.

Goratshchenko, V.A., Samoilov, K.I. (2024). Problema sokhraneniya istoricheskogo oblika zdaniya v usloviyakh sovremennoy zastroyki goroda [The Problem of Preserving the Hstorical

Appearance of a Building in the Context of Modern City Development]. In *Nauka i obrazovanie segodnya*. No. 1 (78), pp. 35−38. Available at: URL: https://publikacija.ru/images/PDF/2024/78/Science-and-education-today-_1-78-.pdf (date of access 20.02.2025).

Ikonnikov, A.V. (2006). *Prostranstvo i forma v arkhitekture i gradostroitel'stve* [Space and Form in Architecture and Urban Planning]. Moscow, KomKniga. 352 p.

Ivanov, E.V. (2025). Metod modelirovaniya kak sposob muzeefikatsii arhitekturnogo naslediya v muzeyakh pod otkrytym nebom Sibiri [Modeling Method as a Way to Museumify Architectural Heritage in Open-Air Museums in Siberia]. In *Rossiyskie issledovaniya. Kul'tura i obshchestvo*. No. 1, pp. 57−77. Available at: URL: https://csjournal.ru/jour/index.php/rscs/article/view/257/168 (data of access 10.02.2026).

Kaplunov, V.A. (2016). Kompleksnyy muzey-zapovednik na osnove arkheologicheskogo pamyatnika kak tip sovremennogo muzeya [A Comprehensive Museum-Reserve Based on an Archaeological Monument as a Type of Modern Museum]. Cand. cult. sci. diss. abstract. Kemerovo. 20 p.

Kaulen, M.E. (2012). *Muzeefikatsiya istoriko-kul'turnogo naslediya Rossii* [Museumification of Russia's Historical and Cultural Heritage]. Moscow, Eterna. 430 p.

Kedrinsky, A.A. (1999). *Osnovy restavratsii pamyatnikov arkhitektury. Obobshchenie opyta shkol leningradskikh restavratorov* [Fundamentals of Restoration of Architectural Monuments. Generalization of Experience of Leningrad Restorers' Schools]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo. 184 p.

Khakimov, D.R., Trebukhin, A.F. (2019). Osobennosti sokhraneniya i prisposobleniya ob"ektov kul'turnogo naslediya k sovremennym usloviyam [Features of the Conservation and Adaptation of Cultural Heritage to Modern Conditions]. In *Vestnik Evraziyskoy nauki.* No. 1. Available at: URL: https://esj.today/PDF/78SAVN119.pdf (date of access 21.02.2025).

Mikhaylovskiy, E.V. (1971). *Restavratsiya pamyatnikov arkhitektury* [Restoration of Architectural Monuments]. Moscow, Stroyizdat. 190 p.

Okhotnikov, N.V. (1993). *Metodologiya vyyavleniya podlinnykh konstruktsiy derevyannykh pamyatnikov* [Methodology for Identifying Genuine Structures of Wooden Monuments]. Moscow.

Podyapol'sky, S.S. (Ed.). (1988). *Restavratsiya pamyatnikov arkhitektury* [Restoration of Architectural Monuments]. Moscow, Stroyizdat. 264 p.

Pozdeeva, N.V. (2023). *Aleksandr Ignat'evich Kytmanov. Chelovek poleznyi dlya obshchestva* [Alexander Ignatievich Kytmanov. A Useful Person for Society]. Krasnoyarsk, Ofset. 208 p.

Pravotorova, A.A., Gusarchenko, V.L. (2002). *Gorod i nasledie* [City and Heritage]. Novosibirsk, NPTS po sokhraneniyu ist.-kul'tur. naslediya Novosibirskoy oblasti. 251 p.

Romanova, L.S. (2016). *Prisposoblenie ob"ektov kul'turnogo naslediya pod novuyu funktsiyu* [Adaptation of Cultural Heritage Objects to a New Function]. Tomsk, TGASU. 101 p.

Solntsev, I.V., Petrov, A.A. (2013). Primenenie kontseptsii naibolee effektivnogo ispol'zovaniya v otsenke pamyatnikov arkhitektury [Application of the Concept of the Most Effective Use in the Assessment of Architectural Monuments]. In *Ekonomicheskie strategii*. Vol. 15, No. 4 (112), pp. 70−77.

Valegrakhov, V.M. (2015). Sovershenstvovanie metodov ekonomicheskoy otsenki ob"ektov kul'turnogo naslediya [Improving Methods of Economic Evaluation of Cultural Heritage Sites], Cand. econ. sci. diss. abstract. Moscow. 25 p.

Zabelina, V.A. (2018). K voprosu o muzeefikatsii arkhitekturnoy arkheologii v Eniseyske [On the Issue of Museumification of Architectural Archeology in Yeniseisk]. In *Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie v MARKhI*. 2018. Iss. 1, pp. 56−57.

Zhilionis, L.A., Yamaletdinov, S.F. (2015). Kontseptsiya arkhitekturno-khudozhestvennogo obustroystva territorii turistsko-rekreatsionnogo klastera Yeniseyska [The Concept of Architectural and Artistic Development of the Territory of the Tourist and Recreational Cluster of Yeniseysk]. In *Gorod, prigodnyy dlya zhizni: materialy II Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii.* Krasnoyarsk, pp. 253−257.

Ю.Н. Ефремова
Д.И. Петин*

ПЕРВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ РОДОВЕДЧЕСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ОМСКЕ

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-24
УДК 929.52(063)

Выходные данные для цитирования:
Ефремова Ю.Н., Петин Д.И. Первая международная родоведческая научно-практическая конференция в Омске // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 302–312. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-24.pdf

Yu.N. Efremova
D.I. Petin*

FIRST INTERNATIONAL GENEALOGICAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE IN OMSK

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-24

How to cite:
Efremova Yu.N., Petin D.I. First International Genealogical Scientific and Practical Conference in Omsk // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 302–312. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-24.pdf]

Abstract. This article presents an analytical review of the First International Genealogical Research and Practical Conference, which was held in Omsk on November 8–9, 2025. The event was organized by the Omsk branch of the Ural Historical and Genealogical Society in collaboration with government agencies, commercial entities, and public organizations in the region. This publication aims to provide analytical coverage of the forum. The authors of this work were active participants in the event. The principles of systematicity and determinism, used as a "theoretical core" in writing the work, allowed for a structural summary of the main results of the event, which is considered a significant phenomenon in the scientific, cultural, and social life of the country, with its own causal precursor and probable consequences. Based on the specifics of the publication genre, the key scientific method used in preparing this review is problem and chronological. The review presents the qualitative formal parameters of the conference, lists the key reports that set the general line of discussion, and provides a description of the main issues addressed in the presentations. The additional cultural components that accompanied the event are described as well. The final section of the review presents the authors' conclusion. It draws readers' attention to the valuable experience of the Omsk Region in partnering with a public organization, uniting practicing genealogists and the regional state archival service. The review focuses on interdisciplinary knowledge, drawing on a few applied areas of the humanities. Therefore, this work is potentially of interest to a wide range of specialists, including researchers in the history of historical science, cultural anthropology, auxiliary (specialized) historical disciplines, and local history.

Keywords: Scientific communication, historical science, scientific conferences, practical genealogy, archives, Omsk.

The article has been received by the editor on 04.04.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья представляет собой аналитический обзор I Международной родоведческой научно-практической конференции, которая прошла в Омске 8–9 ноября 2025 г. Мероприятие было организовано Омским отделением Ураль-

* **Юлия Николаевна Ефремова,** кандидат исторических наук, Омское отделение Уральского историко-родословного общества, Омск, Россия, e-mail: mirami@list.ru
Yulia Nikolaevna Efremova, Candidate of Historical Sciences, Omsk Branch of the Ural Historical and Genealogical Society, Omsk, Russia, e-mail: mirami@list.ru
Дмитрий Игоревич Петин, кандидат исторических наук, Омский государственный технический университет Омск, Россия, e-mail: dimario86@rambler.ru
Dmitry Igorevich Petin, Candidate of Historical Sciences, Omsk State Technical University, Omsk, Russia, e-mail: dimario86@rambler.ru

ского историко-родословного общества во взаимодействии с государственными учреждениями, коммерческими и общественными структурами региона. Целью данной публикации является аналитическое освещение форума. Авторы работы вошли в число активных участников состоявшегося мероприятия. Принципы системности и детерминизма, использованные в качестве «теоретического ядра» при написании работы, позволили структурно обобщить основные итоги мероприятия, которое рассматривается как яркое явление в научной, культурной и общественной жизни страны, имеющее свою причинную предтечу и вероятные последствия. Исходя из особенностей жанра публикации, ключевой научный метод, применявшийся в ходе подготовки данного обзора, проблемно-хронологический. В обзоре приводятся качественные формальные параметры конференции, перечислены ключевые доклады, задавшие общую дискуссионную линию, дана характеристика основных вопросов, освещавшихся в выступлениях. Также описаны дополнительные культурные составляющие, сопровождавшие работу мероприятия. В заключительной части обзора представлен авторский вывод. В нем внимание читателей обращается на ценный опыт Омской области по части партнерства общественной организации, объединяющей генеалогов-практиков и государственную архивную службу региона. Обзор ориентирован на междисциплинарное знание, задействующее ряд прикладных направлений гуманитарных наук. В связи с этим данная работа потенциально представляет интерес для широкого круга специалистов, в числе таковых исследователи истории исторической науки, культурной антропологии, вспомогательных (специальных) исторических дисциплин и краеведения.

Ключевые слова: научная коммуникация, историческая наука, научные конференции, практическая генеалогия, архивное дело, Омск.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025 г.

В текущее двадцатилетие в российском обществе продолжает наблюдаться динамическая ситуация, получившая аллегорическое название «генеалогический бум». Это выражается в стремлении граждан к изучению прошлого собственной семьи. Генеалогия в наши дни перестала восприниматься лишь как одна из многочисленных вспомогательных (специальных) исторических дисциплин. Для широкой публики это теперь не столько часть академического знания, но прежде всего увлекательное занятие, сопряженное с выражением патриотизма, поисками своей национальной, региональной и культурной идентичности и др. Более того, представители научного сообщества, наблюдая подобную общественную реакцию, все чаще говорят о еще более широком и многогранном значении развивающегося практико-ориентированного генеалогического знания. Это, в частности, увязывается с педагогикой, просветительской работой, популяризацией науки, а также ценностно-мировоззренческими практиками[1]. Важно, что перечисленные аспекты вызывают интерес не только у представителей старшего поколения, традиционно в большей степени прилагающего усилия к сохранению исторической памяти. Здесь показателен пример Оренбурга, где ежегодно проводится молодежная научная конференция «Устная история. Семейная история. Точка сборки − Оренбург».

В связи с высказанными тезисами видится важным представить читателям авторский обзор во многом близкого по атмосфере мероприятия − I Международной родоведческой научно-практической конференции, состоявшейся в Омске 8−9 ноября 2025 г. Местом ее работы стал конференц-зал Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С. Пушкина (ОГОНБ) (рис. 1)[2]. Организатором конференции выступило Омское отде-

[1] См., например: *Шпинарская Е.Н.* Потенциал генеалогической проблематики в интерактивном обучении и популяризации науки // Миссия конфессий. 2019. Т. 8, № 2. С. 150−160; *Астафьев Д.А.* Исследование рода: социально-философские и экзистенциальные аспекты // Russian Studies in Culture and Society. 2023. Т. 7, № 1. С. 36−53.

[2] Использованные в статье фотоиллюстративные материалы находятся в личном архиве Ю.Н. Ефремовой.

ление Уральского историко-родословного общества (УИРО) в партнерстве с названным учреждением, Историческом архивом Омской области, НПО «МИР», а также коммерческими и общественными структурами региона (рис. 2).

Рис. 1. Работа конференции. Доклад М.Ю. Елькиновой

Рис. 2. Организаторы конференции – руководство ячейки Омского отделения УИРО семейный историк Ю.Н. Ефремова и дизайнер семейной истории М.Ю. Елькинова

Первый день работы конференции был целиком ориентирован на деловую программу. Общее количество спикеров и слушателей с условием обязательной предварительной регистрации участников превысило 200 человек. Работа конференции предполагала три формата докладов (очные − 33, видео − 8, стендовые − 19). Всего публике было представлено 60 наработок. География участников достаточно солидна − 17 субъектов Российской Федерации. Это Москва, Санкт-Петербург, республики Башкортостан, Саха (Якутия), Северная Осетия, Татарстан, Удмуртия, Пермский и Приморский края, Еврейская автономная область, Вологодская, Кемеровская, Московская, Омская, Самарская, Свердловская, Тюменская области. К взаимодействию с российскими генеалогами-практиками присоединились их единомышленники из Беларуси, Германии, Казахстана и Польши. Работу конференции освещали региональные средства массовой информации. Прямая трансляция конференции велась в социальных сетях.

Цель конференции ее организаторами виделась комплексной изначально − это популяризация генеалогии как специальной исторической дисциплины и обмен систематизированным актуальным опытом в этой сфере. Отсюда последовала явная прикладная направленность работы площадки. Данная особенность была продиктована в силу того, что, как отмечалось выше, в последние два десятилетия возросли одновременно как востребованность темы в среде ученых, так и общественный запрос на исследования в данном направлении. Таковая тенденция наблюдается, в частности, в России и ближнем зарубежье. При этом методологическая база в ряде вопросов отечественной генеалогии уже достаточно объемна, но далеко не всегда широко известна широким кругам. Поэтому одной из задач, которую организаторы поставили перед участниками конференции, являлась демонстрация разнообразных методик генеалогического (биографического) поиска. Причем важную роль здесь имел формат открытого диалога тех, для кого это знание является частью профессиональных навыков, с теми, кто сделал ценные (в том числе для теории) находки, занимаясь историей собственного рода. Подобный опыт полезен для развития в широком генеалогии: и в конкретном регионе, и в целом в масштабе страны. Важно это и по той причине, что именно данная вспомогательная (специальная) историческая дисциплина, говоря о семье как об одной из традиционных ценностей, способствует сегодня укреплению на духовно-нравственном уровне нашего общества.

Общий тон работы дискуссионной площадки задали выступления, вынесенные на пленарное заседание, с общей проблематикой о современных способах поиска родословной и взаимодействии общественности с архивными учреждениями. Так, председатель Омского отделения УИРО, кандидат исторических наук Ю.Н. Ефремова (Омск) представила обзорное исследование, в котором на примере возглавляемой ячейки общественной организации охарактеризовала современные возможности родословных обществ в деле развития и популяризации российской генеалогии. Отдельный акцент она сделала на результатах издательской работы Омского отделения УИРО за 2024−2025 гг.[3] Сооснователь генеалогической компании «Историческая мастерская», кандидат исторических наук Е.В. Ильина (Барнаул) поделилась опытом по созданию ее земляками по архивным документам собственных баз данных, содержащих сведения о старожилах и переселенцах Алтайского горного округа. Руководитель «Генеалогического общества Алматы» С.В. Карнаухова (Алматы) поделилась проблемами внедрения цифровых технологий (в том числе искусственного интеллекта) в государственных архивах Казахстана, указав на значительные успехи в этом деле российских государственных архивов. Закономерно, что весьма значительный интерес собравшихся вызвал доклад начальника отдела использования и публикации документов Исторического архива Омской области Н.С. Храповой (Омск). Она сделала акцент на доступных пользователям возможностях единой архивной информационной системы Исторического архива Омской области, представив на этом примере методики, преимущества и перспек-

[3] Омский родословный сборник: сб. ст. и мат-лов по практической генеалогии. Омск, 2024; Родословная книга Сибири: сб. ст. и мат-лов по практической генеалогии. Омск, 2024. Т. 3; Истории любви наших предков: сб. ст. и мат-лов по практической генеалогии. Тюмень, 2025.

тивы развития технологий, ориентированных на исследования в области генеалогии (рис. 3). Здесь хотелось бы отметить, что представители академического сообщества на всероссийском уровне подчеркивают научно-издательские заслуги омских архивистов, во многом ориентирующих свои наработки на использование посетителями читального зала (в том числе генеалогами), упрощение процедуры поиска документов, ускорение выявления по ним информации и т.п.[4]

Рис. 3. Работа конференции. Доклад Н.С. Храповой

После пленарного заседания последовали выступления в рамках секционной составляющей (без формального деления по проблемным блокам) (рис. 4). Обозревая эту часть мероприятия, стоит сказать, что значительное количество докладов представляло собой обсуждение личного опыта и практики генеалогического поиска, проделанных исследовательских реконструкций применительно к социальным группам (крестьяне, мещане, дворяне и др.), территориям нашей страны и отдельным видам исторических источников (метрические книги, ревизские сказки, похозяйственные книги, автобиографии, материалы делопроизводства, данные устной истории). Организаторами при этом были отобраны именно те заявки и материалы, которые отличались системностью мысли и новаторскими суждениями. Отдельный блок составили выступления, освещавшие особенности взаимодействия и алгоритмы работы пользователей с российскими государственными и ведомствен-

[4] См. рецензии на издания Исторического архива Омской области: *Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В.* Рецензия: «“Белые офицеры − красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. − 1920-е гг.)». − Омск: Амфора, 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44−55; *Сушко А.В.* Историко-антропологическое понимание прошлого: к изданию в Омске мартиролога жертвам Гражданской войны // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 1. С. 30−38; *Калиновский В.В.* «Вспомним всех поименно»: размышляя над мартирологом жертв Гражданской войны в Омском регионе // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 26−31; *Ефремова Ю.Н., Вервекин А.А.* Историческая биография или практическая генеалогия: рассуждения о книге Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 18−19 октября 2023 г.). Омск, 2023. С. 80−86; *Пученков А.С.* Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205−208; *Суржикова Н.В.* Военнопленные Первой мировой войны в Омском Прииртышье: имена, статусы, память // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 3. С. 70−78; *Калиновский В.В.* К изданию омскими историками-архивистами справочника о военнопленных Первой мировой войны // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2024. Т. 11, № 4. С. 182−186.

ными архивами, а также отдельные опыты подобного рода, связанные зарубежными странами (Белоруссия, Казахстан, Эстония). Безусловно заслуживающими внимания стали сообщения, представившие прикладные формы использования генеалогических знаний (школьные музеи, родословные книги, документальные фильмы, социальные сети и др.) (рис. 5–7). На 2026 г. запланирован к изданию сборник материалов конференции, оформленных по итогам состоявшихся на ней обсуждений. Принятия резолюции по итогам мероприятия не предполагалось.

Рис. 4. Работа конференции. Доклад С.О. Агаповой (Казань)

Рис. 5. Спикеры конференции

Рис. 6. Члены Омского отделения УИРО – организаторы и участники конференции

Рис. 7. Спикер конференции А.С. Попова (Омск)

Во время регистрации и в перерывах работы секционной части публика могла ознакомиться с тематическим выставочным пространством, организованным специально к началу работы конференции. Прежде всего, это 13 родословных древ, подготовленных участниками мероприятия (заметную часть их составили члены Омского отделения УИРО) (рис. 8). Документы, фотографии, предметы за более чем полуторавековой период, бережно хранящиеся как часть родовой памяти омичей, были представлены на выставке «Моя семейная реликвия». Эстетический интерес публики вызвала фотовыставка М.В. Моисеевой (Уфа) «Мы − часть рода»: автор особым образом делает снимки семейного профиля, чтобы через

ракурсы показать преемственность поколений, передачу внешних данных через поколения (рис. 9). В фойе перед конференц-залом ОГОНБ действовала отражающая тематику конференции книжная экспозиция, куда вошли родословные книги как отдельных семей России, так и знаменитых родов (династии Романовых, Д.И. Менделеева, А.С. Пушкина и др.) (рис. 10).

Рис. 8. Выставка родословных древ докладчиков в дизайнерском оформлении

Рис. 9. Выставка «Мы – часть рода» фотохудожника М.В. Моисеевой

Событийной частью программы конференции стала презентация генеалогической игры-ходилки «Включись в свой род», подготовленной заместителем председателя Омского отделения УИРО М.Ю. Елькиновой. Также публике был представлен генеалогический кросс-

ворд, игра «Жили-были» и стенд для записей «белых пятен родословной» − «Загадай предка» (рис. 11). Удивительно, но данная интерактивная форма уже позволила нескольким членам Омского отделения УИРО найти искомых представителей генеалогии своей семьи.

Рис. 10. Выставка родословных книг

Рис. 11. Интерактив «Загадай предка»

В рамках культурной программы участники конференции во второй день ее работы посетили Центр изучения истории Гражданской войны − научную и экспозиционную площадку Исторического архива Омской области. Экскурсанты ознакомились с информационными потенциалами в рамках подготовленных омскими архивистами в 2017−2023 гг. биографических справочников. Организаторы конференции, в свою очередь, подчеркнули

открытость и активное содействие делу популяризации генеалогических знаний со стороны администрации и сотрудников Исторического архива Омской области.

Прошедшая конференция, продолжающийся областной конкурс «Лучший семейный архив», а также ряд просветительских мероприятий, реализованных за текущее трехлетие Архивной службой региона и Омским отделением УИРО, свидетельствуют о плодотворном государственно-общественном взаимодействии в регионе, направленном на развитие генеалогических знаний и укрепление института семьи. Успешное выполнение цели конференции и оживленная приветственная реакция публики ставят очевидный вопрос о том, чтобы данное мероприятие, сохранив свой прикладное назначение, приобрело продолжающийся характер.

Литература

Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры − красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. − 1920-е гг.)». − Омск: Амфора, 2017 // Северные архивы и экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44−55.

Астафьев Д.А. Исследование рода: социально-философские и экзистенциальные аспекты // Russian Studies in Culture and Society. 2023. Т. 7, № 1. С. 36−53.

Ефремова Ю.Н., Вервекин А.А. Историческая биография или практическая генеалогия: рассуждения о книге Д.И. Петина «История омского рода Батюшкиных» // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы V Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 18−19 октября 2023 г.). Омск: ОмГТУ, 2023. С. 80−86.

Истории любви наших предков: сборник статей и материалов по практической генеалогии / под ред. Ю.Н. Ефремовой. Тюмень: АНО «ИИЦ «Красное знамя», 2025. 136 с.

Калиновский В.В. К изданию омскими историками-архивистами справочника о военнопленных Первой мировой войны // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2024. Т. 11, № 4. С. 182−186.

Калиновский В.В. «Вспомним всех поименно»: размышляя над мартирологом жертв Гражданской войны в Омском регионе // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 1. С. 26−31.

Омский родословный сборник: сборник статей и материалов по практической генеалогии / под ред. Ю.Н. Ефремовой. Омск: Омскбланкиздат (Золотой тираж), 2024. 354 с.

Пученков А.С. Омские Форсайты и «Дом Колчака» // Российская история. 2023. № 2. С. 205−208.

Родословная книга Сибири: сборник статей и материалов по практической генеалогии / сост. и ред. Ю.Н. Ефремова. Омск: Омскбланкиздат (Золотой тираж), 2024. Т. 3. 333 с.

Суржикова Н.В. Военнопленные Первой мировой войны в Омском Прииртышье: имена, статусы, память // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 3. С. 70−78.

Сушко А.В. Историко-антропологическое понимание прошлого: к изданию в Омске мартиролога жертвам Гражданской войны // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 1. С. 30−38.

Шпинарская Е.Н. Потенциал генеалогической проблематики в интерактивном обучении и популяризации науки // Миссия конфессий. 2019. Т. 8, № 2. С. 150−160.

References

Alekseeva, O.A., Zhuravlev, E.N., Sushko, A.V. (2018). Retsenziya: “Belye ofitsery − krasnaya vlast”: imennoy ukazatel’ k fondam Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti (konets 1919 g. − 1920-e gg.)” − Omsk, “Amfora”, 2017 [Review: “White Officers − Red Power”: A Name Index to the Funds of the Historical Archive of the Omsk Oblast (late 1919 − 1920s)” − Omsk, “Amphora”, 2017]. In *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii.* Vol. 2, No. 3, pp. 44−55.

Astafyev, D.A. (2023). Issledovanie roda: sotsial'no-filosofskie i ekzistentsial'nye aspekty [Research Genus: Socio-Philosophical and Existential Aspects]. In *Russian Studies in Culture and Society*. Vol. 7, No. 1, pp. 36−53.

Efremova, Yu.N. (Ed.). (2024). *Omskiy rodoslovnyy sbornik: sbornik statey i materialov po prakticheskoy genealogii* [Omsk Genealogical Collection: a Collection of Articles and Materials on Practical Genealogy]. Omsk, Omskblankizdat (Zolotoy tirazh). 354 p.

Efremova, Yu.N. (Ed.). (2024). *Rodoslovnaya kniga Sibiri: sbornik statey i materialov po prakticheskoy genealogii* [The Genealogical Book of Siberia: A Collection of Articles and Materials on Practical Genealogy]. Omsk, Omskblankizdat (Zolotoy tirazh). Vol. 3. 333 p.

Efremova, Yu.N. (Ed.). (2025). *Istorii lyubvi nashikh predkov: sbornik statey i materialov po prakticheskoy genealogii* [Love Stories of Our Ancestors: A Collection of Articles and Materials on Practical Genealogy]. Tyumen, ANO IITs "Krasnoe znamya". 136 p.

Efremova, Yu.N., Vervekin, A.A. (2023). Istoricheskaya biografiya ili prakticheskaya genealogiya: rassuzhdeniya o knige D.I. Petina "Istoriya omskogo roda Batyushkinykh" [Historical Biography or Practical Genealogy: Reflections on the Book by D.I. Petin "The History of the Omsk Batyushkin Family"]. In *Grazhdanskaya voyna na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie*. Omsk, pp. 80−86.

Kalinovsky, V.V. (2023). "Vspomnim vsekh poimenno": razmyshlyaya nad martirologom zhertv Grazhdanskoy voyny v Omskom regione ["Let's Remember Everyone by Name": Reflecting on the Martyrology of the Victims of Civil War in Omsk Region]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 8, No. 1, pp. 26−31.

Kalinovsky, V.V. (2024). K izdaniyu omskimi istorikami-arkhivistami spravochnika o voennoplennykh Pervoy mirovoy voyny [To the Publication of a Reference Book on Prisoners of War of the First World War by Omsk Historians and Archivists]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki.* Vol. 11, No. 4, pp. 182−186.

Puchenkov, A.S. (2023). Omskie Forsayty i "Dom Kolchaka" [Omsk Forsytes and Kolchak's House]. In *Rossiyskaya istoriya.* No. 2, pp. 205−208.

Shpinarskaya, E.N. (2019). Potentsial genealogicheskoy problematiki v interaktivnom obuchenii i populyarizatsii nauki [The potential of genealogical problems in interactive learning and popularization of science]. In *Missiya confessii.* Vol. 8, No. 2, pp. 150−160.

Surzhikova, N.V. (2024). Voennoplennye Pervoy mirovoy voyny v Omskom Priirtysh'e: imena, statusy, pamyat' [Prisoners of World War I in the Omsk Irtysh Region: Names, Statuses, Memory]. In *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 9, No. 3, pp. 70−78.

Sushko, A.V. (2021). Istoriko-antropologicheskoe ponimanie proshlogo: k izdaniyu v Omske martirologa zhertvam Grazhdanskoy voyny [Historical and Anthropological Understanding of the Past: Toward the Omsk Edition of the Civil War Victims Martyrology]. In *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal.* Vol. 5, No. 1, pp. 30−38.

А.И. Раздорский*

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИСЧЕЗНУВШИЕ ГОРОДА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-25
УДК 930.2+94(47)

Выходные данные для цитирования:
Раздорский А.И. Круглый стол «Исчезнувшие города России: проблемы сохранения исторической памяти» // Исторический курьер. 2026. № 1 (45). С. 313–326. URL: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-25.pdf

A.I. Razdorskiy*

ROUND TABLE “DISAPPEARED CITIES OF RUSSIA: PROBLEMS OF PRESERVING HISTORICAL MEMORY”

doi:10.31518/2618-9100-2026-1-25

How to cite:
Razdorskiy A.I. Round Table “Disappeared Cities of Russia: Problems of Preserving Historical Memory” // Historical Courier, 2026, No. 1 (45), pp. 313−326. [Available online: http://istkurier.ru/data/2026/ISTKURIER-2026-1-25.pdf]

Abstract. Currently, there are 1 140 cities in the Russian Federation. However, in addition to the existing ones in the country, there were many cities that disappeared at different times and for different reasons. Some cities were destroyed because of wars and never recovered, others fell into disrepair and were abandoned by the inhabitants, some were flooded during the construction of reservoirs, some turned into rural settlements, and some became part of other cities. Preserving the historical memory of such vanished cities is an important task facing institutions of science, education and culture, public organizations, and local historians. On February 11, 2026, a round table meeting “Disappeared cities of Russia: Problems of preserving historical memory” was held at the National Library of Russia. The event was attended by specialists from the National Library of Russia, the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, as well as representatives of regional museums, libraries, universities and public organizations from Belgorod, Zheleznogorsk-Ilimsky, Konakovo, Naryan-Mar, Rybinsk, Tver and Yakutsk. The participants of the meeting presented brief historical information about the disappeared cities that existed in various regions of the country: Zashiversk, Ilimsk, Pustozersk, Mologa, Korchev, about the fortress cities that were located in the 17th century on the Belgorod defensive line and then turned into villages, as well as about the Swedish fortress of Nyenschantz with the adjacent city of Nyen, which were located on the territory of St. Petersburg. At the meeting, speakers shared their experience in preserving the historical memory of these settlements and popularizing information about them.

Keywords: regional history, local history, historical urbanism, vanished cities.

The article has been received by the editor on 25.02.2026. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В настоящее время в Российской Федерации насчитывается 1 140 городов. Однако помимо ныне существующих на территории нашей страны существовало немало городов, исчезнувших в разное время и по разным причинам. Одни города были разрушены в результате войн и больше не возродились, другие пришли в упадок и были покинуты жителями, третьи оказались затопленными при строительстве водохранилищ, четвертые превратились в сельские населенные пункты, пятые вошли в состав других городов. Сохранение исторической памяти о таких исчезнувших городах является

* **Алексей Игоревич Раздорский,** доктор исторических наук, Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург, Россия; Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: razdor@nlr.ru

Aleksey Igorevich Razdorskiy, Doctor of Historical Sciences, National Library of Russia, Saint Petersburg, Russia, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia, e-mail: razdor@nlr.ru

важной задачей, стоящей перед учреждениями науки, образования и культуры, общественными организациями, краеведами. 11 февраля 2026 г. в Российской национальной библиотеке состоялось заседание круглого стола «Исчезнувшие города России: проблемы сохранения исторической памяти». В мероприятии приняли участие специалисты Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, а также представители региональных музеев, библиотек, вузов и общественных организаций из Белгорода, Железногорска-Илимского, Конаково, Нарьян-Мара, Рыбинска, Твери и Якутска. Участники заседания представили краткие исторические сведения об исчезнувших городах, существовавших в различных регионах страны: Зашиверске, Илимске, Пустозерске, Мологе, Корчеве, о городах-крепостях, располагавшихся в XVII в. на Белгородской оборонительной черте и превратившихся затем в села, а также о шведской крепости Ниеншанц с прилегавшим к ней городом Ниен, которые находились на территории Санкт-Петербурга. Выступившие на заседании поделились опытом работы по сохранению исторической памяти об этих населенных пунктах, популяризации сведений о них среди населения.

Ключевые слова: региональная история, краеведение, историческая урбанистика, исчезнувшие города.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026 г.

11 февраля 2026 г. в Санкт-Петербурге в Российской национальной библиотеке (РНБ) состоялось заседание круглого стола «Исчезнувшие города России: проблемы сохранения исторической памяти», организованного Федеральным центром регионалистики (ФЦР) РНБ совместно с Санкт-Петербургским институтом истории (СПбИИ) РАН (рис. 1, 2). В мероприятии, которое проводилось в смешанном формате, приняли участие специалисты РНБ, СПбИИ РАН, а также (в удаленном режиме) представители региональных музеев, библиотек, вузов и общественных организаций из Белгорода, Железногорска-Илимского (Иркутская область), Конаково (Тверская область), Нарьян-Мара, Рыбинска, Твери и Якутска. Инициатором и модератором проведения круглого стола выступил автор этих строк.

Рис. 1. Участники заседания (слева направо: А.Ю. Нечаева, Н.В. Башнин, Т.А. Базарова, А.В. Сиренов, А.И. Алексеев, Е.Б. Грузнова, А.И. Раздорский). Фото С.И. Трусовой

Рис. 2. Участники заседания (слева направо: Д.Н. Шилов, Г.В. Калашников, Е.Б. Грузнова). Фото автора

В настоящее время в Российской Федерации насчитывается 1 140 городов[1]. Однако, помимо них, на территории нашей страны за ее многовековую историю существовало немало городов, исчезнувших в разное время и по разным причинам. Одни города были разрушены в результате войн и больше не возродились, другие пришли в упадок и были покинуты жителями, третьи оказались затопленными при строительстве водохранилищ, четвертые превратились в сельские населенные пункты, пятые вошли в состав других городов. Сохранение исторической памяти о таких исчезнувших городах является важной задачей, стоящей перед учреждениями науки, образования и культуры, общественными организациями, краеведами.

Директор СПбИИ РАН, член-корреспондент РАН *А.В. Сиренов* в выступлении на открытии заседания круглого стола подчеркнул: «То, что с течением времени какие-то населенные пункты и города исчезают, это, наверное, естественный ход истории. Наша задача − сохранить о них память. В свое время они сыграли яркую роль в истории нашей Родины, и мы не должны допустить, чтобы память о них исчезла».

На круглый стол было заявлено семь докладов, сопровожденных видеопрезентациями. Каждый доклад состоял из двух частей: в первой части выступающий представлял краткий исторический обзор, в котором рассказывалось о возникновении и развитии того или иного города, его достопримечательностях, административно-территориальной принадлежности, а также излагались причины, приведшие к упадку и исчезновению данного населенного пункта; во второй части шла речь о деятельности, направленной на изучение истории города и сохранение исторической памяти о нем. Доклады были посвящены исчезнувшим городам-крепостям Белгородской оборонительной черты, городам Зашиверску, Илимску, Пустозерску, Мологе и Корчеве, крепости Ниеншанц и прилегавшему к ней городу Ниен.

Председатель исторического общества «Ратник» (Белгород) *В.М. Жигалов* рассказал об истории сооружения **Белгородской оборонительной черты**, возникшей в середине XVII в., перечислил регионы Российской Федерации, по которым она проходила, указал

[1] Включая 15 городов, входящих в состав городов федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь), и без учета городов, находящихся на территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей, количественный состав и административный статус которых нуждаются в уточнении.

критерии, позволяющие, по его мнению, относить крепости, основанные на черте, к категории городов (наличие воеводского управления, приказной избы, таможни и кружечного двора, соборной церкви, прилегающего уезда с селами и деревнями). На оборонительной черте, тянувшейся от Ахтырки на западе до Челнового на северо-востоке, располагалось 26 городов и 2 «городка». На территории современной Белгородской области находилось 10 городов, Воронежской − 8, Липецкой − 6, Тамбовской − 1 (а также 2 «городка»), Сумской (Украина) − 1. До настоящего времени городской статус сохранили только семь из них (Белгород, Короча, Новый Оскол, Острогожск, Воронеж, Усмань, Мичуринск (бывший Козлов)), остальные превратились в сельские населенные пункты − села и деревни.

Историческое общество «Ратник», созданное в 2012 г., ведет активную деятельность по изучению истории Белгородской черты и стоявших на ней городов, по сохранению регионального исторического наследия и пропаганде историко-краеведческих знаний об этой уникальной военно-фортификационной системе среди населения, в том числе детей и молодежи. Ежегодно в Белгороде проводится научная конференция «Белгородская черта», имеющая всероссийский статус, издаются сборники ее материалов[2]. Опубликован также целый ряд исследовательских трудов и научно-популярных изданий по истории Белгородской черты и ее городов[3]. Регулярно проходят конкурсы школьных исследовательских работ по истории Белгородской черты, демонстрирующие, по словам докладчика, вполне достойный уровень участников, а также конкурсы сочинений, поделок, детских рисунков, социальной рекламы, малых архитектурных форм, новых туристических маршрутов. Предпринимается натурное обследование местности, в том числе на территории бывших городов, ведется установка информационных и памятных знаков, музеефикация сохранившихся объектов, проводятся фестивали исторической реконструкции, организуются туристические походы. Важным шагом в деле сохранения исторической памяти стало создание на территории с. Яблоново Корочанского района Белгородской области просветительского центра «Город-крепость Яблонов», включающего макет крепостных сооружений и других построек XVII в. в натуральную величину, воссозданных на основании архивных документов (рис. 3).

Рис. 3. Макет Яблоновской крепости XVII в. (2017−2018 гг.).
Село Яблоново, Корочанский район, Белгородская область, 2018 г. Фото автора

[2] Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Белгород, 2016−2025. Вып. 1−10.

[3] См., например: *Жигалов В.М., Бобов А.Г.* Болховской рубеж. Белгород, 2017; *Жигалов В.М., Евсюков Д.Е.* Белгородская черта: крепости и гарнизоны. Белгород, 2021. Т. 1−2; Города Белгородской черты. Белгород, 2022.

Доклад доцента Арктического государственного университета культуры и искусств (Якутск) *Е.А. Строговой* был посвящен городу **Зашиверску**, стоявшему на р. Индигирке на территории нынешней Якутии. Город, который в литературе именуют иногда как «сибирский Китеж» и «заполярные Помпеи», возник в 1639 г. как Индигирское зимовье, превратившееся позднее в острог. В 1721 г. он получил наименование Зашиверск, а в 1783 г. обрел статус уездного города. Вскоре, однако, Зашиверск утратил значение административного и торгового центра округи, пришел в упадок и уже в 1820-е гг. жителей в нем почти не осталось.

В настоящее время на месте Зашиверска находится городище, которое в 1969–1971 гг. исследовала экспедиция во главе с известным советским историком и археологом А.П. Окладниковым. Итоги ее работ изложены в специальной монографии[4]. Вторым после археологов рубежа 1960–1970-х гг. исследователем этого памятника стала автор представленного доклада[5].

В 1700 г. в Зашиверске была построена деревянная Спасская церковь, которая пережила запустение города (рис. 4). В начале 1970-х гг. она была разобрана и вместе с церковной звонницей перевезена в историко-архитектурный музей под открытым небом, расположенный неподалеку от новосибирского Академгородка. Долгое время церковь пребывала в разобранном виде, поскольку не удавалось найти мастеров, которые могли бы ее собрать. Только в 1990 г. она была воссоздана на новом месте. Е.А. Строгова отметила, что при восстановлении храма некоторые пришедшие в ветхость деревянные конструкции пришлось заменить, но при этом новодельные части были соответствующим образом отмечены, как того требуют правила научной реставрации. Уменьшенная копия Спасо-Зашиверской церкви (в которой проводятся службы) установлена также на территории Ленского государственного историко-архитектурного музея «Дружба», расположенного в с. Ары-Тит Усть-Алданского улуса Якутии.

Рис. 4. Зашиверская Спасская церковь и звонница (1700 г.). Зашиверское городище, 1930-е гг. Фото Г.В. Ксенофонтова (?) (из кн.: Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. М.: Наука, 1977. С. 16)

[4] *Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А.* Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. М., 1977.

[5] См.: *Строгова Е.А.* Городище Зашиверск: история и перспективы археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях: археология севера России: сб. науч. ст. Омск; Сургут, 2021. Т. 1. С. 47–49.

Зашиверское городище по причине своей крайней труднодоступности не посещается туристами, на нем не проводится праздников и фестивалей, но благодаря этому оно сохраняется в нетронутом виде, что открывает перспективы для его дальнейшего археологического изучения. В память о Зашиверске на городище сооружена часовня, а в 2009 г. установлен памятный крест в честь 370-летия основания города.

Главный библиотекарь отдела обслуживания Нижнеилимской центральной межпоселенческой библиотеки им. А.Н. Радищева (Железногорск-Илимский) *И.Н. Шестакова* и заведующая Публичным центром правовой, деловой и социально значимой информации той же библиотеки *О.Э. Ксенофонтова* представили на заседании документальный фильм об **Илимске**, снятый по их сценарию.

Первоначальная история Илимска в чем-то схожа с историей Зашиверска. Сначала в 1630 г. здесь было основано зимовье, которое в 1647 г. преобразовалось в острог. С течением времени Илимск стал центром обширного Илимского воеводства, базой экспедиций, уходивших на север и на восток (в том числе братьев Лаптевых, Семена Дежнева и Ерофея Хабарова). Упадок Ленского волока, в начале которого стоял Илимск, отрицательно сказался на развитии города. В 1775 г. воеводское правление было перенесено отсюда в Кириенск, с 1810 г. Илимск стал заштатным городом. В 1792−1797 гг. в городе отбывал ссылку А.Н. Радищев. В начале XX в. по инициативе Иркутской губернской ученой архивной комиссии обсуждался вопрос о реставрации имевшихся в Илимске памятников старины, но начавшаяся Первая мировая война, а затем революция и Гражданская война не дали возможности осуществить эти планы.

Рис. 5. Спасская башня Илимского острога (1667 г.). Иркутский историко-этнографический музей «Тальцы», 2019 г. Фото автора

В советское время Илимск являлся сельским населенным пунктом. В 1960-е гг. в связи с началом строительства Ангарского каскада ГЭС он был отнесен к зоне затопления сооружаемого Усть-Илимского водохранилища. В первой половине 1970-х гг. в Илимске были проведены археологические раскопки. Еще раньше, в 1969 г., уникальная Спасская башня Илимского острога, сооруженная в 1667 г. (рис. 5), и илимская Казанская привратная церковь 1679 г. постройки были разобраны и перевезены в Иркутский историко-этнографический музей «Тальцы» в 47 км от Иркутска, где находятся в настоящее время (реставрация башни на новом месте завершилась в 1984 г.). Перед затоплением часть построек бывшего города была разобрана, часть сожжена.

Историческим «продолжателем» Илимска является город Железногорск-Илимский, основанный в 1948 г. В городском историко-художественном музее им. академика М.К. Янгеля с 2002 г. экспонируется макет Илимского острога, созданный из кедра мастером В.А. Рюпиным. Сотрудники Нижнеилимской центральной межпоселенческой библиотеки им. А.Н. Радищева записывают воспоминания илимчан, собирают фотографии затопленного города, в библиотеке собраны макеты илимских построек, выполненные художником В.Л. Кирьяновым. В 2025 г. вышел в свет краеведческий словарь, в котором представлены

исторические материалы об Илимске[6]. В 2022 г. в Железногорске-Илимском была сооружена копия Спасской башни Илимского острога, которая, к сожалению, в 2024 г. сгорела в результате поджога.

Доклад *Н.И. Львовой*, заведующей музеем-заповедником «Пустозерск», входящем в Музейное объединение Ненецкого автономного округа (НАО) (Нарьян-Мар), дополненный выступлением директора Музейного объединения НАО *Е.Г. Меньшаковой*, был посвящен первому русскому городу в Заполярье − **Пустозерску**. Этот город, основанный в 1499 г., в XVI−XVII вв. был крупнейшим населенным пунктом на Крайнем Севере, важнейшим военно-административным, торгово-промысловым, культурным и религиозным центром обширного Печорского края. Пустозерск являлся опорным пунктом на «Мангазейском морском ходу» и сухопутном «Чрезкаменном пути» за Урал, отсюда уходили мореплаватели на Новую Землю, Шпицберген (Грумант) и к устьям сибирских рек.

Во второй половине XVII в. город стал местом ссылки. В Пустозерск был сослан идеолог русского старообрядчества и духовный писатель протопоп Аввакум, сожженный здесь вместе со своими сподвижниками 14 апреля 1682 г. В Пустозерске отбывал ссылку попавший в опалу после смерти царя Алексея Михайловича боярин Артамон Матвеев.

С изменением маршрутов основных торговых потоков в начале XVIII в., в частности после запрета «купецким людям» ездить в Сибирь по «Чрезкаменному пути», экономическое значение Пустозерска стало падать. В 1780 г. город утратил значение центра уезда, превратившись со временем в сельский населенный пункт. В 1924 г. он перестал быть волостным центром, а в 1962 г. его покинула последняя жительница Аграфена Кожевина.

На месте Пустозерска сейчас располагается городище, принятое еще в 1974 г. как памятник истории и культуры на государственную охрану. Культурный слой достигает здесь 4 м. С 1989 г. на городище ведутся археологические раскопки. В 1964 г. на месте, где находился Пустозерск, по инициативе филолога В.И. Малышева установлена каменная стела в память об этом городе (рис. 6), сложенная из камней фундамента разобранной пустозерской Преображенской церкви, сруб которой был перевезен в расположенную в 5 км отсюда деревню Устье. На предполагаемом месте казни протопопа Аввакума и его соратников установлены памятные деревянные кресты, неподалеку от них в память пустозерских великомучеников старообрядцами-поморцами в 2012 г. освящены часовня и трапезная.

Своеобразным «продолжателем» Пустозерска стал Нарьян-Мар, возникший в 1931 г. и ныне являющийся центром Ненецкого автономного округа. В 1991 г. в этом городе основан Пустозерский комплексный историко-природный музей (ныне музей-заповедник «Пустозерск»). Основная экспозиция музея находится в доме Шевелевых, который в 1933 г. был разобран и на плотах перевезен из Пустозерска в Нарьян-Мар. Музей организует конференции, посвященные Пустозерску, и публикует их материалы[7]. Ежегодно в третье воскресенье сентября музей проводит День Пустозерска. На Пустозерское городище музеем проложены туристические маршруты. Дорога туда представляет известные сложности из-за обмеления протоки Печоры Городецкий Шар, доставка туристов из Нарьян-Мара осуществляется судами на воздушной подушке или на вертолетах. Пустозерское городище служит также местом паломничества старообрядцев.

С 2024 г. действует организованная музеем волонтерская полевая археологическая школа «Пустозерскъ». В 2025 г. в ходе раскопок на городище под срубом погреба дома XIX в. были обнаружены захоронения, предварительно датируемые концом XVII − началом XVIII в. Интересно, что в захоронениях вместо гробов по большей части использованы колоды (выдолбленные бревна), при этом многие останки обернуты в большие листы бересты явно неместного происхождения[8].

[6] Илимская история от А до Я XVII−XX веков: Словарь. Железногорск-Илимский, 2025.

[7] См., например: Пустозерск и Русская Арктика: история, культура, современность: сб. мат-лов науч.-практ. конф. (Нарьян-Мар, 18−19 сентября 2014 г.). Нарьян-Мар, 2014; Научный, культурно-образовательный и туристский потенциал Пустозерска − первого русского города в Арктике: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (12−13 сентября 2019 г.). Нарьян-Мар, 2019.

Рис. 6. Памятный знак на месте, где находился Пустозерск (1964 г.).
Пустозерское городище, 2024 г. Фото автора

В выступлении *А.С. Клопова* − заведующего музеем Мологского края им. Н.М. Алексеева, входящего в состав Рыбинского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, речь шла об истории «Русской Атлантиды» − города **Мологи** и сформировавшихся традициях сохранения исторической памяти о нем.

Город Молога находился при впадении одноименной реки (ее название имеет финно-угорское происхождение и означает «ягодная река») в Волгу, примерно в 30 км к северо-западу от Рыбинска. Первое летописное упоминание о городе относится к 1149 г. В древнерусское время он входил в состав Ярославского княжества, а в начале XIV в. стал центром Моложского удельного княжества. При Иване III Молога вошла в состав Русского государства, позднее являлась дворцовым посадом, жители которого в основном промышляли ловлей рыбы осетровых пород. В 1777 г. Молога получила статус уездного центра Ярославской губернии.

В 1935 г. было принято постановление о сооружении Угличского и Рыбинского гидроузлов. Помимо выработки электроэнергии, они были призваны улучшить судоходство на Верхней Волге и зарегулировать водный режим в период паводков. Осенью 1936 г. началось массовое переселение мологжан из города, приговоренного к затоплению. Жители самостоятельно разбирали свои дома и сплавляли их по Волге к новым местам проживания. В ходе сплава случались аварии, в которых гибли люди, выражение «Моложская трагедия» имеет за собой реальные основания. Были отмечены факты саботажа, когда мологжане отказывались покидать родные места. К таковым применялись меры административного воздействия. Вместе с тем, как отметил А.С. Клопов, получившая распространение версия о сотнях не желавших уезжать мологжан, которые якобы приковали себя цепями в своих домах и утонули при затоплении города, не более чем легенда, не подтвержденная документаль-

[8] *Сухановская Т.* Загадочные «берестяные» могилы нашли в исчезнувшем городе Пустозерске // Родина: Интернет-портал журнала. 15.08.2025. URL: https://rodina-history.ru/2025/08/15/reg-szfo/zagadochnye-berestianye-mogily-nashli-v-ischeznuvshem-gorode-pustozerske.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fru.wikipedia.org%2F (дата обращения: 25.02.2026).

ными свидетельствами. Весной 1941 г. началось заполнение Рыбинского водохранилища, которое полностью завершилось к 1947 г. Город Молога ушел под воду…

В конце 1960-х гг. в Ленинграде состоялись первые встречи жителей Мологи. С 1972 г. такие встречи регулярно проходят во вторую субботу августа в Рыбинске, где до сих пор компактно проживают потомки переселенцев. Члены мологского землячества выезжают на теплоходе в акваторию Рыбинского водохранилища, где опускают на воду цветы в том месте, где стоял их город.

В конце 1980-х гг. возникла идея создания музея Мологского края − «Мологского ковчега». В 1995 г. он был открыт в Рыбинске, его первым руководителем стал потомственный мологжанин Н.М. Алексеев, научный сотрудник местного музея-заповедника. Организация музея − редкий пример подлинно народной инициативы, встретившей поддержку местных властей. Музей проводит разностороннюю научную и просветительскую деятельность, направленную на сохранение исторической памяти о Мологе и о Мологском крае в целом, в том числе о затопленных селах и деревнях Мологского уезда. Опубликован целый ряд историко-краеведческих изданий, посвященных Мологе и ее округе[9]. В 2021 г. благодаря поддержке фонда президентских грантов создан макет Мологи в масштабе 1 к 100, экспонируемый в музее (рис. 7).

Рис. 7. Макет города Молога в Рыбинском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике (2021 г.). Рыбинск, 2024 г. Фото автора

Научный сотрудник Тверского государственного объединенного музея (ТГОМ) *М.Д. Суворова* и заведующая Конаковским краеведческим музеем, входящим в структуру ТГОМ, *В.Н. Вольская-Багиян* представили доклад о городе **Корчева**. Изначально это был сельский населенный пункт, первое упоминание о котором содержится в писцовых книгах 30−40-х гг. XVI в. В 1781 г. Корчева обрела статус города, тогда же был создан Корчевской уезд Тверской губернии, в который вошли территории Тверского, Кашинского и Каля-

[9] См., например: Молога: история и судьба древней русской земли: литературно-исторический сборник. Рыбинск, 1995−2021. Вып. 1−5; Мологский край: Альманах. Рыбинск, 2010−2011. Вып. 1−2; *Корсаков Г.И.* Моя затопленная родина. Рыбинск, 2013; Молога: до, во время и после затопления: 1860−1950-е. Рыбинск, 2019.

зинского уездов. Расположение города с одной стороны было глухим, захолустным и не сулило ему особых перспектив. Однако Корчева находилась в живописном месте, всего в одной версте от дорог из Твери в Калязин, Рыбинск и Ярославль. Через город протекала широкая судоходная Волга, по которой между берегами ходил паром-«самолет».

В 1930-е гг. перед государством встала задача обеспечить население Москвы и Московской области водой и электроэнергией. В 1931 г. было принято решение о сооружении канала «Москва − Волга». В рамках реализации этого проекта требовалось, в частности, подготовить территорию для строительства Иваньковского водохранилища, в акваторию которого попадала Корчева.

Накануне затопления в городе проживало около 4 тыс. жителей, насчитывалось 600 домов. На переселение людей (частично с домами и имуществом) было отведено шесть лет. Дома разбирали и сплавляли по воде. Как и в Мологе, не все жители хотели покидать родные места. Переселяли людей в рабочий поселок Конаково (до 1929 г. с. Кузнецово). В марте 1937 г. город Корчева был окончательно перенесен в Конаково, преобразованный после этого в город и ставший «продолжателем» своего затопленного предшественника.

В апреле 1937 г. было заполнено Иваньковское водохранилище. Корчева с прибрежными территориями, на которых находилось более 100 сел и деревень, ушла под воду. От бывшего города на поверхности земли осталась только часть городского кладбища и фрагменты фундаментов кладбищенской Казанской церкви и Преображенского храма. Целиком сохранился одинединственный дом − купцов Рождественских, построенный в конце XIX − начале XX в. Здание располагалось на Набережной улице Корчевы, сейчас оно стоит на берегу Иваньковского водохранилища, в нем находится дом рыболова. В XX в. в Конаково еще были целые улицы с деревянными домами, перевезенными из Корчевы.

В 1990 г. открыт Конаковский краеведческий музей, основу которого составил уже существовавший с 1979 г. общественный музей, созданный стараниями местных краеведов, собиравших материалы по истории родного края. Возглавлял эту работу краевед В.Д. Трубин. В экспозиции музея отражена история Корчевы вплоть до ее затопления водами Иваньковского водохранилища. Представлены виды города дореволюционного времени, планы, документы и фотографии. В музейных фондах хранится более 160 экспонатов, связанных с историей Корчевы, в том числе фрагмент мозаики Воскресенского собора, деталь решетки городской Казанской церкви.

В конце 1990-х − начале 2000-х гг. сотрудники музея совместно с местными школьниками и членами туристического клуба «Альтаир» организовали походы «Дорога на Корчеву». В Конаково в 1994 г. открыт детско-юношеский центр «Новая Корчева», сейчас там работают студии по вышивке, иконописи, росписи по дереву, хоровая школа и театр. Ежегодно проводятся экскурсии и лекции в рамках темы «Наша Корчева» для школьников, студентов, туристов и жителей Конаково. Долгое время, вплоть до начала 2000-х гг., собирались вместе бывшие соседи и друзья, которые отправлялись к родным местам, туда, где ранее находилась Корчева. В 1950-е гг. в Конаково переселенцами был создан сквер в память о родном городе, в котором в 2020 г. местными властями установлена скульптурная композиция «Корчевской собор Воскресения Господня». Сохранение исторической памяти об исчезнувшем городе продолжается в краеведческих публикациях[10].

В докладе, который подготовили старший научный сотрудник, исполняющий обязанности заведующего отделом источниковедения СПбИИ РАН *Т.А. Базарова* и директор СПбИИ РАН *А.В. Сиренов*, речь шла о стоявшей на мысу при впадении реки Охты в Неву шведской крепости **Ниеншанц**, история которой стала частью истории России. Ниеншанц был основан в 1611 г. после перехода Приневья под контроль Швеции. Рядом с ним возник торгово-ремесленный посад под названием Ниен, получивший в 1632 г. статус города. К началу Северной войны в нем насчитывалось 400−500 домов и около 2 тыс. жителей.

[10] См., например: *Счетчиков К.И.* Корчевская старина. М., 1997−2011. Вып. 1−10. О полностью или частично затопленных городах Верхневолжья см. также: Города под водой: путешествие по затопленным берегам Верхней Волги. Чехов, 2017.

После взятия русской армией Нотебурга (переименованного после этого в Шлиссельбург) в октябре 1702 г. по приказу шведского командования Ниен был сожжен, его жители отправлены в Выборг, сам же Ниеншанц начали готовить к обороне. В конце апреля 1703 г. русские войска осадили крепость, которая 1 мая капитулировала. После взятия Ниеншанца Петр I переименовал его в Шлотбург (замóк-город). В мае-июне 1703 г. Шлотбург являлся основной резиденцией русского царя. Однако к началу 1704 г. Шлотбург опустел, из документов ушло и его новое название, крепость снова стали именовать «Ниеншанц» или, на русский манер, «Канцы». Долгое время считалось, что Ниеншанц еще в начале XVIII в. был полностью разрушен, однако архивные документы и картографические материалы свидетельствуют, что это не так. В петровское время уцелевшие крепостные сооружения продолжали активно использоваться. В 1721 г. на Охтинском мысу была основана верфь, которая в ходе своего развития и положила конец Ниеншанцу. В советское время на этом месте располагался судостроительный «Петрозавод», после его ликвидации и сноса в 2000-е гг. «Газпром» планировал строительство здесь небоскреба «Охта-центр», которое в итоге не состоялось. В настоящее время судьба исторического Охтинского мыса, прозванного «Петербургской Троей», до конца неясна. Существует проект сооружения на этом месте общественно-делового центра.

Первые археологические раскопки на месте Ниеншанца были проведены в 1990-е гг. экспедицией Института истории материальной культуры РАН под руководством П.Е. Сорокина. Исследования продолжились в 2000-е гг. В ходе раскопок были обнаружены уникальные для Северо-Восточной Европы фортификационные сооружения и поселения разных эпох − от позднего неолита до XVII в. включительно (в том числе остатки крепости Ландскрона, основанной шведами на Охтинском мысу в 1300 г. и уже на следующий год разоренной дотла новгородцами). В результате проведенных исследований Ниеншанц с Ниеном были фактически заново открыты как для ученых, так и для широкой общественности[11].

Доклад о Ниеншанце вызвал оживленное обсуждение. *А.В. Сиренов* отметил, что Санкт-Петербургу «не достает исторической глубины», поэтому очень важно беречь и изучать археологические памятники и документальные материалы, относящиеся к населенным пунктам, существовавшим на территории города в период, предшествовавший его основанию, в том числе к Ниеншанцу. Директор СПбИИ РАН отметил, что еще в 2021 г. в возглавляемом им институте был проведен круглый стол «Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц в истории России. Взгляд из XXI века», посвященный судьбе Охтинского мыса[12]. На месте Ниеншанца, по мнению А.В. Сиренова, следовало бы устроить парк, установить информационные стенды, малые архитектурные формы, т.е. выполнить музеефикацию пространства, создание же еще одного музея здесь вряд ли целесообразно, так как в Петербурге их и без того в избытке.

Ответственный секретарь Геральдического совета при Президенте Российской Федерации *Г.В. Калашников* заявил, что введение в широкий оборот исторической информации о Ниеншанце «добавило бы Петербургу целую эпоху», однако с сожалением заметил, что в настоящее время возможность сооружения парка на Охтинском мысу из-за ведущейся на нем застройки скорее всего исключена.

Старший научный сотрудник ФЦР РНБ, ответственный секретарь Санкт-Петербургского отделения Российского исторического общества *Е.Б. Грузнова*, признавая важность сохранения исторической памяти о Ниеншанце, подчеркнула вместе с тем необходимость освещения и «дошведского» периода территории, на которой расположен Петербург. Эту мысль также поддержал *А.В. Сиренов*, указавший, что Приневье, несмотря на сравни-

[11] См. об этом, например: Сорокин П.Е. Звезда Ниеншанца // Terra artis. Искусство и дизайн. 2021. № 4. С. 27−43.

[12] «Настоящее петровское место» − в СПбИИ РАН обсудили судьбу Охтинского мыса // Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук: сайт. 04.06.2021. URL: https://spbiiran.ru/nastoyashee-petrovskoe-mesto/ (дата обращения: 25.02.2026).

тельно недолгое существование здесь шведских крепостей, − это исконно русская, а не шведская земля.

При подведении итогов заседания Г.В. Калашников отметил, что в истории России было несколько волн исчезновения городов. Наиболее массовым стало исчезновение городов в ходе Батыева нашествия на Русь в XIII в. (учет и идентификация погибших и запустевших тогда городов еще далеки от завершения). Вторая волна пришлась на рубеж XVIII и XIX вв., когда многие «искусственные» города, получившие городской статус в ходе екатерининской губернской реформы, были вновь «разжалованы» в сельские поселения (например, город Лугань Орловской губернии). Третья волна пришлась на советскую эпоху, когда города исчезали в ходе индустриализации, в частности при строительстве водохранилищ, а также в результате поглощения более крупными городами (например, подмосковные города, вошедшие в черту Москвы). Процесс исчезновения городов, подчеркнул Г.В. Калашников, продолжается и в наши дни, в том числе в районах Крайнего Севера, а также на Донбассе из-за ведущихся там боевых действий. Сохранение памяти о городах, исчезнувших в разные исторические периоды, выработка определенных методик, нацеленных на достижение конкретных результатов в этом отношении, являются, безусловно, важной и актуальной задачей.

Директор Музейного объединения НАО *Е.Г. Меньшакова* отметила, что заседания круглого стола, посвященного проблемам сохранения исторической памяти об исчезнувших городах, стоило бы сделать регулярными и проводить их хотя бы один раз в год. Перспективной, по ее мнению, является идея организации неформального «клуба исчезнувших городов». Е.Г. Меньшакова, а также А.С. Клопов подчеркнули важность подготовки и публикации сборников документальных материалов по истории таких городов, в том числе хранящихся в фондах федеральных архивов.

По мнению модератора заседания и автора данного обзора, одной из «точек сборки» для выстраивания горизонтальных связей между специалистами, занимающимися проблематикой исчезнувших городов, а также в продвижении этой темы в общественное пространство, может стать создание в составе формируемого в РНБ электронного справочно-библиографического ресурса «Вся Россия. Источники справочной и исторической информации о регионах и местностях»[13] специального приложения «Исчезнувшие города России», где будет представлена разнообразная библиографическая и справочная информация об этих ранее существовавших населенных пунктах[14].

Литература

Белгородская черта: сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты / редкол. В.М. Жигалов и др. Белгород: Константа, 2016−2025. Вып. 1−10.

Вся Россия: источники справочной и исторической информации о регионах и местностях / Рос. нац. б-ка, Федер. центр регионалистики «Вся Россия»; руководитель проекта А.И. Раздорский; веб-мастер В.А. Черноусова. СПб., 2023−2026. URL: https://nlr.ru/allrussia (дата обращения: 25.02.2026).

Города Белгородской черты / авт.-сост. В.М. Жигалов и др. Белгород: Константа, 2022. 59 с.

Города под водой: путешествие по затопленным берегам Верхней Волги / авт.-сост. В.И. Ерохин. Чехов: Верхов, 2017. 111 с.

[13] Вся Россия: источники справочной и исторической информации о регионах и местностях. СПб., 2023−2026. URL: https://nlr.ru/allrussia (дата обращения: 25.02.2026). Подробнее о данном проекте см.: *Раздорский А.И.* Проект «Вся Россия. Источники исторической и справочной информации о регионах и местностях»: предыстория, нынешнее состояние, перспективы развития // Национальная библиотека. 2024. № 1. С. 50−57.

[14] Полная видеозапись заседания круглого стола доступна на сайте РНБ по ссылке: https://rutube.ru/video/69fc794a83912b042b1683af37007668/. Состав записи (начинается с 06.24): приветствия: 06.24−14.50; Белгородская черта: 14.50−44.44; Зашиверск: 44.44−1.15.25; Илимск: 1.15.25−1.42.25; Пустозерск: 1.42.25−02.16.10; перерыв: 02.16.10−02.39.00 (пустая запись); Молога: 02.39.00−03.13.28; Корчева: 03.13.28−03.28.07; Ниеншанц: 03.28.07−04.02.20; подведение итогов: 04.02.20−04.11.00.

Жигалов В.М., Бобов А.Г. Болховской рубеж. Белгород: Константа, 2017. 335 с.

Жигалов В.М., Евсюков Д.Е. Белгородская черта: крепости и гарнизоны. Белгород: Константа, 2021. Т. 1–2.

Илимская история от А до Я XVII–XX веков: Словарь / сост. Т. Губа; редкол. О.Э. Ксенофонтова, О.Н. Филь, И.Н. Шестакова. Железногорск-Илимский: Нижнеилимская центральная межпоселенческая библиотека им. А.Н. Радищева, 2025. 536 с.

Корсаков Г.И. Моя затопленная родина. Рыбинск: Рыбинский дом печати, 2013. 411 с.

Молога: до, во время и после затопления: 1860–1950-е / П.И. Зайцев и др. Рыбинск: Медиарост, 2019. 528 с.

Молога: история и судьба древней русской земли: литературно-исторический сборник / ред. Н.М. Алексеев (вып. 1–4); А.С. Клопов (вып. 5). Рыбинск, 1995–2021. Вып. 1–5.

Мологский край: Альманах / сост. С.А. Евсеева. Рыбинск, 2010–2011. Вып. 1–2.

Научный, культурно-образовательный и туристский потенциал Пустозерска – первого русского города в Арктике: материалы междунар. науч.-практ. конф. (12–13 сентября 2019 г.). Нарьян-Мар: Принт, 2019. 231 с.

Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. М.: Наука, 1977. 211 с.

Пустозерск и Русская Арктика: история, культура, современность: сборник материалов науч.-практ. конф. (Нарьян-Мар, 18–19 сентября 2014 г.) / ред. Л.Ю. Корепанова. Нарьян-Мар: Красный тундровик, 2014. 194 с.

Раздорский А.И. Проект «Вся Россия. Источники исторической и справочной информации о регионах и местностях»: предыстория, нынешнее состояние, перспективы развития // Национальная библиотека. 2024. № 1. С. 50–57.

Сорокин П.Е. Звезда Ниеншанца // Terra artis. Искусство и дизайн. 2021. № 4. С. 27–43.

Строгова Е.А. Городище Зашиверск: история и перспективы археологических исследований // Культура русских в археологических исследованиях: археология севера России: сб. науч. ст. Омск; Сургут, 2021. Т. 1. С. 47–49.

Сухановская Т. Загадочные «берестяные» могилы нашли в исчезнувшем городе Пустозерске // Родина: Интернет-портал журнала. 15.08.2025. URL: https://rodina-history.ru/2025/08/15/reg-szfo/zagadochnye-berestianye-mogily-nashli-v-ischeznuvshem-gorode-pustozerske.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fru.wikipedia.org%2F(дата обращения: 25.02.2026).

Счетчиков К.И. Корчевская старина. М., 1997–2011. Вып. 1–10.

References

Alekseev, N.M., Klopov, A.S. (Eds.). (1995–2021). *Mologa: istoriya i sud’ba drevney russkoy zemli: literaturno-istoricheskiy sbornik* [Mologa: The History and Fate of the Ancient Russian Land: A Literary and Historical Collection]. Rybinsk. Iss. 1–5.

Erokhin, V.I. (2017). *Goroda pod vodoy: puteshestvie po zatoplennym beregam Verkhney Volgi* [Cities Under Water: A Journey along the Flooded Shores of the Upper Volga]. Chekhov, Verkhov. 111 p.

Evseeva, S.A. (Comp.). (2010–2011). *Mologskiy kray: Al’manakh* [Mologsky Region: Almanac]. Rybinsk. Iss. 1–2.

Guba, T. (Comp.). (2025*). Ilimskaya istoriya ot A do Ya XVII–XX vekov: Slovar’* [Ilim History from A to Z of the 17th–20th Centuries: Dictionary]. Zheleznogorsk-Ilimsky, Nizhneilimskaya tsentral’naya mezhposelencheskaya biblioteka im. A.N. Radishcheva. 536 p.

Korepanova, L.Yu. (Ed.). (2014). *Pustozersk i Russkaya Arktika: istoriya, kul’tura, sovremennost’: sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii (Nar’yan-Mar, 18–19 sentyabrya 2014 g.)* [Pustozersk and the Russian Arctic: History, Culture, Modernity: Collection of Materials of the Scientific and Practical Conference (Naryan-Mar, September 18–19, 2014)]. Nar’yan-Mar, Krasnyy tundrovik. 194 p.

Korsakov, G.I. (2013). *Moya zatoplennaya rodina* [My Flooded Homeland]. Rybinsk, Rybinskiy dom pechati. 411 p.

(2019). *Nauchnyy, kul'turno-obrazovatel'nyy i turistskiy potentsial Pustozerska − pervogo russkogo goroda v Arktike: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (12−13 sentyabrya 2019 g.)* [Scientific, Cultural, Educational and Tourist Potential of Pustozersk, the First Russian City in the Arctic: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (September 12−13, 2019)]. Nar'yan-Mar, Print. 231 p.

Okladnikov, A.P., Gogolev, Z.V., Ashchepkov, E.A. (1977). *Drevniy Zashiversk: Drevnerusskiy zapolyarnyy gorod* [Ancient Zashiversk: The Ancient Russian Polar City]. Moscow, Nauka. 211 p.

Razdorskiy, A.I. (2024). Proekt "Vsya Rossiya. Istochniki istoricheskoy i spravochnoy informatsii o regionakh i mestnostyakh": predystoriya, nyneshnee sostoyanie, perspektivy razvitiya [The Project "The Whole of Russia. Sources of Historical and Reference Information about Regions and Localities": Prehistory, Current State, Development Prospects]. In *Natsional'naya biblioteka.* No. 1, pp. 50−57.

Razdorskiy, A.I. (Ed.). (2023−2026). Vsya Rossiya: istochniki spravochnoy i istoricheskoy informatsii o regionakh i mestnostyakh [The Whole of Russia: Sources of Reference and Historical Information about Regions and Localities]. In *Rossiyskaya Natsional'naya Biblioteka*. Available at: URL: https://nlr.ru/allrussia (date of access 25.02.2026).

Schetchikov, K.I. (1997−2011). *Korchevskaya starina* [Korcheva Antiquity]. Moscow. Iss. 1−10.

Sorokin, P.E. (2021). Zvezda Nienshantsa [Star of Nienschanz]. In *Terra artis. Iskusstvo i dizayn.* No. 4, pp. 27−43.

Strogova, E.A. (2021). Gorodishche Zashiversk: istoriya i perspektivy arkheologicheskikh issledovaniy [Zashiversk Settlement: History and Prospects of Archaeological Research]. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: arkheologiya severa Rossii*. Omsk, Surgut. Vol. 1, pp. 47−49.

Sukhanovskaya, T. (2025). Zagadochnye "berestyanye" mogily nashli v ischeznuvshem gorode Pustozerske [Mysterious "Birch Bark" Graves Found in the Vanished Town of Pustozersk]. In *Rodina: Internet-portal zhurnala.* Available at: URL: https://rodina-history.ru/2025/08/15/reg-szfo/zagadochnye-berestianye-mogily-nashli-v-ischeznuvshem-gorode-pustozerske.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fru.wikipedia.org%2F (date of access 25.02.2026).

Zaitsev, P.I. et al. (2019). *Mologa: do, vo vremya i posle zatopleniya: 1860−1950-e* [Mologa: Before, during and after the Flooding]. Rybinsk, Mediarost. 528 p.

Zhigalov, V.M. (Ed.). (2016−2025). *Belgorodskaya cherta: sbornik statey i materialov po istorii Belgorodskoy oboronitel'noy cherty* [Belgorod Line: Collection of Articles and Materials on the History of the Belgorod Regional Line]. Belgorod. Iss. 1−10.

Zhigalov, V.M. et al. (2022). *Goroda Belgorodskoy cherty* [Cities of the Belgorod Line]. Belgorod, Konstanta. 59 p.

Zhigalov, V.M., Bobov, A.G. (2017). *Bolkhovskoy rubezh* [Bolkhov Frontier]. Belgorod, Konstanta. 335 p.

Zhigalov, V.M., Evsyukov, D.E. (2021). *Belgorodskaya cherta: kreposti i garnizony* [Belgorod Line: Fortresses and Garrisons]. Belgorod, Konstanta. Vol. 1−2.